

66.1(2)

K 760

AMERICAN UNIVERSITY
LIBRARY

WASHINGTON, D.C. 20004

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта

А. Б. Усманов

Редакционный совет:

Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*
(председатель);

И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор;*

А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор;*

Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный секретарь);

А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор;*

Ю. С. Пивоваров, *академик РАН;*

А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель);

В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель)

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

(РОССПЭН)

2010

К 760

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Александр Иванович
К О Ш Е Л Е В

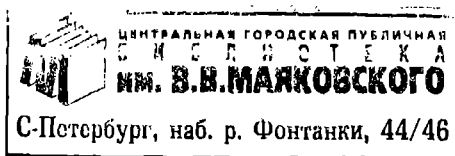
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

СОСТАВИТЕЛИ,
АВТОРЫ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

П. В. Акульшин,
доктор исторических наук

В. А. Горнов,
кандидат исторических наук

948141

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
К76

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

К76 **Кошелев А. И. Избранные труды** / А. И. Кошелев; [сост.,
авторы вступ. ст. и коммент. П. В. Акульшин, В. А. Горнов]. — М.
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. —
600 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древ-
нейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1310-9

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1310-9

© Акульшин П. В., Горнов В. А., составление тома,
вступительная статья, комментарии, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Александр Иванович Кошелев

Биография А. И. Кошелева типична для большинства обеспеченных дворянских семей: домашнее образование, казенная служба, женитьба и выход в отставку. Родился Александр Иванович Кошелев 9 мая 1806 г. в Москве в старинной дворянской семье¹. Его отец, отставной подполковник Иван Родионович Кошелев, слушал лекции в Оксфордском университете. Похоронив первую жену, урожденную княжну Меньшикову, он женился в 1804 г. на Дарье Николаевне Дежарден — дочери французского эмигранта, родившейся в России и крещеной по православному обряду, — будущей матери Кошелева. После ранней смерти отца, в 1818 г., воспитанием А. И. Кошелева занималась его мать, давшая сыну прекрасное образование, а с 14 лет нанимавшая ему в качестве учителей профессоров Московского университета.

В 18 лет Кошелев сдал экстерном экзамены за полный курс Московского университета и поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. В 1826 г. он переехал в Петербург и стал чиновником Коллегии иностранных дел. Независимое поведение «архивного юноши» вызвало недовольство управляющего Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде. Кошелеву удалось перейти на службу под начало благоволившего к нему Д. Н. Блудова, одного из самых влиятельных представителей реформаторского направления в правительственной бюрократии николаевской эпохи. Вначале Кошелев был прикомандирован в качестве делопроизводителя к Комитету для преобразования разных частей государственного управления, а затем к департаменту Духовных дел иностранных исповедований Министерства народного просвещения. Александр Иванович довольно быстро разочаровался как в бюрократической карьере, так и в сто-

---

¹ Сам Кошелев считал основателем рода некого Аршера Кошеля, выехавшего из Литвы в первой половине XVI в. (Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями / Подг. Т. Ф. Пирожковой. М., 2002. С. 8). По мнению его биографа, А. И. Кошелев принадлежал к другому роду, основателем которого являлся Василий Кошелев, живший в XV в. (См.: *Калюпанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 1. Кн. 1. М., 1889. С. 1–2).

личной светской жизни. Недаром его дядя, Р. А. Кошелев, который пытался покровительствовать молодому чиновнику в столичных сферах, однажды сказал племяннику: «Мой дорогой, вы плохо кончите; с такими идеями не продвигаются вперед, а готовятся к Сибири или чему-то худшему»². Завершением петербургской молодости Александра Ивановича стало его первое заграничное путешествие, которое началось в 1830 г., когда Россию поразила эпидемия холеры.

В 1833 г. Кошелев поступает на службу советником в Московское губернское правление. Прослужив здесь некоторое время, он в феврале 1835 г. женится на О. Ф. Петрово-Соловово и выходит в отставку. В письме к матери он делится с ней своими будущими планами: «Постараюсь сделаться первым агрономом России. Менее чем через пять лет я удвою свои доходы и произведу чувствительное улучшение положения крестьян. За границей буду обращать внимание на агрономию и относящиеся к ней науки. Я устрою сельское хозяйство по новому способу, я буду производить сахар, примусь за всевозможные предприятия, — одним словом, — постараюсь с возможной пользой употребить свое время»³.

В отличие от большинства молодых дворян-идеалистов, надежды которых на превращение в образцовых сельских хозяев завершались, как правило, финансовым крахом, Кошелев смог осуществить свои замыслы и создать одно из лучших в России многоотраслевых имений. Первым его шагом на сельскохозяйственном поприще стала покупка у князя В. В. Долгорукова запущенного имения Песочня в Сапожковском уезде Рязанской губернии. К 1841 г. в Рязанской губернии он приобрел уже шесть имений. Одновременно занимаясь винными откупами, он заработал в первый же год 100 тыс. рублей серебром. На протяжении десяти лет (1847–1857) Кошелев являлся официальным поставщиком хлеба в казну для нужд армии и флота.

Александр Иванович стремился использовать все новейшие достижения европейской агрономии, с которыми он основательно ознакомился во время своих частых зарубежных поездок. Так, по возвращении с Международной лондонской выставки 1851 г. он стал устраивать в Песочне съезды сельских хозяев с демонстрацией новых машин и оборудования. Пропагандируя передовой зарубежный опыт,

² Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 20.

³ Колупанов Н. П. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. М., 1889. С. 217.

Кошелев вместе с тем не пренебрегал и отечественными изобретениями. Убедившись на испытаниях, что жатка Мак-Кормика уступает аналогичному агрегату отечественного изобретателя М. П. Петровского, он выделил последнему значительную сумму на продолжение работ, купил ему мастерскую, живо интересовался ходом дела и сам участвовал в усовершенствовании машины⁴.

Кошелев вступил в члены существовавшего с 1818 г. Московского общества сельского хозяйства и образованного в 1847 г. Лебедянско-го общества сельского хозяйства (оба общества отметили его заслуги в 1852 г. золотыми медалями). В 1860 г. Кошелева избрали президентом Московского Императорского общества сельского хозяйства, и он по праву мог считать себя «первым агрономом России».

Успешная хозяйственная деятельность позволила Кошелеву сколотить крупное состояние и стать одним из богатейших людей России. К 1861 г. он имел около 40 тыс. десятин и 5,5 тыс. крепостных. Его наследники в декабре 1883 г. получили более 27 тыс. десятин земли в Рязанской, Самарской и Саратовской губерниях, два винокуренных завода и шесть мельниц, два дома в Москве и ценные бумаги на 480 тыс. руб.⁵

Большое состояние, которое Кошелев создал собственными усилиями, дало ему возможность быть независимым как в суждениях, так и в поступках.

Практический хозяйственный опыт убедил Кошелева в необходимости отмены крепостного права. В 1847 г. он направил на имя министра внутренних дел Л. А. Перовского записку «Об улучшении быта помещичьих крестьян»⁶, в которой просил разрешения на очередных дворянских выборах в Рязани обратиться к дворянам с предложением обсудить меры по освобождению крестьян. В 1849 и 1850 гг. Кошелев вновь предлагал властям свои «эмансипационные» проекты об облегчении освобождения дворовых людей и запрете перевода из крестьян в дворовые, а также первоначальный вариант проекта об освобожде-

---

⁴ См.: Дудзинская Е. А. У истоков формирования антикрепостнических воззрений А. И. Кошелева // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX — начале XX в. Рязань, 1984. С. 8.

⁵ См.: Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 111.

⁶ Впервые опубликована в кн.: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883). Berlin, 1884. Приложение 2. С. 11–14.

нии крестьян с землей за выкуп. В 1850 г. он направил в Министерство финансов записку о необходимости замены откупа акцизом с вина и пива. Обращаясь к министру внутренних дел, Кошелев указывал, что он «не молодой мальчик, но 42-летний человек, не теоретик, а хозяин, постоянно живущий в деревне и ревностно занимающийся своим хозяйством, и, наконец, не бесприютный, ищущий в переменах улучшения своего состояния, но человек, имеющий ныне в своем владении, при достаточном количестве земли, 3500 душ мужеска пола»⁷

Горечь поражения в Крымской войне сменилась у Кошелева и у его друзей и единомышленников надеждами на то, что царствование нового императора станет началом перемен. «...После присяги (новому императору Александру II. — П. А.) Хомяков, Ив. Киреевский и еще несколько приятелей собрались у нас, и мы с надеждами выпили за здоровье нового императора и от души пожелали, чтобы в его царствование совершилось освобождение крепостных людей и созыв общей Земской думы»⁸.

Среди появившихся в середине 1850-х гг. рукописных проектов реформ заметным явлением стали предложения Кошелева «О финансовых средствах России к продолжению борьбы с Турцией и Европою» (1854) и «Записка по уничтожению крепостного состояния в России» (1858), представленные императору Александру II. Пользуясь ослаблением цензуры, кружок славянофилов, к которому принадлежал и Кошелев, попытался осуществить ряд издательских проектов. Проявив наибольшую активность и деловитость, Кошелев становится издателем-редактором журнала «Русская беседа», который начал выходить в 1856 г. с приложениями в виде журнала «Сельское благоустройство» и газеты «Парус».

Опыт и энергичная деловитость Кошелева оказались востребованы в ходе подготовки реформ 1860-х гг. В августе 1858 г. он вошел в состав Рязанского губернского комитета по крестьянскому делу, представляя в нем либеральное меньшинство. В 1859 г. при формировании Редакционных комиссий его кандидатура рассматривалась в качестве возможного члена-эксперта, но приглашения из столицы он так и не получил. Поскольку Рязанский губернский комитет

⁷ Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 181. См.: Дудзинская Е. А. У истоков формирования антикрепостнических воззрений А. И. Кошелева.

⁸ Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 60.

в числе первых завершил работу и представил проекты, Кошелеву все-таки удалось принять участие в работе Редакционных комиссий в числе дворянских депутатов «первого призыва» в августе-октябре 1859 г. И хотя опыт сотрудничества с либеральной бюрократией не мог его удовлетворить, тем не менее он участвовал в работе Комиссий для составления не только проектов замены откупной системы акцизными сборами и нормативного устава поземельных банков, но и проекта ипотечного положения (1859–1860).

В 1864 г. Кошелева назначают главным директором комиссии финансов в Царстве Польском. По его инициативе и под его непосредственным руководством были введены поземельный налог и питейный акциз, проведена техническая модернизация горных заводов Домбровского угольного бассейна, подготовлен проект бюджета на 1866 г., ставший первым бездефицитным бюджетом за всю историю нахождения Царства Польского под русской властью. Однако серьезные расхождения с Н. А. Милютиным, бывшим товарищем министра внутренних дел, руководившим крестьянской реформой 1864 г. в Польше, заставили Кошелева в 1866 г. выйти в отставку.

После возвращения из Польши главным объектом его внимания на общественном поприще становятся органы местного самоуправления. Начиная с 1865 г. и до конца своей жизни Кошелев занимает должность гласного Сапожковского уездного земства. Благодаря его деятельности уездное земство наладило стационарное лечение больных по участковому принципу, отчисляло значительные средства на строительство участковых больниц и подготовку медицинского персонала. Как председатель училищного совета он добился выделения значительных сумм на нужды народного образования, открытия в уездном городе земского училища⁹. Неоднократно Кошелев избирался почетным мировым судьей и председателем съезда мировых судей Сапожковского уезда.

На протяжении почти 20 лет Кошелев, возглавляя группу гласных Рязанского губернского земства, формировал повестку дня очередных губернских собраний. Выступая инициатором создания комис-

---

⁹ См.: *Попов И. П.* Деятельность А. И. Кошелева в области народного образования // *Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во 2-й половине XIX в.* Рязань, 1988.

сии по статистике и став ее председателем, он состоял членом училищного совета, ревизионной комиссии, податной комиссии, 16 раз избирался членом общей комиссии губернского земства, 5 раз — членом комиссий, рассматривавших вопросы народного образования, трижды — комиссии по крестьянским делам, четырежды — по финансовым вопросам, избирался он также в «экологическую» комиссию по сохранению лесов и в комиссию по судебным делам¹⁰. В 1869 г. он был избран в оценочную комиссию, которую с 1874 г. стал возглавлять. Кошелев являлся самым добросовестным земским гласным: с 1865 по 1879 г. он посетил 245 (87%) из 282 заседаний губернского собрания. Активно участвовал он и в заседаниях Московской городской думы, гласным которой его избрали с момента ее создания.

Наряду с напряженной хозяйственной и общественной деятельностью Кошелев постоянно занимался публицистикой. Первая его печатная работа появилась на страницах «Московского вестника» еще в 1827 г. На протяжении 1840–1850-х гг. его многочисленные статьи и отчеты о применении сельскохозяйственных машин публиковались в записках Московского и Лебедянского обществ сельского хозяйства, а также в Трудах Вольного экономического общества и «Земледельческой газете».

Однако расцвет публицистической деятельности Кошелева пришелся на пореформенную эпоху. На протяжении 1860–1870-х гг. десятки его статей, посвященных самым актуальным вопросам жизни страны, печатались в журнале «Русская мысль», газетах «Голос», «Русь» и ряде других изданий. В качестве отдельных публикаций вышло около 20 произведений Кошелева: сборник статей «Голос из земства» (М., 1869), средства от продажи которого пошли на содержание зем-

---

¹⁰ О деятельности А. И. Кошелева в Рязанском губернском земстве см.: *Тарабрин Е. Г.* Борьба либералов против реакционеров по вопросам здравоохранения в земстве Рязанской губернии // *Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX — начале XX века.* Рязань, 1984; *Он же.* Отражение общественных отношений в земском бюджете Рязанской губернии // *Общественная мысль и классовая борьба в центральных губерниях России во 2-й половине XIX в.* Рязань, 1988. С. 78–79; *Горнов В. А.* А. И. Кошелев: у истоков социальной статистики в российской провинции // *Научное наследие академика Л. В. Черепнина и российская история в Средние века и Новое время во всемирном историческом процессе.* Рязань, 2006.

ского училища в Сапожке, брошюры «О воинской повинности с земской точки зрения» (М., 1871), «О мерах к восстановлению ценности рубля» (1878), «О крестьянском самоуправлении и о присутствии по крестьянским делам», «О мелкой земской единице», «О мерах по сокращению пьянства» (1881).

Каждая из статей и брошюр Кошелева вызывала оживленные споры. Значительная часть его публицистических произведений не могла быть напечатана в России по цензурным соображениям. Кошелев издавал их за свой счет за границей, преимущественно в Германии. К таким работам относятся: «Какой исход для России из нынешнего ее положения?» (1862), «Конституция, самодержавие и Земская Дума» (1862), «Наше положение» (1875), «Общая земская дума в России» (1875), «Об общинном землевладении в России», «Где мы? Куда и как идти?» (1881), «Что же теперь?» (1882). Кошелев никогда не скрывал своего авторства, всегда указывая свою фамилию на обложке. Более того, он отправлял несколько брошюр на имя императора и ряда его приближенных. Вместе с В. Ю. Скалоном он издавал газету «Земство».

Умер Александр Иванович скоропостижно. «Накануне своей смерти он был настолько бодр и крепок, что занимался вечером в финансовой комиссии Московской городской думы до 10 часов и, воротясь домой, он еще провел около двух часов в кругу семьи и нескольких друзей, а утром в 9-м часу 12 ноября (1883 года) его уже не стало»¹¹. Похоронили Кошелева на кладбище Данилова монастыря в Москве.

Формирование личности и мировоззрения Кошелева проходило в бурную эпоху. Первым его ярким жизненным впечатлением стала Отечественная война 1812 г., когда его семья, спасаясь от наполеоновских войск, покинула старую столицу и отправилась из Москвы в Тамбов. Здесь мать и сестра научили маленького Александра читать и писать по-русски. Первой книгой, которая запомнилась ему, стали первые тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, из которых он сделал письменные «извлечения», получившие одобрение отца.

---

¹¹ Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 178.

Начиная с 1820 г. домашним образованием юноши руководили профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков и Х. А. Шлецер, которые дали ему систематические знания в области изящной словесности и политических наук. Недаром к моменту поступления на службу Александр хорошо знал древне- и новогреческий языки, латынь, французский и немецкий. Позднее, во время службы в Коллегии иностранных дел, он хорошо овладел и английским языком. Знание основных европейских языков позволило Кошелеву постоянно быть в курсе новейших западноевропейских достижений в области науки и техники, внимательно следить за ходом общественно-политической жизни в Европе.

В ходе первого заграничного путешествия Кошелев слушал лекции в Берлинском и Женевском университетах. По его собственному признанию, наибольшее влияние на него оказали лекции по истории и юриспруденции итальянского ученого П. Росси. «Этот человек, — вспоминал Алексей Иванович, — развил во мне новых мыслей и утвердил во мне настоящий либерализм, который, к сожалению, у нас редко встречается, ибо в среде наших так называемых либералов по большей части встречаются люди, проникнутые западным доктринерством и руководящиеся чувствами и правилами скорее деспотизма, чем истинного свободолюбия и свободомыслия»¹².

Не меньшее влияние, чем российская и зарубежная профессура, на формирование мировоззрения Кошелева оказала среда его сверстников, переживших в 1820-е гг. увлечение немецкой классической философией. Вспоминая об Обществе Любомудров, членом которого он являлся, Кошелев писал: «Тут господствовала немецкая философия, т. е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Геррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких Любомудров»¹³.

Ранняя юность Александра Ивановича пришлась на годы существования тайных обществ декабристов. Среди московских декабристов были и его родственники — М. М. Нарышкин и В. С. Норов. Благодаря им Кошелеву удалось побывать на конспиративных собраниях, где выступали К. Ф. Рылеев, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин. Казнь

¹² Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 5.

¹³ Там же. С. 16.

пяти декабристов сыграла знаковую роль в жизненной и мировоззренческой позиции его поколения. Декабрьские события 1925 г. заставили Кошелева и его товарищей выйти за круг изучения «отвлеченных философских схем» и приступить к внимательному чтению сочинений французских политических мыслителей — Бенжамена Констана, Рое-Коллара и др.¹⁴

В конце концов А. И. Кошелев решил заниматься практическим делом, которое, как он считал, принесет наибольшую пользу Отечеству.

Более 13 лет Кошелев посвятил исключительно хозяйственной деятельности (с 1835 по 1848 г.). В эти годы он познакомился с жизнью провинциального дворянства и чиновничества, стремился осмыслить взаимоотношения помещиков и крестьянства. Получив огромный практический опыт, Кошелев воспользовался им, чтобы сформулировать ряд ценных предложений и представить их позднее во властные структуры.

В 1847 г. Кошелев вновь возвращается к «умственным занятиям», погрузившись, по его словам, «в чтение богословских книг»¹⁵. К этому времени окончательно сложился круг его друзей и единомышленников. «Зимние беседы с Хомяковым и Ив. Киреевским, — вспоминал он, — были главной побудительной причиной к этим занятиям. Мне совестно было, что, считавши себя христианином и просвещенным человеком, я всего менее знал основания моих вероучений. Чтение святых отцов особенно к себе меня привлекло, и я в одно лето прочел почти все творения Иоанна Златоустного и много из сочинений Василия Великого и Григория Богослова. Эти занятия меня оживляли, поднимали, и я чувствовал себя как бы возрожденным»¹⁶.

Еще в период отрочества зародилась дружба Кошелева с И. В. Киреевским. Они вместе брали уроки у одних и тех же профессоров, а потом сдавали экзамены в Московском университете. Не меньшее влияние оказал на Кошелева и А. С. Хомяков, которого он считал замечательным человеком «по своему уму и характеру, по своим разнородным способностям и знаниям и в особенности по своей само-

---

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 47.

¹⁶ Там же.

бытности и устойчивости»¹⁷. Их знакомство произошло в 1823 г. в Москве, продолжилось затем в Петербурге и вновь возобновилось в 1833 г. в Москве. Хомяков, как и Кошелев, имел поместье в Рязанской губернии, где в провинциальной глуши они постоянно обменивались посланиями и визитами.

По мнению Кошелева, термин «славянофилы» «...не выражает сущность нашего направления. Правда, мы всегда были расположены к славянам, старались быть с ними в сношениях, изучали их историю и нынешнее их положение. <...> но это вовсе не составляло главного, существенного отличия нашего кружка от противоположного кружка западников»¹⁸. Подобные отличия Кошелев излагал в своих воспоминаниях следующим образом: «Они отводили религии местечко в жизни и понимании только малообразованного человека и допускали ее владычество в России только на время, — пока народ непросвещен и малограмотен; мы же на учении Христовом, хранящемся в нашей православной церкви, основывали весь наш быт, все наше любомудрие и убеждены были, что только на этом основании мы должны и можем развиваться, совершенствоваться и занять подобающее место в мировом ходе человечества. Они ожидали свет только с Запада, превозносили все там существующее, старались подражать всему там установившемуся и забывали, что есть у нас свой ум, свои местные, временные, духовные и физические особенности и потребности. Мы вовсе не отвергали великих открытий и усовершенствований, сделанных на Западе...»¹⁹.

Собственное представление о взаимоотношениях России и Запада Кошелев наиболее полно сформулировал в 1852 г. в статье «Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку». «Мы, — писал он, — схватили верхушки европейской образованности и думаем, что просвещение мы себе усвоили. Мы приняли и принимаем манеры, платье, внешний образ жизни Запада и воображаем, что у своих старших братьев по просвещению мы взяли все, что составляет принадлежность образованного человека; а на поверку выходит, что мы взяли то, чего могли бы и не брать; и не взяли именно того, чем нам следовало воспользоваться. Нам следует не перенимать

¹⁷ Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 50.

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ Там же. С. 54–55.

у Запада, а изучать его; мы должны не бросаться на плоды его образованности, но вникать в самую эту образованность <...> Мы, т. е. люди, получившие так называемое европейское образование, мы чужды труда; мы насыщаемся большими плодами видимого западного просвещения, не развивая своего коренного живительного начала. <...> не сведение о чем-либо составляет знание, но знание заключается главнейше в знании этого знания, т. е. его источника, существа и составных частей. Тогда знание плодотворно; а без этого оно есть знание попугая, который повторяет слова, даже целый ряд слов, но эти слова для него без смысла и без результата»²⁰. В своих сочинениях Кошелев в отличие от большинства славянофилов обращался не к отвлеченным философским вопросам, а к конкретным проблемам жизни России, которые он пытался разрешить как в теории, так и на практике.

Важнейшее место в общественно-политических взглядах Кошелева занимали проблемы развития крестьянства. Не случайно его известность как общественного деятеля началась с публикации статьи «Охота пуще неволи», ознаменовавшей новый этап в развитии антикрепостнических взглядов в России. Сравнивая труд крестьянина на барщине и «артельную работу тех же крестьян», работу мануфактур, основанных на «здельной» и «коммерческой ноге», крепостного и вольного слугу, Кошелев пришел к следующему выводу: «Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнее) лень удерживает нас в освобождении себя от крепостных людей. Почти все мы убеждены в превосходстве труда свободного перед барщинскою работой, вольной услуги перед принужденною, а остаемся при худшем, зная лучшее»²¹.

В своих записках по крестьянскому вопросу Кошелев дал теоретическое обоснование необходимости уничтожения крепостного права в России, которое стало неэффективным, наметил конкретные пути (варианты) решения этой сложной и неоднозначной про-

---

²⁰ Там же. С. 194–195.

²¹ Там же. С. 186.

блемы. Предложенная им программа предусматривала освобождение крестьян:

«Во 1-х, с землей и притом с таким количеством оной, чтоб они могли существовать безнуждно.

Во 2-х, вполне и безусловно.

В 3-х, прямо и окончательно, без переходов от меньшей к большей свободе.

В 4-х, единовременно везде.

В 5-х, мирскими обществами, а не лично и семейно.

В 6-х, с вознаграждением помещиков за земли, имеющие поступить в мирскую собственность, или за оброк, коего они лишаются и, наконец,

В 7-х, путем добровольных соглашений между помещиками и крестьянами при побуждении со стороны правительства, под его надзором и под грозою произвести освобождение правительственным порядком»²². Важным условием освобождения крестьян Кошелев считал гласность: «В заключение долгом считаю высказать глубокое убеждение, что для успеха этого дела, для мирного и для всех равно выгодного решения оногo, необходимо снять с него покрывало таинственности, которым его теперь окутывают. Опасность не в гласности, а в отсутствии оной»²³.

Одним из дискуссионных в ходе подготовки крестьянской реформы стоял вопрос об исторической роли и дальнейшей судьбе крестьянской общины. На протяжении всей жизни Кошелев позиционировал себя последовательным сторонником сохранения общины, считая ее основой стабильности русского общества. Он решительно выступал как против попыток насильственного разрушения общины, за что ратовали многие представители консервативного и либерального направления, так и против стремления видеть в крестьянской общине основу для перехода к социализму, как считали, например, Н. Г. Чернышевский и его сторонники. Наиболее полным изложением взглядов Кошелева по этому вопросу стала изданная им в 1875 г. брошюра «Об общинном землевладении в России». Суть позиции автора состояла в том, «что общинное землевладение на Руси есть такое сильное, исполненное жизнью и обычаем утвержденное учреждение,

²² Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 263–264.

²³ Там же. С. 284.

что оно живет само по себе, своею внутренней силой и не нуждается ни в каких посторонних поддержках и поощрениях <...> При этих условиях жизнь возьмет свое, общинное землевладение не замрет в существующих формах и будет постепенно развиваться, согласно требованиям народного быта, местных и временных обстоятельств; и Правительству останется только пользоваться плодами этого истинно русского, до высшей степени охранительного, и вместе с тем несколько общему развитию не препятствующего учреждения»²⁴.

Итогом концептуальных размышлений Кошелева о результативности и эффективности произошедших в стране перемен в первое десятилетие правления Александра II стала книга «Голос из земства» (М., 1869), в которую вошла статья Кошелева «О нынешнем положении крестьян и о мерах к улучшению их быта». Отвечая на вопрос, «улучшился ли быт крестьян после 19 Февраля 1861 года?», автор писал: «Быт крестьян чувствительно улучшился в следующих отношениях: во 1-х, теперь наказывают крестьян розгами гораздо менее, чем то было прежде; во 2-х, они знают свои обязанности, и никто не может требовать с них, по своему произволу, лишних работ или денег; сверх того, они освобождены от подвод и мелких поборов; а барщина, равно невыгодная для помещиков и крестьян, видимо, исчезает с лица земли русской; в 3-х, они уверены, что и сами, и члены их семейств, не будут взяты во двор или отправлены неизвестно куда; в 4-х, они знают, что имеют собственность, которую по произволу никто у них отнять не может; в 5-х, заработки видимо развиваются, и предприимчивость крестьян растет заметно; одним словом, крестьяне, в последние восемь лет, значительно поднялись в сознании своих человеческих прав»²⁵. Однако вместе с тем, по мнению Кошелева, положение крестьян значительно ухудшилось, что, в частности, выразилось в их обеднении и в упадке нравственности. Основные причины подобного явления он видел, во-первых, в плохом состоянии крестьянского самоуправления; во-вторых, в отсутствии правосудия в волостных судах; в-третьих, в «размножении кабаков»; в-четвертых, в том, что умственное и нравственное развитие крестьян не соответствует предоставленным им правам.

²⁴ Кошелев А. И. Об общинном землевладении в России. Berlin, 1875. С. 56–57. (С. 362. Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы наст. изд.)

²⁵ Кошелев А. И. О нынешнем положении крестьян и о мерах к улучшению их быта. С. 75. (С. 264.)

Кошелев предлагал ряд конкретных мер, направленных на улучшение положения крестьян. Среди них он считал наиболее важным установление над крестьянскими обществами и крестьянами власти мировых судей, которые должны были «обуздывать своеволие этой части народонаселения»²⁶. Одновременно он предполагал необходимым отменить «безапелляционность» волостных судов. Кошелев также предлагал восстановить по возможности волости в границах прихода, принять меры против пьянства, начать целенаправленно распространять просвещение среди крестьянских масс.

Отмена крепостного права со всей остротой поставила вопрос о дальнейшей судьбе не только русского крестьянства, но и дворянства. Свои представления о будущем дворянского сословия Кошелев изложил в статье «Что такое русское дворянство и чем оно быть должно» (1861). По мнению автора, дворянству в перспективе следовало отказаться от сословных привилегий. Выступая против консервации сословных перегородок, Кошелев считал целесообразным создать из всех частных собственников уездные землевладельческие общества.

Важное место в публицистике Кошелева занимали проблемы экономического развития России. Сторонник умеренного протекционизма, он отстаивал систему «не запретительную, не грубо покровительственную, а разумно-охранительную, которую теперь, — писал он, — разрабатывают глубокомысленные люди в Германии и Америке, которая требует короткого знакомства с разнообразными средствами страны, и которая должна быть руководящим правилом всякого государства, отставшего в промышленном развитии от других земель»²⁷. В 1875 г. в брошюре «Наше положение» он констатировал, что «хотя торговля и промышленность еще очень отстают, мы в некоторых областях в постройке железных дорог, учреждении банков, создании промышленных и торговых обществ, по быстроте и дерзости своих предприятий почти перещеголяли Вену и Париж»²⁸.

Большое внимание в своих произведениях Кошелев уделял финансовым вопросам, в частности совершенствованию налоговой

²⁶ Кошелев А. И. О нынешнем положении крестьян... С. 86. (С. 270.)

²⁷ Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862. С. 30. (С. 200.)

²⁸ Кошелев А. И. Наше положение. Berlin, 1875. С. 37.

системы (отмена подушной подати и введение подоходного налога), поддержанию стабильности денежного обращения. Одной из важных мер он считал сокращение государственных расходов, в особенности по военному ведомству. Обосновывая необходимость уменьшения численности армии, он доказывал, что это не приведет к упадку влияния России в Европе. «Во 1-х, до сих пор мы своих военных сил не сокращали; а удержали ли мы в Европе то значение, которое прежде имели и которое наше государство должно иметь? Во 2-х, не военные силы доставляют теперь в Европе значение государствам, а их внутренние порядки и финансовые средства. Явным тому доказательством служит Англия, которая имеет очень малочисленные войска, а между тем, голос ее в Европе весьма значителен. В 3-х, мы теперь находимся вовсе не в положении Германии, присвоившей себе чужую собственность, или Франции, выжидающей благоприятной минуты для отмщения; между ними война неизбежна и может внезапно открыться. Наконец в 4-х, Россия не имеет никаких причин к объявлению кому-либо войны, и ни одна держава не ищет повода к тому, чтобы выступить с нею в борьбу. К тому же все Европейские государства находятся в таком положении, что им у себя дома очень много дела и что ни одно из них теперь охотно не предпримет никакой войны»²⁹.

Одно из центральных мест в теоретическом наследии Кошелева занимают проблемы реформирования государственного строя России. По его мнению, необходимо создать общероссийский представительный орган и всесословное местное самоуправление.

Впервые тезис о необходимости создания общероссийского представительного учреждения Кошелев высказал в записке «О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах» (1854). «Пусть царь, — предлагал он, — созовет в Москву как настоящий центр России выборных от всей земли русской; пусть он прикажет изложить действительные нужды Отечества, — и мы все готовы пожертвовать собой и всем своим достоянием для спасения Отечества. Как такая готовность может выражать только наши чувства, ибо нельзя ни всем идти на войну, ни все достояние России употребить на военные рас-

²⁹ Кошелев А. И. Где мы? Куда и как идти? Berlin, 1881. С. 54. (С. 492.)

ходы, то выборные, с общего совета, определяют способ осуществления этой готовности»³⁰.

Однако более подробно представления Кошелева по вопросу о политических реформах в России изложены в двух его брошюрах «Конституция, самодержавие и Земская дума» (1862) и «Общая земская дума в России» (1875). Появление этих брошюр разделяет целое десятилетие, но их содержание свидетельствует о том, что взгляды автора по данной коренной проблеме не претерпели значительных изменений. Первостепенное значение для России, по мнению Кошелева, состоит в учреждении общероссийского представительного органа — Общей земской думы, формирующей путем выборов губернскими земствами из своего состава по 2–4 гласных (в зависимости от количества населения). Предусматривалось и избрание кандидатов в гласные на случай их смерти или других обстоятельств, препятствующих выполнению обязанностей³¹.

Как и уездные и губернские земские гласные, депутаты Общей земской думы избирались сроком на 3 года и жалованья не получали, хотя допускалась оплата их пребывания в столице земствами. Председатель Думы выбирался гласными. Предполагалось «предоставить собранию выбор двух кандидатов на должность председателя и удержать за верховную власть утверждение одного из них в этом звании»³². Для того чтобы решения Думы являлись законными, требовалось участие в заседании пятой части избранных депутатов. При Думе предлагалась организация комиссий, прежде всего финансовой и юридической³³.

По мнению Кошелева, в России должны «существовать два равноправные государственные учреждения: Общая земская дума и Государственный совет»³⁴. В Думу поступали бы дела из министерств и Государственного совета, а также ходатайства от губернских земских собраний и предложения от гласных дум, которые после обсуждения

³⁰ Кошелев А. И. О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах // Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 205. (С. 60.)

³¹ Кошелев А. И. Общая земская дума в России. Berlin, 1875. С. 51. (С. 405.)

³² Там же. С. 55. (С. 408.)

³³ См.: Там же. С. 73–74. (С. 418.)

³⁴ Там же. С. 42. (С. 400.)

передавались в Государственный совет³⁵. Для предотвращения конфликтов между двумя законосовещательными учреждениями Кошелев предлагал включать по 4–6 представителей одного из них в другой³⁶, а также считал обязательным участие в заседаниях Общей земской думы министров или их товарищей³⁷

Одним из важнейших условий успешной работы Общей земской думы, по мнению А. И. Кошелева, являлась гласность ее деятельности. «...Общая земская дума без гласности была бы хуже телеги без колес, хуже лодки без весел, было бы одним присутственным местом больше, и следовательно меньше к успешному и удовлетворительному ведению общественных и государственных дел в России»³⁸.

Таким образом, центральное место политический проект Кошелева отводил в России законосовещательному однопалатному представительству, формируемому на основе многоступенчатых выборов (население выбирает гласных в местное самоуправление, а последнее, в свою очередь, направляет своих представителей в общероссийский орган). Выдвигая лозунг создания законосовещательного представительства, Кошелев предлагал реализовать его в рамках самодержавного режима, который он считал единственно возможной для страны формой государственной власти. В статье «Где мы? Куда и как идти?» (1881) Кошелев предельно четко сформулировал свое политическое кредо: «Веруем в самодержавие; веруем в свойства души и ума нашего Самодержца»³⁹. Учитывая российские исторические реалии и соотношение общественно-политических сил, Кошелев считал непродуктивным «пускаться в океан мечтательных попыток», а советовал «твердо стоять на действительной, под нами находящейся почве, крепко и искренно держаться существующего у нас самодержавия», которому следует предоставить возможность «действовать сознательно, свободно и устойчиво»⁴⁰.

---

³⁵ См.: Кошелев А. И. *Общая земская дума в России*. С. 44. (С. 401.)

³⁶ См.: Там же. С. 46. (С. 402.)

³⁷ См.: Там же. С. 54. (С. 407.)

³⁸ Там же. С. 78. (С. 427.)

³⁹ Кошелев А. И. *Где мы? Куда и как идти?* С. 72. (С. 502.)

⁴⁰ Кошелев А. И. *Общая земская дума в России*. С. 20. (С. 387.)

Обосновывая данную позицию, Кошелев считал, что введение конституционного режима должно зависеть от совокупности факторов: особенностей исторического развития каждого народа, его традиций и ментальности. «Конституция, т. е. государственное уложение, — писал он, — есть не слово, а дело. Она не сочиняется; хотя, правда, в течение последних семидесяти лет мы видели столько произведений по этой части, что можно из них составить особый род литературы и сделать его даже темою упражнений для школьников; но что это за конституции? Они никогда не переживали своих авторов, а иногда и года своего издания. Конституция без корня в народной жизни, конституция, не развившаяся дома, из нужд своего народа и своего времени, есть бумага. <...> Государственное уложение, достойное этого имени, должно возникать мало-помалу: несколько главных положений указываются, так сказать, продиктовываются местными и народными нуждами, и эти основания потом развиваются, определяются, совершенствуются по востребованию обстоятельств и духа народного и, содержа в себе историю, жизнь народа, они становятся столь же твердыми, малоизменными, как и самое его бытие. Такое уложение есть действительно коренной закон для страны — ее творение, а не сочинение Петра или Феодора, или собрания депутатов, в котором большинство определяется иногда случайно, а иногда и под действием увлечений или даже корыстных побуждений»⁴¹.

В качестве единственного примера органического соответствия «конституции» «народному быту» Кошелев рассматривал Англию, где «все важнейшие учреждения, все драгоценнейшие гражданские права обязаны своим началом временам мирным; борьбами они были только развиты, утверждены и упрочены»⁴².

Апеллируя к историческому опыту, Кошелев выделял четыре формы правления: деспотизм, существующий в странах Востока, самодержавную монархию, конституционное правление и республику. По его мнению, «совершеннейшею, идеальной формою правления есть республика, т. е. самоуправление в полном смысле этого слова. Но везде ли и во всякое ли время она возможна? Человечество, вероятно, к ней идет; в душе к ней оно стремится; но путь до нее долгий,

⁴¹ Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862. С. 7. (С. 189.)

⁴² Там же. С. 10. (С. 190.)

заставленный разными, едва преодолимыми препятствиями, и требующий на его совершение столетия»⁴³. Он был убежден, что «республики возможны только при высокой нравственности граждан, каковой в наше время нигде не имеется, или при крайне ограниченном объеме земель и прочих средств»⁴⁴. Самодержавная монархия как форма правления в ее различных вариациях, считал Кошелев, «существовала везде». Однако в настоящее время «из европейских христианских государств, она сохранилась только в России»⁴⁵. Что же касается конституционной формы правления, то она является, по мнению Кошелева, продуктом новейшего времени, результатом появления на политической арене новых социальных сил. «Конституционализм, — писал он, — есть такое государственное устройство, при котором верховная власть по основным законам принадлежит государю обще с палатами. Конституционализм непременно предполагает в государстве три силы: демократическую, аристократическую и монархическую. Первая вообще малоимущая, малоправная, хотя и весьма многочисленная, алчет перемен и приобретений; а потому она побуждает управление на разные нововведения. Вторая сила, вообще обладающая землею, разными богатствами и властью и дорожающая удержанием их за собою, старается по возможности охранять все существующее и задерживать стремление к преобразованиям. Наконец, последняя сила, т. е. монархическая, имеет обязанностью умерять, умиротворять, согласовать предыдущих двух деятелей, утверждать и приводить в исполнение законоположения и принимать нужные административные меры. При этом, важнейшее условие для успешного действия этих сил содержится в надлежащем их уравнивании и в предоставлении каждой из них нужной и соразмерной доли власти. Следовательно, конституционализм непременно требует разные силы и некоторое соревнование или борьбу между ними»⁴⁶.

Предпочитая подходить к анализу исторического опыта с утилитарных позиций, Кошелев считал, что деспотизм присущ не только самодержавной монархии. «Деспотизм, подчеркивал он, — может

⁴³ Кошелев А. И. Общая земская дума в России. С. 3. (С. 376.)

⁴⁴ Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская дума. С. 9–10. (С. 190.)

⁴⁵ Кошелев А. И. Общая земская дума в России. С. 3. (С. 376.)

⁴⁶ Там же. С. 13–14. (С. 383.)

быть и при самодержавии, и при конституционном правлении, и в республике. Деспотизм в управлении есть злоупотребление верховной власти, в видах личных или частных, или ради исполнения разных затей и причуд»⁴⁷. Политический опыт современной ему Европы убеждал Кошелева, «что какой-либо образ правления может неминуемо обеспечить гражданам свободу, безопасность, гласность, равенство перед законом и другие блага, вожделенные и необходимые для человека. Самые либеральные монархические конституции и даже республиканские учреждения не всегда доставляют людям то, чего они желают, и не редко приводят их к тяжким деспотизмам»⁴⁸.

Анализ сочинений Кошелева свидетельствует о его хорошем знакомстве с конституционным устройством западноевропейских стран, которое он воспринимал весьма критически. «Сочинены тут самые либеральные конституции; устроены по две палаты; избирательные права даны всем гражданам; гласность предоставлена и совещаниям, и суду и печати; министры объявлены ответственными перед палатами. Казалось, все сделано для достижения желаемой цели; а между тем, настоящей свободы и гражданской обеспеченности на всем материке — мало; а общего благосостояния — еще меньше»⁴⁹. Свои симпатии он отдает самодержавной монархии. «Безусловно, осуждать самодержавие — нельзя. Оно, правда, возбуждает в людях скорее страх и поклонение, чем любовь и доверие, и внушает скорее покорность, чем преданность; но, при некоторых бытовых условиях оно необходимо и много соответственнее того, чем ищут его заменить»⁵⁰.

В итоге, обобщая свои исторические экскурсы, Кошелев приходит к следующему выводу: «Не тот образ правления должен быть признан за лучший, который носит то или другое название, а тот, который всего сроднее народу и всего более дает ему возможности к проявлению его мнений, желаний и воли. Сочинять образ правления — безрассудно: лучший по компоновке легко может оказаться худшим на деле»⁵¹.

⁴⁷ Кошелев А. И. Общая земская дума в России. С. 1. (С. 375.)

⁴⁸ Там же. С. 2. (С. 376.)

⁴⁹ Там же. С. 4. (С. 377.)

⁵⁰ Там же. С. 3. (С. 376.)

⁵¹ Там же. С. 4–5. (С. 377.)

Россия представлялась Кошелеву страной, отличной от стран Запада. «Неоцененное достоинство русского человека, залог его великой будущности, заключается в его способности единиться, действовать миром, забывая себя и имея в виду, часто даже бессознательно, одно дело общее. Этим только и объясняется великое совершившееся дело — громадная, своеобразная империя, установившаяся на границах Европы и Азии; в совершении этого дела участвовали только два могучие самостоятельные деятеля — верховная власть и народ; а дружины, боярщина, сословия, бунты, заговоры, тайные общества и пр. проявлялись на русской почве как бы только для того, чтобы показать свое бессилие и несокрушимую мощь державной власти, опирающейся на народ вообще»⁵². На основе данной им общеисторической характеристики Кошелев делает следующий вывод: «Пишите, обнаружьте конституции какие угодно, но пока у нас общественное мнение слабо, малопросвещенно, неединодушно, по тех пор все ваши слова останутся мертвою буквою: мы получим ложь в новом виде, но от дела мы будем дальше, чем теперь, ибо минутно будем как будто удовлетворены и напрасно потратим силы действительные.

Вот почему мы подали голос против конституции. Мы никому не уступим в любви к свободе, к самостоятельности, к законности; мы ненавидим самоуправство, разгул произвола столько же, сколько кто-либо из самых пламенных конституционалистов; но мы не хотим призрака, обмана, и требуем дела — дела настоящего, которое может быть совершено только государем и народом, испытано временем и утверждено всеми ими в совокупности»⁵³.

Кошелев считает, что в условиях современной ему России только самодержавие способно разрешить стоящие перед страной проблемы. «У нас все движения вперед, все освободительные, так сказать, подъемные для граждан преобразования не завоевывались, а исходили от верховной власти. А потому, сохранение, охранение и укрепление Царского Самодержавия составляют долг каждого русского гражданина, любящего свое Отечество. Эти убеждения возникли во мне не со вчерашнего дня, не вследствие каких-либо поветрий и не по поводу случайных обстоятельств»⁵⁴.

⁵² Кошелев А. И. Там же. С. 10. (С. 381.)

⁵³ Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская дума. С. 17–18. (С. 194.)

⁵⁴ Кошелев А. И. Наше положение. С. 63.

Кошелев признавал, что на протяжении истории западноевропейское общество претерпело весьма значительные изменения. «В прежние времена, — замечал он, — сила была в кулаке и штыке. Миновало в Европе царство первого; непродолжительно будет и царство последнего. Напротив того, общественное мнение, в средние века почти не существовавшее, стало, по мере развития гражданственности и общественности, все более и более усиливаться и расширяться; ныне оно составляет в мире силу, которою пренебрегать нельзя; а будущность, и не дальняя, обещает ему торжество полное и непреходящее. Неужель Россия составит исключение из общего правила и останется при кулаке и штыке? Конечно — нет»⁵⁵. Кошелева волнует вопрос, а может ли в России наступить время, когда самодержавие перестанет быть формой власти, соответствующей ее народному духу? В работе «Конституция, самодержавие и Земская дума» он обмолвился, что «навсегда ли самодержавие для России необходимо — этот вопрос решится временем и не составляет злобы дня сего»⁵⁶.

В данной же конкретной исторической ситуации Кошелев считал более целесообразным ограничиться постановкой проблемы формирования законосовещательного представительного органа. Его мнения о способах реализации проекта создания Общей земской думы на протяжении 1860–1880-х гг. менялись в зависимости от политической конъюнктуры.

Еще до начала осуществления земской реформы в брошюре «Конституция, самодержавие и Земская дума» он обосновывал необходимость созыва общерусского представительного органа раньше, чем уездных и губернских земств⁵⁷. Воодушевленный отменой крепостного права, он доказывал, что постепенность в преобразованиях не является характерной чертой России. «И освобождение крестьян длилось у нас не век и проводилось не мало-помалу, как это было в Германии и других странах; и просвещение вообще мы приняли не по каплям, не в исторической последовательности. Порывы, скачки более в нашей натуре, чем медленное, постепенное шествие»⁵⁸.

---

⁵⁵ Кошелев А. И. Общая земская дума в России. С. 48–49. (С. 404.)

⁵⁶ Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и Земская дума. С. 22. (С. 196.)

⁵⁷ Там же. С. 37. (С. 203–204.)

⁵⁸ Там же. С. 41. (С. 204.)

Кошелев опровергал главный аргумент противников созыва общероссийского законосовещательного представительства, утверждавших, что его созыв якобы может стать прологом таких революционных потрясений, какие произошли с созывом Генеральных штатов во Франции. «...Не созвание Земской Думы открывает, подготавливает поприще для революции, как вы ее понимаете; а скорее и вернее ее производят действия со стороны правительства, нерешительные и противоречащие, шаг вперед и шаг назад, повеления и законы неудобоисполнимые, оковы, налагаемые на мысль и слово, полицейское (явное и тем, еще хуже, тайное) наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищение казны, чрезмерные и неразумные ее расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчуждение от России и пр. и пр.»⁵⁹

Кошелев искренне считал, что создание законосовещательного представительного органа не ослабит, а укрепит самодержавие. «Пострадает, уменьшится, ограничится власть только бесчисленного множества мелких самодержцев самозванцев, которых преисполнена Россия, в лице станowych приставов, исправников, губернаторов, столоначальников, начальников отделений, директоров и пр. пр. пр. <...> Никакой парламент так не ограничит верховной власти, как ее стесняют и подтачивают издаваемые неудобоисполнимые законы и самоуправство огромного большинства чиновников»⁶⁰.

Кошелев приветствует действия умных и дальновидных представителей государственного аппарата.

Большие надежды он связывал с государственной деятельностью М. Т. Лорис-Меликова, одного из немногих представителей бюрократии, который не вызывал у него критических замечаний. На протяжении 1879–1881 гг. ему казалось, что «созыв представителей земли русской есть, в настоящее время, дело совершенно необходимое, неотложное и ничем незаменимое»⁶¹. Работа Общей земской думы, по его мнению, упрочила бы самодержавный режим и способствовала бы укреплению империи в целом: «Мы надеемся, что особенно благотворное действие на слияние окраин с внутреннею Россией может

⁵⁹ Кошелев А. И. Там же. С. 50. (С. 208.)

⁶⁰ Кошелев А. И. Общая земская дума в России. С. 26–27. (С. 391.)

⁶¹ Кошелев А. И. Где мы? Куда и как идти? С. 65. (С. 498.)

оказать допущение гласных в нашу общую земскую думу»⁶². Кошелев четко различал два возможных подхода к созданию законосовещательного представительного органа: одни, «придерживаясь старины — исторических преданий, желают созыва земского собора; а другие, всматриваясь в настоящий наш быт, предлагают, в завершение существующих губернских земских собраний, учреждение Общей земской думы»⁶³. Он отрицательно относился к идее созыва Земского собора, которую выдвигал И. С. Аксаков и попытался реализовать на практике преемник М. Т. Лорис-Меликова на должности министра внутренних дел граф Н. П. Игнатьев. По мнению Кошелева, Земский собор, включающий представителей от крестьян, дворян, городов и духовенства каждого уезда России, будет чрезмерно многочисленным: 2 или 5 тысяч его участников не смогут обсуждать правительственные предложения. А значит, из Земского собора может получиться только «торжество для бюрократии и посрамление земли Русской!»⁶⁴.

Реализовать идеи созыва Общей земской думы, считал Кошелев, можно двумя путями. Первый — самый простой и, по его мнению, предпочтительный, состоял в объявлении Манифеста «с прямым изъяснением, что, в завершение существующих земских учреждений, образуется Общая земская дума из гласных, избираемых губернскими земскими собраниями, и что ей даруются такие и такие права»⁶⁵. Предлагал Кошелев и другой вариант, который он называл «полумерой». Он состоял в следующем: «Высочайшим указом учредить в Петербурге Общую комиссию из членов, которые имеют быть избраны губернскими земскими собраниями, по два или по три от каждой губернии; созвать их к известному числу и предложить им на обсуждение те важные дела, которые мы указали выше или которые признаны будут правительством особенно неотложными»⁶⁶.

В брошюрах, написанных в первые годы правления Александра III, Кошелев отказался от требования немедленного созыва Земской думы,

⁶² Кошелев А. И. Общая земская дума в России. С. 52. (С. 406.)

⁶³ Кошелев А. И. Где мы? Куда и как идти? С. 65–66. (С. 498.)

⁶⁴ Там же. С. 68. (С. 500.)

⁶⁵ Там же. С. 70. (С. 501.)

⁶⁶ Там же.

руководствуясь политической ситуацией в стране после мартовских событий 1881 г. Прекрасно понимая, что Александр III не пойдет на созыв общероссийского представительного органа, Кошелев считал возможным ограничиться учреждением губернских комитетов для обсуждения вопросов, относящихся к переустройству местного управления, а также избранием выборных «в общий государственный комитет для рассмотрения проектов, по сему предмету, имеющих быть составленными»⁶⁷

Исследовательского внимания заслуживают оценки Кошелевым западноевропейских социалистических идей, становящихся теоретической базой для развертывания мощных демократических политических движений. Причину распространения социалистических идей в западноевропейских странах он усматривал в «сосредоточении громаднейших денежных капиталов и большей части недвижимой собственности в руках незначительного меньшинства». Такое положение ввергало в крайнюю нужду огромное большинство людей. В результате в Европе, по выражению Кошелева, стал распространяться именно «болезненный тип социализма». Использование Кошелевым данного термина свидетельствовало о том, что он прекрасно понимал реальное содержание социалистической теории. «Потребность людей жить в обществе, друг другу помогать, друг о друге заботиться и общими силами стремиться к исполнению человеческого назначения, — писал он, — оживляет, облагораживает и возвышает человека». Иное дело «болезненный социализм», который «искажает людей, становится враждебными отношениями ко всему существующему и друг к другу и убивает в них самые естественные и лучшие чувства и всякие понятия о справедливости и законности»⁶⁸.

Понимая, что распространение социализма в Европе является не случайностью, а отражением социальных проблем, Кошелев поддерживал меры, которые проводились в европейских странах по преодолению «ненормального распределения собственности и власти»⁶⁹. К таким мерам он относил привлечение низших классов к участию в государственном управлении, создание более справедливой налого-

⁶⁷ Кошелев А. И. Что же теперь? Берлин, 1882. С. 76–77. (С. 544.)

⁶⁸ Кошелев А. И. Что же теперь делать? Берлин, 1879. С. 42. (С. 447.)

⁶⁹ Там же.

вой системы «и что всего важнее — <...> свободное обсуждение, и словесное, и печатное, учений возникшего социализма»⁷⁰.

Кошелева не могло не тревожить проникновение в Россию идей социализма в его болезненном варианте, увлекающих радикальную часть образованной молодежи. Он считал, что «все главные мнения нашего так называемого социализма выхвачены из речей и книжек западных социалистов-революционеров, с приправкою этих позимствований собственными нелепостями, которые даже совестно слушать или читать. Рабочий вопрос, деспотизм капитала, лишение большинства населения всякой поземельной собственности и пр. — вопросы первостепенной важности в западной Европе, у нас не имеют никакого смысла»⁷¹. Для маркировки отечественных революционеров Кошелев предпочитал использовать термин «нигилизм», который «народился вовсе не из народных потребностей, а совершенно вопреки и наперекор им; а потому и не удивительно что отправившиеся “в народ” возвратились из него вполне им недовольными»⁷².

Кошелев осуждал как идеологические взгляды революционных народников, так и их практическую деятельность, в частности применение индивидуального террора против представителей властей. Однако главным виновником распространения нигилизма в России он считал не самих носителей этих идей, а прежде всего правительственную бюрократию. «Не социалисты или нигилисты к этому содействуют; напротив того, страхом и нерасположением, ими к себе внушаемыми, они поддерживают существующее, ибо никто не согласится променять даже нынешние порядки на те, которые они нам сулят. Следовательно, не нигилисты возбуждают неудовольствие против Правительства и умножают число им недовольных, а неудовлетворительность нашего положения, его пустота, безжизненность и тяжесть гонят, особенно молодежь, менее терпеливую и более чувствующую избыток сил, к единственному в России протестующему и действующему обществу. Нельзя не сознаться, что в настоящее время всем на Руси душно и едва невыносимо»⁷³.

---

⁷⁰ Кошелев А. И. Что же теперь делать? С. 43. (С. 448.)

⁷¹ Там же. С. 53. (С. 453.)

⁷² Там же. С. 54. (С. 454.)

⁷³ Там же. С. 57. (С. 455—456.)

Неудовлетворенный сложившимся положением дел в стране, Кошелев вновь и вновь формулировал в своих трудах те «необходимые условия, при которых жизнь наша могла бы, сколь возможно полнее, развиваться согласно требованиям настоящего времени и степени нашего образования»⁷⁴. По его мнению, они состояли, во-первых, «в обеспечении гражданам свободы и самостоятельности в их частном быте»; во-вторых, «в участии в местном самоуправлении», в-третьих, в «существовании учреждения, завершающего местное самоуправление и дающего каждому гражданину право участия, хотя самого отдаленного, в устройстве и отправлении общих дел страны»⁷⁵. Обязательным ему казалось и «предоставление русскому человеку свободы печати, с ответственностью за напечатанное перед судом»⁷⁶.

На протяжении всей сознательной жизни Кошелев словом и делом способствовал воплощению в жизнь своих принципов. Ему не пришлось увидеть их полного осуществления в России. В его последних произведениях проявились не свойственные его энергичной и деятельной натуре нотки фатализма: «Русское благодушие, терпение и надежда на “авось” почти безграничны. По милости первого и гг. чиновники не строго требуют на местах исполнения законов и предписаний, бюрократиею измышляемых. Второе дает возможность переносить и то, что в других странах привело бы людей в отчаяние. Из этого, конечно, выходят у нас страшная бестолочь и такая же неурядица; но тут является наш русский “авось”, который, и в тьме крошечной, указывает на луч надежды — на лучшее будущее. Но когда и как оно наступит?»⁷⁷

После смерти Кошелева большинство современников отдали должное его личности и бесспорным заслугам. «С обширным, даже классическим и философским образованием, но, в отличие от своих друзей, с направлением ума резко-положительным, деловым, с характером твердым и решительным, неспособный довольствоваться отвлеченною работою мысли, он был человек не только идеи, но и по преимуществу дела...», — написал в некрологе И. С. Аксаков, который

⁷⁴ Кошелев А. И. Там же. С. 63. (С. 459.)

⁷⁵ Там же. С. 64, 65. (С. 460.)

⁷⁶ Там же. С. 68. (С. 461–462.)

⁷⁷ Кошелев А. И. О нынешнем положении сельского населения // Кошелев А. И. Что же теперь? Berlin, 1882. С. 86–87. (С. 549–550.)

при жизни часто спорил с А. И. Кошелевым⁷⁸. В статье о похоронах Александра Ивановича «Современные известия» писали: «А. И. Кошелев был либерален. Это <...> означает <...> уважение к личной свободе. Уважение же к личной свободе подразумевает в себе непременно и уважение к чужому мнению. Не знаем, остался ли еще на Руси кто-нибудь, кто при отчетливой твердости собственных убеждений относился так спокойно к мнениям противным (то есть — противоположным). Это не было ничуть индифферентизмом, напротив, покойный Александр Иванович охотно вступал в полемику, даже любил её, но никогда, ни на единую черту не выходил он из пределов самого строгого приличия <...> Он прекращал спор, оставлял полемику, когда видел, что противник переходит в раздражение или прибегает к приемам недостойным. Из знавших его некто... назвал это высокое качество “незлобивостью”»⁷⁹ Оценки Кошелева современниками были предельно ярко и образно обобщены П. И. Бартеневым: «Это был неутомимый борец за самобытность русской мысли, горячий друг и честный гражданин»⁸⁰.

*П. В. Акульшин,
доктор исторических наук;
В. А. Горнов,
кандидат исторических наук*

---

⁷⁸ Русь. 1883. 15 ноября. № 22.

⁷⁹ Москва, 15 ноября. Сегодня похоронили А. И. Кошелева (Заметки на похоронах) // Современные известия. 1883. 16 ноября.

⁸⁰ Русский архив. 1909. № 5. С. 96.

А. И. КОШЕЛЕВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

Часто повторяем мы сию поговорку, но редко, весьма редко думаем о глубоком ее смысле. Чего не делаем мы по охоте! Скачем по большим дорогам, не спим ночи, работая с утра до вечера, и нам все это нетяжело. Успех большею частью увенчивает наши усилия; почему? — Потому именно, что мы все это делаем добровольно; что мы имеем в виду достижение нашей цели и работаем для себя. Как тяжело всякое принуждение! Мне хочется служить в военной службе, а меня определяют в гражданскую; я не люблю деревню, а родители посылают меня хозяйничать в отдаленную губернию; для излечения от болезни мне хочется ехать за границу, а меня отправляют на Кавказ. Гражданская служба, деревня, Кавказ — сами по себе суть вещи недурные, нетяжелые, и для многих они составляют предметы пламенных желаний; но во всем этом дурно, тяжело лишь одно — именно то, что мы должны это делать не по убеждению, не по охоте, а поневоле.

Если неприятно, тяжело совершать поневоле несколько дел в жизни, то каково целую жизнь, почти все действия оной производить не по охоте, а поневоле. Сидора мы назначаем в повара, Андрея в лакеи, Гаврилу в портные и так далее, между тем как они, быть может, имеют склонности к совершенно иным занятиям. Федор желает жениться, он сотворен для семейной жизни, а я не позволяю ему жениться, потому что как человека характера тихого его личная услуга мне нужна, я хочу иметь его всегда в господском доме. Родители желали бы сохранить при себе детей своих и лично наблюдать за их нравственностью, а мы отдаем их в учение в Москву, где и мальчики, и девочки более развращаются поведением, чем научаются ремеслам. — И мы еще удивляемся, что у нас мастеровые умеют только перенимать и ничего не выдумывают и не улучшают! Мы ставим в пример немцев, англичан, которые постоянно доводят до большего совершенства все ремесла, которыми они занимаются. Да разница тут велика. Они посвящают себя тому, чему хотят; добрая воля развивает их ум с детства — они хлопчут, трудятся — для себя, а не для другого.

Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколько возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, — ему не дело делать, а день убить. — На господина работает он три дня и на себя также три

дня. В свои дни он обрабатывает земли больше, справляет все домашние дела и еще имеет много свободного времени. Господские работы, особенно те, которые не могут быть урочными, приводят усердного надсмотрщика или в отчаяние или в ярость. Наказываешь нехотя, но прибегаешь к этому средству как к единственно возможному, чтоб дело вперед подвинуть. С этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит; материалов не наготовишься; времени проработают они менее барщинского крестьянина; отдохнут они более его; но наделают они вдвое, втрое. От чего? — Охота пуще неволи.

Взойдите в мануфактуру, где работают по наряду, даже где в виде поощрения дается некоторая задельная плата. Что вы там найдете? Инструменты непременно в худом виде, ибо работники их не берегут, они за них не отвечают; можно этих людей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причине работа производится и дурно, и неотчетливо: что же касается до сработанного количества, то, верно, едва вполовину против вольного работника. — Какая разница войти в мануфактуру, истинно на коммерческой ноге устроенную! Как там один перед другим боится переработать, так тут они друг друга одушевляют и подстрекают. Вычет заставляет каждого строже всякого надсмотрщика наблюдать за чистотою работы. Собственная выгода будит его до света и освещает ему вечером. — Охота пуще неволи.

У нас в домах слуг много, а прислуги мало. Всякий имеет свою часть, и даже свою часть исправляет столько, сколько необходимо, а всего чаще и гораздо менее, чем сколько нужно. — За границу, даже в С.-Петербурге у иностранных купцов в доме один слуга; а между тем все чисто, все убрано; за столом он один служит пятнадцати, двадцати человекам; везде он поспевает; нигде нет за ним остановки. Почему? Потому, что он получает жалованье хорошее, т. е. то, чего нам стоят двое, трое наших невольных слуг; потому что если он не будет исполнять всех требований своего хозяина, не будет предупреждать его желаний, то его сошлют и возьмут слугу более усердного. Спросите иностранцев в Петербурге, как они довольны нашими так называемыми артельщиками; один человек служит за троих. — От чего? Охота пуще неволи.

Мы часто жалуемся, что слуги наши глупы, беспечны, ленивы, — да как же им быть иными? — О чем им заботиться? Они знают, что барин

их накормит и оденет. К чему им радеть? Что не больше они будут работать, то тем больше навалит на них дела, и одно средство быть покойным: дела не делать, а от дела не бегать. Что же касается до ума, то в их теперешнем положении это самая опасная и бесполезная вещь: почти все умные слуги или пьяницы, или отчаянные головы. Самая лучшая вещь в слуге — чтобы он был неумен и неглуп. Дело другое в вольном человеке: он должен позаботиться о том, чтоб припасти к старости, на случай болезни; ему надобно подумать или об отце и матери или о жене и детях. Если он будет служить плохо, то его прогонят; если он может в доме исправлять только одну часть, то он и жалованье получит за $\frac{1}{4}$, за $\frac{1}{2}$ слуги, одним словом, всякий слуга служит без устали; мечется во все углы; все им приведено в порядок, — потому что он служит по доброй воле, потому что он получает для себя по мере, как он служит для другого.

Часто слышим мы жалобы на пьянство русского народа. Да как, почтенные читатели, не быть им пьяницами! Какое главное действие пьянства? Что в пьянстве всего привлекательнее. По мере как вино разыгрывается, человек чувствует, что все около него преобразовывается, предметы смешиваются, воспоминания покидают, и он входит в иной какой-то мир. Он забывает горе, становится смелее, живет какою-то другою жизнью, — пьяному море по колению, говорит половица. — Можно ли ставить в вину нашим людям, что им хочется хоть изредка отвесть иной жизни. Пьянство есть необходимое утешение в их положении, и горе нам, когда они в настоящем своем быту перестанут пьянствовать.

Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнее) лень удерживает нас в освобождении себя от крепостных людей. Почти все мы убеждены в превосходстве труда свободного перед барщинскою работою, вольной услуги перед принужденною, а остаемся при худшем, зная лучшее. Много можно сказать насчет невозможности теперь превратить наших крепостных крестьян в обязанные, но что удерживает нас всем дворовым людям, на основании указа 12 июня 1844 года¹, дать отпускные с заключением с ними обязательств? Обеспечения имеем мы полные: если они не заплатят следующих нам денег в назначенные сроки, то удовлетворяемся мы преимущественно пред всеми прочими их долгами и даже перед казенными повинностями; если имущество их недостаточно, то отдаются в рекруты, и зачетные квитанции нам выдаются, а негодные в рекруты

отправляются в крепостные работы. — Чего же нам требовать более? Средства нам даны; исполнение зависит от нас одних. Есть уже и примеры, но, к несчастью, они не столь многочисленны, как бы того следовало ожидать. Пусть люди благонамеренные примутся за дело дружнее и тогда, верно, отсталых будет немного.

1 ноября, 1847. С. Песочня

ПОЕЗДКА РУССКОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА В АНГЛИЮ И НА ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ²

Ровно в 8 часов с Expressstrain¹ом³ мы отправились в Лондон; быстрота бега была чрезвычайная. От Дувра⁴ до Фолькстона⁵ прорезано несколько гор; красота дороги, длина туннелей и прочность устройства рельсов удоставляли, что мы в Англии. Мы мчались по садам, по пашням, обработанным так, как в других странах не обделываются и огороды; мимо домов, из которых каждый может служить украшением любой дачи. Я ехал и едва верил своим глазам, что я точно наяву вижу все эти чудеса человеческого труда. Когда я подъехал к Лондону, то удивление мое превратилось в восторг. Я был в Лондоне тому 20 лет назад, но теперь я ничего не узнаю⁶. Из домов сделались огромные палаты; железная дорога проложена по Лондону выше домовых крыш; мосты превратились в сооружения, перед которыми римские работы — ученичи начатки; народ везде копошится, словно на каждом месте ярмарка. Мне казалось, что я был здесь не 20, но 200 лет тому назад — так вид всего в Англии и около Лондона казался мне измененным. Посмотрите, как все огромно! как все массивно! Словно устроено все для вечности. Откуда взяли они руки, время, капиталы? <...>

Я ничего не хотел в первый день рассматривать; ходил, восхищался видами, глядел на совокупность разных отделений, изучал местности и проч. Подойдя к трансепту⁷ в верхнем этаже, я сел и долго любовался не исключительно чем-нибудь, но всем: и общим видом выставки, и порядком, везде господствующим, и полною свободою народных волн, туда и сюда стремящихся. Никто не приказывает, куда должно идти; разнообразно двигаются народные массы; застоя нет, тесноты мало, а народу бездна. Смысл людской, если не окован излишними формами, есть, конечно, первый распорядитель. <...>

В Англии ежегодно в разных местах бывают выставки сельскохозяйственных орудий; производители по этой части привыкли выставлять свои изделия; орудия и машины, получившие премию, в короткое время делаются необходимою потребностью всякой благоустроенной фермы в Англии и Шотландии; и машинисты, обеспеченные патентами против подделок, не только ничего не утаивают, но при машинах или сами бывают, или присылают лучших своих приказчиков

для объяснения всего устройства механизма: они охотно развинчивают машины, толкуют все весьма обстоятельно и даже снабжают нас подробными каталогами с рисунками машин. Для назначения премий выбираются не кабинетные агрономы, не официальные дилетанты земледелия, но знатоки дела из фермеров, которые пробуют орудия и машины не в продолжение получаса, но в продолжение дней и месяцев на своих и чужих фермах. Таковы бывают провинциальные выставки в Англии. Легко себе вообразить, как изготовились агрономические механики ко Всемирной выставке. <...>

Одна из самых разительных вещей на этой выставке есть значительное приспособление паровой силы к земледелию. Молотят, веют, режут солому и корнеплодные овощи, плющат зерна, мелят хлеба и проч. посредством паровых машин. В больших производствах употребляются предпочтительнее неподвижные машины, которых отопление и содержание обходится почти вполовину против перевозных машин; но и сии последние, по аккуратным расчетам, за отчислением процентов на капитал, истраченный для приобретения их и на погашение этого капитала, заменяют ручную работу с убавкою цены на две трети. Подвижные паровые машины устроены различно; в каждой заметно какое-нибудь усовершенствование. <...>

Все они топятя каменным углем. Я видел в действии эти паровые машины, и нельзя надивиться быстроте и точности, с которою они производят работы. В Англии простые работники уже умеют с ними обходиться, и не слышно, чтоб какие-либо несчастия были следствием введения этой силы в хозяйство; но я не осмелился приобрести для себя подвижную паровую машину, во-первых, потому, что такую надобно заказать: все устроены для каменного угля, а нам необходимо употреблять дрова; а во-вторых, потому, что считаю это введение у нас еще преждевременным. Англичане совершенно сроднились с парами; почти всякий в состоянии ими управлять, и в случае порчи в машине они всегда и везде могут найти под руками механика для исправления оной. Нам должно, конечно, это усовершенствование иметь в виду; но пока еще привыкнем к парам на железных дорогах и на фабриках и постараемся усвоить себе многие другие хозяйственные улучшения, которые можем ввести у себя без всяких опасностей и местных неудобств. <...>

Вообще теперь пришли к той мысли, что пахать успешно плугом нельзя и думают пахоту заменить вскапыванием. Известно, что луч-

ший инструмент для подъема и взрыхления земли есть заступ; надеются устройством целого ряда или несколько рядов заступов достигнуть цели, тщетно искомой при посредстве лемехов и отвалов. <...>

Бороны все железные; иные — легкие, другие — средние, третьи — тяжелые. Зубья от 3 до 4¹/₂ вершков⁸. Но все эти бороны имеют в ширину от 12 до 16 вершков, и их сцепляют по две и по три вместе и работают обыкновенно на паре лошадей.

Распределение зубьев и сцепление борон между собою чрезвычайно хороши, и я решился купить одну борону для испытания ее у нас в России. Я думаю, что по этому образцу можно делать у нас с железными зубьями деревянные бороны, которые будут на наших землях очень полезны. <...>

В последнее время обратили в Англии большое внимание на усовершенствование помещений для рабочего народа, как в городах, так и в деревнях. Для улучшения быта рабочих составилось в 1844 году общество (for improving the condition of the labouring classes⁹) под председательством принца Альберта¹⁰. Богатые и среднего состояния люди, лорды и банкиры, землевладельцы и фабриканты, ученые и торговцы приняли в этом деле самое живое участие. Значительные денежные суммы составились из добровольных пожертвований; явилось множество книг, книжонок и журнальных статей с добрыми советами и умными предложениями; сделано много опытов как в Лондоне, так и в провинциях с целью доставить удобные и дешевые помещения для рабочего народа. В столице выстроено несколько домов для семейных людей, для холостых и дворовых мужчин и женщин. Цена за квартиры оставлена прежняя, без малейшего повышения; но каждое семейство вместо одной сырой, тесной, душной комнаты получило отдельное помещение — одну общую жилую комнату (living room¹¹) с несколькими спальнями (bed rooms¹²); а холостым и незамужним, каждым в особых домах, даны отдельные комнатки с постелью и всею нужною принадлежностью. Всюду проведена вода; ватерклозеты, помойные ящики устроены где нужно; не забыта и баня; роскоши нет нигде и ни в чем, но все жизненные потребности удовлетворены с смыслом и доброжелательством. Необходимые условия для здоровья: сухость, проветривание (ventilation¹³) и надлежащий простор соблюдены здесь вполне. Даже в мелочах все придумано для спокойствия живущих; видно, что избежание лишних расходов одно полагало границы на английскую изобретательность.

Правила сожителства коротки, умны и все удобоисполнимы. Каждый сохраняет полную свободу в своем образе жизни, и положены этой свободе лишь такие ограничения, которые необходимы для спокойствия общего, т. е. каждого из живущих. Я посетил два таких дома (near Bagnigge Wels Pentonville, и in Spitalsfields¹⁴), и из обоих вышел глубоко проникнутый благоговением к мысли, исполненной с полным ее сознанием, с истинною любовью к добру и с местною обдуманностью. Вне Лондона, во внутренности Англии сделано еще более опытов в устройстве удобных помещений для рабочего народа. Герцог Бедфорд¹⁵ обратил на этот предмет особенное внимание: он уже выстроил на своих землях до 100 крестьянских домов (cottages¹⁶), отличающихся как удобствами для жизни рабочих, так и соответственностью требованиям гигиены. В отношении своем к президенту королевского Общества сельского хозяйства он говорит: «При постройке этих cottages моя постоянная мысль была приобщить сельское народонаселение к пользованию выгодами и удобствами того благосостояния, которым по милости его мы наслаждаемся, и утвердить между владельцами, наемщиками земли и рабочими то взаимное благорасположение, которого равно требуют здравая политика и высшие побуждения человеколюбия». Герцог Нортумберланд не замедлил последовать благому примеру герцога Бедфорда и устроил у себя по его образцу много таких cottages. Другие землевладельцы также пошли этим путем, и теперь во многих краях Англии уже построены для рабочих дома удобные и для здоровья благоприятные. Но не все опыты были равно удачны; много встретилось затруднений и неудобств, которые нужно было устранить. В последнее время напали на разные счастливые мысли по этому предмету, и в числе их одна из самых обильных последствиями есть изобретение полых кирпичей, т. е. с пустотою внутри (hollow bricks¹⁷). Заметили, что дома рабочих обыкновенно сыры, что воздух в них тяжел и смраден и что все деревянное очень скоро приходит в гнилость. При сломках этих строений увидели, что кирпичи превратились в нежженую глину, которая, как губка, принимает в себя сырость. Сделали опыт: выстроили дом из кирпичей, коих середка, т. е. внутренность, была пуста; пол был выстлан такими же кирпичами. Последствия этого опыта были самые удовлетворительные; дома с первого года оказались сухими, теплыми и удобными во всех отношениях. Одно было неудобство — дороговизна сего рода кирпичей, делаемых станками и

руками. К счастью, английская изобретательность вскоре пришла на помощь: изобрели машины, которые легко и поспешно делают кирпичи с такою пустотою, какая нужна по роду постройки и употребления. Выгоды этого рода построек, опытом доказанные, суть следующие: 1-ая, сухость, потому что посредством трубок, образованных пустотою, всякая сырость вытягивается, 2-ая, теплота, потому что пустота в кирпичах менее пропускает холод, и стены остаются недоступными морозу, так, что до $\frac{1}{3}$ расходов на отопление было сэкономлено жильцами этих домов; 3-я, дешевизна постройки, потому что стали класть стены тоньше, что известки на заливку более не требовалось, и на стены нужно было одною третью меньше и что пол начали делать не из дерева, которое в Англии чрезвычайно дорого, а из полых кирпичей; и, наконец, 4-я выгода этих построек та, что стены из полого кирпича не пропускают звуков и что разные семьи, их лица, живущие в одном доме, друг друга не тревожат шумом.

<...>

Будем надеяться, что и у нас обратят внимание на крестьянские избы и дворы, которые своею первобытною, теснотою и отсутствием всяких удобств вызывают на подвиги ум и деятельность архитекторов, помещиков и всех вообще благонамеренных людей. Само собою разумеется, что не постройки cottage'ев должны быть целью их трудов, но следует позаботиться о том, чтобы русской избе со всеми ее принадлежностями доставить те удобства, которые нужны крестьянину при его образе жизни и при условиях нашей местности и сурового климата.

<...>

После Англии Северо-Американские Штаты по земледелию занимают первое место, а для нас, русских, едва ли их хозяйства не интереснее и самых великобританских ферм. Англия, по своему огромному народонаселению, по дороговизне земель и по распределению, отчасти искусственному, ее богатства и нищеты, слишком далеко отстоит от нашего пространного, еще мало населенного и юного отечества. Америка к нам ближе; условия, при которых развивается и совершенствуется там земледелие, имеют более сходства с условиями наших хозяйств. Почва, климат, избыток земель при недостатке рук и многие другие обстоятельства более или менее общи нам и Северо-Американским Штатам. Давно питаю сильное желание посетить этот край и на месте изучить некоторые вопросы, подлежащие

нам к разрешению, а там уже разрешенные или приближающиеся к окончательному разрешению. С особенным любопытством посетил я американское отделение земледельческих орудий и машин, и хотя прислано из-за океана вообще мало предметов на Выставку, но и в малом по числу нашел я много по содержанию.

<...>

На меня сильно подействовали Пауерова «Греческая невольница» и «Мазепа» итальянца Пиероти. Первая статуя признается почти всеми знатоками искусства, бывшими на выставке, за лучшее творение нынешнего времени; в ней, конечно, нет обиходной натуральности в позах и выражениях и мелочной оконченности в подробностях — отличительных свойств британского искусства: но зато идеальность лица гречанки, его спокойствие и красота всего тела таковы, что чувствуешь, как верно, хотя с некоторою осторожностью, выразил Шеллинг¹⁸ сущность искусства: «бесконечное проявлять в конечном». Трудно оторваться от «Греческой невольницы», которая пленяет вас и прелестью форм, и в особенности глубокою, хотя спокойною грустью, внушенной ей бедственным ее положением. Мазепа, привязанный к дикой лошади, есть группа, поражающая зрителя силою и смелостью выражения в чертах Мазепы и вообще непринужденностью всех положений. <...>

По части мануфактур Соединенные Штаты прислали мало предметов на Выставку. Здравый их смысл не дозволил им состязаться по этим предметам с старым миром, где бедное, в города сжатое, народонаселение доставляет фабрикантам возможность тратить месяцы и годы работы за дешевую плату на выделку тончайших тканей, резной и мозаичной мебели и других предметов роскоши.

<...>

Душа, основная мысль всех американских изобретений и учреждений, есть, возможно, большее упрощение, удешевление и обобщение всех предметов, служащих для удобства и полноты жизни.

<...>

Португалия и Испания доставили отлично богатое собрание образцов по части естественных произведений. Страны сии преизбыточествуют и металлами, и строительными материалами, всякого рода хлеба и травы роскошно прозябают на их почве; тропические деревья, кустарники и растения охотно там произрастают; мериносы, обогащающие шерстью Европу, произошли из сего полуострова и

доныне там разводятся почти без ухода, шелки добываются при самом малом труде; португальские и испанские вина, табаки и многие другие произведения считают Европу своею данницею. Но как богат полуостров естественными произведениями, так беден он на Выставке мануфактурными изделиями, и — за исключением ружей, нарядных пистолетов и других стальных предметов роскоши, за исключением нескольких образцов тончайших сукон и богатейших бархатов (изделий двух, трех в Европе фабрик) — нет ничего достойного замечания. Странно, горестно, непонятно это усыпление людей посреди богатств природы. Как бы для разгадки этого явления прислана на Выставку модель мадридского цирка, где 4000 человек сидят и услаждают свое зрение разными приключениями боя быков.

<...>

Несмотря на все механические усовершенствования в Европе, еще не удалось нам добыть ни фарфора, ни писчей бумаги, равняющихся доброкачественностью китайским произведениям сего рода. Тонкость, легкость, звучность и прелесть китайского фарфора недостижимы; то же должно сказать о плотности писчей бумаги, при чрезвычайной ее тонине, и об ее легкости при желаемой непромокаемости. Китайские шелковые материи с рисунками так изящны, что восхищение умеряется лишь тем, что рассчитываешь с ужасом сумму истраченной работы на производство этих бесполезных чудес. При обозрении этого отделения не переставали меня тревожить два чувства: то удивление к совершенству, до которого человеческое прилежание может довести ремесла, то сожаление о том, что людской труд расточается так суетно и бесполезно.

<...>

Чугунные изделия не менее удивительны и разнообразны. Употребление чугуна в Англии усиливается постоянно, и должно думать, что в непродолжительном времени он изгонит почти совершенно из построек дерево, которое в Англии очень дорого и которое видимо упадет в общем к нему благорасположении. Здесь делается из чугуна почти все — от самых огромных до самых мелких, от самых грубых до самых затейливых вещей. В руках англичан чугун превратился в послушный воск, сохранивши при том и даже усиливши свою пословичную твердость. Наш чугун очень хорош, но все-таки видны в нем крупинки и ноздринки; английский чугун представляет совершенно плотную массу.

<...>

Главные выводы из осмотра выставки были для меня следующие: 1-е, нет в мире народа, который бы почти по всем отраслям промышленности ушел далее англичан; а потому чему бы кто ни хотел учиться, должен ехать в школу Англии; 2-е, теория Луи Блана¹⁹ и вообще более или менее всех французов, требующих, чтоб правительство вмешивалось во все промышленные производства и оказывало им деятельное содействие, победоносно опровергнуты примером Англии, достигшей в промышленном отношении высшей степени развития, а между тем известно, что британское правительство совершенно не вмешивается в дела частных лиц и компаний; 3-е, эта земля, преклоняющая колена перед королевою — символом власти, по-видимому, самая аристократическая, но в существе своем если не самая общинная, то, конечно, самая общественная, направила теперь всю деятельность своего ума, сил и капиталов на удешевление товаров и на обобщение употребления всех предметов, служащих для жизни и благосостояния народа; 4-е, в Англии, более чем где-либо, науки прямо и обширно применены к ремеслам и к вещественному быту людей; здесь убеждены, что теперь без науки нельзя шагу сделать ни в каком производстве, что плоды наук созревают только при свободном их развитии и что желать плодов без исполнения сего условия значит посягать на жатву без посева, без живительных дождя и солнца. Одним словом, рассматривая вещественные произведения Англии, исполняешься высокого мнения о нравственном и умственном ее величии.

<...>

Если пребывание в Англии располагает вас к настоящей оценке мудрости, жизненности и силы этой земли, если обзор ее естественных и мануфактурных произведений возбуждает в вас высокое мнение о богатстве, ловкости и смышленности ее жителей, то осмотр английских машин и орудий раскрывает вам тайну вещественного величия этого острова и заставляет вас смотреть на его обитателей с особенным каким-то чувством, скажу даже, с удивлением. Чем более вы всматриваетесь в изобретенные и усовершенствованные ими орудия и машины, чем более вникаете в глубокий их смысл и учитываете обилие даваемых ими результатов, тем понятнее становится для вас статистика Великобритании. Англичане — не как прочие люди; силы их возведены в какую-то степень x ; массы, тяжести, пространство и

время повинуются их разуму и воле. Все это произвели — машины, главный двигатель их — пар; а потому и неудивительно, что англичанин смотрит на каменный уголь и на пары как на краеугольные камни своего могущества.

<...>

По части гражданской архитектуры английское отделение чрезвычайно богато: выставлена бездна моделей мостов, сводов, лестниц, труб и пр. Два предмета привлекли всеобщее внимание: модели трубообразного моста, соединяющего остров Енглези²⁰ с Англиею, и висячего моста, сооружаемого в Киеве²¹.

В этом отделении я встретил одного русского архитектора, по-видимому, человека умного и смышленного; с восторгом говорю ему о важных открытиях и чудесах, совершенных в Англии по строительной части, об удивительных цементах и пр. пр.; ответ его меня просто сразил: «Помилуйте, — сказал он, — здесь нет ничего нового — все это нам известно». — Вообще немного наших соотечественников перебивало на выставке, но даже из этих немногих большая часть извлекла из ее осмотра мало пользы; и почему? По тому самому убеждению, которое так чистосердечно высказал наш архитектор. Да, нам все известно, а на деле выходит, что мы знаем очень немного. Мы схватили верхушки европейской образованности и думаем, что просвещение мы себе усвоили. Мы приняли и принимаем манеры, платье, внешний образ жизни Запада и воображаем, что у своих старших братьев по просвещению мы взяли все, что составляет принадлежность образованного человека; а на поверку выходит, что мы взяли то, чего могли бы и не брать; и не взяли именно того, чем нам следовало воспользоваться. На Западе науки, художества, ремесла и многие другие проявления человеческой деятельности достигли значительного развития; они содержат в себе опытность, завещанную человечеству веками, тысячелетиями. Главным производителем во всех отраслях человеческой жизни был и есть труд; его-то более всего мы чуждаемся. Всякое дело там, как и везде, успевало настолько, насколько оно соответствовало местным и временным нуждам народа, т. е. потребностям его духа, нравственного и умственного его развития, общественного его устройства и пр. Мы ездим в Европу, берем там все, что нас поражает, и часто возвращаемся с презрением ко всему своему — старинному и родному. Мы водворяем к себе роскошь Запада, его безнравственность, его холодность к религии, его умни-

чанье; а не понимаем, что это лишь больные побеги дерева просвещения. Нам следует не перенимать у Запада, а изучать его; мы должны не бросаться на плоды его образованности, но вникать в самую эту образованность с тем, чтобы отделять в ней все доброе от худого, пользоваться первым и устраняться от последнего. — Мы делаем совершенно тому противное; и неудивительно, что вообще производим мало в науках, и в художествах, и в прочих отраслях человеческой деятельности; что многое, нами производимое, слабо, бесхарактерно и бесплодно. Мы, т. е. люди, получившие так называемое европейское образование, мы чужды труда; мы насыщаемся больными плодами видимого западного просвещения, не развивая своего коренного житейского начала. Да, нам все известно, повторяем на разные лады слова архитектора; а не знаем лишь одного: не сведение о чем-либо составляет знание, но знание заключается главнейше в знании этого знания, т. е. его источника, существа и составных частей. Тогда знание плодотворно; а без этого оно есть знание попугая, который повторяет слова, даже целый ряд слов, но эти слова для него без смысла и без результата. Будем изучать Европу и ее просвещение; но перестанем по почте получать оттуда только сведения; будем изучать свою землю и в настоящем, и в старинном ее быту; постараемся сродниться с нею и глубоко проникнем себя истиною, что дерево просвещения растет не ветвями, а корнями. Срубленная елка, хотя бы и была обвешана виноградом, апельсинами и яблоками, своего плода не даст. Нам предстоит не семя класть в землю для произведения дерева; русское дерево возвращено столетиями; оно глубоко пустило в землю свои сильные корни; оно уже не дичок; к нему издавна привито святое православие; молодые, но сильные ветви уже осенили нашу землю. Если мы в этом сомневаемся, то вина в том наша; мы старались получать сведения об Европе, изучать же Русь мы считали делом излишним. Да и могли ли мы прежде, ослепленные искусственностью и многообразием Запада, изучать свое русское, истинное по его простоте, высокое по его смирению, существенное по его жизненности. — Но время кончить. — Завтра выезжаю из Лондона для обзора английских сельских хозяйств на месте²².

О ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВАХ РОССИИ В НАСТОЯЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ И О МЕРАХ К ПРОДОЛЖЕНИЮ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЮ

Всемиловейший Государь!

Трудно, почти невозможно, для частного человека у нас составлять какие-либо, на верных данных основанные, предположения по делам государственным; но есть случаи, когда мысль невольно к ним несется и когда любовь к Отечеству и Царю не позволяет таить в себе то, чем душа и ум преисполнены. Теперь, когда Севастополь и значительная часть наших границ находятся под ударом врагов и когда грозит России война многолетняя, нередко высказываемые опасения насчет слабости денежных средств России глубоко огорчают всякого верноподданного. Денежные наши средства казались мне всегда гораздо более значительными, чем вообще полагают. Я изложил свои убеждения по сему предмету; полная уверенность в силы и будущность России еще более проникла душу мою и внушила мне смелость повергнуть их на воззрение Вашего Императорского Величества.

Быть может, что записка моя недельна и несвоевременна; в таком случае благоволите, Государь, видеть в ней только порыв верноподданнической преданности.

Вашего Императорского Величества

Верноподданный

Отставной надворный советник

А. И. Кошелев.

Апреля дня 1855 года

О ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВАХ РОССИИ В НАСТОЯЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Положение нашего отечества в настоящее время так затруднительно, так важно и так опасно, что невольно оно делается предметом всех наших дум и забот. Конечно, царь и его советники стоят у руля, наблюдают за ходом корабля и принимают, по лучшему своему усмотрению, меры для благоуспешного его направления. Но не случается ли иногда, что малосведущий рыбак указывает искусному кормчему подводный камень и обход вокруг него и тем предохраняет корабль от грозящей ему беды? Иное виднее для простого челове-

ка, чем для людей и умнейших и опытнейших, но устремивших свое внимание на самые видные стороны дела. А какое теперь в ходу дело? и сколько у него сторон? Ум цепенеет при одной думе об нем; каково же тщательно наблюдать за ним, направлять многообразные отрасли его, устранять встречающиеся препятствия, исправлять частные неудачи, побеждать открывающиеся невозможности и проч. и проч. и проч.? Страшно об этом и подумать. А потому не долг ли каждого русского, преданного своему отечеству, теперь более, чем когда-либо, высказывать мысли, которые, по его убеждению, могут быть полезными царю и людям, помогающим ему нести бремя настоящего дня? Если мысль дельна, то ею воспользуются; если она пуста, то ее откинут; а из десяти мыслей, от глубокого убеждения высказанных, едва ли не будет хоть одна дельная; а одна мысль дельная может уже сделать много добра. Под влиянием сей-то надежды и по требованию совести счел я долгом изложить, по возможности кратко, следующие мысли.

Важность денежных средств в военном деле

И прежде деньги имели сильное влияние на исход войны; а теперь финансы заключают в себе чуть-чуть не всю военную задачу. Чьи денежные средства долше вытерпят, тот и победит. На сем-то основании многие европейские публицисты обещают несомненную победу западным державам, ибо они считают их несравненно богаче России, которая, по их мнению, при крайних усилиях может выдержать еще одну кампанию, а в 1856 году, разоренная и побежденная, должна будет принять те условия, которые победителям угодно будет ей даровать. Не будем обманывать себя льстивыми надеждами, но и не станем убивать своей деятельности излишними опасениями; а потому рассмотрим несколько обстоятельно положение наших финансов и средства, нам предлежащие.

Государственные долги России

Наш государственный долг внешний и внутренний на 1-е января 1854 года (по официальным сведениям) простирался до 417 746 425 рублей сер. После того сделан был заем чрез посредство банкира Штиглица²³ в 50 миллионов рублей сер.; были также выпуски

билетов казначейства. Допустим, что наш государственный долг дошел даже до пятисот миллионов рублей сер. Эта сумма представляет с небольшим наш двухгодовой доход. Франция имеет долг, равняющийся четырехгодичному ее доходу; а Англия должна не более и не менее, как пятнадцатилетнюю сложность своих доходов. Следовательно, в этом отношении наше финансовое положение нестрашно.

Но у нас, кроме этого долга, есть еще другой долг. Сумма кредитных билетов, выпущенных по 1-е сентября 1854 года (по показанию г. Тенгоборского²⁴), простиралась до 345 227 000 руб. сер., а разменного фонда имелось 146 563 000 руб. сер. Следовательно, еще год государственного дохода должно отнести к покрытию государственного долга.

Государственные доходы России

Государственные наши доходы, по показанию г. Тенгоборского, дошли в 1853 году до 224 мил. руб. сер., из которых 100 мил., по его же показаниям, расходовались на содержание военных сил. Трудно не усомниться в истине сей последней цифры; вероятно, многие статьи, содержание крепостей, флота и другие расходы не включены в эту сумму; ибо известно, что три пятых государственных доходов едва покрывали в мирное время издержки военного и морского ведомств. Теперь, при умножающейся армии и при чрезвычайных издержках на содержание, передвижение и пр. наших войск сумма, потребная для военного ведомства, должна с лишком удвоиться, и я думаю, что можно без ошибки назначить на чрезвычайные издержки по случаю войны еще от 100 до 150 мил. рублей сер. в год. — Откуда получать ежегодно такую сумму?

Если б война должна была продолжиться один или два года, то выпуском кредитных билетов и билетов казначейства и другими обыкновенными средствами можно было бы кое-как покрыть предстоящие государству расходы. Но война грозит быть многолетней; размеры ее становятся все огромнее и огромнее; и со дня на день делается очевиднее, что одоление врага достанется на часть того, чьи денежные средства долее вытерпят. Следовательно, нельзя уже более обманывать себя надеждами на мир и должно, наконец, решиться на войну, без оглядки вспять. Какие же денежные средства имеем мы, чтоб вести войну многотрудную и многолетнюю?

Денежные средства России

Средства наши суть: усиление налогов, займы, выпуск кредитных билетов и пожертвования.

1. Усиление налогов

Первое средство, при настоящем развитии наших производительных сил, едва ли удобно вообще; теперь же оно совершенно невозможно. Цифра наших налогов, конечно невелика сама по себе, но она значительна потому, что наши, в обращении находящиеся, богатства и наши добытки нельзя не назвать крайне ограниченными. Англичанину легче заплатить причитающиеся с него 17, а французу 12 руб. сер., чем русскому взнести следующие с него $3\frac{1}{2}$ руб. сер., а за исключением жен, детей и престарелых, не менее 14 руб. сер. (Эта цифра, как и все прочие, быть может, не совсем верна; ибо частному человеку невозможно иметь верных сведений по делам нашего государственного хозяйства. Впрочем, они служат здесь не доводами, а только приблизительными данными для соображений.)

Наши налоги, по слабому развитию наших средств, вовсе нелегки. Едва уменьшилась наша вывозная торговля, и она, составляющая менее, чем двадцатую часть наших денежных оборотов, так подавила всю внутреннюю торговлю, что чувствуется тяжкий застой везде и во всем. При неурожае, почти повсеместном, цены на хлеб во всех хлебобородных губерниях низки; крестьяне и помещики едва в состоянии уплатить подати и взнести проценты в кредитные установления. Мануфактуристы уменьшили свои производства, а торговцы не могут сбыть на деньги свои товары. К тому же третий набор в течение менее полутора года почти удвоил подати. Теперь решительно ничего более нельзя взять с крестьян; и даже едва ли нынешние повинности так исправно уплатятся, как они доселе платились. — В таможенных доходах должна быть довольно значительная недовыручка; и питейный сбор, доведенный до размеров чрезвычайных, едва доставит следующие с него деньги; к тому же он основан на контрактах и, следовательно, и не может быть увеличен. Усиление подати на соль есть средство, на которое может быть указано в ответах на статьи европейских публицистов; но мы, русские, знаем всю невозможность его приведения в действие: этот прибавок налога лег бы преимуществен-

но на низший класс, который и без того беден и платит все, что он только может уплатить; и сверх того имел бы самое вредное влияние на общественное здоровье и на земледелие. Прочие наши налоги так незначительны, что удвоение их не даст казне и десяти миллионов рублей сер. Следовательно, налоги не могут доставить нам нужных средств к продолжению войны.

II. Займы

Займы могут быть внешние и внутренние. Уже опыт доказал, как тягостен заем внешний в настоящих обстоятельствах. Он едва состоялся летом текущего года; он, вероятно, совсем не может состояться теперь, когда область войны все более и более расширяется. Следовательно, возможен только заем внутренний. Нельзя не сознать, что вообще мы бедны капиталами, что капиталы, которые мы имеем, уже все находятся в кредитных учреждениях, т. е. в руках правительства, что мы особенно страдаем недостатком капиталов и отсутствием частного кредита и что эти два бедствия суть главные причины теперешнего застоя нашей торговли. Заем внутренний извлечет последние деньги из народа, и сверх того он не доставит казне денег в действительности, ибо мы должны будем взять их из банков, которые имеют незначительные наличные фонды и которым казна должна огромные суммы; следовательно, она должна будет возвратить кредитным учреждениям почти те же суммы, которые она получит от частных лиц.

Многие думают, что мы можем сделать заем внутренний посредством выпуска билетов казначейства. Конечно, эти билеты пользуются общим к себе благорасположением. Они ходят во внутренности России даже с премией и их довольно трудно доставать. Но до сих пор, по показанию г. Тенгоборского, их выпущено только на 75 мил. рублей сер. При теперешнем застое торговли и промышленности значительный выпуск сих билетов едва ли разойдется безостановочно. К тому же для приобретения сих билетов усилятся выемки из банков и уменьшатся вклады в сии учреждения, и барыш будет только для частных лиц, которые вместо 4 процентов в год получают $4\frac{32}{100}$ процента. Следовательно, к этому внутреннему займу должно отнести то же, что мною сказано о внутренних займах вообще.

Некоторые финансовые люди говорят, что казна в обеспечение внутреннего займа может представить свои рыбные ловли, земли и другие имущества. Это обеспечение могло бы удовлетворить европейских капиталистов при внешнем займе; но наши денежные люди сочтут их менее чем за ничто. Мы верим нашему правительству, его стойкости и добросовестности, верим совокупности его доходов и нравственной его ответственности за долг; но если оно представит в обеспечение часть своих доходов или иной вещественный залог, сохраняя при том неограниченную свою власть на распоряжение всем и всеми, то общее доверие к казне не только не усилится, но ослабнет; ибо в этом действии всякий русский увидит лишь грустный признак затруднительности ее положения. Огромность капиталов, вложенных в банки, свидетельствует о нашей доверии к правительству. Теперь оно у нас не может более занять, потому что уже все, или почти все, что имеем, мы ему уже доверили. Следовательно, и этот источник необилен и не может соответствовать потребностям настоящего времени.

III. Выпуск кредитных билетов

Выпуск кредитных билетов есть, конечно, источник богатый и могущий, по-видимому, удовлетворить всем государственным нуждам в настоящее время. Но этот благодетельный и обильный ключ исходит из такой вершины, которая даже не подлежит действию верховной власти. Усилить его труднее, чем даже в начале открыть, и указами его не оживишь, когда он начнет иссякать. Не говорю о Франции и Австрии, где бумажки доходили до бесценности, но собственная наша история нынешнего столетия сохранила для нас урок, который мы не должны забывать. Еще люди, ныне живущие, помнят, как ассигнации пользовались общим доверием и как они были любимую ходячею в государстве монетою. При усиленных выпусках они начали упадать: в 1803 году рубль серебром стал уже равняться 1 руб. 25 коп. ассигнациями; в 1810 году он дошел до 3 рублей, а в 1815 году он представлял не более, не менее, как 4 руб. 18 коп. ассигнациями. Известно, какое расстройство произведено было этим государственным банкротством в частных и казенных оборотах и богатствах; но тогда весь наш быт частный, общественный и государственный был гораздо проще и малосложнее. Вполовину меньшее банкротство

казны ныне произведет вдвое большее расстройство в государстве; единство и твердость наших кредитных установлений, высоко ценимых даже иностранцами, беспристрастно в оные вникнувшими, погибнут безвозвратно, и Россия поставлена будет на краю гибели. — Известны усилия нашего правительства с 1817 года к восстановлению ценности бумажек; но известно также, что результаты далеко не соответствовали его ожиданиям. Наш государственный кредит несколько утвердился только с 1843 года, когда установлена была новая система билетов с разменным фондом²⁵. Конечно, наш разменный фонд значителен, и он может снести выпуск новых кредитных билетов на 50, на 100, даже, быть может, на 200 мил. руб. сер. Но 50 или 100, или даже 200 мил. рублей, выпущенных билетами, не истощат ли всей возможности дальнейших выпусков? Выпуск такой значительный, произведенный в течение одного или полутора годов, не уронит ли их ценности? Не наводнит ли он государства капиталами, которые тотчас не найдут себе деятельного помещения и поступят в кредитные учреждения? Не страшна ли уже и без того цифра вкладов в наши банки? — Дерзко было бы отвечать отрицательно на эти вопросы. Мы знаем, как твердо доверие народа к кредитным билетам; но мы знаем также, с какою похвальною осторожностью правительство доселе их выпускало. Конечно, важен при бумажных деньгах разменный фонд, но еще важнее для их ценности итог выпущенных билетов.

Для каждого государства во всякое время есть известная сумма денег, потребная для его оборотов. Если эта цифра ниже местной потребности, то дорожают деньги и дешевеют товары, и извне мало-помалу пополняется недостаток в деньгах привозом драгоценных металлов. Если сумма денег в государстве выше местной потребности, то дешевеют деньги и дорожают товары, — и металлические деньги выходят из государства. Как первый недостаток несколько стесняет развитие промышленности, но ограждает государство от внезапных потрясений в торговле и кредите, так последний недостаток, оживляя временно мануфактуры и торговлю, готовит им более или менее тяжкие кризисы. До сих пор мы удерживались до некоторой степени в золотой середине между сими двумя крайностями. Усиление цифры кредитных билетов следовало постепенно за развитием торговли и промышленности; но теперь, при остановке денежных оборотов, не чувствуется ли уже излишек в кредитных билетах? Звонкая монета исчезает из обращения; полуимпериалы выме-

ниваются в Москве по 5 руб. 25 коп., а в Варшаве цена на них 5 руб. 35 коп. и даже 38 коп.; и требования размена билетов на золото, как слышно, усиливаются. Несмотря на запрещение вывоза золота за границу, разве не вывезут его жида, умевшие, как говорят, провезти контрабандою несколько тысяч штуцеров²⁶? Не будет ли правительство в необходимости приостановить размен билетов на золото, и чрез то не лишит ли их того основания, которое доставляло им доселе даже предпочтение пред золотом и серебром? Цены у нас на товары и имущества в последние 15 или 20 лет хотя возвысились, но это возвышение было постепенное, едва чувствительное и еще вовсе не чрезмерное в сравнении с прочими европейскими государствами. Если мы теперь, при общем застое торговли, в течение года выпустим 50 или 100 мил. рублей сер., то отнюдь не должны льстить себя надеждою, что такой выпуск, значительный и внезапный, не произведет потрясения в денежных оборотах. Конечно, и за муку, и за сукно, и за подводы билеты будут сначала приниматься охотно и безостановочно, потому что ими можно уплатить и подати в казну, и проценты в банковые учреждения; но будут от этих денег излишки, и эти излишки неминуемо произведут повышение цен внутри государства и уронят курсы в отношении к чужим краям. Правительство должно будет впоследствии покупать и провиант, и вино, и прочие нужные для него вещи по возвышенным ценам; и в той мере, как выпуски билетов будут усиливаться, цены на произведения будут возвышаться, и мы дойдем до худшего положения, чем то, в котором столько лет находилась Австрия, где билеты *Wiener Wahrung*²⁷ (венской валюты — нем.) имеют почти ничтожную ценность. Я сказал, что наше положение будет худшее, потому что у нас все банки в руках правительства, что наши банки, за отсутствием частного кредита, представляют весь кредит России, и что сколько этот порядок вещей тверд при обыкновенных обстоятельствах, и даже во времена чрезвычайные при большой осторожности правительства, столько же он будет бессилен, но совершенно бессилен при потрясении доверия к правительству. У нас доверие к правительству еще сильно, — оно еще продержится: но если оно начнет упадать, то, как единое в России, оно будет упадать не постепенно, а быстро, и так быстро, что ничем нельзя будет его удержать. Следовательно, и этот источник, сколько он ни богат, ни заманчив, не может дать нам средств к продолжению войны многолетней и многолетней.

IV. Пожертвования

Последнее средство, которое остается нам рассмотреть, есть пожертвования. Конечно, нельзя сомневаться в готовности русских жертвовать всем для спасения отечества. Мы видели, с каким единодушием Россия прошедшею зимою готова была на пожертвования, когда дело шло только о вспомоществовании единоплеменным и братьям во Христе. Теперь дело касается нас еще ближе: хотят унижить, сжать Россию. Конечно, в последнее время желание жертвовать, видимо, поослабло, но это единственно потому, что мы не знаем, необходимы ли для правительства пожертвования, что мы смущены его уступчивостью в отношении к европейским державам и что даже мы боимся, чтоб пожертвованные нами деньги не послужили на уплату военных издержек Франции и Англии. Наши пожертвования прошедшего года были только заявлениями нашего желанья жертвовать. Теперь для пожертвований мы ждем, чтоб цель войны более уяснилась, чтоб царь сказал, как некогда сказал император Александр I, что он не положит оружия, пока земля русская не будет совершенно очищена от врагов и пока святое дело, для которого начата была война, не будет исполнено²⁸; и сверх того мы ждем, чтоб дана была нам возможность принести на алтарь отечества действительные жертвы. В настоящем виде наши пожертвования могут мало доставить пользы казне: за дворянством считается с небольшим 10 мил. душ, или около 4 000 000 тягол²⁹. Тягло обыкновенно дает от 15 до 25 руб. сер. дохода. Следовательно, доход дворянства с поместий может быть определен в 80 мил. рублей сер. Но большая часть имений заложены в кредитных установлениях, и взносятся процентов в оные не менее 30 мил. рублей сер. Сверх того, сколько дворян, обремененных частными долгами, разными взысканиями и многочисленными семействами, из которых по одному или по несколько лиц содержатся ими в войсках. Если дворянство жертвует десятый процент с своих доходов, то и в таком случае менее 5 мил. поступит в казну.

Допустим, что купечество жертвует около той же суммы. Это составит только 10 миллионов. Сверх того дворянство и купечество, жертвующие каждое с своей губернии и в своем городе, не могут жертвовать ни с равным единодушием, ни в равных размерах. Непременно они будут смотреть друг на друга: и как они спе-

шили заявлять о своем желании жертвовать, так ныне они будут мешкать действительными пожертвованиями, ибо никто не захочет много отстать от других, но никто не согласится, при нынешних трудных обстоятельствах для земледелия, мануфактур и торговли, взвалить на плечи своего общества преимущественную тяжесть пожертвований. Впрочем, допустим почти невозможное: положим, что дворянство и купечество в сложности пожертвуют вдвое против наших исчислений: это уже будет крайний, разорительный предел их возможности жертвовать: а между тем сумма дойдет только до 20 миллионов. Сумма сама по себе, конечно, значительная, но в сравнении с потребностями войны весьма недостаточная. К тому же подобные пожертвования породят те же неудобства, которые мы выше указали, говоря о налогах и внутренних займах: они извлекут из народа остальные капиталы, умножат выемки из банков и уменьшат вклады в оные. Следовательно, и этот источник, сколько он ни свят, ни важен, однако недостаточен для покрытия необходимых издержек войны.

Обыкновенные денежные средства недостаточны

Из всего вышеписанного ясно, что обыкновенные, доселе употребленные, средства достаточны в совокупности для покрытия расходов одной, быть может, двух кампаний; но кто поручится, чтоб не было трех, четырех кампаний, а, быть может, и более? Европейские державы убеждены в слабости финансовых средств нашего правительства. Конечно, ответ г. Тенгоборского на статью Леона Фоше³⁰ не мог изменить их убеждений. На эту нашу слабость они рассчитывают, конечно, более, чем на свои пекзаны³¹, револьверы и плавучие батареи. Можно ли надеяться, что они в конце 1855 или 1856 года будут к нам милостивее, чем теперь, когда они требуют ни более, ни менее, как нашего унижения и посрамления? Европа думает, что без ее денег мы бессильны и что наше правительство в скором времени окажется совершенно несостоятельным к продолжению войны. Не важно ли, не необходимо ли теперь ей показать, что наши средства огромны и что они так же неиссякаемы, как и собственные их средства? Такое заявление не будет ли путем к миру более надежным, чем принятие нот, обманчиво нам из Вены предлагаемых? Но какие же иные средства мы имеем?

Богатство и бедность России

Недаром Россия издавна слыла и еще ныне слывет странною богатою: почва ее плодородна; морей, рек и озер в ней обилие большое; горы ее исполнены всяких металлов, и народ здоров и смышлен. Конечно, богаты мы от природы, но бедны лишь от самих себя: пути сообщения у нас крайне недостаточны; земледелие находится в детстве; мануфактуры живут лишь займами извне; торговля внутренняя очень слабо развита, а внешняя дышит почти одним иностранным кредитом; доверие между частными лицами едва существует; общественных предприятий нет или почти нет; науки у нас питаются лишь крохами, падающими с трапезы богатых. — Грешно скрывать в землю дарованные таланты. Не в наказание, смеем надеяться, а в назидание наше начинается теперь у нас великая борьба с Западом, где всякие производительные силы в последние 40 лет развились до размеров едва вероятных. В Европе по железным дорогам товары и войска летят из одного конца земли в другой; мануфактуры почти все приводятся там в движение парами, удесятворяющими силы человеческие; обращающихся капиталов столько, что даже при значительных государственных займах торговля и промышленность не терпят от того большой остановки; кредит частный так силен, что случающиеся банкротства нимало его не подрывают, и всякий, предпринимающий что-либо дельное, всегда находит деньги; общественных предприятий столько, что правительства считают даже долгом налагать некоторые границы слишком заносчивым предприятиям; наконец, науки втянули в круг своей деятельности земледелие, мануфактуры, кредит, финансы и проч., и по всем частям они творят неслыханные доселе чудеса. Даже военное дело до того усовершенствовано там наукою, что среди мира сделаны в нем значительные улучшения: оружия французские и английские имеют решительное превосходство над нашими, французские стрелки уничтожают наших артиллеристов и смущают наши колонны; а флоты Англии и Франции, воспользовавшиеся новейшими усовершенствованиями, ходят по морям, как люди ходили доселе посуху.

Что России теперь делать?

Что же нам теперь делать? Как развивать нам свои силы и разрабатывать те богатства, которыми мы так щедро наделены от Бога! Средств к тому много, указать их нетрудно; но теперь нужнее всего

достать денег, много денег, и не в будущем, а в настоящем, — или мы должны подвергнуть себя уничтожению пред врагами нашими.

Конечно, ни один русский не согласится купить мир, хотя для нас крайне нужный, ценою уничтожения пред врагами, и всякий готов хоть себя заложить, лишь бы только покончить с честью дело, начатое с целью благою. Мы бедны деньгами, но богаты преданностью к нашей родине и теми неисчерпаемыми кладами, которые заключаются в земле и в нас самих. Эта преданность к отечеству может нас самих преобразить и создать даже деньги, которых у нас нет в наличности.

В чрезвычайных случаях и средства должны быть чрезвычайные

В чрезвычайных случаях и средства должны быть чрезвычайные. Доселе правительство и народ составляли две силы, хотя связанные чувствами любви, но часто разъединенные видами, интересами и способами действия. Слияние этих двух сил теперь нужнее, чем когда-либо. Оно одно может спасти нас в настоящую минуту. Доселе наше доверие к казне было более вынужденное, чем добровольное, ибо мы вверяли свои наличные деньги государственным кредитным учреждениям, потому что за отсутствием частного кредита мы почти не могли их иначе поместить. Теперь предстоит нам доверить казне то, чего нет еще в наличности и что должно быть у нас только со временем. Такое доверие может быть только добровольное и должно истекать из полного и глубокого убеждения в великой будущности России: властью такого доверия не породить и силою не определишь и не возьмешь того, чего еще нет. Оно возможно только при полном искреннем доверии, т. е. при слиянии воедино правительства и народа. Одни слова не в состоянии произвести такого великого дела; нужно для того личное, изустное общение между правительством и народом. Пусть царь созовет в Москву как настоящий центр России выборных от всей земли русской; пусть он прикажет изложить действительные нужды Отечества, — и мы все готовы пожертвовать собою и всем своим достоянием для спасения Отечества. Как такая готовность может выражать только наши чувства, ибо нельзя ни всем идти на войну, ни все достояние России употребить на военные расходы, то выборные, с общего совета, определяют способ осуществления этой готовности. В людях у нас недостатка не было, нет и не будет.

Мы не англичане; наемников искать не будем; всякий, и старый и малый, готов идти за Отечество.

Новый вид внутреннего займа, обеспеченного всем достоянием России

Но выборные наши изыщут средства к добытию денег для войны; они определяют известный сбор с деревень, с заводов, с фабрик, с капиталов и с других имуществ для составления суммы не той, которую они предоставят в распоряжение правительства и которая не может быть значительною, но той суммы, которая будет служить только для уплаты процентов с погашением на билеты, имеющие быть выпущенными, на основании сего пожертвования, и которая, следовательно, будет в много раз более итога сумм, назначаемых к ежегодному сбору. Если выборные на первый раз определяют ежегодный взнос только шести миллионов рублей сер., то эта сумма из расчета шести процентов даст уже казне возможность выпуска билетов сего нового, так сказать, народного займа на 100 мил. руб. сер. Проценты на сии билеты определены будут, вероятно, те же, какие ныне платятся на билеты казначейства, т. е. $4\frac{32}{100}$ и, следовательно, останется один процент на погашение и $6\frac{8}{100}$ процента на необходимо должествующие быть расходы и на недоимки по сбору этих денег. Сбор сей должен продолжиться 36 лет и по мере развития наших производительных сил будет все менее и менее для нас обременительным. Билеты сего займа отличатся от нынешних билетов государственного казначейства тем, что они будут уплачиваться не все сполна по истечении 8 лет, как то доселе было, а по истечении известного срока, ежегодно по частям: и что для уплаты процентов и погашения долга назначена будет особая сумма, имеющая собираться со всех имуществ России. Они будут тверды, ибо обеспечением их будет служить все достояние России. Вид этого пожертвования возможен, ибо не все достояние России принесется в жертву, но лишь процент с оною, т. е. часть доходов с этого достояния. Этот пожертвованный налог будет менее тягостен, чем налог от правительства установленный, потому что он будет добровольно утвержден, что он падет на такие имущества, которые, по мнению выборных, могут оный снести, и что он будет по возможности уравнительно разложен. Он извлечет из народа и из кредитных установлений немного денег, ибо из 100 рублей, предоставляемых в распоряжение казны, только 6 рублей потребуют-

ся теперь и поступят большею частию из доходов, а не из капиталов. Этот налог в 6 мил. руб. сер. доставит казне 100 мил. руб. сер., и может быть со временем повторен столько раз, сколько нужды войны того требовать будут. Подобный выпуск не уронит кредитных билетов, ибо билеты сего займа будут не деньгами, ищущими помещения, но деньгами, уже помещенными и проценты приносящими.

Быть может, что, одобряя предлагаемую мною меру, иные скажут, что они не видят необходимости созывать выборных со всех концов России, когда наше правительство само может установить всякий нужный налог. На это я должен отвечать, что налоги у нас и теперь нелегки, что нового налога на какие-либо вещественные, осязательные предметы придумать теперь трудно, что правительство справедливо опасается усиливать налоги уже существующие, что усиленные налоги никогда не дают ожидаемого от них сбора, что государь принимает пожертвования и что даже он своим последним манифестом нас на то вызывает³². Следовательно, пожертвования самим правительством считаются нужными. Главная цель моего предложения есть доставить для продолжения войны суммы значительные и вместе с тем дать пожертвованиям вид разумный и цели соответственный, ибо нельзя не сознаться, что бывшие доселе пожертвования, в которых участвовал более или менее, посредственно или непосредственно, почти всякий русский, доставили казне мало, очень мало денег. — Попробуйте указом установить налог с доходов, и вы увидите, что он доставит казне еще менее денег, чем сколько ей доставили пожертвования, даже в настоящем виде. — Переложите его даже на имущества, и вы в десять лет не определите ценности имуществ или разверстаете его так, что иной будет платить мало, а другой несоразмерно много, и вы как раз установите премию в пользу обмана и бессовестности и налог на честность и усердие к отечеству. — Чтоб этот налог был производителен, надобно, чтоб он был добровольен, чтоб он доставлялся по собственному личному убеждению в необходимости и пользе этого взноса и чтоб клеймо стыда налагалось общим мнением на уклоняющихся от сей повинности.

Возражения против предлагаемого способа

Против сего единственного, по моему мнению, способа к спасению отечества в предстоящей борьбе с Европою могут быть сделаны следующие возражения:

1. Собрание выборных может затруднить действия правительства.

2. Собрание выборных неудобно по огромному пространству России и по медленности наших сообщений. Также щекотливо решить, от каких сословий выборные должны явиться в собрание.

3. Сбор процентный для выпуска билетов предлагаемого займа не доставит ожидаемых от него сумм как потому, что невозможно определить с некоторою верностью стоимость имуществ России, так и потому, что взнос этих денег будет едва ли исправен.

Рассмотрим сии возражения одно после другого.

Собрание выборных может затруднить действия правительства

Опровержение

Первое возражение истекает из знания Европы и ее истории и из незнания России и ее истории. Как оппозиционный дух присущ Западу, так он чужд человека русского. История наша может служить тому неопровержимым доказательством. Выборные от всей земли русской собирались много раз в Земскую думу, представляли царям свои приговоры и не оставили в истории ни единого следа оппозиционного направления. Думы думали, царь решал, и действия правительства ничем не ограничивались. Подобные Думы созывались при предках ныне царствующего императора, даже в первые годы царствования Петра Великого³³. При императрице Екатерине были созваны депутаты для составления общего уложения для империи; дело не удалось по разным причинам, но, конечно, не по оппозиционному духу, в нем развившемся³⁴. Даже император Александр в годину вторжения Наполеона в наши пределы созывал московское дворянство и купечество как представителей России³⁵, ибо тогда не доставало времени для созыва выборных от всей земли русской; и в этом собрании союз государя с народом скреплен был так, что вся Россия одушевилась одним чувством, что встала вся, как один человек, и готова была положить и себя, и все достояние на алтарь Отечества. — Собрания дворянства, купечества, мещанства и крестьян бывают у нас постоянно в узаконенные сроки; и ни в одном подобном собрании не проявляется никогда Дух оппозиционный. Почему? По слабости ли, по разъединенности ли и по необразованности этих собраний?

Но разве слабые, еще более разъединенные и еще менее просвещенные, французские, итальянские, немецкие и другие общины и сословия с древнейших времен не проявляли оппозиции и против королевской власти, и один против другого? Мы любим власть, верим ей и убеждены в том, что она должна быть сильна, чтоб быть благотворною; и сопротивление власти, потребность ее ограничить также чужды русского народа, как и самого православия, составляющего сущность всего нашего быта. Для иностранцев это непонятно; для людей, хотя русских, но образованных духом Запада, оно также кажется странным; но для всякого истинно русского оно так естественно и разумно, что он даже не допускает возможности противоположного направления у нас в России и с сожалением смотрит на мятущуюся Европу. Созвание выборных в Москву в теперешнее, крайне важное и грозное время оживит всю Россию, скрепит союз царя с народом и воздвигнет такую силу, которая в состоянии будет сокрушить все замыслы искусственно соединенной Европы.

Собрание выборных затруднительно по пространству России

Опровержение

Второе возражение столь же малоосновательно. Конечно, Россия пространна, и сообщения у нас медленны, но созыв, избрание и приезд выборных в Москву потребует не более двух, трех месяцев. Если из отдаленных стран они и не приедут к сроку, то беда невелика. Один манифест об этом созыве уже произведет большое одушевление в России и в ее войсках. Европа кознями и софизмами соединяет силы вещественные, нравственные и умственные против России. Неужели штыками и одними массаами мы думаем их одолеть? Необходимо обратиться к живым русским силам, — к сочувствию, к смысленности, к самоотвержению русских. Этого теперь нельзя произвести одними манифестами. В такую минуту, какова настоящая, необходимо царю и народу стать лицом к лицу и в живом общении скрепить соединяющие их узы. — Такое созвание и на Европу произведет действие весьма сильное. Там увидят, что уже имеют дело не с одним с.-петербургским кабинетом, а со всем народом русским; а там знают, что такое войны против народов. Западные державы

видят, что наши дипломаты, некогда заносчивые, теперь мягки и уступчивы и что избранный нами способ войны оборонительной предоставляет им выгоды огромные; а потому они надеются, что Россия постепенными уступками доведена будет до того, что она возвратит все приобретенное ею в течение последних 50 лет. Одно созвание выборных в Москву поднимет дух русский и подавит дерзкие замыслы Европы. — Что же касается до решения того, от каких условий должны быть созваны выборные, то это зависит совершенно от воли правительства. От кого ожидают и желают пожертвований, от тех должно созывать и выборных.

Сбор процентный для выпуска билетов предлагаемого займа не доставит ожидаемых от него сумм

Опровержение

Наконец, должно рассмотреть последнее возражение. Основанием ему служат, как кажется, или чиновничьи понятия о вещах, или отчаяние в будущности России. Конечно, определение ценности имуществ в России крайне затруднительно для правительства, действующего за номерами, на бумаге и чрез чиновников, вообще не пользующихся ни его, ни нашим уважением; но теперь, когда все трепещут за честь, безопасность и судьбу России и когда все пламенно желают помочь царю в предстоящей борьбе с Европою, то и это, конечно, трудное дело окажется не только возможным, но даже и менее многосложным, чем вообще полагают. Впрочем, всякая вещь трудна и легка, невозможна и удобна, глядя по тому, с какого конца за нее возьмешься. Ученый кадастр³⁶, как его делали во Франции и Баварии, для нас невозможен; но приблизительная оценка, под влиянием общей готовности всякого русского пожертвовать всем для спасения Отечества, сделается так легко и скоро, что изумятся даже те, которые считают это дело не крайне трудным. Русский человек одарен чудною способностью дела делать просто: плотник выстраивает и выделывает избу с помощью одного топора; счеты с деревянными катушками заменяют ему всякую бухгалтерию. Почему и выборные в несколько дней изустных совещаний более и лучше все это устроят, чем могли бы то сделать чиновники в продолжение многих годов. С помощью некоторых статистических данных, имеющихся в Министерствах финансов

и внутренних дел, и сведений, которые доставят сами выборные, это определение ценности имуществ легко может быть составлено. На первый раз оно будет несовершенно; впоследствии оно может быть исправлено самими выборными на местах; но главное дело уже будет сделано. — Сомневаться же в сборе сих процентных денег значит отчаиваться в России. Если правительство не имеет веры в нас, если мы не имеем веры в него и в самих себя, то остается нам просить, Христа ради, помилования у врагов наших. Как такие мысли чужды всякого русского, то не считаю нужным останавливаться более на опровержении сего мнения.

Самые существенные возражения против предлагаемого займа

Самые существенные возражения, которые могут быть сделаны против выпуска билетов нового, мною предлагаемого займа, заключаются, во-первых, в том, что огромное их количество, прибавленное к сумме уже выпущенных кредитных билетов, уронит ценность бумажных денег вообще; и, во-вторых, что для приобретения сих билетов усилятся выемки из кредитных установлений и уменьшатся вклады в оные; и что, следовательно, сказанное мною против выпуска кредитных билетов и против внутренних займов вообще может быть сказано и против этого займа. В этом много справедливого, хотя и не все. Конечно, масса денег прибавится, ибо часть билетов нового займа заменит деньги, обращающиеся в народе, а равно и лежащие в кассах на случай надобности в оных; но не должно выпускать из виду существенную разницу, имеющуюся между кредитными билетами и билетами нового займа: первые требуют помещения, последние суть уже деньги помещенные и проценты приносящие. Правда, что сии билеты отчасти увеличат денежный итог в государстве, но только отчасти, ибо значительнейшая часть из них будет лежать, как билеты банковые, в шкапулках, в залогах и проч., и, следовательно, не будет собою умножать обращающийся денежный капитал. Что же касается до умножения выемок и уменьшения вкладов, то, конечно, необходимо будет усилить резервный фонд банков, т. е. выпустить кредитных билетов на некоторую сумму; но этот выпуск, соединенный с выпуском билетов, приносящих проценты, будет незначителен и во всяком случае несравненно менее обременит денежный обращающийся

фонд, чем если б допущено было умножение оного чрез выпуск одних кредитных билетов. Сверх того этот заем, заключаю в самом себе и свое погашение, не готовит правительству в будущем никаких затруднений, чего, конечно, нельзя сказать о выпуске одних кредитных билетов. Само собою разумеется, что гораздо было бы выгоднее для государства и для частных лиц не умножать кредитных билетов и не делать нового займа; но как война не грозит нам в будущем, а уже есть в настоящем, то лучше откровенно занять у будущего, и тяжесть ее разложить на всех граждан, чем молча, так сказать, украдкою разорять государство, подвергать значительному убытку всех производителей в течение продолжительного времени и готовить в близкой будущности полное государственное банкротство в России. — Главная моя надежда при предлагаемой мною мере основана на оживлении России в промышленном и торговом отношении. Как мы страдаем не худосочием и не истощением сил, а только застою крови во всех частях нашего огромного тела, то при одушевлении, которое неминуемо произведет в нас с искренностию написанный манифест о собрании выборных от всей земли русской и при некоторых мерах к поощрению торговли, промышленности и земледелия, все наши силы — умственные и вещественные — быстро устремятся к развитию. В этом великом деле существенную пользу должно принести собрание выборных: люди разных сословий и из разных местностей укажут на причины застоя внутренней торговли, на препятствия, удерживающие развитие мануфактур и земледелия, и на меры, которые могут быть приняты для усиления и распространения всех отраслей народной промышленности. При нынешнем застою денег у нас, быть может, уже слишком много; при оживлении же промышленности почувствуется в них даже недостаток; и одновременные выпуски билетов кредитных и билетов заемных не только не переполнят чашу денежного обращения, но будут источниками умножения народных богатств. Все дело в том, чтоб нас принудить к разработке наших сокровищ, и если война это исполнит, то миллионы, которые она поглотит, возвратятся к нам с лихвою.

Франция произвела один значительный заем и решилась учинить другой; Австрия прибегла к этому средству в размерах огромных; и Англия также готовится на подобную меру. Россия заняла 50 мил. рублей чрез посредство банкира Штиглица, выпустила несколько серий билетов казначейства и усилила на 50 мил. резервный фонд

банков; но всех этих денег едва должно быть достаточно на расходы истекающего года, будущие же потребности войны остаются, кажется, непокрытыми. К каким средствам прибегнет ныне правительство для получения нужных денег? Прибегнет ли оно к усилению налогов, или к внутреннему займу, или к выпуску кредитных билетов, или к пожертвованиям, или к совокупности всех этих средств? Или, из опасений финансовых, решится оно на мир неславный? Все эти опасения терзают Россию, подавляют дух ее и убивают ее промышленность и торговлю. Тайна нужна в некоторых военных и дипломатических делах; но она есть гроб для государственного кредита. Мы верим вполне людям и правительствам, которых дела нам вполне известны. Как скоро они начинают свои распоряжения прикрывать тайною, то доверие наше слабеет и наконец иссякает. Доказательств тому много и в частной, и в государственной жизни. Кто должен более Англии? и чей вместе с тем кредит крепче английского? Почему? — Потому что все действия английского правительства по финансовой части совершенно гласны. Мог скрывать свои дела Наполеон, стремившийся покорить мир под свою державу и разоривший чрез то Францию и всю Европу; но Россия в настоящей войне стоит за дело святое, все сыны ее вполне сочувствуют в этом своему царю и готовы отдать все для достижения благой цели настоящей войны. Правительство может сказать: мне нужно столько-то денег и на такие-то потребности; и Россия со всеми ее физическими, нравственными и умственными силами окружит царя и составит ему против европейских домогательств оплот несокрушимый! Какая вместе с тем жизнь разовьется во всей империи: прекратится тяжкая неизвестность, убивающая ныне торговые и промышленные предприятия; всякий, зная, что добывать деньги нужно, будет изыскивать к тому средства; с оживившимся доверием к правительству возникнут у нас новые фабрики и заводы; составятся компании для устройства нужнейших железных дорог, и внутренние обороты так усилятся, что с излишком вознаградят нас за временное отсутствие внешней торговли. Нужно для всего этого лишь одно доверие царя к народу; народ же с своим доверием уже стремится к нему навстречу. Да утвердит Господь доверие между царем и народом и да будет оно для них источником крепости, богатства и славы.

Декабря 1854 года, Москва

СООБРАЖЕНИЯ КАСАТЕЛЬНО УСТРОЙСТВА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В РОССИИ

(Ответ «Современнику»)

Важнейшее, обильнейшее по последствиям изобретение, ознаменовавшее последние двадцать пять лет, есть конечно устройство железных дорог. Оно не только произвело чудеса в мире промышленности и торговли, но имело самое сильное влияние на образованность людей, на общественную и государственную жизнь народов. Быстрое размножение железных дорог в Европе и Америке, огромные выгоды, доставленные ими строителям и в особенности местностям, чрез которые они пролегают, значительное усиление государств, безбоязненно и решительно их себе усвоивших, и почти мгновенное распространение плодов человеческой мысли в странах, которые воспользовались сим новым способом сообщения, превзошли самые смелые расчеты и самые дерзкие ожидания людей, страстно выхвалявших это великое открытие, и неоспоримо утвердили за ним первенство могущества над всеми доселе сделанными изобретениями. Еще свежо у нас в памяти, как иные упорно отвергали пользу и важность сего нового способа передвижения, и как другие, видя в нем какую-то адскую революционную машину, старались, для блага человечества, задушить ребенка в колыбели; а теперь, по истечении менее двух десятилетий, едва ли кто решится оспаривать сильное и большею частью благотворное действие чугунок* на весь быт человеческий.

Правда, что оценивая вполне выгоды, из них проистекающие в промышленном и торговом отношениях, многие еще недостаточно сознают влияние их на область более важную, более существенную для человека, т. е. на нравственную, умственную и общественную его жизнь. Впрочем, это и неудивительно: одно бросается в глаза, другое должно быть усмотрено, и не с первого взгляда; первое свидетель-

---

* Слово «чугунка» у нас, на языке народном, присвоено железным дорогам. Оно конечно не совсем верно, но разве с железною дорогою необходимо соединено понятие паровоза? А между тем мы употребляем слово: железная дорога, и вагоны, несущиеся с крайней быстротою и пр., рисуются нашему воображению. Слово: чугунка для обозначения новых путей сообщения почти так же верно, как и слово: железная дорога; но оно гораздо живее и короче, а потому не следует, кажется, отказывать ему в праве гражданства и в письменном нашем языке.

ствуется цифрами, последнее создается наблюдением, при некоторой ясности умственного воззрения. Большинство цивилизованных людей еще привыкло считать наш век по преимуществу *промышленным*, смотреть на богатство, как на идол, которому все должно быть принесено в жертву, и определять могущество и благоденствие государств по количеству накопившихся в них вещественных капиталов; а потому и немудрено, что даже лучшие из этих людей еще остаются в протертых колеях, судят на основании материальных систем Запада и готовы превратить государства в обширные мастерские или в суетливые биржи, не заботясь об удовлетворении важнейших потребностей гражданского общества. Есть также люди, которые хотят могущественное орудие, железные дороги, обратить преимущественно на достижение цели, конечно важной, но все-таки частной, а именно, на выгодное размещение и быстрые передвижения войск, не подозревая вероятно, что железные дороги суть такие сильные двигатели, что с ними должно обходиться крайне осторожно, и что направление их, несоответственное истинным потребностям государства, может нанести ему большой вред. Государство не есть ни мастерская, ни биржа, ни стан воинский; в нем конечно производятся всякие отрасли промышленности и торговли и в нем приготавливаются средства к защите земли и народной самобытности; но в нем есть также нечто высшее, чем определяется его значение в мире и что должно служить государству неизменным правилом в его действиях. Иметь в виду отдельную какую-либо цель, при распределении сети железных дорог и при назначении центрального для них пункта, значит еще ошибочно судить о важности, могуществе и всепроницаемости действия железных дорог на частный, общественный и правительственный быт государства.

Эти размышления в особенности внушены нам были чтением статьи, в недавнем времени напечатанной под названием *Соображения касательно устройства железных дорог в России* (Современ. 1856 г. № 2). Автор³⁷ прекрасно излагает выгоды, проистекающие вообще из сооружения сих новых путей сообщения; он показывает, что они особенно плодотворны в странах обширных, обильных всякими естественными богатствами и еще лишенных достаточного количества обыкновенных улучшенных дорог, и приводит неопровержимым тому доказательством Северо-Американские Штаты, развивающиеся во всех отношениях с быстротою, доселе беспримерною в истории. Переходя к России, автор объясняет, что все причины, благоприятствовавшие

чугункам в Америке, существуют, и *еще в большей степени*, в применении их к отечеству нашему. Действительно, при огромнейшем богатстве естественных произведений и при замечательных способностях жителей ко всяким промышленным занятиям, у нас земледелие, фабрики, заводы и торговля почти в детстве, и это главнейше потому, что мы не имеем несколько сносных путей сообщения. У нас мало искусственных дорог, во многих местностях построение их даже невозможно; а естественные пути, особенно по черноземным губерниям, неудобно проезжи в течение большей половины года и сносны только среди лета, когда люди почти исключительно заняты сельскими работами, и сверх того в зимние месяцы. Но самые зимние дороги, прославленные многими в качестве естественных шоссе и даже ничего не стоящих чугунок, так редко и так кратковременно бывают способны для проезда; в остальное же время они так изрыты ухабами, которые, при постоянно усиливающимся перевозках, ежегодно становятся сплошнее, глубже и раскатистее, что санный путь может казаться достаточным средством сообщения, только при самом слабом развитии производительных сил. Теперь, при общем сознании необходимости быстрых успехов у нас как в промышленности, так и в торговле, нельзя иначе смотреть на дороги шоссейные и естественные, как на пособие для подвозов клади и лиц к железным дорогам; железные же дороги мы обязаны себе усвоить и притом как можно скорее, и в больших по возможности размерах, или нам придется отказаться от всякого участия во всемирной промышленности и торговле, а с тем вместе и во всемирной политике и в общечеловеческой образованности.

Потом автор вышеупомянутой статьи обращается к изложению выгод, ожидаемых у нас от построения железных дорог в военном отношении. Он очень дельно доказывает, что Россия, для удобного размещения и быстрого передвижения своих войск, имеет большую необходимость в чугунках, чем какое-либо другое государство. Но, излагая прекрасно все доводы в пользу этого мнения, он увлекается и, кажется, теряет из виду все прочие обстоятельства, с которыми должно соображаться, при назначении направлений и центра железных дорог. Мы нимало не оспариваем важности этих путей сообщения для военного дела; — напротив того, мы убеждены, что величие России тесно связано с возможностью перебрасывать из края в край массы войск, артиллерию, запасы и пр. Думаем сверх того, что железные дороги доставят России возможность иметь меньшее против

прежнего количество войск под ружьем, следовательно оставлять большее число рук при работах производительных, и вместе с тем быть сильнее, чем теперь, ибо ей несравненно легче будет сосредоточивать войска там, где нужно. Следовательно, мы не только не отвергаем, но даже насколько не уменьшаем необходимости и пользы железных дорог в военном отношении. Мы не можем, однако, предаться увлечению и одобрить план железных дорог, по которому все подчинено одним стратегическим соображениям. Войны бывают по временам; а государство и народ живут и действуют постоянно. К тому же пути, указанные естественным, свободным развитием народных потребностей, оживляя сношения между городами и селениями, всегда могут соответствовать потребностям военного дела: дороги же, предпринятые и исполненные в исключительно военных видах, часто бывают наперекор действительным потребностям страны, уничтожают существующее и порождают насильственные скопления людей и ложные центры деятельности.

Автор вышеозначенной статьи, увлекаясь, как мы прежде сказали, выгодами размещения и передвижения войск, предлагает избрать центром для железных дорог Орловскую губернию, как средоточие пространства, заключающего главные естественные богатства России, и оттуда пустить одну дорогу на север к Москве, чрез Тулу и Каширу³⁸; другую на юг к Черному морю, чрез Курск и Харьков; третью на восток к Саратову и четвертую на запад к Динабургу³⁹, состоящему на С.-Петербургско-Варшавской железной дороге и имеющему соединиться с Ригой чрез предпринятую уже дорогу оттуда до Динабурга.

Скажем мимоходом, что не понимаем, как Орел и Орловская губерния могли, даже с первого взгляда, показаться выгодным центром для железных дорог; ибо ни по географическому положению, ни по существующим торговым, промышленным и другим сношениям они несколько не заслуживают предпочтения пред другими странами Русской империи; сверх того, даже в видах размещения войск по дешевым стоянкам, они не представляют никаких особенных выгод, ибо железные дороги, направленные к промышленным губерниям, должны проходить чрез хлебородные области и следовательно могут доставлять из них войска всюду, куда нужно; куда же они потребуются, неизвестно: ныне требовались они на юг, а завтра могут потребоваться на север. Но рассмотрим обстоятельно предполагаемые отсюда разветвления железных путей.

Не будем говорить о дорогах северной и южной, ибо они указаны самым делом, т. е. необходимостью соединить Москву с Черным морем чрез города Тулу, Орел, Курск и Харьков; но мы осмелимся спросить автора статьи, какого действия для оживления производительных сил, для быстроты сообщений в административном и общественном отношениях, ожидает он от соединения Саратова с Орлом? Главные произведения, ожидаемые из этих стран, суть разного рода хлеба, пенька, конопляное масло, сало и пр. Спрашивается: как эти товары из плодородных, дешевых мест Саратовской и Тамбовской губерний пойдут в хлебородные дешевые же места Орловской губернии? Существуют ли теперь несколько деятельные сношения между Орлом и вышеупомянутыми местами? Полезна, разумна только та чутгунка, по которой передвижение товаров постоянно возвышает на них цены; в настоящем же случае самые главные товары должны будут двигаться во все время по местности, почти равно дешевой. Следовательно, закупка этих товаров в Саратове возможна будет лишь тогда, когда Орловские цены сравняются с Московскими; часто ли это будет случаться и желательно ли это? Доказательством неестественности такого предполагаемого движения служит то, что из Саратовской и Тамбовской губерний до сих пор никогда не возили в Орловскую губернию ни хлеба, ни пеньки, ни масла, ни сала, и что между этими странами доселе не было почти никаких торговых сношений. Все вышеупомянутые товары шли и теперь идут в С.-Петербург чрез Нижний⁴⁰ и Рыбинск⁴¹, а в Москву чрез Моршанск⁴². Желательно ли, при устройстве железных дорог, уничтожать существующие пути и прокладывать новые, едва ли возможные, но во всяком случае не обещающие никаких особенных выгод? Дорога от Саратова к Москве указана самым делом: Саратов отстоит сухопутно от Москвы и от Орла на одинаковое расстояние; Саратовская, Пензенская, Тамбовская и Рязанская губернии, чрез которые Московско-Саратовская железная дорога должна проходить, и прежде были, и теперь состоят с Москвой в довольно живых сношениях; значительно количество клади, ныне привозимой по этому тракту, но вдвое, втрое большее количество клади остается, как известно, не доставленным в Москву, по недостаточности перевозочных средств. Следовательно, здесь проложенная чутгунка существенно оживит и земледелие хлебородных местностей, и промышленность Московской и при-московских губерний; дорога же от Орла в Саратов убьет сношения всех выше-

упомянутых губерний с Москвою и возбудит (если она что-либо возбудит) противоестественные обороты Саратова с Орлом и Ригой.

Дорога из Орла через Динабург в Ригу будет полезна для Орла и для Риги, но она совершенно противна общим государственным и народным потребностям. Ближайшим и неперменным ее действием будет возвышение Орла насчет Москвы и Риги насчет С.-Петербурга. Не думаю, чтоб то или другое соответствовало желаниям России. Москва всегда была в сношениях с Варшавой и Ригой. Как теперь устраивается железная дорога от С.-Петербурга до Варшавы чрез Динабург, и как Рига соединяется особою дорогою с Динабургом, то необходимо связать Москву с Варшавою и Ригою также чрез посредство Динабурга. Эта дорога оживит значительно сношения Москвы с Варшавою и Ригою и будет полезна для всех местностей, чрез которые она будет проходить. Впоследствии Орел может быть связан с Ригою и Варшавою боковою железной дорогой от Орла до Смоленска; но прежде Москва, истинный центр России, должна быть с ними соединена, ибо в деле построения железных дорог сооружение такого-то пути *до, во время или после* сооружения другого какого-либо тракта есть обстоятельство крайне важное.

Автор говорит, что устройство вышеупомянутых дорог, простирающихся только на 2960 верст, удовлетворит главным потребностям внутреннего движения и администрации. Но не упущена ли при этом из виду дорога, которая по количеству и ценности перевозимой клади и по числу приезжающих людей, по живости и огромности торговых оборотов, превосходит конечно тракт от Орла или от Москвы до Динабурга и равняется с крайне важным трактом от Москвы в Саратов? Мы разумеем дорогу от Москвы до Нижнего. Эта дорога в торговом смысле чрезвычайно значительна; доказательствами тому могут служить как ныне существующие огромные сношения между Нижним и Москвою, С.-Петербургом и другими русскими торговыми городами, так и то обстоятельство, что этот путь первый обратил на себя внимание компаний, желавших на свой счет устроить железные дороги в России. Чугунки конечно полезны для стран, богатых естественными произведениями, но для промышленных стран они составляют еще большую необходимость: для первых они особенно важны по временам, для последних же они постоянно необходимы. Дорога в Нижний должна проходить чрез самые промышленные местности Московской, Владимирской и Нижегородской губерний, и сверх того

подходить к таким странам, где находятся огромные запасы всякого леса, который не имеет там почти никакой ценности. К тому же эта дорога есть звено к Сибирскому пути, важность которого развивается постепенно и постоянно и обращает на себя все большее и большее внимание России. Забвение чугуны Московско-Нижегородской произошло, кажется, оттого, что автор упомянутой статьи, хотя и говорил в начале очень дельно о выгодах, проистекающих от железных дорог в промышленном и торговом отношениях, но, при избрании Орла и Орловской губернии центром четырех железных дорог, увлекся видами исключительно военно-хозяйственными и не обратил внимания на то, что железные дороги должны быть преимущественно соображены не с частными какими-либо, а с общими потребностями страны, в которой они прокладываются.

Предполагаемое автором вышеупомянутой статьи избрание Орловской губернии средоточием главных дорог на север, юг, восток и запад совершенно противно ожиданиям, мнениям и расчетам чуть-чуть не всей России; а потому мы считаем нужным еще несколько подробнее рассмотреть это предположение. Не можем пропустить без замечания самое слово *избрание*, употребленное в этом случае. Нам кажется, что средоточие для железных дорог никогда и нигде не должно избираться, а необходимо принимать именно то средоточие, которое для сообщения действительно уже есть; ибо не государство и не народ приспособляются к железным дорогам, а дороги приспособляются к той стране, в которой они прокладываются. Москва, по словам народа, есть сердце России; Москва по Истории есть то средоточие, вокруг которого собралась вся земля Русская; Москва есть преимущественное гнездо русской промышленности*.

Москва есть то место, куда бесчисленные множества обозов отовсюду тянутся с разною кладью, и где производятся закупки и продажи торговцами всех за- и при-московных губерний; Москва лежит на границе хлебородной и промышленной полос Империи и образует собственно разменный пункт, как для той, так и для другой; Москва, уже соединенная железною дорогою с С.-Петербургом, резиденцию

---

* В Московской губернии в 1833 году было 1212 фабрик и заводов, из которых приготавливалось изделий на 43 милл. руб. сер., т. е. на сумму, превышающую четвертую часть всего русского мануфактурного производства (160 000 000); а если присоединить при-московные губернии, то стоимость изготавливаемых изделий в этом округе достигнет до половины всего Русского производства. Смотри Очерк Мануфакт. промышл. сил Евр. России, состав. П. Крюковым. С.-Петербург, 1853.

высшего государственного управления, есть ближайший и необходимый центр, из которого исходят все административные распоряжения на северо-восток, на восток, на юг и на юго-запад; Москва, как сама по себе, так и по прямому ее соединению с С.-Петербургом, есть главный рассадник, преимущественный распространитель просвещения по обширной нашей империи — одним словом, Москва во всех отношениях есть такое средоточие для России, которое само себя таковым поставило и которое нельзя безнаказанно ни передвинуть, ни уничтожить. Москва теперь имеет довольно живые и довольно значительные сношения со всеми странами Русского царства; железные дороги к Нижнему, к Саратову и к Черному морю, а впоследствии к Динабургу и к Ярославлю, скрепят, учащают и еще более оживят эти сношения. Следовательно, при устройстве железных дорог может и должен быть теперь толк не о том, какое место избрать центром железных дорог в России, но только о том, как лучше связать этот всем бытом России указанный центр с другими второстепенными внутренними центрами, и как удобнее проложить дороги, дабы они шли не по безлюдным пустыням, а по направлениям, уже определенным потребностями земледелия, промышленности, торговли, внутреннего управления и общего просвещения.

Конечно, со временем разные Русские города сделаются центрами боковых железных дорог, но важно, чтоб первый центр, тот, из которого должны исходить главные дороги, был именно действительный центр России, т. е. Москва; прочие центры образуются по мере надобности, но главный центр должен быть утвержден непременно прежде прочих. Это важно как для правильного оживления всего существующего, так и для будущего величия и единства России.

В заключение поблагодарим автора рассмотренной нами статьи за случай, им доставленный, потолковать сообща о таком важном деле, каково устройство железных дорог. Ничто так не уясняет и не упрощает дела, как суждение о нем с разных сторон: часто дело, с первого взгляда — мудреное, темное, даже едва возможное, становится легким и простым, как только люди добросовестно вместе о нем потолкуют. «Ум хорошо, а два лучше», — премудро говорит наша поговорка. В настоящем случае мы рассчитываем менее на силу нашей диалектики, чем на сущность и свойство самых доводов. Думаем, что читатели будут нам благодарны не за сообщение им новых мыслей, но за высказание того, что почти у каждого из них было на уме.

СООБРАЖЕНИЯ О ПОЛЬЗЕ УСТРОЙСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ОТ ДИНАБУРГА В КУРСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Предыдущая статья была уже отдана в печать, когда дошли до нас вышеозначенные соображения об устройстве Курско-Динабургской железной дороги, имеющей проходить чрез Лепель⁴³, Оршу⁴⁴, Климовичи⁴⁵, Мглин⁴⁶ и Трубчевск⁴⁷. С особенным удовольствием мы прочли это сочинение, замечательное по изложению сведений, относящихся к сему делу, и по выводам, коими автор, г. Марченко⁴⁸, заключил свою статью. Мы нимало не оспариваем важности Курско-Динабургской чугулки, но зная, как железные дороги необходимы для России вообще, мы думаем, что почти каждая чугулка, откуда и куда бы она ни велась, является важнейшею тому, кто ее рассматривает отдельно, а не в связи с прочими подобными путями. Поэтому необходимо, чтобы люди беспристрастные, помимо самых добросовестных составителей проектов, определяли, в общем государственном смысле, относительную важность каждой железной дороги. Оставаясь при изложенном на предыдущих страницах нашем мнении, что сперва должны быть направлены из Москвы, истинного центра России, главные дороги на север, на восток, на юго-восток, на юг и на запад, и что уже после имеют быть проведены дороги боковые, мы сверх того спросим г. Марченко: не выгоднее ли во всяком случае связать с Динабургом Орел, а не Курск? Эти два города имеют быть соединены чугулкою, идущею от Москвы к Черному морю; а между тем Орел ближе к Динабургу, чем Курск, без малого на 100 верст. Хлеб и прочие товары в Курской губернии дешевле, чем в Орле; следовательно им удобно идти в места менее дорогие, и при том более близкие к окончательным сбытным пунктам; Орел же и Орловская губернии, при устройстве Курско-Динабургской дороги, оказались бы в самом невыгодном положении: им пришлось бы вести свои произведения, так сказать, назад, т. е. в места по большей части менее дорогие и более отдаленные от окончательных рынков. А потому соединение Курска с Динабургом полезно для одной Курской губернии и местностей, чрез которые эта чугулка будет проходить, а соединение Орла с Динабургом было бы равно полезно, как для Орловской, так и для Курской и других губерний, чрез которые эта дорога имеет

пролегать. Сверх того Курско-Динабургская дорога простирается, по исчислению г. Марченко, на 800 верст; Орел же можно соединить чрез Смоленск с Московскою Динабургскою чугуною положением рельсов на пространстве только 300 верст.

Г. Марченко называет Курскую губернию житницею России; но столь же справедливо можно назвать таким же именем Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую и другие губернии. Курская губерния производит не более хлеба, чем многие другие губернии Русского царства. Про многие губернии можно сказать то же, что г. Марченко сказал о Курской губернии, а именно: «что никто не помнит, чтобы когда-нибудь в Курскую губернию была ввезена для продовольствия ее хоть одна четверть хлеба из других губерний». Из этого еще не следует, что такая губерния должна быть назначена исходным пунктом тракта, и притом такого тракта, который соединяет Черное море с Балтийским и который проходит чрез двенадцать губерний. Такой тракт должен быть утвержден не по требованию одних местных нужд, а по соображении оных с общими пользами и необходимостями государства.

Автор разбираемой нами статьи говорит, что Курская губерния образует средину плодородной черноземной площади России. Это неверно во многих отношениях. Плодородная черноземная площадь России, начинаясь от берегов Урала и оканчиваясь рекою Прутом, растянута холстом на таком пространстве, что невозможно назначить для нее средоточия. Вернее, можно сказать, что эта полоса делится на несколько округов и что каждый из них имеет свой центр и свои пути для сбыта произведений. О Курске нельзя сказать, чтобы он был центром даже одного такого округа, ибо, напротив того, сам стоит на границах двух округов, Харьковского и Орловского, из которых первый отправляет свои произведения к Черному морю; Курск же, глядя по требованиям, сбывает свои произведения то туда, то сюда. Следовательно, дорога Московско-Черноморская вполне соответствует нуждам Курского края, а дорога Курско-Динабургская в иные годы была бы совершенно бесполезным трактом. Что касается до продовольствия западных губерний, то дорога, идущая от Орла через Смоленск и Витебск к Динабургу, удовлетворит этому требованию почти столько же, сколько и Курско-Динабургская чугунка, ибо она будет проходить по странам, всего более нуждающимся в привозе жизненных припасов.

В заключение повторим глубокое наше убеждение, что железные дороги для России так же нужны, как хлеб насущный, что почти все местности требуют, по-видимому, каждая в свою пользу, предпочтения пред остальными, и что поэтому необходимо теперь, при начале проложения железных дорог, направлять капиталы преимущественно к тем путям, которые должны быть главными жизненными жилами всего Русского царства. Повторим также, что прямое соединение как Орла, так и Курска с Динабургом и Ригою, устроенное теперь, до связания Москвы с Динабургом и Ригою, должно нанести сильный удар обеим столицам и преимущественно Москве; присовокупим к этому, что предполагаемые дороги из Орла и Курска к Динабургу, отрезающие Юго-Запад от Северо-Востока и проведенные прежде, чем центральные дороги будут проведены по Империи, могут иметь самое сильное действие в ущерб необходимого сосредоточения главнейших сил России в одном живом, неизменном центре.

ЕЩЕ СООБРАЖЕНИЯ КАСАТЕЛЬНО УСТРОЙСТВА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В РОССИИ

Г. Журавский⁴⁹ в окончании вышеприведенной статьи говорит: «Прочитывая ошибочное, по моему мнению, истолкование мыслей автора статьи Современника, невольно приходит сомнение, не впадаю ли я в подобную же ошибку при разборе суждения автора статьи Русской Беседы». Эта оговорка достойна автора прекрасных статей, помещенных в Русском вестнике и в Современнике по предмету устройства железных дорог; но жаль, что она сорвалась с пера только в конце статьи и что не под ее действием написан весь ответ: конечно при добросовестности, внушившей эти слова, г. Журавский опустил бы многие натянутые истолкования мнений, высказанных в Русской Беседе, и не позволил бы себе некоторых шуток, неуместных при дельных рассуждениях. Мы оставим без ответа эту часть его статьи, ибо хлопчем менее о том, чтоб казаться правыми, чем о разъяснении самого дела, подлежащего обсуждению. К счастью, в статье г. Журавского много основательных мнений, с которыми нельзя не согласиться, и много таких положений, о которых не бесполезно потолковать.

Г. Журавский говорит:

«Мне кажется бесполезным рассматривать вопрос: необходим ли центр для системы железных дорог? Американские Штаты его не имеют, что несколько не препятствует развитию их материального благосостояния, которое служит необходимым условием и вместе с тем основанием народного просвещения и государственного могущества».

Не остановлюсь на странном народном просвещении и государственном могуществе, для которых материальное благосостояние служит не только необходимым условием, но даже основанием; пора бы, кажется, откинуть такие материальные понятия о просвещении и могуществе, которые конечно должны вещественное благосостояние доставить, но отнюдь не могут быть его последствиями. Толк теперь не об этом, а о том: нужен ли центр для системы железных дорог? Г. Журавский полагает бесполезным рассматривать этот вопрос. И я того же мнения. Вопрос этот решается сам собою: государство, в котором есть центр, не может, при построении чугунок, не удовлет-

ворить этому требованию своего бытия; государство, в котором нет центра, не может его создать и тщетно бы об этом хлопотало. Североамериканские Штаты составляют союз почти независимых друг от друга государств, из которых каждое считает себя главным в конфедерации и старается свой город сделать центром торговли и промышленности, — след., и центром железных дорог. Очень естественно, что там нет и быть не может общего центра для системы чугунок, что впрочем, как справедливо замечает г. Журавский, нисколько не препятствует развитию тамошнего материального благосостояния, но что также, как всем известно, возбуждает все более и более опасений насчет распадаения союза. Россия есть государство единоедержавное и обязанное своим бытием и могуществом тому, что из удельных участков она слилась в одно тесно связанное целое. У нас центр есть — это не подлежит, кажется, никакому сомнению; нельзя же нам, при устройстве сообщений — и каких? — таких, которые должны навсегда направить наши жизненные силы, пренебечь тем, в чем заключается залог нашего единства и величия. Простые дороги, прокладываемые сами собою, и даже шоссейные дороги, ведомые правительством, не имеют решительного влияния на государственный и народный быт; но железные дороги имеют на страны, через которые они проходят или которые они минуют, самое сильное действие: они создают города в пустынях и превращают существующие города в пустыни; они разливают богатство вслед за собою или обрекают на нищету те земли, от которых они удаляются; они преобразовывают характер народонаселений, совершенно изменяют вид местностей и пр. На сооружение железных дорог истрачиваются огромные суммы, принадлежащие настоящему времени, но будущности они захватывают еще несравненно более; неосторожно проложенные чугунки в состоянии не только расстроить дела нынешнего дня, но они могут приготовить для будущих времен бедствия величайшие и самые неожиданные. Чем край огромнее, моложе и богаче, тем действие этих путей сообщения сильнее и решительнее. А потому мы в этом деле должны быть особенно осторожны. Наша Империя крайне пространна; источников, богатства у нас в изобилии; мы едины духом и любовью к отечеству, но до крайности разъединены расстояниями, — мы сильны по предлежащим нам возможностям, но еще весьма слабы в действительности, и мы тем слабее, чем запас земель, богатств и способностей у нас огромнее. Богачу и юноше труднее обнять весь круг

его дел и способов, чем человеку зрелого возраста и средственного состояния; а пока мы не полные у себя хозяева, до тех пор и недостатки наши еще не наши. Чугунки нашли в Европе торговлю, фабричную производительность, земледелие и прочие отрасли человеческой промышленности в состоянии уже цветущем; все источники богатства были не только початы, но чуть-чуть не истощены до открытия этого нового двигателя в делах человеческих; цивилизация Европы, до чугунок, уже так сложилась, что она может идти и непременно пойдет далее по проложенным путям, но едва ли она откроет новые дороги и устремится по ним с обновленными силами и способностями. Не таково состояние России: наши рудники вещественные, умственные и нравственные едва початы. Великие дела совершены железными дорогами в Европе, чудеса произведены ими в Америке; но никакой ум не может определить и даже предугадать весь объем их действия в нашем отечестве. В Европе были старые земли и старые люди; в Америке старые люди, но новые земли; в России — новые земли и новые люди. Нельзя без трепета и без обаятельной надежды даже подумать о действиях чугунок у нас на Руси; а потому нам более, чем кому-либо, должно, при направлении железных дорог, тщательно всматриваться в действительные потребности государства. Одной из таковых потребностей, не по нашему только мнению, не по одним предположениям насчет будущего, а по указаниям прошедшего и настоящего, есть утверждение центра России центром для системы железных дорог. Нам не нужно его ни отыскивать, ни создавать, он есть у нас; необходимо только не пренебречь им, не сдвинуть его устройством искусственного центра железных дорог или не уничтожить его неосторожным образованием нескольких центров до установления главного, так сказать, центрального центра. Впрочем, это мнение не есть новое, особенное какое-либо изобретение нашего ума или (как полагает г. Журавский) нашего пристрастия к Москве: в этом деле мы имеем в пользу нашу авторитеты и примеры Франции, Австрии, Пруссии, даже Англии. Известно, что все главные дороги исходят из столиц этих государств; правительства и публицисты весьма на этом настаивали, и в одной Англии такое положение образовалось само собою, как потому что Лондон есть с давних времен действительный центр торговли и промышленности, так и потому что там прокладывали железные дороги еще тогда, когда не подозревали всемогущего их действия на быт народный и государственный.

Не пристрастие к Москве заставляет нас настаивать на том, чтобы она была центром железных дорог в России и в том, что кроме Москвы никакой город не может быть таким центром. С.-Петербург, резиденция правительства, по своему приморскому положению и по нахождению почти у пределов государства не может быть центром Империи более материковой, чем морской, более внутренне торговой, чем внешне торговой, более земледельческой, чем промышленной, Империи, омываемой шестью разными морями, по характеру полуевропейской и полуазиатской, а по народонаселению составленной из большинства чисто русского и из самых разнородных добавлений. По географическому положению Нижний или Киев могли бы быть центрами для России более выгодными; но разве историю государства можно переделывать? Москва поставлена центром России вековыми событиями и таковыми же народными убеждениями; не цифрам, не железным дорогам передвигать или уничтожить этот центр.

Г. Журавский находит странным построение железных дорог *по высшим соображениям* и говорит, что ни одна компания не согласится тратить деньги и сооружать чугушки *по высшим соображениям*. Это справедливо; но к счастью низшие, — т. е. материальные, выгоды почти всегда совпадают с высшими государственными соображениями, и сверх того над компаниями есть правительство, которое может уравнивать более или менее выгодные дороги предоставлением пользования ими на более или менее продолжительные сроки или дарованием иных преимуществ. Совершенно согласен с г. Журавским, что по одним высшим соображениям не должно строить дороги, но не потому, что высшие соображения не стоят внимания, а потому, что исключительно высшие соображения бывают всегда не высшими, а ошибочными соображениями. Это именно я и имел в виду, когда говорил против исключительно стратегических дорог, и конечно не буду, противореча сам себе, предлагать дороги по иным исключительным соображениям. Где нет или быть не может значительного торгового движения, там железная дорога есть нелепость, бесполезная трата государственных денег; но когда представляются два торговые пути, из которых один несколько более выгодный, но в государственном смысле не совсем безопасный, а другой хотя несколько менее доходный, но в государственном смысле необходимый, то правительство должно сперва дозволить построение послед-

него пути, оставив сооружение первого до того времени, когда главные, центральные пути будут в полном развитии, или устранив необходимость этого пути боковыми линиями между главными чугунками. Таким образом и на этом основании построение дороги от Орла или Курска к Динабургу и Риге, или из Казани к Архангельскому или из Сибири к Амуру — считаю я теперь делом вредным, противным пользе государственной. Конечно, все эти три дороги, и в особенности последняя, весьма важны и необходимы, но по высшим соображениям не должно допускать построения оных теперь, пока центральные дороги не сделаны и не пущены в ход. Вещественные выгоды должны быть принимаемы в соображение, но думаю, что высшие государственные и народные интересы не должны быть ими подчинены. Даже в Европе, стране по преимуществу торговой и промышленной, начинают беспокоиться и толковать о том, что преобладание материальных интересов над прочими человеческими потребностями вредно, что поклонение одному полезному не только для людей не полезно, но даже губительно, и что необходимо для человека и для государства иметь, кроме вещественной пользы, иного руководителя в его делах. Неужели мы обратимся к задам Европы, чтобы грустным, тяжким опытом дойти до убеждения, к которому теперь приходит Европа?

Г. Журавский не защищает или почти не защищает дороги от Саратова к Орлу; ибо нельзя считать защитой следующие его слова: «По большей близости Орла к Риге, там цены на произведения *будут* выше, нежели в Саратове, а потому товары, отправляемые из Саратова к Орлу, пошли бы из страны дешевой в другую сторону, более дорогую». Правда, что цены в Орле бывают несколько выше саратовских цен; но провоз по железной дороге от Саратова до Орла должен стоить не менее, а вероятно более 15 к. сер. на пуд или 1 рубл. 35 коп. сер. на четверть. Следовательно предполагается произвести чисто искусственное повышение на цены в Орле, — и на таком-то основании одобряется и предлагается к построению железная дорога! Впрочем, г. Журавский сам говорит весьма в пользу железной дороги от Саратова к Москве; а потому нечего и толковать о Саратовско-Орловской чугунке, которую он прикрыл щитом своей диалектики так, лишь мимоходом.

Но автор стоит тем сильнее за дорогу от Курска или от Орла к западным Балтийским портам. Мы нимало не отвергали ни важности

этой дороги, ни пользы, от нее ожидаемой для Западного края, но самые эти ее качества заставляют нас опасаться, что и теперь, при неимении дороги, проходящей чрез центр России, эта чугушка не обособила весь Западный край, развив в нем совершенно отдельные интересы, и устремив его исключительно к внешней торговле. Сверх того, теперь, при неимении дороги от центра государства к Варшаве и Риге, многие местности (часть Орловской, Тульской, Воронежской, даже Тамбовской губерний) противуестественно привлечены будут к Курско-Динабургскому тракту; и впоследствии, по устройении центральной дороги, долго, быть может, никогда оные не отучатся от прежде протертого пути. К тому же предлагаемая нам боковая линия от Орла к Смоленску дает возможность хлебу, пеньке, салу и проч. из Орловской и Курской губерний идти не через Москву, и удлинит путь от Орла к Динабургу едва ли на сто верст.

Г. Журавский особенно восстает против дороги от Москвы к Варшаве и Риге, и главным доводом ему служит цифра, выведенная из ведомости шоссейного сбора за 1852-й год по Московско-Брест-Литовскому тракту, открытому, как он говорит, *в 1845-м году*. Жаль только, что эта данная не верна: шоссе от Москвы до Брест-Литовска открыто с 1 января 1851 года; а известно, что никакая дорога прежде пяти-шести лет по открытии, не доходит до некоторого развития. Сверх того, эта дорога, проложенная за Юхновом⁵⁰ по пустыням, долго не имела ни постоянных дворов, ни других обиталищ, и ямщики ехали старым трактом, опасаясь негостеприимности нового пути. В последние два года много деревень переселилось на шоссейную дорогу, и теперь она становится несколько полуднее. Но даже до сих пор* ямщики зимою ездят через Смоленск и Минск, по старой Варшавской дороге, избегая платежей за шоссе и пользуясь лучшим санным путем, который по шоссейным дорогам вообще устанавливается поздно и сходит рано, а в Западном краю это неудобство еще гораздо значительнее.

Впрочем, в первой моей статье я не сравнивал этого пути с дорогами Черноморскою, Саратовскою и Нижегородскою, но говорил, что «впоследствии должны быть проложены дороги от Москвы к Динабургу и к Ярославлю». К тому же дорогу от Москвы к Динабургу

---

* Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / Сост. Я. Соловьевым. 1855. С. 440.

я предлагал пустить не кратчайшую линию, но чрез Смоленск, дабы дать со временем возможность связать Орел с Смоленском. Г. Журавский говорит, что 400 верст излишней дороги от Москвы до Смоленска станут по крайней мере 24 мил. руб. серебром, и спрашивает: какая будет от того польза? Польза, по нашему мнению, очевидна: мы связываем внутренность России (Сибирский, Саратовский, Тульский и Ярославский тракты и самую Москву) с европейскими странами, которые в течение пяти или шести месяцев не могут с нами сообщаться судоходно чрез С.-Петербург. Москва, Московская и при-московные губернии составляют нашу главную промышленную область, и поставить их в постоянные сношения с Европою есть дело весьма важное и весьма полезное. Сверх того, все Сибирские произведения пойдут этой дорогою в Смоленскую, Витебскую, прибалтийские губернии и в Царство Польское. Смоленская губерния также отправляет в Москву свой излишний овес и другие произведения и покупает там муку, крупу, мануфактурные изделия и проч. С гжатских пристаней, из Ржева и Зубцева идет ежегодно в Ригу до 2 мил. пудов пеньки, до 200 т. четвертей овса, до 300 т. пуд. сала, до 60 т. пудов конопляного масла и проч.; всего до 4 мил. пудов*. Судоходство с этих пристаней весьма затруднительно, опасно и крайне кратковременно (для отправки караванов одна пора — проход льда от 7 до 10 дней), а потому по крайней мере половина этого груза отправится по железной дороге, которая из Москвы к Смоленску должна идти через Гжатск. Ездоков всякого рода из Москвы в Смоленскую губернию и обратно всегда бывает много, а при сообщениях по железным дорогам число их значительно усилится, как это везде бывает. Сверх того, при чрезвычайном случае, который может повториться и не раз, при блокаде наших пристаней, эта железная дорога заменит нам почти совершенно порты и сделает блокаду невозможною, ибо она будет для наших врагов более убыточною, чем для нас самих. Всего сказанного, кажется, достаточно для убеждения в пользе и важности этой дороги и для удостоверения в том, что перевозки тяжестей и пассажиров будут в состоянии оплачивать, как содержание дороги, так и проценты на 24 мил. р. с., во что должно обойтись построение этой чугулки. Сожалею, что не могу представить в подтверждение моего мнения столько цифр, сколько бы желал; сам г. Журавский сознает, что у нас

* Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. С. 431.

надежных данных почти нет. Следовательно, лучше, по моему мнению, не представлять цифр, чем приводить неверные числа. Впрочем, этими доводами так злоупотребляли, и еще злоупотребляют, что цифры сделались почти лживее слов, а потому даже общие рассуждения стали определительнее многих таблиц и цифирных данных.

Г. Журавский говорит:

«Взгляните на карту, сравните расстояния: может ли пшеница, подвозимая из Саратова чрез Москву в Ригу, соперничать в цене с пшеницею, подвозимую из губерний Орловской и Курской? Не упускайте при том из вида, что лучшие сорта пшеницы, требуемые за границу, не рождаются хорошо в губернии Рязанской и северной части Тамбовской губернии, по которым будет проходить дорога из Москвы в Саратов».

Саратовская, Самарская и Симбирская пшеницы, идущие через Москву, всегда с выгодой будут соперничать с Орловскою и Курскою пшеницами; ибо, как известно, первые пшеницы против последних стоят на всех пристанях ценою выше от 1–50 и до 2 р. с. и более на четверть, что г. Журавский может видеть из любого номера Коммерческой газеты⁵¹. К тому же для этих пшениц тракт через Москву короче, чем через Орел: след. и в С.-Петербург, и в Ригу они с большею выгодой могут быть доставлены по моему предположению, чем по предначертанию автора первой статьи Современника. Справедливо, что Рязанская и Тамбовская губернии не доставляют лучших сортов пшеницы, требуемых за границу; но несправедливо то, что будто Орловская и северная часть Курской губерний таковую доставляют. Там родится пшеница едва ли лучшего качества, чем Данковская или Раненбургская; а южная часть Курской, а равно Воронежская и Харьковская губернии, которые, по мнению г. Журавского, должны доставлять свою пшеницу в Ригу, ближе к Черному, чем к Балтийскому морю, и охотнее повезут туда, чем сюда, где и цены на пшеницу редко бывают выше черноморских цен (теперь цены на пшеницу в Одессе и Таганроге от 11 до 12 руб. сереб., а в С.-Петербурге от 10 р. 75 к. до 11 руб. (См.: Коммерч. газ. №№ 107 и 108).

Г. Журавский говорит, что я называю противуестественными сообщениями те, которые еще не существуют или не развиты, и прибавляет, что на этом основании и торговля с Индиєю, о которой думают лучшие головы, также неестественна. Нет! я считаю неесте-

ственными или противуестественными дорогами те, которые прокладываются по расчету, основанному на искусственном возвышении цен — как, например: дорога из Саратова в Орел. Сверх того, я называю противуестественным проложение дорог, когда их ведут по пустыням, минуя города, Бог весть, по каким расчетам. Теперь идет слух, что какая-то компания предполагает вести дорогу от Москвы к Черному морю, оставив в стороне Мценск и Орел. Ну, как такую дорогу не назвать противуестественною? Имеются торговые центры, покупщики и продавцы к ним привыкли, люди около них собрались, готовы помещения для товаров, для приезжих и для приходящих, и по соображениям, конечно не высшим, минуют города и ведут дорогу по пустыням, и потом будут дивиться, что в продолжении восьми, десяти лет дорога не дает дохода. Нет! дороги должны соединять людей и товары, уже в известных центрах приютившиеся, а не создавать без необходимости новых центров и переламывать все привычки торговые и прочие. В оправдание обхода городов, говорят, что у нас в России, по причине огромных пространств и незначительности городов, необходимо по возможности сокращать расстояния. Согласен, что нельзя проводить дороги через все города и что очень важно сокращение расстояний, но во всем должна быть мера. Есть города, которые называются этим именем только потому, что там уездные или губернские присутственные места; такие города конечно можно обходить. Но местные центры торговли и промышленности, след. и всякого людского движения в стране, не должны быть обойдены: ибо уничтожается верное, существующее и создается неверное, — чего нет и может не быть. Сочтите, во что станут постройки новых складов, домов, гостиниц и пр.; прибавьте к этому потери в обойденных городах существующих зданий, которых ценность делается ничтожною; примите в соображение утраты от того, что долго покупщики и продавцы не обратятся к новым центрам и что капиталы не скоро покинут старые рынки: и вы получите такие суммы, перед которыми ничтожны два, три, даже шесть миллионов, излишне требуемых проложением дороги чрез существующие города, и незначительны выгоды при перевозках от сокращения нескольких верст. К тому же разве не необходимая ломка людских привычек есть вещь неважная? К сожалению, на это вообще не обращают достаточного внимания, а между тем в уважении к существующему заключается залог прочности будущего. Впрочем, об этом предмете уже говорил

г. Ершов⁵² во 2-й книге Русской Беседы, где, в подкрепление своего мнения, он приводит замечательные слова г. Дюма⁵³, великого знатока по устройству железных дорог.

Г. Журавский объясняет, что *la force des choses*⁵⁴ поднимает Ригу или Либаву на счет С.-Петербургского порта, что мануфактурная промышленность, видимо, стремится на юг, и что центр России все более и более туда передвигается. Спрашиваю: что можно сильнее сказать в пользу мнения о необходимости железными дорогами укрепить центр России в Москве? Конечно не должно насильственно или враждебно действовать ни против той, ни против другой окончности Империи, но способствовать раздвоению государства, утрате им центра его тяжести и основанию иной России, какой-то южной, для которой центр тяжести есть еще искомое, — есть также дело весьма странное. Торговля и промышленность любят свободу, и всякое насильственное их направление для них вредно, — это истина неоспоримая; но приносить им в жертву все остальное (а имеются у людей и в государстве интересы и не торговые, и не промышленные), предупреждать их требования и желания, не обращая внимания на *высшие* соображения, — не есть дело мудрой политики.

Г. Журавский находит, «что наша фабричная промышленность еще слишком мало развита, чтоб в ее полосе, для нее собственно, устраивать железные дороги». Он основывает свое по сему предмету мнение на следующих данных: в 1853-м году (заметьте: в том году, когда Европа, перед войною, запасалась нашими сырыми произведениями, и когда, по этой причине, наш вывоз поднялся против обыкновенных годов на 50%), мы отправили в Европу сырых произведений на 121 мил. р. с., а мануфактурных изделий менее, чем на 3 мил.; во 2-х: что по Николаевской дороге⁵⁵ отправлено в том же году из Москвы в С.-Петербург 6 мил. пудов сырых товаров и только 200 тыс. пудов мануфактурных изделий; в 3-х: что по Ярославскому тракту, за исключением расстояния между Троицко-Сергиевским посадом и Москвою, годовой шоссейный сбор в 1853-м году не превышал 181 руб. на версту; и в 4-х: что по Николаевской чугунке, соединяющей два самые большие промышленные центра Империи, от перевозки товаров выручается в полтора раза более, чем от пассажиров.

На первые два довода следует сказать, что как дров не возят в лес, то и неудивительно, что в Европу и в С.-Петербург мало отправляется мануфактурных изделий: из этого нельзя однако за-

ключить, что мануфактурная промышленность у нас ничтожна. По словам г. Тенгоборского, авторитета весьма значительного в глазах любителей цифирной диалектики, внутренняя наша торговля простирается до 1260 мил. р. с. — в состав этой суммы, по его показаниям, входит мануфактурных изделий на 625 мил. р. с.; вывоз же наш за границу, по «Видам внешней торговли»⁵⁶, в шестилетнюю сложность (1848–1853) составляет 623 мил. р. с. средним числом, в год по 104 мил. Из этого можно вывести: 1-е, что сумма выручки за мануфактурные изделия по внутренней торговле равняется сумме выручки за сырые произведения; 2-е, что внутренняя наша торговля относится к внешней, как 12:1; 3-е, что внутренняя торговли *одними* мануфактурными изделиями ко *всей* внешней торговле относится, как 6:1 и пр. Нельзя не сознаться, что эти выводы великолепны и что они конечно стоят данных, представленных г. Журавским; но мы мало доверяем как тем, так и другим доказательствам, по причинам, выше нами указанным. Мы снесем охотнее упрек в недостатке определенности при наших утверждениях, чем обвинение в неправильном приведении чисел и в произвольном выводе из наших заключений. Для убеждения нашего в важности мануфактурной промышленности в России достаточно того, что мы преимущественно, а во многих случаях исключительно, довольствуемся нашими собственными произведениями льняными, шерстяными, бумажными, кожевенными, железными, сальными, металлическими, стеклянными и многими другими; что наши фабрики и заводы видимо усиливаются, умножаются и совершенствуются, и что ввоз из-за границы мануфактурных изделий не прибывает и напротив того уменьшается. Еще важнее и убедительнее для нас в этом *деле* следующее обстоятельство: на наших глазах возникли многие новые промышленности и, несмотря на разные встреченные ими затруднения, на недоброжелательные действия иностранных торговцев и на мрачные предсказания политико-экономов, они крепнут и теперь, даже при понижении таможенных пошлин, не только существуют, но даже процветают. Наш рынок для мануфактурных изделий — не заграничный, а свой собственный, домашний; Россия не Бельгия, не немецкое какое-либо герцогство, а целая часть света, целый мир, и если мы не вывезем за границу мануфактурных изделий ни на один рубль, то из этого еще нельзя заключить, что наши фабрики и заводы ничтожны. Потребление мануфактурных изделий у нас дома

увеличивается с каждым днем, и еще огромная будущность предстоит нашей промышленности прежде, чем мы почувствуем переполнение рынка, — болезнь Европы, заставляющая ее особенно хлопотать об открытии новых заграничных сбытов. Естественно также, что портовые наши города, при существующем тарифе употребляют иностранные изделия охотнее, чем русские; и это не доказывает ничтожности нашей мануфактурной промышленности: наши фабрики и заводы не могут еще удовлетворять всем потребностям нашей внутренней торговли, и очень понятно, что туземные мануфактурные изделия везутся в Сибирь и во внутренние губернии, а не в С.-Петербург, Ригу или Одессу.

Третье доказательство в пользу незначительности нашей мануфактурной промышленности составлено г. Журавским очень странно: отсекая от Ярославского шоссе все пространство от Москвы до Троице-Сергиевского посада, где, как известно, в Московском и Дмитровском уездах много фабрик, и где по близости столицы имеется самое большое народное движение, он относит весь сбор на счет богомолья и получает таким образом для шоссе сбора от посада до Ярославля цифру 183 руб. на версту. Сбор по С.-Петербургскому шоссе автор берет во всей целости, не откидывая ближайших станций к столицам. Эти два сбора, из которых один открыт, по показанию г. Журавского, в 1845, а последний в 1835 г. (что также составляет немалую разницу), сравниваются; к ним присоединяется сбор 5 560 000 р. с. с Николаевской дороги, неизвестно за какой год, но вероятно за один из первых годов по ее открытии, и выводится заключение, что 177 верст (?) железной дороги от Сергиевского посада⁵⁷ до Ярославля должно дать 480 000 р. с., что, как замечает (и весьма справедливо) г. Журавский, слишком мало для железной дороги в 177 верст. Нет! воля ваша — лучше говорить о торговом движении в общих словах (в чем г. Журавский меня упрекает), чем ставить числа произвольные и из них выводить заключения по своему желанию.

Что касается до того, что у нас по Николаевской дороге, соединяющей два самые промышленные города Империи, сбор за перевозки тяжестей в полтора раза больше, чем сбор от пассажиров, то это обстоятельство опять вовсе не доказывает ничтожности нашего мануфактурного движения. Известно, что в Германии в первые времена выручка за перевозку товаров относилась к сбору за пассажиров как

б:1, и что еще в 1852 и 1853 годах первый сбор превышал последний в полтора раза*. Из этого, однако, никто не выводил заключения, что в Германии промышленность ничтожна, и это нимало не препятствует германским чугункам доставлять хороший доход, который побуждает к построению еще новых дорог. Находясь в деревне, я не имею средств справиться с таблицами о ходе выручек в Англии, Франции и Америке с открытия железных дорог до настоящего времени, но думаю, что и там товары были сначала удобоподвижнее людей, и что люди стали легко переноситься с места на место уже вслед за товарами. Притом для учащения пассажирских поездов одно из главных условий есть соединение дорогами существующих центров, т. е. городов, а не проведение дорог по пустыням и не назначение станций перворазрядных в таких местах, где нет никаких обиталищ и где до отъезда приходится несколько часов просидеть в общей зале, и откуда по приезде, за недостатком ящиков, нет возможности отправиться далее, куда нужно. Замечено везде, что всего более пассажиров бывает на малые расстояния, т. е. от города до города; а потому цифры отношений между выручками за перевозку тяжестей и за пассажиров на нашей Николаевской дороге еще удивительны и заставляют ожидать значительного повышения в выручках за пассажиров.

Из всего вышесказанного следует, что все данные, приведенные г. Журавским в подкрепление мнения, что у нас мануфактурная промышленность незначительна и что не стоит собственно для нее строить железные дороги — неосновательны. Наши фабрики и заводы далеко не ничтожны, доставляют уже теперь достаточные тяжести для перевозов, требуют для своего производства и для продовольствия работников сырых произведений в больших количествах, и если они не так развиты, как бы им следовало быть, то одною из главных причин есть именно недостаток в хороших путях сообщения! Следовательно, построение чугунок по промышленным странам есть одна из первых наших нужд. Россия в этом отношении не составляет исключения из

* Объем перевозок (в талерах):

годы	за тяжести	за пассажиров
1834—7	400 000	81 000
1837	91 012 000	395 802
1852	25 656 437	19 048 363
1853	17 697 011	18 847 523

(Die Deutschen Eisenbahnen in den Jahren 1834—1854, von Viereck).

общего правила, в силу которого чугунки признаются для фабричной промышленности более необходимыми, чем для земледелия, которое по тяжести своих произведений даже при железных дорогах будет отправлять большую часть своих товаров водою, особенно при умножении пароходов по судоходным рекам. Нельзя не подивиться, что люди просвещенные, изучившие дело построения железных дорог, возражают против проведения оных по нашим промышленным краям. Мне кажется, что нет у нас ни одной местности, несколько населенной, где чугунки не были бы необходимы и сверх того доходны, и что толк может быть лишь о том, за какую дорогу должно прежде ухватиться. В этом убеждении меня утверждают следующие обстоятельства: неимоверная разница в ценах на сырые и фабричные произведения в разных местностях Империи*, огромность наших богатств естественных по всем частям, разнородность двух полос, составляющих наше государство**, чрезвычайная подвижность нашего народонаселения*** и многие другие, тому подобные, обстоятельства. Мнение по сему предмету почтенного автора рассматриваемой нами статьи заставило бы нас призадуматься и, быть может, усомниться в истине наших убеждений, если бы в самой его статье мы не нашли ключа к уразумению, почему автор против дорог, содействующих к развитию фабричной промышленности в России: он принадлежит к числу людей, считающих Россию земледельческим государством, которое должно стараться как можно более отправлять за границу своих сырых произведений, и которое поэтому обязано получать оттуда как

---

* Четверть хлеба в Саратове и Курске стоит от 1 $\frac{1}{2}$ до 2 руб. сер., а в С.-Петербурге и в Западных губерниях по 6, 7 и 8 руб. сереб.; аршин ситца продается в Москве по 40 коп. ас., в Рязани по 60, а в Саратове по 80 коп. ас. Посуда деревянная Рязанская и Владимирская употребляется в Малороссии и стоит там втрое, вчетверо дороже, чем на местах производства; каменная посуда гжельская продается в Саратовской губернии по ценам тройным и четверным против цен Московской губернии и пр.

** Хлебородная полоса требует сибирских произведений, мануфактурных изделий, заграничных товаров; а промышленные губернии нуждаются в хлебе и в других сырых статьях.

*** Из Рязанской губернии ходят на лето, для выгрузки судов, в Петербург и Ригу; Смоленяне (под названием Белорусцев) производят по всей России земляные работы; Владимирцы и Ярославцы строят каменные здания и штукатурят в самых отдаленных губерниях; а великорусские плотники рубят дома и хаты в Малороссии, и пр.

можно более мануфактурных изделий. Вот смысл загадки, но об этом поговорим после; теперь рассмотрим одно его замечание, которое еще более подтвердит истину нашей догадки.

«Не следует, говорит г. Журавский, обманывать себя цифрами производства Москвы. Г. Кошелев говорит о 45 мил. р. с. Но из чего слагается эта сумма? В книге, цитируемой автором статьи, находим, что в Московской губернии готовится: бумажной пряжи на 5 500 000 руб., бумажных материй на 13 000 000 руб., шерстяных материй на 9 500 000 руб., произведений красильных фабрик на 1 300 000 руб., и так далее. Но *вычтите отсюда стоимость употребленных хлопчатой бумаги и индиго, которых мы получаем из-за границы годами на 17½ мил. руб.* взамен произведений нашего сельского хозяйства; вычтите еще стоимость шерсти и других сырых продуктов, переделкою которых занимается мануфактурный округ, и вы увидите, что Московская губерния создает богатства далеко не на 45 мил. руб., приводимые г. Кошелевым».

Никто и никогда не воображал, что Московская губерния создает богатства на 45 мил. р. с.; но согласно ли с правилами статистической критики вычитать из выручки *одной* губернии привоз материалов (хлопчатой бумаги и индиго) для *всей* России. Сверх того, разве сумма 57 мил. р. с., вырученные по внешней торговле за железные припасы, произведена вся в черноземной полосе? В Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях, откуда всего более везут пшеницу к Балтийскому морю, она обыкновенно бывает по 3 и по 4 рубля сер. за четверть, а в Петербурге она продается по 7 и 8 руб. сер. Теперь там пшеница свыше 11 руб. с. за четверть, а в Болхове⁵⁸ по 5 руб. сер. Следовательно из 57 мил. сколько богатства производится в черноземной полосе? Очевидно, что более половины ценности составляет провозами, употреблением капиталов и пр. Я этим нимало не хочу доказывать, что для земледельческих произведений не нужны железные дороги — Боже меня упаси от подобной мысли, но я привожу это только для того, чтоб удостоверить читателя, что множество наставленных цифр не составляет еще основательного доказательства.

Г. Журавский упрекает меня в забвении того, что в России земледельческие интересы суть преимущественные. Я помещик трех хлебобородных губерний, землевладелец по преимуществу, член разных сельскохозяйственных обществ, начальник отделения в одном из них, вице-президент в другом, писатель (какой ни есть) по сельско-

хозяйственной части, — я забываю земледельческие интересы и приписываю мануфактурной промышленности в России излишнюю важность! Признайтесь, что этот упрек довольно странен. Конечно, я не стал бы о нем говорить, ибо шутки здесь неуместны; но в нем заключается, как я прежде сказал, разгадка многого, что иначе было бы непонятно в статье г. Журавского: очевидно, что автор придерживается мнения, изобретенного иностранными писателями, и повторяемого нашими политико-экономами, что Россия есть земледельческое государство. Это мнение еще могло бы быть защищено, если бы вся Россия была черноземною, если бы половина государства по своей почве, климату и положению не предназначалась самою силою вещей быть промышленною; если бы в течение шести-семи месяцев зимних не прекращались наши земледельческие работы, и если бы Европа, убедившись, что она промышленная страна, решилась покинуть земледелие и покупала у нас столько хлеба и других сырых произведений, сколько мы могли бы туда отправить. К сожалению, все эти условия неисполнимы. Говорят нам, что мы должны производить как можно более хлеба, пеньки, льна, сала, кож и проч., но разве вы не знаете, как часто, даже теперь, мы не знаем, куда сбывать наши продукты. Учтите хозяйственно, во что нам эти товары обходятся, и вы найдете, что, по большей части, не стоит их производить. Улучшенные пути сообщений, конечно, помогут отчасти этой беде, но они не заставят чужие края покупать сырых произведений более, чем сколько им нужно, и даже не удалят с рынков произведений Америки, Австралии и других стран, которые также похлопочут об удешевлении своих товаров. По расчетам г. Тенгоборского, Россия производит 260 мил. четвер. разного хлеба; из этого количества 60 мил. покупаются на семена; около 140 мил. потребляется на месте самими производителями; около 60 мил. четвертей поступает в продажу; из них ежегодно, в сложности, отправляется за границу 4 мил. четвертей, след., только $\frac{1}{15}$ продажного хлеба и только $\frac{1}{50}$ всего, за исключением семян, производимого хлеба. Цифра отправляемого за границу хлеба почти верна; прочие довольно вероятны; а потому можно безошибочно заключить, что отпуск за границу никак не может поднять наше земледелие, и что внутреннее потребление в этом деле может оказать несравненно большую помощь. Наши города и промышленные губернии суть главные покупщики наших сельских произведений; они будут требовать более хлеба, мяса, масла и проч. в том только случае,

когда у них будет более денег: ибо, как известно, карман ест и пьет почти столько же, сколько и желудок. Более же денег будет в городах и нехлебобородных губерниях только при развитии в них промышленности. След., промышленность одна может существенно оживить наше земледелие, которое, в свою очередь, доставит помещикам и поселянам возможность покупать на большие денежные суммы мануфактурных изделий. При таком воздействии промышленности на земледелие и земледелия на промышленность, могут они совершенствоваться, развиваться и доставлять государству все большее и большее благосостояние, чего в значительных размерах не в состоянии произвести никакая внешняя торговля. Сия последняя по существу своему ограничена: ни одно государство не предается какой-либо исключительной промышленности, будучи обязано долгом самобытности обеспечивать собственными производствами удовлетворение своих главных потребностей: оно продает только излишки своих товаров и пополняет покупкою только несущественные или чрезвычайные свои недостатки. Наши проповедники свободной торговли, признающие Россию земледельческим государством, не обращают внимания на то, что промышленная Европа вовсе не покидает земледелия, что, напротив того, она всячески его улучшает, и что Англия отменила свои запретительные законы по ввозу хлеба только тогда, когда она убедилась, что туземное земледелие до того усовершенствовано, что может выдержать соперничество с иностранным хлебом на домашних ее рынках*. Франция же и Бельгия до сих пор разрешают ввоз иностранного хлеба только временно, при неурожаях. Когда промышленная Европа всячески охраняет существование своего земледелия и хлопочет об улучшении оно, как же и нам не заботиться о том, чтоб фабричная и заводская промышленности наши развивались, совершенствовались и производили все более и более своих изделий? Как нам не хлопотать о том, чтоб железные дороги доставили скорее нашим фабрикам и заводам то могущественное пособие, которым они их наградили в Европе, и по милости которого

---

* Справедливость этого доказывается тем, что с отменю запретительных хлебных законов земледелие в Англии не упало, что значительные усовершенствования были проведены по этой части, что рента не уменьшилась, и что почти не было контрактов арендаторских, измененных вследствие нового законоположения.

они так двинулись вперед? Россия в отношении к Европе есть действительно земледельческое государство, но в отношении к себе она должна быть столько же промышленным, сколько и земледельческим государством, под опасением не быть сильно производительною страной ни по той, ни по другой части. Кто живет в деревне, кто занимается преимущественно сельским хозяйством, тот на деле видит тесную связь земледелия с промышленностью. Имение черноземное, даже не отдаленное от пристаней, никогда не дает настоящего дохода, если нет в нем или в соседстве от него какого-либо фабричного или заводского производства. Крестьяне такого имения нуждаются в заработках, а зимою решительно не знают, как добыть деньги. Лишь только устраивается в околотке значительный завод или фабрика (разумеется, на коммерческом основании), то все ближние села и деревни приходят в лучшее состояние, и образованность края не замедлит быстро двинуться вперед. Один писатель (Гуро) назвал тамошни общенародными университетами и золотыми рудниками. Не разделяя вполне его исключительных воззрений по части промышленности и торговли, думаю, что без таможен не может теперь развиться никакая промышленность, что без промышленности не в состоянии улучшиться земледелие ни в какой самой черноземной стороне, и что без фабрик и без заводов народонаселение не может достигнуть ни значительного благосостояния, ни надлежащей образованности.

Пора бы кончить; но не могу не остановиться еще на одном месте статьи г. Журавского, где он говорил: «Только в Москве не хотят обращать внимания на быстрое развитие городов в южной России, на соединение в одной стране богатств ископаемого, растительного и животного царств; в Москве не хотят замечать, что с населением и разработкою естественных произведений южной полосы, центр России все более и более передвигается к югу. Или, лучше сказать, там все это видят, но под влиянием идеи, что Москва есть сердце России, готовы интересы всей массы народа принести в жертву этому сердцу».

Если б это было отдельною, случайною выходкою против Москвы, то конечно не стоило бы и отвечать, ибо Москва в защите не нуждается; она отразила и не такие нападения; но тут высказывается убеждение, довольно общее у нас в цивилизованном обществе, что все местное, частное недостойно внимания, и что необходимо думать

только об общем! Вы не хотите, чтоб Москва была сердцем России. Так где же по вашему мнению сердце России? Или вы хотите, чтоб Россия была без сердца? Или вы полагаете, что сердце может быть везде? Есть иноземная пословица: *qui trop embrasse mal étreint*. Не относится ли смысл ее прямо сюда? Вы увещеваете нас «быть русскими более, нежели Москвичами, — оставить взгляды местные, тесные, в вопросе общенародной, государственной важности, думать не столько о пользе Москвы, Орла или другого города, как о пользе всей массы Русского народа и пр.». Не остановились ли вы на полу-дороге? Не верите ли, не лучше ли сказать: будем людьми более, нежели русскими: оставим взгляды народные, тесные; в вопросе общечеловеческой и всемирной важности будем не столько думать о России или другом государстве, как о пользе всего рода человеческого. Хороши, благозвучны ваши слова, но признайтесь, что эти слова лучше, многозвучнее, но и пустее. Мы люди, а не идеи; мы любим горячо, с самозабвением лишь то, что близ нас, что мы как будто осязаем, во что мы переносимся; мы здраво судим лишь о том, что на нашем кругозоре, что мы в себя, так сказать, воплотили; мы плодотворно действуем лишь там, где мы себе все усвоили и себя всему приспособили. Понятно, что добрый семьянин становится добрым членом общины деревенской или городской, становится добрым членом области, и что добрый москвич, туляк, рязанец или курляндец становится добрым русским; но, признаваться, трудно понять, как можно быть добрым русским без посредствующих звеньев. Вы хотите, чтоб я был Русским, но запрещаете мне быть москвичом или рязанцем, горожанином или земледельцем. Конечно, будучи *русским вообще*, я получаю возможность быть беспристрастнее, смотреть с отвлеченной точки зрения и действовать независимее; но сохраню ли я вместе с тем нужный для дела жар, не лишусь ли доли тех связей, которые умножают мои силы, и не утрачу ли я тех живых интересов, понятий и сведений, которые составляют мою жизнь? Эта отвлеченность, которую вы нам проповедуете, не есть ли уже наш недостаток? Не она ли причину нашей бесплодности по всем частям? — *Русские вообще* становятся легко *людьми вообще*; и тогда Париж, Лондон или другой иноземный город делается их отчизною, или, оставаясь на Руси, они превращаются в каких-то странных космополитов, для которых Россия — *tabula rasa*, где можно чертить, преобразовывать и создавать по желанию. Многие из противников *тесного, местного* взгляда и из защитников *обще-*

человеческого воззрения, и конечно в том числе автор рассматриваемой нами статьи, чужды таких крайностей; но в таком случае они непоследовательны; из семьи, общины можно и должно дойти до народа и государства; из *идей* можно спуститься на землю только прыжком. Как в этом случае действительного остается очень мало, то из отвлеченных идей необходимо люди ниспадают в чисто материальные интересы; и это пристрастие общечеловеческих мыслителей к вещественному очень замечательно и многозначительно, но об этом распространяться здесь не место. Перестанемте, увлекаясь *идеями*, пренебрегать тем, что действительно есть, что составляет настоящую жизнь человека, и, восхищаясь вещественными прогрессами, считать ни во что высшие человеческие потребности. Россия не есть чистое поле, на котором можно все создавать по своим умозаключениям; она есть только богатая нива, которую можно разрабатывать в виду материальных выгод; она есть земля со своею историей, со своими народными убеждениями, взглядами и потребностями. Никто, конечно, не готов сердцу России *пожертвовать интересами всей массы народа*; к счастью этого и не требуется. Сердце здраво лишь при здравии всего тела; всякий застой или недостаток крови в какой-либо части тела образует болезнь во всем теле, следовательно и в сердце. Лишь правильное кровообращение обеспечивает общее благосостояние тела; сердце без тела быть не может, но и тело без сердца — труп.

Заключимте нашу статью искренним пожеланием, чтоб при определении сети железных дорог руководствовались не отвлеченными какими-либо идеями, но действительными потребностями России, чтоб не считали ее ни исключительно земледельческою, ни исключительно промышленною, ни исключительно воинскою странюю, а землю, равняющуюся по пространству с лишком двум Европам, населенною 65 мил. людей, имеющею значительную торговлю и промышленность и долженствующею их усилить в размерах огромных, обязанною и могущею развиваться самобытно, удовлетворять сколько возможно более дома свои потребности и считать чужие края во всех отношениях пособием, необходимым для нее добавлением, а отнюдь не целью, не образцом и не преимущественным источником света и богатства.

8 октября 1856. С. Песочня

О НЕОБХОДИМОСТИ УНИЧТОЖЕНИЯ КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ В РОССИИ

Мало теперь людей, безусловно отрицающих справедливость и необходимость уничтожения крепостного состояния в России; а потому излишним было бы доказывать как то, так и другое и опровергать доводы упорных и застарелых приверженцев этого учреждения, высказываемые без всякого разумного основания и с явную преданностью личным выгодам. Но прежние защитники крепостного состояния все сильнее, громче и настойчивее проповедуют о несвоевременности этого преобразования в России в настоящую пору. Они чувствуют, что безуспешно и неблагоприятно защищать самое крепостное право на людей, уже осужденное на смерть как общественную совестью, так и современными требованиями промышленности, народного благосостояния и государственной безопасности: и потому допуская неминуемость этой перемены, они соглашаются теперь на строгие распоряжения против помещиков, употребляющих во зло свою власть, и изъявляют даже готовность содействовать к смягчению и к постепенной отмене этого права. Но доводы их против немедленного и действительного освобождения крестьян и дворовых людей, и меры, ими предлагаемые к достижению со временем этой цели, таковы, что в них явно высказывается намерение признать право свободы с тем только, чтобы оно всегда оставалось в туманной будущности и никогда не переходило в неприятную для них действительность. А потому рассмотреть главные их возражения, показать всю несостоятельность и лишь кажущуюся дельность оных, обнаружить настоящую причину их слов и действий, объяснить, что все ограничения помещичьей власти суть чистая невозможность и один оптический обман вроде турецкого хатти-хумаюна⁵⁹, и доказать, что теперь, так сказать, не завтра, а ныне должно приступить решительными мерами к великому делу уничтожения крепостного состояния — вот задача, налагаемая настоящим положением дел в России на совесть всякого, истинно любящего свое отечество. Не филантропические увлечения, не из умозрения истекшие убеждения, не требования иноземной цивилизации заставляют меня взяться за перо: побуждают меня к тому двадцатипятилетняя, почти постоянная жизнь в деревне, распоряжение значительными имениями не через управля-

ющих, а личное, непосредственное и, могу сказать, неусыпное, сношения почти ежечасные с своими и чужими крестьянами и дворовыми людьми, с отпущенниками и с лицами свободных состояний и наблюдение за господскими и крестьянскими хозяйствами в разных местностях. Никак не лщу себя мыслью представить вполне удовлетворительное разрешение этого вопроса, но думаю, что могу сказать несколько из опытности почерпнутых слов.

ГЛАВНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ УНИЧТОЖЕНИЯ КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ

Противники немедленного уничтожения крепостного состояния утверждают.

Во 1-х, что крепостные люди еще так необразованны, что опасно, просто невозможно теперь даровать им свободу.

Во 2-х, что они беспечны, ленивы и преданы пьянству и что без побуждения к труду со стороны помещиков они еще более впадут в бедность и разврат.

В 3-х, что при уничтожении крепостного состояния последует расстройство в общем государственном хозяйстве, ибо люди, получив свободу, не захотят работать: что не только помещичьи поля останутся без обработки, но что даже фабрики и заводы остановятся за недостатком рабочих.

В 4-х, что наши земские и городские полиции и вообще все управление так худо устроено и так предано лихоимству, что невозможно теперь уничтожить помещичью власть, еще несколько поддерживающую общий порядок в государстве.

В 5-х, что с уничтожением крепостного права на людей помещики будут разорены, крестьяне подпадут под хищническую власть чиновников и выйдет для тех и для других положение худшее против настоящего: для государства же последует оттого окончательное расстройство в управлении.

В 6-х, что нет достаточных средств для побуждения крестьян к исполнению обязанностей, которые на них лягут вследствие освобождения в отношении к помещикам или казне.

В 7-х, что до отмены крепостного права необходимо заблаговременно устроить сельское управление, которое могло бы заменить власть помещичью.

В 8-х, что при освобождении крепостных людей произойдут беспорядки и даже резня.

В 9-х, что с уничтожением крепостного права должны последовать разные перемены в государственном устройстве, которых конечным последствием будет потрясение самодержавия.

Наконец, в 10-х, что при уничтожении крепостного права нужно подумать и о вознаграждении за оное помещиков, на что, кажется, правительство теперь средств не имеет.

Вот главные возражения против немедленного уничтожения крепостного состояния. Есть еще много других доводов, выставляемых в пользу удержания существующего порядка вещей, но они или еще менее дельны, или все сводятся к вышеизложенным возражениям. Разберем их обстоятельно одно за другим.

I. Крепостные люди еще так необразованны, что опасно, просто невозможно даровать им свободу.

Неоспоримо, что крепостные люди вообще мало образованы; но кто определил и чем определяется степень образования, на которой неопасно, возможно даровать людям свободу? Чем доказали наши крепостные люди, что они стоят на степени низшей против той, на которой можно дать человеку право распоряжаться своими действиями? Нет ли недоразумения в самом понятии об образовании, обусловливающим, по мнению некоторых, возможность для человека быть хозяином своего тела, своих членов, своих способностей и трудов? Не упущено ли в этом случае из вида нечто, стоящее выше образования, — просвещение, которое человека делает человеком? Для того чтобы распоряжаться своими действиями, не нужны, думаю, сведения, впрочем весьма полезные, из географии или истории, не нужна самая грамотность, конечно, во всех отношениях возделанная, еще менее необходимы некоторые обычаи и привычки так называемых благовоспитанных людей; достаточно для этого, полагаю, здравого смысла, просветленного и утвержденного искреннею верою. Неужели наши крепостные люди этого условия не выполняют? В замечательной смысленности не отказывают нашему народу даже иностранцы: неужели же мы, живущие посреди его, говорящие одним с ним языком, еще до того ослеплены нашим пристрастием ко всему иноземному, что не в состоянии видеть настоящее просвещение, живущее в нашем народе, и что не можем оценить его образование

иначе, как заграничными мерками и образцами. Настоящее просвещение для всякого человека истекает из коренного понятия об отношениях его к Богу и людям; — это коренное понятие заимствовано нашим народом из спасительного учения Христова. Для простолюдина это учение есть не умозрительная какая-либо система, не плод выводов и заключений, а истина живая, воплощенная во все его понятия и частности жизни. Некоторые, я знаю, думают, что в нашем народе суеверие сильнее веры; но такое мнение показывает лишь то, что они не вникли в быт и смысл нашего народа и что собственные предрассудки мешают им видеть действительность*.

Конечно, есть в нашем народе суеверия, но в ком же их нет? Самые великие мудрецы не были от них совершенно свободны, основа же верований нашего народа есть душевная, горячая вера в Христа. Она для русского есть то солнце правды, которым освещается и согревается весь мир его чувств, мыслей и деяний. Путешествуя по Европе, я изучал с особенным тщанием нравы и обычаи различных народов, почему смело могу сказать, что нигде не находил я такого глубокого сочетания жизни с религиею, как у нас, особенно в крестьянском сословии. Наш крестьянин не начинает никакого дела, не призвавши предварительно Бога к себе на помощь; по совершении дела ему он воздает славу и благодарение; в бедах к нему же он обращается с молитвою; отчаяние редко овладевает душою русского человека; он и

---

* Впрочем, не у нас одних люди высших сословий не знают народа и в особенности крестьян. Вот что об этом говорит А. Токвиль, имея в виду Францию: «Ce n'est jamais qu'à grande peine que les hommes des classes élevées parviennent à discerner nettement ce qui se passe dans l'âme du peuple, et en particulier dans celle des paysans. L'éducation et le genre de vie ouvrent à ceux-ci sur les choses humaines des jours qui leur sont propres et qui demeurent fermes à tous les autres. Mais quand le riche et le pauvre n'ont presque plus d'intérêt commun, de communs griefs, ni d'affaires communes, cette obscurité qui cache l'esprit de l'un à l'esprit de l'autre devient insondable, et ces deux hommes pourraient vivre éternellement côte-à-côte sans se pénétrer jamais». (L'ancien régime et la révolution. Paris, 1856, pag. 227). («Представителям высших сословий всегда с большим трудом удается постичь и уяснить, что происходит в душе народа и, в особенности, крестьянства. Образование и образ жизни открывают свойственные только им стороны человеческой жизни, которые остаются скрытыми для всех остальных людей. Когда богатый и бедный практически не имеют ни общих интересов, ни общих претензий или дел, эта неясность прячет их сущность друг от друга, делая ее непознаваемой настолько, что эти два человека могли бы вечно жить бок о бок, не интересуясь жизнью друг друга») (Старый порядок и революция. Париж, 1856. С. 227).

умирает легко и спокойно, не по равнодушию к жизни, не из усталости, ибо жизнь любят и в темницах, и в ссылке, и в невольничестве, а потому, что наш народ видит во всем волю Божию и что он глубоко верит в жизнь будущую. В сношениях с другими людьми крестьянин наш терпелив, снисходителен, общителен и вовсе не чужд любви к ближним; милостыню подает он в истинно-христианском духе без расспросов, с крестным знамением; и самый отказ, при невозможности что-либо подать, сопровождается у него добрым пожеланием (Бог подаст). Наш народ покорен властям и законам не из раболепства и не из трусости, а из убеждения, что всякая власть от Бога и что исполняющий волю начальства исполняет вместе с тем и волю Божию. Кажется, что в этом отношении наш народ безукоризнен, и если бывали и бывают ослушания и возмущения, то виною оным не крестьяне, а помещики и начальства, которые своим корыстолюбием, наглостию и жестокостию сокрушали всякое терпение и вынуждали, наконец, людей делать то, чего у них не было и на уме. Семейственные связи в крестьянстве еще так крепки, что большие семейства встречаются в нем сплошь и рядом, и после смерти отца старший брат, а иногда и другой, более способный, становится всему семейству вместо отца. Что же касается до общественных отношений в крестьянском сословии, то они весьма разумны, сильны и тверды; это доказывается благоустройством весьма многих сел, оброчных, предоставленных самоуправлению, и еще тем, что при ослаблении помещичьей власти общинный дух, мирские сходки, суд стариков и проч. возвращаются в полной силе, как будто всегда были в ходу. И народ, проникнутый такими чувствами, одаренный такими способностями и таким благоразумием и снабженный такими как бы присущими ему учреждениями, считать неспособным распоряжаться своими членами, действиями и трудами! Впрочем, допустим даже то, чего допустить нельзя: согласимся, что крепостные люди крайне необразованны; но кто же и когда их образует? Не помещики ли? За исключением нескольких выродков из этого сословия, большинство дворян никогда не заботилось и впредь, конечно, не озаботится образованием крепостных людей. Теперь более 50 лет толкуют о предстоящем освобождении крепостных людей, а много ли школ дворянство устроило по своим деревням? Думало ли оно о представлении им большего досуга на поучение в церквях, на изучение грамоты и на приобретение некоторого довольства? Из среды самих помещиков едва ли кто ответит на

эти вопросы утвердительно. К несчастью, всем известно, что школ в помещичьих имениях для крестьян почти вовсе нет, что сходки и суды стариков все более и более заменяются произвольными действиями управляющих, что оброчные имения переводятся на барщину, что трехдневная работа почти нигде не соблюдается, что воскресения и праздники в большей части помещичьих имений отличаются от будничных дней не освобождением от работы, а высылкою, часто поголовною, на иную, почти всегда конную работу*. А что касается до довольства крестьян, то помещики заботятся только о том, чтобы крестьяне не умирали с голода и чтобы они имели достаточное количество лошадей для работы. Помещики очень хорошо понимают, что грамотность, образование и довольство враждебны крепостному праву на людей, что последнее существует только на счет первых, что прежде крепостное состояние удерживалось у нас одинаковостью просвещения, нравов и обычаев и тем, что называется патриархальностью, которой теперь уже нет и которая возвратиться не может, и что теперь это положение, выгодное для помещиков, может на некоторое время быть сохранено только тщательным подавлением всякого самостоятельного духа и умственного развития в крестьянах и дворовых людях и содержанием их в недостаточном положении. Известно, как большая часть помещиков восстают против грамотности и боятся, чтобы их люди с жира не бесились**. Если помещики еще не удушили просвещения в народе, то это только потому, что сами они русские, что не все люди им крепки, что крестьяне и дворовые люди имеют самые частые сношения с вольными людьми и что помещики ленивы, беспечны и еще не вникли (хотя успехи их в этом значительны) во все угонченности своего звания душевладельцев. Нет, нельзя ожидать образования для крепостных людей от их помещиков: целое сословие на себя никогда рук не наложит. Следовательно, это возражение против немедленного освобождения крепостных людей не заслуживает никакого уважения.

---

* «Сеять, пахать в праздник грешно, но хлеб свезти с поля, отправить его на пристань или завод, дровец привести, строение перетащить с места на место, Городьбу починить и проч. Это ведь чисто праздничная работа» — вот обычное рассуждение помещиков и управляющих.

** Помещики, откровенные защитники крепостного состояния, высказывают очень мило помещичью политику: «Людей нужно держать на подножном корму так, чтобы они с голоду не умирали, да и с жира не бесились».

II. Крепостные люди беспечны, ленивы и преданы пьянству; без побуждения к труду и без надзора со стороны помещиков они еще более впадут в бедность и разврат: вот возражение, которое обыкновенно следует за первым, нами только что рассмотренным.

В первой половине этого возражения есть некоторая доля правды; но нам ли делать этот упрек крепостным людям? Лишив их драгоценнейшего для человека блага — права располагать самим собою, мы хотим, чтобы они вместе с тем сохранили качества свободных людей — любовь к труду и заботу о самих себе! Взгляните на вольные села, даже на оброчные и барщинские имения, где, при достаточном наделе крестьян землею, оброк не чрезмерен и барщина не отяготительна: и вы увидите там избы крепкие, просторные, хорошо покрытые, дворы, тщательно обгороженные, а поселян чисто, даже нарядно одетых. А сколько ежегодно людей, откупающихся от рекрутства и на волю! Нет! такое сословие винить в лени и беспечности грешно вообще и в особенности нам, проводящим жизнь большею частию в безделье и удовольствиях и редко передающим родовое достояние детям нашим. Конечно, в барщинском имении, где вместо трех дней требуют четыре, пять, а иногда и все шесть дней или где оброк и при том тяжкий, — не с угодий, а с личности тяглецов и где сверх того имеется отеческий надзор за крестьянами, там дело совершенно иное: при таком положении помещик должен иметь в запасе и деньги на покупку лошадей для крестьян, и хлеб для довольствования их при малейшем неурожае. При подобных распорядках крестьяне не заботятся ни о своих полях, ни о заработках на стороне, ибо они знают, что есть пекущийся о них помещик, который, по своей отеческой предусмотрительности, взял с них вперед вдвое, втрое больше, чем что следовало, или работою, или деньгами. Но в таком случае кого винить? Того ли, кто, изнемогая под тяжестью текущего дня, не заботится о будущем, или того, кто, накладывая на плеча другого неудобноносимое бремя, жалуется, что этот другой не наваливает на себя добровольно еще лишней тяжести. Нет! постоянный, многолетний опыт убедил меня, что в лени и беззаботности крестьян всегда виноват помещик, и он один. Наш народ не ленив и не беспечен, а, напротив того, трудолюбив и весьма предусмотрителен — любит беречь деньги на черный день: это доказывается многолетними, уже поседелыми кладушками и часто вырывааемыми кладами; но убийственна для народной нравственности отеческая попечительность помещиков или их управляющих. Требуйте с крестьян то, что следует,

и не заботьтесь о собственном их хозяйстве, и вам не придется жаловаться ни на их лень, ни на их беспечность. Что же касается до пьянства, то этот порок в русском народе не сильнее, чем в других народах, и в помещичьих имениях он не слабее, чем в вольных селах и деревнях. Если в имении, изнуренном барщиною, выпивается вина менее, чем в казенном селении, то в нем еще менее съедается хлеба, и причиною такого воздержания есть не лучшая нравственность, воспитанная помещиком, а большая нищета, ценою которой доставляется помещику возможность или держать большую стаю собак, или тратить лишние деньги на роскошь и разврат. Следовательно, от воздержания, насаждаемого помещиками в опекаемых ими крестьянах, нет пользы ни для государства, ни для крестьян, ни даже для самих опекунов, которые по большей части чем усерднее занимаются крестьянскою опекою, тем более сами нуждаются в опекунах. Известно, что опека учреждается над помещичьими имениями за неплатеж кредитным учреждениям, по частным долгам и проч. так много, что дворянские опеки крайне затруднены приисканием опекунов и часто принуждены назначать в эту должность людей, у которых имения уже находятся в чужом опекунском управлении. И такие люди упрекают крепостных людей в беспечности и говорят о необходимости помещичьего надзора и попечительства! Занимаясь сельским управлением не со вчерашнего дня и наблюдая за хозяйством других собратий помещиков в разных местностях, я постоянно замечал, что чем помещичья попечительность о крестьянах усиливалась, тем собственная заботливость крестьян о самих себе уменьшалась, и наоборот; что у попечительных помещиков крестьяне редко бывают в хорошем положении; и что благосостояние крестьян возрастает по мере предоставления им большого простора в их действиях. Следовательно, крестьяне не ленивы, не беспечны, не преданы пьянству, по присущим им к тому склонностям, а все эти пороки в них усиливаются и развиваются по вине помещиков, и уничтожение помещичьей опеки не ввергнет их в большую бедность и разврат, напротив того, послужит к уничтожению этих, крепостным состоянием укореняемых в них пороков.

III. При уничтожении крепостного состояния последует расстройство в общем государственном хозяйстве, ибо люди, получив свободу, не захотят работать; не только помещичьи поля останутся без обработки, но даже фабрики и заводы останутся за неимением достаточного количества рабочих.

Защитники крепостного состояния опасаются, что при освобождении крестьян и дворовых людей ощущаемый ныне недостаток в вольнонаемных людях усилится, что не только помещичьи поля останутся без обработки, но что фабрики и заводы останутся за неимением достаточного числа рабочих и что от того последует расстройство в общем государственном хозяйстве. Что теперь ощущается недостаток в вольнонаемных работниках, это, в некоторых местностях и в известные времена, справедливо; но столь же справедливо и то, что в других краях и гораздо чаще люди нуждаются в работе, и я не знаю, какой из этих недостатков сильнее. Известно, что толпы людей, приходящих в Москву, Петербург, на пристани и в другие города, долго ищут работы и часто уходят домой, не найдя себе занятия, или нанимаются за ничтожные платы. А в деревнях какое огромное количество людей, алчущих работы и остающихся дома только потому, что не имеют в виду заработок на стороне и не надеются таких приискать. И притом какие платы стоят у нас на рабочих! Хороший плотник, мастер своего дела, с радостью нанимается на мельницу в год за 150 руб. ассиг. на хозяйских харчах; взрослый, добрый пахарь поступает в годовые работники за 80, 90, и не дороже 100, а с Святой до заговенья, т. е. за 7 летних месяцев он берет 60 или 70 руб. ассиг. также на хозяйских харчах; зимою же можно иметь настоящего работника, даже для трудного дела, за 10 руб. ассиг. в месяц на собственных его харчах или за 7 руб. ассиг. на хозяйских харчах. Существующие цены на рабочих при сельских хозяйствах, фабричных и заводских производствах доказывают, что у нас нет недостатка в рабочих и что скорее у нас есть недостаток в работе. Жалобы на первый недостаток происходят более от помещиков, заводящих фабрики на коммерческом основании и привыкших даром пользоваться работою своих крепостных людей, или от купцов, недобросовестно рассчитывающих своих рабочих. Бывают действительные недостатки в рабочих по временам и в известных местностях: так, в последние годы, при учащенных наборах и при ополчении, действительно нуждались в работниках; так, в Москве перед коронациею, за Волгою при урожаях пшеницы, в портах при приходе необыкновенного количества судов и в других чрезвычайных случаях точно цены на рабочих доходят до невероятной высоты, но эти случаи редки и кратковременны; вообще же недостаток в заработках гораздо чувствительнее и постояннее. Причина обоих недостатков заклю-

чается в худых сообщениях, не позволяющих рабочим легко переноситься туда, куда нужно. Опасение, что с уничтожением крепостного состояния недостаток в рабочих усилится, кажется совершенно неосновательным. И теперь отдельные люди и целые деревни становятся свободными, и не видно, чтобы они предавались *dolce far niente*⁶⁰ и избегали работы. Напротив того: они трудятся тем усерднее, чем более убеждены в том, что все выработанное есть их неотъемлемая собственность. Сверх того огромная масса лишних людей, содержимых нами в передних, на кухнях, на конюшнях, в садах и проч., потребуют работы; барщинские крестьяне, занимаемые у нас теперь разными пустыми, непроизводительными работами, будут свободны и станут также искать себе занятий; время, теряемое теперь при разных господских работах по правилу: «дела не делай, а от дела не бегай», останется равным образом в экономии и будет предлагаться в наем. В оброчных же имениях заработки пойдут обычным своим порядком. Если некоторые думают, что люди не будут работать, потому что не будет необходимости уплачивать оброк, то в успокоение их должно сказать, что крепостные люди сделаются свободными, вероятно, не даром и что в продолжение многих лет они должны будут выплачивать за свое освобождение повинность, почти равную ныне платимому ими оброку. Мнение, что крестьяне вырабатывают по мере помещичьих требований и что, при уменьшении их, они будут менее заботиться о заработках, или ни на чем не основано, или основано на том, что у нас, вопреки положениям науки политической экономии, плата за работу понижается при возвышении цен на хлеб и возвышается при понижении оных. Это явление очень понятно и нимало не подтверждает предыдущего мнения. У нас рабочая плата вообще низка, мало вознаграждает за труд, доставляя рабочему только возможность кое-как себя прокормить, одеть, обуть и повинности уплатить. При неурожаях все постройки прекращаются, хлебная молотба и извозы уменьшаются, и огромное количество рабочих бежит на заработки. Помещики обыкновенно в такие времена отменяют барщину и отпускают своих крестьян для прокормления. Естественно, что цены упадут и что народ работает уже просто, как он говорит, из живота, т. е. из одного пропитания. Это, однако, вовсе не доказывает, что крестьяне работают только по необходимости и что как их потребности ограничены, то они предпочитают лежать на печи, чем добывать лишнюю деньги. Мы видим богатые и бедные селения,

и едва ли кому пришлось заметить, что благосостояние оных возрастает с увеличением помещичьих требований и падает с понижением оных. Сколько мне случалось наблюдать за господскими и крестьянскими хозяйствами, я всегда находил, что при малых и умеренных повинностях крестьяне усердно добывали себе деньги на покупку лучших построек, на более сытное продовольствие, на нужные и даже на нарядные одежды; находил я также, и это, к великому прискорбию, встречалось гораздо чаще, что при высоких, чрезмерных оброках и при тяжелой барщине люди упали духом, жили в полуразвалившихся лачугах, ходили в лохмотьях и заплатах, ели один хлеб, и тот часто с мякиною, и для уплаты повинностей, в ограждение своей шкуры от побоев, продавали последнюю телку или свинью. Конечно, потребности наших крепостных людей невелики, но средства их к удовлетворению оных еще ограниченнее, и им предстоит еще много трудов и забот, чтобы дойти до некоторого довольства. — Наш крестьянин беден не потому, что он ленив, беспечен или нечувствителен к прелестям довольства, а потому, что его повинности вообще тяжелы при скудости добыток. Следовательно, мнение, что крестьянин не будет работать, если помещик не будет толкать его в затылок, есть чистая клевета; следовательно, и расстройство в общем государственном хозяйстве, предвещаемое защитниками крепостного права на людей, есть одно из пугал, которыми они так удачно устрашают малодушных и малосведущих людей.

IV. Наши земские и городские полиции и все управление вообще так худо устроено и так предано лихоимству, что невозможно теперь уничтожить помещичью власть, еще несколько поддерживающую существующий порядок в государстве.

Что наши земские и городские полиции и все управление вообще худо устроено и предано лихоимству, это мы готовы допустить, но мы не постигаем, чем помещичья власть помогает правительству в поддержании существующего порядка в государстве? Прочие сословия, не опекаемые помещиками, становятся рекрутов, платят подати и исправляют все повинности не хуже, если не лучше помещичьих крестьян. Правда, что помещик судит и рядит своих людей, но, при отмене его власти, эти обязанности будут исполняться избираемыми от общества головами и старшинами точно так, как это водится в обществах мещан и крестьян государственных имуществ. Чем же помещик

помогает правительству? Очевидно, что это одно из тех мнений, которое тем смелее и чаще повторяется, чем менее вникают в его смысл. При тщательном рассмотрении этого положения оказывается напротив, что крепостное право на людей есть именно то начало, которое всего более искажает наше частное, общественное и государственное устройство и которое, для своего поддержания, требует самых жестоких и самых исключительных мер. Если б мы не слышали довольно часто, что тут крестьяне не повинуются своему владельцу; что там они его высекли или убили, что в одном имении начальник губернии для усмирения пересек от 50 до 100 человек, что в другом месте должны были прибегнуть к военной силе и что стреляли пулями и даже ядрами; если бы мы не читали то тайных, то гласных циркуляров для внушения покорности крестьянам; если бы не знали, что сословие крепостных людей своим незаконным положением всего более озабочивает правительство, то, быть может, мы еще могли бы поверить словам отечески заботливых помещиков и вообразить, что действительно с лишком 20 миллионов людей управляются очаровательным жезлом патриархальности. К несчастью защитников крепостного права на людей, дела вовсе не оправдывают их слов, и превозносимое ими право является не пособием для правительства, а язвою, проедающею весь его состав, заражающею собою жизнь общественную и частную и уничтожающею всякую нравственность. Оно есть, конечно, одна из главных причин лихоимства, ибо при нем невозможна гласность, а без гласности не может быть общественного мнения, единой твердой опоры всякого законного управления. При владении людьми мы постоянно, ежечасно нарушаем священнейшую заповедь человеколюбия и попираем самые неотъемлемые права людей; а потому, сидя в суде или распоряжаясь в звании высших или низших правителей, неужели мы остановимся перед какою-нибудь менее значительною неправдою? Нет! ни древние, ни средние, ни новейшие времена не представляют нам примера нравственного общества при существовании в нем рабства. Безнравственность есть Божия казнь за овеществление человека. Говорят часто, что нельзя уничтожить крепостного права на людей, пока у нас суды и полиции не улучшатся; но возможно ли последнее без первого? Наше прошедшее и настоящее положение, кажется, достаточно доказывает всю неудобоисполнимость этого преобразования, отдельно взятого. Принимались разные меры к искоренению лихоимства; разнообразили и усиливали над-

зор, множили указы и предписания; упрощали и сокращали способ преследования; увеличивали наказания и проч., а зло росло и росло и все глубже и глубже укоренялось. Самое бдительное наблюдение со стороны казны, даже самые виселицы, не в состоянии улучшить судебный и полицейский порядок. Это изменение может быть произведено только улучшением частной и общественной нравственности, а к этому первым шагом должно быть уничтожение крепостного права на людей. Пример Пруссии в 1806–1813 годах в этом отношении крайне назидателен⁶¹. Следовательно, не должно откладывать уничтожения крепостного состояния до улучшения судебного и полицейского порядка; но необходимо начать с первого, чтобы дойти до последнего.

V. С уничтожением крепостного права на людей помещики будут разорены, крестьяне подпадут под хищническую власть чиновников и выйдет для тех и для других положение худшее, в сравнении с настоящим их бытом; для государства же последует окончательное расстройство в управлении.

Опасение, что с уничтожением крепостного права на людей помещики будут разорены, совершенно неосновательно. Вероятно, правительство не совершит этого переворота, не назначив им за то вознаграждения. Если оценка потерь и определение вознаграждения будут справедливы, то помещики как будто продадут часть своих имений, и вырученные за то деньги они могут употребить или на погашение лежащих на них долгов, или на устройство своих хозяйств, или на покупку земель казенных, могущих и, вероятно, долженствующих в этом случае поступить в продажу. Ни в одном из сих предположений не заключается еще разорения для помещиков. Конечно, распоряжение господскими хозяйствами будет тогда несколько хлопотливее, чем ныне. Теперь если нужны рабочие, то вотчинное начальство высылает крестьян поголовно и держит их столько времени, сколько необходимо или даже сколько ему угодно. Теперь множество работ ненужных, убыточных производится в господском хозяйстве единственно потому, что время крестьян, особливо в нерабочую пору, для помещиков, а тем еще более для управляющих, нипочем. Теперь, куда нужно на работу послать десять человек, туда назначают двадцать, тридцать человек, имея в виду лишь одно, чтобы дело было сделано. Теперь для умножения доходов прибегают к средствам

самым простым — к увеличению оброка и запашки, не признавая в этом других границ, кроме физической возможности крестьян уплатить первый и управиться с последнею. По уничтожении крепостного права на людей дело будет совершенно иное: учет — вещь, совершенно неизвестная русскому помещику, делается первою необходимостью всякого хозяйства; каждый лишний работник будет представлять лишний расход; все убыточные производства или уничтожатся, или будут устроены разумным образом; помещики или их управляющие должны будут озаботиться сокращением и упрощением работ, ибо иначе расходы не будут покрываться доходами. Тогда нужда обратит внимание помещиков на усовершенствованные орудия, на машины, на улучшение рабочего скота и проч. Тогда и только тогда наука сельского хозяйства двинется у нас вперед, ибо доселе она была лишь забавою для одних и карьерою для других; настоящим же делом она не была ни для кого. Впрочем, для землевладельцев, не желающих иметь собственные хозяйства, будет возможность отдавать в аренду, чего доселе они не делали, почти и делать не могли, и что тогда непременно войдет в обычай. При таком перевероте доходы с имений не только не упадут, а возвысятся, как это произошло во всех странах, где земля перешла в возделывание вольных рук. Всем известно, что окончательное освобождение крестьян в Пруссии, в других германских государствах и в последнее время в Австрии имело последствием возвышение ценности земли и с тем вместе увеличение владельческих доходов. В наших прибалтийских губерниях помещичьи доходы небыстро поднялись только потому, что освобождение крестьян было произведено слишком стеснительным для них образом и что оттого произошли колебания, которые долго лишали тамошние хозяйства необходимой устойчивости⁶². Весьма памятны для нас совещания в английском парламенте, во французских камерах и в голландских штатах по поводу уничтожения невольничества в колониях: тамошние владельцы уверяли, что предполагаемый переверот их разорит, что они должны будут прекратить свои производства по невозможности получать достаточное количество вольного труда и по необходимости платить за него высокие цены и что вследствие этого метрополия как бы лишится своих колоний. Теперь сами эти колониальные хозяева сознают, что доходы их увеличились, что ценность их угодий поднялась, что хотя они платят за работу высшие цены, но что эта работа несравненно производительнее невольни-

чьего труда и что колонии приносят метрополиям более дохода, чем прежде. Как нельзя допустить, что наши крепостные люди ленивее, беспечнее и невежественнее колониальных невольников и что наши помещики менее образованны, менее способны заняться делом и менее заботливы, чем тамошние плантаторы, то и нет никакого разумного основания думать, что освобождение людей разорит у нас сословие землевладельцев, какого действия оно не произвело даже в колониях. Эти опасения насчет расстройства хозяйственных дел внушаются нашим помещикам не прозорливым угадыванием будущего, но боязнью труда, в особенности умственного, привычкою пользоваться чужою работою, любовью к безделью и болезненным страхом всего, что может их беспокоить и тревожить. Уничтожение крепостного состояния не только не разорит материально дворянского сословия, но оно поднимет его возбуждением в нем личной деятельности, изоощрением его умственных способностей, развитием в нем самостоятельности и улучшением его нравственности. Впрочем, об этом еще будет речь впоследствии. Что же касается до того, что с освобождением крестьяне подпадут под хищническую власть чиновников и что их положение чрез то не улучшится, а станет еще хуже, то это утверждение еще менее справедливо, чем предыдущее. Знаю, что оно составляет любимое возражение многих против предполагаемого преобразования, но оно вполне опровергается следующим фактом: все крестьяне помещичьи, не исключая и тех, которые принадлежат добрейшим господам, готовы поступить в звание государственных крестьян, что они и доказывают, откупаясь на волю, часто за большие деньги и приписываясь, также не без значительных издержек, к этому сословию; из казенных же крестьян самые бедные ни за что не согласятся поступить в крепостные крестьяне добрейшего помещика. Из этого, конечно, не следует выводить заключения, что нынешнее управление государственными крестьянами хорошо и что все помещики дурны, — конечно, ни того, ни другого никто не решится утверждать; но такое положение необходимо истекает из самого существа крепостного и государственного крестьянского состояния. Чиновник самый дурной берет с крестьян лишь взятки, не может завести барщину, лежит своею тяжестью на плечах не нескольких десятков или сотен, а многих тысяч людей и не может давать своему произволу полного разгула. Помещик же есть полный безотчетный владелец принадлежащих ему крестьян: он обхватывает

свою властью весь быт крепостных своих людей, он позволяет или запрещает им жениться; распоряжается их женами и детьми по своему усмотрению, и добрейший из душевладельцев есть все-таки судья в своем деле, распорядитель другими в свою пользу и законодатель по своему произволу. К тому же добрый помещик есть счастливый случай, редкое исключение из общего правила; огромное же большинство владельцев, конечно, не таково, чтобы выгодно или приятно было находиться под их управлением. Не буду для этого ссылаться на примеры особенно корыстолюбивых и жестоких помещиков, каких в каждом уезде довольно, но скажу, что даже у помещиков, считающихся добрыми, жизнь крестьян и дворовых людей крайне тяжела. Они не знают, кто завтра будет их владельцем и что завтра придет их господину на мысль; они могут каждый час быть отправлены на край империи, отданы в рекруты, сосланы в Сибирь на поселение и пр., дети их по воле помещика берутся во двор или отдаются куда попало, в ученье, плоды многолетних трудов крепостного человека постоянно могут быть обращаемы на уплату штрафов, налагаемых на них помещиком по его усмотрению, и пр. Все эти случаи нередки; они составляют правило, а не исключение, и вот почему самый бедный, неуверенный в куске хлеба, казенный крестьянин не согласится поступить во владение лучшего из помещиков. Что касается до того, что владельцы заботятся о благосостоянии принадлежащих им людей и защищают их от посторонних лиц и от полиции, чиновники же не имеют никакого попечения о делах казенных крестьян, то в этом есть лишь кажущаяся правда. Конечно, для помещика и выгодно, и приятно, чтобы его крестьяне были в хорошем положении, но ему еще выгоднее и приятнее, чтобы они доставляли ему больший, по возможности, доход и чтобы большие, по возможности, деньги находились в его, а не в крестьянском кармане; он, конечно, защищает своих крестьян от других, но он не ограждает их от самого себя, и, следовательно, для крестьян в этом не барыш, а убыток: чиновник притягивает крестьянина случайно и изредка, а помещик тяготеет над ним всегда и везде. Помещичья защита и помещичье попечение обходятся крепостным людям так дорого, что они весьма охотно бы от них отказались.

Но помещики, говорят защитники крепостного состояния, суть отличные полицеймейстеры, они отправляют свою должность безвозмездно и заинтересованы своими выгодами в лучшем по возможности управлении. Вот еще одно из тех общих мест, которые повто-

ряются вопреки всем фактам, доказывающим совершенно противное. Помещики не даровые для правительства чиновники; напротив того, они дорого ему стоят: не будь их, люди были бы вольные, они вырабатывали и тратили бы более, следовательно, они платили бы казне прямо и косвенно гораздо более, чем они теперь платят. Уголовных дел, по которым замешаны помещичьи крестьяне, не менее, чем таких же дел, к которым прикосновенны крестьяне государственных имуществ; если, быть может, наказаний по суду налагается менее на первых, то это только потому, что помещики о них хлопочут и что по освобождении их от суда и следствия они немедленно отдаются в рекруты. Известные конокрады в каждом уезде принадлежат большею частию мелкопоместным дворянам, которые извлекают из их ремесла значительный доход. Сверх того, нередко эти хваленые полицеймейстеры обращаются к исправникам, станovým и частным приставам с просьбою о наказании принадлежащих им людей. Ослушаний и возмущений против помещичьей власти бывает довольно, и если их не столько, сколько следовало бы ожидать, то это только потому, что всеми властями признано за правило наказывать крестьян во всяком случае без разбора, правы ли они или виноваты. Признаться, трудно считать хорошими полицеймейстерами людей, чью власть должны поддерживать другие полицеймейстеры, и притом средствами, противными всяким понятиям о праве и законе.

Излишним было бы еще доказывать, что уничтожение крепостного права не произведет предвещаемого некоторыми расстройств в государственном управлении. — Отмена всякой неправды, устранение всякого насилия и прекращение всякого незаконного положения должны утвердить, упрочить и улучшить государственное управление, а отнюдь не расстроить его окончательно, как уверяют защитники крепостного состояния. Обязанность, наложенная на себя правительством, охранять и защищать помещичью власть есть, конечно, то правило, которое всего более озабочивает наших правителей, искажает их действия и распоряжения и роняет их в общем мнении.

VI. Нет достаточных средств для побуждения крестьян к исполнению обязанностей, которые на них лягут вследствие освобождения в отношении к помещикам или к казне.

Защитники крепостного права на людей утверждают, что нет достаточных средств для побуждения крестьян к исполнению обязан-

ностей, которые на них лягут вследствие освобождения в отношении к помещикам или к казне. Теперь, говорят эти защитники, помещик имеет право неплательщиков обращать на барщину, наказывать телесно, отдавать в рекруты или даже продавить на своз; тогда все эти средства будут неудобоприменимы; и крестьяне, конечно, воспользуются возможностью не платить, а полиция, как уездная, так и губернская, не будет в состоянии сладить со всеми недоимочниками. Нельзя не сознаться, что в этом возражении много правды, но и оно не неопровержимо. Если освобождать крестьян лично или семейно и предоставлять землю и частную собственность освобождаемых крестьян, то это возражение всесильно; но если средства к замене помещичьей власти и помещичьего настояния при взыскании оброков и повинностей искать в общинном владении землею и в круговой ответственности крестьян друг за друга, то возражение значительно теряет свою силу и дельность. Мир в этом случае может вполне заменить для правительства прежнего владельца; а для обеспечения сего последнего, выпускающего власть из своих рук, необходимо одно — чтобы казна явилась посредницею между ним и крестьянами. Впрочем, об этом мы будем говорить впоследствии подробнее и обстоятельнее.

VII. Прежде уничтожения крепостного права на людей необходимо заблаговременно устроить сельское управление, которое могло бы впоследствии заменить власть помещичью.

Нет сомнения, что желательно было бы, до уничтожения помещичьей власти на людей, учредить сельское управление на прочных основаниях; но возможно ли это? Мы видели, что нельзя ожидать от помещиков просвещения крестьян; можно ли полагать, что большинство из них согласится устроить сельское управление с целью приучить крестьян к самоуправлению и тем подготовить их к освобождению, которого дворяне, или большая часть из них, опасаются столько же, сколько чумы или пожара? Конечно, во многих оброчных и в некоторых барщинских имениях существует мирское управление, или без вмешательства в оное помещика, или под его надзором; но это учреждение обязано своим бытием не столько положительной воле помещиков, сколько их лени и беспечности. Если теперь устройство такого порядка будет вменено помещикам в обязанность, то должно опасаться, чтобы это постановление не произвело совершенно противного действия, т. е. чтоб помещики не вздумали ограничивать

мирскую власть там, где она существует, и учреждать какое-либо поддельное мирское устройство там, где его доселе не было, с целью потрясти к нему доверие правительства и самих крестьян. Помещики допускают теперь существование этого порядка, зная, что от них всегда и вполне зависит его ограничить или изменить, но при малейшем вмешательстве правительства, при узаконении этой власти они, вероятно, озаботятся превратить ее в ничто, в призрак того, что даже теперь существует. Нет! вменить помещикам в обязанность подготовку крестьян к освобождению есть то же, что заставлять человека острить нож на самого себя. Предложение этой меры со стороны помещиков есть только уловка к отсрочке на неопределенное время уничтожения права оплачивать чужим трудом возможность предаваться лени и безделью. К счастью, это подготовка и не нужно: во многих селах и деревнях мирское устройство находится в более или менее полном ходу; едва ли есть во всей великой России один уезд, в котором не было бы хоть одного имения, управляемого этим порядком; корень, основные его начала сохраняются везде, способ его действия прост и удобен; нужно только, при уничтожении помещичьей власти, утвердить законом главные его основания, и дальнейшее его развитие будет делом времени. Всякое положительное, точное определение этого порядка может дело не упростить и не упрочить, а исказить и усложнить. Мы уже видим тому разительные примеры на мирском управлении в казенных селениях. Введение излишней письменности, разных формальностей и внешней определительности уронило это устройство во мнении поселян и превратило его в казенщину, в какой-то уклон от официального делопроизводства. Сходки, суд стариков, избрание поверенных и проч. так сродны нашему народу, что устраните только враждебные им стихии, и они явятся сами собою, как бы век существовали.

VIII. При немедленном и общем освобождении крепостных людей неминуемо произойдут беспорядки и даже резня.

Противники и ложные друзья освобождения крепостных людей опасаются, что при немедленном и общем уничтожении крепостного состояния произойдут беспорядки и даже резня. Из истории, сколько известно, еще никогда и нигде прекращение рабства и предоставление людям большей свободы не порождали неустойчивости и кровопролитий. Сверх того, на нашей памяти уничтожено большее

или меньшее рабство в Пруссии, в других немецких государствах, в Австрии, в Прибалтийских губерниях, в Дунайских княжествах, в Бессарабии⁶³, в колониях английских, французских, голландских и др. Способы уничтожения были различные: внезапные и постепенные, общие и частные, полные и условные; и не было ни одного примера, чтоб такая перемена, сверху начатая и совершенная, сопровождалась неустройствами и кровопролитием. Не понимаю, на каком основании, вопреки опытности всех времен и всех стран, полагают, что именно у нас при освобождении произойдут большие беспорядки и резня. Разве наши крестьяне и дворовые люди невежественнее и глупее колониальных невольников? Разве вообще они буйны, злы и неукротимы? Разве мы не видим, что освобождающиеся люди и деревни вступают в новую свою жизнь тихо и спокойно и что соседи или однодачники с ними продолжают свое крепостное существование мирно, как и прежде, и как будто до них освобождение не может и коснуться? Разве мы не знаем, что в одном и том же селении, у одного помещика житье для крестьян бывает привольное, у другого крайне тяжкое, а люди повинуются равно обоим владельцам, и пример хорошего обхождения одного из них не служит вовсе побуждением для крестьян другого к возмущению или даже к принесению начальству жалобы и доносов. Нет! крепостные наши люди явили и доселе ежедневно являют примеры такой покорности, такого благоразумия и такого терпения, что стыдно клеветами на них возбуждать страхи и опасения насчет будущих их действий. Теперь крестьяне еще в таком расположении, что они примут всякую льготу с благодарностию, не подумают мстить за прежние притеснения и спокойно начнут новое свое существование. Конечно, трудно сказать, надолго ли хватит их терпения и что может произойти в случае, если, утратив оное, они решатся добыть силою то, чего не могли достигнуть покорностию и добрым, безукоризненным поведением. Если история и личная наша опытность свидетельствуют, что предоставление людям свободы никогда и нигде не сопровождалось беспорядками и убийствами, то они же нас научают, что восстания для прекращения рабства и получения больших прав всегда и везде сопровождались такими ужасами, что страшно об них вспомнить, и что правительство, сословия и лица, удерживавшие во что бы ни стало противоестественное владение людьми, дорого платили за свое корыстолюбие, жестокосердие и ослепление. Именно в отвращение таких бедствий необходимо при-

ступить к немедленному полному и общему уничтожению крепостного состояния. Но немедленное не значит внезапное; полное и общее не однозначуще с революционным, нарушающим все права и разоряющим одних в пользу других. Мы столько стоим за предоставление людям свободы, сколько против того, чтоб люди у нас ее выхватили; и для того именно, чтоб они у нас ее не выхватили, мы настаиваем на том, чтоб приняты были решительные законные меры к прекращению крепостного состояния. К сожалению, у противников этой меры память коротка; иначе многие бы из них вспомнили, что менее двух лет тому назад они готовы были согласиться на большие пожертвования и на всякое, самое для них убыточное прекращение крепостного состояния, лишь бы освободили их от страха, возбужденного в них возможностью провозглашения вольности при вторжении врагов в наши пределы. Мне случилось тогда видеть несколько поборников крепостного права на людей, уговаривавших меня как можно скорее окончить и подать мой проект об освобождении крестьян. Теперь это все забыто; корысть, пристрастие к лени и роскоши и какое-то непостижимое ослепление заставляет их цепляться за существующий порядок владения; они готовы вновь подвергнуться прежним страхам и опасениям, лишь бы удержать еще на сколько-нибудь времени нынешнее вожделенное для них положение. Пусть помещики говорят о своих правах и интересах, — это их долг, ибо никто не вправе от другого требовать жертвований, но желательно, чтоб они не забывали истории и событий, на наших глазах совершившихся, не клеветали на людей безукоризненных и не навлекали действительно на самих себя и на отечество тех неурядиц и ужасов, которыми теперь они нас пугают и которые должны необходимо произойти, не из освобождения крепостных людей, а из отказа им в оном.

IX. С уничтожением крепостного права должны последовать разные перемены в общественном и государственном устройстве, которых конечным последствием будет потрясение самодержавия.

Нельзя отрицать, что с уничтожением крепостного права на людей последуют разные перемены в общественном и государственном устройстве; но эти перемены едва ли не входят в число самых пламенных желаний всякого, искренно любящего свое отечество. Все мы знаем, что полиция, суды и разные управления устроены дурно и что дела ведут они еще хуже, что лихоимство и разграбление казны

усиливаются и умножаются, что правительство не в силах прекратить это зло, что общественная нравственность шатка и слаба, что общественное мнение совершенно бессильно и что, при существующем порядке вещей, нет исхода из бедственного нашего положения. Уничтожение крепостного права на людей, конечно, разом не изменит нашего состояния, но нет сомнения, что оно будет самую существенную меру к его улучшению. Владение нами подобными существами, обхождение с ними как с вещами, неограниченный разгул произвола в действиях и постоянное опасение утраты этого неестественного и постыдного, но крайне удобного и для нашей лени благоприятного обладания суть для каждого из нас и для всех вообще такие язвы, которые искажают в нас ум, чувство, волю, словом, все существо наше. Не уважая основной истины нашей веры и нашего разума о братстве людей, заглушая совесть, защемляя ее в изгибы помещичьей логики, можем ли мы рассуждать прямо, чувствовать здраво и действовать честно? Нет! пока грех владения людьми лежит на нас, пока он проедает наш быт во всем его составе до самых мелких частных, до тех пор не может у нас быть ни общественной нравственности, ни общественного мнения, до тех пор мы должны сносить лихоимство, воровство, кривосудие, самоуправство и пр. Нельзя безнаказанно попирать требования права; всегда затем следует коренная порча в сословии, пользуясь несправедливыми выгодами, и великая слабость в правительстве, терпящем такое нечестивое пользование. Для убеждения себя в этом стоит взглянуть, как дворянство все более и более разоряется от роскоши, лени и беспутства, как оно поступает на службу не из рвения к общему благу, а из постыдного чинобесия, как оно избирает своих предводителей, судей, исправников и заседателей, как оно отличилось при выборах и при пожертвованиях по ополчению⁶⁴ и пр. Правительство, равнодушно смотрящее на угнетение крестьян помещиками, само себя отрешает, по доброй воле, от 20 мил. подданных, оставляемых им в каких-то странных посредственных отношениях и таким образом утрачивает их любовь и уважение к себе, и не их одних, но и прочих свободных сословий. Дворянство, вооруженное крепостным правом на людей, самым этим поставлено в более или менее враждебные отношения к купечеству, мещанству и государственным крестьянам; это дает ему кажущуюся силу, а в действительности обессиливает его, и эта немощь дворянства служит, по мнению некоторых, опорой для правительства и уни-

чтожением оной должно потрясти самодержавие! Нет! не таково самодержавие у нас, не на таком гнилом начале оно основано. Оно коренится в глубине убеждений всего народа русского. Царь, в глазах его, есть олицетворение силы, единства и величия всей земли русской. Ни одно сословие не служит ему преимущественною опорой; самодержавие у нас тем сильнее, чем шире опирается оно на все сословия, составляющие народ русский; и каждое сословие тем сильнее, чем тверже оно стоит на своем основании и не относится враждебно к прочим сословиям. Дворянство имеет у нас высокое значение в государстве как сословие по преимуществу землевладельческое, по преимуществу образованное и по преимуществу правительственное; оно должно быть сильно; всю его нынешнюю слабость составляет несправедливое его владение душами, и эту свою слабость оно сообщает правительству, составленному почти исключительно из душевладельцев. Следовательно, мы обязаны не откладывать уничтожения крепостного права на людей из опасения перемен в частном, общественном и государственном быту, а, напротив того, всячески ускорить этот переворот, дабы, вместе с ним и отчасти чрез него, водворились у нас разные преобразования, которые неминуемо должны усилить правительство, самое дворянство и все русское государство.

Х. При уничтожении крепостного права на людей необходимо вознаградить за оное помещиков, на что, кажется, правительство теперь не имеет никаких средств.

Нет сомнения, что при уничтожении крепостного права на людей необходимо вознаградить за то помещиков, и в этом, конечно, заключается одна из главных трудностей этого дела. На изыскание средств к тому должно быть обращено особенное внимание всякого, желающего ускорить, по возможности, ход этого великого дела, а указание оных должно быть одною из самых существенных принадлежностей всякого составляемого по сему предмету проекта. Подумать, что русское правительство не в силах совершить это дело, показывает или странную близорукость, или полное неведение силы кредита и наших финансовых средств, или явную неблагонамеренность. Россия изобилует, конечно, не наличными капиталами, но огромными пространствами земель, лесов, рудниками и другими естественными источниками богатства. Выпуск кредитных билетов и билетов казначейства на сумму более 200 мил. руб. сереб., совершенный в те-

чение двух лет для продолжения войны (дела непроизводительного), не уронил нашего государственного кредита; как же думать, что выпуск разных кредитных бумаг, произведенный в течение не краткого двухлетнего срока, а несравненно должайшего времени, учиненный с надлежащею постепенностью и умением и в пользу дела, по преимуществу производительного (каковым нельзя не признать освобождение крепостных людей), будет не по силам нашего государственного кредита? Впрочем, это обстоятельство так важно, что здесь вкратце говорить о нем нельзя: финансовая часть проекта об освобождении крепостных людей заключает в себе чуть-чуть не узел всего дела; на ней оно стоит, и с нею оно падает. Крепостное достояние должно быть уничтожено; денежных средств к вознаграждению помещиков не может у нас не быть; следовательно, все дело в том, чтоб изыскать к тому способы удобнейшие и вернейшие. Это составит главный предмет третьей моей записки, а теперь возвратимся к рассматриваемым нами возражениям.

Общее заключение по рассмотренным возражениям

Перебравши все доводы, представленные против немедленного уничтожения крепостного права на людей, мы должны сознаться, что они все не истекают ни из особенного знания внутреннего нашего устройства, ни из глубокого изучения сельского хозяйства или крестьянского быта, что они внушены не пламенной любовью к отечеству, не горячими заботами о его будущности, но изобретены, развиты и изукрашены одним желанием удержать, во что бы то ни стало, нынешний порядок владения людьми, доставляющий дворянству возможность предаваться безделью, тратить много денег и пресыщаться всеми наслаждениями комфорта и роскоши. Люди откровенные из этого сословия соглашались, что лишь беспокойство и убытки, неизбежные на первых порах при освобождении крепостных людей, заставляют их противиться этому перевороту, но его неизбежность и пользу в общественном и государственном смысле они вполне признают; прочие же помещики тщательно собирают всякие, по видимому, дельные, а на деле пустые и ложные доводы в пользу своего права или, по крайней мере, в пользу удержания оно за собою на должайшее по возможности время. Они выводят оттуда, правильно или неправильно, выгодные для себя заключения и главнейшим об-

разом основывают защиту своего мнения на предсказаниях о неурядицах, беспорядках и убийствах, которые, по их убеждению или, точнее сказать, по отзыву их совести должны неминуемо сопровождать ненавистное для них освобождение крепостных людей. А потому все доводы противников этой меры сводятся на следующее: им выгодно пользоваться чужою работою; им неприятно быть ограниченными в разгуле своего произвола, им страшно подумать о необходимости устроить управление своими имениями на основании разумной отчетности, на сбережение труда и на усовершенствование сельскохозяйственных орудий. Труд вообще и умственный труд в особенности, добровольное соглашение с рабочими и законность в отношениях с ними — вот что, при уничтожении крепостного состояния, особенно устрашает наших помещиков и заставляет их всячески отстаивать нынешнее благодатное для них положение. Следовательно, корыстолюбие, преданность роскоши и безделию, боязнь труда и опасения нечистой совести — вот основы, содержание и конечный смысл всех рассмотренных возражений.

• **О некоторых ограничениях помещичьей власти**

Чувствуя невозможность удержания крепостного права на людей во всей его чистоте и цельности, противники освобождения предлагают разные ограничения помещичьей власти. Они соглашались, чтоб строже наблюдали за исполнением положения о трехдневной работе, чтоб положительно определено было, сколько угодий следует давать на каждое тягло, чтоб воспретили помещику брать крестьян во двор без собственного их на то желанья, чтоб права на принадлежащие им имущества были признаны законом, чтоб браки совершались без предварительного на то разрешения со стороны владельца и пр. Все эти наблюдения, определения и ограничения, прекрасные, быть может, на бумаге, совершенно ничтожны и неудобноисполнимы на деле. Предлагают строже наблюдать за исполнением положения о трехдневной работе; но разве теперь за этим не наблюдают? Разве нет циркуляров, подтверждающих усиление этого надзора и возлагающих на ответственность исправников, предводителей и губернаторов все не ими открытые и прекращенные злоупотребления помещичьей власти. А вместе с тем во многих ли имениях это положение соблюдается? Предводители, судьи и исправники суть первые его

неисполнители, и они преимущественно потому и избираются в это звание, что дворяне уверены в их потворстве. Сверх того, чтоб это положение могло исполняться, необходимо издать урочное положение для сельскохозяйственных и домашних работ; но возможно ли это? Есть бездна сельскохозяйственных, а тем еще более домашних работ, которые не подлежат урочному употреблению; следовательно, самое положение о трехдневной работе, независимо от лиц, надзирающих за его исполнением, совершенно к делу неприменимо; а потому и неудивительно, что оно существует в своде законов, а на деле как бы его вовсе не бывало. Что же касается до надела крестьян положительно определенным количеством угодий, то это еще менее возможно: есть имения много- и малоземельные; есть земли прибрежные и запольные; спрашивается, как при этом разнообразии условий и при бесчисленных степенях доброты земли исполнить смысл и букву закона? Можно дать крестьянину и много земли, и он будет умирать с голоду; можно дать ему и мало земли, и он будет в довольстве. Надел крестьян землею может быть определен только на месте или волею помещика, или путем добровольных соглашений: закон же в этом случае бессилен, и его положения только без пользы запутают дело. Что касается до запрещения помещику брать крестьян во двор вопреки их желанию, то это ограничение стоит предыдущих: во 1-х, что значит: брать во двор? Я оставляю семейство в крестьянстве, но сына или брата из этого дома определю в скотники, ключники, конюхи, дроворубы и пр. Нарушил ли я чрез то закон или нет? Трудно вообще отделить хозяйственные должности от домашних, но у мелкопоместных дворян это совершенно невозможно; во 2-х, помещик, вооруженный правом наказывать, отдавать в рекруты, ссылать на поселение, всегда будет иметь возможность получить от любого крестьянина полное его согласие на взятие его во двор, и в 3-х, кто будет наблюдать за исполнением этого постановления? Вероятно, опять исправники, становые, стряпчие и проч.? Пора убедиться, что этот надзор действителен лишь в одном — в доставлении надзирателям средств получать более денег. Собственность крестьян, по вышеупомянутому предположению, должна быть неприкосновенною для помещика; но личность их остается в полной его власти: не заключается ли в этом грубая насмешка над целым сословием? Существует ныне закон, дозволяющий крестьянам с разрешения помещика покупать земли; но многие ли им воспользовались?

Предоставление права собственности людям, которые сами себе не принадлежат, есть несообразность, которая сама себя таковою заявляет, и должно удивляться только тому, что она могла получить силу закона. Дозволение людям вступать в брак без предварительного на то разрешения помещика есть также дело вполне неудобное: помещик сохраняет право отправлять жениха и невесту куда ему угодно, наказывать их по своему усмотрению, определять их к самым тяжким должностям, назначать им самое скудное содержание и пр., и вместе с тем эти люди будут иметь право заключать браки без согласия владельца? но это право страннее предыдущих.

Нельзя не сознаться, что все эти ограничения помещичьей власти совершенно невозможны, пока существует право помещика распоряжаться личностью крепостных людей по своему усмотрению. Одно уничтожение принадлежности человека человеку устанавливает возможность правомерных отношений между людьми; пока эта принадлежность сохраняется, можно для определения положения крепостных людей сочинить другой свод законов, не уступающий обширностью ныне существующему, и толку не будет никакого, и все издаваемые по этому предмету постановления будут только ложью и обманом. Все эти ограничения помещичьей власти предлагаются людьми или не знающими дела, или недобросовестными. Первые, не имея понятия о многосложности и запутанности отношений помещика к крепостным людям и крепостных людей к помещику, думают, что законом можно определить их взаимные права и обязанности; но они упускают из вида, что право одного располагать личностью другого устанавливает всеправие на одной и бесправие на другой стороне. Люди недобросовестные охотно соглашались на ограничения помещичьей власти, зная, что ограничения будут существовать только на бумаге, и что пока в их руках розги, палки, право отдавать в рекруты и ссылать на поселение, до тех пор помещичья их власть сохранена во всей ее полноте. Все ограничения помещичьей власти поведут не к сокращению оной и не к облегчению участи крестьян и дворовых людей, а к изменению способов действия владельцев и к отягчению положения крепостных людей. Помещики будут действовать в отношении к ним не прямо, не откровенно, не по-домашнему, как это водится теперь, а облекая в законные формы излишние высылки на работу и излишние денежные взыскания; тогда проявятся штрафы, умножатся

наказания, отдача в рекруты, ссылка в Сибирь и пр., а этих средств достаточно, чтоб выжать из крестьян последние соки и превратить людей в чистых невольников.

Главные причины к немедленному уничтожению крепостного состояния

Следя за ходом помещичьих хозяйств и крепостного быта, прислушиваясь к словам дворян, крестьян и дворовых людей и наблюдая за действиями тех и других, исполняя все это не в столичном кабинете, не в уединенном сельском домике, не силою воображения, не кратковременными урывками, а постоянно на месте, по разным губерниям, с помощью собственного зрения и слуха, при непрестанных и деятельных сельскохозяйственных занятиях, я пришел к полному убеждению в том, что настал крайний срок к принятию решительных мер для уничтожения крепостного состояния у нас в России. Из сказанного мною в опровержение вышеизложенных возражений уже видно, откуда преимущественно истекает сие мое убеждение, но для большей очевидности решаюсь, хотя с некоторыми повторениями, вкратце изложить главнейшие обстоятельства, побуждающие меня настаивать на необходимости немедленного освобождения крепостных людей. Вот эти главнейшие обстоятельства:

Во 1-х, неудовольствия крестьян против помещиков усиливаются с каждым днем. Число дел по слушаниям, по насильям против помещиков и по убийствам сих последних крепостными их людьми умножается; это известно всякому, живущему во внутренности империи, и может быть доказано цифрами из сведений, имеющих в Министерстве внутренних дел. Если в последние два года было менее подобных дел, чем в предшествовавшие оным годы, то причиною тому отправка из имений огромного числа людей менее покорных в рекруты и в ополчение; теперь же при возвращении ратников, бессрочных и отставных солдат и при объявленной трехгодичной льготе от рекрутства должно ожидать значительного усиления жалоб, возмущений, насилий и проч. против помещиков. Горе, если ко всему этому присоединится неурожайный год! Последствия такого бедствия теперь могут быть ужасны.

Во 2-х, желание крестьян и дворовых людей быть свободными проявляется с возрастающею силою и откровенностью. Указ о мор-

ском ополчении поднял в двух губерниях многие тысячи людей, надеявшихся чрез эту службу добыть свободу себе и своим семействам. Манифест о государственном ополчении подал повод еще к большим толкам и во многих местах начальства должны были вооруженною силою удерживать желавших поступить в ополчение с целью чрез то сделаться свободными⁶⁵. Ныне возвратившиеся ратники говорят во всеуслышание, что им обещана была свобода, что царь хотел ее дать, да бары ему того не позволили. Народ горевал о кончине императора Николая I, особенно потому, что имел уверенность из его рук получить освобождение от крепостного состояния. Теперь все надежды крепостных людей обращены на ныне царствующего императора, и они ожидали манифеста о вольности по случаю коронавания. Одним словом, убеждение, что все люди с часу на час должны сделаться свободными, теперь так сильно в народе, что при малейшей искре, снизу пущенной, пожар может сделаться всеобщим.

В 3-х, обеднение помещичьих крестьян видимо возрастает. Этот факт несомненен: конечно, трудно, почти невозможно подтвердить его положительными статистическими данными, но память о многочисленных старых кладушках, о целых стадах лошадей и прочего скота, принадлежавших одному крестьянскому дому, о прежнем довольстве и обилии еще так жива в народной памяти, что нынешнее оскудение крестьян составляет предмет их беспрестанных жалоб и сетований. Впрочем, это обстоятельство становится очевидным и из нижеследующего: оброки по большей части дошли до размеров едва вероятных, теперь годовой оброк в 25 или 30 руб. сереб. считается умеренным; а в некоторых имениях он доходит до 40 и даже до 50 руб. сер. Эта повинность соразмеряется не столько с количеством и качеством крестьянской земли, сколько с личными их добытками, с нуждами и требованиями расточительных и корыстолюбивых помещиков. Усиливающиеся недоимки по платежу тяжких оброков имеют следствием перевод крестьян с оброка на барщину, которая дает помещику более средств почти незаметно извлекать из крестьян всякие сверхзаконные выгоды. По этой причине число имений, переводимых с оброка на барщину, возрастает; а между тем, почти не слышно, чтоб барщинские имения сажались помещиками на оброк. Что же касается до господских запасек, то они на наших глазах удвоились и утроились. Размежевание, мера столь полезная и благодетельная сама по себе, нанесла чувствительный удар благосостоянию деревень.

Прежде помещики не знали, сколько земли у крестьян, и верили их жалобам насчет недостаточности наделов. По размежевании везде помещики были в состоянии дать крестьянам больше земли, чем сколько за ними, по их словам, было прежде, и за всем тем они значительно усилили свои запашки. Это усиление запашек потребовало от крестьян излишних работ и, сверх того, к великому их прискорбию, многие помещики усердно принялись за хозяйство; некоторые из них сделались даже агрономами, свеклосахарными заводчиками и проч., что имело следствием значительную вывозку назема, углубление и улучшение пахоты, умножение господского скотоводства, возведение разных господских построек и пр. Все эти усовершенствования сельского хозяйства, весьма полезные для помещиков и для государства, легли всею своею тяжестью на плеча крестьян. Прежде в барщинских хозяйствах бывали времена, что нечего делать, и тогда отпускали крестьян на заработки для уплаты подушных; теперь, по милости агрономии, всегда есть дело для крестьян, так что никогда нет свободного времени к увольнению их на сторону для заработков. Прежде хлеба у помещиков производилось гораздо менее, чем ныне, и из этого количества большую часть поедали дворня да собаки; теперь почти весь хлеб идет в продажу, и хлебные отвозы — повинность для крестьян крайне тяжелая — утроилась и учетверилась. Прежде бывали или оброчные или барщинские имения; теперь, при малоземелии, заводятся оброчно-барщинские имения, т. е. один брат на оброке, а другой на барщине, первый платит больший по возможности оброк (двоим легко, говорят помещики, заплатить порядочный оброк за одного), а другой, в деловую пору, работает ежедневно на господина, потому что «ведь у него оброчный брат может убрать домашний хлеб». Прежде помещики содержали огромную дворню для всяких домашних и хозяйственных прислуг; теперь, понявши невыгоду этого заведения, они начинают брать из крестьян на господский хлеб молодых ребят холостых, приставляют их на конные заводы, на скотные дворы, в сады и проч. и возвращают их в семейство по минувании ими 22, 23 или 25-летнего возраста. Замечательны также устраиваемые помещиками фабрики и заводы на коммерческом основании: помещики назначают свои цены и принуждают крестьян работать ежедневно на своих промышленных производствах, утешаясь, что люди работают из платы, и гневаясь на них за то, что они на такие заработки идут из-под палки. Сверх того, прежде были про-

странные общие пустопорожные земли, и крестьяне водили много скота; теперь все подпахано, и скотоводство, один из главных источников их богатства, значительно уменьшилось. Прежде почти каждый старик имел свою пчелу и прибылью от нее поддерживал свое семейство; теперь после продаж лесов и расчисток земли под пашню, произведенных помещиками в огромных размерах, число пчельников значительно сократилось. Вот главнейшие перемены, происшедшие в положении крестьян, и можно смело сказать, что оно сделалось до того тяжким, что запас крестьянского терпения едва ли не на исходе. Многие говорят, что нравы помещиков смягчились, что уже не слышно тех ужасов, которые лет 50, даже 30 тому назад были как будто в обычае, что управление крестьянами и содержание дворовых людей сделалось вообще сообразнее с законами человеколюбия и проч. Конечно, есть доля правды в этих словах: крепостное право на людей является теперь реже с плетью, снабженною кошками, с посыпкою солью ободранных спин, с изнасилованием жен, сестер и дочерей крестьян и пр., но, утратив свою жестокость, оно стало несравненно тяжелее в других отношениях. Мы уже указали на многие изменения, введенные помещиками в свои хозяйства и тяжело отозвавшиеся на крестьянском быту; но способы извлечения помещиками из крестьян всяких выгод усиливаются, усложняются и разнообразятся с каждым днем и доходят до такой утонченности, что страшно об этом и подумать. По мере развития помещичьей изобретательности обеднение их крестьян усиливается и обобщается. Видя это, помещики и их управляющие сочли долгом иметь отеческую попечительность о людях, им подвластных. — Мы уже говорили о бедственном ее действии на крестьян, но здесь нельзя вновь о ней не упомянуть. Этот надзор за крестьянами, направление их деятельности и полное стеснение их личного произвола довершили разорение крестьян: они все более и более упадают духом, теряют охоту за что-либо взяться, и хозяйства крестьянские видимо уничтожаются. В заключение должно сказать, что, конечно, прежде обходились с крестьянами грубее и по временам жесточе, теперь же, если мягче стелят, то спать становится им все жестче и жестче.

В 4-х, уверенность помещиков в справедливости их права на владение людьми слабеет видимо; вследствие этого способы их к приведению в исполнение собственных распоряжений становятся со дня на день недостаточнее; а между тем, при умножении барщинских

работ, при желании производить оные лучше и отчетливее и при постепенном возвышении оброков необходимость более строгих и более частых понуждений и наказаний усиливается с каждым днем. Следовательно, взыскивать надобно все более и более, средств же к тому все менее и менее; а потому для совестливого помещика управление имением становится чистою невозможностью и настоящею каторгою. Правительство, с своей стороны, циркулярами то в пользу помещиков, то с целью умерить их власть и усилить надзор за их действиями приводит в еще больший беспорядок и без того уже крайне запутанные и натянутые отношения помещиков к крестьянам и крестьян к помещикам. Добрые помещики действуют слабо, по душе и по убеждениям; дурные владельцы сокращают свои наказания по необходимости, и помещичья власть ясно слабеет, отчего умножаются ослушания и возмущения. Неопределительность и зыбкость отношений между помещиками и крестьянами становятся ощутительнее с каждым днем и грозят в близкой будущности величайшими бедствиями.

В 5-х, помещики, видя, что освобождение крестьян неминуемо, и опасаясь, чтоб оно не было произведено внезапно и притом с землею, начинают в ограждение себя от убытков принимать разные меры, самые для крестьян разорительные. Я знаю многих помещиков, которые уже сократили или теперь сокращают надельные участки крестьян угодами, страшась повторения того, что было в Киевской и других губерниях, т. е. чтоб не уравнили в повинностях в отношении к помещику крестьян, пользующихся как большим, так и малым количеством земли. Другие помещики стараются прибрать к своим рукам ближнюю землю, отдавая крестьянам запольные земли. Иные переселяют крестьян на отдаленные участки, оставаясь на старых местах и потому овладевая конопляниками, выгоном и всеми ближними унавоженными землями. Сверх того, и это гораздо ужаснее: я знаю, что некоторые помещики покупают теперь голые пески и туда выселяют крестьян, имея в виду отдать им при освобождении эти пески и остаться при хорошей земле: известно, что земля без крестьян в хлебородных губерниях даже теперь дороже ценится, чем земля с крестьянами.

В 6-х, последняя война возбудила во многих сильные опасения насчет возмущений, могущих вспыхнуть в случае, если неприятель проникнет во внутренность империи и провозгласит вольность. Не знаю, насколько эти опасения были справедливы, но всем извест-

но, что в народе действительно ходили слухи, что французы и англичане хотели объявить вольность. На сей раз эта беда нас миновала, но она может опять возвратиться. Притом есть другая, несравненно большая, к нам ближайшая, домашняя беда, которая грозит нам ежедневно и на которую, к крайнему удивлению, не обращают внимания. Число раскольников постоянно увеличивается; новые безусловно враждебные правительству толки возникают и усиливаются; связи между ними становятся все теснее и теснее; Боже сохрани, если явится какой-нибудь Пугачев; кровь польется рекою; не только люди более образованные, но и само правительство не будет в состоянии себя защитить ни войсками, ни крепостями. Это обстоятельство так важно, что его одного достаточно, чтоб убедить в необходимости всячески ускорить уничтожение крепостного состояния как вернейшего и опаснейшего орудия в руках всякого, кто вздумает восстать против существующего порядка вещей.

В 7-х, усовершенствования по части сельского хозяйства непременно требуют приложения к нему вольного труда. Пока у нас существует барщина, пока мы можем брать на работу людей, сколько хотим, и притом даром, пока эти люди являются к нам с своими хотя кой-какими, но даровыми орудиями, пока помещик каждый час может изменить крестьянские наделы земляных угодий, до тех пор земледелие не двинется вперед. А между тем постоянное истощение почвы требует мер действительных против этого бедствия. Размежевание доставило нам возможность распахать много новей, что несколько поддержало наши урожаи; но теперь это средство истощается, и вскоре наши жатвы значительно оскудеют. Единственное средство к отращению недородов есть утверждение нашего хозяйства на разумных началах, т. е. на вольном труде, на приложении мысли к сельскохозяйственным производствам и на введении отчетности по всем частям хозяйства.

В 8-х, успехи заводской и фабричной промышленности требуют увеличения числа вольных работников. Теперь огромное число людей задерживается помещиками при непроизводительных работах (в передних, на конюшнях и пр.). Сверх того, всякая барщинская неурочная работа (а сколько их в хозяйстве) поглощает вдвое, втрое более рабочего времени, нежели сколько нужно. Все это время, все эти рабочие обратятся по необходимости к промышленности, и ныне ощущаемый недостаток в руках значительно уменьшится.

Еще многие другие обстоятельства заставляют желать скорейшего уничтожения крепостного состояния; не буду излагать их, считая достаточным то, что выше сказано, но не могу умолчать об одном из них, которое настойчивее прочих требует этого преобразования. Это обстоятельство есть страшная, все более и более укореняющаяся порча в правительственном составе — в дворянстве. Вернейшее одно действительное средство к улучшению его нравственности, как и прежде я сказал, есть уничтожение его права владеть подобными ему людьми. Кто сам помещик, кто строго наблюдал за своими действиями и тщательно вглядывался в способы действия прочих владельцев, тот, конечно, должен быть убежден, что эта мера для собственного блага нашего сословия необходимее, чем даже для самих крепостных людей. Уничтожение права располагать людьми как вещами или как скотами есть столько же их освобождение, сколько наше собственное; ибо теперь мы под игом права, которое уничтожает в нас более, чем в крепостных людях, всякое человечество. Вглядитесь в деревенскую жизнь помещиков, побывайте на их праздничных и будничных съездах, побеседуйте с ними, примите участие в дворянских собраниях или обратитесь к городскому или столичному дворянскому быту, обратите внимание на занятия дворян, прислушайтесь к их разговорам, посмотрите, как они преданы лени, безделию, роскоши и разврату: и тогда вы подивитесь не тому, что в судах, расправах и местах управления они действуют бессмысленно и бессовестно, но тому, что у таких людей дела не идут еще хуже, — тогда, если только человековладельческое ослепление вами вполне не овладело, вы скажете: «Да! немедленное уничтожение крепостного права на людей еще необходимее для дворянства, чем даже для того сословия, которое находится под его гнетом».

Скажем в заключение: все изложенные нами обстоятельства налагают на настоящее время долг неукоснительно заняться делом освобождения крепостных людей. Конечно, оно может быть совершено не в один, не в два, не в три года, но приняться за него надобно *сейчас*, ибо каждая грядущая минута может произнести страшные слова: теперь уже *поздно*.

ДЕПУТАТЫ И РЕДАКЦИОННЫЕ КОМИССИИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ

Поручение, на нас возложенное, по словам г. министра внутренних дел, окончено, и дальнейшее наше пребывание в С.-Петербурге необязательно; а потому теперь лежит на нас долг: представить отчет дворянству, России, государю и истории в том участии, которое выпало на нашу долю в великом деле уничтожения крепостного состояния в нашем отечестве. Исполнение этой обязанности тем необходимое и неотложнее, что действия наши подверглись разным пересудам и что не везде, как мы имеем причины думать, они были представлены в настоящем их виде. Постараемся же исполнить наш долг беспристрастно, как говорится: *sine ira et studio*⁶⁶.

Государь император в речи своей к тверскому дворянству 11-го августа 1858 г. изволил сказать: «Я уж приказал сделать распоряжение, чтоб из ваших же членов было избрано двое депутатов для присутствия и общего обсуждения в Петербурге при рассмотрении положений всех губерний в Главном комитете»⁶⁷ Его величеству благоугодно было также объявить 16-го августа костромскому дворянству: «Для объяснения ваших выводов я позволяю вам избрать из среды себя двух депутатов, которые должны будут по окончании работ комитета здесь на месте прибыть в Петербург для окончательного пересмотра предположений ваших». — Через три дня после того следующие высочайшие слова обращены были к нижегородскому дворянству: «Труд ваш будет рассмотрен в Главном комитете; но я дозволил вам представить его чрез двух избранных вами членов, которым вы поручите объяснить выводы свои в той мере, как это будет согласоваться с общим благом».

Во исполнение сей высочайшей воли г. министр внутренних дел⁶⁸ уведомил циркулярно всех начальников губерний о том, что представляется «каждому губернскому комитету, по составлении в нем проекта, избрать, по своему усмотрению, и прислать в С.-Петербург двух членов для представления высшему правительству всех тех сведений и объяснений, кои оно признает нужным иметь при окончательном обсуждении и рассмотрении каждого проекта».

Впоследствии в этом распоряжении произошли разные перемены: депутатам велено приезжать только тогда, когда они будут вызва-

ны; и из тех комитетов, где составлено более одного проекта, прибыть в С.-Петербург по одному члену от каждого проекта. Сверх того, при учреждении при Главном комитете Редакционных комиссий для составления положений по крестьянскому делу решено было вызвать депутатов в два срока: сперва из тех 21 губерний, которые прежде прочих представили свои проекты, а потом из остальных.

Съехавшиеся в С.-Петербург депутаты первого призыва, в числе 32, приглашены были 25-го августа в общее присутствие Редакционной комиссии по крестьянскому делу. Там прочтена была предназначенная для них инструкция с разными приложениями. Чтение это продолжалось с лишком полтора часа; по окончании его заседание было немедленно закрыто, а депутаты, снабженные каждый книжкою, в которой содержалось все им прочитанное, разъехались по домам.

Эта инструкция, впрочем, без приложений, помещена нами в конце брошюры.

Депутаты поражены были противоречиями инструкции с словами, высочайше обращенными к дворянству разных губерний, и с журналом 26 октября 1858 года Главного комитета по крестьянскому делу. Эта инструкция была даже несогласна с отношением г. министра внутренних дел, объявлявшим каждому комитету волю государя императора по избранию и прибытию в С.-Петербург членов: «для представления высшему правительству всех тех сведений и объяснений, кои оно признает нужным иметь при окончательном обсуждении и рассмотрении каждого проекта». Новое положение, созданное инструкциею для депутатов, противоречило даже собственным воззрениям Редакционной комиссии или, вернее сказать, ее председателю, на обязанности сих членов, воззрением, не раз высказанным в журналах общего присутствия Редакционных комиссий. Все эти обстоятельства побудили депутатов собраться для совещания о том, что им делать.

Первое собрание было 26-го августа в доме с.-петербургского депутата гр. Шувалова⁶⁹.

Депутаты были в крайнем недоумении. Они спрашивали себя и друг друга: кем составлена эта инструкция? Как могла она попасть в государственную канцелярию? Кем она была рассмотрена и поднесена на высочайшее утверждение? Государь изволил говорить о депутатах, имеющих прибыть в С.-Петербург для присутствия и общего обсуждения при рассмотрении положения в Главном комитете; что же

значит перемена, в силу которой члены от комитетов обязаны только представить в Редакционные комиссии местные сведения и объяснения по вопросам, которые возникли впоследствии при разработке крестьянского дела? Что значит то, что по получении ответов на упомянутые вопросы предъявляются членам труды комиссий с предложением новых вопросов? Что значит, что члены обязаны представить каждый по своей губернии или члены одной губернии за общим подписом свои письменные отзывы? С какою целью назначен для занятий депутатов срок, по краткости своей, невозможный? Почему не допущены официальные собрания депутатов? Наконец, что значит явное устранение прежнего их названия: депутаты, замена его другим: члены, избранные губернскими комитетами.

Все эти и многие другие, к ним прикосновенные, вопросы сильно тревожили депутатов. Они вовсе не воображали быть поверенными от земли и даже от дворянства на совершение общего с правительством великого дела уничтожения крепостного состояния и наделения крестьян землею; они знали, что их голос есть чисто совещательный, но они никак не думали, что их призвали в С.-Петербург для того, чтобы сидеть каждому в своей квартире, отвечать на заданные вопросы и представлять справки. Такое недоверие к ним правительства, такое неуважение в них лиц, избранных губернскими комитетами, составленными из выборных от дворянства, такое униженное положение депутатов в отношении к Редакционным комиссиям и, что важнее всего, совершенная невозможность исполнить без общего совещания назначение, им указанное государем и данное доверием губернских комитетов, побудили их обратиться к государю императору с всеподданнейшею просьбою.

Благоговевя перед монархом, которого благодушие, мудрость и высокое просвещение устремляли отечество вперед по пути улучшений и преобразований, депутаты не решились в первую минуту своего появления в Петербурге обратиться к его величеству прямо с адресом, не испытав предварительно мер, более скромных и менее раздражительных для председателя Редакционной комиссии; к коему они были поставлены в официальные отношения. После некоторых объяснений и прений депутаты положили составить письмо к генерал-адъютанту Ростовцеву⁷⁰ с ходатайством: повергнуть на высочайшее воззрение всеподданнейшую их просьбу о дозволении им иметь общие совещания в том порядке, какой его величеству угодно будет указать.

В следующее собрание (28 августа) представлены были проекты писем гг. Волковым (Н. С.), кн. Гагариным, Кошелевым и Унковским⁷¹; сверх того предложен был проект протеста в виде записки, предназначенной для подачи генерал-адъютанту Ростовцеву. Последний проект был устранен единогласно; затем начались совещания о прочих представленных письмах. Положено было, для составления окончательного проекта письма, назначить комиссию из членов, представивших первоначальные проекты. Эта комиссия составила один общий проект и передала его на следующий же день собранию членов от губернских комитетов.

Хотя этот проект был выражен в словах самых умеренных и почтительных, но он не был вполне одобрен общим собранием: некоторые члены потребовали еще большего смягчения выражений. По исправлении письмо было тотчас переписано, подписано всеми личными членами и вручено московскому депутату Волкову для передачи председателю Редакционных комиссий.

Вот содержание этого письма:

Милостивый государь!

Яков Иванович!

По выслушании объявленной нам вашим превосходительством высочайше утвержденной инструкции мы долгом считаем просить Вас повергнуть на высочайшее воззрение государя императора всеподданнейшее наше ходатайство о даровании нам возможности вполне оправдать то назначение, которое всемилостивейший государь благоволил указать нам в высочайших речах к дворянству разных губерний и в журналах Главного комитета.

Дворянство доселе совещалось в комитетах каждой губернии не только отдельно, но и в разное время. Вопрос об уничтожении крепостной зависимости развился у нас так быстро, что одна губерния не могла воспользоваться тем, что придумывалось в другой; от этого произошло разнообразие в проектах, представленных комитетами; к тому же самые виды правительства, с течением времени, все более и более уяснились и становились нам более известными. При подобных обстоятельствах и, в особенности, при кратковременности срока, назначенного для занятий губернских комитетов, проекты их не могли достигнуть надлежащей полноты. Зная общее стремление нашего сословия к осуществлению благих предначертаний государя императора, мы считаем себя вправе сделать те пополнения и согла-

сования, которые окажутся необходимыми для достижения общего блага. Редакционная комиссия, состоящая под председательством вашего превосходительства, при всем своем желании и напряженном труде, не может обнять всех местных нужд и составить положение, соответствующее потребностям всех разнообразных краев империи. Излагая даже наши мнения, думая действовать в полном согласии с предположениями комитетов, она легко может составить такие правила, которые, в некоторых местностях, совершенно неисполнимы: а между тем дело освобождения крепостных людей так важно, что малейшая ошибка может иметь самые вредные последствия для государства и всех сословий. Нам, лицам из разных местностей, удобнее, чем кому-либо, знать применимость общих положений к делу, и к тому же нам, не участникам в трудах Редакционной комиссии, со стороны виднее неясности и неполноты, которые неминуемо бывают во всяком человеческом произведении. Если мы, каждый отдельно, будем писать свои замечания, пояснения и пополнения, то из этого могут возникнуть новые разногласия, которые усложнят окончательные разрешения существенных вопросов; а потому только общие совещания депутатов могут дать возможность согласовать различные мнения, надлежащим образом развить, уяснить их и представить правительству соображения, соответствующие как важности самого дела, так и высокого доверия, которое государю императору благоугодно было оказать дворянству.

Эти обстоятельства вынуждают нас просить ваше превосходительство повергнуть на высочайшее воззрение его императорского величества нашу всеподданнейшую просьбу о дозволении нам иметь общие совещания в таком порядке, в каком благоугодно будет указать государю императору, и о том, чтобы все соображения наши, как по предъявленным нам вопросам, так и вообще по существу крестьянского положения поступили на суд высшего правительства.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Члены губернских комитетов:
 Владимирского, Иван Безобразов.
 Владимирского, Павел Парначев.
 Воронежского, кн. Иван Гагарин.
 Воронежского, Федор Крашенинников.
 Костромского, Александр Миронов
 (губерн. предвод.).
 Костромского, Алексей Лопухин.
 Московского, Сергей Волков.
 Новгородского, Павел Косаговский.

С.-Петербургского, гр. Петр Шувалов
(губерн. предвод.).
Полтавского, Михаил Позен⁷².
Полтавского, Александр Богданович.
Псковского, Николай Волков.
Псковского, Василий Голенищев-Кутузов.
Рязанского, Федор Офросимов.
Рязанского, кн. Сергей Волконский.
Рязанского, Александр Кошелев.
Саратовского, кн. Владимир Щербатов
(губ. предвод.).
Саратовского, Нил Ознобишин.
Симбирского, Дмитрий Шидловский.
Тамбовского, Николай Никифоров.
Тамбовского, Григорий Петрово-Соловово.
Тверского, Евграф Кардо-Сысоев.
Тверского, Алексей Унковский
(губ. предвод.).
Харьковского, Александр Шретер.
Харьковского, Дмитрий Хрущов.
Черниговского, Валериан Подвысоцкий.
Черниговского, Александр Маркович.
Ярославского, Павел Дубровин.
Ярославского, Демосфен Васильев

Чрез несколько дней, а именно 2-го сентября, последовало высочайшее повеление, изложенное в ответе генерал-адъютанта Ростовцева. Оно было выражено в следующих словах:

«Председатель Редакционных комиссий имел честь получить 1-го сего сентября письмо от 29-го августа, подписанное 29 членами, вызванными от губернских комитетов. Того же числа он имел счастье отправить письмо это в подлиннике в Царское Село на всеилостивейшее благоусмотрение. 2 сентября он удостоился получить следующее высочайшее повеление:

Его императорское величество прежде и ныне не встречают препятствия к тому, чтобы члены губернских комитетов совещались между собою; в деле столь важном и столь близко касающемся интересов дворянства, государь император изволит находить полезным, чтобы члены губернских комитетов помогали один другому своею местною опытностью; но подобные частные совещания не должны иметь характера официального.

Затем его величество соизволил высочайше подтвердить, чтобы дальнейшие действия, как председателя Редакционных комиссий, так и членов губернских комитетов неуклонно основывались на инструкции 11-го августа, т. е. члены губернских комитетов, не касаясь общих начал, должны ограничиваться применением оных к своим местностям. Для чего они и были вызваны в Петербург, и мнения свои они должны представить отдельно по каждой губернии. В заключение его императорское величество все милостивейше повелел председателю Редакционных комиссий вновь объявить членам от губернских комитетов, что все их ответы, без исключения, будут представлены на обсуждение Главного комитета, как о том было уже сказано в инструкции 11-го августа.

О таковой высочайшей воле председатель Редакционных комиссий имеет честь уведомить гг. членов губернских комитетов».

С.-Петербург, 3 сентября 1859 года.

Генерал-адъютант Ростовцев

Почти в то же время, т. е. 2-го сентября, было объявлено г. министром внутренних дел членам от губернских комитетов, что государь император будет их принимать в Царском Селе 4-го сентября, в час пополудни. Почему, в означенный день, все члены прибыли на станцию железной дороги в 10 часов утра и отправились в Царское Село. Там, со станции, в придворных экипажах, они отвезены были во дворец, где отведены были для них особые комнаты. Без четверти в час они отправились в зал, в котором они должны были представляться государю императору. Тут депутаты были расставлены по алфавитному порядку губерний, и его величество изволил выйти ровно в час. Министр внутренних дел называл каждого депутата, и государь преимущественно спрашивал: где кто служил? Затем император стал посреди депутатов, сдвинувшихся вокруг его величества, и произнес следующие слова: «Господа! Я очень рад вас видеть. Я призвал вас для содействия делу, равно интересному для меня и для вас, и успеха которого, я вполне уверен, вы столько же желаете, сколько и я; с ним связано будущее благо России. Я уверен, что верное мое дворянство, всегда преданное престолу, с усердием будет мне содействовать. Я считал себя первым дворянином, когда еще был наследником, я гордился этим, горжусь этим и теперь, и не перестаю считать себя в вашем сословии. С полным доверием к вам начал я это дело; с тем же доверием призвал вас сюда. Для разъясне-

ния обязанностей ваших я велел составить инструкцию, которая вам предъявлена. Она возбудила недоразумения; надеюсь, что они разъяснились. Я читал ваше письмо, представленное мне Яковом Ивановичем: ответ на него, вероятно, вам уже сообщен. Вы можете быть уверены, что ваши мнения мне будут известны: те, которые будут согласны с мнением Редакционной комиссии, войдут в ее положение; все остальные, хотя бы и несогласные с ее мнением, будут представлены в Главный комитет и дойдут до меня. Я знаю, вы сами, господа, убеждены, что дело не может окончиться без жертвова-ний. Но я хочу, чтобы жертвы эти были как можно менее чувстви-тельные. Буду стараться вам помочь и жду вашего содействия, наде-ясь, что доверие мое к вам вы оправдаете не одними словами, а на деле. Прощайте, господа, до свидания».

По выслушании сих слов воронежский депутат кн. Гагарин, по собственному внушению, а не по поручению прочих депутатов, до-ложил его величеству, что дворянство готово на жертвы, хотя бы они простирались и до трети их достояния. На это государь изволил от-вечать: «Нет, таких значительных жертв я не требую; я желаю, чтоб великое дело совершилось безобидно и удовлетворительно для всех. Прощайте, господа».

Затем депутаты, возвратившись в отведенные им комнаты, при-глашены были к обеду за гофмаршальский стол⁷³. Это показалось странным для всех и обидным для некоторых. Последние решились тотчас же отправиться обратно в С.-Петербург.

По получении упомянутого ответа депутаты собрались у гр. Шува-лова, которого просторный кабинет всех их свободно вмещал. В ис-полнение высочайшей воли они положили иметь частные совеща-ния и для того разделиться, по свойствам губерний, на две части: т. е. на представителей от промышленных и от земледельческих губер-ний. Но вскоре они убедились, что такое географическое разделение было неудобно. И в той, и в другой части оказывались убеждения весьма различные и даже одни другим противоположные. Было не-сколько общих собраний, где много толковали, но как никто не обя-зан был подчиняться большинству, то и не выходило из того ника-ких удовлетворительных результатов; даже правильного разделения на кружки вследствие различных убеждений состояться не могло. Образовались сами собою три кружка: один, преимущественно из

членов от промышленных губерний, с требованием обязательного выкупа и с наделением крестьян землею в достаточном количестве; сюда принадлежали депутаты губерний: Ярославской, Костромской, Владимирской, Тверской и Харьковской. Другой кружок состоял из членов от Рязанской, Тамбовской, Саратовской, одного депутата от Воронежской (г. Крашенинникова), одного от Черниговской (г. Марковича) и московскую депутата. Тут убеждения были вообще довольно либеральные; все члены были расположены к выкупу, хотя не все признавали необходимость его обязательности; некоторые не соглашались также на наделение крестьян вполне достаточным количеством земли. В третьем, всех менее единодушном кружке участвовали депутаты от губерний: Полтавской, С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, по одному члену от Воронежской (кн. Гагарин), Симбирской (г. Шидловский) и Черниговской (г. Подвысоцкий). Не принимали участия в совещаниях ни в каком кружке: гг. Ланской (Симбирский), Гаврилов (Владимирский), Кишенский (Астраханский) и Тиховидов (Вятский). Мало участвовали в собраниях нижегородские депутаты гг. Нестеров и Стремоухов; последний по причине позднего приезда в С.-Петербург. Первые два кружка имели постоянные собрания по два, по три, по четыре раза в неделю, и в них были обсужены все труды Редакционной комиссии. Последний кружок не имел постоянных собраний, вскоре распался, и его члены составляли свои замечания каждый особо. Между ними были люди, из которых одни желали личного освобождения крестьян без земли; другие требовали бессрочного пользования с переоценкою земли или повинностей; иные готовы были согласиться на выкуп, лишь бы он был необязательный.

10-го сентября был большой обед, даваемый председателем в зале Кадетского корпуса как депутатам, так и членам Редакционной комиссии. Беседа была довольно радушна; тут депутаты и члены Редакционной комиссии познакомились между собою, и из такого сближения можно было ожидать много пользы для дела, а именно облегчения между ними сношений и устранения некоторых взаимных предубеждений. Но вскоре случившееся обстоятельство, ничтожное само по себе, имело, однако, самое дурное действие на дальнейший ход отношений депутатов к Редакционной комиссии.

12-го сентября разослан был ко всем депутатам следующий циркуляр:

«Вызванному в С.-Петербург члену Симбирского губернского комитета гвардии штабс-ротмистру Ланскому, уже представившему все, без исключения, ответы на вопросы по всем трем отделениям Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, государь император за такое примерное усердие объявляет высочайшее свое благоволение.

О сей монаршей воле председатель Редакционных комиссий имеет честь уведомить гг. членов губернских комитетов и Редакционных комиссий.

12 сентября 1859 года.

Подписал Ростовцев».

Чтоб вполне оценить смысл и значение этого циркуляра, надобно знать, что последние огромные и весьма важные доклады хозяйственного и юридического отделений разосланы были к депутатам только 10-го сентября и что потому не было возможности составить в несколько часов по всем докладам разных отделений замечания и ответы хотя сколько-нибудь удовлетворительные. К тому же известно было, что государь отправился из Царского Села 10-го вечером в путешествие по России и что упомянутое повеление, вследствие телеграммы генерал-адъютанта Ростовцева, было по телеграфу же дано, кажется, из Тулы. Торжественное объявление высочайшего благоволения г. Ланскому за таковое странно поспешное исполнение депутатских обязанностей доказало, что на них смотрят как на бюрократическую формальность. Это глубоко оскорбило и огорчило депутатов. Циркуляр этот прозван был ими приказом по корпусу депутатов, и с этого времени нельзя было уже надеяться на сближение между членами от губернских комитетов и Редакционными комиссиями.

Срок, назначенный для занятий депутатов, истекал, а труд их, хотя спешный и усиленный, едва был сделан вполовину; потому они и обратились с просьбою к председателю Редакционной комиссии об исходатайствовании им отсрочки; одни просили продолжения срока на месяц, другие — на две недели. Отсрочка до 10 октября была высочайше дарована.

Депутаты, утратившие веру в значение своего труда, спешили его кончить и даже разъехаться. К 10 октября многие представили свои замечания и ответы; другие их оканчивали. Тут началась новая бюрократическая проделка. Стали, на основании пункта 7-го инструкции, приглашать депутатов в общее присутствие Редакционных комиссий для словесных объяснений. Приглашали по три, по четыре и более

депутатов; с ними диспутовали члены Редакционной комиссии по назначению председателя. Эти диспуты не имели никакого результата и только доставляли в журналы общего присутствия статьи следующего содержания: «В настоящем заседании общее присутствие Редакционных комиссий, на основании высочайше данной 11-го августа инструкции, имело совещания с некоторыми из находящихся в С.-Петербурге членов губернских комитетов, которые изъявили желание предложить лично вопросы по содержанию некоторых докладов отделений комиссии. Возбужденные в сем заседании вопросы были обсуждены комиссиями совокупно с означенными гг. членами, и представленные разъяснения будут приняты в соображение при дальнейших работах Редакционных комиссий».

С прискорбием должны мы сознаться, что каждое слово в вышеприведенной нами статье совершенно ложно. Во 1-х, весьма немногие депутаты изъявили желание совещаться с Редакционной комиссией, потому что знали бесполезность этих бесед, не оставлявших по себе никаких следов: большая часть членов были вызваны ею самою единственно в исполнение 7-го пункта инструкции. Члены Редакционных комиссий, *ex officio*, предлагали вопросы, избирая самые немудреные, опасаясь, чтоб не завязалось из того настоящего прения. Депутаты, убежденные, что призывают их только ради исполнения формальности, отвечали также, как возможно короче, и общее присутствие спешило закончить заседания, которых бесполезность была всеми одинаково сознаваема. В этих собраниях не было и быть не могло ни одного настоящего прения, хотя в предметах для оно не было недостатка, ибо разногласия между комиссиями и депутатами были многочисленны и существенны. Во 2-х, возбужденные вопросы не были обсуждены комиссиями, а просто диспутовали, по поручению председателя, гг. Семенов⁷⁴, кн. Черкасский⁷⁵ и Соловьев⁷⁶; прочие же члены сидели, как говорится, только ради пущей важности. В 3-х, представленные разъяснения не могут быть приняты в соображение при дальнейших трудах Редакционной комиссии, потому что они нигде не записывались и забывались вместе с окончанием заседания.

Занятия депутатов приходили к концу; императора ждали в Царское Село из его путешествия сперва к 15-му, а потом к 17 октября. Депутаты видели, что ими исписаны кипы бумаг (до 2000 листов); они полагали, что их собратия второго призыва, вероятно, столько же из-

ведут чернил и бумаги и что поэтому нет возможности членам, как Главного комитета, так и Государственного совета прочесть замечания и соображения депутатов. Вследствие сего они решились подать императору адрес с всеподданнейшею просьбою: дозволить им вновь собраться и рассмотреть окончательные труды Редакционных комиссий. Это их желание было тем естественнее и основательнее, что доселе ими было рассмотрено только первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости; что в этих трудах имелись значительные противоречия, неизбежные в огромном и спешном труде; что многие и притом весьма важные части: о приведении положения в исполнение, о казенных повинностях, об отношениях крестьян и помещиков к мировым судьям и к уездной полиции не были даже предположены; что ничего не было сказано определительного о выкупе крестьянских земель; и что сельский устав, который предполагалось составить, даже и в главных чертах не был набросан.

Вследствие этого было несколько общих собраний депутатов. На первом решено было подать адрес государю. На втором рассматривались проекты адресов, написанные симбирским, г. Шидловским, и харьковскими, ярославскими и одним тверским депутатом (г. Унковским); но оба эти проекта были устранены. В третьем заседании был представлен рязанским депутатом г. Кошелевым проект адреса, который и был единогласно одобрен, и даже черновая оного подписана двадцатью одним членом. Вот содержание этого адреса:

«Всемиловивейший государь!

По высочайшему повелению Вашего императорского величества мы рассмотрели первоначальные материалы, составленные Редакционными комиссиями по крестьянскому делу, и представили председателю оных наши объяснения и соображения. Разногласие в мнениях между означенными комиссиями и нами значительно, даже существенно. К тому же важная часть их работ еще не могла быть нами обсуждена: порядок введения нового положения еще не предположен; доклад о казенных повинностях еще не окончен; состав и круг действия местных учреждений, имеющих решать все дела между помещиками и крестьянами, еще не определены: почему обязанности, налагаемые на нас доверием Вашего императорского величества и сословия, к коему мы принадлежим, решают нас всеподданнейше просить о нижеследующем:

1. Дозволить нам рассмотреть окончательные труды Редакционных комиссий до поступления их на обсуждение Главного комитета; и

2. Даровать нам возможность представить сему комитету изустные объяснения в подтверждение изложенных нами мнений.

Искренно и глубоко сочувствуя великому преобразованию, Вашим императорским величеством предпринятому, и желая, чтоб оно, для блага отечества нашего, совершилось мирно и удовлетворительно для обоих сословий, в сем деле преимущественно заинтересованных, мы дерзаем сию нашу всеподданническую просьбу повергнуть к стопам нашего всемилостивейшего государя.

Вашего императорского величества верноподданные:

Крашенинников. Шидловский. Васильев. Кн. Волконский. Офросимов. Кошелев. Кн. Гагарин. В. Подвысоцкий. Стремоухов. Кн. Щербатов. Петр Косаговский. Н. Волков. С. Волков. А. Маркович. Н. Ознобишин. Гр. Шувалов. Голенищев-Кутузов. Гр. Левашев. Петрово-Соловово. Никифоров и Парначев».

Депутаты собрались на другой день для подписания этого адреса, набело переписанного; но вдруг возникли опасения и недоумения. Не слишком ли он резок? Не изложена ли просьба слишком требовательно? Не лучше ли оставить больший простор к удовлетворению просьбы депутатов? Хотя большинство было за прежде одобренный адрес, но некоторые члены объявили, что они его подписать не могут и, в удовлетворение их, приступлено было к составлению нового адреса. После долгих толков, исправлений и изменений, вышел следующий адрес, которого вполне не одобрял никто, но который был подписан всеми. Как на губернских выборах попадают иногда в губернские предводители люди, которых никто для этого звания не имел в виду, так состоялся и этот адрес. Его можно назвать шумовым. Вот он:

«Всемилоостивейший государь!

Как члены от дворянских комитетов, мы исполнили высочайшее повеление Вашего императорского величества и представили наши замечания и соображения на первоначальные труды Редакционных комиссий по крестьянскому делу.

Различествуя между собою в некоторых воззрениях, мы пришли, однако, к тому общему заключению, что предположения Редакционных комиссий в настоящем их виде не соответствуют общим потребностям и не приводят в исполнение тех основных начал, которые с благоговейною готовностью дворянство приняло в руководство по крестьянскому делу.

Ревнуя оправдать доверие всемилостивейшего нашего государя и имея в виду, что объяснения и соображения наши относятся только к первоначальным материалам упомянутой комиссии, мы дерзаем всеподданнейше просить Ваше императорское величество о том, чтоб дозволено было нам представить наши соображения на окончательные труды Редакционных комиссий до поступления их в Главный комитет по крестьянскому делу.

Вашего императорского величества верноподданные:

Член от Воронежского комитета Ф. Крашенинников. Член от Воронежского комитета кн. И. Гагарин. Член от Московского комитета С. Волков. Член от Нижегородского комитета Стремоухов. Член от Новгородского комитета П. Косаговский. Член от Рязанского комитета Ф. Офросимов. Член от Рязанского комитета кн. С. Волконский. Член Рязанского комитета А. Кошелев. Член от С.-Петербургского комитета гр. П. Шувалов. Член от С.-Петербургского комитета гр. Левашев. Член от Полтавского комитета М. Позен. Член от Псковского комитета В. Голенищев-Кутузов. Член от Псковского комитета Н. Волков. Член от Саратовского комитета кн. В. Щербатов. Член от Саратовского комитета Н. Ознобишин. Член от Тамбовского комитета Г. Петрово-Соловово. Член от Тамбовского комитета Н. Никифоров. Член от Черниговского комитета В. Подвысоцкий».

Не подписали из депутатов, участвовавших в общих совещаниях: полтавский — Богданович, который опоздал в собрание и приехал в оное уже тогда, когда адрес был отвезен к министру внутренних дел. Сверх того, не участвовали в этих последних совещаниях депутаты, уехавшие тотчас после подачи своих замечаний и ответов, и именно: двое костромских, двое владимирских, один тверской (Кардо-Сысоев), один черниговский (Маркович) и один нижегородский (Нестеров). Вовсе не участвовали в депутатских собраниях: симбирский — Ланской, владимирский — Гаврилов, астраханский — Кишенский и вятский — Тиховидов. Трое из сих членов были по назначению правительства, а г. Гаврилов, хотя был и по выбору дворянства, но по приезде в С.-Петербург поступил на службу в Министерство внутренних дел. Сверх того, не подписали этого адреса следующие члены, подавшие особые адреса: симбирский — г. Шидловский, тверской — г. Унковский, харьковские: гг. Хрущов и Шретер, и ярославские: гг. Дубровин и Васильев. Первый подал особое всеподданнейшее письмо, а последние пять — совокупный адрес. Вот его содержание:

«Всемиловейший государь!

Державным словом Вашего императорского величества об освобождении крестьян Россия пробуждена к новой жизни. Это поворот в истории нашего Отечества. Ему предстоит два пути развития: один — мирный и правомерный; другой путь насилий, борьбы и печальных последствий.

Первый истекает из любви Вашей, государь, к России и ее счастью. Второй может быть последствием неудовлетворительного решения вопроса, которое не оправдает ожиданий и потребностей народа.

В неизреченной милости Вашей, великодушный монарх, к дворянству Вы призвали наше сословие к участию в великом деле преобразования быта земледельцев.

Столь высокое доверие налагает на нас, членов от дворянских комитетов, священную обязанность верноподданнически высказать Вашему величеству мнения наши о направлении, полученном ныне крестьянским делом.

Если мы выходим из пределов данного нам полномочия, то это мы совершаем во имя любви к Вам, государь, и живой преданности к престолу и Отечеству. Да будет над нами суд вашего величества.

Согласно высочайше утвержденной Вашим императорским величеством инструкции, мы представили в Редакционные комиссии наши подробные соображения и замечания, но из внимательного изучения заключений комиссий мы убедились, что увеличением надела крестьян землею и крайним понижением повинностей в большей части губерний помещики будут разорены, а быт крестьян вообще не будет улучшен по той причине, что хотя крестьянам и предоставляется самоуправление, но оно будет подавлено и уничтожено влиянием чиновников, и потому, что крестьяне только тогда почувствуют быт свой улучшенным, когда они избавятся от всех обязательств пред владельцами и когда сделаются собственниками: ибо свобода личная невозможна без свободы имущественной.

В установленных обязательных отношениях между лично свободными крестьянами и помещиками, лишенными общественного значения и участия в управлении народом, лежат зародыши опасной борьбы сословий.

Веруя в благодушие Вашего величества, зная волю Вашу, государь, чтоб Россия шла путем мирного развития, убедившись, что крестьяне имеют надежду, превратившуюся в верование, охватившее весь народ от мала до велика, получить свободу полную и землю в собственность и что быт сословий не может быть улучшен без преобразования существующего порядка администрации, полиции и суда, мы дерзаем, государь, всеподданнейше просить Ваше императорское величество о нижеследующем:

1. Даровать крестьянам полную свободу с наделением их землею в собственности, посредством немедленного выкупа, по цене и на условиях неразорительных для помещиков.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий, основанное на выборном начале.

3. Учредить независимую судебную власть, т. е. суд присяжных и гражданские судебные учреждения, независимые от административной власти, с введением гласного и словесного судопроизводства и с подчинением местных должностных лиц непосредственной ответственности перед судом. И

4. Дать возможность обществу путем печатной гласности доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления.

Убежденные, что крестьянское дело не может решиться спокойно и правомерно иначе, как на изложенных основаниях, мы считаем священным долгом, в оправдание высокого доверия, оказанного Вашим императорским величеством дворянскому сословию, повергнуть на всемилостивейшее воззрение Ваше, государь, наши откровенные убеждения, в полном уповании на милостивое внимание к мыслям, внушенным нам долгом присяги, беспредельною любовью к престолу и Отечеству.

Подлинное подписали:

Дмитрий Хрущов, член Харьковского комитета. Александр Шретер, член Харьковского комитета. Алексей Унковский, председатель Тверского комитета. Демосфен Васильев, член Ярославского комитета. Павел Дубровин, член Ярославского комитета.

Октября 16 дня 1859 года».

Следовательно, не подписали никакого адреса только семь членов, уехавшие из С.-Петербурга до возвращения государя императора; четверо, назначенные от правительства или состоящие у него на службе, и один, случайно не успевший подписать адреса 18-ти. Таким образом, последний адрес может считаться общим выражением желанья дворянства, ибо уехавшие конечно бы его подписали, потому что и прежде согласны были в мнениях с прочими депутатами. Сверх того, двое из уехавших и доселе думают, что они адрес подписали; ибо, отъезжая, они утвердили своими подписями адрес, прежде единогласно одобренный, уже набело переписанный, но потом измененный.

Я нарочно остановился на подробном исчислении всех подписавших и неподписавших депутатов, потому что выведено было, как го-

ворят, на справку, что столько-то депутатов не участвовало в адресе и что это благонамеренное меньшинство членов, довольное трудами Редакционных комиссий, не одобряло подачи адреса. Это совершенно несправедливо: можно положительно сказать, что не подписали адресов только четверо членов, о которых упомянуто было выше, т. е. трое, назначенных от правительства, и один, состоящий у него на службе.

Депутаты, подавшие в числе восемнадцати, самый скромный адрес, уверены были, что их просьба не будет отвергнута; но проходили дни, недели, а решения им никакого не объявляли. Наконец, пронесся слух, что 5 ноября было заседание Главного комитета под председательством самого императора, что положено сделать депутатам кому выговор, кому замечание и что эти решения должны быть им объявлены чрез начальников губерний. Сперва никто не хотел этому верить; от бюрократии, конечно, всего можно было ожидать, но депутаты полагали полную надежду на государя (видно, ложные доносы ввели его в заблуждение), к крайнему удивлению всех и каждого, вскоре этот случай подтвердился. Тогда депутаты решились разъехаться. Они не замедлили получить, каждый от своего губернатора, отношения, в которых объявлялись им высочайше утвержденные положения Главного комитета. Таким образом, пять депутатов, подавших одну общую просьбу, получили, по высочайшему повелению, замечание «за неправильные и неуместные свои домогательства», с разъяснением, «что они не имели права подавать прошение за общим подписом».

Восемнадцать депутатов получили от начальников губерний отношения с разъяснениями, по высочайшему повелению, «что, имея в виду высочайшею властью одобренный порядок своих действий, они не должны были утруждать его императорское величество ходатайством к изменению сего порядка клонящимся и что члены не имели права подавать подобную просьбу за общим их всех подписом».

Такие решения на всеподданнейшие просьбы депутатов глубоко огорчили всех людей, искренно преданных государю и великому делу, им предпринятому. Эти решения были и неосновательны, и неосторожны, и неполитичны. Ставить депутатам в вину общее подписание тогда, как вчера общим же подписанием дворян, не собранных в официальное заседание, воспользовались для издания высочайших рескриптов по крестьянскому делу, было явною непоследовательно-

стью. Странно также применять полицейское правило к такому делу, каково крестьянское: правительство освобождает без вознаграждения людей, принадлежащих помещикам, и отводит земли первым из владения последних; следовательно, действует если не незаконно, то сверхзаконно; и в то же самое время оно требует, чтоб дворяне даже не подавали правительству прошений за общим подписом. Далее: упрекают депутатов в том, что они осмелились утруждать государя ходатайством, клонящимся к изменению порядка, высочайше утвержденного для их действий; но само правительство изменяло, и даже не один раз, свои решения в отношении к депутатам. Не делало ли оно еще более? Не отступало ли оно по крестьянскому вопросу от прежде обнародованных основных начал и не утверждало ли иные, более соответствующие требованиям дела? Люди добросовестные, конечно, не обвиняли в том правительство, ибо, по мере развития вопроса, предположения, как его, так и дворянства, необходимо должны были испытывать такую участь; но осторожно ли было ставить в вину депутатам, что они допускали возможность изменения решений правительства и что просили его не о чем-либо новом, а только об исполнении прежде им обещанного или, вернее сказать, даже части того, что им было обещано?* К чему было теперь, при новых, вполне изменившихся обстоятельствах, выдвигать опять обветшалую непогрешимость власти и ставить депутатам в вину их маловерие в эту непогрешимость? Другие времена — другие начала; а потому должны быть и иные нравы, иные обычаи. Провозглашенное уничтожение крепостного права как бы захлопывало дверь (так следовало, по крайней мере, ожидать) за прежними временами. К тому же эти новые решения Главного комитета были и в высшей степени неполитичны. Для депутатов, избранных от дворянства, эти замечания получали значение медалей за усердие. Дворянство вообще не было довольно действиями своих депутатов в Петербурге, ибо находило, что они там вели себя слишком уклончиво; эти замечания и разъяснения убеляли депутатов; но неудовольствие против правительства или, вернее ска-

---

* Государь объявил дворянству, что депутаты вызваны будут для присутствования общего обсуждения в С.-Петербург при рассмотрении положений всех губерний в Главном комитете; депутаты же скромно просили о дозволении им рассмотреть окончательные труды Редакционных комиссий до поступления в Главный Комитет по крестьянскому делу.

зять, против бюрократии от того усиливалось и углублялось. Последствия этих неполитичных действий правительства не преминут обнаружиться. При будущих собраниях дворянства сочувствие его к депутатам выскажется гласно и даже громко и будет явным осуждением правительственных распоряжений.

Упомянутые губернаторские отношения, распространенные в бесчисленном множестве копий, произвели на дворянство самое раздражающее действие. Ни «Колокол»⁷⁷, ни все прочие запрещенные книги и листки не могли совершить того, что сделали эти копии. Все заговорили: «У нас отнимают принадлежащих нам людей и даже часть крепостных наших земель, а за нами не хотят признать даже право обращаться к правительству с просьбами за общим подписом! Чего можно было прежде лишать нас, подкупленных выгодами крепостного права, в том теперь невозможно нам отказывать; спасибо депутатам за то, что сделали; но жаль, что они действовали слишком уклончиво и слабо; авось, члены второго призыва исправят ошибки своих предшественников. Теперь бояться и терять нам нечего, пусть бюрократия освобождает крепостных людей и сама с ними управлется: мы устранимся, и тогда увидим, насколько станет ее и со всеми ее чиновниками».

И прежде дворянство было недовольно некоторыми действиями правительства по крестьянскому вопросу; но, по крайней мере, просвещенное меньшинство помещиков стояло на стороне правительства и сильно ратовало в его пользу. Теперь и этим последним зажат рот, ибо нечего сказать в оправдание власти.

Сама она действует почти революционно: от других же требует слепого, безответного повиновения. Сама во всем берет инициативу, и существующее в ее глазах не имеет никаких преимущественных прав на дальнейшее бытие: другим же она не позволяет даже сказать слово в свою защиту. Неудовольствие, даже ожесточение всех против бюрократии в Петербурге, Москве и во внутренности России растет не по дням, а по часам. Теперь во многих губерниях должны быть обыкновенные собрания дворянства: нельзя не ожидать там протестов, даже скандалов. К тому же теперь, при общем раздражении умов, еще нарушается одно из самых существенных прав дворянства, а именно принадлежащее ему на основании Св(ода) зак(онов), т. IX, ст. 112, преимущество совещаться о своих пользах и нуждах. Год тому назад было объявлено высочайшее повеление, в силу коего дворян-

ство в своих губернских собраниях имело воздержаться от суждений по крестьянскому вопросу. Тогда подобная мера была возможна, ибо крестьянский вопрос находился в рассмотрении губернских комитетов, естественно, что дворянство не могло обсуживать одно и то же дело в двух своих инстанциях. Но ныне обстоятельства совершенно иные: учрежденная в С.-Петербурге Редакционная комиссия отвергла все проекты губернских комитетов, составила свои предположения и распустила их в числе трех или более того тысяч экземпляров. Как же теперь дворянству по этому жизненному для него вопросу не высказать своего мнения? Как теперь воспретить ему пользование правом, торжественно за ним признанным как ныне царствующим императором, так и августейшими его предшественникам? В настоящих обстоятельствах повторение, подтверждение вышеупомянутого прошлогоднего высочайшего повеления есть дело более чем неосторожное. Оно является не действием самодержавия, а своеволием бюрократии, которая и без того сосредоточивает на себе самую глубокую ненависть всех и каждого. Подобные своеволия, с какою бы целью ни предпринимались и от кого бы ни исходили (от Паниных⁷⁸, Чевкиных⁷⁹, Муравьевых⁸⁰, или от либеральных людей, заседающих в Редакционной комиссии), равно недостойны сильного и благонамеренного правительства, равно ему вредят, раздражают общество, — и самое добро, которое при подобных мерах имеется в виду, они превращают в зло, и в зло тем больше, чем чище источник, из которого они исходят. Но справедливость требует сказать, что никто не относит к императору деспотических действий бюрократии и что даже слухи, в публике распространяемые, приписывают все доброе ему, а все худое людям, во зло употребляющим его имя и доверие.

Теперь по разным губерниям имеют быть выборы, и дворянство в крайнем смущении. Не высказать своих опасений и желаний оно не может, ибо бюрократия выставит его молчание за одобрение своих действий. Заявление же неудовольствия со стороны дворянства будет неминуемо представлено в виде оппозиции видам правительства. Нашему дворянству, как всякому русскому, несвойственны действия оппозиционные; но не может, не должно оно давать бюрократии попираť себя по ее прихотям. Вероятно, дворянство решится почтительно-верноподданнически высказать свои опасения и недоумения, или оно достойно той участи, которую бюрократия ему готовит.

Вот краткий, несколько сухой, но беспристрастный рассказ о внешней деятельности членов от 19 губернских комитетов, в продолжение двухмесячного их пребывания в С.-Петербурге. Следовало бы представить очерк их внутренней деятельности, т. е. передать сущность поданных ими замечаний, соображений и ответов; но эта задача неисполнима. Редакционная комиссия хвалится, что она депутатов утопила в чернилах и схоронила в кипе бумаг. Это совершенно справедливо: бюрократии неоспоримо принадлежит дар все живое топить и хоронить. Депутаты первого призыва подали, как говорят, до 2000 исписанных листов бумаги: по крайней мере, столько же должно быть еще представлено членами от остальных 27 губерний* — следовательно, всего должно быть не менее 4000 листов, из которых выйдет печатных от 250 до 300 листов. Кто прочтет все эти писания? Из этой массы бумаг составятся своды, которые представят не мнения депутатов, доказательно изложенные (*opinions motivées*), а один остов или оглавление их замечаний и соображений. Вероятно, эти своды будут сделаны еще с большею бесцеремонностью и еще с меньшею аккуратностью, чем своды из губернских положений: вероятно, замечания и соображения депутатов опровергается *en bloc*⁸¹, как то сделано в отношении к трудам губернских комитетов; самые же работы членов, вероятно, полежат несколько времени в Главном комитете и в кабинетах его членов, полежат также в Государственном совете и, наконец, сдадутся в архив, в библиотеки и в табачные лавки. Депутаты предвидели участь, ожидающую их труды: они просили о дозволении им иметь официальные собрания, которые дали бы им возможность представить высшему правительству общее их мнение. Но в этом им отказали. Мы, члены от губернских комитетов, знаем поданные мнения двух, трех, пяти наших собратий: но большая часть депутатских работ нам неизвестна. Даже депутаты, между собою совещавшиеся, спешно излагали после собраний свои заметки на бумагу, отдавали их переписывать и представляли председателю Редакционных комиссий. У всякого была лишь одна забота: как бы свои соображения и ответы окончить в крайне тесный срок, назначенный

---

* Обыкновенно относят ко второму призыву 25 губерний, но от первого призыва остались две губернии: Минская и Витебская, которых депутатам веле-но приехать в Петербург вместе с членами от западных губерний, причислен-ных ко второму призыву.

для депутатских работ: а до трудов своих собратий почти никому не было дела. А потому никто из нас не в состоянии представить верный и подробный отчет о всех поданных депутатами мнениях. Постараюсь, хоть в кратких словах, изложить содержание главных мнений, высказанных ими во время общих и частных их совещаний.

Первое всех депутатов, участвовавших в совещаниях, общее убеждение заключалось в том, что предположения Редакционных комиссий нарушают без всякой необходимости и совершенно произвольно, права собственности помещиков. Почти все депутаты сознавали необходимость наделения крестьян землею, но отдача помещичьих земель в бессрочное пользование крестьян за неизменные повинности казалась ничем не оправдываемым нарушением права собственности. Большинство членов требовало обязательного выкупа как единственного средства произвести освобождение на законном основании и удовлетворительно для помещиков и для крестьян. Меньшинство депутатов, соглашаясь на отдачу мирских земель в бессрочное пользование крестьян, требовало переоценки или земли, или, по крайней мере, денежных повинностей. Первые доказывали, что предположения Редакционных комиссий должны иметь последствиями: 1) неприязненные отношения между землевладельцами и земледельцами, имеющие превратиться в явную борьбу; 2) необеспеченность положения как помещиков, так и крестьян, требующая постоянного чиновничьего вмешательства в их взаимные отношения; и 3) разорение помещиков, обязанных или довольствоваться невозможною барщиною, или заводить вольнонаемные хозяйства без получения денежных на то средств. Сверх того депутаты опасались, что если раз установится бессрочное пользование крестьян помещичьими землями за неизменные повинности, то правительство успокоится и долго-долго не озаботится устройством выкупа. — Меньшинство депутатов, не желавшее выкупа, требовало переоценки земли или, по крайней мере, повинностей как потому, что стоимость земли постоянно возвышается, так и потому, что деньги у нас еще быстрее упадают в стоимости. Все эти, вполне основательные, доводы многосторонне развивались членами губернских комитетов в опровержение вышеупомянутого главного начала, положенного Редакционной комиссиею в основу ее трудов. Замечательно, что ни один депутат (кроме, быть может, четырех, не участвовавших в депутатских собраниях) не одобрял этого основного положения Редак-

ционной комиссии, хотя в числе призванных членов были представители не одного большинства, но и разных меньшинств губернских комитетов.

Второй пункт, вызвавший такое же общее неодобрение со стороны всех депутатов, есть произвольное назначение высших крестьянских наделов по губерниям. Редакционная комиссия, желая дать своим выводам некоторую, хотя наружную, правильность, составила ведомости крестьянским существующим наделам; но она исключила из этих списков все имения ниже 100 душ, где, как известно, наделы самые малые, и включила в них имения оброчные, где, по большей части, все помещичьи земли числятся в крестьянском пользовании. Посредством таких произвольных исключений и включений цифры наделов подняты были неправильно, а в некоторых случаях и чрезмерно. Сверх того, почти все комитеты подали голос в пользу нормальных наделов, — Редакционные же комиссии не только их отвергли, но установили свои высшие и низшие наделы, как будто в явную противоположность комитетским положениям, столь же несоизмеренно возвысив первые, сколько понизив последние. К тому же многие отдельные постановления Редакционных комиссий* сильно тревожили членов губернских комитетов, а именно: а) отдача земель усадебных в пользование не крестьянских обществ, как предполагалось всеми великороссийскими комитетами, а крестьянских семейств, с предоставлением последним права выкупать свои отдельные усадьбы; б) предоставление крестьянам права уходить, по истечении 9 лет, целыми обществами на иные земли, по своему усмотрению; в) дарование права лицам выходить из обществ на условиях весьма легких; г) удержание барщины на условиях невозможных; д) произвольное, ничем не оправдываемое понижение оброков по многим местностям; воспрещение помещикам, которых крестьяне платили малые оброки, поднимать оные до нормы, правительством устанавливаемой; и даже, при выкупе, капитализация из этих добродушием или беспечностью установленных оброков.

Третий пункт существенного разногласия между Редакционной комиссией и всеми депутатами заключался в том, что чиновничье

---

* Редакционных комиссий считается несколько, но они имеют одно общее присутствие. Поэтому и самое название употребляется иногда во множественном числе, иногда в единственном, безразлично. Так поступили и мы.

вмешательство водворялось в дела сельские и что влияние дворянства на крестьян вовсе устранялось. Хотя бережно скрывалось от депутатов будущее устройство как земской полиции, так и мировых судей; однако слухи насчет назначения всех этих чиновников не по выбору сельского населения вообще, а по произволу губернаторов, слухи насчет чисто бюрократического устройства всего уездного управления полиции и суда сильно волновали членов губернских комитетов и представляли им в будущем совершенную невозможность жить в деревнях. А потому неудивительно, что депутаты в своих замечаниях дозволяли себе самые резкие выходки против чиновничества вообще и против вмешательства администрации в дела сельского населения. Я убежден, что правительство не имеет в виду усилить и возвеличить чиновничий элемент и вовсе не желает лишить сельское население участия в местном управлении, расправе и суде; но оно таит свои предположения; а потому естественно, что муха кажется слонем и что депутаты видят в замыслах администрации то, чего, наверное, в них вовсе и нет. Кого винить в этом деле? Труды Редакционных комиссий, направленные против помещичьей власти, печатаются более чем в 3000 экземплярах и раздаются щедрою рукою; а работы комиссии об уездных учреждениях издаются в таком числе экземпляров, что нет возможности их достать. Почему бы не сообщить их депутатам? Почему бы не потребовать от них на оные замечаний? Такое к ним доверие значительно бы их успокоило, устранило бы много раздражения в их отношениях к правительству и, наверное, доставило бы ему много дельных замечаний.

В этих трех главных и еще некоторых второстепенных пунктах депутаты были единодушны. Затем они расходились на приверженцев обязательного выкупа, которые составляли огромное большинство, и на защитников или постоянного пользования с переоценкою, или освобождения крестьян с правом свободных переходов. Число членов двух последних категорий было незначительно. Далее депутаты делились на сторонников нормальных и существующих наделов: за первые стояло большинство; но была возможность согласить эти два мнения установлением для существующего надела границ, близких к норме, что, вместе с тем, было бы и вполне согласно с требованиями рескриптов. Что касается до повинностей, то они не составляли существенного предмета разногласий между депутатами: те из них, которые всего усерднее отстаивали помещичьи интересы, не

требовали высоких повинностей, лишь бы поземельные наделы были как можно ограниченнее; депутаты же, объявившие себя за существующие наделы, желали повинностей настоящих, достаточно вознаграждающих дворянство за отходящие от них земли. Но в этом отношении между депутатами непременно последовало бы соглашение, если б только были допущены официальные совещания. Еще некоторые члены губернских комитетов сильно восставали против разных заключений комиссии, нарушающих народные обычаи, и в особенности общинное поземельное владение и круговую поруку; но большинство депутатов, преимущественно занятое интересами дворянства, для которых предположения комиссии казались гибельными, мало обращало внимания на важный предмет охранения народного быта от посягательства администрации. Вообще можно сказать, что все депутаты, без исключения, были за уничтожение крепостного состояния, что все они желали развязки скорейшей и окончательной и что большинство из них было одушевлено самыми миролюбивыми чувствами. Что касается до сопротивления воле государя насчет освобождения крестьян до желания затянуть дело и, под видом увольнения, устроить иное обязательное и столь же для крестьян тягостное положение, то таких намерений никто из депутатов решительно не имел, и слухи, в сем смысле распушенные, суть чистейшие клеветы. По окончании занятий в губернских комитетах члены их пожили в своих деревнях, убедились в невозможности удержать крепостное право, в необходимости разрешить вопрос в скорейшем по возможности времени — и приехали в С.-Петербург с искренним желанием помочь правительству в установлении нового порядка вещей в сельском быту, на прочных основаниях. К сожалению, не все замечания и ответы депутатов были изложены с надлежащим спокойствием и умеренностью. Некоторые депутаты воображали, что резкость выражений есть лучший довод против предположений Редакционных комиссий. Этим они много повредили делу и доставили комиссиям против себя оружие.

Знаю, что некоторые люди сочтут мои слова пристрастными. Как большинству депутатов члены Редакционных комиссий казались людьми, желающими разорить дворянство и заклятыми чиновниками, так и депутаты представлялись большинству членов Редакционных комиссий крепостниками, приехавшими отстаивать только свои губернские положения и одни интересы дворянства в самом тесном

их смысле. Неправы в этом были и те, и другие. Хотя Редакционная комиссия, при постановлении своих замечаний, уклонилась во многих случаях, в ущерб дворянства, от требований справедливости, не следовало, однако, упускать из вида, что она, имевши перед собою проекты губернских комитетов, где по большей части мало обращали внимание на интересы крестьян, была в обязанности защитить последних; что произвольные действия первой были вызваны столь же произвольными действиями комитетов; и что, стало быть, депутаты должны были винить в том не одну Редакционную комиссию, но и себя самих или свои комитеты. С другой стороны, Редакционная комиссия, исполненная гнева против губернских положений, видела в депутатах только представителей этих проектов и не хотела обратить внимания на то, что в Петербурге члены от большинства и меньшинства действовали заодно, что не последние перешли на сторону первых, а наоборот, и что вообще депутаты были весьма умеренны в своих мнениях и действиях. Главная причина всех этих недоразумений заключалась не в депутатах и не в членах Редакционной комиссии, а в несчастном обстоятельстве воспрещения депутатам иметь официальные собрания. Если б им дозволено было иметь отдельные официальные собрания, то их действия были бы явны, всякие клеветы были бы невозможны, и депутаты в своих выражениях были бы осмотрительнее и воздержнее. Если бы депутатов соединили с членами Редакционной комиссии, то непременно произошло бы слияние, составилось бы большинство умеренное, и вышли бы положения равно удовлетворительные для помещиков, для крестьян и для государства. Вместо того, что случилось? Между депутатами распространились слухи самые тревожные: говорили, что инструкция для них составлена в Редакционной комиссии, с целью подавить их деятельность; что имели в виду эту бюрократическую проделку сбыть их поскорее с рук и унижить в глазах России; что государь, спрашивая у каждого депутата, где кто служил, имел в виду дать дворянству почувствовать, что оно есть только служилое сословие, не больше; что назначение огромных крестьянских наделов имело целью окончательное уничтожение дворянства; что министр внутренних дел и председатель Редакционной комиссии сообща представили государю депутатов в виде строптивых, упорных крепостников, с которыми необходимо разделаться à la Pierre le Grand⁸², и проч. Сверх того, известие, что труды Редакционных комиссий⁸³ печатаются в количестве

8 или даже 12 т(ысяч) экземпляров и должны быть пущены в продажу по дешевой цене, с целью сделать невозможными большие изменения в предположениях комиссий, — это известие чрезвычайно тревожило большинство депутатов, видевших в такой мере изощрение топоров против них, против их семейств и собратий. Эти слухи, с разными прибавлениями и комментариями, все более и более раздражали депутатов: к их успокоению нимало не способствовали действия Редакционной комиссии; а потому должно скорее дивиться благоразумию и умеренности депутатов вообще, чем пользоваться неосторожностями, резкостями и выходками отдельных лиц и возводить на таком основании обвинения против всех. Но как на депутатов возведены, и притом с разных сторон, тяжкие обвинения, то и не могу пройти их молчанием.

Редакционная комиссия обвиняла депутатов в том, что они приехали с враждебными против нее предубеждениями, что ожесточение сих членов, во время их пребывания в С.-Петербурге, росло и усиливалось и что они всеми силами домогались уничтожения Редакционной комиссии. В этом обвинении хотя много преувеличенного, но есть и доля правды. Что большинство депутатов не могло благосклонно относиться к Редакционной комиссии, это вполне справедливо. Во 1-х, состав Редакционной комиссии внушал вообще к ней мало доверия: в ней заседали преимущественно чиновники, которых хотя и замаскировали званием помещиков, но это никого не обманывало; напротив, это еще усиливало недоверие к комиссии. Сверх того, туда призваны были большею частью члены меньшинства губернских комитетов, а из членов большинства там заседало только двое или трое. Во 2-х, кто беспристрастно прочел труды комиссии, кто вник в смысл ее главных постановлений и обратил внимание на ее заключения, прямо направленные против помещиков, тот, конечно, найдет нерасположение депутатов к Редакционной комиссии вполне естественным, даже обязательным. Можно и должно было противодействовать положениям губернских комитетов, назначивших для крестьян недостаточные наделы, установивших странные оценки усадеб, удержавших многие принадлежности крепостного права, и проч.; но Редакционная комиссия не исправила недостатков, замеченных в губернских проектах: она просто-напросто отставила их совершенно в сторону, сочинила свои собственные предположения и при этом мало заботилась о правах помещиков, а считала их до-

стояние материею, из которой следовало выкроить крестьянское благосостояние. Похвально и необходимо содействовать этой благой цели, но справедливость должна быть главною руководительницею при начертаниях законодателя. Если люди сторонние дивятся увлечениям Редакционной комиссии, если многие из собственных ее членов выражают во всеуслышание свое с нею несогласие и рассказывают, какими способами добывалось видимое единодушие в ее постановлениях, если самые ревностные защитники крестьянских прав и интересов не решились следовать за нею во всех ее предположениях, то как же винить депутатов вообще, поверенных, если не от дворянства, то от дворянских комитетов, в том, что они не с благодарностью приняли, во имя дворянства, заключения комиссии, которых последствием должно быть обеднение и унижение всего их сословия? Нет! депутаты должны были дружно стать против Редакционной комиссии, указать энергически ее заблуждения и заявить правительству, что ее заключения не только уничтожают значение дворянства как землевладельца, но усиливают, быть может, вопреки ее желанию, то, что всего ненавистнее в России, — чиновничество. Депутаты это исполнили по совести; теперь предстоит правительству воспользоваться их полезными указаниями и дать предпринятому преобразованию направление, соответствующее общим потребностям нашей земли. Что касается до последней части обвинения, то это чистая клевета; депутаты вовсе не домогались уничтожения комиссии, во 1-х, потому, что они все глубоко сознавали необходимость скорейшего разрешения крестьянского вопроса и, вследствие того, не могли желать, чтоб начертание положений перешло в новые руки, а во 2-х, потому, что никто из них не искал навалить на себя ответственность по такому делу, которое захватывает самые живые и существенные интересы не только двух сословий, но и всего государства, и которое, как бы оно разрешено ни было, не может не возбудить, в большей или меньшей степени, неудовольствие и крестьян, и того сословия, к которому депутаты принадлежат.

Еще Редакционная комиссия обвиняла депутатов в том, что они, оставаясь на почве своих губернских положений, не хотели никак податься вперед и думали только о том, как бы отстоять интересы своего сословия. Очень естественно, что депутаты старались защищать свои губернские положения; ибо для того они и были присланы с С.-Петербург; но несправедливо, что они не хотели податься вперед:

представленные ими замечания доказывают противное. Конечно, они не могли подняться до точки стояния Редакционной комиссии, для этого им следовало бы перестать быть представителями, поверенными, почти членами своего сословия и сделаться чиновниками, теоретиками и проч. Это было для них тем невозможнее, что многие эксперты и даже некоторые депутаты от министерств далеко не одобряли предположений комиссии и радовались, что ее заключения встречали единодушное сопротивление со стороны депутатов. Что последние защищали интересы своего сословия, это весьма естественно вообще и совершенно необходимо при том положении, в которое Редакционная комиссия ставила дворянство. Почему в губернских комитетах были большинства и меньшинства, почему там многие старались оградить крестьян от притеснительных предположений комитетов, почему там некоторые люди не боялись противодействовать своему сословию, оставаясь верными убеждениям, в силу которых крестьяне получали свободу с землею и на безобидных условиях? Почему же в Петербурге таковое отношение членов друг к другу изменилось, несмотря на то, что представители всех проектов были призваны? Предоставляю решение этих вопросов размышлению Редакционной комиссии. Если из 38 депутатов никто не стал на ее точку, то это должно что-нибудь да значить.

Еще одно обвинение со стороны Редакционной комиссии возводится на депутатов. Говорят, будто они строили против нее козни, входили в сношения с высшими государственными сановниками с целью ее низвергнуть и принимали участие в разных интригах и злоумышлениях. Не знаю, были ли какие-либо ковы и злоумышления со стороны высших сановников против Редакционной комиссии; не знаю, был ли кто из людей, носивших звание депутата, в сношениях с ними, имея целью ее низвергнуть; темна чужая душа; но я знаю положительно, что депутаты, как таковые, как депутаты, не принимали участия ни в каких кознях и ковах против Редакционной комиссии и что они не были в сношениях ни с кем из высших сановников. Я участвовал во всех общих совещаниях депутатов, был с ними в коротких, товарищеских отношениях и могу положительно сказать, что ни слова не было говорено ни о каких-либо заговорах против Редакционной комиссии, ни о том, чтоб войти в сношения с высшими государственными сановниками с какою-либо особенною целью. Мы предполагали ехать в мундирах представиться председателю

Государственного совета и Главного комитета по крестьянскому делу. Но князь Орлов⁸⁴ отклонил это представление.

Не было никакой иной, ни тайной, ни явной попытки привлечь на свою сторону высших сановников; и с их стороны также не было к нам никаких засылок или внушений.

Не могу умолчать и об обвинениях, высказываемых против депутатов со стороны дворянства. Оно укоряет их в том, что они не решились прямо и откровенно высказать правду государю и указать, куда ведут предположения Редакционной комиссии. Это обвинение не лишено некоторой основательности, хотя при этом много упущено из вида. Депутаты первого призыва боялись излишнею поспешностью и некоторою резкостью более повредить, чем пособить делу. Всем известны полная благонамеренность и доброта души царствующего императора. Депутаты знали, что, действуя смело и решительно, они не подвергали себя опасности; но они боялись употребить во зло благодушие императора, оскорбить его и тем повредить делу. К тому же депутаты от дворянства являлись в первый раз по вызову правительства; как им действовать, как слова их будут приняты, в какие отношения к ним станет правительство — все было неизвестно. При таких обстоятельствах умеренность и спокойствие были необходимы. По этой причине большинство депутатов в своих ответах, замечаниях, письменных и словесных отзывах и особенно в адресе имело постоянно в виду избегать всего, что может раздражить, и старалось высказывать свои мнения в самых вежливых и примирительных выражениях. В подтверждение этого ссылаюсь на бумаги, поданные в Редакционную комиссию от большинства депутатов. К сожалению, некоторые из них дозволили себе выходки, неумеренные колкости и шутки. Ими воспользовались некоторые члены Редакционной комиссии, много об них говорили и старались накинуть ими невыгодную тень на действия депутатов вообще. В сношениях депутатов с Редакционной комиссиею было только два случая размолвки, и они возведены были на степень истории. Первый случай состоял в следующем: один член Редакционной комиссии выразился в заседании насчет Ярославского комитета не совсем уважительно; член оногo счел долгом вступить и объявил, что за сим он не считает возможным оставаться в заседании. Председатель хотел дело уладить и предложил члену Редакционной комиссии точнее объяснить свою мысль; но последний, не находя в своих словах ничего оскорбительного для

Ярославского комитета, повторил прежде им сказанное; тогда депутат счел долгом удалиться из заседания. Другой случай: как Редакционная комиссия приглашала депутатов в свои заседания только ради формы, т. е. для исполнения 7 пункта инструкции и как происходившие в комиссии объяснения не оставляли никаких следов, то один депутат почтительно просил председательствующего члена Редакционной комиссии о том, чтоб вопросы предложены были ему на бумаге, обещая на бумаге же дать и ответы, или же, чтобы записывались в журнал как делаемые ему вопросы, так и его ответы. Ему было в том отказано, и он удалился из заседания. Не оправдываю в обоих случаях ни депутатов, ни Редакционной комиссии: ибо если первые были, может быть, слишком требовательны, то последняя роняла вовсе значение правительства и свое собственное, превращая исполнение пункта высочайше утвержденной инструкции в чистую бюрократическую проделку; но должен сказать, что оба случая совершенно ничтожны и что никак не следовало жаловать их в чин историй, а тем менее скандалов.

Второе обвинение против депутатов со стороны дворянства заключается в том: почему они не сошлись между собою, к чему было исписывать до 2000 листов, и отчего они не действовали единодушно и не высказали своих требований единогласно? В этом обвинении много справедливого; но необходимо принять в соображение обстоятельства, при которых происходили занятия депутатов. Дело об освобождении крестьян затрагивает самые существенные интересы дворянства и возбуждает в высшей степени страсти его членов. К тому же три года тому назад об уничтожении крепостного состояния мало думали, еще менее говорили и почти вовсе не писали. Как же требовать, чтобы люди, съехавшиеся из разных краев России, защитники разнородных, даже противоположных интересов, представители различных мнений и лично друг друга не знавшие, разом сошлись, сделавши один другому все необходимые уступки, и, отказавшись от некоторых личных воззрений, пошли одним путем и заговорили одним языком? Нет, такое единодушие было невозможно, и если, в краткий срок своего пребывания в Петербурге, депутаты сошлись между собою в некоторых главных основаниях, то и это уже заслуга с их стороны: кому неизвестно, что во всех совещательных собраниях первые месяцы проходят в том, что члены между собою знакомятся, стараются сблизиться, и что общее мнение составляется только

после многих совещаний и баллотировок? Как же можно упрекать депутатов в том, что они, увидевши друг друга, не сошлись внезапно все в мнениях и не составили одной плотной массы? И то по многим губерниям произошли в Петербурге явления неожиданные: люди, которые в губернских комитетах в течение 6, 7 и 8 месяцев между собою боролись и которых проекты были весьма различны, согласились между собою и стали говорить в один голос. Депутаты исписали, конечно, много бумаги, но что же было делать? Они просили официальных совещаний: в этом им было отказано. На частных совещаниях не только каждое мнение имело свою самостоятельность, но даже каждый способ выражения мог быть сохранен, ибо мнения депутатов велено было подавать особо от каждого лица или от каждой губернии. Как же мне подписывать от своего имени то, с чем я вполне не согласен, и в том виде, в каком я не совсем одобряю? При официальных заседаниях решало бы большинство, и частные мнения явились бы только в виде исключений, или составились бы два, три мнения. При частных совещаниях это было невозможно.

В заключение скажем: задача, предлежавшая депутатам первого призыва, была затруднительна по неопределенности их положения и по неизвестности отношений, в какие станет к ним правительство. Задача, предлежащая депутатам второго призыва, еще щекотливее. Редакционная комиссия доказала, что она смотрит на призыв и дело депутатов как на бюрократическую формальность. Высшее правительство уклонилось и не имело с ними никаких сношений. Неужель эта странная проделка еще раз повторится? Это невозможно. Что же сделает правительство в отношении к новым депутатам? Как поступят имеющие съехаться депутаты в отношении к правительству? Не осмеливаемся отвечать на эти вопросы, но умоляем и тех, и других быть, по возможности, умеренными и стараться сблизиться, а не расходиться еще более. При излишних требованиях и неосторожных выходках со стороны депутатов Редакционная комиссия усилится, предположения ее чрез то значительно окрепнут, и высшее правительство, не одобряя их вполне, но, не имея также, чем их заменить, будет в необходимости утвердить проекты, представленные Редакционной комиссией. Если сия последняя дозволит себе те же действия, которые, внезапно совершенные, отчасти удались ей при первом призыве, то депутаты дружно сомкнутся, и правительству придется одному приводить в исполнение новое, никем не одобряе-

мое положение. Не думаю, чтоб возможно было устроить новый порядок на прочных основаниях, при уклонении всего дворянства от участия в этом деле. Наша крепкая надежда — на государя, которого благодущие и мудрость должны спасти Россию от увлечений, от посягательств, с одной стороны, и от сомнений, опасений, уклонений и сопротивлений, с другой стороны. Мудро и благовременно начатое — да совершится не к обиде кого-либо, а ко благу всех.

2-го декабря 1859 года

P. S. В журнале общего присутствия Редакционных комиссий от 4 ноября 1859 года содержится нижеследующее: «Ныне все гг. члены первого приглашения, вызванные от губернских комитетов, мнения свои по работам комиссий для составления положений о крестьянах уже представили; но, к крайнему для нас сожалению и затруднению, гг. члены губернских комитетов не только не пришли друг с другом к соглашению, но разъединились между собою даже в главных началах, на коих должна быть основана реформа, и составили таким образом несколько групп».

«Мнения эти образовали такую громадную массу, что рассмотрение оных увеличивает работу комиссий по крайней мере вдвое. Я сделал уже распоряжения, чтобы составить каждому из гг. членов комиссий возможность прочесть все эти мнения, но для сего понадобится немало времени».

Спрашивается: добросовестно ли изъявлять подобные сожаления и возводить такие обвинения?

«Члены губернских комитетов не пришли друг с другом к соглашению». — Но не были ли приняты все нужные меры к получению такого результата? Для чего воспрещены депутатам официальные собрания? Для чего вменено им в обязанность подавать замечания или отдельно от своего имени, или по губерниям, но отнюдь не совокупно, за общим подписом? Как винить людей в том, что они не сошлись, когда их лишили всяких к тому вспомогательных средств? — Для чего при совещаниях нужна официальность? Для того, чтобы члены обязаны были покоряться решению большинства, чтобы при взаимных уступках они могли приходиться к одному общему положению, чтобы в крайних случаях подавались, сверх того, одно, два, три отдельные мнения, а не высказывалось постоянно столько мнений, сколько

людей в собрании, и чтоб один обязательный порядок вел всех к одной цели. Депутаты были глубоко убеждены в пользе официальности для их совещаний; они просили о предоставлении им этого права, но им было в том отказано; а теперь ставят им в вину, что они не дошли до соглашений! Редакционная комиссия сама знает, что такое разногласия: для прекращения их в среде своей она прибегла к средству даже незаконному, т. е. к лишению членов права подписывать с особым мнением журналы общего присутствия, а равно и доклады отделений... Как же полагать, что депутаты, не избранные одним лицом, по тем или другим уважениям, а вызванные как представители самых разноречивых, даже противоположных проектов, съедутся, увидятся и во всем сойдутся! Даже наши мирские сходки, состоящие из людей по преимуществу единогодушных, приходят к единогласию только потому, что они обязаны обычаем составить один общий приговор. А депутатам сказано: подавайте свои мнения каждый отдельно и не смейте представлять их за общим подписом; разве, при этом условии, возможно было депутатам сойтись, сделать друг другу все нужные уступки не только в мнениях, но и в способах их выражения, и подать в 19 экземплярах (по числу губерний) одно и то же мнение? А если б такое чудо и совершилось, то не было ли бы оно еще сочтено за стачку? Нет! такое требование граничит с недобросовестностью, к которой Редакционная комиссия, при полноте своих прав, не имеет, кажется, нужды прибегать.

«Члены губернских комитетов разъединились между собою в главных основаниях и составили таким образом группы». Это обвинение еще страннее первого. Неужель кому-либо неизвестно, что все люди, имеющие мнение по крестьянскому вопросу, делятся на защитников освобождения крестьян с землею или без земли, и на сторонников освобождения с выкупом обязательным или добровольным, или вовсе без выкупа! Все дворянство в этом отношении распадается на несколько самых разноречивых партий. Да и в самой Редакционной Комиссии имеются, кажется, довольно яркие образцы подобных разногласий. Как же было думать, что депутаты, представители каждый своего проекта, могли приехать в С.-Петербург или с мнениями совершенно одинаковыми, или вовсе без мнений? Как могли они не быть отголосками общественного мнения и потому сторонниками самых противоположных мнений? Следовательно, депутаты не разошлись между собою в главных основаниях и не составили вследствие того

групп, а напротив: они сошлись между собою в главных основаниях и потому составили группы. Самое сильное разъединение в мнениях было до приезда депутатов в С.-Петербург и до начала их бесед; а в С.-Петербурге, вследствие бесед, состоялись между депутатами некоторые соглашения, и потому сделалось возможным образование групп. Прискорбно, истинно прискорбно, что не допущены были официальные собрания депутатов: неминуемо составилось бы между ними большинство плотное, либеральное, умеренное, которое значительно помогло бы правительству в разрешении многотрудной, ему предлежащей задачи, и явило бы миру великий пример благоразумия и несебялюбивого расчета, устрояющих на прочных основаниях благо двух сельских сословий.

«Мнения членов губернских комитетов образовали такую громадную массу, что рассмотрение их увеличивает работу комиссий по крайней мере вдвое». — Депутаты это знали вперед; *il ne fallait pas être prophète pour le savoir*⁸⁵.

Они это изложили в своем письме к председателю и преимущественно на этом основании просили о дозволении им иметь официальные собрания. Редакционная комиссия жалуется, что ее труды увеличиваются, по крайней мере, вдвое от огромной массы бумаг, исписанных депутатами. Это — еще не беда: комиссия уже доказала свое умение по части сокращений и выписок из губернских проектов; а потому она легко управится и с мнениями депутатов; но есть беда другая, несравненно большая и вполне действительная: государю императору благоугодно было удостоверить депутатов, что их мнения, согласные с мнением Редакционной комиссии, войдут в положение; все же остальные будут представлены в Главный комитет и дойдут до сведения его императорского величества. Как исполнить это высочайшее обещание? Вот о чем должна быть забота; вот о чем должны крепко подумать добросовестные советники царские.

Председатель объявляет, «что им уже сделаны распоряжения к тому, чтобы доставить каждому из членов комиссии возможность прочесть все мнения депутатов». Напечатание этих мнений есть, конечно, вещь весьма полезная и нетрудная; за типографиями, вероятно, остановки не будет; но прочтение трех толстых томов, которые составятся из ответов и замечаний депутатов первого призыва, будет трудом менее легким. Как бы все дело не ограничилось одним напечатанием!

Вышеприведенные пятнадцать строк из журнала 4 ноября содержат в себе, для депутатов второго приглашения, новое и весьма сильное побуждение к единогласию. Теперь уже настает для них крайняя надобность в том, чтобы, отложив в сторону все личные воззрения и даже местные хозяйственные соображения, они соединили все свои усилия к опровержению одних главных начал, принятых Редакционной комиссией, начал, долженствующих почти уничтожить значительные землевладельцев, породить борьбу между ними и земледельцами, сделать необходимыми частые вмешательства власти в дела сельские, и тем еще усилить в России ненавистную для всех бюрократию. От души желаем, чтоб это воззвание, бессознательно обращенное Редакционной комиссией к новым депутатам, было на сей раз не гласом вопиющего в пустыне.

«8 декабря 1859.

Государственная канцелярия.

ОТДЕЛЕНИЕ ДЕЛ

ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ.

1-го августа 1859 г. № 368.

Господину председателю Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.

По высочайшему его императорского величества повелению, последовавшему в сентябре 1858 года, губернские комитеты, учрежденные для составления Положений об улучшении быта помещичьих крестьян, должны выбрать из среды себя двух членов для представления высшему правительству всех тех сведений и объяснений, кои оно признает нужным иметь при рассмотрении составленных губернскими комитетами проектов*.

По случаю прибытия в скором времени сюда членов, избранных некоторыми губернскими комитетами, государь император, приняв во внимание как изложенную выше цель их вызова, а также, что общие начала по крестьянскому делу указаны высочайшими рескриптами, программой и высочайше утвержденными журналами Главного комитета, местным же комитетам было высочайше предоставлено применение общих начал к особенностям каждой губернии, изволил признать необходимым определить образ

---

* Замечательно тут отступление от первоначальных слов высочайшего повеления. Там в отношении г. министра внутренних дел было сказано: при окончательном обсуждении и рассмотрении каждого проекта.

действий как председателя Редакционных комиссий для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, так и членов, избранных губернскими комитетами, сообразно с упомянутым, высочайше уже указанным, распределением действий.

В сих видах его императорское величество соизволил высочайше повелеть руководствоваться по этому делу следующими правилами:

1. Председатель Редакционных комиссий должен, прежде всего, истребовать от каждого из вызванных членов местные сведения и объяснения по таким вопросам, которые возникли впоследствии, уже при разработке крестьянского дела, в некоторых лишь губернских комитетах или в самых Редакционных комиссиях, а потому не могли еще быть окончательно развиты сими последними (по образцу всех докладов трех отделений) прежде пополнения первоначальных необходимых для того материалов. Сюда относятся:

а) Практические указания на меры к охранению владельческой поземельной собственности (особенно помещичьих лесов) от умышленной порчи, похищений и пожаров; о порядке заключения условий по вольному найму и об обеспечении надежного выполнения оных.

б) Местные данные о том, в каких размерах понадобятся межевые средства для скорейшего разграничения угодий, предоставляемых за повинность в пользование крестьян, от прочих земель и угодий.

в) Ближайшие соображения о порядке и условиях обращения промышленных сел в посады или местечки.

г) Практические данные о средствах пополнения и сохранения в целости сельских хлебных магазинов, а также о возможном сокращении формальностей при освежении хлеба или раздаче оного в ссуду с соблюдением, однако же, нужных предосторожностей.

д) Необходимые данные для введения между крестьянами взаимного страхования от огня, градобития и других неожиданных несчастий.

е) Соображения по ходатайству некоторых губернских комитетов о предоставлении лицам, принадлежащим к потомственному дворянству, права приобретать населенные имения без всяких ограничений; и

ж) Предварительные соображения о порядке добровольных соглашений между владельцами и крестьянами относительно выкупа последними поземельных угодий в собственность.

2. По доставлении членами губернских комитетов ответов на все означенные, еще не разработанные вопросы, председатель Редакционных комиссий предьявляет каждому из сих членов труды комиссий уже разработанные, собственно по проекту Положения о крестьянах; причем, для успешнейшего и удобнейшего окончания всего дела и для облегчения самих членов, должны, по сему проекту, быть предложены им и вопросы, по коим

требуются от каждого члена местные сведения и объяснения. Работы комиссий собственно по проекту положения, вместе с извлеченными из оных вопросами, предъявляются, по усмотрению председателя, или по каждому из трех отделений комиссий порознь, или все совокупно.

3. Председателю предоставляется, независимо от указанных выше вопросов, пригласить вызванных членов к доставлению и всех тех местных данных и соображений, какие еще окажутся необходимыми при дальнейшем ходе работ.

4. Так как сущность работы вызванных членов заключается, по высочайшему указанию, собственно в применении общих правил к особенностям каждой губернии, то каждый член представляет особый, по своей губернии, письменный ответ на каждый вопрос отдельно, или члены одной губернии дают ответы за общим подписанием.

5. Каждый из вызванных членов не обязывается излагать, ни в полном, ни в систематическом порядке, отображения по предложенным им вопросам; он может ограничиться хотя бы только и отдельными заметками; но для точного выполнения высочайшей воли необходимо, чтобы представляемые ответы основывались на местных данных и, по возможности, на положительных фактах как бывших в виду губернских комитетов, так и лично известных каждому члену, который, при изложении своих ответов, не обязан стесняться комитетскими постановлениями.

6. Если применение общих правил к местным обстоятельствам вызовет какие-либо особые соображения, то каждому из вызванных членов предоставляется, после доставления положительных ответов на предложенные вопросы, представить председателю Редакционных комиссий и означенные соображения.

7. При получении ответов председателю предоставляется, по своему усмотрению и по мере надобности, приглашать, для словесных объяснений членов одной губернии или нескольких вместе, согласно с 10-м пунктом высочайше утвержденного 26 октября 1858 года журнала Главного комитета по крестьянскому делу.

8. Дабы не останавливать дальнейшего движения работ по Редакционным комиссиям, председателю оных вменяется в обязанность наблюдать, чтобы все необходимые сведения и объяснения были доставлены от членов губернских комитетов не позже одного месяца со дня предъявления им первых вопросов.

9. По получении председателем Редакционных комиссий всех необходимых сведений и объяснений занятия вызванных сюда, избранных губернскими комитетами членов считаются оконченными, и председатель извещает о том министра внутренних дел.

10. Все без исключения ответы членов как ныне вызванных, так и тех, кои будут вызваны впоследствии, вместе с заключениями по оным Редакционных комиссий, представляются на обсуждение Главного комитета по крестьянскому делу, одновременно с проектом Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. В проект этот должны быть включены все соображения вызванных членов, которые будут приняты Редакционными комиссиями.

О таковой высочайшей воле я имею честь сообщить Вашему превосходительству для надлежащего распоряжения к ее исполнению, уведомив об оной и г. министра внутренних дел, для его сведения.

Подлинное подписал: Государственный секретарь В. Бутков⁸⁶

Скрепил: Исправляющий должность статс-секретаря С. Жуковский.

ЧТО ТАКОЕ РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО И ЧЕМ ОНО БЫТЬ ДОЛЖНО?

I

Нельзя не поблагодарить «День»⁸⁷ и за возбуждение, и за правильное постановление вопроса о прошедшем, настоящем и будущем значении дворянства у нас на Руси. Ведь это для нас не только вопрос жизни или смерти, но и злоба дня сего, даже настоящего часа.

Необходимо нам повнимательнее вникнуть в этот вопрос, оценить без предубеждений наше настоящее и, отложив в сторону и барскую спесь, и барскую лень, и предрассудки всякого рода и происхождения, спросить себя откровенно: чем же мы должны быть в будущем?

Мы не станем говорить об историческом значении дворянства; эта сторона вопроса весьма верно, хотя кратко, однако вполне удовлетворительно разъяснена в передовой, нами в Приложениях перепечатываемой, статье «Дня»; здесь мы рассмотрим нынешнее положение дворянства и осмелимся представить на суд наших сограждан, несколько мыслей насчет того, чего мы должны ожидать от будущего.

Многие толкуют о дворянстве, о поддержании его сословной самостоятельности, о сохранении его прав и преимуществ; но знают ли эти многие, что такое дворянство по той грамоте, которою они гордятся? Это определение, от слова до слова, перешло в Свод законов, т. IX. ст. 14, изд. 1857 года, и вот оно:

«Дворянское *название* есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами; чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему *нарицание* благородное».

---

* Эта статья написана была, в декабре 1861 года, по поводу вопроса, возбужденного в то время газетою «День», в статье И. С. Аксакова под заглавием: «Дворянское дело». Хотя с тех пор многое изменилось, однако дело дворянское осталось неразрешенным; а потому думаем, что эта статья, напечатанная в первый раз в Лейпциге в 1862 году, еще не утратила смысла. Мы позволяем себе сделать к ней несколько замечаний, в которых мы указываем изменения, происшедшие в положении этого дела. В следующей статье мы излагаем наши мысли о нынешнем состоянии этого вопроса и о мерах, необходимых, по нашему мнению, к окончательному его разрешению. С дозволения И. С. Аксакова, мы перепечатываем, в Приложениях под № II, вышеупомянутую его статью.

В статье 2-й того же тома сказано:

«В составе городского и сельского населения по различию прав состояния различаются законом четыре *главные рода людей*; 1) дворянство, 2) духовенство, 3) городские обыватели и 4) сельские обыватели».

Следовательно, нигде дворянство даже не названо сословием, а просто состоянием; какую может оно иметь самобытность, когда всякий имеет право в него входить, без его ведома и согласия! Что это за аристократия, которая считает своих членов сотнями тысяч, и в которой, по крайней мере, четыре пятых не имеют куска насущного хлеба.

Дворянство, и по закону, и на самом деле, есть только состояние — название — нарицание.

Но, быть может, с этим состоянием, названием, нарицанием соединены какие-либо значительные права и преимущества? Откроем тома IX и III, и посмотрим, что они нам представляют.

1) Дворяне каждой губернии составляют отдельное общество (т. IX, ст. 88).

Но и купцы, и мещане, и крестьяне имеют свои отдельные общества, пользуясь над дворянами тем преимуществом, что они живут вкупе и имеют свои местные интересы, а дворяне каждой губернии рассеяны по всей Империи и общего между ними лишь одно название; общих же дел местных они никаких не имеют.

2) Дворяне имеют право для совещания по общественным своим делам составлять собрания (ст. 90). Обыкновенные собрания бывают чрез три года, в определенное время, с дозволения и по распоряжению начальника губернии (ст. 92). — Для производства выборов и прочих дел назначается до пятнадцати дней (т. III. Устав о службе по выборам, ст. 116). — Чрезвычайные собрания составляются по созыву губернского предводителя дворянства с разрешения начальника губернии (т. III, ст. 95).

И эти права имеют люди прочих состояний в государстве, с тою только разницею, что староста может, во всякое время, созвать крестьян на сходку, не спрашиваясь кого бы то ни было; а уездный предводитель не вправе собрать своих дворян даже в уездное собрание, не получивши на то предварительно разрешения от начальника губернии.

3) Дворянство имеет право совещаться о своих нуждах и пользах, представлять об оных чрез губернского предводителя начальнику губернии и министру внутренних дел, а в случаях важных приносить всеподданнейшие прошения Императорскому Величеству (т. III, ст. 112).

Это право, конечно, весьма значительно, но должно ли оно оставаться исключительным преимуществом дворянства? Не следует ли его распространить на все прочие состояния? Возможно ли лишить какое-либо общество права совещаться о своих нуждах и пользах, и доводить о том, по начальству, до сведения высшего правительства. — Всякий в Русском царстве имеет право, лично или по почте, подать Государю свое всеподданнейшее прошение; неужели совокупность отдельных личностей, — общество, — будет лишено этого права? Нет! такое ограничение не согласно ни с духом времени, ни с духом правительства, положившего конец крепостной зависимости людей.

4) Дворянство имеет право выбирать не только своих предводителей, депутатов и прочих служащих по делам исключительно дворянским, но и председателей палат, совестного судью, уездных судей, земских исправников и заседателей разных палат и судов.

Очевидно, что это право после обнародования Положений 19 Февраля 1861 г. не может оставаться исключительно принадлежностью дворянства. Председатели, судьи и заседатели судят не одних дворян, а исправники распоряжаются не их одними делами; прежде мы были владельцами крестьян, представителями всего огромного сельского населения; теперь крестьяне сделались самостоятельным состоянием. Следовательно, назначение сих должностных лиц на будущее время от нас одних зависеть не может. Они будут или избираться всеми сословиями, или назначаться правительством. Не раз говорили, что последний способ замещения всех судебных и полицейских должностей имеет быть принят; мнение о выгодах подобного назначения поддерживается и доселе многими бюрократами. Теперь это мнение, кажется, устраняется предположением предоставить выбор всех поименованных должностных лиц не одному дворянству, а всем сословиям, чьи дела ими производятся. И справедливость, и практическая польза, даже необходимость, говорят за это мнение. Отстаивать противное — значит работать в пользу мнения бюрократов; и проявление узкоэгоистических сословных домогательств может нас лишить даже участия в деле, которым одни мы теперь заведовать не можем, и которое

в соединении с лицами других состояний, мы можем лучше справиться, чем правительство в пространном нашем государстве*.

5) Дворянские депутаты вместе с депутатами от городов участвуют в рассмотрении сметы и учинении раскладки земских повинностей (т. IX, ст. 100).

Крестьяне, участвуя в платеже земских повинностей, не могут теперь не участвовать, чрез своих депутатов, и в рассмотрении смет, и в учинении раскладки сих повинностей. Это очевидно, и не требует никаких доказательств**

6) Российскому дворянству дарована навсегда и в потомственные роды свобода вступать в общую государственную службу, без принуждения к оной, разве бы востребовала того особливая надобность, именным Высочайшим указом ознаменованная (ст. 188). Дворянам, в прохождении службы военной и гражданской, а также и службы по выборам, предоставляются особенные права, в Своде военных постановлений и уставах о службе гражданской подробно исчисленные (ст. 196).

Мы можем служить и не служить; имеем право поступать на службу и выходить в отставку; но не от нашего ли сословия состоит всего более людей на государственной службе? Даже в военной службе дворян более, относительно численности нашего состояния, чем крестьян и мещан, обязанных отправлять рекрутскую повинность. Следовательно, вольность дворянства, в сем случае, есть только мнимая. Что же касается до преимуществ по службе, то мы ими более обязаны нашему образованию, чем нашему происхождению. Дверь на службу, чрез университеты, гимназии и разные учебные заведения

---

* Из этого многое исполнилось, а остальное изменилось. Мировые судьи избираются земством; а председатели и члены общих судов назначаются правительством; исправники и прочие члены земской полиции также назначаются правительством. Против таких изменений мы теперь нимало не возражаем. Земство, пользуясь правом избрания мировых судей и участвуя, в лице присяжных заседателей, в решениях по уголовным делам в окружных судах, получило все то, что теперь может быть ему предоставлено; и затем назначение членов общих судов удержано и должно быть удержано правительством за собою. Земство заведует хозяйственными делами уезда и губернии чрез земские управы; собственно полицейская расправа должна, по крайней мере теперь, принадлежать общей администрации.

** Это также изменено: сметы на уездные и губернские потребности и отчеты в израсходованных по этому предмету суммах составляются земскими управами, а рассматриваются и утверждаются земскими собраниями.

отперта для всех сословий. Мы по преимуществу в нее входим, потому что мы, независимо от нашего дворянского достоинства, всего более имеем к тому средств и охоты; преимущества же наши по происхождению теперь почти не существуют: и человек, освободившийся от крепостной зависимости, образовавшийся в университете и получивший там степень кандидата или магистра, имеет, и по справедливости должен иметь, преимущество над плохо учившимся дворянином, хотя бы потомком самого древнего княжеского рода.

7) Дворяне судятся одними себе равными (т. IX, ст. 97). — Они свободны от телесных наказаний (ст. 199). — Они изъеются от личных податей (ст. 200).

Эти права суть права действительные; их мы должны удержать, но не как исключительные навсегда привилегии своего состояния, а как права, которых мы достигли прежде прочих, которые мы готовы распространить на всех, и которые необходимо должны сделаться достоянием каждого русского гражданина. Пусть право быть судимым себе равными становится принадлежностью всякого городского и сельского обывателя; пусть от телесных наказаний изъеется все большее и большее число людей; пусть личные подати переходят в косвенные налоги; все это в порядке вещей; все это так и быть должно. Не исключительным обладанием того, что должно быть правом каждого, может дворянство возвыситься и умножить свою силу, богатство и благосостояние. Времена, когда можно было жить на счет других, прошли и они уже возвратиться назад не могут*

---

* Пожелания, здесь изложенные, отчасти уже исполнены. Люди всех состояний судятся одинаково общими судами. Теперь крестьяне по маловажным делам гражданским и уголовным имеют привилегию быть судимыми одними себе равными; но они готовы отказаться от этой привилегии и весьма желают иметь право приносить на приговоры волостных судов жалобы мировым судьям. — Если воровство вещей, стоящих не свыше 30 руб., учинено крестьянином у крестьянина, то он судится своим судом и приговаривается или к штрафу, или к аресту не свыше семи дней, или к 20 розгам; если же воровство учинено дворянином, и украденный предмет стоит более 50 коп., то он судится общими судами и может быть заключен в тюрьму и лишен прав состояния. Едва ли дворяне постоят за эту привилегию. — Телесные наказания если еще вовсе не отменены, то они значительно сокращены. Можно пока их оставить относительно крестьян по приговорам их судов; но землевладельческое и городское состояния должны быть безусловно от него освобождены. — Замена личных податей иными, более справедливыми и более производительными, остается еще *pium desiderium*.

8) Помещичьи дома свободны от постоя (ст. 203).

Желательно, чтобы это преимущество было распространено на все сословия. Мы знаем, как тяжела эта повинность для крестьян: в свою единственную избу они должны поместить одного или нескольких чужих людей и делиться с ними часто последним куском мяса. А потому нельзя не желать, чтоб эта натуральная повинность была, в непродолжительном времени, обращена в денежную*.

9) Помещики допускаются к подрядам и поставкам на всякую сумму, без записки в гильдии. — Они имеют право, без записки в гильдии, продавать оптом и отпускать, чрез учрежденные таможи и заставы, собственные свои изделия и произведения своих хозяйств (ст. 204, 205 и 206).

Продажа собственных произведений должна быть свободною для всех землевладельцев, ибо с земли они уже заплатили подать, и требовать ее с них в другой раз было бы несправедливо.

Что же касается до прав вступать в запоряды, то им из дворянства пользуются весьма немногие. Если мы ставим в казну товары, нами скупаемые и перепродаваемые, т. е. если ведем торговлю, то должны и платить подати, с правом на оную сопряженные.

10) Дворяне имеют право учреждать в своих деревнях, без записки в гильдии, заводы и фабрики (ст. 205). Они пользуются также правом устраивать винокурные заводы и производить винокурение (ст. 207).

Право учреждать фабрики и заводы принадлежит людям всех сословий. Положения 19 Февраля 1861 года предоставляют это право и крестьянам. Все преимущество дворянства заключается в словах: *без записки в гильдии*. Важная ли это привилегия? Не следует ли, в видах государственных, поощрять учреждение фабрик и заводов вообще *вне городов*? А потому не должно ли распространить это преимущество на владельцев всех земель, состоящих в известном расстоянии от городов? Что касается до права винокурения, то оно, конечно,

---

* Необходимость освобождения крестьян и горожан от постоянной постоянной повинности становится с каждым днем все более и более настоятельною. Некоторые земские собрания уже высказались в этом смысле. Надобно думать, что правительство в видах как пользы войск, так и освобождения обывателей от этой тяжелой повинности не замедлит заменить ее казарменным помещением войск. Этого требуют и военная дисциплина, и улучшение быта солдат и офицеров, и уравнительное разложение этой повинности на все состояния государства.

важно, но этот закон нарушается ежедневно: купцы берут на аренду помещичьи заводы и курят от их имени, как будто от своего. Даже некоторые купцы покупают земли на имя дворян, устраивают там заводы, берут с собственников в свое обеспечение заемные письма или другие обязательства и пользуются правом винокурения, как будто статья 207 и не существовала. Следовательно, нет нам никакой надобности отстаивать это право, как преимущество дворян, а не землевладельцев вообще, и это тем для нас легче, что все-таки мы останемся землевладельцами по преимуществу*

Вот главные права и преимущества, коими доселе пользуются дворяне. Они, конечно, весьма и весьма незначительны. До 19 Февраля 1861 г. мы имели исключительное право владеть населенными имениями, крестьянами и дворовыми людьми; но это право — перл (хотя и далеко не безукоризненный) наших прав, теперь есть уже достояние истории; неужели мы будем отстаивать лоскуты нашего прежнего барского халата? Неужели мы захотим сохранить все невыгоды привилегированного состояния ради пустых преимуществ, с ним сопряженных? Неужели мы согласимся быть единицами посреди сельского населения и считаться чем-то особенным, вызывающим против нас и зависть, и вражду, ради только пустых, ничего существенного нам не дающих привилегий? Нет! мы чувствуем ежедневно все более и более бессилие нашего сословия; мы сознаем все яснее и яснее, что не имеем твердой почвы под ногами; и с каждым днем убеждаемся, тверже и тверже, что иное значение нас ожидает, и что к нему мы теперь обязаны устремить все наши усилия**

Какое же наше будущее назначение, и что должны мы делать для достижения его? — Это мы попытаемся указать в следующем отделе.

---

* Эта привилегия дворянства отменена указом от 29 октября 1868 года. Жаль только, что допущены исключения в пользу дворян Прибалтийских и Западных губерний.

** С 1861 года последовали значительные перемены. Дворяне-землевладельцы уже не стоят особняками; мы вошли в состав землевладельческого состояния и рядом с нами сидят и равными с нами правами пользуются личные землевладельцы из крестьян, купцов, мещан и духовенства. Мы не возбуждаем, слава Богу, ничьей зависти, ничьей вражды: завидовать нам не в чем, а дворянство, в большей части местностей, поставило себя так относительно других состояний, что все прочие состояния обращаются к нему за советами и с просьбами о защите и начинают иметь к нам чувства приязни и уважения.

II

Не без страха и трепета приступаем мы к продолжению нашей беседы. Мы, конечно, не думаем представить полные и окончательные ответы на вопросы, выше нами постановленные. Нет! Мы сочтем себя весьма счастливыми, если нам удастся хотя несколькими указаниями помочь нашему сословию в разрешении трудной задачи, ему предлежащей.

Можем ли мы образовать из себя настоящую аристократию?

Очевидно, нет; мы не имеем для того ни исторической почвы, ни средств в настоящем. Нас насчитывается до четырехсот тысяч душ обоюго пола. Из нас некоторые Рюриковичи, древнейшие дворяне; другие, и весьма многие, — дворяне со вчерашнего дня. Иные обладают огромными поместьями; другие не имеют куска насущного хлеба. Некоторые из дворян, по просвещению, не уступают наиболее образованным людям в Европе; но многие (и даже из древнейших фамилий) ходят в лаптях, своими руками пахут землю, и не знают русской грамоты. Из таких элементов нет возможности составить плотную, сильную аристократию. А дворянство сортировать, выбирать из него достойных, *лучших* — кто возьмется? и по каким признакам исключать? К тому же, аристократическое начало не в духе нашей истории, наших нравов и обычаев. Были у нас времена патриархальные; вывертывались промежутки олигархические; но никогда аристократия не играла у нас свойственной ей роли. Сверх того, аристократия в самых аристократических государствах теперь с каждым днем утрачивает все более и более своей силы; и там лишь жертвами, уступками, она искупает право на дальнейшее существование. То ли английский лорд теперь и тому пятьдесят лет назад? Главная сила теперь, в нижней палате, а верхняя — терпима как один из органов всеми любимой, всеми чтимой, всячески охраняемой народной, туземной, с многовековым обычаем сросшейся конституции. — В настоящее время создать, где бы то ни было, аристократию труднее, чем плыть против сильного речного потока, чем на парусах идти против ветра.

К счастью, такая мысль и не коренится в большинстве, в массе нашего дворянства; едва ли она составляет глубокое убеждение даже немногих из его членов.

Все, почти все чувствуют невозможность для дворянства оставаться отдельным привилегированным сословием и признают необходи-

мость соединиться с остальным народонаселением и, с ним вместе, составить живое, сильное, разумное целое.

Соединиться? Но как? В этом и вся великая, многотрудная задача!

Иные предлагают нам записываться в волости, в мирские общества. Мысль эта, с виду прекрасная, поэтическая; но как ее исполнить? Вдумайтесь в нее; представьте себе, что она узаконена, и попытайтесь ее привести в действие. Понятия, язык, нравы и обычаи у нас иные, чем у поселян; интересы наши, как личных землевладельцев, в весьма многом различны от интересов крестьян-общинников; как же мы можем составить с ними одно общество? Сверх того, попробуйте явиться, в качестве члена, на мирской сход; и чем вы там будете? Особняком, и притом смешным особняком. Вы можете делать и говорить что хотите, но на вас будут смотреть с недоверием, если не с явным смехом или негодованием. Старайтесь приравниваться к понятиям крестьян, входите в их виды и требования, оставьте в своем помещичьем доме излишнее ваше образование и привычки, с ним соединенные, а все таки крестьяне никак не сочтут вас за своего брата. Маскам вообще не верят; а русский человек, со свойственною ему сметливостью, с подозрительностью, порожденною в нем крепостным правом, и с здравым естественным умом, будет на замаскированного дворянина смотреть как на незваного гостя, который хуже татарина, и сочтет это за штуку, изобретенную дворянством, для возвращения себе обманом прав, утраченных им чрез освобождение крепостных людей. — Стоит себе представить приведение в действие приписки дворян к волостям или мирским обществам, и чувствуешь, что она невозможна. Эта мысль, очевидно, родилась вдали от действительного быта; она делает честь душе ее виновников, но на практике она совершенно неисполнима.

Как же нам соединиться с народом?

Откровенно, без всякого притворства, не умаяясь, сохраняя то, что имеем, пользуясь этим как можно полнее и разумнее, даже стараясь приобрести как можно более новых прав и значения; но всем этим пользоваться — не исключительно, не замкнуто-привилегированно, а с приглашением к себе всех желающих и могущих стать в наши ряды.

Мы должны оставаться землевладельцами, дорожить этим званием, смотреть на землю, как на главный, самый существенный источник силы; но обязаны приобщать к себе всякого владеющего или

приобретающего известный minimum земли на правах личной собственности. Таким образом, не мы пойдём в чужое общество, а к нам придут; не мы будем умяляться, унижаться, а входящие к нам будут стараться подниматься, возвышаться, и, приобретением поземельной собственности, сведений, опытности и проч., достигать между нами большего значения. Общины необходимы, они для нашего государства то же, что балласт для корабля — они обеспечивают ему устойчивость; в них разумный консерватизм; они навсегда устраняют от нас пролетариат; они — верный, всегдашний приют для огромной массы сельского населения. Но люди сильные, богатые не могут и не должны оставаться в общине; они там могут сделаться или деспотами, или жертвами общей зависти и недоброжелательства. Им должен быть открыт выход из общины и вход в другое сельское сословие. Принимая их в свои ряды, мы будем получать новые, здоровые силы из массы сельского населения; чрез них мы с ним соединимся, устроим, поддержим, умножим наши связи с самою крепкою, всего менее испорченною частью нашего народа. Мы будем не замкнутым сословием; не чрез чины — лестницу, по понятиям крестьян, для них не доступную, — можно быть одним из нас, но приобретением известного количества земли. Это понятие так сродно нашему сельскому населению, это ему так необходимо, что даже в нынешнем году приходили ко мне богатые крестьяне и спрашивали, куда бы им приписаться: к сельским обществам — да чем же мы там будем, — нас заедят: в мещане — в городские обыватели — туда записываться нам не приходится; нельзя ли нам остаться так — самим по себе? Сословие личных землевладельцев должно образоваться, оно не будет созданием теоретическим, откуда-то заимствованным; оно неотразимо требуется нуждами как дворянства, так и прочих землевладельцев, и потому оно быстро и естественно устроится. Оно будет сильно как потому, что в его руках сосредоточится всего более земли, и что оно будет иметь по преимуществу средства к образованию; так и потому, что оно будет в себя принимать лучших людей из окружающего народонаселения; что, чрез них, оно с ним свяжется, и, посредством их оно, наконец, победит то недоверие, которое народ питает к помещикам, как к сословию чиновному, как к классу бар, пользовавшихся так долго, почти без учета и ограничения, трудом и личностью крепостных людей. Но как это исполнить?

Думаем, что сия задача менее трудна, чем, с первого взгляда, кажется. Не легко создавать, идти наперекор общим мнениям; но здесь все устроится естественно, само собою.

Во 1-х, необходимо *окончательно разрешить крестьянский вопрос посредством выкупа*. Впрочем, это дело, хотя, конечно, трудное, но неотложное, необходимое во всяком случае, при всех возможных разрешениях дворянского вопроса; а потому здесь мы не будем об этом распространяться*.

Во 2-х, необходимо самому дворянству сделать зачин дела о преобразовании своего сословия. Для этого должно просить *о дозволении составить комитеты в губернских городах для пересмотра постановлений о дворянстве и для составления предположений, требуемых нынешним его положением*. Эти предположения могут быть потом обсуждены в чрезвычайных собраниях дворянства и, чрез депутатов, на основании Св. зак., т. III, ст. 113 и 114, представлены высшему правительству. Как дело в начале чисто дворянское, как в нем одно сословие отказывается от своего привилегированного положения и изъявляет готовность открыть свои приемные двери для лиц всех прочих сословий, то такое дело может быть, по крайней мере, на первых порах, ведено правительством совокупно с депутатами одного дворянского сословия.

Тут предстоит русскому дворянству совершить подвиг великий. Повинуясь не силе, не внешним крайним обстоятельствам, даже не указаниям свыше, сбоку или снизу; но, по собственному изволению, руководствуясь ясным пониманием своего прошедшего и настоящего, сознанием общих современных потребностей и своею любовью к отечеству, дворянство должно отказаться от своих исключительных преимуществ, сойти с пьедестала привилегированного сословия и пригласить лиц из других сословий стать в его ряды. Таким действием мы не умалим себя, не сократим своих прав, а их расширим и по-

---

* Это дело с тех пор значительно двинулось вперед. Из числа десяти миллионов крестьян, получивших освобождение в силу Положений 19 Февраля 1861 года, более двух третей уже прекратили всякие обязательные отношения к своим прежним помещикам и сделались крестьянами-собственниками. Крестьяне удельного ведомства, государственных имуществ и других ведомств, также получают владенные записи. Следовательно, крестьян, остающихся в обязательных отношениях, остается с небольшим три миллиона душ, и число их с каждым днем уменьшается.

полним; мы, и это всего важнее, приобретем твердую, действительную почву для своего существования, и значение наше, как состояния, будет не то, которое мы доселе имели.

В 3-х, тогда мы можем *составить настоящее, плотное окружное или уездное землевладельческое общество*. Интересы всех землевладельцев будут одни и те же, и в наших собраниях мы можем искренно и дружно их обсуживать. Остальное сельское население будет к нам расположено не враждебно, а благосклонно; ибо их родные, люди, к которым они имеют доверие и уважение, будут посреди нас; к тому же каждый из поселян может, исполнивши известные условия, сесть посреди нас. Тогда в состоянии будут образоваться настоящие уездные собрания, ибо, для обсуждения дел общих, касающихся не одного нашего землевладельческого сословия, могут и должны быть призваны выборные и от крестьянских обществ, и от городских обывателей. Тогда местная общественная жизнь разовьется не отрывочно, не одиночно, не наталкиваясь тут на подозрения, там на вражду, а при общем содействии, повсеместно, при благорасположении и доверии всех и каждого.

При таком преобразовании никто не потеряет, а все выиграют.

Мы, дворяне, перестанем быть бессильными единицами, отрешенными членами великого русского народа, заподозренным простенком между ним и Царем; на нас не будут более смотреть как на чиновников, как на чужаков; наши собрания не станут являться народу сборищем людей, против него злоумышляющих, и мы сами, не стоя более на ложной, несостоятельной почве, не будем представлять зрелища неотрадного, доселе обычного: много шума, да мало толка. Мы сделаемся иными людьми. В сущности — мы люди русские; сверх того, по просвещению, образованию и достаткам мы стоим впереди и выше всех. Все зло, нас съедающее, заключается в ложном нашем положении. Мы не аристократы, а корчим аристократов; мы не имеем ни силы, ни значения, которые дает аристократия, а между тем несем все невыгоды, все тяжести, с нею сопряженные. Это извращает наши понятия, дает ложное направление нашим действиям; это производит то странное явление, что каждый из нас поодиночке лучше, чем мы все вместе. Замечательно, что мир (крестьянский) умнее и добрее крестьянина, взятого отдельно, а у нас наоборот. Впрочем, это вполне естественно, так это и должно быть в том и в другом случае.

Эгоистические порывы крестьян взаимно умеряются, ум одного пополняет ум другого, и как они стоят на своей собственной почве, то их приговоры и действия выходят разумнее, чем мнения и поступки одиночные*.

Мы, напротив того, в дворянском собрании, сдвигаемся со своего настоящего общечеловеческого основания; мы думаем быть особенными какими-то людьми, обманываем себя насчет назначения нашего сословия, заявляем постоянно претензии, и — остаемся ни при чем. Довольно бывали мы на выборах, но почти никогда не случалось нам видеть дворянина, довольного действием окончившегося собрания. Это одно уже доказывает, что мы сели не в свои сани. При предлагаемом преобразовании мы сделаемся тем, чем мы быть должны: по землевладению, по просвещению, по влиянию на местное и общее управление, мы станем во главе народа; потому что и он, и правительство будут иметь в нас равную нужду; мы будем между ними не простенком, а посредником: народ будет радоваться нашему значению, ибо посредством его мы будем в состоянии за него ходатайствовать с успехом; правительство будет к нам благоволить, нас ценить и уважать, потому что чрез нас оно будет действовать на остальное народонаселение.

Крестьяне, хотя многочисленны и сильны, но они никогда не могут стать на степень первенствующего сословия в государстве. Его отношения к правительству должны остаться навсегда посредственные. Не в барышах будут крестьяне, если между ними и властью станут чиновники. Самыми естественными, самыми удобными и всего более благорасположенными посредниками для них могут быть лучшие люди из сельского населения, т. е. землевладельцы. А таковыми будут не одни дворяне, не такое сословие, в которое чтобы вступить надобно пройти чрез лестницу чинов, т. е. полного отчуждения от крестьянского быта, а лица посреди них живущие, имеющие с ними всякого рода связи и отчасти еще вчера бывшие сочленами их мирских обществ. Сословие землевладельцев еще необходимее для крестьян, чем даже само для себя; люди богатые, образованные всегда и везде будут иметь свое личное значение. Крестьяне, помимо земле-

---

* К сожалению, это не вполне оправдалось на деле. Крестьянские сходы представляют теперь зрелище не вполне утешительное. Обстоятельнее об этом мы будем говорить в статье о крестьянском деле.

владельцев, не могут найти лучших представителей, защитников, учителей, общих распорядителей, высших судей*.

При упомянутом преобразовании правительство не только не утратит своей силы, а напротив того, его могущество усилится и укрепится. Теперь оно насылает указы и предписания; но нельзя не сознаваться, что часто они плохо или вовсе не исполняются. Теперь каждый становой, каждый исправник всемогущ, и они знать не хотят законов, а если и знают, то думают только об одном, как бы извлечь из них свою выгоду, как бы обойти их, как бы сделать из них обоюдоострое оружие, поражающее попеременно и тою, и другою стороною. Произвол чиновников не имеет границ; начальники, ревизоры все это видят; добросовестные из них преследуют их, но с отчаянием видят, что каждое прекращенное злоупотребление возрождается сторицею. При нынешнем положении дел, при отсутствии и невозможности местной общественной жизни, зло несокрушимо и даже несократимо. Совершенно иное дело будет, когда сельский быт устроится правильно, естественно, крепко; при развитии местной общественной жизни, местного общественного мнения и надзора, правительство будет больше и вернее знать; и следовательно будет иметь возможность лучше приказывать. За него будут смотреть и наблюдать тысячи глаз неподкупных, и произвол местных властей будет поставлен в границы, высшею властью указанные. Тогда, но только тогда явится и общественная нравственность; явятся тогда и люди, и жалобы на недостаток в оных останутся лишь как воспоминание о прежних временах. Нет! люди у нас есть, но теперь они скрываются, как деньги во время финансового кризиса. При гармонии сельского быта, при соединении землевладельцев и крестьян, правительство будет сильнее; ибо в них оно найдет опору неразвоенную, не враждующую между собою, а прочную, кося целью и главным желанием не может не быть охранение общего спокойствия и порядка: ибо кон-

---

* Это очевидно для каждого порядочного помещика, живущего в деревне: сторонние крестьяне помещичьи и, в особенности, из государственных имуществ, беспрестанно приходят за советами или ради защиты, или на беспристрастный суд помещика. Мировые посредники и судьи постоянно слышат от крестьян: нет, батюшка, ты нас рассуди, а в волостном (суде) мы правды не добьемся. Доселе наше влияние было сокращено прежде крепостным правом, а теперь еще неразрешенным крестьянским вопросом. По устранении сей последней помехи, наше положение в деревнях будет несравненно лучше.

серватизм есть необходимая принадлежность землевладельца и земледельца. Правило: *divide et impera*⁸⁸ никогда не было у нас верно; да и в остальной Европе оно теперь схоронено под развалинами отшедшего и отходящего порядка вещей. Чем сильнее будет у нас развиваться местная жизнь, общественная деятельность, тем могущественнее будет власть центральная. Теперь ей приходится развлекаться мелкими разрешениями, преследовать всюду укоренившиеся злоупотребления, укрощать одних, сдерживать других и не удовлетворять никого. Тогда она может действовать как следует, из центра, с высоты своего величия, направляя все части к достижению одной общей цели — блага нашего отечества. Тогда и время и сведения верные, многосторонние, будут в его распоряжении; тогда оно будет более чем когда-либо в состоянии соображать, что нужно для России вообще или для некоторых частей ее, приказывать удобоисполнимое и карать за ослушания. Тогда общее благосостояние, народное богатство, просвещение и гражданская нравственность разовьются быстро и сильно, удесятерят силы правительства и возведут Россию на степень первенствующей державы, какою быть она предназначена.

8 декабря 1861

КОНСТИТУЦИЯ, САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСКАЯ ДУМА

I. Как можно подать голос против конституции и за самодержавие!

Мы знаем более дюжины Французских конституций, столько же Немецких, знаем Бельгийскую, Испанскую, Итальянскую и некоторые другие; но Английской конституции мы не видали, и никто нам ее показать не может; потому что в Англии она составлялась в продолжении веков, постепенно, так сказать поштучно, по востребованию обстоятельств, по мере проявления народных нужд, и заключается в многочисленных и огромных томах собрания биллей Английского парламента. А между тем, где настоящая свобода? Где действительно существует конституция? — Франция прошла через всякие ограниченно-королевские, республиканские и имперские конституции, и наконец, по милости этого конституционного маскарада, достигла такой общественной безнравственности, что уже не верит ни в какое уложение, и в восторге de son grand empereur⁸⁹, которого произвол есть почти единственный закон Франции. — В просвещенной Германии, где в каждом уголке своя конституция, еще так мало понимают конституционализм, что Прусский король мог при своей коронации произнести какие-то полу-мистические, полу-пошлые слова; что теперь официальная его газета грозит каким-то *coup d'état*⁹⁰; и что в Гессен-Касселе⁹¹ перемена министерства и возвращение к конституции произошли не самостоятельно и не в силу внутренних настояний, а по требованиям извне. Италия проходит через горячку революций, а Испания едва знает, какой образ правления она имеет; Бельгия же обязана своею свободою и спокойствием мудрости своего истинно и глубоко либерального короля и, в особенности, двум обстоятельствам своей территориальной ограниченности, своей незначительности в семье европейских держав, доставившей ей гарантированный нейтралитет; и близкому соседству Франции, всегда готовой, при первом замешательстве, вступить в Бельгийские пределы для восстановления *порядка*. Самостоятельно существует свобода только в Англии, но там-то и нет *сочиненной, дарованной или насилом взятой конституции*.

Конституция, т. е. государственное уложение, есть не слово, а дело. Она не сочиняется; хотя правда, в течение последних семидесяти лет мы видели столько произведений по этой части, что можно из них составить особый род литературы и сделать его даже темою упражнений для школьников; но что это за конституции? Они никогда не переживали своих авторов, а иногда и года своего издания. Конституция без корня в народной жизни, конституция не развившаяся дома, из нужд своего народа и своего времени, есть бумага. Фразы, общие места, но отнюдь не государственное уложение. Нет никакой причины не менять такой конституции, ибо сегодня одно сочинение нравится, а завтра другое может быть одобрено большим числом голосов. Государственное уложение, достойное этого имени, должно возникать мало-помалу: несколько главных положений указываются, так сказать продиктовываются местными и народными нуждами, и эти основания потом развиваются, определяются, совершенствуются по востребованию обстоятельств и духа народного и, содержа в себе историю, жизнь народа, они становятся столь же твердыми, малоизменными, как и самое его бытие. Такое уложение есть действительно коренной закон для страны — ее творение, а не сочинение Петра или Феодора, или собрания депутатов, в котором большинство определяется иногда случайно, а иногда и под действием увлечений или даже корыстных побуждений.

Конституция не даруется; ибо она не должна быть произведением одной власти, одного государя, как бы, впрочем, он не был благонамерен и просвещен. Даже призванные им советники не могут ему помочь в этом деле: людям так свойственно быть пристрастными к власти, в уделе которой они надеются участвовать, что они не преминут оставить ей как можно более простора, а народу дать как можно менее свободы и участия в делах общих. Конституция односторонняя, предоставляющая правительству излишнюю долю произвола, не укрепляет, а ослабляет его; ибо она возбуждает против него борьбу народа, который, оставаясь неудовлетворенным и неуспокоенным и опасаясь каждую минуту действий правительственного самоуправства, считает долгом быть всегда на страже и становится к правительству в враждебные отношения. Стоит вспомнить историю французской *charte octroyée*⁹² (хотя та была и не вполне дарована, а дана до некоторой степени обязательно, по требованию европейских держав); стоит подумать о конституции, дарованной

Польше Александром I⁹³, о том, как она с самого начала приводилась в действие и какие имела последствия; стоит взглянуть в нынешнюю прусскую дарованную конституцию, и сказанное нами будет очевидным для каждого. К тому же народ, которому можно даровать конституцию, едва ли достоин ее иметь, и едва ли он сумеет ее сохранить и ею воспользоваться; а власть, даровавшая такую конституцию, всегда будет, если не вправе, то в силах ее по своему истолковывать, изменять или даже и вовсе отменить.

Конституция также не берется насилем; ибо народ как бы мудр и умерен ни был, все-таки отмерит себе такую долю независимости, что при ней никакое правильное и сильное правительство невозможно. Республики возможны только при высокой нравственности граждан, каковой в наше время нигде не имеется, или при крайне ограниченном объеме земель и прочих средств. Что касается до *монархий, окруженных республиканскими учреждениями*, бывших в моде в тридцатых и сороковых годах нашего столетия, то они существовали только на словах, а на деле Людвиг Филипп⁹⁴ не только царствовал, но и весьма деятельно управлял Францией. Правило: *le roi règne, mais ne gouverne pas*⁹⁵, никогда не исполнялось во Франции, и едва ли, кроме английской почвы, давшей, по особенным обстоятельствам, возможность ему развиться, может где-либо быть приведено в действие. Замечательно, что и в Англии все важнейшие учреждения, все драгоценнейшие гражданские права обязаны своим началом временам мирным; борьбами они были только развиты, утверждены и упрочены.

Нет! государственное уложение должно быть творением общим государя и народа, делом времени и местных потребностей. Никакой человек — самый гениальный, никакое собрание, составленное из лучших людей страны, не в состоянии сочинить уложение: оно должно быть плодом народной жизни. Всякое сочиненное уложение налагает оковы на ее проявления, может исказить ее и возбудить борьбу между жизнью, требуемой народным духом, и той, которая устанавливается этим сочиненным законом. Уложение должно быть следствием народной жизни, а не правилом, не формулой для нее. При этих только условиях оно надежно, твердо и благотельно.

Некоторые конституционалисты были особенно оскорблены тем, что мы решительно высказались против двух палат, с искусственным уравниванием властей и с превращением государя в царственную

куклу. — Мы чрез то не думали утверждать, что в России должна быть непременно одна палата: быть может, у нас установятся палаты и в множественном числе; этот вопрос второстепенный и разрешится впоследствии. Но мы хотели высказать только то, что у нас борющихся, как на Западе, элементов аристократического и демократического — нет, что потому не предстоит надобности заниматься уравниванием этих двух общественных стихий; и что у нас нет необходимости государю быть бесстрастным лицом, удерживающим в равновесии эти две вечно враждующие силы. Мы глубоко убеждены, что в России народ един и должен оставаться таковым, что всякий, из него выделяющийся, обрекает себя на уединение и бессилие, что сословия у нас не то, что на Западе, так сказать отдельные государства в государстве, а только подразделения одного и того же целого по роду занятий и интересов; что люди должны иметь возможность свободно переходить из одного сословия в другое, и что государь должен быть нашим главою, таким же деятелем, таким же человеком, как и все мы. Требуемое конституционализмом обесчеловечение государя есть мысль, занятая у Англии без рассмотрения, без достаточного ее обсуждения, и не составляет вовсе *conditio sine qua non*⁹⁶ свободы и обеспеченности граждан. Во-первых, и в Англии это обесчеловечение государя есть более юридическая фикция, чем действительный, непреходящий факт; правда, теперь королева Виктория как женщина очень рада быть освобожденною от деловой ответственности, — правда, многие из ее предместников не любили и не способны были заниматься делами, и потому охотно предоставляли своим министрам вместе с парламентом заправлять государственные дела; но и там были деятельные государи, которые, не имея возможности действовать прямо, достигали своей цели интригами и подкупам. *Chassez la nature par la porte, elle revient par la fenêtre*⁹⁷. А, во-вторых, и это главное: если законы соответствуют потребностям народа и в нем укоренились, если общественное мнение сильно, и общественная нравственность тверда, то государь с своими советниками не может посягнуть на независимость граждан и на их собственность.

Если же законы составлены случайно, почерпнуты из теории, не имеют твердой основы в народе; если общественного мнения нет или оно еще дремлет, а общественная нравственность слаба и спотыклива, то нарушить законы легко и безопасно даже для государя, только царствующего, а не управляющего: всегда найдутся люди, го-

товые контрастировать высочайшие повеления, или палаты, подкупаемые деньгами, местами, званиями и пр., способные большинством голосов утверждать правительственные проекты. Сверх того, требуемое так называемым конституционализмом обесчеловечение государя противно духу некоторых народов, и потому в этих странах оно почти и невозможно: так оно не может осуществиться во Франции, где государь-машина никогда не удержится на престоле, и где может царствовать только человек, внушающий народу тем или другим к себе уважение; так в Италии, стране, где люди несравненно сильнее отвлеченностей, действительная общественная сила всегда будет сосредоточена в лицах, и итальянский парламент останется послушным орудием в руках того, кто приобретет любовь народную, олицетворяя в себе желания страны. Так, и еще в несравненно высшей степени, невозможен в юной, мощной и до крайности пространной России государь, осужденный на бездействие и ничтожность. Нет! у нас государь должен быть лицом живым, самостоятельным, настоящим главою нашей общины; иного царя народ не потерпит, и всякие юридические вымыслы к его обесчеловечию сокрушатся пред Русским здравым смыслом.

Но при таком царе возможны ли строгое исполнение законов, свобода граждан и полезное действие Земской Думы? Мы глубоко убеждены, что все это у нас возможно только при Царе, как мы его очертили выше. Произвол везде имеет поле действия довольно значительное: это неизбежно. В Англии временем и обычаем освящены для него некоторые формы, а в чрезвычайных случаях министерство дозволяет себе отступления от закона, нарушения его, но при собрании парламента оно всегда испрашивает себе отпущение этого греха, т. е. *indemnity bill*⁹⁸. У нас еще нет никаких форм для правильного действия правительства; оно должно их установить, иначе Дума, вместо того чтобы заниматься делом, протратит много времени и сил на пустые прения; достаточно, чтобы эти пути прокладывались, чтобы эти способы устанавливались в глазах Думы и под влиянием ее присутствия.

Еще многие законы должны быть у нас изданы, быть может, и не по мнению большинства представителей, а на основании строгой справедливости и в видах общего блага: при нашем хаотическом, вполне неопределенном и только, так сказать, в зародышах обозначающемся положении, как иначе издать и в первое время изменить

законы о выборах, об отношениях крестьянских обществ к личным землевладельцам? Трудно прибегнуть к *suffrage universel*⁹⁹, ибо он на деле уже оказался несостоятельным и будет всегда таким там, где граждане не достигли равной или почти равной степени образования и достатков. Предоставить представительство сословиям, но где они у нас? Недаром особенно озабочивало наших конституционалистов отсутствие *tiers état*¹⁰⁰, не они желали, во что бы то ни стало, создать его! К счастью, не все возможно, чего хочется: в России не было и не будет этого сословия, отодвигающего на задний план народ, не дающего ему голоса в делах общественных или сокращающего его значение до крайности. На первый раз избирательные законы должны быть только очерчены в самых кратких и общих выражениях (местный обычай и русский здравый, практический смысл их пополнят), и иметь целью одно: никакому из ныне существующих подразделений народа не давать решительного перевеса. По вступлении Думы в действие, по обнаружившимся в ней стремлениям видно будет, кого надобно усилить и чье влияние нужно сократить. Это может быть верно и мирно произведено только самодержавием, коего прямой интерес заключается в общем, а не чьем-либо отдельном благе. — К тому же, и это весьма важно, во всех нас, во всем народе русском склонность к произволу и необходимость в нем еще так сильны, что жизнь без него почти невозможна, почти немыслима. В этом заключается наш недостаток, наш порок, но разом мы себя переделать не можем. А потому еще долго, весьма долго произвол будет и должен иметь место в устройстве России. Если он сделается уделом большинства, т. е. низшего слоя народа, то у нас будет анархия; а при ней могут ли существовать законность, обеспеченность граждан и свобода прений? Если он перейдет к дворянству, даже к землевладельцам вообще, то собственно народу будет не легче; в таком случае резко очертятся эти два сословия и возникнет между ними борьба непрестанная и, быть может, кровавая. Если произвол сделается уделом Думы, как представительницы народа, то она составит такую силу, что ничто не будет в состоянии удержать ее в границах умеренности; и чем она будет вернее представлять народ, тем, при бессилии верховной власти, она может сделаться более опасною и более вредною. Произвол, еще необходимый для России, может быть с меньшими по крайней мере опасностями сосредоточен только в лице главы государства; ибо, во-первых, он один, во-вторых, по-

ставлен выше сословных интересов и происков; и в-третьих, он может быть силен только в согласии с общественным мнением, которое, раз утвердившись, делается для его власти такими границами, которых он не в силах будет нарушить. Общественное мнение — вот единственное ограничение власти и, помимо его, все прочее — слова и пустые формы.

Но до этого времени не будет ли правительство своевольничать сколько ему угодно и уничтожать независимые голоса по мере их возникновения? Это опасно, но к несчастью, неизбежно. Пишите, обнародуйте конституции какие угодно, но пока у нас общественное мнение слабо, малопросвещенно, неединодушно, по тех пор все ваши слова останутся мертвою буквою: мы получим ложь в новом виде, но от дела мы будем дальше, чем теперь, ибо минутно будем как будто удовлетворены и напрасно потратим силы действительные.

Вот почему мы подали голос против конституции. Мы никому не уступим в любви к свободе, к самостоятельности, к законности; мы ненавидим самоуправство, разгул произвола столько же, сколько кто-либо из самых пламенных конституционалистов; но мы не хотим призрака, обмана и требуем дела — дела настоящего, которое может быть совершено только государем и народом, испытано временем и утверждено всеми ими в совокупности.

Хотя отчасти уже видно, почему мы за сохранение самодержавной власти; однако считаем долгом еще более пояснить и пополнить наше мнение по сему важному и щекотливому предмету.

Мы подали голос за самодержавие:

Во-первых, потому, что знаем, что изо ста русских — 99 за него, а народу навязать то, чего желают и требуют немногие — и безрассудно, и даже невозможно. Пусть спросят народ русский и все страны, к нему присоединенные, не исключая ни так называемых остзейских, ни так называемых польских губерний, и огромное большинство ответит: «пусть Царь будет самодержавен», ибо собственно народ несравненно более терпит от дворянства, купечества, духовенства и, в особенности, от чиновничества, из них набираемого, чем собственно от самодержавной власти или Царя, которого он считает своим защитником, покровителем и единственным правосудным карателем злоупотреблений. — К этому же, при разнообразии племен, составляющих империю, при многочисленности собственно русского

и при относительной малочисленности прочих народов, при недостаточном их знакомстве между собою и при опасениях, всегда возбуждаемых величиною неизвестною, — провинции, окаймляющие наше государство, расположены более к Царю, чем собственно к России; и это может измениться только впоследствии, когда они убедятся, что русским вовсе не свойственно во зло употреблять свою численность, и что наш народный дух своею широтою, глубиною, восприимчивостью и терпимостью может ужиться со всеми разнообразными племенами, не стесняя, не давя никакого и не налагая ни на кого своих особенностей.

Во-вторых, потому, что самодержавие вовсе не значит безграничный, неразумный, действующий только по своим прихотям и взглядам произвол одного лица. Еще менее он значит самоволие, самоуправство министров, губернаторов, исправников и пр., распоряжающихся во имя верховной власти, считающих себя и являющихся другим какими-то царьками. Самодержавие, как его понимают народ и наша допетровская история, есть власть единого государя — полная, но заключенная в пределах закона (как ей не исполнять, не уважать собственного своего творения!), освещенная советами и знаниями народных выборных и действующая чрез помощников, ею назначаемых из среды людей, пользующихся доверием и уважением земли; следовательно, такое самодержавие не есть деспотизм, не есть бюрократия; оно не только не враждебно народным вольностям, но ими оживляется и укрепляется!

В-третьих, потому что, как освобождение крестьян могло быть произведено мирно и быстро только самодержавием, так и некоторые другие меры (установление правильных отношений между крестьянами, вотчинниками и горожанами, и между различными местностями и племенами, и пр.) могут быть приняты только верховною неограниченною властью. — И в республиках бывают времена, когда диктаторства необходимы и они устанавливаются; наше же нынешнее положение таково, что ни самодержавие само по себе, ни представительство народное с ограниченою монархическою властью не в состоянии вывести нас из кризиса, в котором мы обретаемся: необходимо для этого соединение знания, которое может доставить только народное представительство, и власти, которая всецело пребывает только в самодержавии.

ставлен выше сословных интересов и происков; и в-третьих, он может быть силен только в согласии с общественным мнением, которое, раз утвердившись, делается для его власти такими границами, которых он не в силах будет нарушить. Общественное мнение — вот единственное ограничение власти и, помимо его, все прочее — слова и пустые формы.

Но до этого времени не будет ли правительство своевольничать сколько ему угодно и уничтожать независимые голоса по мере их возникновения? Это опасно, но к несчастью, неизбежно. Пишите, обнародуйте конституции какие угодно, но пока у нас общественное мнение слабо, малопросвещенно, неединодушно, по тех пор все ваши слова останутся мертвою буквою: мы получим ложь в новом виде, но от дела мы будем дальше, чем теперь, ибо минутно будем как будто удовлетворены и напрасно потратим силы действительные.

Вот почему мы подали голос против конституции. Мы никому не уступим в любви к свободе, к самостоятельности, к законности; мы ненавидим самоуправство, разгул произвола столько же, сколько кто-либо из самых пламенных конституционалистов; но мы не хотим призрака, обмана и требуем дела — дела настоящего, которое может быть совершено только государем и народом, испытано временем и утверждено всеми ими в совокупности.

Хотя отчасти уже видно, почему мы за сохранение самодержавной власти; однако считаем долгом еще более пояснить и пополнить наше мнение по сему важному и щекотливому предмету.

Мы подали голос за самодержавие:

Во-первых, потому, что знаем, что изо ста русских — 99 за него, а народу навязать то, чего желают и требуют немногие — и безрассудно, и даже невозможно. Пусть спросят народ русский и все страны, к нему присоединенные, не исключая ни так называемых остзейских, ни так называемых польских губерний, и огромное большинство ответит: «пусть Царь будет самодержавен», ибо собственно народ несравненно более терпит от дворянства, купечества, духовенства и, в особенности, от чиновничества, из них набираемого, чем собственно от самодержавной власти или Царя, которого он считает своим защитником, покровителем и единственным правосудным карателем злоупотреблений. — К этому же, при разнообразии племен, составляющих империю, при многочисленности собственно русского

и при относительной малочисленности прочих народов, при недостаточном их знакомстве между собою и при опасениях, всегда возбуждаемых величиною неизвестною, — провинции, окаймляющие наше государство, расположены более к Царю, чем собственно к России; и это может измениться только впоследствии, когда они убедятся, что русским вовсе не свойственно во зло употреблять свою численность, и что наш народный дух своею широтою, глубиною, восприимчивостью и терпимостью может ужиться со всеми разнообразными племенами, не стесняя, не давя никакого и не налагая ни на кого своих особенностей.

Во-вторых, потому, что самодержавие вовсе не значит безграничный, неразумный, действующий только по своим прихотям и взглядам произвол одного лица. Еще менее он значит самоволие, самоуправство министров, губернаторов, исправников и пр., распоряжающихся во имя верховной власти, считающих себя и являющихся другим какими-то царьками. Самодержавие, как его понимают народ и наша допетровская история, есть власть единого государя — полная, но заключенная в пределах закона (как ей не исполнять, не уважать собственного своего творения!), освещенная советами и знаниями народных выборных и действующая чрез помощников, ею назначаемых из среды людей, пользующихся доверием и уважением земли; следовательно, такое самодержавие не есть деспотизм, не есть бюрократия; оно не только не враждебно народным вольностям, но ими оживляется и укрепляется!

В-третьих, потому что, как освобождение крестьян могло быть произведено мирно и быстро только самодержавием, так и некоторые другие меры (установление правильных отношений между крестьянами, вотчинниками и горожанами, и между различными местностями и племенами, и пр.) могут быть приняты только верховною неограниченною властью. — И в республиках бывают времена, когда диктаторства необходимы и они устанавливаются; наше же нынешнее положение таково, что ни самодержавие само по себе, ни представительство народное с ограниченою монархическою властью не в состоянии вывести нас из кризиса, в котором мы обретаемся: необходимо для этого соединение знания, которое может доставить только народное представительство, и власти, которая всецело пребывает только в самодержавии.

В-четвертых, потому, что теперь нет и еще долго не будет никакой возможности действительно ограничить у нас самодержавие. Допустим, что конституция вроде бельгийской или итальянской сочинена и обнародована, что палаты собраны и действуют как нельзя лучше, что они недовольны правительством и отказывают ему в сборе податей. Что из этого выйдет? В других странах последовала бы перемена министерства; но в России? Царский манифест, прочтенный в церквях, всемогущ: крестьяне, мещане, купцы и духовенство станут на сторону Царя, и тогда конституция, пересаженная из чужих краев, останется только в «Полном собрании законов», памятником законодательной лжи и представительного бессилия.

Еще много других причин к удержанию самодержавной власти; но сказанного нами, кажется, достаточно для уяснения дела. Надолго ли, навсегда ли самодержавие для России необходимо — этот вопрос решится временем и не составляет злобы дня сего. Верно, несомненно, одно: теперь и еще надолго эта власть необходима.

Знаем, вполне ценим и отчасти разделяем опасения, внушаемые самодержавием людям, искренне и глубоко преданным отечеству и тем благам, которые оно должно доставлять человеку: свободе слова и дела, обеспеченности личной и имущественной, и участию в делах общественных; но создать себе положение по своим желанием мы не можем; мы должны принять то, которое составила для нас история, проникнуться знанием общих народных потребностей и средств и содействовать всеми силами к тому, чтобы наше отечество, путем ему свойственным, достигало те высокие цели, которые предназначены человеческому обществу.

Мы, со своей стороны, в книжке нами изданной (*«Какой исход для России из нынешнего ее положения»*. Лейпциг, 1862), указали, по лучшему нашему разумению, путь, который должен вести нас мирно, постепенно и верно к желаемой цели. Созвание Земской Думы в сердце России есть, кажется нам, единственный исход из критического, невыносимого положения, в котором мы теперь находимся. Это созвание должно быть произведено манифестом, в котором государь, между прочим, всенародно объявил бы, что с сего времени нет власти выше и вне закона; что все проекты законов будут предварительно рассматриваться в Земской Думе; что, хотя он предоставляет себе право утверждать и мнения меньшинства, но, что без обсуждения в ней, никакой закон издан не будет; что никто без суда

не подвергнется никакому наказанию или взысканию; что как смета доходов и расходов, так и отчеты в них будут ежегодно и благовременно представляться Думе, и что народные представители имеют право передавать на ее обсуждение свои и своих губернских собраний мнения, а равно и подавать от имени Думы прошения государю. Эти главные основания, указываемые нынешними потребностями России, будут нашею Magna Charta¹⁰¹, из которой впоследствии разовьется наше государственное уложение. Земская же Дума, по открытии своем, должна заняться не обсуждением общих мест, составляющих содержание известных конституций, но прямо приступить к рассмотрению и изысканию мер, необходимых к улучшению нашего внутреннего управления, к определению отношений между гражданами и к утверждению нашего государственного, общественного и частного кредита. При этих обсуждениях выкажутся люди благонамеренные, умные и хорошо знающие Россию, и государь может составить из них министерство единомысленное, пользующееся доверием страны и могущее быть действительно полезным отечеству. Помимо этого пути нет средств для государя составить министерство, внушающее России доверие и способное устроить и вести дела ко благу ее; ибо, во-первых, круг людей, из которых теперь могут быть назначаемы министры, очень ограничен, во-вторых, почти все они не знают России, и, в-третьих (это весьма важно), правительство наше отрешилось от прежней системы тайны и стеснения, а между тем оно не стало и стать не может, без поддержки со стороны народного представительства, на почву гласности и общего содействия, а потому назначаемые министры, как бы они сами по себе ни были благонамеренны, умны и сведущи, не в силах что-либо сделать истинно полезного для России. Гласность действительная невозможна без представительства: ибо только оно в состоянии сообщить правительству силы противодействовать ее злоупотреблениям и пользоваться выгодами, ею доставляемыми. Может правительство теперь объявлять правду, доказывать ее фактами и доводами самыми несомненными и уверять в чистоте своих намерений, но подозрение и недоверие исчезнут только тогда, когда мы чрез наших представителей вложим палец в рану. Без полного же доверия невозможно, со стороны народа, содействие правительству. Были времена, когда это общее содействие заменялось слепым повиновением власти; но эти времена прошли, и, как невозможно воскресить мерт-

веда, так теперь уже нет средств возратить жизнь системе, доведшей Россию до нынешнего ее положения, осужденной как общим сознанием, так и одновременно предпринятыми по всем частям преобразованиями и сделавшейся почти невысказанною после великого дела освобождения крестьян.

Для лучшей, более действительной защиты нашего мнения от упрека, делаемого нам конституционалистами, мы позволим себе, преимущественно à leur bénéfice¹⁰², выписать слова человека, которого, конечно, они не заподозрят в недостатке приверженности к свободе и преданности к конституционализму. На днях мы прочли книгу Стюарта Милля «Considerations on representative government» (London, 1861)¹⁰³, и очень рады сослаться на авторитет англичанина, не только горячего приверженца своей конституции, но и друга свободных учреждений вообще. Вот что Стюарт Милль говорит в главе IV своего сочинения:

«При установлении лучшего образа правления, особенного внимания заслуживает случай, впрочем весьма не редкий, когда в государстве часть народа, т. е. отдельное сословие, немногочисленное, но значительное, имеет над остальным народом решительное преимущество в отношении просвещения, богатства и пр., в силу или разноплеменности или других особенных обстоятельств...

...При этих условиях массы, управляемые своими представителями, подверглись бы опасности утратить почти все выгоды от большей образованности высших классов, потому что представители сих последних, преобладая в собраниях, могли бы иметь целью унижение и ослабление толпы, которая, в таком случае, не иначе была бы в состоянии достигнуть лучшего положения, как ценою уничтожения одного из драгоценнейших элементов своего дальнейшего прогресса. Для народа, находящегося в таком положении, лучшим исходом к преуспеянию было бы существование власти, не ограниченной конституционными учреждениями или, по крайней мере, действительно преобладающей в лице главного правителя из этого высшего разряда. Он один по своему положению имеет выгоду в улучшении и возвышении массы, не внушающей ему опасение, и в создании силы, могущей противодействовать домогательствам сословия, нередко беспокойного. И если благоприятные обстоятельства поставили подле него в виде не контролера, а советника, собрание пред-

ставителей из этого высшего сословия, могущее своими возражениями, прениями и даже энергическими выходками поддерживать в стране привычки общественного сопротивления, и обратиться со временем, мало-помалу, в настоящее народное представительство (так, в сущности, образовался Английский парламент), то народ, конечно, имеет к улучшению своего быта все средства, какие могут только быть в распоряжении общества, раздвоенного в отношении просвещения и других проявлений гражданской жизни».

II. Как полагать, что правительство будет слушать Думу и не разгонит ее при первом проявлении ею мнений самостоятельных и несогласных с видами людей, во власти обретающихся! Какими средствами Дума обеспечит исполнение своих справедливых желаний и требований?

Наше правительство вовсе не злонамеренно; напротив того, мы глубоко убеждены, что оно благонамеренно, и что зло, которое оно делает (а его, признаться, оно делает очень много), проистекает из крайнего правительственного незнания России и средств к ее лучшему управлению, из неумения вести дела практически, а не на бумаге, и из привычки иметь в виду нынешнюю минуту, а не будущее время, интерес тесно правительственный, а не общерусский, и считать людей, как бы по крепостному праву принадлежащими казне, а не гражданами, членами государственного общества. Правительство знает Россию только из официальных донесений, которым оно менее верит, чем кто-либо. Наши государственные люди или никогда не жили во внутренности России, или были там уже чиновниками, губернаторами, командирами и проч., а потому для них Россия есть *terra ignota*¹⁰⁴ — глубокая тайна. Сведения теоретические по государственному управлению они почерпают (если где-либо они имеют время их черпать), из *французских*, редко из немецких книг, коих авторы извлекают свои выводы и наблюдения из своих и отчасти из чужих, мало им знакомых фактов. Так в политической экономии, они теперь большею частью за *free trade*; во-первых, потому, что эта система в моде, что два самые просвещенные государства ей следуют, и что сам император Наполеон есть ее приверженец; а во-вторых, потому, что ее легче обнять, можно защищать фразами, ссылаться на авторитеты людей науки и беспхлопотнее приводить в исполнение,

чем противоположную — не запретительную, не грубо покровительственную, а разумно-охранительную, которую теперь особенно разрабатывают глубокомысленные люди в Германии и Америке, которая требует короткого знакомства с разнообразными средствами страны и которая должна быть руководящим правилом всякого государства, отставшего в промышленном отношении от других земель. Так, в администрации наши государственные люди преимущественно хватаются за французские и, отчасти, за прусские учреждения, которые представляются им в идеальном совершенстве; они любят говорить о децентрализации, о местной автономии, но это только слова, которые они тем охотнее употребляют, чем менее в них вникают и чем менее расположены дать то, что под ними действительно разумеется. Нет! децентрализация и местное управление существуют в Европе только в Англии. Их не так легко понять, их трудно узнать даже из книг, и несостоятелен для собрания сведений по этой части любимый нашими бюрократами способ отправления за границу чиновника на два, на три месяца, с надеждою получить от него докладную записку, в которой, в кратких словах, изложена сущность дела. Эти учреждения надобно изучать в истории и в жизни, умом свежим и здравым, духом свободным и самостоятельным. Они не бросаются в глаза, а глубоко скрываются в общественной и частной жизни. К тому же, такие учреждения не пересаживаются и не сочиняются; им надобно дать свободно возникнуть и развиться на самой почве; они по преимуществу туземные, самородные произведения. Для этого нашим государственным людям следовало бы быть действительно и глубоко либеральными, а не либералами на словах, по моде, по приказанию; для этого следовало бы им с радостью, с заботливостью всматриваться в проявления мысли и самостоятельности в собраниях сословий и обществ, лелеять эти начатки и давать им развиваться и крепнуть, а не считать себя обязанными являться с ограничительными правилами, с временными положениями, с повелениями, с шпионами и всяких рангов экзекуторами для подавления всякой свободной деятельности. Нет! новейшие либералы под прикрытием фраз и обещаний остались такими же деспотами и такими же все к себе притягивающими и все решающими администраторами, какими были герои времен минувших.

Мы сказали, что правительство наше благонамеренно, и не боимся это повторить: да, оно благонамеренно, но действия не отвечают его

желаниям: оно не может, не имеет средств отрешиться от бумажности, составляющей его стихию, и потому — почти все его распоряжения недостаточны или неудобноисполнимы; оно не в состоянии взяться за дела — за дела важные, обнять и вести их к цели, хватается за все, и все вываливается из его рук; как ему думать о временах грядущих, когда у него не достает времени и на злобы дня сего? Как прислушиваться к говору и желаниям России, когда у него свой мир — Петербурга с бесчисленным множеством сановников и чиновников, считающих себя родом избранным, перлю¹⁰⁵ российского общества*?

Как Петербургу видеть в гражданах людей самобытных, самостоятельных, а в России — страну, требующую к себе внимания и уважения, требующую не благоденствий, а управления, согласного с ее мнениями, желаниями и потребностями, когда перед его глазами в лице приезжих из губерний только мелькают подчиненные, искатели мест и просители? — Намерения наших государственных людей и хороши, но средства к исполнению, которыми они располагают, недостаточны и негодны; обстановка их дурна, атмосфера удушлива, и потому действия их идут наперекор собственным их желаниям. Это сознаем не одни мы, частные люди; это как гнет лежит на совести лучших наших политических деятелей; они этого не высказывают, напротив того — бодрятся, стараются убеждать себя и других в противном, но распоряжения их то по шерсти, то против шерсти, вечные их полумеры доказывают, что они в борьбе сами с собою, с правилами, завещанными прежнею системою и требованиями нового, возникающего порядка вещей. Самые ярые ретрограды колеблются, утратили бодрость духа, еще дозволяют себе разные выходки, но тотчас же отступают и являют лишь бессилие и несостоятельность. Такое неестественное, неопределенное, колеблющееся положение дел продолжаться не может. Исход из него с каждым днем становится более и

---

* Отменно забавно видеть вне Петербурга человека, вышедшего из административной иерархии, и в Петербурге — человека, попавшего в эту очарованную среду: у первого тотчас спадает с глаз волшебная повязка, уже он видит вещи в настоящем их свете и вполне понимает, что дела не только местные, но и общие не могут быть заправляемы бюрократически; напротив того, приобщившийся власти уже утратил память, не помнит того, что говорил и думал прежде, и глубоко убежден, что Россия может управляться и идти вперед только на помочах сильной, сосредоточенной администрации, что даже децентрализация и автономия, конечно необходимые для России — со временем — *aux calendes grecques*, должны быть творениями просвещенного Петербурга, а не провинциальной татарщины.

более необходимым. И наша твердая надежда, наше упование на того, кто стоит выше правительственной среды, кто не постигнут в личных и минутных соображениях, чьи интересы — интересы России, и чья слава — ее слава. Александр II уже доказал, что он вовсе не думает делать все своими руками, по-своему и для себя. Освобождение крестьян, совершенное им с участием губернских комитетов, с призывом экспертов и депутатов, и вопреки желанием старой бюрократии, явило России и миру, что он желает света, блага для России, что он готов призвать на совет людей лучших, и не из среды, его окружающей, и что он в состоянии одержать над нею верх, когда убежден в пользе дела. — Если Дума будет действовать умеренно и разумно; если она укажет меры мудрые и выкажет людей дельных, то нет никакой причины думать, что царь не приблизит их к себе, не поручит им управления делами и не утвердит предположений Думы.

Вот еще обеспечение того, что положения Думы не могут остаться без надлежащих последствий: мудрое, полезное мнение, раз оглашенное даже частным человеком, становится силою; но оно имеет несравненно более могущества, если высказано представителями целого и огромного народа. Разогнать Думу, конечно, можно, но каждый таким образом возвратившийся восвояси народный представитель сделается центром противодействия правительству; в наши времена такие распорядки не укрепляют правительства, а его губят. Нет! Положения Земской Думы не могут быть гласом вопиющего в пустыне.

III. Как предлагать созыв Общей Земской Думы прежде, чем устроятся и утвердятся уездные и губернские всесословные совещательные собрания! Надобно сперва утвердить основания для здания, вывести стены и уже потом его завершать куполом.

Действительно, следовало бы идти вперед так, как советуют эти благоразумные люди; ибо в местных собраниях граждане привыкли бы к совещаниям и к порядку, который должен при них соблюдаться; сверх того, разные сословия легче и скорее бы сблизились, люди между собою бы ознакомились, и узнали бы вернее общие и местные нужды. Тут, на поприще несколько ограниченном, постерлись бы угловатости, неизбежные в людях, не привыкших к общим совещаниям, поумерились и осели бы мнения крайние и образовались бы характеры политических деятелей. Все это мы вполне сознаем, и нима-

ло не думаем возражать против таких несомненных истин; но позволим себе спросить: возможен ли у нас такой постепенный переход к политической жизни?

При указываемом способе положение для уездных и губернских учреждений должно быть сочинено в Петербурге — бюрократиею, хотя бы даже с призывом экспертов и депутатов, и с повторением всего того, что делалось на берегах Невы по случаю освобождения крестьян. Таким образом, сочиненное Положение не может не быть для всех граждан равно неудовлетворительным и, к тому же, неудобно-исполнимым, ибо оно зачнется при опасениях чего-то, будет составляться под влиянием желанья дать как можно меньше и удержать как можно больше, будет рассматриваться в комитете, где на одного депутата посадят трех чиновников и, наконец, оно подвергнется окончательному пересмотру в таком учреждении, где никто России не ведает и где озаботятся лишь тем, как бы решительного, положительного сказать поменьше и дело с рук сбыть. Постановление, в таком виде утвержденное, отправится к исполнению в губернии. Начальники губерний, подражая пославшим их, всячески постараются еще стянуть петли, приготовленные бюрократиею, и непременно сочтут долгом вмешиваться в дела собраний. Ведь необходимо этим сановникам представлять собрания бунтующими, доносить, что ловкостью и энергиею эти ярые крамольники были укрощены, и таким образом добывать себе чины, звезды, земли или аренды. Уездные и губернские собрания при таком порядке вещей не успокоят, не удовлетворят ни вотчинников, ни крестьян, ни горожан, а, напротив того, они послужат только к общему раздражению умов. Они даже не доставят местностям улучшений по управлению, по устройству дорог, мостов и пр.; ибо, наверное, и тут в пользу власти удержатся инструкции, разрешения, утверждения и пр. Правительство, с своей стороны, будет все более и более раздражаться неблагодарностью людей, не чувствующих того, что для них сделано, и простирающих свои домогательства все далее и далее. — Уездные и губернские всесословные собрания необходимы для России, и у нас они будут особенно полезны, но они должны быть устроены и утверждены Общею Земскою Думой.

Необходимо изменить систему высшей администрации, без чего никакое новое, местное учреждение преуспевать не может; а это изменение может быть произведено только Земскою Думою, собранною в сердце России, в виду России и самого Царя.

Позволим себе еще спросить людей, благодушно верящих в возможность существования у нас теперь настоящих всесловных уездных и губернских собраний: думают ли они, что без собрания Земской Думы административная система может измениться? или полагают они, что при ныне действующей системе, деятельность упомянутых собраний возможна? Мы, со своей стороны, не верим возможности ни того, ни другого. Не верим первому, потому что теперь нет в распоряжении верховной власти элементов для составления новой администрации; что люди, ныне ее *образующие*, не в состоянии, как мы выше указали, изменить свой образ действия; и что сфера правительственная должна преобразоваться переменою лиц и всей их обстановки нравственной и вещественной. Мы не верим последнему потому, что по опыту знаем, что уездные и губернские совещательные учреждения не могут иметь никакого полезного действия, пока они не будут вполне оставлены на свой произвол; пока они не проникнутся убеждением, что им не на кого сваливать заботы и некого бояться; и пока губернаторы и жандармы не перестанут быть единственными историками их действий, слов и даже намерений.

Впрочем мы вовсе не думали отвергать необходимость уездных и губернских собраний, предшествующих собранию Общей Думы. Напротив того, мы сказали (стр. 40 и 41 нашей вышеупомянутой книжки), что сперва в уезде, а потом в губернии, выборные должны собраться, потолковать о своих местных нуждах, и уже в заключение своих действий избрать выборных для Земской Думы. Следовательно, люди успеют несколько ознакомиться, узнать мнения друг друга и составить предположения насчет местных потребностей. Но мы решительно не допускаем пользы и действительности уездных и губернских собраний без *одновременного* объявления о созыве Общей Думы. Только такое объявление, только такая надежда дадут им жизнь и значение и утвердят их на настоящих, прочных основаниях.

Что касается до недостатка постепенности при учреждении Думы, то это обстоятельство вовсе не должно нас устрашать. И освобождение крестьян длилось у нас не век и производилось не мало-помалу, как то было в Германии и других странах; и просвещение вообще мы принимали не по каплям, не в исторической последовательности. Порывы, скачки более в нашей натуре, чем медленное, постепенное шествие. Синтезис есть наша метода. И люди, которые этого не понимают, всегда будут не у дела, а позади него.

IV. Как думать, что члены Думы будут иными людьми, более мудрыми, более знающими и менее приверженными к своим или сословным интересам, чем те, которые явились в виде депутатов от губернских комитетов, или чем нынешние государственные люди, которые все из дворянского же сословия! Неужели вы полагаете, что министры из крестьян будут способнее вести дела государственные?

Мы вовсе не думаем, что крестьяне попадут в министры. Хотя между ними есть люди отменно умные и дельные, но они не имеют тех общих сведений и соображений, которые необходимы для управления государственными делами; а потому о поручении им министерского портфеля не может быть и речи. Что же касается до первой части упрека, то мы постараемся доказать, что члены Думы будут совершенно иными людьми, чем были депутаты от губернских комитетов, и чем нынешние государственные люди.

Не будем говорить о том, что депутатам дана была от правительства такая странная инструкция, и что правительством они были поставлены в такое неслыханное положение, что они не имели возможности явиться даже тем, чем действительно были. Это высказано было прежде и сознается всяким несколько беспристрастным человеком, даже из бюрократов. Но депутаты были от комитетов, составленных по избранию одних помещиков или по назначению правительства, и учрежденных в то время, когда дворянство, как сословие, имело одну задушевную мысль: как бы отстоять свои права. Надобно или не знать европейской истории, или быть до крайности недобросовестным, чтобы теперь, по совершившемся факте, не отдавать справедливости Русскому дворянству за его умеренные, скажем, благородные действия по освобождению крестьян. Вспомните только дела остзейских помещиков, освобождающих своих крестьян в течение целого столетия и сохраняющих даже *до дня сего* барщину в значительных размерах. Вспомните их протесты и интриги. Русские дворяне в отношении к крестьянству были конечно малосильны, и правительство могло издать закон, не спросив их; но разве немецкие бароны, окруженные неприязненно к ним расположенным народонаселением, были могущественнее? Разве русское дворянство не могло потребовать выкупа за души, отказаться от наделения крестьян землею и, при неудовлетворении правительством их желаний, стать в сторо-

ну и предоставить ему одному приводить в исполнение изданный им закон? Что бы тогда сделало правительство? Напротив того, русское дворянство, чрез своих просвещенных членов, стало тотчас на сторону правительства в этом его благом начинании, одобрило указанные им начала и сильно помогало ему, не обращая внимания на противодействие, гнев и угрозы большинства. А это большинство, в которое, во время борьбы, было пущено (отчасти и нами), столько камней, разве оно предалось тайному, но сосредоточенному, не бездейственному негодованию или безрассудным выходкам, враждебно отнеслось к обнародованному Положению и употребило все свои силы к противодействию мерам правительственным? Нет! будучи в душе русским, имея совесть и усердие ко благу отечества, оно тотчас озаботилось приведением в исполнение изданного Положения, которого многие постановления для него тяжелы, а некоторые и вовсе неисполнимы. Оно увидело, что законом определенная барщина может существовать на бумаге, а не на деле; а потому оно поспешило обязательный труд заменить оброком и, усматривая необходимость окончательно расчесть с крестьянами и стать к ним в добрые, свободные, соседские отношения, оно готово даже идти на выкуп, получая свидетельства, которых действительная ценность так неопределенна и неверна. Следовательно, теперь должно не заподозривать, не унижать людей, к дворянству принадлежащих, а отдавать этому сословию должную справедливость. В собраниях дворянства, бывших в нынешнем году, оно явилось не для защиты своих оставшихся привилегий, не для исходатайствования себе, как сословию, новых преимуществ, не для того, чтобы какими ли отгородками утвердить свое исключительное бытие. Напротив того, почти везде оно высказало желание соединиться с народом и просило, чтобы права, принадлежащие помещикам, были распространены на землевладельцев всех сословий, чтобы были в совещательные собрания призваны выборные от всех состояний, и чтобы этим всесословным учреждениям поручено было заведовать местные административные дела. Прежние депутаты были поверенные от помещиков, будущие будут выборные от всех сословий. Прежние члены были избраны до обновления страны освобождением крестьян, будущие изберутся после того, как громадная, коренная перемена совершилась в умах помещиков и крестьян, в их быту и в взаимных их друг к другу отношениях. К тому же, что видим мы ежедневно? Либералы, попавшие в министры нынеш-

ней системы, становятся реакционерами; помещики-крепостники, назначенные в должность мировых посредников, делаются судьями и исполнителями не только беспристрастными, но даже пристрастными к крестьянским интересам. Мало этого: головы, избираемые крестьянами, не замедляют быть строгими исполнителями закона и вовсе не потатчиками крестьян, их избравших. Что все это значит? Это значит то, что в русском характере есть замечательная черта: мы как раз становимся тем, чем мы быть должны. Мы не порабощены ни сословными, ни личными интересами, наша природа не узкая, не скудная, не расположенная к окаменению, наш смысл практичен, наша воля сильна, и наша совесть (что отменно важно) не позволяет одновременно служить двум господам. Все это, несомненно, удостоверяет нас в том, что члены будущей Земской Думы, избранные всеми сословиями, будут не депутатами от чисто помещичьих губернских комитетов, а представителями всего народа русского.

Члены Земской Думы не будут и нынешними бюрократами, ибо последние с молодых лет попали в писцы, столоначальники, секретари и пр.; весь свой век тянули терпеливо, с самоуничтожением, лямку службы, привыкли действовать не по собственным убеждениям, а в видах своих начальников, приучились не дело делать, а бумаги с рук спускать. Эти люди столько же мало знакомы с действительностью, сколько они наметались к бумажному и форменному производству; для них Россия есть аппехе¹⁰⁶ к Петербургу, люди — *цифры*, значащиеся в ведомостях, а дела — номера журналов входящим и исходящим бумагам. Совсем не такими явятся члены Земской Думы, взятые из жизни и долженствующие опять, чрез несколько месяцев, возвратиться в очистительное ее горнило. Можно наверное сказать, что в первую Думу не попадет ни один из чиновников, на службе находящихся, так эти господа для всех невыносимы!

Каковы будут выборы? Трудно заранее положительно на это ответить, но думаем, что в местных общесословных собраниях, которым даны будут время и свобода ознакомиться с делами и с лицами, их составляющими, выборы падут на людей дельных, благонамеренных, имеющих мнения отнюдь не крайние, и в особенности на людей с совестью. И потому мы надеемся, что будущая, даже первая наша Земская Дума удивит своим благоразумием, точно так, как обнародованное освобождение крестьян поразило всех своим спокойным и мирным течением.

V. Созывать Земскую Думу — значит вести Россию к революции, т. е. к повторению у нас *Etats Généraux*¹⁰⁷, превратившихся в конвент и заключивших свои действия событиями 1792-го года¹⁰⁸, с проскрипциями¹⁰⁹, гильотиною¹¹⁰, *noyades*¹¹¹ и пр.

Нет! господа, не созвание Земской Думы открывает, подготавливает поприще для революции, как вы ее понимаете; а скорее и вернее ее производят действия со стороны правительства, нерешительные и противоречащие, шаг вперед и шаг назад, повеления и законы неудобноисполнимые, оковы, налагаемые на мысль и слово, полицейское (явное и, тем еще хуже, тайное) наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищения казны, чрезмерные и неразумные ее расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчужденность от России, и пр. и пр. Еще вернее могут довести до революции (опять в вашем смысле), в стране, только очнувшейся от многолетнего гнета, военные экзекуции, казематы и ссылки: ибо раны наболевшие несравненно чувствительнее и раздражительнее, чем язвы новые. Но не опасайтесь: революции, произведенной во Франции, как вы полагаете, журналистами и другими писателями, у нас не будет. Надеемся также, что в России не составит (хотя за это отвечать труднее), общество горячих, отчаянных голов, которые изберут убийство средством к достижению своих целей. Но гораздо вероятнее и опаснее то, что возникнет незаметно для земской, городской и тайной полиции под влиянием раскола согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы Великорусса¹¹², Молодой России¹¹³ и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедующее равенство не перед законом, а вопреки ему, не народную, историческую общину, а болезненное ее исчадие и власть не разума, которую так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают, — такое согласие, говорю, у нас гораздо возможнее и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить. Не думайте, что партия внутренней, тайной, безыменной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ее ветви и корни; нет! воспрещением молодежи доучиться,

возведением шалостей в чин государственных преступлений, всякими мелочными преследованиями и наблюдениями, вы удесятерили силу этой партии, рассеяли и размножили ее по империи. При взрыве такого согласия, к чему прибегнут наши государственные люди? — К военной силе? Но можно ли будет на нее навверное рассчитывать? — К тем независимым, здравомыслящим людям, которым они так тщательно клали печать на уста? Но эти люди, их разумные и умеренные голоса будут бессильны при разгаре диких страстей. Следовательно не зачина революции, а кровавого исхода реакции должно опасаться и всячески избегать. — Зачин революции! Но разве мы не на всех парусах уже идем по морю революции? Все законы, все уставы, все положения изменяются; все состояния становятся друг к другу и к власти в иные отношения; умы в сильнейшем брожении; неудовольствие везде; никто не знает, что будет завтра в отношении его собственности, его прав, государственных и общественных отношений. Разве это не революция? Так что же это такое? Неужели это *status quo*¹¹⁴? Нет! мы в полной революции, и мы все должны теперь быть озабочены изысканием верного средства к исходу из нее, к ее завершению и к тому, чтобы этот временный недуг очистил наши соки, успокоил наши нервы и доставил нам вожделенное здравие. И таким средством может быть только созвание на общий совет лучших людей страны. Несостоятельность ваша и вашей системы очевидна — очевидна для России и для прочих государств, очевидна для безграмотного крестьянина и для образованного гражданина, очевидна для ваших подчиненных и даже для каждого из вас, по делам не его ведомства или без участия его совершенным. Так не пугайте же сказками, которым вы сами не верите; не клеветайте на людей, пламенно любящих свое отечество и искренне преданных своему государю; и не перечьте верховной власти в принятии единственного средства к мирному и благому исходу из нынешнего положения России.

Присовокупим еще два слова. Скажите, когда расширение прав, добросовестно сделанное и исполненное, возмущало народы? Когда и где оно сопровождалось кровавыми событиями? Взамен того, мы беремся представить много примеров гибельной борьбы и несчастных последствий, порожденных правительственной реакцией. К тому же тактика, вами избранная, т. е. запугивание — уже не новость. На наших глазах, еще вчера, вы устрашали последствиями

освобождения крестьян, бунтами, избиением помещиков и пр., а между тем этот великий переворот возведен и продолжается *мирно* и спокойно, несмотря на все ваши неуместные регламентации, странные ограничения и разные стеснительные постановления. Не свобода, не расширение прав, не призыв народа к участию в делах общественных и государственных опасны; не они сопровождаются возмущениями и кровью; но опасно задержание народа на низшей степени развития, чем та, на которую он имеет право; гибельны: разгул правительственного произвола, нарушение им законов, заключение людей в горькую необходимость быть преступниками из любви к отечеству и умножение таких мучеников. Власть бессильна против убеждений и общенародных требований; минутные успехи для нее бедственнее самих поражений.

Еще другие, менее важные возражения были нам сделаны; их мы пройдем молчанием; но мы считаем необходимым ответить вкратце на некоторые вопросы, которые были нам предложены:

По какому поводу созвать Земскую Думу?

Поводов к ее созыву достаточно: во-первых, дворянство нескольких губерний уже просило о собрании выборных от всей земли Русской¹¹⁵; другие губернии не замедлят обратиться с такими же просьбами; во-вторых, дела, требующие неукоснительного решения, так важны, что при нынешнем общественном настроении даже неприлично их вершить, не спросив тех, для кого законы должны быть обязательными; и, в-третьих, при конституционализме, все более и более утверждающемся в Европе и завоевывающем даже Австрию, теперь всякий призыв граждан к участию в общественных делах своевременен, благовремен и не требует никаких посторонних оправданий.

Как составить Земскую Думу?

На этот вопрос мы уже, в коротких словах, отвечали на страницах 40 и 41 нашей несколько раз упомянутой книжки и в статьях напечатанных в журнале «День», и готовы дать всякие объяснения на положительные вопросы, которые по сему предмету будут нам предложены. Мы считаем существенным настаивать на одном: на том,

чтобы эти первые выборы были как можно менее регламентированы бюрократиею, и чтобы они как можно более были предоставлены на усмотрение и решение здравого русского смысла, вовсе не чуждого дел избирательных.

*Как оградить верховную власть
от неуместных притязаний Думы?*

Опасение неуместных притязаний со стороны Думы в отношении к правительству — совершенно неосновательно и напрасно. Самодержавие царя (разумеется, не бесчисленного множества царьков), остается во всей своей полноте; утвержденное, укорененное в народе, оно так сильно, что нет для него опасностей извне. Дума будет только совещательным собранием; ее сила будет заключаться в ее благоразумии, умеренности и знании. Следовательно, для самодержавия она не только не опасна, но с ее помощью оно может действовать гораздо свободнее и вернее, чем теперь, при беспрестанных ложных страхах бюрократии и при ее еще менее разумных самообольщениях и надеждах.

В заключение считаем долгом высказать: чем скорее созовется Дума, тем она будет благотворнее. Положение наше не улучшается; напротив того, оно запутывается, делается все более и более бедственным и грозит превратиться в состояние безвыходное. Дела, состоящие на безотлагательной очереди (преобразование внутреннего управления, судопроизводства и выборных собраний, улучшение финансов и денежного рынка, оживление кредита, торговли и промышленности, утверждение их на началах прочных и широких, выкуп мирских земель, введение свободы тиснения и пр.) или вовсе не разрешаются, или только искажаются, усложняются выходящими временными правилами и другими постановлениями; потребность в исключительных мерах становится с каждым часом все сильнее; принятие же их только раздражает людей, приводит дела в больший беспорядок, не укрепляет, а расслабляет правительство; государственные люди издерживают свои силы на суетливую деятельность, видимо мельчают и теряют всякое значение; а между тем разные признаки: общее неудовольствие, общая во всем задержка, общие опасения, как будто предвещают грозу. Все это несомненно указывает на необходимость принятия меры решительной и коренной к исходу из ны-

нешнего кризиса. Такою мерою может быть только созвание выборных от всей земли на общий совет. Это чувствуется, сознается все живее и яснее, все глубже и глубже. Это желание, это сознание усиливается, быстро распространяется во всех концах России. Удовлетворение такой потребности, исполнение просьб по сему предмету поступающих, утешит и успокоит все сословия, всех друзей порядка и законности. Чем скорее, чем свободнее, чем предупредительнее примется эта великая мера, тем вернее и благодетельнее она будет. Царь, уже высоко стоящий в народной любви и народном уважении, поднимется до такого величия, какого не досягал ни один венценосец. Государь, совершивши так благовременно и так мудро великое дело уничтожения крепостного состояния, обязан перед собою и народом возвести его в звание свободных граждан, призвать его к участию в делах общественных и государственных, все подчинить закону и оградить себя от бедствий безграничного произвола.

ПИСЬМО ГОСУДАРЮ И ЗАПИСКА О ДЕЛАХ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО

Всемилоостивейший Государь!

По воле Вашего Императорского Величества я отправился в 1864 году в Варшаву и там исправлял обязанности члена Учредительного комитета и главного директора финансов. Я действовал по совести и по лучшему своему разумению к достижению полного и окончательного присоединения Польши к России. Иное мнение о средствах к достижению этой цели, противоположное моим убеждениям, все более и более одерживало верх в управлении польскими делами и становилось его руководящим началом, а потому я счел долгом совести удалиться, к чему побуждало меня и расстроившееся мое здоровье.

Считая способ действия, принятый по польским делам, вредным для России, я, раз осчастливленный всемилоостивейшим вниманием ко мне Вашего Величества, не могу возвратиться в жизнь частную, не изложивши Вам, Государь, моего по сему предмету откровенного мнения, образовавшегося и утвердившегося во время 25-месячного пребывания в Варшаве.

Почему осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества краткую по сему предмету записку и вместе с тем считаю долгом доложить, что это мое действие есть совершенно бескорыстное. Я не нуждаюсь в службе: я не алчу почестей; готовый по воле моего Государя, как всякий верноподданный, посвятить свою деятельность на то, что могло бы быть мне указано, я охотно возвращаюсь в жизнь частную, где также, по силам и способностям, постараюсь быть хотя сколько-нибудь полезным Отечеству. Вашего Императорского Величества верноподданный

*Александр Кошелев, действительный статский советник.
Ноября, 1866. С. Песочня, Рязанской губ. Сапожковского уезда*

Русские вообще и те в особенности, которые находятся или находились в последнее время в Польше, все убеждены в том, что эта страна, без вреда для России и самой себя, отдельно существовать не может; что она непременно должна составлять часть империи; и что Одни и те же законы, власти и распоряжки, по возможности, должны

относиться ко всем частям нашего государства. Это убеждение, основанное на прежней истории Польши и ее отношений к России, еще более укоренилось в русских после бывших там беспорядков в 1862–1864 годах¹¹⁶ и после того, как они короче ознакомились с положением и свойством этой страны и ее жителей. Следовательно, относительно цели, к которой правительство и ее деятели должны стремиться в Польше, нет между русскими никакого разногласия; но тем сильнейшее разномыслие существует между ними относительно средств к постижению этой, всеми равно желаемой цели.

Одни полагают, что кроткие, примирительные средства никуда не годятся; что необходимо обессилить, разорить, окончательно подавить шляхту, которой неприязненность к России не подлежит сомнению; что необходимо искоренить всякие польские порядки как произведения шляхетские, напоминающие о прежнем отдельном государственном бытии Польши; что необходимо поднять и усилить крестьянство как непримиримого врага шляхетства и как класс населения, который все ожидает от России; что города и в особенности евреев, составляющих самую многочисленную часть городского населения, нужно привлечь разными выгодами на сторону новых устройств; что должно принимать меры радикальные и вовсе не удерживаться опасением, что чрез то некоторые существующие интересы будут нарушены; что русские законы, учреждения и распоряжения должны быть вводимы немедленно и почти без всяких изменений, хотя бы эти законы, учреждения и распоряжения в самой империи признавались не вполне соответствующими своей цели и подлежащими преобразованию; что русскими чиновниками должны быть замещены все несколько значительные места по разным частям управления; что неизбежно удержать как можно долее военное положение и соединенные с ним стеснительные и карательные меры; наконец, что должно постоянно иметь в виду, что материальная сила одна есть и еще долго должна оставаться главною основою нашего владычества в Польше.

Другие, напротив того, признают необходимость мер примирительных. Они убеждены, что такой край развитой (хотя и ложно, ошибочно, порочно), как Польша, где потребности людей и их отношения между собою, а равно к предметам собственности весьма многообразны и где они уже получили более или менее соответственное, но, во всяком случае, определенное удовлетворение и раз-

решение, и такую народность, какова польская, имеющую свои тысячелетние предания, невозможно быстро изменить; что поспешность, резкость, явная неприязненность в распоряжениях могут произвести действие, противное желаемому; что мы не должны обманывать себя насчет средств, которыми мы располагаем; что мы не имеем излишка в людях способных и дельных, которыми могли бы заместить поляков, и что еще менее имеем мы излишек в капиталах, которыми были бы в состоянии заменить те, которые мы теперь уничтожаем в руках шляхетских; что порядки, существующие в Польше, как ни дурны, но они там имеют силу и развились из тамошних потребностей; и что те порядки русские, которые мы должны там вводить, подлежат приспособлениям, требуемым местными обстоятельствами; что едва ли наши порядки так хороши и общеприменимы, что могут быть пересажены в Польшу без изменений; что верные своей истории и духу православия, мы должны действовать примирительно; что беспорядки 1862–1864 годов и полное усмирение края нам вполне подготовили для таких действий почву; что сами поляки, мечтавшие о независимости Польши, теперь не надеются более ни на иностранные державы, столько раз их обманывавшие, ни на собственные силы, в корне подрезанные указами 19 февраля (2 марта) и 27 октября (8 ноября) 1864 и 14/26 декабря 1865 года¹¹⁷, и тем еще менее на революционные комитеты и на своих эмигрантов, которых они теперь боятся более всяких врагов; что, при таких обстоятельствах, мы должны подкупать поляков благоустройством, которое мы можем там водворить; это материальные силы и насильственные средства могли временно принести нам пользу и ее они нам уже оказали полным усмирением края, но что для устройства его для полного его присоединения к России нужны меры государственные, бесстрастные, носящие на себе отпечаток благоразумия и кротости; что невозможно обойтись без содействия самих поляков; и что должно воспользоваться теперешнею готовностью к тому многих из них, хотя бы она оказывалась, конечно, не из любви и преданности к России, а по расчету и в виду революционной пропаганды, обещающей Польше одни беспорядки и разорение.

В начале преобразований, особенно в 1864 году, способ действий, основанный на первом из изложенных мнений, был необходим. Так, указы об устройстве крестьян содержали меры, которые, за несколькими частными исключениями, не могли не быть одобренными

со стороны всех русских. Нанести решительный удар всемогуществу шляхты и упрочить быт крестьян на широких и твердых основаниях, т. е. дать им землю и самостоятельное существование, было делом первой необходимости. Издание этих указов было действием великой государственной мудрости: этим положено верное и твердое основание для нашего владычества в Польше.

Указы о закрытии некоторых монастырей и преобразовании остальных, а равно об устройстве светского римско-католического духовенства, — хотя меры крутые, однако они также были неизбежны и неотложны; они и не возбудили сильного негодования в Польше, ибо все видели, что правительство не могло не принять мер против монастырей, епископов и ксендзов, явно и всячески против него действовавших как в прежние, так и последние времена. Даже насчет первого указа многие поляки говорили: давно следовало монастыри прибрать к рукам.

Эти меры, как выше сказано, были необходимы; и все русские без исключения от души их одобряли. К тому же меры крупные, решительные, из существа дела истекающие, хотя временно и поражают, даже ошеломляют людей, но они их не раздражают.

Натяжки при развитии и исполнении законов, явная склонность истолковывать их не на основании справедливости и доброй совести, а всегда в одну сторону, излишние стеснения и напрасные оскорбления, — вот что особенно раздражает людей, отнимает у них всякое доверие к правительству, убивает всякую бодрость духа и порождает уныние и отчаяние. К сожалению, именно это часто бывало в последнее время в Польше, и это систематически приводится в исполнение сторонниками первого мнения.

Указы 19 февраля 1864 года так радикальны, что должно было только привести их в исполнение во всей их силе; далее идти не было никакой надобности. Между тем управление старалось постепенно расширять смысл указов и истолковывать их большею частью в одну сторону, т. е. в пользу крестьян. Через это открывался такой ряд произвольных действий, что ни один помещик не знал, что у него останется. Предоставление домов и клочков земли почти всяким рабочим; расширение прав на сервитуты и предоставление их крестьянам, хотя бы и сервитуты не были внесены в престационные таблицы 1846 года¹¹⁸ и хотя бы это пользование было самое кратковременное и единственно из милости; приведение в исполнение указов одними

комиссиями так, а другими иначе, в особенности потому, что главное управление крестьянским делом не давало разрешений на представления комиссий и тем предоставляло им действовать по своему произволу; пристрастное удовлетворение жалоб крестьян и почти верный отказ на просьбы помещиков и пр. — вот действия, которые часто повторялись в последнее время и которые не только раздражали помещиков, но отнимали у них всякую надежду на какое-либо положительное устройство в будущем.

Способ приведения в действие указов о монастырях и светском духовенстве также возбудил много неудовольствий. Ссылка Ржевудцкого в Астрахань, заключение в крепость Щигельского и Домогальского, назначение Зволинского администратором Варшавской епархии¹¹⁹, взятие под стражу разных лиц, подозреваемых в противозаконных сношениях с монастырями или духовенством и пр., раздражали без всякой необходимости поляков и оправдывали до некоторой степени слухи о том, что правительство преследует католическую церковь и желает ее уничтожить.

Правительство издало законы насчет устройства разных учебных заведений и ассигновало на этот предмет значительные суммы. Такие распоряжения должны бы встретить общее одобрение и расположить страну в пользу правительства. Но вместе с тем не только главное, но и посредствующее заведывание этими учреждениями передано было исключительно русским, и удалены были все поляки, даже такие, которые искренно были преданы России. Все директоры назначены были из русских или из русских немцев; а потому, кроме того, что сомнительно, справятся ли они с сим делом, чрез это к учебным заведениям вызвано нерасположение поляков, которые, однако, там должны воспитывать своих детей. Вообразите какую страну угодно; если бы в этой стране поступлено было так, как в Польше, то, конечно, отцы и матери не могли бы там иметь никакого доверия к учебным учреждениям, от заведывания которыми исключены их земляки и которые переданы в полное управление людей чуждых им по вере, языку и чувствам. Если бы при такой передаче соблюдена была еще какая-нибудь постепенность и некоторый *decorum*¹²⁰, то дело еще могло бы состояться, и поляки нечувствительно очутились бы под русским учебным направлением; но все вышесказанное было сделано вдруг даже с некоторою торжественностию. Вызваны были русские *en masse*¹²¹ для занятия мест директоров; назначены им боль-

шие жалованья, и сверх того даны им значительные подъемные деньги. Удивительно ли, что, при таких обстоятельствах, учебные заведения не внушают полякам к себе никакого доверия. Можно даже опасаться, что вновь изданные законы и ассигнованные деньги не принесут настоящей пользы; как бы не пришлось насильственными мерами загонять в школы учеников.

Полицейское управление края было долгое время в заведывании четырех властей, кроме пятой — учреждений по крестьянским делам, которые также и весьма сильно участвовали в производстве некоторых полицейских дел. Эти четыре власти были: военная, военно-полицейская, жандармская и гражданская. Легко себе вообразить, какой был тогда беспорядок. В начале нынешнего года власть военная была устранена; а военно-полицейская подчинена губернаторам и комиссии внутренних и духовных дел. С этою переменою должно было ожидать несколько меньшего безобразия в управлении; но все стеснительные меры были удержаны, и оставшиеся власти продолжали своевольничать по-прежнему. Теперь предполагается соединить все власти в одну военно-гражданскую, т. е. все гражданские дела передать уездным начальникам, которые будут назначаемы из русских военных и подчинены губернаторам и комиссии внутренних и духовных дел. Такая перемена едва ли улучшит ход дел, ибо молодые люди из военных, которые будут уездными начальниками, не знают гражданских дел, весьма сложных в Польше, и, побуждаемые к деятельности губернаторами и комиссиею внутренних и духовных дел, будут непременно разрубать сплеча все встречающиеся затруднения.

Правительству угодно было отменить консумационные сборы¹²² в городах и устроить акцизные сборы на тех же основаниях, какие существуют в империи. Первое не может быть принято городами иначе, как с великою благодарностью; последнее довольно удобно, ибо такая перемена уже два года подготовлялась, и значительного нарушения чьих-либо интересов в этом преобразовании не будет. Но с этим нововведением правительство сочло нужным произвести другое — подчинение этого нового устройства Министерству финансов империи, которое не знает местных обстоятельств и должно будет все решать на основании рапортов одного лица, заведывающего варшавским центральным акцизным управлением; следовательно, никто не будет в состоянии быстро, на месте и с надлежащим знанием дела принимать те меры, которые могли бы облегчить введение новой си-

стемы. и разрешать те затруднения и недоумения, которые при этом не могут не возникнуть. Особенно должно затруднить и усложнить это дело то, что Министерство финансов признало необходимым всех управляющих и ревизоров назначить из русских. Не говоря уже о том, что хорошие и опытные люди из русских едва ли решатся поступить в Польшу на меньшее жалованье, чем то, какое получают управляющие и ревизоры в империи, — не могу не заметить, что они не знают ни местного языка, ни обстоятельств здешнего края. Сверх того нельзя умолчать и о впечатлении, какое произвело на поляков вообще то, что даже по акцизным сборам, т. е. по такому делу, которое не имеет ничего общего ни с крестьянским устройством, ни с политикою, ни даже с полициею, присылаются люди из России, а они, поляки, вообще устраняются и от посредствующего управления этою частью.

Мысль о замещении русскими чиновниками всех несколько значительных мест по управлению Польши есть мысль, которую нельзя не признать весьма вредною. К сожалению, она с особенною настойчивостью проводится сторонниками первого, нами изложенного мнения. Конечно, главное управление края должно быть в руках русских; по крестьянскому делу могут быть употребляемы одни русские; и желательно, чтобы по всем частям управления были и русские; но замещение одними русскими мест директоров учебных округов, управляющих и ревизоров по акцизным сборам, уездных начальников и пр. есть такая мера, которая, кроме вреда и притом весьма значительного, ничего произвести не может. Во 1-х, имеем ли мы в империи излишек в хороших чиновниках? Едва ли кто решится ответить иначе, как отрицательно. Теперь в Польше есть отличные русские чиновники, но число их весьма незначительно; они посвятили себя большею частью крестьянскому делу, но с нетерпением ожидают его окончания и пламенно желают возвратиться восвояси, где теперь так много всякого дела. Большинство же русских, находящихся в Польше, состоит из средних и плохих чиновников. Число этих чиновников теперь умножается, тогда как число отличных деятелей постоянно уменьшается. При таком положении дела полезно ли держаться мысли — все несколько значительные места по управлению замещать русскими? Проживши более двух лет в Польше и имев достаточно случаев ознакомиться с тамошними чиновниками, я не могу не сказать, что вообще польские чиновники, по своему развитию, стоят

выше русских чиновников и что между ними много способных, весьма исполнительных и честных. Польские чиновники имеют, конечно, свои убеждения, свои цели и некоторые недостатки, развитые в них как прежнею историею Польши, так и нашим там владычеством; но нет достаточных причин, нет возможности подвергать их вообще острацизму¹²³. По моему глубокому убеждению, хорошие русские чиновники весьма полезны, необходимы; но плохие и даже средние — положительно вредны, ибо поляки не могут не чувствовать своего над ними превосходства, и такие русские чиновники или делают на каждом шагу промахи и только запутывают дела, или поддаются полякам, которые в этом случае делают чрез них то, чего бы сами никак не решились сделать.

Во 2-х, в Польше чиновников очень много; бедный класс, доставляющий кандидатов в оные, крайне многочислен. Эти люди, кроме службы, не имеют никаких средств к содержанию себя и семейств своих. Если число русских чиновников в Польше значительно усилится, то куда деваться польским чиновникам? К тому же, если одни чернорабочие места будут за ними оставлены, то какая для них будет перспектива на службе? Призыв русских en masse на службу в Польшу грозит польским чиновникам голодною смертию; при таком положении каковы должны быть их чувства и действия? К чему, спрашиваю, учреждать, умножать в Польше учебные заведения, долженствующие развивать способности шляхты, всего более алчущей образования? Соответственнее было закрыть и существующие, и, наделив шляхту, из которой выходят все чиновники, клоками земли, перечислить ее в крестьянство. Принятие подобной меры, конечно, нежелательно, оно и невозможно: а потому не согласно с видами мудрой политики становить всю массу польских чиновников в безвыходное положение.

Другая мысль, не менее вредная, преобладающая теперь в системе управления польскими делами, заключается в том, чтобы пересаживать в Польшу все русское без разбора, хорошо ли оно, соответствует ли тамошним потребностям или нет. Так, между прочим, предполагается ввести в Польше русское Положение о праве торговли и промысла. Кто жил в империи, вникал в это устройство, и особенно кто имел случай видеть действие этого Положения в западных губерниях, тот, конечно, не может не признать всей несоответственности этого узаконения для самой России. Для Польши особенно важна мелочная торговля; там почти все торгуют и имеют на продажу чуть-чуть не все;

как же там привести в исполнение то разграничение между продажными предметами, которое установлено упомянутым Положением и которое составляет существенную, основную его принадлежность?

Правительство признало необходимым произвести преобразование в действующих в Польше законах гражданских и уголовных, в постановлениях о судеустройстве и судопроизводстве, в уставе торговом и пр. Эта мысль вполне верна, ибо трудно себе вообразить что-нибудь уродливее польской юриспруденции, основанной на законах древних польских, австрийских и прусских, на постановлениях правительства до 1831 года¹²⁴, последующего и, наконец, новейшего времени, т. е. после 19 февраля 1864 года. Такое предположение правительства должно бы встретить полное сочувствие в Польше, и многие польские юристы готовы бы были оказать усердное содействие к исполнению этого великого и общепольского дела. Но что сделало правительство для осуществления этой благой мысли? Оно учредило, даже с некоторою торжественностью, комиссию, в которую членами назначило молодых воспитанников школы правоведения, и не только не посадило туда ни одного поляка, но даже ни одного известного русского юриста. Спрашивается: может ли такая комиссия исполнить свое назначение и внушить полякам к себе какое-либо доверие?

Еще одно весьма вредное мнение руководит ныне управлением в Польше: для удержания края в полном повиновении, для водворения и утверждения в нем новых порядков признается необходимым удержание в силе тех обязательных и карательных мер, которые неизбежны были в начале, т. е. при учреждении военного положения. Вследствие этого до сих пор, т. е. с лишком два года после полного усмирения края, нет никакого свободного движения во всем Царстве. Никто не может переехать или перейти пределы ведомства военно-полицейского начальства, не испросивши у него особого на то билета. Никто не может выйти для прогулки в Варшаву, не будучи на то уполномочен особым билетом, выдаваемым от обер-полицеймейстера. После полуночи всякое движение по улицам воспрещено, и исключения из этого правила только в пользу лиц, снабженных особыми билетами. Полиция сохраняет право задерживать кого угодно и не подлежит ответственности за свои промахи. Она имеет право и штрафовать обывателей за малейшее отступление от ее распоряжений: так, штрафуют 3, 5 и до 10 рублей за то, что калитка или ворота не были днем затворены, что на дворе найдена какая-нибудь нечистота и пр.;

деньги эти идут на составление капитала, который находится в распоряжении самой полиции. На железных дорогах для получения билета везде требуется паспорт, и сверх того, во многих местах производится общая поверка всех паспортов. Дела по жалобам на потравы, порубки и по найму рабочих изъяты из общего порядка производства и подчинены ведению военно-участковых начальников — русских военных, вовсе незнакомых с польскими постановлениями и обстоятельствами.

До сих пор, т. е. два года после полного усмирения Польши продолжают следствия касательно действий, бывших во время мятежа, хватают людей, сажают их в крепость, допрашивают и постоянно находят необходимым делать новые аресты и розыски. Известно, что при такой системе нет причины когда-либо закончить следствия. Едва ли согласно с государственною пользою продолжать бесконечно розыски после того, как главные виновники уже открыты и наказаны. Необходимо когда-нибудь заключить это дело, и двухлетнее совершенное спокойствие края дает, кажется, к тому полную возможность.

При таком необеспечении личной безопасности и имущественных прав, при такой неопределенности положения вообще, при таких полицейских стеснениях и при беспрестанном ожидании еще худшего в будущем очевидно, что ни торговля, ни промышленность, ни земледелие развиваться не могут; а потому и не удивительно, что застой во всем крайний, что безденежье достигает пределов едва вообразимых и что край идет быстрыми шагами к полному разорению.

Спрашивается: вышеизложенные меры должны ли вести к окончательному слиянию Польши с Россиею? На радость ли России будет присоединение к ней края, оскорбленного во всех его чувствах, приведенного в крайний беспорядок и разоренного донельзя?

Положение Польши теперь таково, что нельзя там опасаться какого-либо сопротивления. Страна эта, конечно, еще не вполне убита, но силы ее находятся в крайнем упадке. Едва ли выгодно для России держать долее в таком положении край, долженствующий составлять часть ее империи. Расстроить, разорить имение или страну легко — и для этого не нужно много времени; но поправить финансовое положение имения или страны, возбудить в нем или в ней опять деятельность и привести в нормальное положение — это весьма трудно и требует много времени, трудов и расходов. Примеров этому и в частной, и в государственной жизни много. Один из самых

известных и самых разительных представляет Ирландия. Убита была там местная самобытная деятельность; английское правительство и английские землевладельцы, несмотря на все усилия и расходы, не в состоянии восстановить благосостояние этой страны. Не мешает к этому присовокупить и то, что убитые, бедные страны не всегда бывают самые спокойные: кроме Ирландии, турецкие и австрийские провинции доказывают, что дух возмущения не иссякает вместе с денежными средствами. Очень опасно, чтобы подобное что-либо не случилось и в Польше. Мы стремимся там уничтожить шляхту — самую образованную и самую зажиточную часть польского населения. Чем же мы ее заменим? Конечно, не русскими землевладельцами и не русскими капиталами, ибо и того, и другого у нас не хватит и на западные губернии. В городах вся сила будет сосредоточена в руках евреев; это еще не беда. Но в деревнях, обитаемых тремя четвертями всего народонаселения, что останется? Крестьянство — класс бедный, еще долго неспособный к инициативе, и разоренные дворяне, которые продадут по необходимости свои имения пруссакам. Едва ли такой исход выгоден для России. Мы не можем сосредоточить всю силу в руках крестьян и на них одних опираться; для этого мы должны были бы изменить всем своим преданиям и переиначить весь строй нашего государства; ибо невозможно в одной части империи действовать в духе самого крайнего демократизма, а в прочих придерживаться иных, более здравых начал. Еще менее мы имеем право основывать наши надежды на немцах-землевладельцах, опирающихся на Пруссию, и в особенности после событий нынешнего года.

Имевши теперь довольно случаев узнать поляков и в особенности польскую шляхту, и, вникнувши в их характер, считаю долгом здесь высказать мое по сему предмету откровенное мнение.

Известный эпитет, данный русским народом поляку, нельзя не признать верным. Хотя поляк умен, ловок и находчив, однако недостаток благоразумия в нем поразителен. Он считает возможным, вероятным, почти несомненным все то, что составляет предмет его желаний, а потому вовлечь поляка в самое безрассудное предприятие есть дело крайне легкое. Поляк вообще неправдив; ложь считается им орудием непостыдным; он употребляет его охотно в отношении не только других, но и самого себя; доходит ли до него слух самый неправдоподобный, заметил ли, вздумал ли он сам что-нибудь, и этот слух, это его замечание или мнение тотчас в его уме принимают

плоть; он их разукрашивает и так себя убеждает в их истине, что готов головою за нее отвечать; и потому нигде не распространяется столько ложных известий, как в Польше. Поляк вовсе несамостоятелен: вследствие того он имеет мало уважения к себе и к другим: он вечно хитрит, не брезгает никакими средствами для достижения своей цели и равно способен к самоуничижению и высокомерию. Женщины в Польше имеют все эти недостатки, и в степени еще много высшей, чем мужчины. Как обыкновенно и в добродетелях, и в пороках (а в сих последних, к несчастью, еще более, чем в первых), первенство, верх остается за тем, кто имеет в этих свойствах превосходство, то этим легко объясняется преобладание в Польше женщин над мужчинами. Как вышеупомянутые недостатки встречаются вообще более в женщинах, чем в мужчинах, то женственность есть то слово, которое вернее и объемистее определяет характер поляков. Понятно, почему они во времена своей независимости не могли иметь государство самостоятельное и почему интриги внутренние и внешние составляли всю их жизнь государственную и общественную. Понятно, почему католичество с своими обманами, домогательствами и способами действия так пришлось полякам по природе и почему оно так въелось в их кости.

Указанные в поляках недостатки могут быть побеждены только свойствами противоположными. Мужественность русского духа и святость нашей церкви дают нам к тому верные средства. Благоразумие русского народа доказано всею его историею, поведение его во время прекращения крепостного состояния убедило даже его врагов и людей, дотоле мало его ценивших, что это качество по преимуществу ему принадлежит. Состоятельность русского народа еще менее может подлежать сомнению: он отстоял свою народность даже и тогда, когда правительство и высшее общество, увлеченные Европою, неслись в противоположном направлении и почти стыдились своей отчизны. Хотя русский нелегковерен, но он и не недоверчив; для этого он должен бы не верить самому себе, к чему он никаких причин не имеет. Напротив того, в русском есть крепкая вера в Бога, в Божий Промысел и в великое его назначение; при этом недоверчивым человеком он быть не может. Церковь наша, сознавая свою святость, свою истинность, никогда для своего возвеличения не прибегала к средствам несправедливым и никогда их не разрешала сынам своим; по отношению же к другим вероисповеданиям она держалась

полной веротерпимости, будучи убежденною, что только это правило согласно с учением Христовым и что гонения производят всегда действие противное желаемому.

Следовательно, мы имеем все средства, чтобы победить поляков, овладеть Польшею и ее вполне за нами укрепить. Вся задача — употребить эти средства надлежащим образом.

Иные думают, что необходимо принять за правило не верить ни одному поляку, поставить его, лишением всякого богатства и силы, в невозможность когда-либо нам вредить, что необходимо заявлять полякам постоянное недоверие и презрение и только гнетом и строгостию удерживать их в повиновении. Нет! этим способом действия нельзя устроить никакой страны, никакого отдельного состояния в оной, ни даже детской школы или исправительной тюрьмы. Первое условие к успешному действию на кого бы то ни было есть оказание ему доверия и уважения и вызов его на содействие. Ни детской школы, ни уголовного исправительного учреждения нельзя устроить и успешно вести, если считать детей существами неразумными, а преступников неисправимыми бездельниками и постоянно высказывать им недоверие и неуважение. Недостатки польского характера и быта нам известны; наша обязанность как победителей, как власть предержащих противодействовать этим недостаткам; соображать, на основании этого знания, наши способы действия, и вместе с тем, оказанием полякам некоторого, в разумных пределах заключенного, доверия и уважения, возбуждать, вызывать в них свойства иные — лучшие, и стремиться к тому, чтобы из поляков образовать полезных граждан нашего государства. Возможно ли это? Пока на опыте мы не убедимся в этой невозможности, мы не имеем права отвечать отрицательно; и это тем более, что способ действия противоположный, т. е. гнет, притеснения, строгости, бедность еще не припаивали никакой страны к государству-победителю. Только уравнивание в правах присоединяемых с присоединителями, только прекращение мер исключительных и водворение порядка нормального, только мудрая кротость и благо-разумное доверие совершали такие дела государственные.

Скажут, быть может, что система доверия и кротости уже была в отношении Польши испытана и что именно она-то и произвела там все бедствия 1830 и 1862–64 годов¹²⁵. Действительно, Польша имела прежде всего что-то вроде конституционного правления; действительно, в недавнее время вводима там была автономия с отменю

почти всякого русского вмешательства; но обе эти системы основаны были на ложном, невозможном основании — на обособлении Польши от России, а потому они не могли удалиться. Теперь цель, которую мы должны достигнуть в Польше, ясна; последние беспорядки очистили нам почву для наших действий; а потому остается только воспользоваться обстоятельствами.

Будущность Польши, по глубокому моему убеждению, находится теперь вполне в руках нашего правительства. Если оно будет действовать разумно, бесстрастно, последовательно, веротерпимо, без легковерия, но и без недоверия к самому себе и к Польше, если оно, руководствуясь истинным русским духом и черпая в нем свою мудрость и силу, будет иметь постоянно и неуклонно целью слить Польшу с Россиею, то ни революции, ни значительные беспорядки в Польше более невозможны, и этот край перестанет быть легкоуязвимою пятою нашего государства.

Теперь или, вернее сказать, с год тому назад, настало, думаю, для России самое благоприятное время для успешных действий к окончательному и полному присоединению Польши к России.

С одной стороны, русский народный дух пробудился; его потребности, желания и мнения несколько высказались; правительство как во внешней политике, так и во внутреннем управлении приняло направление более чем прежде согласное с интересами и нуждами страны; освобождение крестьян с наделением их землею, дарование земских учреждений, введение гласного судопроизводства, начатки свободного тиснения и другие важные, хотя и менее крупные преобразования, дали положительные основания нашему государственному управлению; теперь Россия и ее правительство все теснее и теснее соединяются друг с другом и все более и более сознают свои общие силы, свои общие цели и средства к их достижению.

С другой стороны, Польша последними своими отчасти неосторожными, отчасти в высшей степени преступными действиями утратила всякое право на сколько-нибудь самостоятельное существование. Она может ожидать улучшения своей участи только от милости и мудрости русского правительства. Всех виновнее в бывших беспорядках шляхта; но теперь она-то и находится в самом бедственном положении. Обремененная тяжкими старыми и новыми долгами, лишенная большей части своих доходов, обязанная платить почти двойные против прежнего подати и устраненная чуть-чуть не вовсе

от заведывания делами страны, шляхта видит пред собою гибель неминуемую*. Подобно утопающему, который в чаянии спасения хватается даже за соломинку, шляхта готова теперь принять с благодарностью всякое устройство, которое даст ей возможность существовать.

Правительству, кажется мне, необходимо воспользоваться этою минутою и вовсе не стремиться к окончательному разорению польской шляхты, сословия, без которого мы обойтись не можем. Опираясь в Польше на одно крестьянство, при пособии русских чиновников, значило бы действовать не в пользу, а во вред России. Такое устройство бюро-охлакратическое одной части нашего государства не осталось бы без самых вредных последствий и для остальных его частей; это было бы привитие к России такого недуга: впускание в ее

---

* Вознаграждение, ныне выдаваемое помещикам ликвидационными листами за земли, отошедшие в собственность крестьян, есть вознаграждение более кажущееся, чем действительное: оно есть, скорее, уравнительная раскладка между помещиками тяжестей по случаю наделения крестьян землею, чем уплата за землю, которая отошла от прежних ее собственников. Это очевидно из нижеследующего: во 1-х, по оценке крайне умеренной, сделанной Земским кредитным обществом и принятой правительством при устройстве земских податей, морг земли в сложности во всем Царстве стоит около 25 руб., по сведениям, обнаруживаемым от Учредительного комитета, за морг земли в сложности выдается вознаграждение около 13 руб.; во 2-х, эти 13 руб. выдаются ликвидационными листами, которых ценность стоит около 62 к. за рубль; следовательно, упомянутые 13 руб. превращаются почти в 8 руб., чего, конечно, стоят сервитуты в пользу крестьян, оставленные на помещичьих землях.

Сверх того, для усиления средств ликвидационной комиссии, т. е. для того, чтобы она могла платить процент по ликвидационным листам, а равно своевременно их погашать, помещики обложены новыми податями: прибавкою 50% к прежде ими платимым офяре и подымной, что составляет около 900 т. р. Еще помещики платят в ликвидационный капитал 600 т. р. за пропинацию на крестьянских землях, которою прежде они пользовались, которая законом была за ними признана, и за утрату которой они не получили никакого вознаграждения. Как процентов на ликвидационные листы предполагается выплачивать около 2 мил. руб. и на погашение около $1\frac{1}{2}$ м. р., то помещики из этой суммы уплачивают $\frac{3}{4}$ взыскиваемых с них вперед и выдаваемых им впоследствии в виде процентов.

Из изложенного здесь очевидно, что вознаграждение, выдаваемое помещикам за отошедшие от них земли, есть, как сказано выше, более кажущееся, чем действительное, и что оно есть только уравнительная раскладка тяжестей между помещиками, по случаю наделения крестьян землею, ибо иначе некоторые помещики, раздавшие всю землю или много земли крестьянам, остались бы совершенно без ничего, а другие, удержавшие всю землю в своем распоряжении, не потерпели бы никаких убытков.

здоровое тело такого яда, который переел бы собственные ее силы и подготовил бы ее падение.

Конечно, немецкий *Herrenstand*¹²⁶, французская *noblesse*¹²⁷, русское барство, польское панство сокрушены безвозвратно; даже английское лордство, учреждение, разумеется, и более здоровое, чем континентальные его собратья, ежедневно утрачивает часть своей силы; но есть аристократия, которая в благоустроенном государстве должна всегда сохранить силу и значение: это аристократия образования и достатка. Наши земские и городские учреждения уже доказали, что наш народ вовсе не против такой аристократии; напротив того, он предпочтительно облакает властью людей из дворян как условия более образованного и более достаточного. Было бы слишком неосторожным, скажу более, было бы противным мудрой государственной политике попираť, уничтожать в Польше, части нашего государства, именно то, что должно составить основу его состоятельности, силы и величия.

Не менее кого другого я желаю полного, немедленного и окончательного присоединения Польши к России; но я желаю, чтобы оно совершилось действительно, в существе, а не только в форме, не временно, а навсегда, для блага России и части ее, Польши. Для этого нет надобности теперь расстроивать, разорять, оскорблять и угнетать эту страну. Напротив того, надо скорее вывести ее из неопределенного состояния, в котором она находится, и указать ей то положение, которое она должна занять в нашей империи. Для этого нужно было бы немедленно возвестить те перемены, которые должны быть произведены в управлении Польшею, призвать поляков к содействию и прекратить способ управления, основанный на недоверии, тайне и враждебности, которые в последнее время слишком явно выказывались полякам. Неизвестность будущего, неопределенность настоящего, опасения и подозрения, вследствие того необходимо возникающие, для человека и для страны тяжелее, чем действительность, хотя и не блестящая, не соответствующая желанием, однако положительная, удовлетворяющая главным потребностям человека. Чем Пруссия действительно присоединила к себе рейнские и польские провинции? Благоустройством, развитием земледелия, промышленности и торговли, уравнением всех граждан в правах и отсутствием австрийской системы подозрений и угнетений. Конечно, люди крайние, беспокойные останутся недовольными общим положением края; но их

голоса будут вопить в пустыне; а значительное большинство оценит существующее благоденствие и останется в покое. Можно теперь наверное сказать, что и Ганновер¹²⁸, и даже Франкфурт¹²⁹, весьма недозвольные присоединением к Пруссии, через весьма немного лет сделаются преданными провинциями прусского государства; и это почему? Потому, что прусское правительство действует бесстрастно, весьма разумно, энергически, но без излишних строгостей и, в особенности, без ненужных стеснений и оскорблений.

Для достижения в Польше вышеупомянутой цели следовало бы, по моему мнению, немедленно принять, между прочим, следующие главные меры:

1. Преобразование Царства Польского в губернии империи.
2. Упразднение в Польше Государственного совета, Совета управления и Учредительного комитета, а равно должностей наместника и главных директоров.
3. Упразднение статс-секретарства или отделения собственной канцелярии, его заменившего, а равно Комитета по делам Царства Польского.
4. Подчинение всех частей управления разным министерствам империи по принадлежности.
5. Образование в Варшаве временного общего присутствия из главных лиц, имеющих заведывать различными частями управления и назначаемых каждым министром по своей части.
6. Вменение как сему присутствию, так и отдельным управлениям каждого министерства в обязанность руководствоваться, при заведывании делами, постановлениями, существующими в Польском крае, с постоянным стремлением приводить их, по возможности, в согласие с законами, действующими в империи.
7. Назначение нескольких поляков как в упомянутое общее присутствие, так и в Государственный совет империи, где, само собою разумеется, будут рассматриваться и дела, касающиеся польских губерний.

8. Закрытие следственных комиссий по делам о бывших беспорядках в 1862–1864 годах и снятие военного положения.

Для успеха этих мер всего важнее, всего необходимее действовать не враждебно, не недоверчиво и не скрытно, а явно, благодушно и с призывом самих поляков к содействию, с указанием им, что этим они могут приобщиться к правам и выгодам, которыми пользуются

прочие граждане империи. Последнее теперь сказать мы можем, ибо Россия имеет земские учреждения, гласное судопроизводство и до некоторой степени свободу книгопечатания. Конституционное правление, которое поляки когда-то имели, никогда не было действительным. Теперь они с радостью примут меньшее, но дарующее им права и выгоды положительные.

Если бы против предложенных мер было сделано возражение, что по дипломатическим соображениям невозможно возвестить о всех преобразованиях, предполагаемых в Польше, то на это отвечать, кажется, нетрудно: после всех присоединений (annexions), сделанных в последнее время Пруссиею, с лишением многих коронованных лиц даже наследственного их престола и с необращением внимания на желания народонаселения, едва ли кто может что-либо сказать против действий России в Польше. Впрочем, не в этом возвещении или невозвещении предпринимаемых преобразований заключается главное, существенное различие между способом действия ныне принятым и тем, который здесь предлагается. Конечно, весьма желательно, чтобы была большая по возможности откровенность в распоряжениях, чтобы неопределенность нынешнего положения Польши скорее прекратилась и заменена была состоянием положительным, но еще несравненно важнее — систему недоверия и враждебности заменить системою благоразумного доверия и государственного благодушия. Против этого, кажется, не может быть предъявлено никаких возражений и к этому нет, кажется, никаких препятствий.

Дозволю себе присовокупить еще одно: изменение нынешнего способа действия в Польше требуется также хотя посторонним, однако весьма важным соображением. Славяне внимательно следят за нашими действиями в Польше, и наши нынешние там распоряжки производят на них самое тяжелое и для нас самое невыгодное впечатление. Те из славян, которые всего дружественнее к нам расположены, ничего не могут сказать в нашу пользу, ибо беспрестанно доходят туда слухи о наших религиозных преследованиях в Польше, о беспрестанных нарушениях там права собственности, о стеснении, почти прекращении всякого свободного движения в этой стране, о крутых способах, принимаемых правительством к обрусению Польского края, и пр. Правда, эти слухи часто преувеличены, иногда и вовсе ложны, но повод к ним действителен; многое из рассказываемого справедливо; а потому и неудивительно, что таким слухам верят

и что враги наши ими пользуются во вред нашего влияния в землях славянских. Теперь, при том брожении, которое существует во всех австрийских провинциях, это обстоятельство имеет особенную важность.

Сверх того, для усиления средств ликвидационной комиссии, т. е. для того, чтобы она могла платить процент по ликвидационным листам, а равно своевременно их погашать, помещики обложены новыми податями: прибавкою 50% к прежде ими платимым офяре¹³⁰ и подымной, что составляет около 900 т. р. Еще помещики платят в ликвидационный капитал 600 т. р. за пропинацию на крестьянских землях¹³¹, которою прежде они пользовались, которая законом была за ними признана, и за утрату которой они не получили никакого вознаграждения. Как процентов на ликвидационные листы предполагается выплачивать около 2 мил. руб. и на погашение около $\frac{1}{2}$ м. р., то помещики из этой суммы уплачивают $\frac{3}{4}$ взыскиваемых с них вперед и выдаваемых им впоследствии в виде процентов.

Из изложенного здесь очевидно, что вознаграждение, выдаваемое помещикам за отошедшие от них земли, есть, как сказано выше, более кажущееся, чем действительное, и что оно есть только уравнительная раскладка тяжестей между помещиками, по случаю наделения крестьян землею; ибо иначе некоторые помещики, раздавшие всю землю или много земли крестьянам, остались бы совершенно без ничего, а другие, удержавшие всю землю в своем распоряжении, не потерпели бы никаких убытков.

О ЗЕМСКИХ СОБРАНИЯХ

I. Много великих, истинно благодетельных, из жизни Русского народа почерпнутых мыслей перешло, в нынешнее достославное царствование, из области будущего в область настоящего, из ряда пожеланий, надежд и предположений в число совершившихся или совершающихся дел. Так крестьяне освобождены не с правом блуждать по пространной нашей империи, а с положительным поземельным наделом, что требовалось и духом нашего народа и складом обширной и разнообразной нашей земли; так, в основу нашего преобразованного судопроизводства положены мировые судебные учреждения и присяжные заседатели, что также вполне согласно с нравственными свойствами нашего народа, чуждающегося неумолимой строгости и положительности писанного закона и высоко ценящего приговоры человеческой совести; так мысль земства, как единства всех Русских граждан, прежде существовавшая только в истории, в уме нескольких передовых людей и в бессознательном чаянии простолюдина, нашла жизнь в земских учреждениях.

О сих-то последних мы и предполагаем здесь вести речь.

Земские учреждения встречены были вообще с меньшим сочувствием, чем другие нами упомянутые преобразования. Причиной тому были тесные пределы, в которые, Положением о земских учреждениях, была заключена земская деятельность. Были люди, и их число немалое, которые сперва считали за лучшее вовсе уклониться от участия в учреждаемых собраниях и управах, потому что круг действия, им отведенный, лишал возможности устроить и обставить их так, как того требовало успешное и разумное ведение дел, земству вверенных. Люди же более рассудительные и не увлекавшиеся теоретическими и мечтательными воззрениями, были иного мнения: они видели в этой именно ограниченности первоначального круга действия земства залог прочности и будущности его существования. Нельзя было не сознавать нашей неподготовленности вообще к самоуправлению. Если бы разом нам было отведено обширное поприще, то мы бы раскинулись, растерялись, не могли бы хорошо узнать свой участок и дельно с ним справиться. Но все с благодарностью оценивали в Положении то, что вмешательство администрации в дела земства казалось положительно ограниченным статьями 90, 91, 94–96 Положения о земских учреж-

дениях, и что, в границах отведенной области, предвиделась для земства возможность быть несколько самостоятельным.

Необходимость восстановления земства была очевидна. Ее признавали все состояния граждан и само правительство. Местное управление ни кем лучше ведено быть не может как людьми местными, по выбору и под надзором местного населения; а правительство тем более и тем лучше в состоянии управлять государством, чем менее внимание его отвлечено от дел общих, делами местной администрации. Если это справедливо вообще, то оно особенно верно теперь и относительно пространной нашей империи. Нельзя не видеть, что дела административные с каждым годом умножаются и усложняются: отношения между гражданами, с развитием земледелия, промышленности, торговли и гражданственности, и с постоянным увеличением народонаселения, учащаются и становятся все значительнее и разнообразнее; беспрестанно возникают новые потребности, о которых прежде и не помышляли; к тому же, что прежде можно было сделать в течение годов и месяцев, то теперь необходимо устроить в продолжении недель и дней. А потому настоящее время требует местного самоуправления настойчивее, чем прежде. Россия же со своими многоразличными климатами, почвами, народными способностями и обычаями, с своими богатствами и нуждами, с крайне разнообразными степенями развития своих граждан и пр. имеет более нужды в местном самоуправлении, чем какое либо другое государство. И эта потребность равно настоятельна как для граждан, так и для самого правительства. Есть ли возможность из Петербурга заведовать, хотя чрез посредство губернского начальства, мостами, гатями, дорогами, школами, больницами, богадельнями, запасными магазинами, застрахованием сельских строений и пр.? Есть ли возможность из Петербурга или даже из губернского города, назначать с сознанием те сотни служащих, которые необходимы для ведения местного хозяйства и местного судопроизводства? Есть ли наконец возможность высшему правительству, находящемуся в нескольких сотнях и тысячах верст от управляемых местностей, иметь надлежащий надзор за всеми частями местной администрации? Нет! такие задачи не под силу самым способным, самым трудолюбивым, коротко знающим свою страну государственным людям. Сознанию этой истины земство обязано своим восстановлением: правительство даровало ему права, и все разряды народонаселения дружно соединились для принятия этих прав и для

пользования ими; даже люди, сперва предполагавшие воздерживаться от участия в делах земства, не отстали от прочих. Так мысль о земстве была дорога всем Русским и жива в их сознании!

Вступление земства в отправление своих обязанностей было соединено с многоразличными и весьма значительными затруднениями. Оно нашло уездное и губернское хозяйство в самом расстроенном положении: мосты по большей части были ветхие и исправлялись только перед проездом губернаторов или других важных особ, а в остальное время все принуждены были ездить мимо мостов, подвергая часто опасности свою жизнь, лошадей и везомую кладь; на перевозах грабили, а солдаты, приставленные для надзора, только усиливали поборы, требуя часть их и на свою долю; хлебные магазины были почти всегда и везде пусты; больницы содержались так, что в них болезни усиливались, а не излечивались; школы существовали только по ведомостям; а статистических сведений, совершенно необходимых для всякого правильного управления, не было в сборе почти никаких, ибо невозможно было считать таковыми те, которые ежегодно, в очищение номера, отправлялись к губернаторам*. Притом, передача в заведывание земства этого расстроенного хозяйства производилась администрацией почти повсеместно с такими приемами и формальностями, которые только затрудняли и замедляли окончание дела. Из этого возникали столкновения, жалобы, объяснения, исследования и, наконец, решения; а между тем время бежало и расстройство по всем частям хозяйства увеличивалось.

---

* Вот два случая, вполне характеризующие способ собирания статистических сведений земскою полициею:

1-й. Привозит исправник к предводителю ведомость об урожае хлебов в уезде, набело переписанную и к отсылке приготовленную. Предводитель замечает исправнику, что урожай показан чересчур малым. Исправник видит основательность этого замечания и призадумывается; но вдруг блеснула ему счастливая мысль: «ничего» говорит он, «можно беде помочь, не переписывая бумаги: стоит прибавить по одному нулю к цифрам урожая и дело с рук сойдет».

2-й. Один приказчик входит осенью к своему помещику, прибывшему в первый раз в имение и спрашивает: «прикажете отправить к исправнику ведомость об урожае»? Как опыты урожая еще не были сделаны, то такой вопрос удивил помещика, и он спросил приказчика о том, как он покажет урожай? Приказчик, удивленный таким вопросом, спокойно отвечал: «в этом нет никакого затруднения — вот уже лет десять, как мы переписываем ведомость, составленную покойным вашим батюшкою, и полиция остается довольною, что мы всегда в срок подаем нашу ведомость».

Когда в первый раз собралось земство, хотя живущее в одном и том же уезде, или в одной и той же губернии, однако составленное из разнородных, мало друг другу знакомых личностей, естественно, что оно несколько призадумалось, стало осматриваться, и, действуя не для очистки номеров, а в собственном деле, захотело сперва его узнать. Осажденное со всех сторон требованиями о пособии, о разрешениях, об утверждениях и пр., оно сочло долгом действовать осторожно как из опасения промахов, так и из боязни причинить себе вред и убытки. Недоброжелатели земства подняли крик, что земство ничего не делает, что управы стоят дороже, чем казенные управления, что дороги и мосты стали еще менее удобопроезжи, чем прежде, что больницами, школами и прочими необходимыми учреждениями занимаются только на словах, и что, в действительности, общественное хозяйство вообще приходит еще в худшее, против прежнего, положение. Эти жалобы и обвинения, конечно, не смущали людей, живущих во внутренности империи, знавших, как дело действительно обстоит; но эти речи нашли веру у людей, пребывающих в столицах и особенно в Петербурге и знакомых более с тем, что делается в Париже, чем с настоящим положением дел в России.

Теперь прошло первое трехлетие земской деятельности, и мы можем окинуть его взглядом. Пути сообщения почти везде значительно улучшились; много бесполезных больших дорог упразднено; новые дороги, требуемые промышленностью и торговлею, проложены; мосты и гати исправляются так, что во всякое время можно ездить по ним безопасно; больницы и врачебная часть по уездам устраиваются; хлебные магазины наполняются хлебом в количествах небывалых; земское взаимное застрахование строений не только введено, но везде идет с замечательным успехом; сельские школы, хотя еще мало умножаются, но сознание необходимости распространения грамотности в народе до того усилилось в земстве, что многие губернские собрания предположили устроить училища для образования сельских учителей, и что почти все уездные собрания назначили более или менее значительные суммы в пособие сельским школам. Сверх того, во многих местностях сборы земские взимаются уже не поровну со всякой земли, а по расчету ее доходности; для чего губернии разделены на полосы, а уезды на местности, которые и платят сбор, смотря по плодородию земли и по другим выгодам, с нею соединенным. Кой-где пошли даже далее: земли оценены по родам их

употребления. Нельзя упустить из виду и того, что управы и собрания теперь сознают все более и более важность своего призвания и лежащую на них ответственность; что люди способные выказываются; что понятия о службе общественной созревают; и что устанавливаются такие способы общественного хозяйничания, которые были невыполнимы при казенном управлении, и которые дают возможность производить работы и подряды и лучше, и дешевле. Но всего важнее то, что земство сплотняется, что землевладельцы-дворяне по своему просвещению, достаткам и опытности в делах управления, становятся в главе земства, что крестьяне вовсе не выказывают к ним недоброжелательства, а напротив того, весьма охотно принимают их советы, предложения и разъяснения, и редко подают свой голос отдельно. Купцы и духовенство, хотя менее заинтересованные в этом деле, не возбуждают, однако, розни в земстве. Одним словом, земское дело идет вперед лучше, чем можно было даже ожидать.

Знаем, что не везде последствия земского управления одинаковы: в некоторых губерниях и уездах назначены служащим по земству большие жалованья, что совершенно противоречит достоинству и существу земской деятельности; иные губернские собрания захватывают то, что должно принадлежать ведению уездных собраний; там и сям проявляются сословные претензии; но возможно ли такому новому, важному, одновременно в 33 губерниях пущенному в ход делу, войти в жизнь общественную однообразно, везде с равным успехом и при одинаковом содействии всех разрядов народонаселения. Существенно важно то, что везде земские учреждения пошли в ход; что нигде не проявилось явной, коренной розни между различными состояниями; что ошибки, промахи, упущения составляют исключения в деятельности земских собраний; что своекорыстные действия членов управ почти беспримерны; и что земская жизнь становится существенною частью нашей деревенской жизни. Такие последствия земской деятельности, полученные в три года, суть непреложные ручательства за будущность и крепость нашего земства вообще.

И все это совершилось при обстоятельствах, далеко не благоприятных для вступления земства в жизнь, ему предназначенную. Только за три года пред изданием Положения о земских учреждениях, уничтожены были узы крепостного права, сковывавшие два состояния, которые должны были явиться главными деятелями в жизни земской. Перемена эта была не постепенная ни в отношении времени, ни в

отношении сущности дела, а быстрая и коренная. И несмотря на то, не вооружились друг против друга ни помещики для возврата утраченного, ни крестьяне для отмщения за прошлое. Напротив того, гласные от землевладельцев-помещиков и гласные от крестьян сели за один стол, как будто век за ним сидели, и занялись общими делами, не поминая прошедшего и имея в виду только настоящее и будущее. Это — великолепное свойство русского характера, свойство не помнить зла и соединяться как только можно и нужно; оно одно объясняет существование такой пространной империи, какова Россия, и должно служить ей навсегда главным руководителем в ее внутренней политике. — Не могла не отозваться неблагоприятно на начало земской деятельности и затруднительность наших финансовых дел вообще. Недостаток в деньгах и у землевладельцев, и у крестьян, застой торговли, приостановление промышленных заведений и предприятий — все это крайне стесняло действия земства. Кроме этих общих, из обстоятельств времени и самого дела возникших затруднений к развитию земских учреждений, были еще другие, которые оказались для них тем тяжче, чем прямее они к ним относились, и чем они были неожиданнее.

1) Некоторые земские собрания, в первые годы своего существования, непомерно обложили торговые и промышленные свидетельства и билеты, а равно патенты на винокуренные заводы и питейные заведения. Вследствие этого возникли от разных лиц жалобы и, сверх того, в Министерстве финансов возникло опасение, чтобы высокие сборы в пользу земства с винокурения и с торговли вином не повредили акцизным доходам.

Почему 21 ноября 1866 года состоялось Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о том, что земской сбор с гильдейских свидетельств, а также с патентов на винокуренные заводы и питейные заведения, не должен превышать 25 % взносимой в казну цены, а со всех прочих установленных законом торговых и промышленных свидетельств и с билетов на содержание открытых торговых и промышленных заведений, этот сбор не должен быть выше 10 % взносимой в казну цены. Это ограничение сбора с одного предмета, при неограниченности сбора со всех прочих предметов обложения и при постепенном и неминуемом возрастании земских расходов вообще, поставило купечество в исключительное положение. Оно стало смотреть равнодушно на все вновь предлагаемые расходы или на увели-

чение существующих расходов; оно утратило чувство тесной связи с остальным земством; а потому с 1867 года оно принимает слабое участие в делах земства, говоря: «нам здесь делать нечего — меньше положенного не возьмете, а более того потребовать не смеее». Конечно, необходимо было защитить в земских собраниях меньшинство торговых и промышленных людей от большинства, состоящего из землевладельцев и крестьян; но следовало это сделать так, чтобы *кушцы и промышленники оставались связанными общим интересом с прочими членами земства*. Если бы вместо назначения процентов с сумм, платимых в казну и потому неизменных, свидетельства, билеты и патенты были определены *по ценности представляемых ими капиталов*, то процент обложения с земель, строений и всякого рода свидетельств, билетов и патентов мог бы быть один и тот же; тогда торговцы и промышленники имели бы равный интерес с землевладельцами и крестьянами в увеличении и сокращении расходов.

Ценность капиталов, представляемых свидетельствами, билетами и патентами, могла быть по каждому из них определена правительством или прямо цифрами, или указанием, на какие цифры должны быть помножаемы цены, платимые в казну за упомянутые документы. Пока правительство не решило какой *taximum* земского сбора может быть допущен с цен, платимых в казну за свидетельства, билеты и патенты, до тех пор еще можно было недоумевать на счет того, какую ценность назначить капиталам, представляемым этими документами или какие множители должны быть указаны, для получения цифры этих капиталов. Но как скоро решено было дозволить земствам брать с гильдейских свидетельств и с патентов на винокуренные заводы и на питейные заведения по 25%, а со всех прочих свидетельств и билетов по 10% с цен, платимых в казну, то всякое недоумение должно было исчезнуть и уже нетрудно было определить прямо ценность капиталов по каждому свидетельству, билету и патенту, или указать множителей для получения цифр капиталов. Оставалось только, по 33 губерниям¹³², в которых существуют земские учреждения, вывести среднюю цифру обложения в пользу земства с оценочного рубля собственности, и тогда нужные цифры были бы получены. Если средняя цифра обложения оказалась бы приблизительно в $\frac{1}{4}$ коп. с рубля или по 2 р. 50 к. с тысячи, как должно полагать по большинству известных земских раскладок, то пришлось бы только суммы, платимые в казну за свидетельства и патенты первого рода,

помножить на 100, а свидетельства и билеты второго рода — на 40, и цифры капиталов были бы определены. Так, свидетельство 2-й гильдии, стоящее 65 руб., представляло бы капитал в 6500 руб. и с него платеж был бы 16 руб. 25 коп., т. е. то, что платится теперь; свидетельство на мелочный торг 1-го класса, стоящее 20 руб. и дающее ныне в пользу земства не свыше 10%, было бы оценено в 800 руб.; по винокурным заводам за патент на каждые 560 ведер емкости квасильных чанов платится в пользу казны по 10 руб., и допущен земский сбор не свыше 25%, а потому такой патент представлял бы капитал в 1000 рублей; а промысловое свидетельство в 2 руб. 50 коп., платящее в пользу земства не свыше 25 коп., равнялось бы капиталу в 100 рублей. При средней цифре обложения все свидетельства, билеты и патенты платили бы то, что они и ныне платят; но при повышении или понижении цифры обложения, они платили бы более или менее, глядя по тому, повышается или понижается смета земских расходов*. Предлагаемый нами способ капитализации свидетельств, билетов и патентов и обложения представляемых ими капиталов дал бы возможность уравнительно облагать сбором в пользу земства все состояния, входящие в его состав, и, таким образом, восстановил бы нарушенное единство земства, оградив притом его меньшинство от непомерных требований большинства.

Такое изменение весьма желательно и теперь вполне своевременно, ибо торговцы и промышленники еще не успели вполне отделиться от земства.

II. Некоторые земства в первых своих собраниях увлеклись за пределы указанного им круга действия и завели полемику с местными администрациями. В отношении последнего обстоятельства не

---

* Если бы средняя цифра обложения оказалась не в $\frac{1}{4}$ к, а приблизительно в $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{5}$ коп. с оценочного рубля собственности, то, в первом случае, цены свидетельств, билетов и патентов следовало бы помножать на 75 и 30, а в последнем — на 125 и 50, и первоначальные платежи в пользу земства были бы именно те, какие правительством определены. С установления постоянных платежей со свидетельств, билетов и патентов, т. е. с ноября 1866 года, цифра обложения значительно усилилась, ибо расходы увеличились, а торговля и промышленность остались при первоначальных платежах. В этом именно и заключается недостаток существующего способа обложения торговых и промысловых свидетельств и билетов. А потому справедливость требует принять не теперешнюю, а первоначальную цифру обложения, т. е. ту, которая существовала в 1866 году.

берем на себя решить, кто был в этом случае более виновен, ибо знаем, что губернские и уездные администрации, во многих местностях, весьма недоброжелательно относились к земским собраниям и управам, неохотно выпускали из своих рук заведование местным уездным и губернским хозяйством и часто оставляли без ответа или без удовлетворения вполне законные требования земских управ. Такие столкновения, а еще более неосторожные или даже неуместные выходки земских и других собраний, побудили правительство издать 13 июля 1867 года постановление о порядке производства дел в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях. Этим законоположением даны председателям такие права, что собрания во всем должны им беспрекословно подчиняться: председатели определяют очередь для доклада дел; они прекращают самое рассуждение по делам, рассматриваемым собраниями, если сочтут, что члены удаляются от вопроса; они останавливают того из членов собрания, который уклоняется от соблюдения порядка и уважения к закону и, в случае безуспешности двукратного о том напоминания, лишают этого члена, по собственному усмотрению, права речи по тому вопросу, по коему им допущено нарушение порядка; они имеют право признавать несогласными с законами или выходящими из предметов ведомства собрания предложения одного или нескольких членов, и затем не допускать к обсуждению этого предложения; и члены, недовольные таким решением председателя, имеют только право изложить о том свое мнение письменно и приобщить его к журналу. Вместе с тем, ответственность председателя за допущение постановления, нарушающего пределы прав собрания, так значительна, что этим связан не только председатель, но и каждый член, постоянно опасаящийся подвергнуть председателя ответственности, и это тем тяжче, чем председатель лучше. При таких обстоятельствах и председатель, и члены менее заняты делом, т. е. обсуждением предметов, подлежащих их ведению, чем наблюдением за тем, чтобы не выйти из пределов круга своего действия. А круг этот, казавшийся сперва положительно определенным, теперь сделался до того неясным и сомнительным, что на каждом шагу рождается сомнение: подлежит ли это ведению земства? Так, в одной губернии председатель не допустил к обсуждению предложение нескольких членов о ходатайстве перед высшим правительством о том, чтобы разрешено было печатать отчеты и прения в земских собраниях без предварительной

цензуры со стороны гражданского начальства. Так, в другой губернии председатель не хотел допустить к обсуждению предложение о ходатайстве перед высшим правительством об упразднении должностей мировых посредников и о распределении их обязанностей между мировыми судьями, земскою управою и полициею. Да мало ли самых невероятных случаев, обязанных своим происхождением обширности прав, предоставленных председателям!

Эти права до того тягостны для самих председателей, что лица, которые могли бы с пользою для дела занять места предводителей, т. е. председателей земских собраний, уклоняются от этих должностей, не желая, с одной стороны, быть всемогущими судьями и решателями судьбы мнений своих собратий, а с другой, опасаясь ответственности за допущение прений и предложений по предметам, которые могут *показаться* губернскому или высшему начальству выходящими за пределы ведомства земских собраний.

А пределы эти до того теперь сомнительны, что один губернатор, основываясь на ст. 7-й Положения о земских учреждениях, признал недействительным постановление одного уездного земского собрания, которое положило только представить губернскому собранию о том, *не сочтет ли оно удобным ходатайствовать перед высшим правительством* об упразднении должности мировых посредников и о распределении их обязанностей, как выше было упомянуто, т. е. между мировыми судьями, земскою управою и полициею. В той же губернии губернатор признал недействительным постановление уездного собрания, положившего представить губернскому собранию о том, *не сочтет ли оно возможным ходатайствовать* перед высшим правительством о замене постоянной постоянной повинности, крайне тягостной для крестьян, размещением войск в казармах, имеющих быть устроенными на счет государственного земского сбора. Эти ходатайства могут быть правительством, по государственным соображениям, отклонены; но объявлять недействительными постановления касательно *самой мысли* о таком ходатайстве, и такую *мысль* считать как бы уже *действием*, выходящим из круга дел, предназначенных для земских собраний, и притом на основании ст. 7 Положения о зем. учрежд., значит давать этой статье смысл чересчур широкий и произвольный.

Вполне признавая необходимость удержания земских собраний в границах, их деятельности положенных, и на почве существую-

щих узаконений, а равно — пользу утверждения порядка в заседаниях земства, мы не думаем однако, чтобы меры, узаконенные 13 июня 1867 года, достигали своей цели. Правительство желает устранить неуместные выходки членов собрания и нарушения ими существующих законов; но оно, конечно, не имеет в виду порабощения собраний председателями, лишения членов всякой самостоятельности и возложения ответственности за действия членов собрания и за постановления самого собрания на одних председателях. А между тем, к таким последствиям ведут упомянутые меры. Правительство, даровавшее нам, по собственному изволению, земские учреждения, не может иметь в виду лишения их всякой силы и значения; а потому мы питаем твердую надежду, что узаконение, оказавшееся, по своим последствиям, зашедшим далее намерений правительства, будет заменено таким, которое восстановит ответственность каждого за свои действия, возвратит собраниям самостоятельность и оставит за председателями только те права, которые вполне ясно определены в общих узаконениях.

Что касается до употребления во зло ст. 7 Положения о зем. учрежд., то, конечно, Министерство внутренних дел не замедлит циркулярно разъяснить губернаторам, что эта статья относится до постановлений и распоряжений земского собрания, которыми нарушается круг действия правительственных, сословных и общественных властей и учреждений, а вовсе не до *ходатайств*, которыми не может быть нарушен ничей круг действия. Ходатайства равно полезны как для собраний, так и для правительства: первые чрез то высказывают свои нужды, а последнее их узнает, и всегда имеет возможность оставить их без всяких последствий, или принять к сведению, или по возможности их удовлетворить. А потому возможно большая свобода в этом отношении не только желательна, но, в видах общего блага, совершенно необходима.

III. Земские учреждения в начале своего существования пользовались правом, под своею ответственностью, без предварительной цензуры, печатать свои отчеты и прения. Тогда газеты, наперерыв одна перед другой, сообщали о деятельности земских собраний; общественное мнение живо ими интересовалось, и начинало возникать общение между уездными и губернскими учреждениями. Они стояли не одиночно, зная, что делают другие собрания и управы; все они работали не в тайне, а под благодетельным контролем общественно-

го мнения; и неудобств от такой гласности не оказывалось никаких, кроме некоторых неприятностей и беспокойств для местной администрации, которой иногда незаконные, а еще чаще медленные действия в отношении к земским учреждениям, оглашались во всеуслышание, и которая, во избежание этого, должна была поступать осторожнее и распоряжаться если не быстрее, то, по крайней мере, с меньшею медленностью. Местные администраторы, обеспокоенные, раздраженные опубликованием на всю Россию их действий, подняли страшный шум, представляли собрания и даже управы чуть-чуть не гнездами заговорщиков и бунтовщиков и уверяли, что при такой будто бы непомерной гласности нет возможности управлять губерниями. Несколько неосторожных речей, произнесенных в земских собраниях и напечатанных в газетах, окончательно подкрепили авторитет уверений и жалоб местной администрации, и тогда, т. е. 13 июня 1867 г., состоялось другое Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, запрещавшее, без разрешения местного губернского начальства, печатать состоявшиеся в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях постановления, отчеты о заседаниях и пр., а равно предшествовавшие им суждения, прения и речи. Действие этого закона было самое тяжелое: газеты и журналы замолкли о действиях земских и других собраний не вследствие какого-либо соглашения между ними, а вследствие невозможности печатать получаемые корреспонденции без отсылки их вновь в те места, откуда они были получены, на предварительную цензуру местных губернских начальств; и вследствие того, что все корреспонденты отказались предварительно представлять губернаторам свои отчеты о заседаниях собраний. Вполне естественно и то, и другое: в наш век железных дорог и телеграфов имеет особенный интерес лишь то, что вчера или на днях случилось, а происшедшее тому назад месяц или два месяца, есть достояние истории, а не современности. Если бы издатели журналов решились получаемые ими отчеты о заседаниях разных собраний отправлять на предварительную цензуру местных губернских начальств, то, при медленности и неисправности наших почт, и при еще большей медленности и неисправности наших бюрократических учреждений, легко бы могло случиться, что упомянутые отчеты печатались бы шесть месяцев и год спустя, т. е. тогда, когда новые собрания уже лишили бы интереса действия предыдущих. Что же касается до корреспондентов, то они

находятся в совершенной невозможности представлять свои отчеты предварительно на цензуру местного начальства, ибо эти люди вообще не пользуются благорасположением гг. губернаторов, которые видят в них нарушителей если не общественного, то, по крайней мере, их собственного спокойствия. Известны и забавны курьезы, порожденные предварительно цензурою губернских начальств; «Северная почта»¹³³ сочла долгом их несколько оправдать; но ее слова не убедили никого, ибо очевидно было, что она сама им не верила. С тех пор цензура губернских начальств не смягчается, и продолжает являться в самых неожиданных видах. Так, еще в последних месяцах 1868 года, журналы заседаний одного земского уездного собрания, печатаемые земскою управою, подверглись сокращению, а именно не разрешено было печатать все относящееся до постановлений земства о тех ходатайствах, о которых было упомянуто выше, на стр. 16 и 17; хотя, ни в прениях, ни в самом изложении дела, не было ни одного слова, которое могло бы заставить задуматься самого трусливого обыкновенного цензора. Губернатором не были пропущены эти статьи журнала только потому, что эти постановления им, губернатором, объявлены были недействительными.

При такой стесненной гласности по делам земских собраний, каждое из них работает отдельно, не может пользоваться счастливыми мыслями и опытностью других собраний, и даже не в состоянии обстоятельно и своевременно отдавать отчет в действиях своим доверителям. При подобном положении может ли настоящим образом выработаться земская деятельность? Могут ли улучшения по раскладке повинностей, по устройству школ, больниц, врачебной части в уездах, богаделен и пр., по дорожным сооружениям, по оценке имуществ, по собиранию статистических сведений и пр. распространяться и становиться общим достоянием земства? Не могут ли, при такой ограниченной и поздней гласности, некоторые земские собрания, и уездные, и губернские, увлекаясь сословными интересами, действовать вопреки интересам земства?

К сожалению, на первые два вопроса нельзя отвечать иначе, как отрицательно, а на последний — утвердительно. И такие ответы не основаны на предположениях и опасениях, а извлечены из действительности.

А потому весьма желательно, чтобы это постановление, вызванное не настоящими нуждами страны или правительства, а только жа-

лобами местной администрации и опасениями Бог весть чего, было как можно скорее отменено. Оно всего более задерживает успехи земской деятельности; ибо без гласности, по возможности полной, успешная земская деятельность немыслима. Отмена этого постановления тем необходимее, что у нас земское дело вовсе не привлекает к себе излишнего числа деятелей; что оно требует труда, а мы вовсе на него не падки; что предметы, подлежащие обсуждению земства, по существу своему вовсе не завлекательны; и что весьма многие из землевладельцев, которых особенно желательно привлечь к земскому делу, оправдывают свое уклонение от него теми стеснительными мерами, которые были приняты в 1867 году.

Упрекают земство вообще в слабой деятельности и в нерадивом посещении земских собраний. Эти обвинения, конечно, не вполне лишены основания; но чья в том главная вина? Неправы, конечно, гласные, уклоняющиеся от исполнения своих обязанностей и не преобладающие того тяжелого чувства и тех неприятностей, которые причиняют им полновластие председателей и произвол губернаторов; но нельзя признать свободными от упрека и те обстоятельства, которые стесняют, затрудняют, делают крайне тяжкою земскую деятельность. Заведование местным общественным хозяйством чрез людей местных выгодно для совокупности местных жителей и для правительства; но для гласных, даже для членов управ, эта служба не есть выгода, а повинность. Всякий порядочный член управы на службе по железным дорогам, на коронном месте или при занятии сельским хозяйством приобретет много более, чем что он получит по своему месту в управе. Если находятся люди, ревностно посвящающие себя земской службе, то необходимо их поощрять, конечно, не наградами, а доставлением им возможности и удобств к успешной деятельности. Земство, хорошо это зная, с искреннею благодарностью относится к людям, принимающим на себя бремя общественной службы. Желательно, чтобы правительство, возвратившее земству жизнь, сознало также эту истину, и дало ему возможность, в отведенной области, действовать самостоятельно и свободно; ибо только такая деятельность привлечет к себе людей лучших, увеличит их рвение и будет действительно полезно для земства, для правительства и для всего государства.

Знаем, что много разных жалоб и обвинений предъявляется против земства, и что почти столько же предложений делается в видах

его выпрямления, очищения и улучшения. О тех, и о других мы говорили и разбирали их в особой статье, ныне нами перепечатаваемой в Приложениях (№ 1); здесь мы скажем, по этому предмету, только несколько слов. Не совсем честно, под видом дружбы, желая добра учреждению, подкапываться под его коренные начала. Лучше сказать откровенно: мы не хотим земства, а желаем, чтобы дворянство стояло особняком, в звании господствующего сословия; и чтобы порядок и все устройство, при поддержке со стороны правительства, исходили от этого высшего в государстве сословия. Предлагать же ограничение выборного начала и включение в земские собрания гласных не по выбору, а по цензу, уверять, что поземельная собственность вообще и, в особенности, крупная недостаточно ограждена, и что для этого необходимо усилить поземельное представительство, проповедовать безвозмездную земскую службу и таким образом устранять из нее людей не только недостаточных, хотя способных, но и тех, которые про себя имеют средство к жизни в деревне; и все это делать во имя каких-то особенных охранительных начал — значит действовать под влиянием или крайнего ослепления, или своекорыстных целей. Истинно охранительные начала коренятся у нас в земстве, т. е. в совокупности землевладельцев, крестьян и горожан. У нас, слава Богу, все состояния крепко привязаны к уже существующему; даже лучшие нововведения принимаются не без страха и не вполне охотно; и самые даруемые права считаются народонаселением скорее повинностями, чем преимуществами и выгодами. При таком общем настроении, нам нечего опасаться революционеров и изобретать против них какие-то искусственные, привилегиями обставленные, комбинации; опасны для нас только люди, смущающие других пугалом революций, у нас невозможных, видящие везде и во всем заговоры, вредные направления, тайные злоухищрения, социализм, коммунизм, нигилизм и пр. пр. Отводя, беспрестанно, глаза с себя на других, не брезгуя клеветою и выказывая постоянно, хотя и невольно, раздражение, эти люди сами себя уличают в недобрых замыслах, которые они приписывают другим, или у страха глаза уже больно велики.

В заключение, выскажем надежду, даже уверенность, что земство останется у нас земством, что ни одна из частей его, состоя из Русских, не посягнет на цельность и права его, и что оно будет строго держаться на почве законности, действуя в области ему указанной, охраняя ее и не переступая границ, его деятельности положенных.

Вместе с тем, оживим себя упованием, что Тот, Кто даровал земству жизнь, не оставит в силе вновь установленных ограничений, стесняющих его деятельность, и возвратит земству единство, самостоятельность и гласность, поколебленные постановлениями от 21 ноября 1866 и от 13 июня 1867 года.

20 ноября 1868. С. Песочня

О ДВОРЯНСТВЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАХ

С тех пор, как предыдущая статья была написана, времени прошло хотя и не много, но перемен в нашем общественном быту произошло весьма и весьма много. Только что объявленное тогда освобождение крепостных людей значительно преобразило наш частный, общественный и отчасти даже государственный быт. Введение гласного суда с мировыми учреждениями и с приобщением присяжных заседателей к общему уголовному судопроизводству; возвращение земства к жизни, с передачею ему местного общественно-хозяйственного управления; дарование некоторой свободы печати; и другие более или менее важные нововведения существенно изменили положение дел вообще. Дворянство почти перестало существовать на деле (de facto), ибо дворяне-помещики вошли в состав земства, и притом не как дворяне, а как землевладельцы. Право избирать судей как в уездные суды, так и в палаты, а равно право назначать членов земской полиции, отошли от дворянства. Правда, оно еще собирается, имеет своих предводителей и свое депутатское собрание; но собственно дел сколько-нибудь важных у него не осталось никаких; а потому собрания дворянства бывают столько же малочисленны, сколько и пусты. Уездные собрания по несколько раз ссылаются для выбора то предводителей, то членов опеки, но, большею частью, оказываются несостоятельными; в губернских же собраниях, за несостоятельностью уездов, и на уездные должности баллотировались по губернии, или соединенными силами двух уездов. Кроме выбора уездных предводителей и депутатов дворянства, губернского предводителя и секретаря дворянства, собрания поверяют отчеты и сметы по дворянскому общественному хозяйству, вообще весьма незначительному, и затем, кроме толков о дворянском учебном заведении, где таковое имеется, нет более никаких дел в заведовании дворянства. А потому и не удивительно, что мало дворян съезжается на выборы; и что съехавшиеся спешат разъехаться. Правда, в столичных дворянских собраниях бывает дворян довольно, идут в них толки обо многом, произносятся более или менее длинные речи, и происходят многочисленные баллотировки; но дела не делается никакого, по простой причине, что и делать нечего; а собираются дворяне потому, что живут они в столицах, и не отяготительно для них съехаться раз в три года, хотя ради беседы. Очевидно, что в этом положении дво-

р्यानство долее существовать не может, и что оно должно подвергнуться полному преобразованию, как мы о том, в предыдущей статье, еще в 1861 году, говорили.

Впрочем, вопрос о дворянстве, еще прямо не разрешенный законодательным порядком, едва затронутый в дворянских собраниях и мало разработанный в печати, почти разрешен, на деле, самую жизнь. Землевладельцы из дворян, т. е. огромная и самая значительная часть дворянства, обще с землевладельцами из других состояний, образовали, на основании закона, особое землевладельческое состояние, которое имеет свои собрания, избирает своих гласных и пользуется через них значительным влиянием на ход общественно хозяйственных дел уезда и губернии. Дворяне-собственники в городах Петербурге, Москве и Одессе уже вошли в состав городских обществ; а дворяне-собственники в прочих городах ожидают обещанного преобразования городского устройства для вступления также в состав городских обществ. Остались ни при чем, т. е. только числятся в дворянстве, одни дворяне, не имеющие никакой недвижимой собственности ни в деревнях, ни в городах; но они и прежде не пользовались никакими правами по выборам и почти никакими правами по прочим делам, бывшим в заведывании дворянства. Следовательно, дворянство теперь разошлось, как будто исчезает и остается уже не состоянием, а, по точным словам закона, «названием», «нарицанием».

Если до сих пор только в немногих губернских собраниях дворянства были толки о ходатайстве насчет пересмотра дворянской грамоты или на счет преобразования дворянского состояния, ею окончательно узаконенного, то причины тому были различные. Некоторые дворяне не считают нужным затрагивать этот вопрос потому, что в их глазах упомянутая грамота на деле уже перестала существовать, а потому они более не ездят в дворянские собрания и считают себя членами землевладельческого состояния, по которому и исправляют все обязанности. А другие дворяне дорожат последними остатками прежнего времени, тешат себя несбыточными надеждами на возврат утраченного, думают, что к пеньку срубленного дерева можно привить черенки иноземного происхождения, и полагают, что в теперешние злые, по их мнению, времена не следует касаться узаконений, доставлявших дворянству и жизнь, и выгоды, и почести. Мы не разделяем мнения ни тех, ни других и считаем необходимым и вполне своевременным уяснить наше положение, т. е. положительно

отменить отжившее и положительно утвердить то, что силою вещей вызвано или вызывается к жизни. В этом особенно убеждают нас два соображения: во 1-х, невыгода принадлежать одновременно к двум состояниям — к одному, отходящему, и к другому, возникающему; к одному, уже не имеющему почти никаких дел в своем заведовании, и к другому, еще не получившему всех законных прав к своему окончательному устройству; а во 2-х, то обстоятельство, что при этой неопределенности положения дворян и землевладельцев распространяется и даже утверждается в обществе и печати мысль о полном слиянии землевладельцев с крестьянскими обществами. Мы упоминали об этой мысли в предыдущей статье (стр. 39), но тогда не придавали этой мысли особенного значения. Мы думали, что как она внезапно и легкомысленно была пущена в свет, так скоро и бесследно она канет в вечность; но на деле оказывается иное: она находит защитников даже посреди людей, пользующихся уважением. К тому же, если бы эта мысль сама по себе была безвредна, и утверждение ее не сопряжено было с важными последствиями для землевладельцев и для всего государства, то можно бы дать ей свободу беспрепятственно переходить из одной головы в другую; но хотя это мнение крайне странно и едва ли исполнимо, однако оно может приобретать себе все более и более защитников и, наконец, ни с того ни с сего, сделаться желанием, требованием общественного мнения. А потому мы считаем долгом подвергнуть эту мысль несколько обстоятельному разбору. При этом не можем умолчать, что при опровержении ее главное затруднение встречаем мы в том, что защитники ее до сих пор не позаботились высказать ее несколько положительно, предпочитая удерживать ее на почве общих фраз и туманной неопределенности. Еще странно то, что эта мысль проводится людьми двух противоположных направлений — так называемого демократического и так называемого аристократического. Впрочем, мы попытаемся собрать воедино разбросанные проявления этой мысли, придать им, по лучшему нашему разумению, некоторую совокупность и затем оценить по действительной их стоимости.

Защитники мнения о полном слиянии землевладельцев с крестьянами утверждают, что для прочности и полноты земской жизни необходимо, кроме губернской и уездной единицы, иметь еще единицу менее крупную, основную, живую, которая бы не раз в год собиралась, а была бы постоянно в сборе — в отправлении своих жизнен-

ных функций, и которая бы обнимала ближайшие, самые дорогие для людей отношения и дела; что такую единицею может быть только волость, заключающая в себе один приход, и, в крайних случаях, два прихода; что в этой первоначальной единице сольются просвещение одних с материальною силою других, знания общие теоретические с местными практическими сведениями, богатство с бедностью, готовность к почину с недостатком предприимчивости, связи с высшею администрациею с беспомощным одиночеством и пр.; что, таким образом, создастся огромная местная сила, которой воздействие отзовется на земстве уездном и губернском; что государство также воспользуется плодами этого прекрасного насаждения, ибо силы его, от развития общего благосостояния, удесятерятся и пр. и пр. К этому обещанию млечных рек и кисельных берегов обыкновенно присовокупляют, что рознь в волости между землевладельцами и крестьянами немислима; ибо то, что недостает у одних, имеется у других, что потому гармония между составными частями волости неминуема, и что таким образом будет обеспечено единство волости, земства и самого государства.

Мы сильно сомневаемся в непреложности этих обещаний и в основательности доводов, приводимых в их пользу. Нам говорят, что, при слиянии землевладельцев с крестьянами в волостной единице, рознь немислима; а мы, напротив того, думаем, что, в этом случае, рознь между ними, и притом рознь ожесточенная, неизбежна. Мы не знаем примера, чтобы богатство с бедностью, просвещение с невежественною материальною силою и пр. дружно сливались; обыкновенно одно порабощает другое, и из этого возникает борьба невыгодная, часто гибельная для одной или другой стороны, а иногда и для обеих сторон. Мы позволим себе предложить вопрос: какой голос на волостном сходе и суде предполагается дать землевладельцу? Личный ли единичный, или голос, соответствующий количеству землевладения? В первом случае, землевладелец постоянно будет в меньшинстве по всем делам, в которых его интересы не согласны с интересами крестьян: известно, что на сходах большинство всегда против крестьян-богачей, а тем еще более оно будет против отдельных землевладельцев, бывших их помещиками; следовательно, землевладельцы будут постоянно в страдательном положении, что, конечно, будет тяжело для них, но невыгодно и для государства вообще. Если землевладельцу дан будет голос, соответствующий количеству земли, им вла-

деемой, то, по большей части, он будет всемогущ, и притом без всякой ответственности за благосостояние крестьян, что, конечно, будет тягостно для них, но также невыгодно и для государства. При соединении землевладельцев с крестьянами в волости, действительное их слияние едва ли возможно: всемогущество будет непременно на одной стороне, а бессиле, страдание — на другой. Уравновесить силы тех и других в такой мелкой, так сказать, домашней единице, как в волости невозможно: тут составные части слишком разнородны, а отношения между ними слишком непосредственны. На одной стороне, при единоличности или при малом числе личностей, будут образование, достатки и отсутствие материальной силы; а на другой стороне, при многочисленности людей, недостаток образования, бедность и избыток сил материальных; какое же тут единство возможно? Какая гармония тут мыслима? Единство может выйти только одно: совершенное порабощение одной стороны другой, т. е. или восстановление крепостной зависимости, в самом худшем ее виде; или уничтожение всякой выдающейся личности, всякого просвещения и богатства.

Можно, говорят, голос землевладельца так обставить, что он будет не всемогущ, но настолько силен, чтобы внести порядок в крестьянские общества, положить конец неурядице, ныне в них господствующей, и заменить теперешнее их бессилие и одиночество благотельным влиянием землевладельца на селения, составляющие волость. Мы вовсе не сомневаемся в возможности доброго согласия между землевладельцами и крестьянами и в полезном действии первых на последних; но думаем, что такие благие последствия возможны только при полной независимости одних от других; что никакое уравновешение этой цели не достигнется; и что искусственное слияние землевладельцев с крестьянами произведет действие, совершенно цели противоположное, т. е. возбуждение, вооружение одних против других.

К тому же, какие общие дела, общие интересы могут соединять землевладельцев и крестьян в волости? Избрание ли старшины и волостных судей? Едва ли землевладелец и крестьяне сойдутся в выборе лиц в эти должности. Землевладелец пожелает, чтобы старшиною был человек строгий, трезвый и исполнительный; а крестьяне (и не одни крестьяне) любят иметь во главе своего общества людей добрых, мягких и не слишком умных. Следовательно, между этими различными желаниями едва ли возможно соглашение. Но, скажут нам,

пожалуй, крестьяне выберут старшиною самого землевладельца. Такие случаи могут быть; но на исключительные случаи рассчитывать не должно. Немногих землевладельцев крестьяне выберут; и из этих немногих еще меньшее число в состоянии будет принять на себя обязанности, требующие постоянного пребывания в деревне. Сверх того, из этих последних, сколько людей будут в силах отправлять ежедневно, ежечасно тьму дел ничтожных, скучных, часто глупых, а между тем неустрашимых и требующих старшинского распоряжения? Такие предположения хорошо делать тем, кто спокойно и удобно сидит в своем кабинете в Москве или Петербурге; но едва ли их сделает человек, живущий в деревне и знающий сельский быт в действительности, а не чрез игривую призму воображения. Если кто, живя в деревне, увлеченный порывом усердия к общему благу, решится на такой подвиг самопожертвования, то едва ли рвение такого человека будет прочно. Мы знавали таких людей в звании и мировых посредников, и мировых судей; они взваливали на себя и дела, прямо к их должности не относившиеся; казалось, что жернов их любви к человечеству все перемелет; и что же? Вскоре они становились самыми нерадивыми посредниками и судьями, запутывали дела и обращались в бегство, отыскивая приют своей гуманности или в столичных гостиных, или за границую. Что же касается до волостных судей, то они по большей части избираются крестьянами не из лучших стариков, а по очереди; и это потому, что такая служба считается не почетом, не выгодой, а повинностью, отправляемую по статье закона, которая обязывает крестьянина не отказываться от должности, если он не прослужил обществу одного полного срока. Что же при таком выборе будет делать землевладелец?

Другое дело, подлежащее ведению волостного схода, заключается в раскладке волостных сборов и повинностей. Земский сбор уплачивается землевладельцами и крестьянскими обществами по раскладке, утвержденной земским собранием. Мирской сельский сбор взимается по раскладке, утверждаемой сельским сходом. В волости назначаются: жалованья старшины, писаря, волостных судей, сотского и сторожа при церкви; плата за лошадей для волостного начальства; расходы по рекрутству и некоторые другие. До сих пор расходы эти были повсеместно умеренны, хотя отчетность и весьма неудовлетворительна: умеренность этих расходов имеет источником то, что платят все крестьяне, а пользуются жалованьем и извлекают выгоды из

расходов только немногие крестьяне. Когда волостным сбором будут обложены земли и частных владельцев, бывших помещиков, сохранивших за собою по большей части $\frac{3}{5}$ и $\frac{2}{3}$ всей земли; тогда едва ли умеренность расходов будет отличительною чертою волостных смет! Землевладелец будет платить большую часть сбора, а жалованьями и всякими расходами будут пользоваться крестьяне. Как бы не вышло того, что как прежде крестьяне платили оброк помещику, так, в будущем, землевладельцы не стали бы таковой уплачивать крестьянам.

Дела по отбыванию рекрутской повинности также заведуются волостным сходом. Теперь они относятся до одних крестьян и нимало не касаются землевладельцев. В непродолжительном времени эта повинность, вероятно, будет распространена на все состояния; но тогда, конечно, способ ее отбывания установится такой, что волостным сходам тут нечего будет и делать.

Дела по содержанию запасных магазинов в исправности суть дела чисто крестьянские, а в высшей инстанции — земские; собственно до землевладельцев, они нимало не касаются.

Дела по исправлению мостов, гатей и пр. слабо относятся до волостных сходов; ибо на больших дорогах они теперь почти везде исправляются на счет земского сбора, а по проселочным дорогам — собственниками земли на свой счет. Следует ли последнюю повинность сделать волостною — это еще вопрос мало обсужденный; мы же, насколько его изучили, расположены более в пользу ныне существующей системы, чем какой-либо иной.

Дела по устройству училищ, богаделен и пр. суть дела менее волостные, чем собственно приходские, и потому ими должны бы заведовать приходские попечительства. Об этом мы будем обстоятельнее говорить в статье о приходских попечительствах.

Дела судные между землевладельцами и крестьянами весьма неудобно передать в волостные суды. Хотя теперь нередко мы, землевладельцы, отдаем им на решение наши дела о потравах, даже о порубках; но нынешние наши к ним отношения совершенно иные: мы вполне независимы от крестьянского суда, добровольно ему подчиняемся, имеем право прямо обращаться к мировым судьям и, что всего важнее, между нами и крестьянами нет розни. Но когда мы будем подведомы волостному суду, и мировой судья сделается для нас только апелляционною инстанциею; когда на сходах между нами и крестьянами возникнет и утвердится рознь; тогда волостной суд

будет для землевладельцев великою тягостью; тогда суд может преобразиться в борьбу между ними и крестьянскими обществами.

Затем какие еще дела принадлежат или могут принадлежать к заведыванию волостного управления? Важных мы не знаем никаких, и уверены в одном: какие бы дела в этом отношении нам ни были указаны, ни в одном из них не будет единства интересов землевладельческих и крестьянских. Эту уверенность мы основываем на разнородности этих интересов в волости, а еще более на невозможности тут их устроить так, чтобы одна сторона не подавляла другую.

Да к чему нас втискивать в волость? Этого не желают ни землевладельцы, ни крестьяне; в этом нет выгоды и для правительства. Наше теперешнее положение в деревне со дня на день становится сноснее, благорасположение крестьян к землевладельцам устанавливается; наше влияние в земских собраниях усиливается; к чему же от добра, уже имеющегося, искать добра неизвестного, и быть может не добра, а великого зла? Крестьяне, хотя и недовольны своим нынешним положением, однако они вовсе не желают, чтобы в их общества и их дела включены были люди иных понятий и обычаев, бывшие их помещики, к которым они не могут не сохранять еще некоторых подозрений. Для правительства гораздо удобнее иметь дело с двумя независимыми друг от друга состояниями, чем с одним, которое при единомыслии (едва ли возможном), будет слишком сильно, а при розни (неминуемой), будет источником слабости самого государства.

Не понимаем мы также необходимости иметь единицу менее крупную, более живую, чем какую является уездная единица. По нашему мнению, только в уездном земском собрании крестьяне, землевладельцы и горожане могут иметь общие интересы, которые еще более сливаются в губернском собрании. Ниже уездной единицы мы находим: во 1-х, крестьян, большею частью владеющих землею общинно и составляющих общества, т. е. нравственные единицы с особыми интересами, обычаями и понятиями; во 2-х, личных землевладельцев, более или менее крупных, имеющих свои земли, интересы, обычаи и понятия; наконец в 3-х, горожан, также имеющих свои интересы, обычаи и понятия. Какая необходимость, какая возможность спаивать все эти разнородности в первом, ближайшем их проявлении? Спайка эта, всегда более или менее насильственная, никогда не желательна; но она становится необходимостью, когда общие интересы обывателей известной местности до того общи и сильны, что

без совокупного их устройства могут пострадать частные дела обывателей. Так, крестьяне, владеющие землей в общей даче, имеющие одно стадо и ежедневные расчеты и столкновения, и притом неразделенные противоположными интересами, должны составлять одно общество. Но землевладельцы, владеющие по большей части отдельными участками земли, имеющие отдельные стада и угодья, и действующие по найму рабочих, по отдаче земли в наем, по разным подрядам, куплям и продажам, противоположно выгодам крестьян, не могут быть включены в одно с ними общество. Интересы землевладельцев и крестьян становятся общими только в уездной единице, где определяются общие по уезду расходы и сборы, где выбираются должностные лица для всего уезда, и где идет речь об общепользовательных учреждениях для всех состояний и местностей уезда. Не только нет надобности в единице более мелкой, чем уездная, но нет даже возможности такую создать без вреда для землевладельцев и крестьян.

В заключение наших возражений против мнения о слиянии землевладельцев с крестьянскими обществами в волости, скажем, что состояния крестьянское и землевладельческое теперь устраиваются; с каждым днем они получают большую состоятельность; к чему теперь ломать существующее или образующееся, и создавать то, что не вызывается ни жизнью, ни желаниями кого-либо, и что даже не обещает в будущем верного улучшения.

Затем обратимся к рассмотрению следующего вопроса: желательно ли, чтобы дворянство оставалось в том положении, в каком оно ныне находится?

Конечно, если бы нам непременно предстояло слияние с крестьянами в волости, то лучше оставаться как можно долее даже в нынешнем положении. Но мы такой будущности допустить не можем, ибо уверены, что желания обеих сторон будут приняты в соображение; что правительство пойдет последовательно по пути, им избранному; и что оно будет развивать им насажденное, помогать жизни в разработке ею требуемого и освящать ею создаваемое; а потому мы вполне устраним мысль об упомянутом слиянии. Если, при последующем изложении, нам придется кое-что повторить, то вперед извиняемся: мы желаем по возможности уяснить читателю нашу мысль и полнее ее представить.

Мы, дворяне-землевладельцы, составляем главную суть двух состояний: дворянского и землевладельческого. Если бы каждое из них

имело значительные, самобытные права, то принадлежать к двум состояниям было бы для нас весьма выгодным. Но на деле оказывается, что каждое из этих состояний имеет то, чего у другого нет, и не пользуется тем, что составляет долю другого. Дворянство имеет предводителей, свое законное устройство и неоцененное право прямо приносить жалобы и прошения своему Государю; но в заведовании дворянства нет почти никаких дел; область его деятельности хотя обширна, почти ничем положительно не ограничена, однако пуста, и нет в ней предметов, подлежащих его действию. Землевладельческое состояние, напротив того, не имеет ни своего устройства, ни своего предводителя или старшины, ни права, принадлежащего каждому верноподданному, повергать всеподданнейшие прошения Государю Императору; но члены этого состояния имеют главное влияние на ход дел уездного и губернского общественного хозяйства, участвуют в выборе членов мирового судебного учреждения и заведуют, в звании членов училищных советов, народным образованием. Дворянство собирается обыкновенно только раз в три года; а землевладельческое состояние, в лице гласных, собирается, и в уезде и в губернии, ежегодно, или и чаще, по востребованию обстоятельств. Дворянские собрания посещаются все менее и менее; а земские собрания, и уездные, и губернские, с каждым годом, все более и более развиваются и начинают приобретать некоторую самостоятельность. При таком положении дел, оба состояния слабы и страдают разными недостатками; а потому и дворянам-землевладельцам нет выгоды принадлежать к двум состояниям, т. е. числиться в одном и действовать в другом. Необходимость преобразования дворянства, исполнившего свое назначение, в возникающее землевладельческое состояние, имеющее стать в главе земства, становится с каждым днем все более и более настоятельною. Пока существовало крепостное право на людей, дворянство отправляло государственную повинность управления двумя огромными состояниями крестьян и дворовых людей и пользовалось правами и преимуществами, с этою обязанностью сопряженными; оно имело в своих руках и земскую полицию, и судопроизводство в двух инстанциях. С упразднением крепостного состояния, положение дворянства совершенно изменилось; оно покончило свою службу и должно поспешить на новое поприще, которое для него открывается. Это поприще, хотя уже, но самостоятельнее и дельнее; здесь в виду менее блеска, но более независимости; и что всего важнее, —

здесь почва не искусственная, не привилегированная, не основанная на угнетении одних и отвержении других, а естественная, всем доступная и могущая быть приемником правды, общих интересов и полной гражданской деятельности. Здесь дворянство, по преимущественному своему просвещенно, по своим достоинствам и по опытности в делах управления, неизбежно, по ходу вещей займет первенствующее место, и оно займет его тем вернее и скорее, чем оно будет менее предъявлять претензий на первенство. За ним пуще всего не следует гнаться, даже не должно его прямо иметь в виду; оно неминуемо будет наше, если только мы просто отнесемся к делу, усердно им займемся и забудем нашу прежнюю привилегированность. Все это — не надежды, не предсказания, не обещания, а уже наступающая действительность: в земских собраниях голос землевладельцев из дворян, если только он не стесняется сословными интересами, есть решительный по делам общественным; в управах все дела в руках землевладельцев-дворян; и мировое судопроизводство также в их заведовании.

Что же нам теперь делать? Нам следует отказаться от всех пустых преимуществ, которые нас отделяют от прочих состояний и стать, просто-напросто, на почве землевладения — почве твердой и верной. Сложивши, таким образом, с себя двуличность, т. е. принадлежность к двум состояниям, мы будем в силах устроить землевладельческое состояние и поставить его прочно во главе земства. Вот нынешнее наше призвание; сюда мы должны устремить все наши усилия.

Всякое промедление в окончательном нашем преобразовании в земледельческое состояние — для нас вредно. Уже теперь дворянские собрания дают повод к неуважительным о них отzywам и к насмешкам; уже теперь поступают в предводители не те люди, которых бы желали видеть из землевладельцев на председательстве в земских собраниях; чем дальше, тем хуже; и мы можем упустить благоприятное время для приобретения в пользу землевладельческого состояния вообще, влияния и силы в земстве. Горожане и крестьяне, видя наше неустройство и наши сословные претензии, могут устроиться помимо нас, что конечно едва ли будет выгодно для них самих, но уже конечно крайне вредно для нас. Только немедленное, искреннее и полное соединение всех землевладельцев в одно законно устроенное состояние может отвратить эту беду и скрепить те связи с крестьянами и горожанами, которые теперь возникают и легко могут порваться.

Но неужели дворянство должно быть вполне уничтожено? Нет! Пусть оно остается тем, чем оно и есть по закону (ст. 14, т. IX Свода законов), т. е. «названием», «нарицанием», а не тем, чем многие его считают и чем оно, на законном основании, даже никогда и не было, т. е. сословием. Князья, графы, бароны, простые дворяне сохраняют свои названия, но с ними не будут сопряжены никакие преимущества, отделяющие их от прочих граждан. И теперь эти титулы и названия не дают никаких прав; сколько из лиц, принадлежащих к дворянству, не имеют куска хлеба, сидят на козлах, пахут землю, поступают на службу и даже в работники к купцам и крестьянам, и пр. Предполагаемая отмена вовсе не касается ни титулов, ни названий; она относится только до дворян-землевладельцев и до землевладельцев-недворян, которых предполагается слить воедино.

Но чем же будут дворяне-неземлевладельцы? Тем же, чем они и теперь, т. е. могут называться, если хотят, дворянами, но должны причислиться к какому-либо состоянию и всего удобнее им приписаться к городам. Но, в этом случае, они будут мещанами? Нет! С отменю дворянского состояния, должно преобразоваться и городское устройство. Об этом речь впереди, но здесь скажем только, что, как вне городов, все землевладельцы имеют составить одно состояние, так и горожане, называясь дворянами, купцами, ремесленниками и пр., должны также образовать одно состояние, а именно состояние городское или состояние горожан.

Что же теперь следует делать для окончательного образования землевладельческого состояния?

Самым естественным, самым разумным, самым достойным путем для дворянства было бы ходатайствовать о преобразовании дворянского состояния и о перенесении его прав отчасти на землевладельческое состояние, а отчасти на земство вообще. Так, избрание предводителей могло бы быть передано землевладельческому состоянию, которого старшина был бы и председателем в земских собраниях. Вместо губернского предводителя, мог бы избираться уездными старшинами из среды себя, или из других почетных землевладельцев губернии, губернский старшина. Землевладельческое состояние должно бы в составе, указанном ст. 23 Положения о земск. учрежд., иметь свои собрания по делам, собственно относящимся до этого состояния. В таких собраниях, кроме выбора гласных, происходили бы выборы товарищей старшины или заседателей для заведывания делами

опек. Впрочем, должно надеяться, что эти последние дела, крайне обременительные и в уездах, и городах, для предводителей дворянства и прочих лиц, заведующих опеками, будут так устроены, что только в исключительных случаях они останутся на обязанности землевладельческих избранников. — Освобождение от телесных наказаний и некоторые другие права, коими пользуются дворяне, должны бы также быть распространены если не на все земство, то, по крайней мере, на все землевладельческое состояние. Что же касается до права дворянства непосредственно подавать жалобы и прошения Государю Императору, то оно следовало бы передать не землевладельческому состоянию, а всему земству, т. е. губернскому земскому собранию.

Указанный путь был бы, как сказано, лучшим, но едва ли он возможен; во всяком случае, он был бы крайне медлен. Наши дворянские собрания состоят не из людей избранных, т. е. лучших, а из всех, имеющих известный ценз владения, и даже его не имеющих. Как скоро сделается известным, что вопрос о дворянстве будет подлежать обсуждению собрания, то сюда явятся даже люди, никогда не принимавшие в нем участия. В дворянских собраниях вообще прения едва возможны: тут и сидят не так, как нужно для совещаний; и, при многочисленности членов, не привыкших к прениям, нет возможности удержать надлежащий порядок. А потому решение большинства едва ли будет такое, какого желательно достигнуть; разве почин будет от правительства, которое на обсуждение предложит только несколько вопросов, заключающих в себе главную суть предполагаемого преобразования. Тогда дело может устроиться иначе, и мнение дворянства не окажется противоречащим вышеизложенному.

Другой путь, ближе к цели ведущий, есть следующий: составить в Петербурге комиссию, в которую пригласить экспертов из дворян, преимущественно из председателей губернских управ, которые все — дворяне, пользуются общим уважением, и в делах более опытни, чем большинство дворян. К этим экспертам следовало бы присоединить голов из трех городов, где городское устройство уже преобразовано.

Эта комиссия выработала бы проект преобразования дворянского состояния в землевладельческое и городское, который и сообщить дворянским собраниям и трем городским думах С.-Петербурга, Москвы и Одессы, с тем, чтобы они представили свои на проект замечания. По получении этих замечаний, комиссии следовало бы обратиться вновь, исправить свой проект и передать на рассмотрение и

утверждение в установленном порядке. Выгоды этого пути: преобразование совершится не без согласия дворянства; дворянство будет иметь возможность высказывать свои желания; мнения разных губернских дворянских собраний будут полнее и единообразнее, ибо всем будет сообщен один и тот же проект, и дело получит более успешное движение.

Заклучим нашу статью искренним пожеланием, чтобы она была встречена без предубеждений, прочтена и разобрана без раздражения, и послужила к разъяснению дела и к умиротворению противоположных мнений, ныне разделяющих дворянство. Этого искренне желает пишущий эти строки дворянин, землевладелец и русский, проживший более 60 лет в делах и хлопотах, в деревне и городах, в жизни частной и на службе государственной и общественной; и ныне, по доверию своих сограждан, состоящий в разных общественных званиях и должностях.

10 января 1869. Москва

О НЫНЕШНЕМ ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН И О МЕРАХ К УЛУЧШЕНИЮ ИХ БЫТА

Идет слух, что Министерство внутренних дел предполагает подвергнуть исследованию нынешнее положение крестьян и сравнить его с тем положением, в каком они находились в 1860 году. Такое предположение нельзя не признать добрым, мудрым и вполне своевременным; но вместе с тем невольно рождаются опасения на счет последствий такого, официальным образом произведенного, исследования. Эти опасения еще усиливаются вследствие того, что трудно ожидать, чтобы наша журналистика своими собственными средствами была в состоянии исправить ошибки официальных сведений и выводов и пополнить их недостатки. Странно: нельзя сказать, чтобы мы, по природе, были лгуны или лишены практического смысла. Нет! в русских есть добросовестность, а смышленность и способность их к делам житейским — даже замечательны. А между тем, и в официальных, и неофициальных бумагах и статьях самый главный недостаток есть отсутствие правды; и как администрация, так и журналистика постоянно стоят на почве, чуждой действительности и ими самими искусственно создаваемой. В официальных донесениях и отчетах представляются цифры и соображения, по большей части кое-где и кое-как схваченные с целью утверждения и оправдания каких-либо предвзятых мнений или в угождение начальству. В журнальных корреспонденциях, сведениях и рассказах сообщается только то, что согласно с мнениями направления, к которому принадлежит издатель. Потребности в правде, горячего стремления к ней, тоски по ней, к сожалению, нет нигде. Самые добросовестные администраторы и журналисты безжалостно гнут данные под ярмо своих убеждений, не стараясь вникать во внутренний смысл совершающихся событий и подвергать свои убеждения новым проверкам. Сверх того, и это особенно прискорбно: господствующие у нас направления в обществе, в журналистике и в администрации отличаются не основательностью, не умеренностью, не правдивостью, не устойчивостью, не знанием настоящего дела, а увлечениями, исключительностью и вообще способностью довольствоваться на живую нитку сшитыми сведениями и выводами; ложь, даже клевета, считаются у нас не безнравственными средствами к достижению цели.

При таких обстоятельствах, предполагаемое официальное исследование может иметь особенно важные последствия: оно может также легко повести к ухудшению, как и к улучшению нынешнего сельского быта. А потому люди, не принадлежащие к администрации и не состоявшие в обязательных отношениях к журнальным редакциям, люди, живущие в деревне, занимающиеся хозяйством, принимающие участие в земских делах и состоящие с крестьянами в ежедневных, ежечасных сношениях, обязаны, каждый по своей местности, высказывать правду по крестьянскому делу. Для этих людей правда доступнее, чем для других, потому что они стоят ближе к действительности, что ежедневный опыт их отрезвляет, и что они находятся под действием не своей личной, часто спотыкающейся мудрости, а той, которая внушается совершающимися делами и событиями. Думаем, что журналы, особенно некоторые из них, не откажут в помещении таких статей; ибо они поймут, что такие статьи могут быть особенно полезными для нашей журналистики, страдающей вообще малокровием и худосочием*.

Думаем, по крайней мере, надеемся, что администрация также не отнесется с презрением к отзывам этих людей, хотя бы эти отзывы были составлены и не по формам, бюрократиею выработанным, отличались не краткостью, сделавшеюся ныне необходимою принадлежностью благоприличного доклада, и не содержали в себе безусловного восхваления или такого же осуждения предпринятых преобразований. В исполнение упомянутой обязанности и ввиду высказанной надежды мы решились написать нижеследующие строки.

Улучшился ли быт крестьян после 19 Февраля 1861 года? Вот вопрос, который всего чаще предлагается и на который, по большей части, даются краткие, решительные ответы. Мы думаем, что на этот вопрос невозможно отвечать ни коротко, ни безусловно. В некоторых отношениях, быт крестьян действительно и значительно улучшился; в других же отношениях, он несомненно ухудшился. Дать решительный, безоговорочный ответ на постановленный вопрос — считаем мы делом более чем неосторожным.

---

* Эта надежда наша не сбылась: печатаемая ныне статья отправлена была в редакцию одного из всего менее исключительных журналов, но и там она не могла быть напечатана. Печатаются статьи и хуже нашей, следовательно, она не помещена не по причине ее низкого достоинства, а по причинам иного свойства.

Быт крестьян чувствительно улучшился в следующих отношениях: во 1-х, теперь наказывают крестьян розгами гораздо менее, чем то было прежде; во 2-х, они знают свои обязанности, и никто не может требовать с них, по своему произволу, лишних работ или денег; сверх того, они освобождены от подвод и мелких поборов; а барщина, равно невыгодная для помещиков и крестьян, видимо, исчезает с лица земли русской; в 3-х, они уверены, что и сами, и члены их семейств не будут взяты во двор или отправлены неизвестно куда; в 4-х, они знают, что имеют собственность, которую по произволу никто у них отнять не может; в 5-х, заработки видимо развиваются, и предприимчивость крестьян растет заметно; одним словом, крестьяне, в последние восемь лет, значительно поднялись в сознании своих человеческих прав.

В других отношениях, быт крестьян не улучшился, а решительно ухудшился. Достатки их не увеличились, а скорее уменьшились. Главное богатство крестьян состоит в скоте. По сведениям, мною собранным по многим селениям, и по отзывам самих крестьян, а равно помещиков, вовсе не враждебно относящихся к уничтожению крепостного права на людей, очевидно, что и лошадей, и коров, и овец осталось у крестьян на половину и даже меньше против прежнего. Число изб и других домашних строений увеличилось, но не вследствие того, что крестьяне разбогатели, или что желают доставить себе больше жизненных удобств, а по причине разделов, которым подверглись почти все крестьянские семейства. Мимоходом скажем, что дележи до того участились, что уже нет больших семейств, и что почти все крестьяне теперь живут одиночками, лишенными возможности идти в рабочие или на другие промыслы. Вновь разбогатевших людей почти нет, а многие из зажиточных перешли в число нуждающихся. Старых кладушек почти нигде не видно; а мы, люди пожилые, очень хорошо помним, что даже после 1840 года, когда цены на хлеб почти удесятились (они доходили до 40 руб. на монету за четверть ржи), заветные кладушки оставались на крестьянских гумнах. Помещики по большей части не оставляют хлебных запасов в скирдах, предпочитая или беречь хлеб в амбарах, или превращать его в деньги. Крестьяне, напротив того, в житницах держат хлеб только для расхода, а запасы хранят в кладушках. Они даже неохотно обращают хлеб в деньги, доверяя более первому, чем последним; прежде они говорили, что деньги круглые — легко катятся; а теперь они изобрели

другую поговорку: бумажки легко стираются и меж пальцев проходят. А потому отсутствие кладушек на гумнах в наших краях есть несомненный признак обеднения крестьян.

Нравственность их не улучшилась, а значительно ухудшилась: пьянство сделалось болезнью почти общею; воровство, особенно крестьянами у крестьян, усилилось в размерах разительных; уважение к старикам, видимо, исчезает; а общинное начало, прежде сильное в крестьянстве и бывшее основанием и источником общественной нравственности в этом сословии, видимо, слабеет, и вместо того развивается самое тесное себялюбие, которое при отсутствии просвещения убийственно действует на дела и понятия людей. Следовательно, обеднение крестьян и ухудшение их нравственности не подлежат никакому сомнению. Какие главные тому причины?

Первая, главнейшая причина указанных зол заключается в страшной неурядице, господствующей в крестьянском самоуправлении.

Трудно поверить, до какого безобразия доходят беспорядки в крестьянских обществах. Почти все начальники — пьяницы. Знали мы людей, вовсе не пивших вина, которые, сделавшись старшинами или сельскими старостами, спились с круга и произвели значительные захваты из мирских сумм. Сельские и волостные сходы без вина не кончают никакого дела: отведение ли новых усадеб, прием ли в общество новых членов, увольнение ли из онога выбывающих членов, — словом, все требует выставки в пользу мира известного количества ведер вина. Порядочные крестьяне перестали ходить на сходы; а горланы, промотавшиеся крестьяне и другие негодяи господствуют на сходах, которые собираются весьма часто; ибо крестьяне и их начальства находят очень приятным пьянствовать и потом опохмеляться. Должно сказать, что посредники, по большей части, ограничиваются получением своего жалованья и не занимаются более исправлением своих обязанностей. К тому же, и обязанности, и власть их весьма ограничены. По части судебной и исполнительной, они только передатчики дел мировым судьям и полицейскому управлению; а в отношении к крестьянским обществам они совершенно бессильны. Вследствие этого, неурядица в крестьянстве страшная. Крестьяне, т. е. добропорядочные из них, шибко тяготятся этим положением. Они обращаются к помещикам, к посредникам и к мировым судьям за советами и с просьбами о защите. На днях в Сапожковском земском собрании был случай, который доказывает, как мало они на себя надеются.

Мировые посредники Сапожковского уезда подали собранию мнение о том, что наступило время упразднить их должности, и что следует предложить губернскому земскому собранию ходатайствовать об этом пред высшим правительством. Гласные от землевладельцев тотчас согласились с этим мнением; но гласные от крестьян пришли в страшное смущение и говорили: «а кто же нами будет управлять? теперь на сельские начальства можно еще пожаловаться, хотя посреднику; а если его не будет, то сходы, старосты и судьи нас просто съедят — ложись, да умирай». Стоило больших хлопот и разъяснений, чтобы, наконец, убедить их на изъявление согласия на упомянутое предложение. Особенно подвинуло их на изъявление согласия уверение, что права и обязанности посредников перейдут к мировым судьям, а не к полиции. Когда, наконец, они согласились, то и тогда сказали: «Господа, смотрите, будет хуже; теперь мало у нас порядка, а тогда и вовсе его не будет. Мы одни управиться не можем». Слова весьма замечательные!

Посредники должны быть упразднены, потому что весьма немногие из них теперь занимаются своим делом, что они дорого стоят земству, и что это учреждение, обреченное упразднению, бессильно к обузданию крестьянского своеволия; но чем-нибудь оно должно быть заменено; так, без замены, оно упразднено быть не может.

Вторая причина обеднения крестьян и упадка их нравственности заключается в отсутствии правосудия в волостных судах. Тут также одно вино все решает, и выигрывает свое дело тот, кто выставит более вина. Права собственности и личности совершенно не ограждены, и крестьяне все единогласно жалуются на свои суды. Некоторые посредники, выходя из пределов своей власти, заставляют суды, при вопиющих несправедливостях, пересматривать и перерешать дела ими уже решенные; но такие посредники составляют исключения из общего правила, и такие их действия нельзя признать формально законными.

Окончателность решений волостных судов освобождает их от всякой ответственности; и потому они решают дела без всякого зазрения совести. — Прежде в Сапожковском уезде мировые судьи принимали к своему рассмотрению дела о краже между крестьянами; по получении же решения уголовного кассационного департамента от 11 июля 1867 года, мировой съезд должен был признать эти дела неподсудными мировым учреждениям; и надобно было видеть и слы-

шать отчаяние, по этому случаю, крестьян: они в один голос говорили: «нет! видно мировые судьи не про нас, а для одних бояр да купцов, а мы головою выданы нашим пьянчугам». Когда им на это замечали, что эти судьи ими же самими избираются, то они отвечали: «выбираем мы мужиков порядочных, да больно скоро они становятся никуда не годными». А еще чаще крестьяне говорили: «да кто их, т. е. судей, выбирает? такие же пьянчуги как они сами». *Безапелляционность* крестьянского суда есть зло великое, едва ли не главное, и требует скорейшего устранения.

Третья причина обеднения крестьян и упадка их нравственности заключается в размножении кабаков. Не только от того соблазн усилился, ибо на каждом шагу имеется кабак (в селах, где около 500 душ, бывает до 7 кабаков); но другое последствие еще важнее: когда на 500–600 душ имеется один кабак, то виноторговец может честно вести торговлю и зарабатывать себе деньги на прожиток; если же, как теперь, иногда на 500 душ имеется 7 кабаков, то виноторговцы, чтобы существовать, должны всячески усиливать свою торговлю, т. е. вино отпускать и в долг, и под залог всякой всячины, и под краденые вещи. Конечно, возвышение цены на патенты, отмена полугодовых патентов на первое полугодие и другие меры, узаконенные в нынешнем году, уменьшат число кабаков; но едва ли они одни достигнут желаемой цели*.

---

* К сожалению, вышло новое распоряжение, допускающее на 1869 год выдачу полугодовых патентов на питейные заведения. Эта мера испрошена Министерством финансов, ввиду предстоящего ограничения числа кабаков. Не можем скрыть того глубокого огорчения, которое мы почувствовали при чтении этого указа. Мы уверены, что число кабаков в течение нынешнего года ограничено не будет: для этого нужны такие сведения и соображения, которые собрать не легко. Если бы постановление, изданное в прошлом году и еще не приведенное в исполнение, на счет запрещения выдачи полугодовых патентов на первые шесть месяцев года, осталось бы в силе, то число кабаков конечно уменьшилось бы на половину; и тогда легче было бы сделать следующий шаг, т. е. ограничить число кабаков по числу народонаселения. Теперь число кабаков, по милости нового распоряжения, останется прежнее; в течение нынешнего года, едва ли состоится обещанное ограничение числа кабаков; и пьянство все более и более будет развиваться, разорять и губить народ. Хотя нас, земских людей, и считают недальновидными, себялюбивыми и не финансистами, однако наверно можно сказать, что ни одно земское собрание не предложило или не одобрило бы подобной меры. И причина тому только та, что мы живем дома, жизнью общею и находимся под умудряющим действием совершающихся вокруг дел и событий.

Необходимо принять более действительные меры к сокращению кабаков и, в особенности, продажи вина в долг, под залог и под краденые вещи. Надо жить в деревне, чтобы видеть, до какого безобразия дошло пьянство: не по праздникам одним валяются пьяные, но и в будни и, особенно, по понедельникам, пьяных видишь сплошь и рядом. Бабы и мальчики несут выработанные деньги в кабак и напиваются до упада. Легко себе вообразить последствия такого пьянства: драки, беспутство, кража и пр.

Крестьяне сами сознают весь вред от размножения кабаков, желают положить границы пьянству, но одни не в силах этого сделать. Очень замечателен следующий случай, бывший в нынешнем году в Сапожковском земском собрании: рассуждали, по предложению одного гласного из крестьян, о средствах к сокращению пьянства; и шел толк о том, на какое количество душ следует иметь кабак: одни предлагали на каждые 500 душ разрешать по одному кабаку; а другие находили, что довольно одного кабака и на 1000 душ. Последнее мнение было принято большинством голосов, потому что все гласные из крестьян, за исключением двух, содержащих кабаки, подали голос за 1000 душ.

Четвертая причина бедственного положения крестьян, заключается в степени умственного и нравственного развития крестьян, не соответствующей правам, им предоставленным. Законом дано им полное самоуправление, т. е. несравненно большее, чем дворянам и горожанам: крестьяне собираются на сход, когда хотят; они делают приговоры и приводят их в исполнение, и только немногие из последних подлежат утверждению посредника; крестьяне имеют суд безапелляционный и пр. Очевидно: им даны такая свобода и такая власть, что они с ними справиться не в состоянии. Крестьяне, правда, сделали большие успехи в сознании своих прав; но, к сожалению, нельзя того же сказать относительно их успехов в сознании легших на них обязанностей. Они довольно исправно вносят подати; это главнейше происходит от того, что уездная полиция, имея теперь гораздо менее дел, чем прежде (следствия отошли к судебным следователям, а дела по взысканиям — к мировым судьям и общим судам), все свое внимание обратила на взыскание податей. Но, вообще, крестьяне до крайности неисполнительны. Не будем говорить о худом отбывании барщины, понудившей помещиков перевести крестьян на оброк; не станем толковать и о неисправных платежах оброка, за-

ставляющих помещиков представлять населенные имения на обязательный выкуп; но не можем не обратить внимания на постоянное неисполнение крестьянами всяких сделок, совершаемых ими как между собою, так и с лицами других состояний. Эта их неисполнительность договоров доходит до того, что почти нет возможности ни нанимать людей на службу или в работу, ни отдавать им землю внаем. Рабочие иначе не нанимаются, как с получением денег вперед. Получивши их, сначала они работают порядочно; наступает рабочая пора и они гурьбою приходят и требуют все остальные за лето деньги, угрожая, при невыдаче им денег, уйти домой. Хозяин должен покориться их требованию, ибо иначе гумно его, в самое нужное время, останется пустым. Рабочие, получив все следующие им деньги, сначала работают сносно; но вскоре их усердие ослабевает, и окончание сева и возки хлеба производится кое-как; чем дальше, тем хуже; и осенью рабочие словно из милости что-нибудь делают, отлучаясь беспрестанно то на свадьбы, то на храмовые праздники, которые в последнее время стали праздноваться по целым неделям. Конечно, можно жаловаться мировому судье, и он присудит законное удовлетворение; но какое? Рабочие обыкновенно приговариваются к отжитию остального по условию времени у хозяина и к уплате за прогульные дни; но кому охота держать у себя рабочего против его воли? а за прогульные дни нет возможности что-либо получить, ибо все имущество в доме принадлежит отцу, который всегда отказывается платить за прогульные дни своего сына. — Землю обыкновенно отдают крестьянам так, чтобы все деньги были уплачены до уборки хлеба. Эти условия для крестьян конечно тяжелы, но никаких других допустить нельзя. Как 1867 был год тяжелый, и как в первой половине 1868 у крестьян решительно денег не было, то они почти все просили об отсрочке последних уплат до 1 сентября. Землевладельцы, зная, что к этому времени у крестьян еще не может быть денег, рассрочили им платежи на весь сентябрь так, чтобы до Покрова (1 октября) все было уплачено. Крестьяне благодарили, обещали все уплатить до срока; но прошел и Покров, а уплат все нет. Пьянство страшное; свадьбы играют одна после другой; на базарах бездна хлеба; гумна пустеют; а платежей все нет как нет. Нынешним летом крестьяне одного известного села составили приговор насчет исправления церкви и обложили себя с души сбором; сверх того обязались доставлять подводы на подвозку материалов. Наняты плотники и каменщики; выпиты мага-

рычи; пришли рабочие, а в материалах постоянно недостаток. И все это оттого, что некому распорядиться, и что всякий валит платеж и работу на соседа.

Без кредита большинство крестьян обойтись не может, ибо и на наемку земли, и на уплату повинностей у них нет никогда наличных денег. Они нанимаются в рабочие и подряжаются на разные работы только тогда, когда нужда заставляет их тем или другим способом добыть деньги. Не давайте денег вперед, и вы останетесь без рабочих и не можете произвести никакой работы наймом. В минуту крайности, крестьяне вполне сговорчивы, и хозяева налагают на них условия тем более тяжелые, чем менее они уверены в их исполнении. Тут явная невыгода для обеих сторон: тяжесть условий для крестьян и полная неуверенность в исполнении условий для хозяев. И в этом отношении не заметно никакого улучшения: в первые два года после 1861 года, почти невозможно было входить в какие-либо условия с крестьянами; затем оказалось в этом отношении улучшение; в прошлом году землевладельцы допускали крестьянам, по случаю неурожая, разные снисхождения и льготы; и крестьяне, стесненные нуждою, и работали хорошо, и исполняли порядочно заключенные ими условия; но в нынешнем году, имея дома много хлеба, продавая и пропивая его, совершенно от рук отбились, и нет возможности в чем-либо с ними столкнуться и что-либо с них получить. Отсутствие кредита или его утяжеление крайне бедственны для крестьян; совершенная неуверенность в исполнении крестьянами принятых ими на себя обязанностей делает невозможным правильное ведение хозяйства. Такое положение долго существовать не может: оно разорительно для обеих сторон и весьма невыгодно для государства. Законодательное вмешательство в это дело — неизбежно.

Из вышеизложенного очевидно, что сельский быт вообще находится в бедственном положении. Крестьяне и землевладельцы, отдатчики земли внаем и наниматели ее, рядчики и рабочие — словом, все страдают от неурядицы в сельском быту. — Какие же меры принять к улучшению положения сельских жителей?

Первою, самую необходимую к тому мерею должно быть установление над крестьянскими обществами и крестьянами вообще власти, настолько самостоятельной, сильной и прочной, чтобы она могла обуздывать своеволие этой части народонаселения. Мы вовсе не за восстановление помещицкой юрисдикции в каком бы то ни

было виде; покойников не воскрешают; и мы, менее чем кто-либо, жалеем об этом покойнике. Мы также не можем согласиться на то, чтобы крестьянские общества были обязаны избирать себе попечителей из землевладельцев известного ценза. Безвозмездно немногие согласятся принять на себя такие нелегкие и неприятные обязанности: если же кто их на себя и примет, или не будет их исполнять, или так устроит, что мзду возьмет десятирицею. Назначение же за это, по обоюдному согласию вознаграждения, сопряжено с большими неудобствами: явятся на эту должность такие кандидаты, которые усилят, а не уменьшат неурядицу в крестьянских обществах, и которые окончательно расстроят крестьянское самоуправление. К тому же, служба попечителей без контроля — опасна; а под контролем — она немислима. А потому, единственный исход в этом деле состоит в том, чтобы эту административную власть над крестьянскими обществами вверить мировым судьям и съездам мировых судей, избираемых всем земством.

Знаем, что против такой передачи могут быть сделаны многие и весьма основательные возражения. Как на судей возлагать обязанности совершенно иного разряда, а именно распорядительные? И без того участковым мировым судьям много дела, как еще отягощать их немалою толикою дел другого рода? Теперь мировые судьи пользуются и доброю славою, и общим к себе благорасположением и уважением, зачем же значительною надбавкою бремени подвергать опасности самое существование этого учреждения? К тому же, каким образом мировых судей, ныне единственных независимых от местной администрации должностных лиц, ей подчинить, а между тем это неминуемо, при возложении на них обязанностей административных? Все это мы, близко стоящие к мировому судебному учреждению, очень хорошо знаем; но другого исхода из нынешнего невыносимого положения мы не видим. Большой беды в соединении судебной и распорядительной власти в мировых учреждениях мы не видим. В этом убеждает нас не один пример Англии, где мировые судьи облечены и властью распорядительною, а особенно близкое знакомство с деятельностью мировых судей и посредников и, сверх того, знание, как дела действительно на месте производятся. Необходимо и нетрудно в средних и высших инстанциях судебные дела отделять от дел административных, но крайне трудно, почти невозможно и, главное, неудобно быть в этом отношении строго последовательным

относительно низших инстанций, где бездна дел таких, в которых суд и расправа тесно соединены, и где признание иного дела судебным равнялось бы отказу в правосудии. Жалуется крестьянин на сельского старосту в переборе с него податного сбора; замечен крестьянин или начальник в небрежном исполнении своих обязанностей; нужно взыскать бесспорные грошовые долги, а сельское начальство ничего не делает; не чинится мост и поэтому возникает спор; и пр. Все эти дела суть полусудебные и полураспорядительные. Если их признать судебными, то из этого выйдет крайняя медленность в ходе дел; если же передать их, как административные, уездной полиции, то она опять сделается всемогущею, что, конечно, нежелательно. Разделять суд и расправу в мелких, ежедневных крестьянских делах — весьма неудобно; этого могут требовать одни теоретики. При самоуправлении такое дробление и не нужно, и нигде не существует. Учреждать особых земских администраторов, — и харчисто, и неудобно и, даже, невозможно. Столкновения между этими лицами и мировыми судьями будут ежедневные. Мы из опыта знаем, как часто теперь посредники и судьи затрудняются в решении подсудности дел; и если в иных уездах нет никаких столкновений, то это только потому, что там все мировые посредники суть вместе с тем и почетные мировые судьи, и что решения съезда признаются ими безусловно обязательными. К тому же, мы не так богаты людьми дельными и образованными, чтобы к двум комплектам служащих (по мировому суду и по земской управе) еще прибавлять новый, по необходимости многочисленный; ибо эти администраторы, чтобы быть полезными, должны быть в недалеком расстоянии от управляемых. Хорошо, что мы могли порядочно заместить вакансии мировых судей; откуда нам взять еще такое же число людей в земские администраторы? Быть может, в некоторых уездах потребуется несколько увеличить число мировых участков; но это много легче, чем удвоить число служащих по выборам земства. Такой именно исход из нынешнего затруднительного положения уже указан некоторыми земствами; и другого исхода нет возможности предложить, разве с целью или восстановления крепостного права в ином виде, от чего сохрани нас Бог, или увековечения существующей неурядицы в крестьянстве, долженствующей повести и к общей неурядице в государстве.

Вполне сознаем, что весьма нежелательно *сколько-нибудь* подчинить мировых судей местной администрации. Это может быть устра-

нено тем, что на административные действия мировых судей могут быть допущены жалобы их уездному съезду, который будет их рассматривать в особом административном заседании. По тем же делам, которые, по существу своему, не могут быть изъяты из ведения губернского начальства, следует их сколь возможно точнее обозначить и, вместе с тем, положительно определить степень его вмешательства в оные. Конечно, смысл слов упруг; мы знаем это по опыту; но что же делать? Неужели лучше, в ограждение судей от притязаний администрации, головою ей выдать крестьян и землевладельцев? Бог даст, судьи сумеют защитить свою самостоятельность, и начало слияния властей, судебной и административной, в низшей инстанции, в лице земского избранника, установится, укрепится и войдет в нашу земскую жизнь. — В последнее время пошел слух, что будто правительство предполагает заменить посредников чиновниками от казны. Мы не можем этому верить. Правительство назначает полицейских чиновников; неужели оно убеждено в доброкачественности своих назначений, и при том так убеждено, что может желать расширения круга своих определений? Мы, живущие в уезде и знакомые между собою, часто затрудняемся в выборе людей в разные должности; неужели губернатор, человек, по большей части, заезжий и имеющий дело преимущественно с чиновниками, может, с пользою для дела, избирать в звание, имеющее заменить звание посредника. Надзор за сельскими и волостными сходами, за сельскими и волостными начальствами, за ходом дел вообще в крестьянских обществах — разве может быть поручен иначе, как людям земским? Чиновники самые отличные совершенно неспособны на дела этого рода. Они не поймут крестьян; крестьяне их не поймут; чиновники увидят зло там, где его вовсе нет, и не обратят внимания на то, в чем именно кроется беда; они захотят или подвести все под формы и правила, или, из опасения прослыть людьми не либеральными, еще усилят распущенность в крестьянских обществах, и последнее будет горше первого. Нет! Такому слуху мы верить не можем, ибо убеждены, что правительство хорошо знает, где его действие необходимо и благотельно, и где его вмешательство неуместно и может быть только вредным.

Мы глубоко убеждены, что, с пользою для дела, права и обязанности мировых посредников не могут быть переданы никому, помимо мировых судей; что эти права и обязанности должны быть несколько расширены (но об этом речь впереди); и что полиция должна оста-

ваться при том, что ныне ею, по этой части, исполняется, без всякого усиления ее влияния на крестьянские общества. Особенно важным может быть присутствие мировых судей на выборах в должности волостных и сельских начальников и волостных судей. Теперь порядочные крестьяне устраняются и от сходов и от всяких должностей; от того, сходы безалаберны и выборы очень плохи. Если, на этих собраниях, будут присутствовать мировые судьи, то хорошие крестьяне явятся на сходы, и дело может пойти совершенно иначе.

Еще одно обстоятельство весьма сильно говорит в пользу передачи обязанностей мировых посредников мировым судьям: крестьяне, помещики и полиция в своих действиях и понятиях еще стоят на почве дозаконной, т. е. той, которая существовала до введения в действие судебных уставов 1864 года. Одни мировые судьи (по крайней мере, значительное большинство их), окрещенные в водах законности изучением и исполнением уставов, сами преобразились и в состоянии содействовать к преобразованию крестьян: они одни могут ввести в крестьянское самоуправление справедливость и добрый порядок.

Вторую меру должна быть отмена безапелляционности волостных судов. Этого желают все крестьяне, без исключения; об этом они слезно молят; и это отчасти существует на деле в тех немногих участках мировых посредников, которые крестьянское дело принимают к сердцу. Правда, закон допускает только кассацию решений волостных судов посредниками, и передачу таких дел в иные волостные суды; но эта мера совершенно неудобна. Если волостные судьи, избранные сельским крестьянским обществом, не удовлетворяют справедливым требованиям их членов, то чужие судьи еще несравненно хуже, и тут уже одно вино и ничего кроме вина, решает дело. Таких передач почти никогда и не бывает, ибо почти все посредники одного мнения насчет непрактичности этой меры. Лучшие посредники при получении жалоб на волостные суды созывают их и убеждают судей под тем или другим предлогом перерешать при них дела, по которым состоялись вопиюще несправедливые решения. Следовательно, на деле у хороших посредников апелляция существует, и нет никакого препятствия дать ей законную форму.

Против этого обыкновенно делаются два возражения: говорят во 1-х, что нельзя допустить жалобы на суды, судящие по обычаю, судьям, судящим по закону; и во 2-х, что неудобно предоставлять единоличному судье перерешать дело, уже решенное коллегиальным судом.

Оба эти возражения только по-видимому основательны.

Местные обычаи почти столько же известны местным мировым судьям, сколько и крестьянам; к тому же, эти судьи будут рассматривать крестьянские дела не в своем кабинете, не на основании бумажного доклада, а в присутствии сторон, и уже после первого разбора дела волостным судом; а потому гражданские дела между крестьянами, по апелляции, могут быть разрешаемы мировыми судьями также на основании обычая. Это нимало не противоречит и существованию мирового суда, ибо, согласно ст. 129 и 130 Устава Гражд. Судопроизводства, мировой судья решает дела «по убеждению своей совести» и может при этом руководствоваться обычаем, лишь бы оный не противоречил закону. Следовательно, к этим статьям нужно сделать только примечание, что по гражданским делам между крестьянами местный обычай должен служить основанием для решения даже и в том случае, если бы он был и не согласен с существующими законами. Так, по закону, дочь после отца получает из недвижимого имущества четырнадцатую, а из движимого четвертую часть; а в деревнях обычай иной: при сыновьях, дочери замужние ничего не получают, а незамужние получают только часть из движимого имущества и то не из лошадей и не из земледельческих орудий, а из денег, хлеба, коров, овец и свиней. Какая беда для государства, если мировой судья в подобном деле решит не по общему писанному закону, а по сельскому обычаю?

Относительно второго возражения, что будто неудобно допускать жалобы к единоличному судье на коллегиальный суд, то и это только теоретически справедливо. У единоличного мирового судьи, по большей части, не менее, а скорее более просвещения и беспристрастия, чем у нескольких крестьян, избранных в судьи. Против этого иные, пожалуй, возопиют; но самые благонамеренные возгласы и уверения не изменят дела, как оно в действительности существует; а всего убедительнее и заключительнее то, что крестьяне единогласно желают, чтобы допущены были жалобы к мировому судье на приговоры волостных судов. Отмена безапелляционности этих судов необходима; передавать же рассмотрение всех этих апелляционных жалоб съезду мировых судей, как некоторые предлагают, — совершенно невозможно; это было бы крайне обременительно для крестьян и для мирового съезда. Первые должны бы с каждою жалобою отправляться в город, иногда отдаленный на 50 и более верст, и там проживать по

несколько дней. А съезд мировых судей только и хорош как контрольная инстанция над судьями, и пока дел мало. При ежемесячных собраниях, продолжающихся два, три дня, принимают участие в разборе дел почетные мировые судьи, которые, не участвуя в ежедневном отправление суда, своим присутствием придают решениям съезда значение приговоров общественного мнения. Если вменить съезду в обязанность принимать все жалобы на волостные суды, то заседания съезда продолжатся ежемесячно по восьми, десяти и более дней; и притом съезд не в состоянии вызывать, как то может сделать мировой судья, всех лиц, необходимых для разъяснения дела, и не может также отправляться для осмотров на места, что по делам крестьянским часто необходимо, и что легко делает мировой судья. К тому съезды в некоторых местностях даже теперь с трудом могут состояться, при продолжительности же съездов эта беда может сделаться общею и подвергнуть опасности самое существование мирового учреждения. Можно и должно допустить кассацию съездом окончательных решений мировых судей по апелляционным жалобам на приговоры волостных судов; но идти далее — вредно для самого дела.

Если сочтено было бы правительством невозможным допустить апелляции к одноличному мировому судье на коллегиальные решения волостного суда, то есть еще один исход: постановить, что такие жалобы рассматриваются мировым судьею совместно с двумя крестьянами, избранными по одному каждую стороною. Такое устройство имело бы ту выгоду, что каждая сторона имела бы своего заступника, и судья, как председатель, был бы вроде супер-арбитра третейского разбирательства.

Что же касается до покраж крестьянами у крестьян, которые до сих пор разбирались волостными судами, то необходимо эти дела признать подсудными мировым судьям и их съездам; иначе выходит страшная несообразность: один крестьянин крадет у помещика бревно из стопы в лесу или от постройки, стоящее 50 коп., и он присуждается мировым судьею, смотря по обстоятельствам дела, к 3, 6 и даже 12 месячному тюремному заключению. А другой крестьянин ворует ночью, в сообществе с другим крестьянином, лошадь у крестьянина: и волостной суд приговаривает их к 7-ми дневному аресту или к штрафу в 5 руб., или к 20 ударам розгами.

Третья мера должна заключаться в восстановлении, по возможности, волостей в границах прихода. В Положении 19 Февраля 1861 года

полагалось из каждого прихода устроить волость, и только в исключительных случаях и по просьбе крестьян, допускать соединение нескольких приходов в одну волость. Но на деле вышло иначе. Посредники, особенно в последнее время, при соединении государственных крестьян с временнообязанными, задались мыслью, быть может, свыше им внушенную, увеличивать объем волостей и сокращать их число. Они находили это и для себя более удобным, и видам губернских присутствий более соответственным, а потому они говорили крестьянам, что чем волости будут обширнее, тем крестьянам придется менее платить на содержание волостных старшин, правлений и судов, и почти исторгали у сходов согласия на соединение двух волостей в одну или на присоединение к существовавшим волостям селений государственных крестьян. Таким образом, теперь редкая волость состоит из одного прихода, а большая часть из них включает в себе два и три прихода. В начале, такое увеличение волостей казалось даже удобным: расходы на содержание волостных властей сделались для крестьян менее тяжкими; выбор старшины из большего числа людей был легче; при недостатке порядочных писарей, замещение меньшего числа вакансий было удобнее; и вообще сосредоточение волостного управления крестьянских обществ в более ограниченном числе пунктов являлось средством к сокращению неурядицы, господствующей в крестьянском самоуправлении. Но вскоре последствия такой перемены оказались совершенно иными: старшины, плохо справлявшиеся с делами в малых волостях, стали еще хуже их вести в больших или увеличенных; прежде, принадлежа к одному из селений прихода, они воздерживались от многого, что они стали себе дозволять в крестьянских обществах, к их приходу не принадлежащих; волостные суды еще ухудшились, как от увеличения числа судей, так в особенности от того, что последняя ответственность перед своими одноприхожанами исчезла: «ведь не я, а такой или такие (из другого прихода) так присудили», — говорили судьи своим односельцам. Но самым вредным последствием этой перемены вышло то, что волостной сход из выборных, учреждение менее бытовое чем искусственное, начавшее только устанавливаться, сплотиться и быть чем-то целым, как представитель прихода, единицы бытовой, превратился во что-то, не имеющее уже никакого бытового значения. Замечательно, как у нас вообще хлопчут о том, чтобы сделать крестьянство безличным, не самостоятельным. Для выбора гласных сгоняют из разных волостей выборных,

мало между собою знакомых, и приказывают им выбрать пять, шесть, семь гласных. Если бы соединяли для выбора одного гласного две или три соседственные волости, то они еще могли бы выбрать по свойствам и способностям человека, достойного быть гласным и представителем этой местности; при нынешнем же порядке крестьяне выбирают кого попало и, по большей части, кого посредник прикажет им выбрать. Разъединение приходской единицы с волостною, т. е. включение двух, трех приходов в одну волость, есть уничтожение всякой возможности для волости быть самостоятельной бытовою единицею. Если это сделано было по легкомыслию, то пора одуматься; если же администрация имела при этом задние мысли, то более здравое воззрение на дело должно заставить ее от них отказаться. Всякая единица искусственная, не коренящаяся в народном быте, — безжизненна и никак не может служить надежным орудием самоуправления. Конечно, не следует теперь опять все переламывать, как уже было раз сделано; но надобно вменить в обязанность властям, заведующим крестьянскими делами, чтобы они вовсе не старались уменьшать число волостей, а, напротив того, имели в виду восстановление волостей в границах прихода, и для этого изъявляли согласие на ходатайства крестьян об образовании самостоятельной волости из всякого цельного прихода, т. е. чтобы строго держались статей 42–45 Общего Положения 19 Февраля 1861 года.

Четвертая мера или, вернее сказать, целый ряд мер должен быть направлен против пьянства. Положением об акцизном сборе дано землевладельцам право открывать кабаки на своей земле. Это было в начале допущено особенно в угоду Остзейским и Польским помещикам, с целью уменьшить их неудовольствие, возбужденное изданием общего для всей империи закона об акцизном сборе. Такое право в наших западных и прибалтийских губерниях сохранилось от средних веков; а у нас помещики никогда им не пользовались и не считывали на доход от спаивания крестьян. Винная продажа всегда считалась в России регалиею; и помещики, в ограждение нравственности крестьян, т. е. своей рабочей силы, хлопотали всегда о возможном сокращении продажи вина в своих имениях. Правда, в последнее время откупов, открытие штофных лавочек доставляло некоторым помещикам доход, но это — исключения из общего правила. Теперь законом (прим. 3 ст. 120 Устава о пит. сборе) воспрещено в условия, постановления и приговоры, дозволяющие открытие питейных

домов, помещение статей, касающихся платы в пользу лиц и обществ за право торговли крепкими напитками; но этот закон на деле не исполняется, и всегда его легко обходят. Заключается условие на наем помещения, и вместе с тем назначается и цена за право питейной продажи; или никакого условия не заключается, но виноторговец за право производить питейную торговлю в известной местности платит или все деньги вперед за год, или выдает на себя срочные векселя. Следовательно, хотя законом и воспрещено обложение питейной продажи особым сбором в пользу землевладельцев, однако на деле это существует и будет существовать в том или другом виде, пока согласие на открытие продажи будет зависеть от землевладельцев и крестьян. Торговля крепкими напитками не должна быть *принадлежностью* поземельного владения; вино нужно не для земли, а для людей. Торговля этим товаром, как и всяким другим, должна бы быть совершенно свободною; но как опытом доказан вред полной свободы по этой торговле, то она должна быть установлена с ограничениями, требуемыми общественною нравственностью, а не выгодами того или другого землевладельца.

Предполагается ограничить число кабаков в каждом уезде и в каждом городе. Уездные земские собрания и городские думы, по принадлежности, должны будут составить свои по сему предмету предположения и препроводить их в губернское собрание, которое, с своим мнением, представит эти проекты чрез начальника губернии в Министерство финансов. По утверждении высшим правительством числа кабаков на каждый уезд и город, распределение, где именно могут быть устроены кабаки, должно, по предположению, безусловно зависеть от уездного земского собрания и городской думы.

При определении числа кабаков, допускаемых в уезде, имеется в виду принять в соображение не только количество душ, имеющих в уезде, но и пространство земли, ими занимаемой. Чем народонаселение гуще, тем число кабаков, по числу народонаселения, должно быть меньше; чем народонаселение разбросаннее, тем число кабаков, по народонаселению, должно быть больше. Так, в первых местностях считается достаточным одного кабака на 1000 душ мужеска пола; а в последних местностях может быть допущен кабак на 500, 400 и даже 300 душ. Считаю весьма сомнительным успех этого предположения. Не будем говорить о том, что оно совершенно противоречит началу свободной торговли, лежащей в основе действующего Положения об

акцизном сборе; но не можем умолчать, что, в этом случае, придется питейные заведения сдавать с торгов или по жребию; и то и другое едва ли желательно. При этом вновь введенные монополисты, пожалуй, воскресят приемы и обычаи откупной системы, что, думаем, еще менее желательно. Во всяком случае, необходимо каждому сельскому обществу предоставить право изъявлять несогласие на открытие в его селении питейного заведения; и тогда кабак открывается в другом удобном месте, где народонаселение не заявит подобного нежелания. Сверх того, необходимо еще увеличить цену патентам на все заведения для раздробительной продажи вина; этим достигнуто будет справедливое требование насчет благонадежности виноторговцев вернее, чем всякими свидетельствами о нравственности этих людей.

Пятая мера, и едва ли не самая важная, по крайней мере, такая, которая если не быстро, то совершенно верно должна вести к улучшению нравственности, а с тем вместе и к усилению благосостояния поселян. Эта мера заключается в распространении просвещения в крестьянстве. Крестьянам даны права значительные, много превышающие степень их развития. Конечно, лучше было бы расширять права крестьян, по мере развития их умственных и нравственных способностей; но дело сделано. Брать назад, что раз дано — неудобно, несправедливо, даже невозможно. А потому необходимо всеми силами стремиться к поднятию уровня духовного и нравственного развития крестьян.

До сих пор, хотя и много было об этом предмете говорено в журналах и в земских собраниях, даже в правительственных учреждениях, однако сделано очень, очень мало. Всего ближе это дело касается земских учреждений; правда, они ежегодно назначают денежные суммы, которые по большей части не расходуются и поступают остатком в земский капитал следующего года; правда, земские собрания избирают членов училищного совета, который составляет протоколы и журналы своим заседаниям, и действительно бывшим, и тем, которые были только на бумаге. Правда, представляются и отчеты о школах и о действиях училищного совета; но далее — ничего, или почти ничего не делается; и грамотность у нас слабо, весьма слабо распространяется. Крестьяне, по большей части, относятся к этому делу равнодушно: сходы, не предвидя, чтобы из этого могла выйти попойка, отказывают в деньгах на устройство школ. Духовенство у нас, вообще усердное по сбору своих доходов, весьма небрежно относится ко всему, что не доставляет ему рублей и гривен. Не желая трудиться безвозмездно, оно

или вовсе молчит, или ограничивается двумя, тремя увещаниями насчет необходимости иметь школу, и затем успокаивается, и об обучении крестьян более не хлопочет; а члены училищного совета, не встречая содействия ни от крестьян, ни от духовенства, и не подлежа никакой ответственности за свое бездействие или за слабые действия, также опочиют, и представляют земскому собранию кой-какие отчеты на бумаге, которая, как говорится, все терпит, или и вовсе ничего не представляют, что бывает еще чаще.

Земство одно не может нести все бремя устройства и содержания школ. Крестьяне неохотно устанавливают особый сбор на этот предмет. Правительство, тратящее большие деньги на университеты, гимназии и пр., не считает, кажется, своею обязанностью давать деньги на первоначальные школы. Таким образом, школы остаются без средств к существованию; новые не открываются, а старые закрываются.

Нам кажется, что обязанность открытия и содержания школ должна лежать на крестьянах, на земстве и на правительстве, т. е. не на одном ком-либо, а на всех вместе.

Участие крестьян в этом деле должно быть установлено законом. Такой порядок не был бы у нас нововведением. Пока крестьяне государственных имуществ были в заведовании особого управления, они обязательно вносили деньги на школы. Необходимо этот порядок распространить на всех прочих крестьян. Если обложить их с души по 10 коп., то это дает уже довольно значительную сумму. Затем земства, конечно, не откажут в добавочном пособии; а для того, чтобы земства были по этой статье щедрее, следовало бы положить правилом, что правительство дает на школы уезда такую же сумму, какую назначает от себя земство. Эти суммы должны бы составлять особый капитал, распоряжение им следовало бы вверить земству, но отчетность по нем должна бы быть отдельная, и остатки имели бы поступать не в общий уездный земский капитал, а храниться особо на потребности школ.

Хотя деньги составляют важную статью в этом деле, однако недостаток в них не один задерживает развитие грамотности в крестьянстве. Другой недостаток не менее чувствителен; а именно недостаток в учителях. Конечно, духовенство может в этом деле оказывать нам пособие; но есть приходы и их немало, где никто из церковнослужителей не в состоянии быть учителем. К тому же необходимо дать на волю крестьян избирать учителей, по своему желанию, т. е. из духо-

венства или из посторонних лиц; а училищному совету необходимо предоставить право устранять тех преподавателей, которые окажутся неспособными для школы. А потому, для расширения круга кандидатов на звание учителей, необходимо устроить, по крайней мере в губернских городах, школы для образования сельских учителей. Знаем, что, в некоторых губерниях, уже состоялись постановления земства насчет учреждения таких заведений, и что даже проекты устава для них представлены в Министерство народного просвещения, но, сколько нам известно, немногие из них утверждены правительством. Говорят, что в министерстве народного просвещения составлен нормальный устав для заведений этого рода. Дай Бог, чтоб он был исполним на деле и не устранял или не ограничивал бы влияния земства на эти школы, содержимые земством. Этим одним сообщится и поддержится жизнь по этой части.

К сожалению, ни крестьяне, ни земство, ни даже правительство еще недостаточно сознают всю безотлагательность мер к умственному и нравственному развитию народа. Все, кажется, думают, что это должно быть заботою будущего времени. Так можно было думать до 19 Февраля 1861 года. Теперь даны крестьянам права полных граждан; а, между тем, уровень их образования весьма низок. Он стал даже как будто ниже против прежнего; это, конечно, неверно, а только кажется оттого, что прежде их развитие было выше их положения, а теперь их права много выше их развития. Дело сделано; нельзя его иначе поправить, как усилением мер к народному образованию; а потому теперь все мы должны это считать первейшею нашею обязанностью. И чем кто стоит выше и имеет более власти, тем обязанность эта для него настоятельнее. Этим только мы можем действительно и прочно пособить бедственному положению, в котором находится наше сельское население.

Знаем, что мы весьма неполно и только поверхностно представили положение крестьянства; знаем что меры, нами указанные, еще недостаточны; но мы сделали, на первый раз, что могли, и что успели, — сделали это без всяких задних мыслей и с искренним желанием блага крестьян и нашего отечества вообще. Пусть другие высказывают свои мысли; мы не отказываемся впоследствии дополнить и разъяснить то, что теперь нами недосказано или неясно изложено.

*2 ноября 1868 года,
с. Песочня Сапож. уезда, Рязан. губ.*

О ГОРОДАХ И ГОРОЖАНАХ

Наши города далеко не имеют того значения, какое принадлежит городам в западной Европе. Там они отличаются и своею многочисленностью, и обилием своего народонаселения, и богатством, и влиянием на страну вообще. Великобритания, в этом отношении, представляет образец разительный: на пространстве 4233 квадратных миль, она имеет около девятисот городов, с числом жителей втрое превосходящим все сельское население государства. Но и Франция, и Пруссия, где сельское население значительно, и где поземельная собственность не сосредоточена в немногих руках, представляют, в сказанном отношении, данные замечательные. — В этих двух странах, в первой на 9885, а во второй на 6391 кв. милях, имеется в каждой по тысяче городов, и их население относится к сельскому как 1 к 3. Богатства же городов и горожан превосходят в несколько раз ценность всех внегородских имуществ с их устройствами. — Не то у нас. В Европейской России, на пространстве почти 100 тысяч квадратных миль, или 4,960 тысяч квадрат. верст, имеется менее 900 городов, из которых только в 64 народонаселение превышает 20 т. душ, только в 30 оно выше 30 т. и только в 5 числится жителей более 100 тысяч; а есть города с народонаселением, не превышающим одной тысячи душ обоюбого пола; городов же, имеющих не свыше пяти тысяч душ обоюбого пола, насчитывается более половины всего имеющегося в империи числа городских населений. Что же касается до доходов, то они малы до невероятия: есть города, которые не имеют и 250 рублей годового дохода; большинство же из них покрывают все свои расходы из суммы, не превышающей 5000 руб. Городское население в России относится к сельскому менее, чем 1 к 10; а поземельное наше богатство много превосходит все богатства городов и их жителей.

Конечно о такой, в сем отношении, нашей отсталости — много горевать нечего. Мы, правда, несколько страдаем от недостатка в городах и от слабого их развития; но это легко исправимо. В западной же Европе страдают от излишка в городах и от чрезмерного их расширения и усиления; это зло несравненно более опасное, и к тому же неисцелимое. В Великобритании, где, как известно, вся поземельная собственность находится в немногих руках, живут на ней одни малочисленные собственники, фермеры и рабочие; все же остальное народонаселение скучено в городах. От этого разительная несоразмер-

ность между числом горожан и поселян, страшный пролетариат, бедность и бездомность, а люди богатые и достаточные обложены в пользу неимущих тяжким налогом, который, несмотря на разные законодательные и экономические меры, растет с каждым годом. Всего хуже, что и не предвидится возможности, даже в будущем, обратного движения горожан в деревни. Только Америка, Австралия и другие малонаселенные страны несколько избавляют Англию и Ирландию от излишка бедствующего народонаселения. Во Франции, где, напротив того, поземельная собственность до крайности раздроблена, собственники малых участков продают их, не имея возможности ими прокармливать, и бегут в города искать себе приют и пропитание; и города, а в особенности Париж, наводняются пришельцами. Правительство и города предпринимают разные казенные и общественные работы для удовлетворения своих и пришлых бедных; эта беда год от году становится более и более тяжкою и грозит, в недалеком будущем, несостоятельностью казны и городских касс по пропитанию неимущих и, с тем вместе, неминуемыми насильственными переворотами в государственном и общественном быту Франции.

У нас, напротив того, городов даже слишком мало; а те, которые и имеются, более походят на большие деревни, чем на города; и ни один из них не страдает избытком обывателей. Города, в каждой стране, необходимы. Тут особенно развиваются торговля и промышленность, а без этого сосредоточения людей в некоторых пунктах они не могут процветать, а, с тем вместе, и земледелие лишается возможности совершенствоваться и доставлять доходы.

Конечно, мы не должны опустошать наши селения и иметь в виду стягивать оттуда людей в города, всякие покровительственные в этом смысле меры были бы неуместны и вредны. Но мы не должны также выталкивать оттуда людей, желающих или жить своими доходами, или заниматься торговлею и ремеслами. А между тем положение наших городов по большей части таково, что только по нужде можно в них селиться. В редких городах улицы вымощены и для пешеходов устроены тротуары; еще реже имеется какое-либо уличное освещение; библиотеки, клубы и пр. составляют принадлежности немногих городов. А для обучения детей средства крайне недостаточны: хотя невероятно, но, к сожалению, несомненно то, что далеко не во всех городах имеются уездные училища. Сверх того, почти все города отягощены более или менее постоянным военным постоем, имеют придиричивую и, вместе

с тем, нерадивую полицию, и зависят, по общественному управлению, от полуграмотного городского головы и всемогущего секретаря думы, — грубого невежды, крючкотворца и почти везде — взяточника.

Для наших городов излишек в народонаселении менее опасен, чем где-либо. Наше сельское население охотно приходит в города на заработки; но еще охотнее, по миновании известных сроков, возвращается домой. Это происходит как от простора наших полей и лугов, так и от характера нашего населения. За границу города пользуются каким-то из средних веков сохранившимся почетом, и сельские жители стремятся сделаться горожанами. У нас заметно совершенно противное. Крестьяне не желают попасть в мещане, и имеют к ним даже некоторое презрение; богатые крестьяне не записываются в купцы, а, ведя торговлю, нередко значительную, берут только временные свидетельства на производство оной. Мещане, даже купцы не прочь от переселения в деревню, и, купивши более или менее значительные участки земли, выстраивают усадьбы, селятся там и остаются только числящимися в том или другом городе. Эта драгоценная особенность нашего быта заслуживает, конечно, самого тщательного охранения; но она не налагает, однако, на нас обязанности удерживать города при их первобытных, ныне невозможных, порядках и при полном отсутствии всяких жизненных удобств.

Наши города вообще бедны; но они бедны не столько по количеству живущих там бедняков, сколько по незначительности капиталов, в них находящихся, по слабому развитию торговли и промышленности и по худому общественному их устройству. Незначительные капиталы, которые Россия имеет, сосредоточены в весьма немногих торговых пунктах; прочие же города перебиваются с рубля на рубль. Необходимые вещи для жизни, как городской, так и деревенской, мы не покупаем в ближайшем городе, а выписываем из Петербурга, Москвы или Одессы, смотря по тому, который из этих городов к нам ближе; и это мы делаем не для того, чтобы иметь эти вещи в самом лучшем виде, а потому, что на месте их или купить нельзя, или что один или два монополиста ломают за них страшные цены. Не развиваются же в городах торговля и промышленность по той причине, что в них живут люди только по необходимости, стараясь из них выбыть при первой возможности. Что же касается до нашего городского устройства, то о нем необходимо поговорить пообстоятельнее, ибо тут корень бедственного положения наших городов.

Городское общественное управление до того стеснено в своих распоряжениях, что оно не может издержать одного рубля, употребить одной сажени городской земли и устроить что-либо для пользы города, не испросивши предварительно на то разрешение губернского начальства, которое, порядка ради, делает запросы, требует объяснения, дополнения, удостоверения и пр.; и, таким образом, иногда чрез несколько месяцев, даже годов, получается окончательное разрешение или таковой же отказ на представления городских дум.

В городах живут купцы, мещане, цеховые, потомственные и личные дворяне, духовенство и крестьяне; но только лица первых трех состояний считаются хозяевами в городе, а все прочие — гостями. Последние имеют дома, платят городские сборы и постоянно живут в городе, но, несмотря на то, они не считаются принадлежащими к городским состояниям и не имеют голоса по городскому хозяйству. При таком устройстве, при крайнем недостатке просвещения, отличающем городских хозяев, и при полной подчиненности их губернскому начальству, не мудрено, что наши городские хозяйства идут плохо, что улучшений в них не заметно, и что однообразие городской жизни и полный в ней застой нарушаются только личными происками и разного рода злоупотреблениями.

Исключения в этом отношении составляют, кроме городов прибалтийских губерний, только города Петербург, Москва и Одесса. Тут введено новое городское устройство; прочие же города его все ожидают. Говорят, что это их желание вскоре исполнится, и что новое, пересмотренное городское Положение уже совершает установленные переходы, приближаясь к окончательному своему утверждению. Дай Бог, чтобы эти странствования скорее кончились и привели к желаемому результату.

Новое городское устройство, введенное в упомянутых трех городах, имеет значительные преимущества над прежним: лица всех состояний образуют полноправное городское население и принимают участие в городском самоуправлении; общая дума устроена из гласных всех состояний в виде совещательного и, во многих случаях, решительного учреждения; она — настоящий хозяин в городе, а распорядительная дума есть исполнитель ее решений; заседания общей думы не тайные, а допускаются туда посторонние лица в качестве слушателей; и отчеты о ее заседаниях печатаются во всеобщее сведение, хотя и не без предварительной цензуры губернского начальства,

как то было до узаконения 13 июня 1867 года. Хозяйства в городах Москве, Петербурге и Одессе, хотя и не вполне удовлетворительны, однако они значительно улучшились, предприняты и исполнены многие нововведения по городскому устройству; и если дефициты не покидают городские сметы, то причины тому заключаются не в нерадении городских общественных властей, а в обстоятельствах, от них не зависящих.

Впрочем, и это новое городское устройство — не без недостатков, и даже весьма существенных, что значительно вредит его правильно-му действию.

Во-первых, выборные назначаются городом не всем населением и не по приходам или частям города, а каждым городским состоянием отдельно. Так, в Москве потомственные и личные дворяне, купцы, мещане и цеховые выбирают, каждые от своего состояния, выборных, которые из среды себя назначают гласных в общую думу. Прочие выборы, кроме выбора городского головы, производятся также отдельно по состояниям. Таким образом, в думах и общей, и распорядительной, заседают гласные и члены не от города, а от отдельных городских состояний. Конечно, при нынешнем расположении всех состояний к сближению и единению этот порядок еще не оказал особенно вредных последствий, но он не только не требуется существом дела, а ему противен; к тому же он не согласен с желаниями городских обывателей и легко может поселить между ними рознь и борьбу. Если три состояния стакнутся, то остальным двум нечего и ходить в собрание; они всегда будут в меньшинстве и должны нести, часто весьма нелегкое, иго большинства. Цели соответственнее было бы соединить все состояния воедино и, в видах предоставления преимущественного значения достаткам и большей образованности, разделить горожан на три разряда, из которых каждый назначал бы одну треть выборных из своего или из прочих разрядов городских обывателей. Первый разряд заключал бы в себе людей, владеющих домами или промышленными и торговыми заведениями, дающими доход не менее известной цифры. Второй разряд составляли бы все прочие домовладельцы, фабриканты, заводчики, лавочные торговцы. В третий разряд вошли бы все горожане, не включенные в первые два разряда, т. е. все наемщики квартир, ремесленники, приказчики в лавках и в промышленных заведениях, рабочие, слуги и пр. Нет возможности для всех городов

Империи назначать один ценз, отделяющий первый разряд горожан от второго; а потому необходимо принять одно из существующих распределений городов на категории (всего удобнее было бы для этого принять то деление, которое установлено для взимания платежа за свидетельства на право торговли), и по этому распределению назначить особый ценз по каждому городу. Первый разряд мог бы собираться в одном месте, а прочие разряды, и в особенности третий разряд, должны бы иметь свои собрания по частям города. Таким образом, выборные, и затем гласные, были бы представителями всего города, а не известных состояний, входящих в состав городского общества. Предоставление недомовладельцам права избрания выборных и быть гласными необходимо для того, чтобы и их интересы имели своих представителей, и чтобы городское население все имело участие в городском управлении так, как в земстве и крестьяне пользуются правом избрания гласных.

Соединение всех обывателей в одно состояние особенно необходимо, если дворянство, как состояние, подвергнется преобразованию, и дворяне, живущие в городах, войдут в состав городского состояния. Они внесут, наконец, в городское управление элемент движения, которого совершенно недостает нашим городам.

Странная вещь: везде города суть представители — главные виновники движения вперед, а сельское население за ними только следует, и то — издалека. У нас — напротив того: за исключением весьма немногих городов, все остальные поражают своею неподвижностью. Это происходит от состава нашего городского общества: купцы, мещане и ремесленники суть хозяева наших городов; а между тем они, за редкими исключениями, погружены в крайнее невежество; они едва умеют читать и писать, а многие и вовсе безграмотны; они ничего не видали, ничего не читали, для них всякое нововведение дико; к тому же они безгласны перед губернским начальством. Какое усовершенствование может быть произведено в городском управлении, когда люди, заведующие городским хозяйством, не только не в состоянии ввести в него что-либо лучшее, соответствующее потребностям времени, но сами первые должны бы поступить в школы и всему научиться. Приобщение дворянства к городскому состоянию одно может дать необходимый толчок улучшению городского быта и поставить наши города на степень развития, соответствующую положению нашего земского устройства. —

Во-вторых, в городском устройстве, введенном в столицах и в г. Одессе, следовало бы установить, чтобы председателем общей думы, т. е. учреждения, контролирующего распорядительную думу, был не голова — председатель сей последней, а один из гласных, избранный городским обществом в председатели общей думы. Этот недостаток контроля над распорядительною думою весьма чувствителен и в Москве, и в Петербурге. Неудобства, соединенные с председательством одного и того же лица в двух учреждениях — контролирующем и контролируемом — также весьма ощутительны в тех уездах, где предводитель дворянства есть, вместе с тем, и председатель уездной управы. Это — весьма естественно: самый добросовестный человек есть плохой контролер над самим собою, особенно если этот контроль производится не в тиши уединения и самоиспытания, а при людях, и притом с помощью посторонних сил. — Против предлагаемого изменения могут возразить, что земское собрание и общая дума находятся не в одинаковых условиях: первое собирается раз, много два раза в год, а последняя имеет свои заседания по одному, даже по два раза в месяц. При таких частых, почти постоянных заседаниях, могут легко возникнуть столкновения, даже явная борьба между головою и председателем общей думы, и тогда городское хозяйство сильно от того пострадает. Это — возможно; но неудобства нынешнего устройства — неминуемы. К тому же, во избежание столкновений между этими двумя председателями, можно установить, чтобы обыкновенные собрания общей думы были по третям или четвертям года, а чтобы чрезвычайные собрания созывались не иначе, как по требованиям распорядительной думы. Впрочем, сами городские общества могут легко предупреждать столкновения между головами и председателями общей думы, избирая в последнее звание людей пожилых и характера кроткого. Последнее условие, и без того, охотно соблюдается как городскими, так и прочими обществами.

В-третьих, необходимо бы, в новом городском Положении, как можно точнее определить случаи и пределы вмешательства администрации в дела общественного управления. Это, безусловно, требуется для того, чтобы люди порядочные и образованные решились войти в состав городского управления; скорее можно согласиться на тесноту круга деятельности, чем на недостаток в нем самостоятельности. Весьма желательно, чтобы при окончательном пересмотре городского Положения, правительство руководствовалось этим убеждением.

Мимоходом не можем не упомянуть об одном вопросе, который, при введении нового городского Положения, должен возникнуть: следует ли его ввести одновременно во все города или только в те из них, которые имеют известное число жителей, и которые, по развитию местной торговли и промышленности, могут действительно считаться городами? Конечно, у нас много городов, почти ничем не отличающихся от селений и часто даже им уступающих: такие города, по просьбам жителей, можно обращать в селения, чем они прежде были, и чем, по своему быту, они и остались. Однако едва ли удобно, где бы то ни было, оставлять в силе старое, ныне действующее городское Положение. Оно подавляет города, не помогает им на пути благоустройства, а напротив — задерживает их при старых беспорядках: а потому нам казалось бы необходимым упразднить везде существующее городское Положение, и в новом законе, в виде примечаний в статьях или в особых статьях, указать упрощения в городском управлении для тех городов, которые, по малолюдности или другим причинам, пожелали бы иметь менее сложные или из меньшего числа лиц состоящие управления.

Везде и во всем оказалось у нас оживление и движение вперед. Отмена крепостного права на людей, преобразование судопроизводства, введение земских учреждений и железные дороги хоронят с каждым днем отжившее и сообщают нашему быту новые средства, приемы и обычаи. Земледелие в эти шесть лет почти распростилось с барщиною, считавшеюся у нас единственно возможною основою обработки полей; вольный труд сделался не только неизбежным орудием в хозяйстве, но, вместе с тем, и орудием выгодным. Промышленность и торговля, несмотря на неблагоприятные обстоятельства наших финансов, развиваются в некоторых центральных пунктах. А большинство наших городов — почти не изменяет своего вида. Правда, банки устроились теперь в губернских и нескольких уездных городах, но, за немногими исключениями, эти банки едва оказывают признаки жизни; а сколько городов, лишенных и этого совершенно необходимого учреждения?

Быт же в городах остается почти тем же, чем он был и прежде. Долее города не могут оставаться в таком положении, иначе наша торговля и промышленность, слабо у нас развивающиеся вообще и, в особенности, вне немногих центральных пунктов, еще более сосредоточатся в сих последних, что нежелательно для них самих и весьма

вредно для страны. Оживление и преобразование наших городов вообще не могут быть произведены посредством предписаний и распоряжений высшего и губернского начальства; такие благие действия может оказать только внесение в городское устройство просвещения и самостоятельности. В этом дворянство может оказать городам всего более услуг. Как в земстве, так и здесь, оно должно принять самое деятельное участие в делах управления. Опыт Москвы, Петербурга и Одессы уже доказал пользу такого нововведения, и остается только воспользоваться этими примерами. В этом выгода не одних городских обывателей из дворян, а вообще всего городского населения. И это может оказаться на деле тем полнее и вернее, чем скорее дворянство сбросит с себя мнимые преимущества, которыми оно теперь не пользуется, а которые только его тяготят и отделяют от прочих состояний.

12 февраля 1869.

Москва

О ПРИХОДСКИХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВАХ

Мы не предполагаем много говорить о приходских попечительствах, потому что этот предмет уже был обстоятельно и с полным знанием дела рассмотрен и обсужден одним земским человеком — Дмитрием Ф. Самариным, в его статьях: «Приход», помещенных в газете «Москва»¹³⁴ 1867 и 1868 годов. Редко случается читать статьи, написанные с таким верным изображением действительности, с таким глубоким сознанием земских потребностей и, вместе с тем, с таким теплым и разумным благодушием. Нам отрадно высказать наше полное сочувствие к основным воззрениям г. Самарина; от души желаем, чтобы он скорее издал, особо книгою, свой прекрасный труд, много утрачивающий своего значения от того, что он выходил разновременно, и что заключительные его статьи еще вовсе не напечатаны. Мы ограничимся здесь кратким изложением того, чем, по нашему мнению, приходские попечительства должны пополнить земскую жизнь, что поддерживает их устройство и действия тех из них, которые уже открыты, и чего следует желать для осуществления благой мысли, проявленной в Положении о приходских попечительствах, Высочайше утвержденном 2 августа 1864 года.

Упомянутым Положением указаны для приходских попечительств четыре главные цели: 1) попечение о благоустройстве приходской церкви; 2) попечение о благосостоянии приходского причта; 3) попечение об устройстве первоначального обучения детей в приходе; и 4) попечение об устройстве благотворительных действий в приходе. — Из этого очевидно, что приходы и попечительства должны пополнять в земской жизни, понятой в обширном смысле этого слова, те недостатки, которые в ней оставляют собственно так называемые земские учреждения.

Из того же Положения очевидно, что приходские попечительства не обязательны; что они не могут устанавливать никакого обязательного сбора с прихожан; и что стихия этих учреждений — полная свобода, а их орудия — убеждения и добротные приношения.

Хотя наши храмы и без приходских попечительств были, по большей части, не в пренебрежении; напротив того, весьма часто они устраивались, возобновлялись и украшались иждивением прихожан,

однако нельзя было не заметить, что рука дающая иногда сжималась по неуверенности в том, что приносимые деньги действительно пойдут на нужды и благолепие храма. Эти опасения в последнее время постепенно усиливались, и все более и более были в ходу слухи о том, что не одно местное, но и высшее духовенство совращало церковные доходы с первоначального их назначения на другие цели, вовсе не бывшие в виду жертвователей. Приходские попечительства, по смыслу упомянутого Положения, должны были положить конец этим опасениям, возвратив заведование церковным хозяйством в руки прихода, от которого оно, вследствие притязаний духовной власти, неправильно отошло, и который один вправе и в состоянии им распорядиться, как следует. Этим путем имелось в виду достигнуть первой из упомянутых целей и удовлетворить одну из существенных потребностей земской жизни.

Вторая цель, указанная Положением, т. е. попечение о благосостоянии приходского причта, могла быть исполнена попечительством не прямо, а посредственно. Наше сельское приходское духовенство находится, по большей части, в бедственном положении, что сознается как правительством, так и прихожанами. Это положение еще ухудшается тем, что крохи на свое содержание, кроме поземельного надела, духовенство должно собирать с прихожан за исправление треб. Такой сбор производится и деньгами, и хлебом, и яйцами, и блинами, и пирогами, и даже вином. При этом торгуются, вымогают, сопротивляются, и пр. Такому положению, тяжкому для духовенства и далеко не легкому для прихожан, — положению, роняющему духовенство в глазах мирян и препятствующему благому действию первого на последних, необходимо положить конец. Пока быт приходского духовенства не будет надлежащим образом обеспечен, и пока не будут от него устранены ныне неизбежные поборы с прихожан, дотоле нельзя и думать об улучшении духовенства, чрез привлечение в это звание людей из других состояний, а с тем вместе, и об усилении полезного действия пастырей церкви на их духовных детей. Невозможно, чтобы правительство или земские учреждения установили какой-либо обязательный налог взамен существующих, так называемых добротных даяний; этот доход духовенства, как он нималозначителен в частности, составляет по каждому уезду и губернии сумму, почти равняющуюся, а иногда и

превосходящую все губернские и уездные земские сборы, которые уже теперь признаются тяжкими*.

Конечно, деньги эти, собранные тем или другим способом, извлекаются из одного и того же народонаселения; но тут способ сбора имеет особенную важность: достаточный дает причту больше, бедный — меньше; и тот и другой жертвуют по доброй воле и в удобное для себя время. Нет возможности разложить этот сбор ни на земли, ни на души; он был бы, в первом случае, весьма отяготителен для одних; а в последнем — для других. Отмена существующего сбора так называемых добротных даяний — совершенно необходима, не только для духовенства, в видах его обеспечения и усиления народного к нему уважения, но и для крестьян, в видах ограждения их от вымогательства со стороны бессовестных или малозастенчивых священно-церковнослужителей. Но эта отмена может быть произведена только путем добровольных соглашений, которые немыслимы без приходских попечительств. Они одни в состоянии произвести такие соглашения, ибо, состоя из почетнейших мирян, попечительства могут чрез последних действовать в этом смысле на прихожан вообще. С другой стороны, священник, будучи членом попечительства, посовестится предъявлять неумеренные требования, которые он, быть может, позволил бы себе относительно отдельных прихожан. Такие именно надежды были высказаны несколькими земствами, и осуществлению этих надежд препятствовало до сих пор только то, что не учреждались попечительства, или что положение, им указанное духовною властью, противоречило ясным словам закона.

Относительно третьей цели, указанной приходским попечительствам, следует сказать, что хотя сельские и волостные сходы, там и сям, открывают и содержат школы; что хотя, кой-где, священники заводят также школы у себя в домах или в церковных сторожках; и что хотя уездные земские собрания, во многих местностях, не отказывают в пособиях первоначальному народному обучению; однако нельзя не сознаться, что важное дело народного образования идет у нас

---

* По Рязанской губернии, доход сельских причтов от добротных даяний составляет, по собранным сведениям, от 400 до 800 руб. на приход. В Рязанской епархии имеется около 800 сельских приходов. Если средним числом принять доход причтов в 600 руб., то общая сумма по губернии составит не менее 480 т. руб.; а весь земский сбор по губернии в 1867 г., с недоимками, не доходил до этой суммы, а в 1868 году он немногим чем ее превысил.

весьма неудовлетворительно. Да иначе, при нынешнем положении, оно едва ли и идти может. Если бы даже училищные советы исполняли свои обязанности добросовестно и с усердием, то и в этом случае они не могли бы сделать по этой части того, что в состоянии исполнять приходские попечительства. Члены училищного совета могут посещать школы своего участка по одному или по два раза в год; к тому же, школы преимущественно в действии зимою; а члены училищного совета, в это свободное от хозяйственных занятий время, отъезжают или по делам, или на временное пребывание в столичные или губернские города; а потому, в самую нужную для школ пору, они лишены возможности за ними надзирать. Напротив того, приходское попечительство всегда налицо, на месте, и, состоя из многих и при том разнородных членов, имеет возможность постоянно следить за ходом обучения. К тому же, нельзя упустить из вида и следующее обстоятельство: земство дает пособия; крестьянские общества назначают сбор; но необходимо лучшее употребление этих денег, и сверх того, изыскание добавочных средств к поддержанию школ. Все это никто не может исполнить лучше, чем попечительства; а потому земство, на основании Положения о них, питало самые живые надежды на их помощь по части распространения грамотности и образования в народе.

Наконец, что касается до четвертой цели, имевшейся в виду при учреждении попечительств, что заведование по части благотворительности в селениях, должно быть почти исключительно возложено на эти необязательные учреждения. В городах, и то далеко не во всех, существуют благотворительные заведения казенные, общественные или частные; в селениях же их почти вовсе нет, и не скоро они могут устроиться. Трудно учредить по одной богадельне на приход; во всяком случае, такое заведение может быть открыто и содержимо только на местные средства. Земство во многих уездах устроило или устраивает врачебную часть; но идти далее оно не может. Больницу, врача, аптеку и пр. завести в состоянии только земство, ибо для этого нужны совокупные средства обывателей довольно обширной местности. Это стоит земству немало; но это — расход, если не по закону, то по совести, обязательный. В область благотворительности оно может вступать только в исключительных случаях, ибо эта область почти беспредельна; обязательного в ней весьма мало, но зато необязательному — нет границ. Эта деятельность особенно уместна в приходе;

а потому приходские попечительства должны ей посвятить себя преимущественно. В селениях нужны богадельни, но еще нужнее несколько упорядочить благотворительность; а потому закон весьма мудро сказал, что приходские попечительства должны иметь попечение «о благотворительных действиях в приходе». Такое попечение ни на кого не может быть удобнее возложено, как на приходские попечительства. Бедные старики, старухи, калеки, неизлечимые больные и пр. не могут быть никому ближе и короче известны, как членам попечительства, которое одно может оказывать бедствующим помощь и вовремя, и тем именно, что для них нужно.

Все эти надежды и ожидания были возбуждены Положением о приходских попечительствах от 2 августа 1864 года. К крайнему прискорбию весьма многих, эти надежды и ожидания далеко не осуществились.

Устройство приходских попечительств предоставлено было «распоряжению епархиальных архиереев», которым разрешено было к этому приступать постепенно и по мере удобств и возможности. Нельзя не сказать, что епархиальные начальства, в этом деле, действовали с крайнею постепенностью, и что подчиненное им духовенство превзошло даже осмотрительность своего начальства. В иных епархиях, только через год, и даже через два года священники получили Положение о попечительствах, которое они прочли, и, по большей части, оставили в безгласности в своих приходах. Мы знаем помещиков, которые, едва в 1868 году, могли узнать от своих священников о том, что действительно ими получено упомянутое Положение. Что же касается до устройства попечительств или до усилий, со стороны священников, к убеждению прихожан по части учреждения попечительств, то примеры того так редки, что почти не стоит об них и говорить. Духовенство вообще отнеслось к этому Положению весьма не сочувственно. Да и какая охота была священникам менять верное на неверное, собственное, произвольное, хозяйничанье — на чужое и, к тому же, — гласное распоряжение! Причты, на основании старых порядков, одни заведуют всеми церковными имуществами и доходами и ответственны, в своих действиях, только отдаленному начальству; по новому же Положению, один только священник, и он только как член, участвует в коллегиальном заведовании церковными имуществами и доходами и, к тому же, под контролем всегда на месте находящегося прихода. Духовенство, как высшее, так и низшее, хорошо

поняло суть дела; и потому большинство из этого звания старалось задержать это преобразование и оставить сколь возможно долее устройство попечительств *in potentia*¹³⁵ на бумаге. К тому же, весьма скоро и в разных епархиях почти одновременно возникли, насчет двух важных статей Положения, истолкования, казавшиеся сперва невозможными по явному их противоречию духу закона. Первое истолкование касалось того, что попечительства, по мнению духовенства, имеют право распоряжаться только одними своими собственными суммами и отнюдь не вмешиваться в заведование ни свечным, ни кошелековым сборами, остающимися в полном заведовании причта и церковного старосты. А второе истолкование относилось к тому, что приходские попечительства будто подчинены епархиальному начальству и должны к нему обращаться с «репортами». Эти два истолкования, данные в разных епархиях, почти уничтожили действие Положения: новые попечительства перестали открываться, а уже существующие сокращают все более и более свои действия. Обнародованное в январе сего года определение св. Синода о суммах, какими могут распоряжаться приходские попечительства, должно считать утверждением первого истолкования; и затем, второе истолкование становится почти ненужным; ибо нечего оспаривать или домогаться начальства над учреждениями, не могущими существовать или вовсе не действующими. Как ни важно это синодальное определение, и по своей редакции, и по вопросу, им разрешаемому, мы однако не войдем в рассмотрение этого постановления. Эта задача, прежде и лучше нас, уже исполнена г. Дмитрием Самариним, в его статье, напечатанной в № 32 «Современных Известий»¹³⁶ нынешнего года и нами перепечатываемой в Приложениях (№ III). Ограничимся здесь несколькими словами.

Если церковные суммы должны оставаться в распоряжении одного приходского причта, с присоединением к нему церковного старосты, то тем самым как будто упраздняется Положение, Высочайше утвержденное 2 августа 1864 года. Если собственно церковное хозяйство вообще должно пребывать в прежнем виде, то нет достаточных причин к устройству попечительства, имеющего заведовать только суммами, не существующими и только могущими впоследствии образоваться. Можно жертвовать, в виду известных недостаточных средств, на удовлетворение насущных нужд; но едва ли, при неизвестности первых, явится где-либо желание основать учреждение, кото-

рого устройство неминуемо должно вовлечь в расходы и в жертво-вания. А потому мы сильно боимся, что слабое действие Положения о приходских попечительствах, огорчившее земство в течение первых четырех лет, теперь вовсе прекратится, и что это законоположение останется лишь памятником благих намерений нашего гражданского ведомства.

При таком положении дела, следует ли нам опустить руки и предоставить церковному хозяйству идти, как оно доселе шло? — Конечно, в настоящую минуту мы не можем не подчиниться определению св. Синода. Но как его определения вообще не непогрешимы; как только что упомянутое его определение, по мнению, обстоятельно изложенному в статье г. Дмитрия Самарина, и нами вполне разделяемому, противоречит духу и словам Положения от 2 августа 1864 года; и как благо церкви дорого не для одного духовенства, а и для всех мирян; то мы считаем долгом всякого православного земского человека, и в печати, и в земских собраниях, и иными законными средствами домогаться отмены этого синодального постановления, и возвращения полной силы Положению, Высочайше утвержденному 2 августа 1864 года. Вместе с тем следует просить о пояснении, в назидание духовенства, что церковное хозяйство все должно быть в заведывании приходских попечительств; что последние состоят не под начальством консистории, а только под наблюдением епархиальных архиереев; и что «открытие попечительств постепенное, по мере удобств и возможности» значит не отсрочку исполнения этого дела до отдаленного будущего, а только то, чтобы попечительства открывались не насильственно, не одновременно как по команде, а по свободному желанию и по средствам прихожан. Необходимо также яснее выразить, что право открывать попечительство принадлежит каждому приходу, и почин этого дела может исходить и от прихожан.

Усилия наши к осуществлению благой мысли о приходских попечительствах не могут остаться без желаемых последствий: правительство уже заявило свою волю по сему предмету утверждением Положения; остается нам только доказать, что мы искренне и глубоко сочувствуем этому закону, и что мы в силах и готовы воспользоваться его предложением. В этом мы можем и должны также рассчитывать на помощь тех наших иерархов и прочих духовных, которые, по своему образованию и светлым воззрениям на значение

православной церкви, видят пользу ее не в средоточении церковных дел в исключительном заведовании духовенства, а в приобщении к их ведению, особенно в хозяйственном отношении, всего православного люда. Последствия прежнего порядка вещей перед глазами всех и каждого. Пора вступить нам на путь иной, указанный первобытною церковью Христовою, ею испытанный, и России далеко не незнакомый: семивековая ее история являет тому несомненные доказательства.

20 февраля 1869.

Москва

О СЕЛЬСКИХ ШКОЛАХ

Хотя в одной из предыдущих статей (стр. 101–105), мы уже говорили о необходимости распространения грамотности и образования в народе, и о мерах к достижению этой цели, однако охотно возвращаемся к этому предмету, считая его, в настоящее время, одним из самоважнейших и всего менее отлагательству подлежащих, и признавая долгом на этом настаивать постоянно — «благо-временно и безвременно».

Всматриваясь в ход крестьянского самоуправления и крестьянского домашнего быта, а равно и в действия земских собраний и правительства, нельзя не быть пораженным тем равнодушием, с которым до сих пор все относится к делу народного образования. Мы сооружаем железные дороги, заботимся об улучшении судопроизводства, устраиваем наши земские собрания и управы, вводим взаимное страхование сельских строений, приводим в порядок наши мостовые сооружения и совершаем многие другие добрые и полезные дела: но всего менее думаем мы о поднятии просвещения в народе, в уровень с правами, ему дарованными. Мы огорчаемся усилением пьянства как в селах, так и городах; истощаем свой ум на приискание средств к ограничению этого зла; и почти готовы поставить к каждому кабаку по чиновнику для надзора за виноторговцами и винопийцами, и для наказания их на месте самого проступка. Мы соболезуем голодающим и расположены поделиться с ними нашими недостатками. А между тем мы не видим, что корень всех этих зол есть недостаток просвещения в нашем народе, ищущем, вследствие того, утешения и веселия только в вине и не обеспечивающем своего существования улучшениями по земледеливанию и заработками по промыслам.

Еще можно было холодно относиться к народному образованию, когда не все жители России были ее гражданами; когда многие сотни и тысячи людей продавались, покупались, и миллионы людей находились в полном распоряжении и на таком же попечении помещиков. Тогда распространение грамотности было мерою, до некоторой степени, даже революционную, т. е. такую, которая готовила уничтожение господства одних над другими и уравнение прав между различными состояниями. Но теперь дело совершенно иное. Самою консервативною мерою, т. е. такую, которая в состоянии всего более охранить порядок, есть развитие просвещения в народе. Она — в ин-

тересе правительства, ибо удобнее управлять людьми, хотя скольконибудь образованными, и сознающими необходимость закона и порядка, чем распорядиться существами безграмотными, всякому слуху верящими и враждебными всяким преобразованиям; и легче для правительства собирать значительные суммы с людей промышленяющих, чем взыскивать даже малые деньги с бедняков и беспомощных. Эта мера также в общем интересе, потому что и в земстве, и в торговле, и на заводах, и на фабриках, и в сельском хозяйстве лучше иметь дело с людьми развитыми, чем с такими, которые ничего не знают, плохо понимают и еще хуже исполняют им приказанное. А между тем, даже теперь, и правительство и мы все относимся к делу народного образования почти с тем же равнодушием как и прежде. От чего это происходит?

От того ли, что мы недостаточно верим в силу и пользу просвещения?

Или от того, что личные выгоды нас отклоняют от хлопот и расходов, неизбежных при устройстве школ?

Или наконец от того, что, заваленные текущими делами, мы откладываем до завтра те дела, которые не прямо бьют нас по затылку?

Думаем, что не одна какая-либо из этих причин, а все они вместе, удерживают нас в равнодушии к делу народного образования.

Мы слабо верим в силу и пользу просвещения, потому что оно является нам более в внешних своих видах, чем в действительном, внутреннем своем значении. Теперь, пожалуй, танцы, лепетание по-французски, такая или иная прическа или одежда, уже не считаются несомненными признаками «цивилизации». Мы поднялись несколькими ступенями выше по лестнице образования. Чтобы считаться человеком современным, необходимо теперь быть *гуманными*, знать верхушки чуть-чуть не всего, и, *conditio sine qua* поп, быть человеком мало или вовсе не верующим, с окраскою более или менее густою нигилизма и с ним неразлучного материализма. В таком виде просвещение является действительно не силою, поднимающею людей вообще и совокупляющею их воедино, а орудием более или менее пригодным, хотя мало производительным, и средством, обособляющим людей, а не сплотняющим их в одно братство. К чему, в этом случае, тратить много сил, времени и денег на доставление другим того, что и нам самим не безусловно полезно? А о просвещении действительно, исходящем из веры и на ней основанном, чуждом со-

циализма и коммунизма, хотя прямо ведущем к братству людей вообще, содействующем к возможно-полному развитию сил и способностей человеческих и стремящемся к обеспечению всем благоденствия, — о таком просвещении кто же помышляет?

При таком нашем умственном настроении, удивительно ли, что мы воздерживаемся от хлопот и затрат на распространение грамотности в народе? Пожалуй, рассуждаем мы, оно и полезно и сверх того требуется нашим положением в Европе; но не достаточно ли того, что мы об этом говорим, пишем, даже назначаем на это сколько-нибудь денег, которые быть может и не израсходуются? Неужель нам об этом заботиться, как о собственном нашем деле? Это положительно от нас ничем и никем не требуется; и сверх того — разве мы, из таких пожертвований, извлечем для себя достаточные и при том несомненные выгоды? Позаботимся о злобах сегодняшних, а будущее пусть само о себе печется!

К тому же, разве мы, для потомства, сделали мало? И уничтожение крепостного права на людей, и введение гласного и изустного судопроизводства, и восстановление земских учреждений, и многие другие преобразования, разве не совершены правительством при нашем содействии? Дай Бог нам управиться с текущими делами, которые отнимают у нас и время и покой, и которые мы оттолкнуть не можем; к чему же нам добровольно наваливать на себя дело, которое необходимо только для будущего?

Так рассуждаем мы, и успокаиваемся, едва подозревая, что настоящего нет, и что будущее начинается, не чрез несколько лет, а каждую минуту, в которую мы говорим и действуем.

Нет! развитие просвещения в народе, есть задача не отдаленного будущего, а того, которое граничит с настоящею минутою. Это было обязанностью нашею и правительственною до 1861 года; оно сделалось потом задачею одного правительства, до введения земских учреждений; а с этого времени, оно опять стало нашею общею задачею, и задачею самую неотложною.

Если мы думаем стать во главе земства; если мы им дорожим; если правительство желает иметь настоящие земские учреждения и на них сложить тяжкое бремя ответственности за местное управление, которое для нее становится с каждым днем более трудным и менее возможным, то обязанность наша и правительства устроить так, чтобы земство было не на *бумаге*, не какое-либо однословное,

а потому бессильное, — не невежественное, а потому мало способное; а такое, которое действительно несло бы, обще с правительством, труд по управлению, искренне бы об нем заботилось и доставляло бы стране те выгоды и удобства, на которые граждане вправе рассчитывать во всяком благоустроенном государстве. Для этого, первое условие, чтобы люди и состояния не оставались одиночками, ищущими своего блага лишь в личных или сословных выгодах. Одно просвещение, разумеет, настоящее просвещение, в силах произвести действительное и плодотворное единение. А потому и правительство, и мы, люди более других образованные, обязаны, и по совести и по расчету, всячески озаботиться развитием народных способностей, и вменить себе в непременный долг не щадить на это дело ни трудов, ни денег.

Мы уже говорили, на вышеупомянутых страницах нашей книги, о мерах, необходимых к умножению сельских школ и к лучшему их устройству. Сказанное там кратко, мы постараемся здесь изложить обстоятельнее и кое-чем пополнить.

Пока открытие и содержание школ мы оставим на попечение сельских обществ, по тех пор у нас школ не будет. Это конечно для нас покойно: не существующие школы не требуют ни денег, ни надзора; а между тем весьма благовидно говорить в свое оправдание: не навязывать же школы крестьянам!

Конечно, мы вовсе не сочувствуем системе навязывания людям даже самых необходимых для них благ. Но, в настоящем случае, мы вовсе не это имеем в виду. Мы не предлагаем принуждать кого бы то ни было учиться; пожелаем только, чтобы была к тому возможность, т. е. чтобы существовали школы. Мы устраиваем мосты, собираем на это деньги или заставляем строить и исправлять мосты натурою, и не спрашиваем ни каждого крестьянина отдельно, ни даже каждое общество в особенности, нужен и желателен ли для него такой-то мост. Мы убеждены, что мосты вообще нужны, удостоверяемся, что, в известном месте, мост необходим, и мы его строим и содержим. Желательно, чтобы относительно школ мы пришли к таким же убеждениям, сознаниям и действиям. Убежденные, что сельские школы вообще столько же нужны, сколько мосты; удостоверенные, что в таком-то селении школа необходима, мы должны ее открыть и содержать. Мы будем, по этой статье, даже несколько уступчивее. Как школами землевладельцы, по большей части, не пользуются непо-

средственню, то и не было бы справедливым возлагать все расходы по этому предмету на земство, коего доходы составляют преимущественно из землевладельческих платежей. Половину этих расходов следовало бы отнести прямо на крестьянство, для которого эти школы устраиваются, а другую половину на земство и казну. Первое необходимо сделать обязательным, ибо иначе немногие крестьяне обложат себя сбором, даже в виду пособия со стороны земства и правительства. Они, мало убежденные в пользе прочных и безопасных мостов, уже вовсе не убеждены в пользе грамотности, в чем и винить их трудно: не ведая ее, они не могут и сознавать ее необходимости. К тому же не следует упускать из вида и того, что школами пользуются из крестьян только те, у которых дети в возрасте от 8 до 15 лет, а платить сбор должны все; следовательно большинство всегда против расходов на школы. Второе, т. е. пособие от земства сельским школам, должно оставить расходом для него не обязательным, а в видах поощрения к тому земства следовало бы постановить, что оно имеет право получать дополнительное пособие из казны, в размере пособия, им назначенного из своих средств. Для ограждения казны от неопределенных расходов по этой части, можно бы узаконить, что пособие от казны не может превышать половины обязательного сбора, взимаемого с крестьян.

Что касается до сбора с крестьян, то на первый раз, можно бы его ограничить десятью копейками с души. Такой сбор был бы для них не обременителен, а между тем, он был бы достаточен на открытие и содержание одной школы в каждом приходе. Средним числом можно считать на уезд по 40 т. душ мужского пола и по 60 сельских приходов; следовательно сбор состоял бы из 4000 р. с крестьян. Если бы земство и правительство вместе дали такую же сумму, то пришлось бы по 133 руб. с копейками на каждую школу. На эту сумму, при малейшем содействии прихожан, весьма возможно устроить и содержать школу. Это содействие может быть оказано как приходскими попечительствами, так и самими сельскими обществами; это тем необходимее, что таким только образом школы получают характер местных, собственно сельских, а не казенных или земских заведений.

Открытие новых сельских школ, конечно, необходимо, ибо существующих этого рода заведений у нас очень мало; но еще более неотложно — улучшение способа преподавания в тех школах, которые уже имеются. А потому, к достижению этой цели, необходимо идти

двумя путями: во 1-х, образованием настоящих учителей для сельских школ; и во 2-х, исправлением методы преподавания уже имеющихся учителей, и привлечением к этому делу людей, могущих быть хотя сносными учителями. В виду первого, мы должны устраивать особые земские училища для образования сельских учителей. К этому, в разных губерниях, земство уже приступило. Желательно, чтобы прочие губернии последовали этим благим примерам. Желательно также, чтобы правительство не затрудняло, а напротив всячески поощряло эти добрые начинания. Но этот путь не скоро приведет нас к цели: мы будем получать ежегодно по 30, по 40, по 50 учителей на губернию, и то не прежде трех, четырех лет, после устройства упомянутых училищ; нам же теперь нужны многие сотни преподавателей; а потому в нашей стране, долго остававшейся как бы в спячке и вследствие того вынужденной догонять потерянное время, необходимо, в ожидании хороших учителей, запастись хотя посредственными. Эти последние могут выйти, как из числа ныне имеющихся в школах учителей, так и из других грамотных людей, и скорее всего из духовенства. К сожалению, опыт удостоверяет, что нынешние учителя как из духовенства, так и из прочих состояний, имеют самые неудовлетворительные способы преподавания: они не развивают и не научают детей, а притупляют их, задерживая учеников, по многим месяцам, на азбуке и складах, и заставляя их читать, без понимания читаемого, и заучивать наизусть слова, без уразумения их смысла. Почти все наши сельские школы представляют пример разительный того, как полезное может быть превращено во вредное, или по крайней мере в бесполезное, и как орудие просвещения может становиться средством к подавлению человеческих способностей. А потому, хотя необходимо думать об умножении у нас школ, однако еще необходимее позаботиться об их исправлении.

К этому особенно пригодными средствами были бы следующие: 1) учреждение, на время летних каникулярных месяцев, педагогических курсов для учителей; и 2) определение одного на уезд смотрителя или досмотрщика сельских школ. Обе эти меры были уже испытаны и оказали благие последствия. Первая доставила, в Новгородской губернии, улучшенных учителей из прежних обыкновенных, и посредственных наставников из крестьян, только грамотных. А вторая мера, принятая в разных местностях, исправила способ преподавания в школах, как тем, что этот ревизор объяснял учителям, большею

частью из духовных, новейшие, лучшие приемы преподавания, так и тем, что они обращали внимание училищных советов и их членов на замеченные в школах недостатки и на способы к их устранению. Весьма желательно, чтобы обе эти меры получили большее развитие, и сделались общеупотребительными в нашей стране.

Говоря о школах, необходимо упомянуть о влиянии на них духовенства. Есть у нас школы (хотя и весьма мало), в которых священники или дьяконы преподают очень хорошо, но, по большей части, наставники из духовных учат неудовлетворительно. Весьма желательно, чтобы наше духовенство имело в сельских школах сильное действие на юношество; но, к сожалению, мало, очень мало духовных, которые этим делом занимаются с любовью. Многие из них, получая, от сельских обществ, жалованье, нанимают себе в помощники солдат или исключенных из духовного звания семинаристов, а сами едва посещают школы. Это особенно чувствительно в школах, которые духовенство любит называть церковно-приходскими. Тут уже преподавание более чем неудовлетворительно. Священник получает от прихода пособие в 30, 40, 50 или 60 руб.; он собирает учеников в своем доме или в церковной сторожке; они ему носят воду, рубят дрова, посылаются на гумно за соломою или с другими поручениями, и, в свободное от этих занятий время, долбят азбуку или псалтырь. Эти школы просто вредны, ибо тут мальчики не образуются, а привыкают к напрасной трате времени, ко всякого рода шалостям и получают отвращение от чтения и письма. Понятно, как поражены были посредники, при получении циркуляра от своих губернских присутствий, о том, чтобы ни они, ни волостные и сельские должностные лица не вмешивались в управление церковно-приходскими школами и в занятия духовенства по преподаванию в светских училищах. Этот циркуляр до того замечателен и может иметь такие важные последствия, что стоит на нем остановиться и о нем поговорить.

В начале прошлого года, губернаторы получили от министра внутренних дел циркуляр, в котором было прописано, что им, министром, получено отношение от председателя Высочайше утвержденного присутствия по делам православного духовенства, с просьбою сделать распоряжение: «а) об устранении неправильного вмешательства светских властей в управление церковно-приходскими школами, равно и в занятия духовных лиц по преподаванию в светских училищах, — и б) об оказании, со стороны других ведомств, содействия

духовенству в законных его требованиях по делам о народных школах». Вследствие сего, министр внутренних дел просил начальников губерний принять надлежащие меры, чтобы устранить неправильные вмешательства мировых посредников, волостных и сельских начальников, в управление церковно-приходскими школами, равно и в занятия духовных лиц по преподаванию в светских училищах, и об оказании со стороны сельского управления содействия духовенству в законных требованиях его по делам о народных школах.

Сколько важнейших вопросов возникает при чтении этого, из немногих слов состоящего циркуляра!

Что такое церковно-приходские школы? Закон признает сельские школы, и для них существует особое Высочайше утвержденное Положение; но тут говорится о каких-то не просто приходских, но о церковно-приходских школах. Какое их назначение? Какие отличительные их признаки? Какие их права и обязанности?

Говорится в циркуляре о неправильном вмешательстве светских властей: всякое ли вмешательство этих властей в дела школ, заведываемых духовенством, должно считать неправильным, или только то, которое действительно почему-либо неправильно? но в последнем случае, что считать правильным, и что — неправильным? Где границы между этими двумя родами вмешательства?

Запрещается вмешательство в управление церковноприходскими школами, но что разуметь под словом: управление? То ли, что миряне не должны вмешиваться в выбор учебников, или в распределение часов учения, или в употребление учениками времени вообще, или во что-либо иное?

Запрещается вмешательство в занятия духовных лиц по преподаванию в светских училищах: но разве церковно-приходские училища суть духовные? Какие же сельские училища должно считать светскими и какие духовными? Неужели в школах, учрежденных на основании Положения от 14 июля 1864 года и содержимых на счет сельских обществ, но имеющих учителями приходских священников или диаконов, нельзя мирянину сделать им замечание даже на счет преподавания азбуки, арифметики и пр.? Да неужели мирянин, потому только, что он мирянин, не имеет права что-либо сказать о преподавании священной истории или краткого катехизиса, а священник или диакон, только потому, что он носит духовное звание, непогрешим по этим частям?

Вменяется «другим ведомствам» (следовательно всем не духовным), или как сказано более ограничительно министром внутренних дел, мировым посредникам и должностным лицам волостного и сельского управления, способствовать духовенству к достижению желаемого успеха, по предмету наружного благоустройства школ и снабжения их необходимыми материальными средствами. Что такое наружное благоустройство школы? Чем же способствовать? Какие необходимы материальные средства? Кто судья того, что необходимо по этой статье, и что не необходимо?

Мы кончаем наши вопросы, хотя число их можно бы удвоить, утроить и все еще не истощить этой обильной почвы для недоумений, сомнений и всякого рода опасений. Не можем однако не поставить еще одного — последнего вопроса:

Неужель мы, каким-либо чудом, перенесены в католическую Австрию времен пресловутого конкордата^{137?}

Нет! мы никак не можем считать этот циркуляр плодом особенных каких-либо соображений и даже обдуманном домогательством нашего православного духовенства. Нет! Это — просто канцелярская отписка, очищенный номер и более ничего.

Мы основываем это наше мнение на том, что министр внутренних дел, имея в виду Высочайше утвержденное Положение о сельских школах, не мог подкреплять, силою вверенной ему власти, требования, противоречащие духу и букве этого закона; что духовенство наше, хотя по временам и выходило за пределы своего ведения, не могло однако, ни с того ни с сего, вдруг заявить требование на безотчетное преподавание народу не только в каких-то своих, но даже и в не своих школах, и разом всех мирян объявить неспособными иметь голос по делам народного обучения, как только духовенство принимает в нем участие. Нет! Такое устранение мирян от заведывания сельскими школами, такое притязание духовенства на бесконтрольное в них преподавание, такое противоречие духу и правилам нашей православной церкви — не могли быть обдуманном действием нашего духовенства. Скорее можно допустить, что какой-либо католик во зло употребил минутное невнимание наших иерархов.

Этот циркуляр, если не будет вскоре отменен, то может иметь самые вредные последствия для школ.

Во 1-х, так называемые церковно-приходские школы, ныне существующие и могущие быть улучшенными, закроются; ибо коль скоро

они будут признаны не светскими, а духовными, то крестьяне перестанут туда посылать своих детей. Вместе с тем, крестьяне отменяют выдачу всяких пособий для этих школ.

Во 2-х, в сельских школах, преподавание священниками всего, кроме Закона Божия, прекратится, ибо едва ли миряне согласятся оставить в руках духовных научение детей грамоте и проч., при невозможности иметь наблюдение за способом преподавания.

В 3-х, земства и училищные советы, в виду этого циркуляра, не усилят, а напротив того, сократят свою деятельность; ибо они усмотрят, что ответственность за распространение образования в народе не лежит прямо на них, и что даже действия советов и их членов могут вызвать новый циркуляр министра внутренних дел, дополняющий то, что было им несколько ограничено против сообщения г. председателя присутствия по делам православного духовенства.

А потому потребность в отмене этого циркуляра есть самая настоятельная.

Еще обо многом, относящемся до народного образования, следовало бы говорить. Необходимо бы обратить внимание правительства, земства и общества на уездные и губернские училищные советы: они, по большей части, существуют только на бумаге; в них очевиден недостаток жизненности; эти советы, и в особенности губернские, требуют преобразования. Нужно бы также направить общественную заботу на женское воспитание в селениях: не прочна, ограничена будет грамотность у нас в народе, пока она не распространится между матерями. Немало и других важных предметов по этой части, о которых надлежало бы потолковать. Но на сей раз мы ограничимся тем, что уже сказали.

Выше нами изложенное составляет кровную нужду настоящего часа; остальное придет впоследствии и постепенно, лишь бы основания были положены правильно и прочно. В заключение, мы не можем однако не обратиться с одною неотложною и весьма существенною просьбою, но уже не к правительству или земству, а к комитетам и обществам, заботящимся о народном образовании.

Одно из великих затруднений, встречаемых уездными училищными советами, при заведывании школами, заключается в том, что они не знают: какие буквари, учебники и способы преподавания должны быть признаны за лучшие, и какие книги могут быть предложены народу для чтения? Это затруднение много задерживает действия учи-

личных советов и вредит их полезному влиянию на училища и на народное образование вообще. В этом деле, комитеты грамотности и общества для распространения полезных книг, могли бы оказать великую услугу нашему отечеству, указанием тех способов преподавания и тех книг, которые, в настоящее время, могут быть с большею пользою употребляемы в школах и рекомендуемы народу для чтения. Знаем, что отчасти они это уже делают, но нельзя не сознаться, что они это исполняют не с полною добросовестностью и с поверхностным знанием дела: они рекомендуют только книги, которые сами издают, и методы тех только учителей, которые состоят членами их обществ. Необходимы, в этом деле, и большее беспристрастие и прилежнейшее изучение всех способов преподавания, находящихся у нас в ходу. — Знаем, что упомянутые комитеты и общества занимаются даже составлением учебников и назначают премии за лучшие книги в этом роде; но это принесет пользу завтра, а мы нуждаемся знать сейчас, что можно получить для удовлетворения нужд настоящих. Такое содействие училищным советам, со стороны комитетов и обществ, было бы весьма полезно для дела, которому они желают служить, и вполне соответствовало бы цели их учреждения.

10 февраля 1869 г., Москва

О МЕРАХ К СОКРАЩЕНИЮ ПЬЯНСТВА В НАРОДЕ

Так много, в последнее время, было говорено об этом предмете, и в правительственных учреждениях, и в земских собраниях, и в печати, и в частных беседах, что почти совестно к нему возвращаться. А между тем нельзя не сознаться, что это дело далеко вполне не уяснено, и что почти вовсе не выработано мер, которые бы действительно вели к достижению желаемой цели. Мы не имеем в виду высказать, по этому предмету, что-либо новое, разрешающее многотрудную эту задачу; мы намерены только рассмотреть и оценить уже предложенное другими, и вывести те заключения, к которым теперь, по этому делу, можно и должно придти. Мы считаем такой труд тем более своевременным, что вопрос о мерах к сокращению пьянства в народе должен, как слышно, вскоре поступить на обсуждение нашего высшего государственного учреждения.

Не подлежит сомнению, что пьянство у нас сильно, сильнее чем где-либо, и что, в последние годы, оно значительно увеличилось. Это тем замечательнее, что даже теперь у нас выпивается вина менее, чем в других странах, и что в некоторых областях Империи (в Привисленских губерниях и в Финляндии), где пьянство не значительно, вина выпивается гораздо более, чем в остальных частях нашего государства*. Следовательно употребление крепких напитков у нас не чрезмерно, даже слабо; а беда вся в том, что не умеют пить вино.

Иные винят в увеличении пьянства — отмену крепостного права на людей и введение питейно-акцизной системы. Другие — более рассудительные, приписывают это зло не самим этим преобразованиям, а обстоятельствам, их сопровождавшим. Неоспоримо, что

---

* В Привисленских губерниях, при народонаселении с небольшим в пять миллионов, выпивалось вина (в 1864 и 1865 г.) более пяти миллионов ведер окочиты, т. е. в 78%; следовательно,

на душу приходится алкоголя по.....	78%
В Дании	78%
— Бельгии.....	60%
— Пруссии	52%
— Швеции.....	46%

У нас в Империи, за исключением Привисленских губерний и Финляндии, народонаселение почти в 70 миллионов едва выпивает от 66 до 67 миллионов ведер вина, т. е. около 38% алкоголя на душу.

освобождение крепостных людей, в том виде, в каком оно совершилось, породило в сельских обществах неурядицу, которая, в свою очередь, усилила в них пьянство. Об этом мы уже говорили в статье IV нашей книги; такому посредственному источнику пьянства необходимо противодействовать мерами, там нами указанными; следовательно здесь об этом нечего говорить. Что же касается до питейно-акцизной системы, введенной в России с 1863 года, то и ее мы не можем признать прямою причиною усиления пьянства; ибо убеждены, что откупа были много ловчее и более заинтересованными в спаивании народа, чем вновь учрежденное акцизное управление; в этом особенно нас убеждает то, что рвение чиновников к пользам казны никогда не поравняется с рвением откупщиков к собственным выгодам.

Вместе с тем, мы не можем однако не признать, что некоторые, не существенные для системы, статьи Положения, и в особенности способ их исполнения, действительно усилили пьянство в народе и поэтому подлежат отмене или изменению. Об них мы будем обстоятельно говорить при рассмотрении различных мер, предлагаемых к сокращению пьянства; а потому теперь постараемся указать главную, коренную причину существования у нас этого порока.

Мы сказали, что беда у нас в том, что не умеют пить вино. За границею и в Привисленских губерниях пьют ежедневно перед обедом и часто перед ужином. Это делается и дома и в корчмах или шинках. У нас, по две, по три недели ничего, кроме воды и кваса, не пьют; но приехавши на базар, или дождавшись храмового праздника, пасхи, масленицы, свадьбы, крестин, продажи или покупки чего либо — уже напиваются до упада. Виноваты ли в том вино или кабаки или трактиры?

Нет! Главная, коренная причина существованья пьянства у нас в народе, заключается в недостаточном его умственном и нравственном развитии, и в его бедности. Пожалуй, пьянствуют и образованные, даже ученые люди; пьянствуют и люди богатые, которые, вследствие излишнего употребления крепких напитков, и становятся иногда бедными; но это — исключения. Не только грамотность и первоначальное образование, но и самая высшая наука не содержат в себе талисмана к охранению нас от порока. Но они имеют то полезное действие, что открывают нам новые источники удовольствий, поднимают нас в собственных наших глазах и устремляют людей

к заработкам, более выгодным и требующим трезвой и порядочной жизни. А потому, существенного исцеления от пьянства народ наш достигнет только со временем, когда образование его дойдет до известной степени развития; но как этого ожидать нельзя, ибо люди спиваются и беднеют все более и более, то и следует принять некоторые, хотя посредственные меры к сокращению усиливающегося зла.

В этих видах предлагается много мер — так много, что затруднителен только выбор между ними. Мы перечислим главнейшие:

1. Ограничение числа питейных заведений.
2. Стеснение условий к открытию питейных заведений.
3. Возвышение цен на патенты для мест раздробительной продажи вина.
4. Требование залогов от виноторговцев в обеспечение правильной их торговли.
5. Отмена временных выставок для продажи вина.
6. Оказание покровительства торговле пивом.
7. Пересмотр законоположений о трактирных заведениях и постоянных дворах, с целью возвращения к настоящему их назначению, т. е. к продовольствию, а не к спаиванию народа.
8. Усиление вообще надзора полиции, волостных и сельских начальств, за правильностью винной торговли.

9. Вменение в обязанность: а) полиции — преследовать пьяниц, на основании статьи 42 устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; и б) волостным и сельским властям — подвергать пьяниц взысканиям, узаконенным за маловажные проступки.

10. Обнародование закона о том, что нахождение в пьяном виде, при совершении какого-либо преступления или проступка, считается обстоятельством не облегчающим, а утяжеляющим вину подсудимых.

Остановимся на этих десяти мерах, хотя знаем, что мы далеко не истощили этого предмета: к сокращению пьянства предлагается почти столько же мер, сколько и к уврачеванию зубной боли — у всякого свое лекарство. Думаем однако, что эти десять мер суть главнейшие из предлагаемых; а потому рассмотрим и оценим их по порядку.

Самою существенною, самою коренною и надежною мерою к искоренению или сокращению пьянства, считается ограничение мест раздробительной торговли вином. Предлагается: определить, по количеству народонаселения, наибольшее число питейных заведений, могущих быть открытыми в каждом городе и уезде, если явится более

желающих содержать кабаки, чем сколько в этой местности назначено их иметь, то *или* дать соискателям жребий, или оказывать предпочтение тем, которые признаны будут более благонадежными. Определение количества питейных заведений в каждом городе и уезде должно, по предположению, зависеть от правительства; размещение этих заведений имеет быть произведено земскими собраниями и думами, по принадлежности; а раздачу этих заведений желающим предполагается поручить управам и думами, также по принадлежности. К этим предположениям делаются разные добавления: так, иные желают, чтобы были назначены *maximum* и *minimum* числа питейных заведений в каждой местности, не указывая однако, кем и как будет пополнен последний, в случае если явится желающих содержать кабаки менее, чем сколько установлено их иметь в известной местности; другие, вместо жеребья, в случае излишка в соискателях на содержание питейных заведений, предлагают, чтобы оные сдавались с торгов, с предоставлением выручаемых сумм в пользу земства и городов, не подозревая, что таким образом, они восстанавливают откупа, и даже в самом худшем их виде; третьи требуют, чтобы в содержатели питейных заведений, допускались лица не иначе как за ручательством, в уездах, землевладельцев и сельских обществ, а в городах — дум; и проч.

О других добавлениях мы не будем упоминать, ибо они еще более странны: их заявление уже содержат в себе и самое их опровержение. Как ограничение числа кабаков подает многим самые живые надежды к сокращению пьянства в народе, то эту меру мы обсудим с особенною обстоятельностью.

Ограничение числа питейных заведений было вполне согласно с откупными уставами и порядками: монополия лежала в основе этой системы. Но как согласить систему свободной торговли, узаконенной Положением об акцизном сборе, с определением, где не должно быть кабака, где может существовать только один кабак, и где число их может доходить до 10, 20, 50, 100, но ни одним не более определенного числа? Следовательно, если желательно ограничение числа кабаков, то надо начать с отмены ныне существующей акцизной системы и, вместо ее, предложить какую-либо иную. К сожалению, в этом случае, западная Европа не придет к нам на помощь, ибо там везде существует свободная торговля крепкими напитками, и, вследствие того, нигде нет ограничения числа питейных заведений. Придется или отказаться от этой меры, или возвратиться к прежним откупам; ибо изобрести

систему такую, при которой не было бы ни свободы открывать кабаки, ни откупов, сосредотачивающих винную торговлю в одних исключительных руках, — есть вещь безусловно невозможная.

Но допустим, что кое-как, с грехом пополам, мы согласили несогласимое, т. е. при удержании ныне существующей системы, ограничили бы число кабаков в каждой местности. Затем представляется вопрос: как такое решение привести в исполнение?

Если определять число кабаков по народонаселению, то мы встречаем следующее *затруднение*: назначить ли одну норму для всей Империи, или различные нормы по различным местностям?

В первом случае, если за общую норму будет принято, положим, тысяча душ, то там, где народонаселение густо, это число жителей может легко довольствоваться одним кабаком; но, в некоторых уездах Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской, даже Рязанской и Тамбовской губерний, жителям будет очень обременительно ездить за 10 и более верст, чтобы купить одну десятую или четверть вина; в этих местностях, мало одного кабака и на пятьсот душ, ибо тут крестьяне живут весьма разбросанно. Мы и не говорим о губерниях Вологодской, Пермской и Самарской, где при ограничении числа кабаков по народонаселению, до кабака будет так далеко, что всякая покупка вина будет сопряжена с путешествиями, иногда даже опасными. — Если мы назначим разные нормы, то разделение Империи, в этом отношении, на категории, будет трудом весьма значительным, и при том едва ли благодарным.

У нас есть уезды, даже губернии где, в известное время года, бывает значительное стечение народа, а постоянных жителей — очень мало. Есть дороги по пространствам, едва обитаемым, где кабаки совершенно необходимы, а между тем жителей почти нет. По каким данным тут назначать число кабаков?

К тому же как наблюдать за тем, чтобы не завелась питейная продажа там, где она необходима, и, следовательно, выгодна? Беспатентные шинки не развиваются только в тех местах, где содержатели патентных питейных домов имеют возможность за ними наблюдать, а возможность эта будет тем меньшая, чем пространнее будет округ их торговли. Теперь имеются беспатентные шинки, но их мало потому, что кабаков много, а при уменьшении их числа, необходимо увеличится количество первых. И следовательно мы будем далеко не в барышах, а в несомненном убытке.

Затем второй вопрос: чем будут руководствоваться земства и думы, при назначении кабака в таком, а не ином месте? Думы, подчиненные губернским правлениям, конечно не посмеют отказаться от этой обязанности; но едва ли земства ее на себя примут, ибо тут сомнениям и недоумениям не будет конца. В весьма многих случаях, произволу придется решать в пользу или против того или другого селения; а такая обязанность весьма щекотлива и совершенно не согласна с достоинством земства. Думаем, что придется не редко губернскому начальству самому исполнять эту обязанность, а оно едва ли исполнит ее удовлетворительно.

Допустим, что число кабаков определено и места для них назначены; но этим еще далеко не устраняются все затруднения, представляемые этою системою. Кому сдать эти кабаки? Кого удостоить звания кабатчика, и кого объявить недостойным этого звания? Если обратиться к жеребью, то не может ли случиться, что человек, к этому ремеслу привыкший и обладающий достаточным на то капиталом, не получит, по жеребью, питейного дома, не только в одном, но и в разных местах, и должен будет искать себе занятие и пропитание в ином промысле, к которому он вовсе не привык; и наоборот, может случиться и то, что человек, вовсе непривычный к винной торговле, получит по жеребью питейный дом и должен будет оставить прежнее свое ремесло. Едва ли, в государственно-хозяйственном отношении, это выгодно. Сверх того, если не допускать права передачи кабаков от одного лица другому — что довольно трудно, то этим установится нового рода кабала; а если допустить передачи, то это разовьет едва ли выгодную для государства торговлю: будет являться вдвое, втрое, вдесятеро более желающих снять кабаки, чем действительных кабатчиков, и, за вынуждением жеребья, пойдет между ними настоящая раздача этих заведений.

Если установить, что в таком-то селении может существовать только один кабак, а в таком-то городе только три, пять кабаков, то не выйдет ли из этого страшная монополия? Где один кабатчик, там он будет торговать как захочет; а где их будет несколько, то прямая их выгода — стакнуться, и также торговать по своему произволу.

Но разве нельзя установить и высшие цены на вино и доброту его, и другие правила для винной торговли? В таком случае, свободной торговли уже не будет вовсе, и мы возвратимся прямо к прежней откупной системе, при которой все эти правила существовали, и ни одно из них не исполнялось.

Очевидно, что при нынешней системе питейно-акцизного сбора, нет возможности ограничить число питейных заведений. Если требовать последнего, то надо начать с отмены ее, и прямо, откровенно возвратиться к откупной системе, что — конечно не желательно.

Мысль об ограничении числа кабаков находит горячих защитников, преимущественно, думаем, от того, что эта мера как будто просто, так сказать, механически, дает то, чего желают — уменьшение питейных заведений, а с тем вместе, и сокращение пьянства; и что не вникли достаточно во все затруднения, соединенные с приведением в действие этой меры. Если бы приняли последние в надлежащее внимание, то легко бы убедились, что это, по-видимому простое средство — крайне многосложно, и что ограничение числа кабаков сопряжено с полным устранением всякой свободы торговли, с вызовом произвола на решение многих по сему делу вопросов, и с возвращением той системы, которая была предметом общего и постоянного народного неудовольствия, даже негодования, и которой отмена составляет одно из великих благодеяний, оказанных народу. Жаль также, что не принимают в соображение и того, что за границею и в Привисленских губерниях, кабаки представляются на каждом шагу, а пьянство там весьма слабо; и что у нас пьянство не ежедневное, вызываемое близостью кабаков, а случайное, т. е. являющееся только при известных обстоятельствах (на базарах, ярмарках, во время особенных праздников), при которых в вине и кабаках никогда не будет недостатка. Эти соображения должны бы несколько умерить пыл людей, желающих во чтобы то ни стало уменьшить число кабаков. Мы вполне сочувствуем конечной цели этих благонамеренных людей; но мы никак не желаем достигнуть этого добра, путем таких мер, которые превратили бы его в зло; что однако неминуемо, если сокращение числа кабаков последует чрез посредство административной регламентации, при чиновничьем надзоре, или что еще хуже, при откупной системе, в каком бы то ни было виде.

А потому, если желательно достижение указанной цели, то еще более желательно, чтобы оно совершилось посредством не прямых, а косвенных мер, и не путем регламентации, особенно не удобной в настоящем деле, а чрез надлежащее развитие народных сил и способностей.

Второю мерою к сокращению пьянства, предлагается стеснение условий к открытию питейных заведений. На основании существу-

ющих законов, всякий землевладелец, всякое общество крестьян собственников, всякое общество временно обязанных крестьян, поселенное на земле помещика, имеющего питейное заведение, а в городах всякий обыватель — имеют право открывать и содержать питейное заведение. Предполагается установить непременно условием к открытию питейного заведения, согласие на то всех живущих в двух- или трехверстном расстоянии от открываемого кабака; и при том так, чтобы согласие крестьянских обществ, в этом случае, считалось безусловно необходимым; а согласие землевладельца, могло бы быть заменено разрешением земской управы, если окажется, что он, без достаточных причин, отказывает в своем на то согласии, и что питейное заведение необходимо нужно для крестьян, лишенных возможности приобретать для себя вино ближе 4-х или 6 верст, т. е. двойное расстояние против вышеупомянутого. Эта мера не нарушает прямо начала свободной торговли вином, ибо не запрещает, нигде и никому, открытие и содержание питейного заведения, но требует только согласия на то обывателей этой местности. Она справедлива, ибо поставляет непременно к тому условию желание крестьянских обществ, для которых нужен кабак, и требует условного согласия землевладельца, для которого питейное заведение может представлять только выгоды или неудобства. Эта мера еще заслуживает одобрения потому, что и крестьяне и землевладельцы могут с виноторговцем делать условия, по местным потребностям, на счет того как, по каким ценам и в какое время питейная торговля может производиться. — Конечно, при этой мере землевладельцы и крестьяне могут брать с виноторговцев деньги за право производить торговлю; но деньги они берут и теперь. Тогда будут брать их несколько менее, ибо никто не будет исключительным обладателем права разрешать открытие питейного дома. При таком порядке, правда, несколько пострадают землевладельцы, потому что теперь они получают всего более по этой статье; а крестьяне обыкновенно берут денег мало и пользуются угощениями от виноторговцев. Но этот доход землевладельцев существовал прежде только в исключительных случаях, т. е. при открытии *штофных* лавок, и вовсе не может считаться принадлежностью земли: вино нужно не для земли, а для крестьянских обществ. Эта мера не применима к городам, но в уездах она может быть весьма полезною.

Третья мера заключается в возвышении цен на патенты для мест, в которых производится раздробительная продажа. Возвышение цен на патенты для третьего разряда местностей, узаконенная в прошлом году, была совершенно необходима. Следует ли еще возвысить цены на патенты? Это теперь становится сомнительным ввиду другой меры, едва ли не более полезной, предлагаемой к сокращению числа кабаков, и принятие которой делается почти невозможным при новом возвышении цен на патенты — мы разумеем под этим четвертую нами упомянутую меру, т. е. требование от виноторговцев залога в обеспечение правильной их торговли.

Эта мера, кажется, совершенно необходима, ибо она вернее, может доставить питейной торговле надежных людей, чем всякие свидетельства и удостоверения об их благонадежности, и, сверх того, она обеспечивает взыскание штрафов за нарушения питейного устава. Следовало бы размер залогов назначить одинаковый с ценою патентов и постановить, что всякий штраф вычитается из залога; и что если виноторговец, в течение семи дней не пополнит залога, то закрывается его питейное заведение. Против установления залогов трудно что сказать, и эта мера кажется и справедливою и цели соответствующею.

Пятая мера состоит в отмене временных выставок для продажи вина. Эта мера особенно нравится жителям столиц. Конечно, неприятно на гуляньях видеть около выставок людей пьяных или валяющихся, или едва движущихся. Но кроме гуляний, существуют базары и ярмарки, часто вне селений и городов, где нет ни одного постоянного питейного дома, и где, однако, винная торговля необходима. — Можно воспретить временные выставки на городских гуляньях; но едва ли полезно и возможно отменить эти заведения на базарах и ярмарках, не говорю в тех местах, где нет постоянных питейных домов, но даже и там, где таковые имеются; ибо столпление народа у одного или двух кабаков не принесет никакой пользы народной нравственности, а, напротив того, умножит неминуемо брани, драки и другие бесчинства.

Шестая мера относится к оказанию поощрения торговле пивом. Конечно, желательно, чтобы потребление пива у нас вообще усилилось; но акциз с пива и теперь весьма незначителен, а пивные лавки пользуются дешевыми патентами. Более, кажется, ничего сделать нельзя; и надо дать этой торговле постепенно и естественно разви-

ваться. Это тем благоразумнее, что и без того потребление пива в городах усиливается, а в деревнях все более и более варят браг.

Седьмая мера заключается в пересмотре законоположений о трактирных заведениях и постоянных дворах, с целью возвращения к настоящему их назначению, т. е. к продовольствию, а не к спаиванию народа. Трактиры и постоянные дворы, особенно в городах, превратились просто-напросто в кабаки, и они стали заведениями особенно вредными потому, что в них более удобств для посетителей, и что пребывание в них не считается делом предосудительным, а между тем тут народ более пропивает денег и тратит времени, чем в кабаках, и сверх того тут, на свободе, занимаются и устраиваются разные воровства, грабежи и даже убийства. Под видом постоянных дворов, теперь существуют кабаки и около самых церквей и на разных перекрестках, хотя, при этих постоянных дворах, нет никакого помещения ни для проезжающих, ни для их лошадей! Пересмотр Положений о трактирных заведениях от 1821 и 1835 годов, особенно необходим, ибо они уже вовсе не соответствуют потребностям настоящего времени. Желательно, чтобы, при этом случае, было обращено особенное внимание на устранение всего того, что теперь способствует к превращению трактиров и постоянных дворов в кабаки, совершенно вопреки цели учреждения как первых, так и вторых. Предоставляем себе, в иное время, поговорить об этом обстоятельнее.

Восьмая мера, т. е. усиление вообще надзора полиции, волостных и сельских начальств за правильною торговлею вином, — в настоящее время, едва ли исполнима. Можно издавать какие угодно постановления, но пока упомянутые власти останутся при нынешнем их устройстве, не будет от того никакой пользы.

И существующие узаконения довольно строги и положительны, но они остаются мертвою буквою. Полиция мало наблюдает за правильною питейной торговлею, потому что ей и без того много дела, и в особенности, потому что она не может рассчитывать на чье-либо содействие, которое явится лишь тогда, когда она будет пользоваться общим уважением, и когда всякий гражданин сочтет своим долгом помогать ей, в охранении порядка и в соблюдении закона. Что же касается до волостных и сельских начальств, то, при неурядице, ныне господствующей в крестьянских обществах, излишним было бы устрожать обязанности первых по наблюдению за правильною винною торговлею: они плохо исполняют свои прямые, неустраимые

обязанности, как же рассчитывать на их содействие по статье, хотя важной, однако лишь посредственно до них касающейся? К тому же, не многие старшины и старосты даже посмеют теперь вмешаться в это дело, ибо на сходках первенствуют именно самые ревностные посетители кабаков. А потому, теперь разумнее отложить принятие этой меры до иного, более удобного времени. То же, и по тем же причинам, мы должны сказать и о девятой выше упомянутой мере.

Что касается до последней — десятой меры, а именно до того, чтобы нахождение в пьяном виде, при совершении какого-либо проступка, считалось обстоятельством не уменьшающим, а увеличивающим вину обвиняемых, то издание закона в этом смысле было бы весьма полезно. Хорошо знаем, что за исключением одного преступления, ни по какому проступку и ни в одной статье закона, не сказано, что нахождение в пьяном виде, при совершении какого-либо нарушения закона, уменьшает вину подсудимых; но знаем также из опыта, что приводимые к суду, прежде всего объявляют, что они были пьяны и не помнят, как ими совершен такой или иной проступок. Часто, сознаваясь в содеянном преступлении, обвиненные в свое оправдание говорят, что они это сделали «в пьяном виде». Даже в гражданских делах, это оправдание часто предъявляется при отказах платить по долговым распискам, векселям или другим обязательствам. Необходимо уничтожить в народе мнение, что «нахождение в пьяном виде», может служить к оправданию обвиняемых, и напротив того, вселить в народное сознание, что самое такое состояние есть уже проступок и причина, не облегчающая, а утяжеляющая вину нарушителей закона. Такое действие может произвести закон, а потому весьма желательно, чтобы он был издан в самом непродолжительном времени.

Из всего здесь сказанного, можно, кажется, вывести следующие заключения: большая часть предложенных мер — не ведет к желаемой цели; только некоторые из них могут принести пользу временно, впредь до более верного сокращения пьянства, чрез поднятие уровня народного образования. В видах уяснения настоящего положения этого дела, мы считаем нужным здесь повторить те немногие меры, которые теперь могли бы быть приняты.

1) Желательно, чтобы открытие питейных домов и водочных магазинов с распивочною продажей вина, допускалось не иначе, как с согласия крестьянских обществ и землевладельцев, живущих в 2-х или

3-х верстном округе. При чем, согласие крестьянских обществ, должно считаться безусловно необходимым; а согласие землевладельца может быть заменяемо разрешением со стороны уездной управы, в случае если она удостоверится, что питейное заведение для крестьян необходимо, т. е. что нет ни одного питейного дома ближе 4-х или 6 верст от открываемого заведения.

2) Желательно, чтобы с виноторговцев требовались залоги, в обеспечение правильности их торговли. Размер этих залогов следовало бы установить одинаковый с ценностью выдаваемых патентов. Штрафы за нарушения питейного устава должны бы вычитаться из этих залогов, с обязанностью для виноторговцев, в семидневный срок, пополнять эти залоги, под опасением закрытия их заведений.

3) Желательно, чтобы узаконения о трактирных заведениях и постоянных дворах были подвергнуты пересмотру, с целью возвращения их к настоящему назначению, т. е. к продовольствию, а не к спаиванию народа.

Наконец 4) желательно, чтобы издан был закон, признающий нахождение в пьяном виде обстоятельством, не облегчающим, а утяжеляющим вину подсудимых.

Эти меры, надлежащим образом разработанные и утвержденные правительством, конечно принесут пользу нашему народу; но не должно забывать, что они не могут уврачевать недуг пьянства, а в состоянии только отчасти пособить больному; исцеление же его может быть достигнуто только — еще раз повторим — поднятием уровня его образования.

12-го марта 1869 г. Москва

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. С. ХОМЯКОВЕ

Первое мое знакомство с А. С. Хомяковым было в 1823 году, в Москве, в доме Веневитиновых. Короче друг с другом мы сошлись в Петербурге, в марте 1827 года, во время предсмертной болезни Дмитрия Веневитинова¹³⁸. Брат Хомякова Федор¹³⁹ ухаживал за больным как нежнейшая мать или сестра, а нас (своего брата Алексея и меня) он почти не впускал к больному, находя, что мы очень неловки и только его тревожили своим уходом. Во время этих нескольких суток, проведенных нами вместе, в третьей комнате от больного, среди тревог и страхов, мы много толковали и спорили о философии вообще, и о Шеллинге в особенности, о христианстве и о других жизненных вопросах, и вследствие того очень сблизились. Затем, во время моего пребывания в Петербурге с 1827 по 1831-й год, А. С. Хомяков часто жил там, и тогда почти ежедневно мы виделись или у князя Одоевского¹⁴⁰, или у К. А. Карамзиной¹⁴¹, или друг у друга. Хомяков всегда был строгим и глубоковерующим православным христианином, а я — заклятым шеллингистом, и у нас были споры бесконечные. Никогда не забуду одного спора, окончившегося самым комическим образом. Проводили мы вечер у князя Одоевского, спорили втроем о конечности и бесконечности мира, и незаметно беседа наша продлилась до трех часов ночи. Тогда хозяин дома нам напомнил, что уже поздно и что лучше продолжить спор у него же на следующий день. Мы встали, начали сходить с лестницы, продолжая спор; сели на дрожки и все-таки его не прерывали; я завез Хомякова на его квартиру; он слез, я оставался на дрожках, а спор шел своим чередом. Вдруг какая-то немка, жившая над воротами, у которых мы стали, открывает форточку в своем окне и довольно громко говорит: «Mein Gott und Herr, was ist denn das?»¹⁴² Мы расхохотались, и тем окончился наш спор.

В Петербурге у князя Одоевского мы часто встречали профессора Велланского¹⁴³, графа М. Ю. Виельгорского¹⁴⁴ и других умных и ученых людей. В наших беседах принимал живое участие приехавший из Москвы наш приятель В. П. Титов¹⁴⁵. Вечера и обеды у князя Одоевского все более и более скрепляли нашу дружбу и сильно содействовали к нашему умственному и нравственному развитию. У К. А. Карамзиной мы видали часто Блудова, Жуковского, П. А. Муханова¹⁴⁶ и других; а из женщин особенно нас очаровывала и красо-

тою, и умом девица Россети¹⁴⁷, вышедшая впоследствии замуж за Н. М. Смирнова¹⁴⁸. Хомякову она внушила стихи «Иностранке»; но когда она их узнала от П. А. Муханова, то осталась ими очень недовольною и некоторое время относилась к Хомякову весьма холодно. В карамзинской гостиной предметом разговоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и рассказы. Литературы, русская и иностранная, важные события у нас и в Европе, особенно действия тогдашних великих государственных людей Англии Каннинга¹⁴⁹ и Гускиссона¹⁵⁰ составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней петербургской душевной атмосфере было для нас особенно полезно. Хозяйка дома умела всегда направлять разговоры на предметы интересные.

Так прожили мы до июня 1831 года, когда я, больной, отправился за границу. Свиделся я опять с Хомяковым в Москве в начале 1833 года. С этого времени мы зимою постоянно жилали в Москве, очень часто видались и у него, и у меня, и особенно у И. В. Киреевского. Последний жил у Красных ворот с своею матерью А. П. Елагиною¹⁵¹, которую мы все горячо любили и глубоко уважали. Тут бывали нескончаемые разговоры и споры, начинавшиеся вечером и кончавшиеся в 3, 4, даже в 5 и 6-м часу ночи или утра. Тут вырабатывалось и развивалось то направление православно-русское, которого душою и главным двигателем был Хомяков.

Многие из нас вначале были ярыми западниками, и Хомяков почти один отстаивал необходимость для каждого народа самобытного развития, значение веры в человеческом душевном и нравственном быту и превосходство нашей церкви над учениями католичества и протестантства. Впоследствии большинство из нас перешло, по искреннему убеждению, к этому направлению; но некоторые из наших приятелей и собеседников остались при своих с Запада полученных мнениях и воззрениях и прозвали нас славянофилами, хотя расположение и любовь к славянам никогда не составляли самого существенного основания наших убеждений.

В наших беседах читались разные статьи, которые, за строгостью и бессмысленностью цензуры, не могли быть переданы печати. Хотя вера и философия были преимущественными предметами этих бесед, однако часто возбуждались и политические вопросы, и в особенно-

сти вопрос о прекращении крепостной зависимости крестьян и дворовых людей. Насчет способов и времени совершения этой реформы были между нами разногласия: Киреевские, как Иван, так и Петр, опасались радикальных и спешных по сему предмету мер, а Хомяков и я, мы крепко отстаивали полное освобождение крестьян посредством одновременного выкупа по всей России. Но все мы были согласны в том, что крестьяне должны быть наделены землею и что птичья свобода для крестьян была бы не добром, а величайшим бедствием, не шагом вперед, а страшным шагом назад. Быт народа русского и его воззрения, как вероисповедные, так и общественные, были самою любимую темою наших разговоров. На вечерах у Елагиной, Киреевских, Свербеевых¹⁵² и у нас бывали Чаадаев¹⁵³, Герцен¹⁵⁴, Грановский¹⁵⁵ и другие сторонники противных мнений. Явились туда также молодые люди К. Аксаков, Ю. Самарин, Попов¹⁵⁶, Валуев¹⁵⁷, В. Елагин¹⁵⁸ и другие, которые не замедлили вполне присоединиться к православно-русскому направлению и подчиниться благому влиянию Хомякова. Эти вечера много принесли пользы как лицам, в них участвовавшим, развивая и уясняя их убеждения, так и самому делу, т. е. выработке тех двух направлений, так называемых славянофильского и западного, которые ярко выказались в нашей литературе сороковых и пятидесятих годов.

Так протекли многие годы, и только война с Турциею в союзе почти со всею Европою своими тяжкими ударами несколько изменила характер этих бесед. Уже не церковь с своими догматами и учреждениями, не философия немецкая, не община с своими обычаями и установлениями занимали нас преимущественно. Грозные события 1854 и 1855 годов приковали к себе все наше внимание. Мы все чувствовали, что бедствия, которые испытывала Россия, ею вполне заслужены, и по этому поводу Хомяков с особенным жаром и увлечением говорил о том, что безнаказанно нельзя ни стеснять и подавлять дух человеческий, ни допускать его стеснение и подавление. Вскоре начавшееся новое царствование подало нам надежды на лучшее будущее. Утомленные гнетом только окончившегося тридцатилетнего царствования, мы радостно собрались у меня вечером в самый день присяги государю, весело выпили за его здоровье и от души пожелали, чтобы в его царствование совершилось великое дело освобождения крестьян и русский человек мог ожить умом и духом.

Вскоре после того мы задумали издавать журнал, но препятствий к тому оказалось много. В сотрудиках, и весьма даровитых, у нас не было недостатка; но многие из них, Хомяков, И. Киреевский, К. Аксаков и некоторые другие, были под цензурною опалою, т. е. все их статьи должны были цензоваться не в Москве, а исключительно в Петербурге. Такое распоряжение было сделано вследствие статей, ими представленных к напечатанию во 2-й книге «Московского сборника». Я был несколько раз у попечителя университета В. И. Назимова¹⁵⁹, ездил в Петербург к А. С. Норову¹⁶⁰, тогдашнему министру народного просвещения (в то время цензура еще не была передана в Министерство внутренних дел); отправлялся туда и Хомяков. Наконец, после долгих хлопот и разного рода разъяснений, особенно при горячем содействии В. И. Назимова, я получил разрешение издавать журнал под именем «Русская беседа». С особенным жаром посвятил себя этому изданию А. С. Хомяков и верно исполнил данное им мне слово: не отказываться ни от какой работы, которую я как издатель и редактор на него наложу. В «Беседе» он напечатал много стихотворений и статей: последние появлялись то с подписью его имени, то от имени «Беседы». Они все вошли в 1-й том полного собрания его сочинений, напечатанного в Москве. К удовлетворительному ходу «Русской беседы» особенно много содействовал Хомяков не только помещением в ней своих сочинений, но и тем, что он умиротворял возникавшие в среде ее сотрудников разногласия. Всех требовательнее и настойчивее был К. Аксаков, и тут мне не раз случалось обращаться к Хомякову для укрощения порывов его исключительности. Впрочем, дело шло у нас ладно, и в течение пяти лет не было напечатано в «Русской беседе» ни одной статьи, которая бы возбудила неудовольствие кого-либо из сотрудинок.

Не могу не упомянуть об одном случае, бывшем при издании «Беседы» и окончившемся особенно счастливо по милости Хомякова. Напечатана была в 1858 году статья «Возрождение болгар», где грекофанариоты¹⁶¹ выставлены были в настоящем их виде и где обстоятельно описывалось угнетение болгар цареградским патриархатом. Эта статья, пропущенная цензурою, вызвала замечания тогдашнего обер-прокурора Св. синода графа Александра Петровича Толстого¹⁶², и в цензурном комитете получена была бумага, которою требовались от редакции «Русской беседы» разъяснения и делались ей разные внушения. Я тотчас же отправил эту бумагу в копии по эстафете в дерев-

ню к Хомякову, который через два дня доставил мне великолепный ответ на все предъявленные мне замечания и внушения. Я велел этот ответ переписать, подписал и отправил его в цензурный комитет. Ответ был таков, что уже более мы не получали никаких замечаний и внушений, хотя и продолжали писать и печатать статьи в том же смысле. Прилагаю ниже этот ответ.

Опубликование высочайшего рескрипта на имя виленского генерал-губернатора¹⁶³ несказанно обрадовало Хомякова, и он всею душою предался разъяснению в беседах вопроса об освобождении крестьян. Он следил с самым живым участием за ходом этого дела, как в губернских комитетах, так и в Редакционных комиссиях, учрежденных в Петербурге. Он вообще не одобрял действий ни тех, ни других, находя, что первые руководствовались узкими сословными интересами, а вторые не обращали надлежащего внимания на требования в этом деле народного духа и быта. Он особенно не одобрял предположений, касавшихся переходного девятилетнего положения для крестьян, устройства волостного суда и управления и тех статей, которые, по его мнению, подкапывали русскую общину. Это свое неодобрение переходного состояния и свои мысли насчет выкупа он ясно и резко высказал в письме к Я. И. Ростовцеву. В этом письме, коего черновой подлинник сохранился в бумагах покойного, он пространно и обстоятельно доказывал несостоятельность девятилетнего переходного положения и необходимость одновременного обязательного выкупа¹⁶⁴. Сам он не дождал до окончательного решения этого дела. Он скончался от холеры 23 сентября 1860 года в своей деревне, в с. Ивановском Донковского уезда Рязанской губернии.

Имея счастье много лет пользоваться дружбою А. С. Хомякова и быть с ним в самых коротких отношениях, я могу сказать, что в моей жизни мне не случилось встретить человека более постоянного в своих убеждениях и в сношениях с людьми. Я знал Хомякова 37 лет, и основные его убеждения 1823 года остались те же и в 1860 году. Вместе с тем никак нельзя было упрекать его в косности. Напротив, он постоянно шел вперед в развитии своих мыслей, тщательно всматривался в события и сопровождавшие их обстоятельства, угадывал очень удачно их внутренний смысл и соображал свои мнения с их требованиями. Многие упрекали его в любви к софизмам и спорам и уверяли, что он противуречил часто сам себе, защищая сегодня то, что он опровергал накануне. Такой упрек показывает лишь одно, что

люди, позволявшие его себе, не вникали в глубокий смысл его слов. Действительно, он иногда как будто противуречил себе: так, в беседе с иными людьми он словно отделялся от православной церкви, нападая на некоторые ее обряды, на ее служителей и на подчиненное ее положение гражданской власти, и дозволяя себе все это даже осмеивать; в беседе же с другими лицами он крепко отстаивал необходимость соблюдения церковных обрядов и строго порицал тех, которые, самовольно или из пренебрежения, или из личной гордости, позволяли себе становиться выше церкви и не исполнять ее установлений. В таких его речах было только видимое, а вовсе не действительное противоречие. Для Хомякова дороже всего была жизнь, правда, как в церкви, так и в человеке. Когда он видел перед собою людей, для которых обрядность составляла суть церкви, то считал долгом разить эту обрядность; когда же, напротив того, он встречал людей, которые, соглашаясь с главными догматами церкви, с ее идеальной стороною, считали обряды принадлежностью толпы, а не развитой части исповедников, то он защищал обряды, будучи глубоко убежден в том, что мы, как люди, должны иметь и определенные, осязательные формы для выражения наших чувств и убеждений, что мы обязаны дорожить связью с народом, отнюдь себя из него не исключать и быть с ним в возможно полном единстве. Он был душою предан свободе, всегда имел ее в виду и крепко за нее ратовал, и вместе с тем он отстаивал самодержавие. Многим казались такие его речи софизмами; а между тем, тут, в его понятиях, не было ничего противуречащего. Хомяков пуще всего ненавидел ложь, а именно такую представлялась ему всякая западноевропейская конституция, переложенная на нашу почву. Он глубоко был убежден, что система противувесов (*syst me des contre-poids*), господствующая на Западе, была произведением ложного, внешними обстоятельствами обусловленного развития тамошнего просвещения и тамошней жизни, что она совершенно неприменима к России, что у нас должна быть иная, более полная, более человечная свобода и иная более сильная, более действительная власть; и что мы сумеем согласовать самодержавие с широкою гласностью и со всенародным представительством. Он мог ошибаться, но никогда и ни в каком случае он не позволял себе говорить против своих убеждений, а убеждения его были так тверды и постоянны, как едва ли в ком-либо из русских. Случалось мне его упрекать в том, что он излагал свои мнения в виде софизмов, и я по-

лучал от него в ответ: «Наше общество так апатично, так сонливо, и понятия его покоятся под такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотом пробивать кору их умственного бездействия и безмыслия».

Во все продолжение нашей дружбы, т. е. с лишком тридцати лет, ни разу Хомяков на меня не сердился, и никогда, ни на один день, не было между нами холодности. Случалось мне на него сердиться и даже его бранить, но своею детскою кротостью он тотчас меня обезоруживал, и никогда мы с ним не расходились с дурным чувством друг против друга. Как он способен был сильно любить, так и сильно ненавидеть; но он ненавидел не людей, даже не представителей каких-либо мнений, а развратников и существа бездушные, употреблявшие насилие к достижению своих целей. Пуще всего он ненавидел насилие, в каком бы виде оно ни являлось. Благотворения путем насилия возбуждали особенное его негодование, и он беспощадно разил либералов, которые желали быть благодетелями народа вопреки его желаниям. Он был не скор на осуждения, старался переноситься в положение тех, кого в чем-либо обвиняли, и позволял себе порицание даже жесткое, но не иначе как по обсуждении всех обстоятельств дела и по оценке тех побуждений, которыми обвиняемый мог руководствоваться. Вообще же он был чрезвычайно благодушен к людям, и только в крайнем случае он позволял себе показывать к человеку неуважение. Особенно кроток он был к людям глупым и уверял, что он еще в жизни не встречал ни одного дурака и что в глупейшем человеке есть сторона, в которой он умен.

Простота его обхождения была очаровательна. Он себя ценил очень невысоко, даже чересчур невысоко, никогда и никому не давал почувствовать свое над ним превосходство и ко всем относился как к существам вполне ему равным.

Хомяков интересовался всем, имел обширные сведения по всем частям человеческого знания, и не было предмета, который был бы ему чужд или в котором бы он не принимал участия. Помню, однажды отправились мы на вечер к Свербеевым, куда нас пригласили для беседы с одним русским, возвратившимся с Алеутских островов¹⁶⁵. Шутя я говорю ему: «Ну, друг Хомяков, придется тебе нынче послушать и помолчать». В начале вечера действительно Хомяков долго слушал этого заезжего русского, расспрашивал его подробно насчет Алеутских островов, но под конец высказал ему по этому предмету

такие сведения и соображения, что путешественнику почти приходилось обратиться оглобли и ехать откуда приехал, для окончательного ознакомления с местами, где он пробыл уже несколько лет.

Память и способность скорочтения были в Хомякове изумительные. Помню однажды, в споре богословском с И. Киреевским, он сослался на одно место в творениях одного св. отца, которые он читал лет пятнадцать тому назад в библиотеке Троицкой лавры и которые только там и имелись. Киреевский усомнился в верности цитаты и сказал Хомякову в шутку: «Ты любишь ссылаться на такие книги, по которым тебя нельзя поверить». Хомяков указал почти страницу, 11 или 13, и место на этой странице (в середине), где находится сделанный им цитат. По učinенной справке, ссылка его оказалась совершенно верною. (Это было редкое издание творений св. Кирилла Иерусалимского¹⁶⁶.) — Однажды он увидел у меня на столе три-четыре книги, только что купленные, и взял их у меня на одну ночь. На следующее утро книги были мне возвращены; и когда после, месяц спустя, я их прочел и вздумал экзаменовать моего скорочтеца, то убедился, что он в одну ночь внимательнее их прочел, чем я в течение целого месяца.

Хомяков сочинял свои статьи нескоро: он долго их обдумывал и обрабатывал в голове; но когда он начинал их писать, то они выливались у него на бумагу быстро, и он мало их исправлял. Стихотворения свои он почти никогда сам не передавал бумаге; по большей части их записывали те, кому он их сообщал. Когда случалось упрекать Хомякова в том, что он слишком мало пишет и слишком много говорит, то он отвечал: «Изустное слово плодотворнее писанного; оно живит слушающего и еще более говорящего; чувствую, что в разговоре с людьми я и умнее, и сильнее, чем за столом и с пером в руках. Слова произнесенные и слышанные кореннее слов писанных и читанных».

Обряды церковные, и в особенности посты, он соблюдал строго, никогда при том не осуждая тех, которые, в этом отношении, действовали иначе. Даже в Париже, где в первый раз он был в ранней молодости, он сумел во весь великий пост ни разу не оскоромиться. Он говорил, что содержит посты потому, что церковь их установила, что не считает себя вправе становиться выше ее и что дорожит этою связью с народом. В церковь он ходил очень прилежно, и хотя имел привычку вставать по утрам поздно, часу в 12-м, однако по праздни-

кам не пропускал обедни и часто ходил даже к заутрени. Молился он много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывать. Никто и никогда не мог упрекнуть его в святошестве. Для Хомякова вера Христова была не доктриною и не каким-либо установлением; для него она была жизнью, всецело обхватывавшею все его существо. Когда он говорил о Христе и его учении, о различных вероисповеданиях и церквах, и о судьбе христианства в прошедшем, настоящем и будущем, — тогда в словах его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая в слушателях понятие о деятельности апостольской. И жизнь его подкрепляла силу его слов.

В заключение не могу не упомянуть о редкой способности Хомякова привлекать к себе и привязывать и стариков, и сверстников своих, и молодежь. Он становился средоточием везде, где находился, и в Москве, и в каждой гостинной, куда он приезжал. Этим он был обязан, конечно, своему обширному, глубокому и своеобразному уму и своей всегда живой и завлекательной речи, но еще более кротости и безобидности своей беседы. Молодежь, особенно *свирепая*, как он ее называл, расположенная к тому, что впоследствии названо было нигилизмом, была предметом его особенной заботливости. Он любил беседовать с этими юношами, которые были к нему чрезвычайно хорошо расположены, и он на них действовал благодетельнее всяких проповедей и других внушений.

Да! Жизнь этого человека была постоянным подвигом на благо ближнего, подвигом, который достойно оценится разве потомством.

28 февраля 1873

ОБ ОБЩИННОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В РОССИИ

С некоторого времени возобновились, и притом с особенною настойчивостью и авторитетностью, нападения на общинное землевладение в крестьянских обществах, как на главную причину застоя и даже ухудшения их хозяйства и быта вообще; возобновились и требования о скорейшем устранении этого источника всяких злополучий от крестьянства или, по крайней мере, об открытии ему всевозможных исходов из нынешнего его полу-крепостного состояния. Эти нападения и требования исходят не из одного какого-либо лагеря, а из весьма различных, и внушаются не одним каким-либо чувством, а побуждениями даже совершенно противоположными. Так называемые крепостники, т. е. люди, еще с особенною любовью и с сердечным сокрушением вспоминающие о покойном крепостном праве, и ищущие тем или другим способом вознаградить дворянство за утраченные им привилегии, жестоко нападают на общинное землевладение потому, что это учреждение, ограждая крестьян от бездомства и нищеты и обеспечивая им некоторую самостоятельность, лишает чрез то землевладельцев возможности иметь дешевых работников и распоряжаться ими по обычаям прежнего благодатного времени. Люди либеральные, вполне благонамеренные, но начитавшиеся иностранных книг и не вникнувшие в сущность нашей крестьянской общины, считают таже долгом восставать против крестьянского общинного землевладения, думая видеть в нем источник общественного деспотизма, ограничение личной свободы и препятствие к улучшению земледелия отдельными лицами по их усмотрению, и к свободному передвижению людей из одной местности в другую. Наконец, ополчаются против нашего общинного землевладения и остзейские бароны¹⁶⁷, их органы, друзья и защитники: они свысока, и только как будто из любви к нам, меньшим своим братьям, рекомендуют скорейшую отмену общинного землевладения, и чрез то — открытие крестьянам пути к улучшению их хозяйства, и даже к введению плодотворной системы возделывания земли; а действительно, они восстают против общинного землевладения, опасаясь, чтобы как-нибудь оно не было введено и в их «провинциях», и чтобы таким образом они не были поставлены в невозможность рассчитывать и обходиться со своими рабочими так, как они с ними теперь рассчитываются и обходятся.

В течение последних семнадцати лет много было говорено и писано и за, и против общинного землевладения. Вопрос этот, конечно, еще далеко не вполне разработан, но казалось, что он настолько уяснен, что обе стороны, представив все доводы, которые имелись налицо, признали за лучшее оставить его пока в покое и ожидать, чтобы время, вернейший следователь и самый беспристрастный докладчик, собрало новые данные по этому делу и подготовило его к окончательному обсуждению и решению.

Так казалось; но это, без предварительных переговоров, молча, заключенное перемирие, теперь нарушается, и при том не каким-либо одноличным, легкомысленно увлеченным борцом, а целым собором представителей различных административных ведомств, имеющим во главе одного из первостепенных государственных деятелей. И осуждение общинного землевладения, а равно и требование мер к его постепенному упразднению, высказываются не мимоходом в каком-либо обычном бюрократическом произведении, на которое едва ли кто обращает внимание, а в чрезвычайном акте — в всеподданнейшем докладе, в котором мнение администрации подкрепляется огромным количеством отзывов людей частных, принадлежащих разным местностям Империи, и официально спрошенных в Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Сверх того, идет слух, что образована новая комиссия для разработки вопроса о тех мерах, которые следует принять для облегчения крестьянам выхода из обществ и для установления сроков на переделы крестьянских земельных угодий.

Следовательно, в настоящее время, невозможно, недобросовестно молчание для всякого, глубоко убежденного в огромных выгодах общинного землевладения для крестьянских обществ, для народа вообще и для самого правительства, и в необходимости удержания и поддержания у нас этого вернейшего залога состоятельности и величия нашего государства как в настоящем, так и в будущем.

Мы постараемся изложить, как можно полнее и беспристрастнее, все неудобства и невыгоды общинного землевладения, выставленные в упомянутом докладе, в журналах означенной комиссии и в отзывах приглашенных землевладельцев, крестьян и других лиц. Мы постараемся также пополнить этот обвинительный акт и из других печатных источников; ибо мы искренно желаем представить мнения против-

ной стороны во всей их силе и совокупности. Затем, мы попытаемся доказать неосновательность этих обвинений и вывести не только оправдание, но и справедливую оценку этого коренного основания нашего народного и государственного быта.

Выставляются следующие невыгоды и неудобства общинного землевладения:

1) Оно удерживает полную неопределенность в понятиях крестьян о праве собственности и в пользовании этим правом.

2) Оно препятствует успехам земледелия, лишая крестьян уверенности в том, что они воспользуются плодами потраченных ими трудов и денег на удобрение или расчистку, или осушение, или орошение их полей и лугов.

3) Оно увековечивает черезполосицу в крестьянских дачах, и тем препятствует общинникам вводить какие-либо новые, улучшенные севообороты и заставляет их тратить много времени на переезды с одного загона на другой, часто довольно отдаленный.

4) Оно лишает крестьян возможности пахать и сеять, когда они считают то для себя лучшим и более удобным, и принуждает их производить эти работы одновременно с прочими содачниками.

5) Оно скучивает народонаселение в большие деревни и отдаляет крестьян от их угодий; чрез что затрудняются и удобрение пашни, и уборка хлебов.

6) Оно оправдывает и делает возможною и необходимою круговую поруку по уплате податей и выкупных платежей.

7) Оно оправдывает и укрепляет самовластие сельских сходов, нарушающее и стесняющее личные права и действия крестьян.

8) Оно ограничивает, даже убивает, способность почина (инициативы) в крестьянах вообще и увековечивает у них старые обычаи и способы как обработки земли, так и сельской промышленности.

Наконец, 9) Общинное землевладение прикрепляет крестьян к их месту жительства, и тем препятствует свободному передвижению людей; что особенно вредно в России, где огромные пространства земли, за недостатком рук, остаются без надлежащего возделывания.

Кажется, мы не утаили и не ослабили ни одного из упреков, делаемых общинному землевладению в крестьянских обществах. Рассмотрим и оценим обстоятельно эти неудобства и невыгоды.

I. Для иностранцев и людей, хотя русских, но плохо знающих общинный быт крестьян, понятия об общинном землевладении могут

казаться и неясными, и неопределенными: в лесу или ночью, в мало-знакомой местности, легко ошибочно взять вправо или влево и тем сбиться с дороги. Но для крестьян это выходит совершенно иначе: для них понятия об общинном землевладении совершенно ясны и определительны. Они до такой степени себе их усвоили и с ними сжились, что весьма часто они переносят их на разные сделки, заключаемые ими совершенно по доброй воле: так, всем обществом, т. е. за общую ответственность и ради общей выгоды, они нанимают земельные участки, входят в разные подряды и проч. Для крестьян совершенно ясно, что земля отдана в собственность или пользование не Петру или Якову, а всему обществу; что общество — это они сами; что, распоряжаясь землею как хозяин, оно исполняет только их волю, но волю не одноличную, а всего мира; и что потому как польза от того общая, так и ответственность, должны лежать на обществе, т. е. на них всех. В истине этого легко убедиться из разговора с любым крестьянином.

II. Действительно ли общинное землевладение препятствует успехам земледелия, лишая крестьян уверенности в том, что они воспользуются плодами потраченных ими трудов и денег на удобрение, или расчистку, или осушение, или орошение их полей и лугов?

Мы знаем, не по умозаключениям, а по опыту, не по одной местности, а по многим, что крестьяне свою общинную пахотную землю весьма удобряют, что они там роют пруды для пойла скотины и расчищают кустарники и под пахоту и под луга; одним словом, знаем, что они делают в своих дачах все то, что делают и личные землевладельцы. Осушений и орошений крестьяне еще не предпринимают; но много ли личных землевладельцев, которые производят такие работы? Мы думаем, что, даже для этих улучшений, община представляет своим членам скорее пособие, чем помеху. Работы по осушению и орошению полей и лугов не могут быть предпринимаемы единолично мелкими землевладельцами. Им необходимо предварительно составить из себя товарищество, что весьма не легко: при несогласии только одного, все дело может затормозиться; а между тем, община представляет уже готовое товарищество, и упрямство, или просто несогласие одного или немногих, не может быть препятствием к осуществлению полезного дела. Следовательно, общинное землевладение может со временем быть не препятствием, а удобством к производству работ и по осушению, и по орошению полей и лугов; но это

будет тогда, когда такие предприятия окажутся действительно нужными и выгодными; теперь такие работы кое-кем и кое-где начинаются, но редко продолжаютя и, по большей части, остаются в памяти у предпринимателей по тем убыткам, которые ими понесены, а у соседей — как несвоевременные и безрасчетные агрономические попытки. Что же касается до удобрения полей и до расчистки земель под пахоту и покос, то такие работы в крестьянских дачах постоянно производятся*.

Помехою им могли бы быть частые или в неопределенное время совершающиеся переделы угодий; но наши крестьяне много умнее, чем их считают иностранцы и русские, плохо знающие крестьянский быт. Везде, где удобрение полей возможно и полезно, уже по большей части установлены или устанавливаются разделы земли на долгие сроки, — на 12, 15 и 20 лет**

---

* Мы очень рады, что в книге, написанной Бельгийцем, сотрудником журнала *Revue des Deux Mondes*, и попавшейся нам в руки уже после окончания наших статей, мы нашли почти те же мысли и сведения, какие мы здесь изложили. Вот что Лавеле (Laveleye) говорит:

«Если в России земли плохо обрабатываются, то виной того не общинное землевладение, а недавно отмененная крепостная зависимость, лишавшая людей энергии, знания и предприимчивости. Для того чтобы убедиться в том, что не временное пользование землею причиною застоя в сельском хозяйстве, стоит только посетить общинные земли в Швейцарии и в герцогстве Баденском. Там они также подлежат, от времени до времени, переделам, но они обработаны и удобрены как нельзя лучше».

«Даже значительные работы по орошению полей и по осушению болот могли бы производиться русскою общиною так, как они производятся общественными управлениями в Швейцарских *Allmenden* (общинах). Употребление общих денег и общего труда доставило бы несравненно лучшие результаты, чем какие могут быть достигнуты отдельными, разрозненными, часто изменяющимися и прерывающимися усилиями личных землевладельцев». (*De la propriété et de ses formes primitives*, par E. de Laveleye. Paris, 1874. Pag. 31.)

В другом месте, той же книги, автор говорит: «Хотя *Allmenden* состоят во временном пользовании, однако они отлично обрабатываются. Чтобы в этом убедиться, стоит только посетить Швейцарские долины. Там везде находится значительное количество небольших квадратов земли, занятых картофелем, разными овощами, льном и даже плодовыми деревьями. Все эти огороды и сады тщательно взрыхлены скрябкою, удобрены и очищены от сорных трав» (Там же, стр. 307).

** Лавеле (там же, стр. 41) говорит: «В Англии условия найма редко простираются долее 12–18-летних сроков. Следовательно, вполне достаточно 20-летнего срока для обеспечения земле лучшей, по возможности, обработки. А потому совершенно несправедливо утверждать, что кратковременность срока переделов причиною застоя в русском крестьянском земледелии».

Остаются в силе ежегодные переделы там, где труды по удобрению еще не окупаются или где удобрение полей еще не нужно, или где оно невозможно (во многих уездах Самарской губернии навоз идет на топливо, и помимо навоза, соломы и бурьяна, нет там иного топлива). Разделы полей на продолжительные сроки все более и более входят в обычай, и если многие селения на них еще не решились, то одною из причин тому есть ожидание имеющей, по мнению крестьян, быть вскоре новой ревизии*

Следует ли теперь законодательным порядком установить сроки — или, наименьшие сроки, для переделов земли? По нашему мнению, такой закон был бы не только бесполезен, но даже вреден: во 1-х, потому что у нас, во многих местностях, частые переделы полей еще вовсе не вредны; там, где удобрение или ненужно, или невозможно, к чему стеснять крестьян излишними, бесполезными ограничениями, а такие местности у нас имеются, и их даже немало; во 2-х, потому что крестьяне очень хорошо понимают свои выгоды и сами установят разделы земли на долгие сроки везде, где они могут быть полезны; наконец, в 3-х, потому что такие разделы, и без особого закона, теперь уже устанавливаются. — Весьма ошибаются те, которые думают, что общинное землевладение везде имеет одни и те же, и притом неизменные, виды. Нет! наши крестьяне за однообразием мало гонятся и хорошо умеют соображать свои действия с требованиями местных обстоятельств. Есть местности, особенно в северных губерниях, где вся приближая к селению земля поделена крестьянами навсегда, и где только земельные участки вымерших семейств возвращаются в мир и раздаются им вновь возникшим семействам. Нередко мир отдает всем или некоторым крестьянам на года земли, требующие расчистки или иной, особенно трудной, разработки. Из этого видно, что крестьяне умеют распоряжаться своею землею, и что им вовсе не нужны ни поучения непрошенных советников или попечителей, ни излишние законодательные указания**

---

* Ко мне приходили крестьяне из многих деревень с вопросом: не известно ли мне, когда будет новая ревизия? Они мне объясняли, что желали бы поделить землю на многие годы, но что останавливаются за неизвестностью, не вскоре ли будет новая ревизия.

** Читаешь и дивишься, как следующие строки могли попасть в общие соображения не одного лица, а целой комиссии: «При том переделы земли вызываются, в настоящее время, необходимостью — при переменах в составе семейств,

Желательно, в настоящее время, одно: чтобы правительство тем или другим способом объявило: будет ли ревизия, т. е. народная перепись в роде тех, какие до сих пор были, или, при предстоящей отмене подушных податей, такой ревизии более не будет. Такое объявление развязало бы руки многим крестьянским обществам.

Странно слышать жалобы людей, вовсе к общинам не принадлежащих, на препятствия, будто поставляемые общинным землевладением всяким улучшениям по крестьянскому хозяйству: подумаешь, что личные землевладельцы уже ввели у себя значительные усовершенствования; что трехпольная система ими уже покинута; что травосеяние в полном ходу; что сохи заменены плугами, и что одно крестьянское хозяйство составляет грустное исключение в отрадном поступательном движении нашего земледелия. На деле, к сожалению, оказывается почти противоположное. Большинство личных землевладельцев постоянно раздает свои земли общинникам исполу или в наем; а почти все остальные ведут свои хозяйства точно так (если еще не хуже), как общинники, т. е. остаются при трехпольном севообороте, пашут сохами и ежегодно удобряют едва 15-ую или 18-ую часть своих полей. Землевладельцы, действительно улучшившие обработку земли и не хищнически ею пользующиеся, составляют весьма редкое исключение из общего правила.

при выбытии членов из обществ, при смерти домохозяев, при наделении отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов и т. д.» — Где, в какой местности, в какой крестьянской даче, произведены переделы полей вследствие того, что произошли перемены в крестьянских семействах, что умер какой-либо домохозяин, или что выбыли из общества двое или трое из его членов, или что прибыли в селение отставные или бессрочно-отпускные солдаты? Такие соображения, выставленные комиссией, показывают, что члены ее или вовсе не знают того, о чем они толкуют, или что они пустым набором слов хотели бросить пыль в глаза читателя. Нет! такие обстоятельства никогда и нигде не служат причинами к общему переделу полей. Конечно, если холера или другая эпидемия похитит треть или четвертую часть рабочих сил, или если значительное число семейств уйдет на Кавказ или на иные новые земли, то переделы полей становятся необходимыми; но такие случаи крайне редки и о них почти не стоит и говорить. При обыкновенных же изменениях в крестьянских семействах земли или остаются при них, или передаются в другие семейства, и от этого никаких общих переделов полей не бывает. Такие переделы происходят вследствие того, что общества признают их необходимыми или вследствие новой ревизии изменяющей оклады подушных податей, или вследствие наступления срока, прежде установленного, для передела полей, или вследствие того, что крестьянские участки, от складки земли с одних и накладки ее на других, крайне перепутались. Переделы, до истечения установленных сроков, случаются крайне редко.

Мы желали бы знать, какая существенная разница имеется между личным землевладением, отдающим ежегодно свои земли внаем, и общественным землевладением, ежегодно переделывающим свои земли? Если для государства вредно последнее, то такое же вредно и первое. Если нужен закон, опекающий или регулирующий общественное землевладение, то справедливость требует, чтобы благодетельное действие такого постановления было распространено и на личное землевладение, и чтобы как ежегодные переделы, так и ежегодные отдачи земли в наем, были равно воспрещены. Едва ли противники и хулители общественного землевладения в состоянии исполнить заявленное нами желание; едва ли они найдут, что возразить против требования справедливости, нами указанного; и едва ли они захотят воспользоваться благодеяниями того запрещения, о котором они так заботливо ходатайствуют в пользу общественного землевладения*.

Желали бы мы также знать, какая существенная разница имеется между личным землевладением, отдающим свои земли, небольшими участками в наем или аренду на года, и общественным землевладением, делящим свои земли также на продолжительные сроки? Почему одно препятствует улучшению сельского хозяйства, а другое не оказывает на него такого вредного действия? Почему, в видах усовершенствования земледелия, слышны ходатайства и требования об отмене или, по крайней мере, об ограничении прав сельских обществ по землевладению, а не слышны подобные же ходатайства и требования относительно личных землевладельцев? Неужели крестьянские общества безрассуднее и безалабернее последних? Мы однако не слыхали об общинах, которые отдавали бы свои земли в наем или из полу, не окидывали бы глазом, в продолжении многих лет, своих владений, и вверяли бы свои хозяйства первому встречному. А потому радельщики об успехах земледелия и о хлебной производительности должны

---

* Не бесполезно послушать, что по этому предмету говорит Лавеле:

«Противники русского общественного землевладения осуждают его и выставляют превосходства личного землевладения, как будто у нас, на западе, земля обрабатывалась только самими собственниками. Это совершенно не верно: большая часть земель обрабатывается наемщиками, которые ею пользуются в продолжении сроков, более коротких чем те, которые существуют для русских общинников. Согласен, что положение собственника предпочтительнее положения временного пользователя; но положительно утверждаю, что для человека лучше иметь в пользовании землю, в собственности которой он участвует, чем нанимать землю чужую» (Laveleye, De la propriété etc., стр. 41).

бы сперва и пуще всего хлопотать об ограничении и регулировании личного землевладения, и уже затем перейти к менее нуждающемуся в их попечениях общинному землевладению.

Конечно хозяйства или фермы средней руки, т. е. величиною от 150 до 600 десятин, могут быть устроены и ведены лучше и доставлять более хлеба, мяса и других сельских произведений, чем такие же пространства земли в составе огромных имений или в разделе между многочисленными семействами. Но следует ли из этого, что правительство должно исключительно покровительствовать первым и теснить, даже запрещать и уничтожать последние? Ведь земля для людей, а не люди для земли, и справедливость дороже всякого богатства. Усиление производительности земли есть конечно дело хорошее; но еще важнее то, чтобы земля удовлетворяла потребности большего по возможности числа людей, и чтобы основания справедливости не были нарушены. Нельзя запрещать образованию больших, даже громадных имений; но еще менее возможно, еще менее справедливо разрушать, отменять такое учреждение, которое обеспечивает большинству людей благо землевладения, хотя и мелкого, хотя, по исчислениям некоторых агрономов, и не особенно выгодного в смысле производительности.

Упрекать общинное землевладение в задержке улучшений по сельскому хозяйству — и несправедливо, и неосторожно. Почти те же упреки можно обратить и к личному землевладению. Эти два способа землевладения должны, для блага страны, *существовать*. Отсутствие одного из них задерживает в людях способность почина и останавливает всякое быстрое развитие и преуспевание. Отсутствие другого погружает массы в нищету и бездомство и лишает государство устойчивости и спокойствия.

Конечно, для всякого гораздо приятнее и выгоднее иметь землю в личном, чем общинном владении, в большем, чем в малом количестве; но как такое благодатное положение для всех крестьян невозможно; как ни у кого не отнято право приобретать землю в личную собственность, где и сколько угодно; и как всякий имеет право, по исполнении известных условий, выходить из общины, то упрекать общинное землевладение в том, что оно не доставляет всех выгод и удобств личного землевладения — более чем странно. Это — как будто жаловаться на то, что пища не утоляет жажды, а питье не заменяют хлеба и мяса. Эти два рода землевладения имеют свойства раз-

личные, и их назначения вовсе не тождественны. Нет возможности всех сделать личными, и притом не мелкими, землевладельцами; а потому очень полезно, даже необходимо такое землевладение, в котором могло бы участвовать большее по возможности число людей, и которое доставляло бы им приют и кусок хлеба. Это именно назначение и исполняется общинным землевладением, и ничем другим достигнуто быть не может. Не слишком ли тяжки установленные у нас условия для выхода из общины? Это — дело иное; об этом можно толковать, и мы не преминем также высказать наше, по сему предмету, мнение; но это нимало не служит и не может служить к осуждению самого общинного землевладения, на которое сыплются обвинения главнейше потому, что его плохо знают и понимают, или потому что не хотят его знать и понять.

Наше сельское хозяйство слабо развивается и улучшается — это несомненно; но в этом равно виновато, или равно невиновато, как личное, так и общинное землевладение. Причины этого застоя совершенно иные, и вовсе не истекающие из существа того или другого способа землевладения. Мы их отчасти указали в прежде изданном сочинении — «Наше положение». Здесь же противникам общинного землевладения посоветуем одно: покинуть этот довод и не изощрять оружия, которое легко может быть против них обращено.

III. Общинное землевладение удерживает черезполосицу в крестьянских дачах, — это верно. Но это неудобство не обще ли ему с личным мелким участковым землевладением? Для уничтожения черезполосицы, в этом случае, пришлось бы каждому землевладельцу выселиться на свой маленький участок; но возможно ли это? У нас много мест где, при рытье колодцев, вода едва получается при глубине 15–20 и более сажен; по силам ли крестьянину такие колодцы? К тому же земли, в крестьянских, а равно и в наших личновладельческих дачах, чрезвычайно разнокачественны; как развести крестьянам уголья так, чтобы один не сидел в болоте, а другой на бутре; чтобы один не получил бесплодной земли в то время, как другой приобретет одну хлебородную землю; чтобы один не был без воды, а другой — даже с излишком воды; чтобы один не жил в глуши, тогда как другой будет пользоваться выгодами проезжей и доходной дороги? Устраивая хутор на многодесятинном пространстве, мы часто затрудняемся в избрании места для усадьбы, роим пруды, копаем колодцы, и все-таки остаемся без воды, и должны, в конце концов, переносить

свить свой хутор на иное место; что будет, в этом случае, делать крестьянин на своем клочке земли? — Теперь коровы, телята, овцы и свиньи пасутся в общих стадах, и каждому крестьянину приходится платить за свой скот незначительные деньги; а тогда, при настоящем участковом хозяйстве, придется круглый год держать скот на дворе и давать ему готовый корм, или каждому семейству держать скотину на своем тесном участке, за особым пастухом, и притом за надзором не мальчика, который легко может заснуть, а совершеннолетнего работника или не дряхлого старика. Теперь у десяти, двенадцати дворов имеется один совместный овин, баня, колодец и проч., тогда каждому хозяину надобно будет иметь свое собственное угодье. Нет! уничтожение черезполосицы в мелких крестьянских участках более чем трудно — оно невозможно. Если же оставлять крестьян жить в селении, то участок одного будет присельным, а участок другого — за версту, за две, за три и более верст, и цель наших рьяных агрономов и политико-экономов не будет достигнута. Правда, один член многократно нами упомянутой комиссии предложил «предоставить членам сельского общества отделять, в частное владение, участки в том виде, как ими владеют крестьяне без приурочения к одному месту»; но это средство к увековечению черезполосицы и к лишению и личного, и общинного способов землевладения выгод, им присущих, до того премудро, что оно не нашло сочувствия даже в бюрократически составленной комиссии, а вне ее может возбудить только смех и удивление. — Черезполосица есть конечно неудобство; но она не составляет исключительной принадлежности общинного землевладения, а неизбежна, по большей части, при всяком мелком землевладении; и притом ограждает крестьян-общинников и других мелких землевладельцев от еще больших неудобств, сопряженных с ее отсутствием. И замечательно, что крестьяне никогда на нее не жалуются! Видно, они много разумнее тех, которые, в этом отношении, так усердно о них печалуются.

IV. Говорите, что общинное землевладение лишает крестьян возможности пахать и сеять, когда они считают то для себя лучшим и более удобным, и принуждает их производить эти работы одновременно с прочими содачниками. Это только отчасти справедливо: бороновки, двойки, посевы и уборки хлебов крестьяне производят совершенно свободно, по своему усмотрению. Только две работы начинаются крестьянами одновременно: подъем пара и покос. Как пар

необходим для паствы скота, и как у крестьян нет излишка в угодьях, то начатие метки пара производится с согласия всего общества, т. е. по его приговору. Точно так же крестьяне приступают к покосу, и это в особенности потому, что луга почти везде, за редкими исключениями, делятся ежегодно, в чем и нет еще особенного неудобства, ибо луга и при личном землевладении почти нигде не удобряются и не подвергаются особенной обработке. Приговоры для начатия этих работ составляются не посторонними людьми и присылаются не из губернского или уездного города, а они утверждаются на месте крестьянами, хорошо знающими свои выгоды. Относительно этих приговоров они действуют совершенно свободно, и даже мироеды, о которых теперь в моде много говорить, не могут иметь интереса, противного выгодам остальных поселян.

К упреку, делаемому общинному землевладению относительно стеснений по пахотам и посевам, присовокупляется обыкновенно и другое обвинение, а именно то, что общинное землевладение служит препятствием к введению иных, более выгодных севооборотов. На это мы предложим несколько вопросов: во многих ли частных имениях введены у нас какие-либо улучшенные севообороты? Оказывается ли везде от этого введения особенная польза? Везде ли теперь у нас существуют те условия, при которых плодоперемнная многопольная система хозяйства может доставить настоящие выгоды? Едва ли кто решится на эти вопросы дать утвердительные ответы. К этому присовокупим, что как крестьяне, в различных местностях, сеют различные хлеба; как они тщательно следят за тем, какие хлеба выгоднее сеять и какие перестают давать хорошие урожаи; и как вследствие того, они, во многих местностях, перестают сеять гречиху и заменяют ее просом и картофелем; то нет причины отчаиваться и в том, что крестьяне согласятся покинуть и трехпольную систему и введут у себя иные севообороты, когда эти изменения окажутся действительно полезными и необходимыми. — Что касается до того, что крестьяне тратят много времени на переезды с одного загона на другой, часто отдаленный, то если учесть, сколько времени пришлось бы крестьянину, живущему на своем участке, тратить на одиночную паству скота, на устройство и содержание своего колодца, овина, бани и пр., то конечно не в невыгоду для общинного землевладения оказался бы такой учет.

V. Что лучше для поселян: жить каждому на своем участке или вкупе — в селении? Если их назначение — производить как можно

более хлеба и мяса, то, быть может, первый образ жизни выгоднее, целесообразнее. Если же поселяне должны быть во-первых людьми и уже затем — землевладельцами, то сожителство людей в селении много предпочтительнее одиночному существованию на уединенных, отдельных дворах. Люди достаточные, живущие на своих хуторах, вовсе не остаются в одиночестве: они имеют при себе работников, в более или менее значительном числе, и, сверх того, не лишены средств ездить к соседям и в город. Бедные люди, владеющие 3, 4, 5 даже 10 десятинами земли, не имеют работников и не могут часто сообщаться с соседями; следовательно они осуждены на одиночество, на одичалость. Сверх того, даже климатические наши условия противятся разьединенному размещению нашего народонаселения: суровость зимы, обилие снегов, метели и проч. не позволяют людям жить одиночно, хотя и на своей земле. Возможно ли одиночному двору отгрестись от снега, который часто заваливает селение так, что у него только и выход, что на улицу. А метели, продолжающиеся по нескольким дням, прерывают всякие сообщения между разными поселками. Как тут детям посещать школы, а взрослым обращаться к соседу за какою-либо помощью, в чем поселяне постоянно нуждаются? А потому, в упреке, делаемом общинному землевладению, что оно скучивает народонаселение, мы видим скорее достоинство, выгоду, чем недостаток — неудобство. Конечно, большие селения из тысячи и более душ представляют затруднения при дележке и обработке земли, но число таких селений мало-помалу сокращается, и не редко из них образуются выселки. Следовательно, и в этом отношении нет никакой надобности в каких-либо законодательных постановлениях, и можно только желать, чтобы земские собрания, предоставлением некоторых льгот, поощряли расселение слишком многолюдных деревень.

VI. Важным неудобством общинного землевладения выставляется то, что оно оправдывает и делает возможною и необходимою круговую поруку по уплате податей и выкупных платежей. — Сколько слов, столько и заблуждений или несправедливых обвинений! Они все исходят из того, что люди, нападающие на общинное землевладение, не вникли, или не хотели вникнуть, в сущность ни его, ни круговой поруки вообще, ни различных ее видов. Велика наша беда та, что, не углубляясь в смысл явлений, их причин и последствий, мы останавливаемся на внешности вещей, легкомысленно сочетаем понятия, вовсе

не сродные, и охотно повторяем чужие слова. Так, общинное землевладение мы неразрывно соединяем с круговою порукою, а сию последнюю черним и осуждаем, не обращая внимания на то, добровольно ли она принята людьми, или она им извне навязана.

Общинное землевладение вовсе не оправдывает и не требует круговой поруки; оно может не только без нее существовать, но и действовать с тем большею самостоятельностью и пользою для крестьян, чем оно свободнее от обстоятельств, вынуждающих установление или удержание этой ответственности членов общины друг за друга. Владея землей, она, как юридическое лицо, конечно должна нести и обязанности, с этим владением соединенные; но, при своих распорядках, община может устанавливать, на раздачу участков, такие условия, которые бы вполне обеспечивали ей получение сбора с лиц, пользующихся землею, и устраняли всякую ответственность одних членов за других; так, например, она может собирать деньги вперед, при отводе земли, или взыскивать их, не дозволяя уборки хлеба до очистки недоимки, или обращая взыскание на имущество неплательщика. При этом конечно необходимо одно: чтобы выгоды, доставляемые землею, соответствовали обязанностям, на ней лежащим. Если последние превышают первые, т. е. если члены общины должны за свою землю платить дороже, чем за чужую, по найму, то землевладение перестает быть благом и утрачивает свой смысл. В этом случае, имеет ли оно вид общинный или личный, разницы нет: люди приходят в разорение и бегут от такой собственности. Общинное землевладение, добровольно принятое, служащее ко благу, а не к пагубе людей, вовсе не нуждается в круговой поруке и может без нее обойтись; как оно без нее и обходится в Швейцарии, где о тяжестих круговой поруки нет и помина. Конечно, не так дело обстоит у нас; но в этом виновато не общинное землевладение, а то обстоятельство, что земли отданы крестьянам не на справедливой оценке, а по такой, при которой прежний помещик иногда вознаграждался не за одну землю, но и за труд крестьян, для него прекращавшийся. Следовательно, тут общинное землевладение является не в простом, настоящем своем виде, а в сопровождении обстоятельств ему чуждых и от него не зависящих. Навяжите человеку, в личную его собственность, убыточное имущество, и вам придется его к нему приковывать, иначе он его покинет или от него убежит. А потому, не общинное землевладение требует круговой поруки, как и личное землевладение не нуждается в оковах;

но и круговая порука и оковы становятся необходимыми вследствие навязывания людям блага, не в меру отягченного повинностями.

Для круговой поруки общинное землевладение, правда, служит надежнейшим основанием; но в этом еще нет никакой беды. Несправедливо в высшей степени безусловно осуждать круговую поруку: она может быть для людей столь же благодетельною, сколько и тяжкою, даже бедственной. Часто крестьяне всем обществом, за круговую порукою, входят в подряды, снимают и даже приобретают земли; сверх того, особенно в виду существования круговой поруки, правительство решилось оказать крестьянам пособие на выкуп их наделов от прежних помещиков. Со временем общинная земля может сделаться для крестьянских обществ источником кредита на покупку новых земель или на иные производительные расходы. В этих различных случаях, круговая порука, усиливая доверие посторонних лиц или правительства к крестьянам, и совокупляя их силы воедино, оказывает им великие благодеяния; что один человек не мог бы предпринять или сделать, то легко исполняется обществом, связанным узами общинного землевладения. При этом важно, необходимо одно условие: *чтобы ответственность была принята обществом на себя по доброй воле и без всякого принуждения извне.*

Совершенно иною является круговая порука, когда она обществу навязывается. К несчастью, это бывает у нас и часто, и в случаях весьма важных. Так наложена на крестьянские общества ответственность за исправный ими взнос казенных, земских и мирских повинностей. Впрочем, при этом, не сделано различия, находится ли земля в общинном и участковом или подворном (наследственном) владении (Общ. полож. о крестьянах стр. 187). Тут, пожалуй, круговая порука не была бы особенно отяготительна, если бы в числе казенных податей не находилась подушная, чрезвычайно усложняющая и затрудняющая раскладку и взыскание денег с крестьян. Но как сумма этих сборов обыкновенно не превышает от 15 до 30% доходности земли, и по большей части взыскивается довольно добропорядочно и своевременно, то круговая порука, в этом случае, является более угрозою, чем мерою действительно жестокою. Совершенно иною оказывается круговая порука, когда дело идет о выкупных платежах, и в особенности по выкупам обязательными. Нередко бывает, что земли, поступившие крестьянам в надел, не стоят половины, даже третьей части того, что крестьяне обязаны за них платить. Вследствие этого,

они крайне затрудняются в раскладке земли на души или на работников; никто не хочет ее принимать, и приходится наваливать ее с принуждением; затем многие оказываются не в состоянии платить следующих с них денег, и в конце концов, когда гром грянет из губернского города, недоимки взыскиваются уже не с неплательщиков, а с кого попало, т. е. с достаточных крестьян. Но виновата ли в этом круговая порука?

Еще некоторые обстоятельства, вовсе независящие от общинного землевладения и от круговой поруки, разумно и правильно установленной, значительно ее у нас отягчают и обезображивают. Крестьяне наши, исполняющее довольно исправно условия, заключаемые ими всем обществом с частными лицами, но приученные к побуждениям, со стороны власть предержащих, к уплате казенных повинностей, считают как будто неподобающим, без таких требований, вносить деньги в казну. Старосты и старшины разделяют то же мнение и находят для себя более удобным молчать и не докучать крестьянам напоминанием о взносе выкупных платежей. Мировые посредники, уже несколько лет ожидавшие упразднения своей должности, спокойно получали свое жалованье и предавались *dolce far niente*; а казенные палаты и губернаторские канцелярии ограничивались умножением исходящих подтвердительных номеров. Бывает и то, что, после утверждения выкупных сделок или помещичьих заявлений об обязательном выкупе, по два, по три года не объявляют крестьянам о количестве следуемых с них платежей в казну и о сроке их взносов. — Но вдруг губернатор назначает срок для взыскания недоимок по выкупным платежам; тут скачут и посредник, и исправник, и становые пристава; крестьяне должны в несколько дней уплатить двух-трехлетние недоимки. Тут описывается вся скотина селения; она иногда и продается, или крестьяне, за жидовские проценты, занимают деньги, и вследствие того оказываются на несколько лет разоренными.

Но как эти обстоятельства, так и обязательно возложенная на крестьян ответственность за выкупные платежи, разве составляют необходимые принадлежности круговой поруки, а тем еще менее — общинного землевладения? Основывать на таких случайных, чисто внешних обстоятельствах, обвинение против общинного землевладения и круговой поруки — не значит ли действовать если не недобросовестно, то, по меньшей мере, крайне легкомысленно и ошибочно?

Мы вовсе не думаем обвинять правительство ни в том, что оно, в прошлом столетии, несправедливо основало на круговой поруке уплату подушных податей, ни в том, что, при освобождении крестьян, оно удержало этот порядок для сбора казенных, земских и мирских повинностей. Тем еще менее расположены мы упрекать правительство в том, что оно утвердило выкуп земель на круговой ответственности обществ за следующие с них платежи. Нет! мы вполне признаем, что эти меры, в свое время, были неизбежны и соответствовали тогдашним нуждам. Мы даже с особенною благодарностью относимся к последней мере, ибо сознаем, что, помимо круговой поруки, не на чем было основать выкуп земли крестьянами. Если при этом допущена была одна несправедливость — слишком высокая, в некоторых местностях, оценка земли, и, вследствие того, возложены на крестьян несоразмерные за нее платежи, то это произошло от того, что необходимо было избежать еще большей несправедливости, впоследствии уже неисправимой; а именно — не назначения помещикам некоторых местностей достаточного вознаграждения за крестьянский труд и оброк, на которые они имели законное право и которых они лишались. Тогда необходимо было окончательно разрешить вопрос об освобождении крестьян, об удовлетворении помещиков за права и земли, от них отходившие, и о выкупе последних крестьянами в полную их собственность. Слишком высокие платежи, наложенные на крестьян за выкупаемые земли, теперь могут и должны быть сокращены до размеров справедливости. Совершить это дело ныне столь же необходимо и не терпит отлагательства, сколько прежде было необходимо вознаградить надлежащим образом помещиков за отчуждавшиеся от них имущества.

Из сказанного нами мы, кажется, вправе вывести, что общинное землевладение вовсе не связано неразрывными узами с круговою порукою, и вовсе в ней не нуждается; что круговая порука вообще нисколько не заслуживает того осуждения, того негодования и презрения, которыми теперь ее чествуют, и что бедствия, ныне ею причиняемые, истекают не из ее существа, а из обстоятельств, от нее не зависящих и ей чуждых. А потому люди, выдающие себя радателями о пользах общих, и крестьянских — в особенности, должны бы, не тратя времени на розыски несуществующих причин расстройств крестьянских хозяйств и на оклеветание общинного землевладения и круговой поруки, обратить внимание на то, что действительно разоряет и губит крестьян, а именно на замену подушных податей, неправильно основанных на круговой поруке, налогами всесословными, соразмерными

ми с достатком каждого гражданина, и платимых им за себя лично; — на переоценку обязательно выкупленных крестьянских земель с отнесением уплаты этих излишков на общие государственные средства*; и на улучшение администрации вообще.

* Пожалуй, наши финансеры всплеснут руками и скажут: «Да откуда Правительству взять деньги на совершение этой операции? Наши бюджеты хотя и представляются с излишком доходов против расходов, однако, по милости обычных у нас сверхсметных расходов, мы не обходимся на деле без дефицитов, и даже значительных!.. На предлагаемую операцию потребуется не менее сотни миллионов; откуда же их взять?» — Мы вовсе не считаем положение наших финансов блестящим и даже удовлетворительным, а тем еще менее расположены увеличивать и без того огромную смету наших расходов; но мы думаем, что всякую несправедливость, как частный человек, так и правительство, обязаны исправить, как только они ее сознают и имеют к тому малейшую возможность. Крестьяне, платящие за землю вдвое, втрое против действительной ее стоимости, выбиваются из сил, приходят в разорение и не в состоянии даже очищать обыкновенные налоги и сборы. Это для правительства и невыгодно, и должно быть весьма тяжело. Как прежде необходимо было вознаградить помещиков за то, чего они лишались, т. е. земли и труда крестьян, так теперь неизбежно снять с последних обязанность платить за землю излишки против ее стоимости, которые представляют выкуп за личность освобожденную, в большей части России, безвозмездно. Медлить этою мерою нельзя: разорение крестьян идет crescendo, и уныние отнимает у них всякую охоту к труду. Чем скорее сбьть эту беду, тем выгоднее не только для крестьян, но и для всего государства.

Что касается до сотни миллионов, будто потребных на исполнение предлагаемой меры, то это не совсем верно. Во 1-х, мы не думаем, чтобы, при переоценке земель, перешедших к крестьянам, по слишком возвышенной оценке, оказался ныне такой значительный недочет; ибо земли везде в последние 13 лет значительно вздорожали, и сверх того, количество земель преувеличенно оцененных не очень значительно: в средней и во всей черноземной России не окажется ни одной десятины, подлежащей переоценке; почти то же можно сказать и о всех крестьянских дачах, прилегающих, в остальных местностях, к судоходным рекам, к городам и к разным промышленным и торговым селениям; во 2-х, как все земли, слишком высоко оцененные, уже представлены помещиками на обязательный выкуп, то теперь нет надобности что-либо выплачивать помещикам, а придется только сложить с крестьян излишки ежегодных платежей, и их покрывать из общих государственных средств. На это, полагаем, потребуется не более, а вероятно менее пяти миллионов в год. Думаем, что покрытие такой суммы, при постоянном возрастании наших государственных доходов, не затруднит наше Финансовое ведомство, и особенно, если вместе с тем, по другим отраслям нашего управления, будут сделаны некоторые сокращения в расходах. — Исправление вопиющей несправедливости, погружающей в разорение два, три миллиона жителей обоего пола, право, много полезнее, чем умножение бюрократических должностей, разные постройки и расходы, производимые с целью бросить пыль в глаза иностранцев.

Все эти дела вполне во власти Правительства, не сопряжены с особенными затруднениями или невозможностями, нисколько не противоречат духу народному и представляют самую надежную и производительную почву для улучшения общего благосостояния.

VII. Много говорят о деспотизме сельских сходов, о мироедах, о ведрах вина, как необходимых принадлежностях крестьянского самоуправления и о пр. В этом много справедливого, но далеко не все. И в нашем земском устройстве, и в европейском конституционализме, и даже в Английских и Северо-американских учреждениях, имеются недостатки; и там бывают злоупотребления, и весьма немалые. Несовершенство есть удел всего человеческого. Чем более просвещения, развития в людях, тем темные стороны уступают более места сторонам светлым. Наше крестьянство, после многовекового крепостного состояния, не могло вдруг твердо стать на ноги. Помещичий произвол отчасти воскрес в произволе сходов; приказничьи беспорядки и злоупотребления ожили в некоторых проделках волостных старшин, писарей и судей, сельских старост и сборщиков. По мере возмужания крестьян, самоуправление их несомненно улучшится; усиление в них образования и пример уважения к закону со стороны разных властей и лиц просвещенных — суть единственные средства к улучшению порядков в крестьянских обществах, а уже конечно к тому не приведут ограничения крестьянских прав или какие-либо внешние опеки. Что касается до мироедов, то их гораздо менее, чем вообще полагают. Слово «мироед» очень выразительно и типично; действия такого лица очень способны быть описаны и живо представлены; лицо мироеда и его деяния доставляют богатый материал для юмористических очерков и народных повестей. Вот почему мироеды и ужасы, ими совершаемые, сделались у нас актом несомненным и сильным доводом против общинного землевладения. На деле однако вещи являются в ином виде. Конечно, общинное землевладение значительно усиливает и расширяет власть общества на его членов; но в этом не только теперь, а и позднее, в крестьянском быту, беды нет; некоторый надзор крестьянского общества за его членами и некоторая его над ними опека, полезны и необходимы; вообще же едва ли можно упрекнуть мир в слишком строгих, жестких или придирчивых действиях. Это не в характере русского человека. Если большинство, состоящее из людей малодостаточных, гнет в одну сторону, то меньшинство крестьян богатых, одолажающих первых, тянет

в противоположную сторону, и наоборот. Одни берут чистом, а другие богатством, развитием, влиянием. Из этого выходят сделки, которые и утверждаются общественными приговорами. Бывают приговоры нелепые; бывают и такие, которые составляются старшинами и писарями, без ведома обществ; но разве не случается, что исправники секут купцов, за не дачу им денег в займы, что губернаторы, без всяких законных причин, уничтожают действия земских собраний, и что издаются законы, действующие прямо против цели, имевшейся, при их составлении, в виду? Исключения не могут служить к опорочению самого правила. — Что касается до мироедов, то их вовсе не так много, как думают, и они вовсе не так зверообразны, как их полагают. Такие люди кой-где по временам являются; но сила и устойчивость общества их по большей части вскоре сламывает. Крестьянство отстояло свою самостоятельность, свои нравы и обычаи против всеильного крепостного права; не подчинится же оно надолго каким-нибудь пройдохам, ищущим жить на счет всего мира. Такие опасения могут иметь только люди, не знающие наших крестьян или находящие выгодным сентиментальничать на их счет.

Говорят, что община, и неразлучный с нею деспотизм мирских сходов и сельских начальников, нарушают и стесняют личные права на действия крестьян. Из того, что мы уже сказали, и что еще скажем при разборе следующего обвинения, взводимого на общину, ясно кажется, что эти стеснения и нарушения свободной воли крестьян вовсе не значительны и для них не тягостны. Здесь мы считаем нужным заметить только следующее. Конечно, личные права крестьян должны быть по возможности широки и их действия — свободны; но пространство первых и самостоятельность последних не нарушается ли некоторыми обстоятельствами несравненно более, чем распоряжками сельских сходов? Нищета и зависимость от внешней обстановки не стесняют ли личности много более, чем самая бдительная и самая строгая община? В существе ли общины коренится деспотизм, или истекает он из других побочных причин? Одни ли крестьяне-общинники стеснены в своей деятельности, или и другие состояния разделяют с ними это тяжкое положение? Едва ли кто решится в этом отношении дать ответы, не выгодные только для общины. Община, как мы видели, ограждает по возможности крестьян от нищеты и зависимости от достаточных людей, нуждающихся в их труде. Община, как совокупность крестьян, вовсе не расположена себя стеснять без

особенной необходимости; напротив того, как никто себе не враг, в существе общины заключается залог, источник свободы для каждого из ее членов. Если теперь мы этого доброго действия не видим, то причину не то ли, что вообще у нас на Руси нигде нет свободы и обеспеченности, и что никакое состояние не может ими похвалиться? Разве мы можем свободно высказывать наши мнения? Разве мы имеем право собираться, когда и где хотим, для обсуждения наших нужд? Разве мы знаем, какое постановление завтра делается для нас обязательным? Разве мы уверены, что завтра мы не будем там, где быть мы вовсе не желаем? — Если мы хорошенько вдумаемся в наше положение, то мы легко убедимся, что произвол общины есть только слабое отражение общего, у нас господствующего произвола, и что нападать на злоупотребления власти в общине есть то же, что видеть сучок в чужом глазу, а не видеть в своем и целого бревна. Община делается конечно менее произвольною в отношении к крестьянам, как только законность вообще у нас воцарится и утвердится; и эта надежда основана на том, что люди вернее и скорее доставляют и обеспечивают себе всякое благо, чем могут то сделать посторонние лица и даже такие крестьянские доброжелатели, какими себя выдают враги общины.

VIII. Упрекают общинное землевладение в том, что оно ограничивает и даже убивает способность почина в крестьянах вообще, и увековечивает у них старые обычаи и способы как обработки земли, так и сельской промышленности. Конечно, общинное землевладение не имеет назначением вызывать в членах крестьянских обществ способность почина; личное землевладение, будучи уделом людей достаточных, дает им более средств к образованию, как их собственному, так и их детей, и возбуждает в них большую деятельность, как умственную, нравственную, так и материальную. Но между невызыванием и убиванием есть огромная разница. В великороссийских губерниях, везде существует общинное землевладение; а между тем, сколько имеется селений, где кустарная промышленность процветает и где, по ее милости, крестьяне живут весьма достаточно. На наших глазах, в Сапожковском уезде (Рязанской губернии), сперва в одном, а теперь уже в нескольких селениях, развилась машинная промышленность так, что вывозится оттуда в разные концы России ежегодно до 3000 молотильных машин. А сколько крупорушилок, ветрянок и маслобоек устраивается по деревням! Если бы общинное землевладе-

ние уничтожало в крестьянах предприимчивость, то конечно не развилась бы у нас кустарная промышленность, и не устраивались бы разные промышленные заведения. Если бы общинное землевладение притупляло способности крестьян, то конечно они не отличались бы сметливостью и находчивостью, качествами, в которых едва ли кто решится отказать нашим крестьянам. Нет! общинное землевладение не только не препятствует развитию способностей в крестьянстве, но, напротив того, оно значительно ему содействует тем, что ограничивает и уменьшает нищету, и поддерживает, в крестьянстве, самостоятельность и устойчивость, два свойства, которых мы не находим ни в Польских, ни в Остзейских крестьянах, не пользующихся общинным землевладением.

IX. Теперь мы подходим к последнему и весьма важному упреку, делаемому общинному землевладению. Оно, по словам его противников, прикрепляет крестьян к месту их жительства и тем препятствует свободному передвижению людей, что особенно вредно в России, где огромные пространства земли, за недостатком рук, остаются без надлежащего возделывания. — Недостаток ли это или достоинство общинного землевладения? — Мы склонны признать в этом наиболее полезное его свойство, особенно для России. Если бы наша страна предназначена была только доставлять Европе хлеб да мясо, как некогда степные деревни снабжали своих владельцев мукою, крупами, овсом и живностью, то конечно следовало бы протурить всех крестьян из северных губерний на юг и восток империи, снабдить их плугами и заставить их усиленно орать землю. Но, слава Богу, мы не степная деревня Европы, а страна сама по себе. Нам нужны, очень нужны и мануфактуры. Мы должны стараться быть по возможности независимыми от других стран, и, только при этом условии, мы будем народом и государством самостоятельным. Мануфактуры особенно процветают в губерниях, где почва малопродуктивна; что стало бы с нашими фабриками и заводами, если бы обитатели северных и некоторых центральных местностей двинулись в те страны, где пшеница и просо рождаются без удобрения? В 1870 году опасались народного переселения со скудных земель севера на богатые нивы юга и юго-востока, а теперь ставите в вину общинному владению то, что оно удерживает крестьян от этого переселения! Мы думаем, что общинное землевладение действительно прикрепляет крестьян к месту их жительства; и в этом великая его заслуга в стране такой, как

Россия, где чрезвычайно разнообразны и почва, и климат, и другие бытовые условия. Излишка в народонаселении у нас нигде нет: почти везде огромные пространства земли ожидают приложения человеческого труда к их возделыванию; а где таких пустырей нет, там мануфактуры не менее их нуждаются в человеческих руках. Следовательно нам нет надобности поощрять передвижение народонаселения из одного места в другое; и это тем бесполезнее, что наш народ хорошо знает, где, в какое время и какие именно рабочие особенно нужны, и он охотно туда отправляется на заработки. Теперь в Европе особенно страдают от того, что люди стремятся в города не на одни заработки, а на житье; у нас же, по милости общинного землевладения, люди ходят в города, добывают там деньги, но их постоянно тянет в деревню, и, на праздники и во всякое другое свободное время, они спешат на свою родину, и не составляют в городах пролетариата, особенно опасного для государства вообще. А потому считаем здесь весьма уместным применить к общинному владению в России известное выражение: если бы его не было, то следовало бы, для пользы России, его изобрести.

Рассмотревши довольно обстоятельно все обвинения, возводимые на общинное землевладение, мы теперь, кажется, вправе признать полную их несостоятельность, и можем только удивиться тому, что они так долго, так часто и с такою настойчивостью и самоуверенностью многими повторяются. Это обстоятельство весьма замечательно и заслуживает, в свою очередь, тщательной оценки.

Мы уже сказали, что нападения делаются из разных лагерей и внушаются побуждениями даже противоположными. Мы хорошо понимаем побуждения так называемых крепостников. Они вполне правы, действуя так, как они действуют. Общинное землевладение, лишая крестьян права распродавать свои мелкие земельные участки и обеспечивая им право на землю, принадлежащую обществу, тем самым сообщает им некоторую самостоятельность, некоторую независимость: большинство из них уже не в руках соседних землевладельцев и своих богатых собратий-крестьян. Вот что вполне объясняет согласие показаний большинства землевладельцев и того меньшинства крестьян-старшин, сельских богачей, которые случайно попали в Высочайше учрежденную комиссию и были там спрошены. Как для тех, так и для других, общинное землевладение есть великая помеха к расширению их власти и их влияния или, вернее сказать, — их гнета

на крестьян. Спрошенные крестьяне, как люди русские, следовательно весьма сметливые, скоро и хорошо поняли, что их ответы, в смысле осуждения общинного землевладения, будут приятны вопрошателям и выгодны собственно для них, ответчиков; а потому они охотно распространялись насчет бедствий от этого общего для них камня преткновения. А крепостники, ободренные этим примером, и зная также общее нерасположение администрации, и вопрошателей в особенности, к общинному землевладению, были неистощимы в жалобах на этого своего упорнейшего врага. Как эгоизм есть самое постоянное и самое сильное побуждение в большинстве людей, то и не удивительно, что нападки на общинное землевладение и всякого рода злословия на него охотно и непрестанно высказываются людьми, для которых оно неприятно и невыгодно; ибо они знают, что при упорном повторении одного и того же, все таки что-нибудь да останется в уме и чувствах слушателя! *Calomniez, calomniez sans cesse, il en restera toujours quelque chose!*¹⁶⁸ Следовательно, это и естественно, и вполне понятно; но не естественно и не понятно враждование людей либеральных против общинного землевладения. Такое враждование можно объяснить себе только следующими обстоятельствами.

Наши либеральные люди почти все — ученики западной школы. Там идеи не общества, а общины — такой, какая существует у нас на Руси, — не существует. Взамен этой идеи возникла там идея о коммуне, которая есть ничто иное, как ублюдок, карикатура нашей общины. При сильном и одностороннем развитии личностей, их прав и требований; при подавлении присущего человеку влечения к общинности; при огромных богатствах, сосредоточенных в руках немногих, и при страшной нищете и бездомстве народных масс, коммуна на западе не могла не возникнуть. Изменяя свои образы и способы действия, она должна там все более и более распространиться и укрепляться; в будущем она грозит Европе страшными потрясениями и великими бедствиями. Наша община есть полнейшая противоположность западной коммуны. У нас она — самородок, наследие от времен минувших; там она создается и притом не естественно, не спокойно, не постепенным развитием обстоятельств и человеческих потребностей, а насильственно, вследствие измышленных каких-то теорий, поддерживаемых крайне неудовлетворительным общественным положением масс и возбужденными страстями. Наша община спокойна, миролюбива, до высшей степени

консервативна; коммуна, по существу своему, воинственна, задорна и разрушительна. Наша община не есть только гражданское учреждение; ее животворят и скрепляют и узы родства, и единство обычаев и убеждений, и общее землевладение; в ней жизнь истинная, сильная и полная; она вынесла на своих плечах крепостное право и сохранила человечность в крестьянстве. На западе, коммуна есть какое-то фантастическое произведение, не имеющее действительной жизни и ищущее всеми средствами внедриться, на счет уже существующего, в общественный и государственный быт людей. В нашей общине люди работают для себя, лично пользуются приобретенным, остаются свободными распорядителями своею деятельностью и своим имуществом; стесняются в этом отношении лишь на столько, на сколько это, ради существования общины, неизбежно, и пуще всего — они сохраняют, во всей целостности, свой семейный быт. На западе, в основу коммунизма положены какие-то премудрые правила (всякому, по мере его нужд; отмена наследований; уничтожение семейных уз; какая-то обязательность для правительства доставлять работу; и пр.); такие правила разрушают и общественный, и частный быт и могут вести только к разврату и ко всякого рода беспорядкам. Существующие во Франции *communes*¹⁶⁹ и в Германии *Gemeinde*¹⁷⁰ созданы законом, и им же очерчен круг их действия — они просто низшие административные единицы. Наши общины таковы только отчасти; преимущественное же значение они имеют в смысле общественном. Закон признал их существование; но ему еще, слава Богу, не удалось их «регулировать». Трудно дать на словах понятие о всех свойствах нашей общины; чтобы вполне усвоить себе понятие о ней, надо видеть ее действия на самом деле, быть с нею в настоящих, живых отношениях, и проникнуться ее духом. Не мудрено, что иностранцы не понимают этого нашего учреждения: Гакстгаузен¹⁷¹, проживший несколько времени в России и имевший самые частые и близкие сношения с людьми, глубоко убежденными в превосходстве нашей общины, усвоил себе о ней только теоретические понятия. Из иностранцев, с которыми мне случилось беседовать о русской общине, только один понял ее сущность — то был живой, гениальный Кавур¹⁷². В заключение наших очень продолжительных разговоров об этом предмете, он мне сказал: «Да, я вижу что вы имеете такое учреждение, которое спасет вас от многих бедствий, ныне терзающих

Европу и грозящих ей в будущем нескончаемыми беспорядками. Вы очень счастливы; для вас будущность не страшна»

Грустно то, что не одни иностранцы, но и весьма многие Русские, воспитанные на иностранных книгах, никак не могут усвоить себе настоящее понятие о русской общине, и потому люди, вполне благонамеренные, искренно желающие добра крестьянам, думают им служить, требуя отмены общинного землевладения. Большинство людей образованных, к несчастью, еще не может смотреть на вещи своими глазами и думать своим умом. И вот почему, ослепленные и очарованные западными фразами о личной независимости, многие наши либералы требуют отмены общинного землевладения, как завершения великого дела освобождения крестьян.

Из сказанного нами ясно, какое значение имеют те, почти единогласные отзывы всех выслушанных в комиссии лиц и собранных ею письменных заявлений об общинном землевладении — отзывы, на которые комиссия с особенным удовольствием, и видимою гордостью, многократно ссылается. Очевидно, что все эти отзывы истекают или из эгоистических побуждений, или из неведения, или слабого знания свойств общинного землевладения.

Мы стоим за сохранение общинного землевладения по весьма многим причинам. Мы стоим за него в видах пользы для крестьянства, для страны вообще и для самого правительства.

Земледельческий класс в богатой Англии находится в самом жалком положении: <земледельцы> там суть ничто иное, как батраки бесприютные, живущие то тут, то там, и даже в городах; их спасает от отчаяния только практический ум фермеров, старающихся удерживать у себя одних и тех же работников и не слишком обижать их платежами за работу**

---

* Написавши это, я, признаться, опасался чтобы не подумали, что я клевету на покойника; а потому мне особенно приятно было прочесть в книге г. Лавеле следующие строки: «Уверяют, что Кавур сказал одному русскому дипломату: “Владычество в Европе доставят России не ее многочисленные армии, а ее общинные учреждения” Рассказывают, что Прусский Король Фридрих Вильгельм IV в 1848 году воскликнул: “Теперь начинается славянский исторический период”». (De la propriété etc., p. 39.) А наши государственные люди всячески хлопчут о том, как бы стирать, уничтожать наши особенности и превратить нашу страну в жалкий сколок то с Франции, то с Пруссии, и для этого направляют свои усилия в особенности против нашего общинного устройства!

** Кто в этом сомневается, тот может убедиться в верности этих слов в прекрасной книге: *Pauperism, its causes and remedies*, by H. Fawcett. London, 1871.

Теперь происходят там strikes (забастовки) сельских рабочих, конечно невыгодные для фермеров, но еще более тяжкие для составителей этих союзов*.

В Германии, большинство земледельцев также батраки, и их бедственное положение умеряется только тем, что число нанимателей довольно значительно, что соперничество между ними еще существует, и что, в крайних случаях, отверзает рабочим свои радушные объятия Америка, где уже поселилось много их соотечественников. — Во Франции, большая часть крестьян суть личные собственники, живущие одиноко, почти одичало на своих мелких клочках. Это житье так мало отраднo, что мечтою каждого французского крестьянина составляет переселение в город. У нас мещанин, в глазах крестьянина, есть вообще существо жалкое, малоуважительное, пробавляющееся большею частью шаромыжничеством и ищущее поселиться где-нибудь в деревне, и тут кое-как и кое-что добывать на свой прожиток. Напротив того, горожанин в глазах французского крестьянина, есть лицо высшее и более образованное и более почетное. Наше крестьянство по милости наделения его землею в общинное владение, находится в состоянии самом благоприятном, как в настоящем, так и в будущем, для его самостоятельности. Земля общинная отчуждаема быть

---

* Вот что Лавеле говорит о положении рабочих в Англии и об опасностях, угрожающих личной собственности: «Пламенное стремление к более уравнительному разделу произведений труда одушевляет теперь рабочие классы всех стран. В Англии, оно волнует и вооружает фабричных и заводских рабочих; подобное же движение охватывает и сельских рабочих. Очевидно, что оно сильно угрожает собственности в том виде, в каком она устроена в Англии. Сельские рабочие потребуют свою долю из земельной выручки, и если им в том откажут, то они отправятся за море и там ее получат. Для удержания их на родине, им вероятно предоставят право голоса при выборах. Этим опасность не устранилась: число избирателей увеличится, тогда как число землевладельцев все более и более сокращается; законы, покровительствующие этому сосредоточению богатств, удерживаются, тогда как идеи о равенстве распространяются и усиливаются. Удерживать владение землею в виде строгой привилегии, и усиливать политические права тех, которые безусловно лишены пользования ею, — значит вызывать и облегчать меры к уравниванию состояний, т. е. возбуждать революцию. А потому и неудивительно, что мысль о возвращении народу владения землею (*nationalisation of land*) нашла в Англии всего более сторонников и произвела самое сильное действие. Страна, всего более удалившаяся от первобытного устройства земельной собственности, осуждена, кажется, подвергнуться в общественном отношении и самым большим опасностям». (*De la propriété etc.*, стр. 142.)

не может; а потому она составляет неприкосновенный фонд, обеспечивающий крестьянам навсегда приют и кусок хлеба. Она дает им возможность идти даже на дальние заработки, оставляя семейства дома и сохраняя за ними прочную оседлость, как для их возврата по окончании работ, так и на случай неимения таковых в виду. Русские люди так высоко ценят это удобство, что многие из дворовых, освобожденных, как известно, без земли, стараются сколотить сколько-нибудь денег, приобретают от крестьянских обществ за годичную плату, иногда довольно высокую, клочок усадебной земли в пользование и ставят тут для себя домики. Имея жилье и участок земли, крестьянин все-таки не находится в полной зависимости от лица, нуждающегося в его работе. Это дает крестьянину простор для договоров и для получения цен настоящих за его работу. Живя в селении, он находится в постоянных сношениях с людьми, его содачниками; это поддерживает его человечность и общительность и развивает его способности. Этому обстоятельству крестьянство конечно обязано тем, что при крепостном праве оно окончательно не упало и не заглохло; этому же обстоятельству будет оно обязано, как мы думаем, устройством, в будущем, своего самоуправления и своего благосостояния.

Если же заменить общинное землевладение участковым, что едва мыслимо, и потому что крестьянству пришлось бы разом изменить все свои обычаи и привычки, и потому что страшное неравенство участков при разделе земли возбудило бы такие споры и беспорядки в крестьянстве, что пришлось бы их заканчивать военными экзекуциями, то, при таком новом порядке вещей, многие крестьяне постепенно распродали бы свои участки, или по нужде, или по спекуляции; образовались бы крупные землевладельцы в крестьянских дачах, все более и более разрослась бы бобыльщина, и крестьянство лишилось бы всякого единства и всякой самостоятельности. Этого могут желать некоторые из землевладельцев и из крестьян, а равно враги России; но не могут этого желать ни большинство русских людей-землевладельцев и крестьян, ни настоящие наши государственные люди.

Для России — для страны вообще, такое изменение в крестьянском быте было бы более чем нежелательно. Россия могущественна и устойчива, конечно, не своим дворянством, беспочвенным и полуочужеземившимся, — не купечеством, мало отличающимся своею нравственностью и своим просвещением; города, порты, даже огромные пространства земли не составляют главной силы России: она

преимущественно могуча и крепка своим народным духом; а он хотя и пребывает в Русских вообще, что блистательно доказывало, во всех чрезвычайных случаях, и наше дворянство, однако постоянно крепко и коренисто живет он только в крестьянстве. А это последнее обязано своим единством, своею силою и устойчивостью, в особенности тому, что оно живет вкупе и что имеет основой своего быта — обще всем принадлежащую землю. Эти обстоятельства недостаточно ценятся у нас в правительственных и цивилизованных сферах; но они высоко ценятся самим крестьянством, которое почти вовсе не пользуется льготою, ему предоставленною законом, для перехода к участковому землевладению, и которое, к крайнему изумлению администрации и людей, в западном духе образованных, не переходит от общинного к участковому землевладению*.

Теперь прошло более тринадцати лет с тех пор как крестьяне могут, на законном основании, переходить к участковому землевладению; а между тем, в местностях мне известных, не было даже попытки к такому переходу. Мало того: живя по большей части в деревне, имея дела в разных местностях и будучи в частых и близких сношениях с крестьянами, я даже не слыхал, чтобы на мирских сходах, со стороны крестьян, было сделано какое-либо предложение в этом смысле. Если, несмотря на неурядицу в нашем управлении вообще, спокойствие в государстве не нарушается и сила в нас пребывает, то этим мы конечно обязаны разуму и твердости народной массы; а она главнейше черпает их в связующем ее общинном землевладении. Это есть тот именно якорь, который охраняет нас от

---

* Некоторые крестьяне, поселившиеся на казенных землях Самарской губернии, просили в пятидесятых годах министерство государственных имуществ о дозволении им поделить свои участковые земли по душам. В Рязанской губернии большое и богатое село Ижевское (Спасского уезда), вышедшее, по духовному завещанию г. Демидова, в свободные хлебопашцы и сперва разделившее свои земли на участки, глядя по тому, сколько кто мог внести денег за землю, в исполнение возложенных на них завещателем разных уплат, вскоре обратилось в министерство государственных имуществ, с просьбою о разрешении им перейти к общинному землевладению. Долго цивилизованное министерство на это не соглашалось, и только после нескольких дознаний на месте и по новой просьбе, уже поданной на Высочайшее имя, было им разрешено поделить землю по душам и считать ее принадлежностью всего общества. Видно, наши мало образованные, темные крестьяне немного подальновиднее и посмышленнее многих наших государственных людей и ученых теоретиков.

действия порывистых народных движений, и который, проникая в глубь слабой почвы, лежащей под нашу администрацию, несколько ее сдерживает и укрепляет. Только поднимите этот якорь (если это вам удастся, чего мы не полагаем), и корабль наш понесется Бог весть куда: расшатается весь наш быт, и смутам, беспорядкам и потрясениям не будет конца.

Правительство более всех заинтересовано в удержании крестьянского общинного землевладения; ибо для него особенно дорого, и должно быть таковым, все то, что охраняет общественное спокойствие, общественный порядок и общественную незыблемость. Указывают на существование дворянства, как на необходимое условие благоустроенной и сильной монархии, и именуют дворянство надежнейшею опорою престола. Опыт последних восьмидесяти пяти лет уже, кажется, достаточно доказал всю неосновательность такого утверждения. В самой Англии, где существует дворянство по преимуществу, т. е. дворянство, сильное не геральдическими претензиями, не барскими затеями и не пустозвонными словоизвержениями, а своим земельным богатством, и там лорды перестали быть главною опорою королевского престола. У нас дворянство, издревле не существовавшее, введенное в наш быт по образцам немецким и французским и не пустившее никакого корня в России, само постоянно нуждается в подпорках для дальнейшего своего существования. Ни грамота Екатерины II, ни расширения прав дворянства, дарованные ее приемниками, не были в состоянии утвердить и скрепить русское дворянство и придать ему силу и значение. Оно само едва держится, как же ему служить чему-либо опорою! Надежнейшие опоры русского престола суть: общий дух русского народа, его приверженность к своим царям, его общее благосостояние и, в особенности, оземление крестьянства, как самого многочисленного и самого устойчивого состояния в государстве. В последнем отношении, общинное землевладение имеет самое важное значение, ибо ни в чем нет более консерватизма, т. е. охранительных стихий, как в этом, к счастью России, удержавшемся установлении. А потому правительство, более чем кто-либо, должно им дорожить и всячески его поддерживать*.

---

* То же высказывает и Лавеле: «Общинное землевладение есть вернейшее предохранительное средство против борьбы и усобицы между различными состояниями в государстве». (De la propriété etc., стр. 45.)

Но что же делать для поддержания общинного землевладения?

Ничего, — ровно ничего. Нужно только под него не подкапываться, разными временными и личными выгодами не побуждать людей к его уничтожению и, ни прямо, ни косвенно, не содействовать к его ослаблению, изменению и сокрушению. Общинное землевладение на Руси есть такое сильное, исполненное жизни и обычаям утвержденное учреждение, что оно живет само по себе, своею внутреннею сплюю и не нуждается ни в каких посторонних подержках и поощрениях. Оно это неопровержимо доказало тем, что удержалось во всей своей цельности и невредимости не только во время крепостного права помещиков на крестьян, но и в первые тринадцать лет самобытного существования крестьянства, не смотря на малое сочувствие к общинному землевладению со стороны многих мировых посредников, несмотря на еще меньшее к нему расположение высшей администрации несмотря, наконец, на то, что в первое время после прекращения крепостной зависимости, и само крестьянство могло считать этот способ землевладения принадлежностью горьких для него прежних порядков и стремиться к его уничтожению. Слава Богу, здравый смысл наших крестьян был сильнее первых их порывов пользования свободою и устойчивее нерешительных, как будто совестью сдержанных мер нашей администрации. Правительству стоит только не посягать на эту святыню нашего народного быта, не мешать ей самостоятельно развиваться, не мудрствовать лукаво и не стремиться к «замене, так называемого, права обычая правом, основанным на положительном законе», т. е. на произвольном и беспочвенном измышлении бюрократии*.

При этих условиях жизнь возьмет свое, общинное землевладение не замрет в существующих формах и будет постепенно развиваться, согласно требованиям народного быта, местных и временных обстоятельств; и правительству останется только пользоваться плодами этого истинно русского, до высшей степени охранительного, и вместе с тем несколько общему развитию не препятствующего учреждения.

---

* Почти тоже говорит Лавеле (*De la propriété etc.*, стр. 39): «Предоставьте общинному землевладению свободное развитие. Те обычаи, которые окажутся в нем стеснительными для дальнейшего усовершенствования, сами собою упразднятся. Грустно было бы видеть отмену такого учреждения, которое несколько улучшенное, могло бы быть спасением для наших новейших демократических учреждений».

НЕ СЛИШКОМ ЛИ ТЯЖЕЛЫ УСЛОВИЯ, УСТАНОВЛЕННЫЕ ДЛЯ ВЫХОДА КРЕСТЬЯН ИЗ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ?

Мы обещали (на стр. 17) рассмотреть вышеупомянутые условия. Здесь мы исполняем это обещание.

Условия для выхода крестьян из обществ изложены: в Общем Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (ст. 130–140), в Положении о выкупе (ст. 172–178), в местных Положениях и в немногих пояснительных и дополнительных постановлениях к упомянутым Положениям. Условия, заключающиеся в местных Положениях, должны были иметь силу только «в продолжении первых девяти лет со времени утверждения местных Положений»; но как содержащиеся в них постановления ничем не заменены, а между тем много крестьянских обществ остаются во временно-обязанных отношениях к собственникам земли, то некоторые из этих условий сохраняют, до известной степени и в известных местностях, свое, если и не юридическое, то по крайней мере — фактическое значение.

Главные условия, содержащиеся в Общем Положении, суть следующие:

1. Чтобы крестьянин, желающий получить увольнение из общества, отказавшись навсегда от участия в мирском наделе, сдал состоявшийся в его пользовании участок земли.

2. Чтобы на семействе увольняемого не было никаких казенных, земских и мирских недоимок, и чтобы, притом, подати были уплачены им по 1 января следующего года.

3. Чтобы на увольняемом крестьянине, если он пользуется наделом помещичьей земли, не числилось недоимок в повинностях, причитающихся за таковое пользование, и чтобы не было на него предъявлено волостному правлению бесспорных частных взысканий и обязательств.

4. Чтобы родители увольняемого были согласны на увольнение, и чтобы остающиеся в обществе, в семействе увольняемого крестьянина малолетние и другие лица, неспособные к работе, были обеспечены в своем содержании.

5. Чтобы к увольнению не было препятствия по отправлению рекрутской повинности.

6. Чтобы увольняемый не состоял под судом и следствием.

7. Чтобы увольняемый представил приемный приговор от того общества, куда он переходит, или удостоверение, что владеет, на праве личной собственности, участком земли, величиною не менее определенной на сей случай в местных Положениях. Такая величина для великороссийских губерний назначена: в местностях 1 и 2 полос — не менее двух душевых наделов высшего размера, а в местностях 3-й полосы — не менее двух душевых наделов указного размера.

В Положении о выкупе сказано:

8. Когда земля приобретена от Помещика целым сельским обществом, с пособием от Правительства, то отдельным членам этого общества дозволяется увольнение из оногo, по уплате половины капитального долга, причитающегoся по выкупной казенной ссуде, на участок, состоящий в пользовании увольняемого, буде мирское общество примет на себя ручательство за остальную половину уплаты. В таком случае, вышеозначенный взнос обращается на погашение соразмерной части выкупного долга, с уменьшением выкупных платежей общества, а полевой надел и усадебная земля увольняемого крестьянина поступают в распоряжение общества; усадебные же строения он может снести или продать на своз в шестимесячный срок, или уступить их тому члену мирского общества, которому передается упраздненный усадебный участок. Если из сельского общества, приобретшего свой надел, уволено до одной трети членов оногo, на означенном выше основании, и члены сии не заменяются другими, то дальнейшее увольнение членов общества, без предварительного взноса капитала, соответствующегo лежащей на них доле выкупной уплаты, не иначе может быть разрешено, как с утверждения губернского по крестьянским делам присутствия.

9. Из крестьянского общества, на котором числится недоимка по выкупным платежам или казенным податям, никто не может быть уволен без предварительного на то согласия губернского по крестьянским делам присутствия.

10. Каждый домохозяин, приобретший отдельный участок в личную собственность, с выдачею от правительства выкупной ссуды, может беспрепятственно выйти из общества во всякое время; но до погашения сей ссуды, он обязан предварительно продать приобре-

тенный участок другому лицу, с уплатою выкупных денег или с переводом на него долга.

Из местных Положений статьи, относящиеся до увольнения крестьян из сельских обществ и долженствовавшие иметь силу только «в продолжении первых девяти лет, со времени утверждения этих Положений», исполняются в различных местностях Империи весьма различно. Иными губернскими по крестьянским делам присутствиями, по обществам временно-обязанных крестьян, требуется, до сих пор, для увольнения их из обществ, согласие и помещика и общества; другими — такого согласия более не требуется.

Иные из этих присутствий удерживают в силе временные правила насчет взноса увольняемым в мирской капитал суммы, равной капитализированному оброку, следующему с увольняемого; другие Присутствия уже более не обращают внимания на эту статью. Одним словом, как еще немало крестьян остается во временнообязанных отношениях к помещикам, и как постановления, касающиеся этих отношений ничем заменены не были, то многие присутствия считают эти правила еще сохраняющими свою силу. Очевидно, что, по этому предмету, нужен только циркуляр, разъясняющий, что временно-обязанные крестьяне теперь, при увольнении их из обществ, не обязаны испрашивать согласие ни помещика, ни общества, если на последнем нет недоимок за прошедшее время, и если они возвращают свои участки обществу, которое буде не пожелает его за собою удержать, возвращает эту землю помещику. Это последнее обстоятельство не может затруднять ни общество, ни помещика, потому что земли малостоящие уже все представлены на выкуп, и крестьяне перестали быть временно-обязанными.

По рассмотрении условий, содержащихся в первых двух положениях, относительно увольнения крестьян из обществ, нельзя не признать что пункты 1, 2, 3 и 4 не могут подлежать изменению, ибо требования их безусловно справедливы и истекают из существа самого дела. Очевидно, что пункт 5-й, в настоящее время, не может быть препятствием к увольнению крестьян из общества; ибо, на основании устава о воинской повинности, уже не общества, по числу душ, становятся рекрутов, а всякий, какого бы состояния ни был, лично отбывает эту повинность. Точно так же пункт 6-й не должен задерживать увольнение крестьян из общества, потому что каждый подсудимый может быть, на основании Судебных Уставов

1864 года, или лично задержан, или отдан на поруки помимо общества, к которому он принадлежит.

Следовательно, особенного рассмотрения заслуживают только последние четыре пункта, нами вышеизложенные.

Самая существенная тягость, при увольнении крестьян из общества, заключается конечно в том, что за свою землю, поступившую на выкуп, они обязаны уплатить всю выкупную сумму или часть оной, и предоставить землю в пользу мира. Впрочем, и эта тягость не безусловно возлагается законом на увольняемого: он может, на основании 165 ст. Положения о выкупе, требовать выдела выкупленного им участка и его продать, кому пожелает. Суть тяжести этого условия заключается не в нем самом, а в том, что многие земли не стоят того, во что они были оценены при освобождении крестьян. Наши крестьяне, не только земледельцы, но даже и ремесленники, так высоко ценят участие в земельном наделе, что без крайности они от него никогда не отказываются: при временном уходе на сторонние заработки и при неимении в семье лиц, могущих обработать землю, они отдают ее в наем, ежегодно приплачивают, если нужно, за свой участок недостающие деньги в мир, но удерживают за собою землю. При желании же сдать свой участок окончательно, если цены на землю только подходящие, то всегда являются охотники ее принять. А потому теперь самая существенная, самая справедливая и самая неотложная обязанность правительства, как мы прежде сказали (стр. 32), есть переоценка земель, поступивших на выкуп и покрытие этих недочетов из общих государственных источников. Эта мера необходима во всех отношениях, а не для одного только облегчения крестьянам выхода из общества. Напротив того, она особенно нужна в видах удержания крестьян в обществе и предотвращения их окончательного разорения.

Странно, что у нас, в правительственных и даже литературных сферах, всего более хлопчут о том, о чем люди, до кого это прямо относится, всего менее помышляют. Очень немногие из крестьян желают выйти из своего общества; напротив того, многие весьма богатые крестьяне, имеющие в своем владении, на правах личной собственности, по 50, по 100 и более десятин, очень дорожат своим участием в общинной даче, не желают быть отрезанными ломтями, и вовсе не помышляют о выходе из общины. Те же немногие крестьяне, которые, по каким-либо особенным причинам, не желают

оставаться в сельском обществе, получают из него увольнение весьма легко: в хлебородных местностях, они ничего ни платят, ибо их участки с радостью принимаются другими крестьянами; а в местностях, где земли плохи и оценены дорого, увольняемые, большею частью богачи, желающие поступить в купечество, мало затрудняются уплатою следующих с них выкупных платежей. Мало людей выходит из обществ не потому, что этот выход обставлен затруднениями, а потому, что он не в обычае, и что всякий желает оставаться с своими и дорожит своею коренною оседлостью. Очень желательно, чтобы наши законодатели и их помощники, не говорю, менее читали иностранных книг и менее ездили по Европе; нет! пусть они их читают, как можно более, и пусть освежаются хотя там от безжизненности, формалистики и других принадлежностей бюрократизма; но весьма желательно также, чтобы они не чуждались своей страны, не воображали, что ее знают и что стоят, по образованию, выше ее; необходимо им ее узнавать (если это для них еще возможно), разъезжая по ней не в министерских вагонах и видя людей не на одних официальных приемах; необходимо также, чтобы, при составлении законодательных проектов, они обуздывали свою изобретательность и порывы своей учености, и поразили нас менее своею плодovitостью, чем соответственностью составляемых проектов действительным потребностям страны. Один закон, удобоисполнимый и дельный, много лучше десяти законов, хотя и «премудрых», но малопонятных и не вызванных настоящими народными нуждами. Если бы такое преобразование наших законодателей могло совершиться, то они перестали бы сокрушаться о существовании у нас общинного землевладения, против него ратовать и изыскивать способы к его отмене, а занялись бы они тем, что составляет действительные наши нужды; а их достаточно, и много более, чем мнимых наших потребностей.

Комиссия, Высочайше учрежденная для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, в журнале своего заседания 24 Марта 1873 года, постановила: «признать желательным, в видах расширения личной свободы крестьян в хозяйственной их деятельности, чтобы тем из них, которые не пожелали бы удержать за собою свои наделы, были облегчены условия выхода из состава общины, без выхода из общества. Облегчения эти желательны в следующих случаях: если крестьянин

приобретает в личную собственность или арендует землю, и если он имеет определенное занятие промышленное, ремесленное или иное, сопряженное с постоянною оседлостью вне общества или даже в черте его надела».

Все это, быть может, и «премудро», но мало понятно, вовсе не желательное и едва ли исполнимо.

Что значит, в числе условий для выхода из общины, приобретение земли в собственность, без определения *minimum*'а такого участка? Теперь законом эти *minimum*'ы определены и едва ли можно их признать преувеличенными и что-либо из них убавить. Во всяком случае, высказывая мысль, даже в разговоре, нужно ее несколько ограничить, сделать удобопонятною. Общие же места везде, и в особенности в постановлениях Комиссии, более чем неуместны.

Что значат слова: «арендовать землю»? То ли же, что ее нанимать, или под этим разумеются правильные аренды, имеющиеся в западной Европе и в наших западных и привисленских губерниях? — В первом случае, почти все наши крестьяне подойдут под это правило, ибо редкий из них не имеет наемной земли; а в последнем случае, предлагается то, что у нас, в великороссийских губерниях, почти никакого применения не имеет, ибо правильных аренд, и притом держимых крестьянами, почти не имеется.

Что значит «определенное занятие, промышленное, ремесленное или иное, сопряженное с постоянною оседлостью вне общества или даже в черте надела»? — У нас, в великороссийских губерниях, т. е. там, где может быть разговор об общине, очень многие крестьяне-ремесленники, или промышленники, или торговцы. Иные села занимают преимущественно плотничеством; другие — каменную работою; третьи — кузнечным делом; а сколько у нас сапожников, портных, бондарей, штукатуров и пр. У многих крестьян ветрянки, маслобойки, рушалки и проч. Не мало число крестьян, промышляющих скупом хлеба, скотины и проч. и перепродажею их на ярмарках и в городах. Неужели всех этих людей следует уволить из общины?

А потому, что значат все эти, комиссией заявленные, *pia desideria*¹⁷³ относительно облегчения крестьянам выхода из общины?

Уж не то ли, чтобы коли не мытьем, так катанием уничтожить нашу общину?

Да, велика беда, что у нас в администрации нет твердых, жизнью выработанных, положительных взглядов на вещи и таких же правил для ведения государственных дел. В других странах, особенно в Англии, бразды правления переходят из рук одной партии в руки другой: сменяются люди; но главные, коренные воззрения и правила Управления остаются одни и те же. Там и не в обычае принимать к исполнению приказания и решения, противные убеждениям, и проводить свои виды исподтишка, как будто в исполнение законных постановлений, а действительно — в подкуп под них и в их отмену. Там также не выработан канцелярский язык, который придавал бы словам иное, а не обычное значение, и не изобретен способ писания бумаг, по которому в начале говорится одно, а в конце — противное. У нас бюрократизм доведен до полного совершенства: о самом деле никто не заботится; лишь бы бумаги писались, соображения выставлялись и распоряжки не оскорбляли некоторых, в данную минуту, покровительствуемых воззрений и хотений. Чем более всматриваешься в ход и деяния нашей администрации, тем менее понимаешь, как благие намерения Царя могут так переиначиваться и так искажаться. И это тем удивительнее, что исполнители Его воли — вовсе не злонамеренные люди. Все наше горе в том, что и при составлении и исполнении законов, и при принятии мер распорядительных, громадно, страшно неведение страны и ее обитателей со стороны тех, для кого доподлинное их знание всего нужнее. Мало зла делается у нас из расположения к нему, но много очень много его совершается потому, что «не ведают бо, что творят».

О КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЕЙНЫХ РАЗДЕЛАХ

В № 273 С.-Петербургских Ведомостей 1874 года напечатано: «Административные ведомства, на обсуждение которых был, между прочим, передан вопрос о крестьянских разделах, присоединились к мнению, высказанному Высочайше учрежденною при министерстве государственных имуществ комиссией для исследования настоящего положения сельского хозяйства — о необходимости их ограничения. В таком смысле, по сведениям «Русского мира»¹⁷⁴, полагается полезным установление известных условий, обязательное исполнение которых хотя бы несколько противодействовало по-

стоянному размножению крестьянских хозяйств с одиночными работниками, очевидно несостоятельными не только в выполнении лежащих на них повинностей, но и к своему собственному содержанию и прокормлению. Приняв вследствие того в руководство, с некоторыми изменениями, те основания, которые положены в своде замечаний комиссии, предполагается ограничить крестьянские разделы изданием следующих правил:

а) чтобы раздел семейства допускаем был не иначе, как с согласия родителей или старших в семье;

б) чтобы за разделяющимся семейством не было недоимок ни по каким сборам и платежам;

в) чтобы имущество каждой части разделяющейся семьи соответствовало всем требованиям самостоятельного хозяйства, в норме, определенной законом; и

г) чтобы при возведении построек новых отделившихся дворов были с точностью соблюдаемы правила сельского и пожарного уставов».

Скажите: какой общий, настоящий смысл этих предлагаемых ограничений свободы крестьян по семейным разделам? Не хотим, не можем думать, чтобы комиссия и административные ведомства, о которых выше упомянуто, имели в виду насильственно удерживать в сожительстве семью, хотя бы в ней водворился и укоренился раздор, при котором семейная жизнь, как говорится, хуже каторги. Скорее полагаем, что эти бюрократические учреждения считают возможным, посредством законодательных мер, предупреждать, сдерживать возникновение несогласий в крестьянских семействах. Но возможно ли это? Насильственное удержание несогласных семейств в сожительстве возможно было при крепостном праве, когда помещик располагал людьми по своему усмотрению, и когда он был вправе им сказать: «если вы не хотите жить вместе, то я вас расцелю — одного в такую-то деревню, а другого — в такую-то»; или «помиритесь, а не то — буду вас пороть, пока вы не расцелуетесь». Такие порядки, существовавшие во время но, могли достигать и часто достигали цели; но принудительный меры к сожительству, в смягченном, так сказать, цивилизованном стиле, не могут иметь никакого действия. Посмотрим, что предполагает комиссия, обще с административными ведомствами, для достижения цели.

Во 1-х, они требуют согласие родителей или старших в семье, на всякий предполагаемый раздел. Да разве разделы у нас иначе и бывают? Но может ли отец, а после него мать, а по смерти обоих, старший брат или дядя удерживать в сожительстве сыновей, или братьев, или племянников, когда они вместе жить не пожелают? И нехотя, а всякий дает свое согласие, предпочитая даже нищету ежедневным, непрестанным ссорам, попрекам и браням. Если несогласие водворяется в семействе, то члены его перестают друг другу помогать, никто ничего не хочет делать, и дом неминуемо приходит в разорение. Следовательно, требуемое согласие всегда дается, и предлагаемое ограничение нисколько не может сократить число разделов.

Во 2-х, условием к допущению разделов, становится неимение, за делящимся двором, никаких недоимок по сборам и платежам. Эта мера возможна в отношении к утверждению разделов, и она по большей части приводится в исполнение сельскими сходами; но она нимало не удерживает самого совершения раздела: сход его не утверждает и не отводит новой усадьбы; но семейство тем не менее делится, другая изба становится на старой усадьбе, или, в одной и той же избе, но по разным углам, живут вновь образовавшиеся семейства. Случается и то, что семейство, для получения желаемого утверждения своего раздела, вносит недоимки из своих или занятых денег. Следовательно, эта мера действительна в отношении к утверждению разделов; но она вовсе бессильна в смысле их предупреждения.

В 3-х, предполагается постановить, чтобы имущество каждой части разделяющегося семейства соответствовало *всем требованиям* самостоятельного крестьянского хозяйства, *в норме, определенной законом*. — Это уже так «премудро», что и понять трудно. Много ли у нас, в деревнях, крестьянских хозяйств, которых достатки соответствовали бы *всем* требованиям самостоятельного крестьянского хозяйства? Да каким законом можно определить норму всего необходимого для такого хозяйства по различным местностям нашей пространной и до крайности разнообразной империи? В иных губерниях (в Московской, в части Рязанской, в части Тульской и в других полухлебородных и полупромышленных) одной лошади совершенно достаточно для самостоятельного крестьянского хозяйства; в других (в Тамбовской, Саратовской и прочих черноземных губер-

ниях) необходимо крестьянину иметь, по крайней мере, пару лошадей, чтобы успешно исполнять необходимые земледельческие работы; есть местности (Малороссия, Новороссийский край и другие), где нужны не лошади, а волы. Во многих селениях, где крестьяне живут очень достаточно, лошади и волы им вовсе не нужны: тут крестьяне промышляют или кузнечною, или плотничною, или иною работою, а поземельные их угодья служат им только для паствы скота и для огородных овощей, для которых гряды они вскапывают скрябкою. Определить необходимый для крестьянского хозяйства инвентарь, не говорю, для Империи, но для губернии, для целого уезда — более чем трудно: это невозможно. Такая задача, быть может, по силам бюрократии, вовсе не знающей нашего быта; но ни один земский человек не навалит на себя такого непосильного бремени. И эту норму хотят еще определить законом! Уже достаточно издано законов неудобоисполнимых, возбуждающих грусть или смех народа; воздержитесь от умножения их количества.

Четвертое и последнее требование — чтобы, при возведении построек новых отделившихся дворов, были *с точностью* соблюдаемы правила сельского и пожарного уставов. — Это требование очевидно заявлено так, — ради увеличения числа предлагаемых мер и для прикрытия его скудости. Правила сельского и пожарного уставов (конечно пересмотренных и, если можно, исправленных), должны соблюдаться и даже с точностью *всеми*, а не одними вновь возникающими семействами; а потому, к чему было ставить это требование в числе условий к допущению семейных разделов?

Из этого обзора и оценки административных предположений, очевидно, что даже бюрократия сознавала непосильность для нее возложенной задачи, что изобретательность ее оказалась в немощи, и что только не хватило у нее духа сознаться в своей несостоятельности по разрешению ей заданного вопроса.

Но возможно ли его разрешить?

Конечно, нет; а потому не следовало такого вопроса и предлагать.

Прискорбно не то, что комиссия и административные ведомства не придумали ни одной полезной и разумной меры к противодействию крестьянским семейным разделам, а то, что могли образовать комиссию для составления такого проекта, и что затем ни одно из административных ведомств, его обсуждавших, не было поражено несообразностью предложенной задачи. Что это пока-

зывает? Конечно то, что продолжают смотреть на крестьян, как на производителей хлеба, мяса и пр. и вовсе не как на людей. Крупные семейства для государства и для нас самих выгоднее, чем мелкие семейства. Если бы в дворянстве существовали многочленные семьи, то из них один член служил бы государству по гражданской части, другой — по военной, третий занимался бы управлением нераздельного имения, а четвертый мог бы посвятить себя торговле или другому выгодному делу. То же можно сказать о купечестве и о мещанстве. Почему же заботиться об одних крестьянах, и только на их быт, в видах общих выгод, налагать разные стеснения и ограничения? — Конечно, семейные разделы в крестьянстве, по особенностям его быта, более тяжело отзываются на его благосостоянии, чем такие же разделы в других сословиях; но нельзя насильственно, указом помочь этому горю. Возможно, не прямо, а косвенно, противодействовать наклонности к разъединению семейств и к образованию одиночных крестьянских хозяйств: так, при установлении налогов, при составлении правил по отбыванию воинской повинности и пр., могут быть допущены вообще некоторые льготы в пользу крупных, не разделившихся семейств. Других средств к сокращению семейных разделов нет; и никакие комиссии их придумать не могут.

Пора бы усвоить себе понятия, прямо истекающие из совершившегося освобождения крестьян, смотреть на них как на людей, как на существа нам подобные, и не задаваться измышлением мер к устройству их семейного быта. Конечно, в крестьянском житье-бытье есть особенности, которых теперь нельзя и не желательно отменять и подводить под общие законы; но еще менее возможно и желательно теперь создавать для крестьян новые, исключительные порядки. Люди всех состояний могут, по своему усмотрению, расходиться и составлять из одного семейства несколько отдельных; почему же одни крестьяне должны, в этом отношении, составлять исключение? Разве только потому, что они производят для людей то, что им всего нужнее, и что они не участвуют в законодательстве? Странное соображение, и оно не делает чести тем, которые им руководствуются. — Уж не политическая ли экономия виновна в таких антигуманных мнениях и стремлениях? Конечно, нет. Наука, здраво понятая, не низводит, а поднимает человека. Беда наша в том, что, уничтоживши крепостную зависимость в одном

отношении, мы удерживаем ее во всех остальных частях нашего быта, что мы не можем покинуть наши прежние ухватки и проникнуться иными, более здоровыми убеждениями, и что наша бюрократия одержима крепостническими похотями и законодательным зудом.

ОБЩАЯ ЗЕМСКАЯ ДУМА В РОССИИ

I. О САМОДЕРЖАВИИ

Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность: но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра.

И так правление к сему концу достигающее лучше прочих, и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно.

Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя.

Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовати благополучию подданных, как и самая вольность.

(Наказ Имп. Екатерины II, 1767 г. ст. 18, 14, 15 и 16)

Самодержавие, по мнению многих, однозначаше с деспотизмом. Это несправедливо. Деспотизм может быть и при самодержавии, и при конституционном правлении, и в республике. Деспотизм в управлении есть злоупотребление верховной власти, в видах личных или частных, или ради исполнения разных затей и причуд. Так на Востоке несомненно и постоянно господствует деспотизм; но он бывает и в конституционном государстве, когда более или менее ограниченное число избирателей из многочисленного населения, назначает его представителей; когда последние имеют в виду нужды и пользы не всего народа, а только того меньшинства, которое их избирает, или когда администрация, чрез подкуп деньгами, местами, разными обещаниями и другими соблазнительными средствами, обеспечивает себе большинство в палатах, и затем правит государством по своему усмотрению. Деспотизм, и даже жестокий, бывает и в республике, когда бразды правления захватываются немногими честолюбцами, властолюбцами или сребролюбцами, или когда одна какая-либо партия забирает власть в свои руки, не с целью общего блага, а для достижения своих частных целей.

Франция, в последние восемьдесят пять лет, представила нам образцы всех возможных деспотизмов, из которых иные своевольничали, грабили и казнили даже во имя свободы, равенства и братства. Но, и при самодержавии, может не быть деспотизма, что Россия по временам испытывала, и особенно в первое десятилетие нынешнего царствования.

Ошибочно думать, что какой-либо образ правления может неминуемо обеспечить гражданам свободу, безопасность, гласность, равенство перед законом и другие блага, возделенные и необходимые для человека. Самые либеральные монархические конституции и даже республиканские учреждения не всегда доставляют людям то, чего они желают, и не редко приводят их к тяжким деспотизмам. Конечно, некоторые образы правления представляют более вероятности к удовлетворительному достижению государственной цели, т. е. к обеспеченно гражданам свободы и благосостояния; но главное, самое важное — не в форме, а в сущности правления. А эта сущность не вносится, не вкладывается, не сочиняется, а должна исходить из самого народа, его жизни, его характера, его убеждений, его местных и временных обстоятельств и развиваться согласно совокупным их требованиям.

Конечно, совершеннейшею, идеальной формою правления есть республика, т. е. самоуправление в полном смысле этого слова. Но везде ли и во всякое ли время она возможна? Человечество вероятно к ней идет; в душе к ней оно стремится; но путь до нее долгий, заставленный разными, едва преодолимыми препятствиями, и требующий на его совершение — столетия. — Противоположностью республике есть самодержавная монархия. Прежде, в том или другом виде, она существовала везде; теперь же, из европейских христианских государств, она сохранилась только в России. Безусловно, осуждать самодержавие — нельзя. Оно, правда, возбуждает в людях скорее страх и поклонение, чем любовь и доверие, и внушает скорее покорность, чем преданность; но, при некоторых бытовых условиях оно необходимо и много соответственнее того, чем ищут его заменить. В новейшие времена, возник в Европе конституционализм, т. е. попытка согласования единодержавия с народовластием. Удачный опыт, в этом смысле, сделан в Англии: там место его рождения; там возник он сам собою, постепенно, из народных

нужд и согласно свойствам народного духа; а потому там развился он вполне естественно и доставил людям блага свободы, обеспеченности, самобытности и устойчивости. Не таковым оказался он, пересаженный на европейский материк: за исключением двух маленьких государств Голландии и Бельгии, где особенные обстоятельства помогли его водворению, во всех прочих странах, конституционализм далеко не доставил того, чего от него ожидали. Сочинены тут самые либеральные конституции; устроены по две палаты; избирательные права даны всем гражданам; гласность предоставлена и совещаниям, и суду, и печати; министры объявлены ответственными перед палатами. Казалось, все сделано для достижения желаемой цели; а между тем, настоящей свободы и гражданской обеспеченности на всем материке — мало; а общего благосостояния — еще меньше.

И все это от чего? От того, что ввести, учредить, создать какое-либо прочное, сильное, духу и потребностям народа соответствующее управление — трудно, почти невозможно. Оно должно исходить из прошлой и настоящей жизни народа, корениться в ней, ею питаться и удовлетворять ее нуждам — оно должно, так сказать, само собою народиться.

Не тот образ правления должен быть признан за лучший, который носит то или другое название, а тот, который всего сроднее народу и всего более дает ему возможности к проявлению его мнений, желаний и воли. Сочинять образ правления — безрассудно: лучший по компоновке, легко может оказаться худшим на деле. Пример Франции, в этом отношении, до высшей степени поучителен.

Для определения, какой образ правления и с какими учреждениями, должен быть, для известной страны и в данное время, признан лучшим, необходимо обратиться к ее истории и к изучению действительного ее положения.

Если, в этом отношении, мы ныне желаем получить удовлетворительный ответ касательно отечества нашего, то мы должны предложить себе следующие два вопроса:

Что являет нам русская история?

Что показывает нынешнее наше положение?

В древней русской истории, мы видим, что народ был не безгласен, имел веча и призывал, по приговорам, к себе князей; но

вместе с тем, он испытывал разные угнетения и много страдал от княжеских междоусобий. А князья, в эти времена, хотя и не были собственно самодержавны, хотя часто обращались к народу за помощью и не редко должны были исполнять его приговоры; однако они позволяли себе разные своевольные действия. Отличительною чертою этой эпохи было: совместное проявление разных народных вольностей и княжеских самоуправств. Это вполне естественно и понятно: ни народ, ни власть не были достаточно развиты, чтобы первому пользоваться надлежащею свободою, а последней овладеть всеми местными средствами. Впоследствии, при владычестве у нас Татар, а равно при стремлении великих князей, и в особенности московских, к водворению единодержавия в земле русской, власть княжеская все более и более усиливалась. А народ, страдая от татарского ига и княжеских междоусобиц, попускал расширение верховной власти, лишь бы освободиться от чужеземного владычества, спасти землю и церковь от гибели и прекратить брани и убийства между своими. При царях, бывали земские сборы; народ мог высказывать свои нужды и желания; но самодержавие росло, крепло и расширялось. Главными тому причинами были: некоторые удержавшиеся татарские порядки, водворившееся единодержавие и расширение границ земли русской. Установившееся при этом прикрепление крестьян к земле тяжело отозвалось на народном быте вообще. Царствование Петра I было временем страшнейшего деспотизма; крепостная зависимость была окончательно утверждена и распространена, до известной степени, на все состояния. Власть Петра особенно усилило то обстоятельство, что он явился на Руси в такое время, когда старые порядки отживали, и когда уже чувствовалась потребность в обновлении руководящих бытовых начал. Петр, с несколькими своими сподручниками посетив Европу, был очарован успехами и действиями тамошнего просвещения, решил приобщить свою страну к благам, им доставляемым, призвал оттуда много дельных и искусных людей, и тем соответствовал этой, смутно ощущавшейся тогда потребности обновления; это в особенности дало ему возможность беспощадно ломать старое, вводить новое и мало обращать внимания на действительные нужды и желания народа. Но долго такое положение продолжаться не могло. Из преемников его, Екатерина II премудро поняла источник силы и славы самодержавия, обратила особенное

внимание на народное благосостояние, и принимала разные меры к его поднятию и упрочению*

В последнее столетие, особенно увеличивало, расширяло и укрепляло самодержавную власть то, что она, по развитию, почти постоянно шла впереди не только народной массы, но и так называемого общества, или дворянства. Опережали эту власть только отдельные личности, отличавшиеся своими способностями и знаниями, и чувствовавшие в себе призвание быть будильщиками русской мысли и жизни. Это свойство нашей верховной власти — идти во главе поступательного движения страны, всего более содействовало к усилению самодержавия; что особенно глубоко было сознано Екатериною Великою и что утвердило ее славу и могущество в Европе и внутри государства. Признавая пользу и необходимость местного самоуправления вообще и в особенности для обширной и разнообразной русской империи, великая эта государыня даровала его городам, губерниям и уездам; и, считая дворянство передовым у нас сословием, она ожидала от него, в этом деле, существенного содействия. Она также созывала сперва в Москве, а потом в Петербурге, депутатов от разных сословий для составления проекта нового Уложения; а каковым, по ее предначертаниям, оно долженствовало быть, видно из данного ею этой комиссии Наказа. С целью развития самоуправления, Императоры Александр 1-й и Николай 1-й также расширили права дворянства по избранию членов полиции и суда. Еще Екатерина 2-я признавала необходимость уничтожения крепостной зависимости крестьян и дворовых людей; но она не считала этого преобразования своевременным; преемники же ее Александр 1-й и Николай 1-й, разделяя те же убеждения, хотя и не решались приступить к коренной по этому предмету реформе, однако принимали разные к тому подготовительные меры. Но дворянство мало содействовало правительству по мест-

---

* Нельзя без особенного сочувствия и удивления читать следующую статью Наказа великой Государыни: «Все сие не может понравиться ласкателям, которые по вся дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однако ж Мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что Мы сотворены для Нашего народа и по сей причине Мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив и, следовательно, больше процветающ на земле, намерение законов наших было бы не исполнено: несчастье, до которого Я дожить не желаю!» (Наказ Имп. Екатерины II ст. 520).

ному самоуправлению и еще менее сочувствовало ему по прекращению крепостного права на людей. Когда, в нынешнее царствование, заявлено было, с высоты престола, намерение приступить к их освобождению, то одни передовые люди с сочувствием отнеслись к этому заявлению; а образованные по выборам дворянства губернские комитеты доказали, как большинство его слабо разделяло благие виды правительства. И земские учреждения, и судебная реформа, и другие либеральные, истинно полезные преобразования, совершенные в нынешнее царствование, были приняты, но вовсе не вызваны нашим образованным обществом; они прямо исходили из царской воли, и отнюдь не были уступками общественному мнению. Мы глубоко убеждены, что освобождение крепостных людей и прочие преобразования совершились, притом с таким успехом и быстротою, только по милости самодержавия*, и что они, в свою очередь, существенно содействовали к придаче ему большей силы и крепости.

Замечательно, что, на Руси, всего более усиливали верховную власть реформы, произведенные ею в видах предоставления народу больших прав, и что в эти времена самодержавие было особенно могущественно. Впрочем, это вполне понятно: источником державной силы есть народ; чем он живет и более доволен, тем и источник богаче и производительнее. Внимательно всматриваясь в нашу историю, нельзя не быть пораженным тем, что у нас не было борьбы, как на Западе, ни между верховною властью и народом, ни между его различными состояниями; что никакой его отдел не имел никогда преобладающего значения; и что народная сила проявлялась не иначе как исходящею из совокупности всех состояний. Так, в 1612 и 1812 годах, совершены великие дела не тем или другим состоянием, а цельностью народа русского. Так и при великих реформах нынешнего царствования, содействие правительству оказано не городами, не сельским на-

---

* Если бы нужно было доказывать, до какой степени дворянство, как сословие, хотя и именующееся передовым, мало сочувствовало освобождению крепостных людей, то неопровержимыми тому доводами могли бы служить проекты, составленные, по этому предмету, в 1858 и 1859 годах, губернскими дворянскими комитетами и, сверх того, проект о всесословной волости, сочиненный не отдельным каким-либо лицом и не в каком-либо захолустье, а комиссиею, избранною целым дворянством Петербургской губернии. И последнее совершилось не до освобождения крестьян и не тотчас после него, а через 14 лет после этого великого преобразования — в 1875 году! Это, конечно, невероятно, но, к прискорбию, верно.

селением, не дворянством в отдельности, а вообще всеми слоями народа и некоторыми личностями, но не как членами какого-либо сословия, а как гражданами вообще. Неоцененное достоинство русского человека, залог его великой будущности, заключается в его способности единиться, действовать миром, забывая себя и имея в виду, часто даже бессознательно, одно дело общее. Этим только и объясняется великое совершившееся дело — громадная, своеобразная империя, установившаяся на границах Европы и Азии; в совершении этого дела участвовали только два могучие самостоятельные деятеля — верховная власть и народ; а дружины, боярщина, сословия, бунты, заговоры, тайные общества и пр. проявлялись на русской почве как бы только для того, чтобы показать свое бессилие и несокрушимую мощь державной власти, опирающейся на народ вообще.

В ответ на второй, нами поставленный вопрос, мы должны сказать, что и в настоящем видим мы те же две главные действующие силы: верховную власть и народ. — Первая стоит теперь тверже, крепче и выше, чем когда-либо стояла. Основания ее значительно расширились чрез вступление ее в прямые сношения с несколькими десятками миллионов людей, бывших прежде в полной зависимости от помещиков, а ныне пользующихся гражданскими правами. Действия верховной власти конечно еще не так свободны и не так производительны, как бы они могли быть; причинами тому, что она еще не имеет всех средств знать настоящие потребности страны и пользоваться всеми, ею представляемыми пособиями; и что между властью и народом стоит стеною бюрократия. Но чрез введенные земские учреждения, установленный гласный суд, и прорывающиеся от времени до времени отзывы гласности, верховная власть уже кое-что узнает о действительном положении страны и хотя сколько-нибудь может обуздывать своеволие своих агентов. — Народ, в лице всеобщего земства, крепнет и все более и более вступает в права, ему предоставленные*.

---

* Естественно, что крепостники и их органы тешатся поголовным осуждением земских учреждений, с радостью обобщают единичные их промахи и упущения, и не хотят видеть и оценивать добрые их действия, совершенные в течение первого десятилетия их существования. Но особенно тяжело видеть и слушать людей, выдающих себя за друзей и ревнителей земских учреждений, и превосходящих их явных врагов в осуждении и оклеветании земства. Грустно читать в таком благонамеренном повременном издании, как «Голос», хотя и в отдельном

Нельзя при этом не заметить, что по мере развития земства, олицетворяющего совокупность народа, сословия все более и более утрачивают у нас свое значение и все менее и менее имеют возможности отдельно служить правительству опорой при ведении государственных дел. Дворянство, даже в те времена, когда оно было на Руси единственным, правами снабженным сословием, и когда, под влиянием Монтескье, правительство считало необходимым устроить в государстве аристократа, не сумело или не могло воспользоваться благоприятными для него обстоятельствами и сделаться господствующим сословием; теперь же, при все более и более утверждающейся, как в Европе, так и в России, всесословности или бессословности, дворянство, конечно, уже не может разумно домогаться какой-либо привилегированности. Впрочем, в этом мы нимало его не виним: всякие его, в этом смысле, попытки противоречили бы духу народному, остались бы безуспешными, и послужили бы только к большему отчуждению его от русского народа вообще. — Крестьянство, возвращенное к пользованию гражданскими правами, избирающее свои ближайшие начальства и своих ближайших судей, участвующее в земском самоуправлении и в общем суде, и обучаемое грамоте — хотя ожило и начинает чувствовать свою человечность и самобытность; однако оно еще не в состоянии надлежащим образом справиться с дарованными ему правами, а тем еще менее оказать действительное пособие правительству по общему управлению. Что касается до купечества, то, в денежном отношении оно имеет несомненное значение; но, по малому своему развитию и по ограниченности своих воззрений, оно никак не может приобрести веский голос в делах государственных. В городах оно располагает значительным большинством голосов; но и тут оно не может справиться с местным самоуправлением. — О мещанстве и о духовенстве, уже переставшем быть сосло-

---

прибавлении, статью г. Леонарда: Правда о земстве. Он недоволен, быть может и справедливо, своим бессарабским земством; на него и следовало ему нападать; но обобщать свои порицания и обвинения — не позволительно, «правда» превращается в чистую ложь. К тому же, г. Леонард наваливает на земство задачи, вовсе ему не свойственные: надо помнить, что ему поручено самоуправление в хозяйственном отношении, а вовсе не хозяйничание в собственном смысле, которое остается за лицами и не должно переходить в ведение никакого, даже земского управления. — Жаль, что «Голос», печатая эту статью, не отклонил от себя всякой ответственности за высказанные в ней мнения: многие могли подумать, что редакция разделяет эти убеждения.

вием, — нечего и говорить как о политических деятелях. — Следовательно, ни одно из существующих у нас сословий не является исключительным обладателем и представителем народной силы; они получают ее только в совокупности, и только в той мере, в какой они упраздняют себя в отдельности и сливаются в единый русский народ. А потому, как мы прежде сказали, у нас имеются только две действительные государственные силы: верховная власть и народ в полном смысле этого слова, т. е. как единство всех состояний, осуществляемое в нашем бессословном земстве. Только на этих двух силах и на их согласии и единстве, может основываться на Руси твердое и сильное правительство.

Очевидно, что, при существующих обстоятельствах, нельзя и думать об устройстве у нас того идеального правления, о котором мы выше упоминали; но не следует ли нам попытаться, по примеру западной Европы, на поприще конституционализма.

Конституционализм есть такое государственное устройство, при котором верховная власть, по основным законам, принадлежит государю обще с палатами. Конституционализм непременно предполагает в государстве три силы: демократическую, аристократическую и монархическую. Первая вообще малоимущая, малоправная, хотя и весьма многочисленная, алчет перемен и приобретений; а потому она побуждает управление на разные нововведения. Вторая сила, вообще обладающая землею, разными богатствами и властью, и дорожающая удержанием их за собою, старается по возможности охранять все существующее и задерживать стремление к преобразованиям. Наконец, последняя сила, т. е. монархическая, имеет обязанностью умерять, умиротворять, согласовать предыдущих двух деятелей, утверждать и приводить в исполнение законоположения и принимать нужные административные меры. При этом, важнейшее условие для успешного действия этих сил, содержится в надлежащем их уравновешении и в предоставлении каждой из них нужной и соразмерной доли власти. Следовательно, конституционализм непременно требует разные силы и некоторое соревнование или борьбу между ними. Так в Англии, отечестве конституционализма, верхняя и нижняя палаты являются представителями двух сил: аристократической и демократической, т. е. по преимуществу крупного землевладения и городов; и, в завершение государственного устройства, имеется власть короны, некогда сильно боровшаяся, а ныне только посред-

ствующая между двумя, по существу своему, враждующими силами, и освящающая своим утверждением их соглашения. Вся деятельность парламента и королевской власти, носит на себе отпечаток этой борьбы и этих мировых сделок. Прежде в Англии всемогуща была власть королевская; потом взяла над нею верх аристократия; теперь демократия все более и более завоевывает себе прав, и аристократия держится только тем, что охранительные начала там вообще весьма сильны, и что она весьма разумно и благовременно делает уступки непрестанно усиливающемуся и имеющему еще более усилиться демократизму. В остальной Европе, за исключением, как мы выше сказали, Голландии и Бельгии, конституционализм стоит на зыбкой почве. Правда, идет там борьба и даже ожесточенная между отжившею аристократиею, утрачивающим свое значение средним сословием, и возникающим четвертым состоянием, или вернее выразиться, остальным народом, которому хотя и предоставляются права, однако по большей части не обеспечивается ни приюта, ни куска хлеба; но такая борьба для конституционализма вовсе непригодна. Для него требуется состязание двух, почти равных сил, и при том таких, из которых одна отстаивала бы то, что существует, а не искала бы воскресить умершее; другая же разумно и законно двигала бы вперед местное и государственное управление. Но таких-то сил там ныне и не имеется: одна, коснея в стародавних понятиях и не признавая требований обновленной жизни, тем сама себя хоронит; а другая, справедливо желая улучшения своего быта, предъявляет требования непомерные, безрассудные, поддерживает их даже насильями, грозит все вверх дном поставить и тем почти уничтожает свое значение. Таким образом эти обе силы сами себя упраздняют. Сверх того, для конституционализма необходима монархическая власть, уважаемая и довольно прочная. К сожалению, на всем западном материке, она утратила свою чарующую способность, почти всякую действительную силу, и если по временам она оживает, то вскоре опять слабеет и даже исчезает. Эта власть уже имеет значение не сама по себе, а только по особенным свойствам лиц, ею облеченных. Такая почва вовсе не благоприятна для конституционализма и может быть производительною только по статье смут, беспорядков и революций. Чем все это кончится — неизвестно; но положительно можно сказать, что конституционализм, тесно сросшийся со всем бытом Англии и великолепно там действующий, не пустит глубоких корней на нашем материке.

В России конституционализм безусловно невозможен. Для него тут нет никаких элементов: нет ни разнородных сил, ни, следовательно, возможности какой-либо борьбы и какого-либо уравнивания. Дворянство наше существует только как название; среднего сословия просвещенного и самостоятельного — нет; крестьяне и мелкие горожане, по неразвитости и расселенности, не составляют силы, могущей действовать отдельно. У нас, как мы выше сказали, могуча верховная власть, опирающаяся на народ; и могуч народ, ей доверяющий и ей преданный. Следовательно, конституционализм у нас даже немыслим. Только несколько молодых людей, вполне благонамеренных, но воспитанных на французских идеях и плохо знавших Россию, могли сочинять для нее конституцию, посылать ее на просмотр Бенджамена Константа¹⁷⁵ и жертвовать собою для обеспечения своему отечеству благ конституционного порядка. Только несколько дворян, мечтавших быть пэрами или лордами или, пожалуй, боярами, могли, после освобождения крестьян, думать о введении у нас конституционного образа правления и говорить об исходатайствовании его у верховной власти. Нет! конституции, во 1-х, завоевываются, а не даром получают; они должны исходить из народа, а не падать с неба; а, во 2-х, они требуют разнообразия действительных, а не мнимых сил. Ничего такого у нас нет, и даже нет к тому никаких задатков. Было вздумали русские сановники и вельможи возвести на императорский престол Курляндскую герцогиню¹⁷⁶, с условием ограничения самодержавной власти. Анна Иоанновна на все согласилась; но вступив на престол, она тотчас уничтожила подписанную ею грамоту и стала самодержавно править государством. Если бы, с чьей-либо стороны, повторилась теперь подобная же попытка, то последствие было бы одинаковое: венценосец, связанный какими-либо внешними условиями, во всякое время мог бы уничтожить их, к великой радости народа и при громких его рукоплесканиях; особенно если бы он повторил слова императрицы Анны Иоанновны, что устраняет ограничения особенно потому, что они препятствуют государю радеть о пользах народа и в особенности низших его классов. Скажем более: если бы сам государь захотел теперь дать России конституцию, вроде тех, которые существуют в Европе, то что из этого бы вышло? Непременно учредили бы верхнюю палату или сенат, которого члены назначались бы верховною властью; эти сенаторы или бояре набирались бы непременно из людей, поседевших на государственной службе и, следовательно, прошедших всю школу угодливости, и из богачей действительных или

мнимых, векующих в Петербурге, и потому эта палата была бы послушным орудием в руках правительства; в нижнюю палату вероятно были бы избраны земские люди, дельные и устойчивые; непременно возникли бы пререкания между этими палатами, вооруженными правом решительного голоса; соглашения между ними были бы крайне затруднительны или почти невозможны, ибо одна представляла бы администрацию, и притом если и не нынешнюю, то весьма на нее похожую; другая же, избранная народом, заботилась бы о действительных его нуждах; течение дел чрез то крайне бы замедлилось или и вовсе остановилось; и верховная власть, признав нас недостаточно развитыми и еще не могущими пользоваться правами, которые она желала нам даровать, вынуждена была бы распустить палаты и более их не собирать; одним словом, повторилось бы нечто вроде того, что случилось с знаменитою Екатерининскою комиссиею*.

Таким образом, новая ложь легла бы на толстый слой старых неправд, и последняя беда была бы горше прежних.

Не осуществим у нас конституционализм в западно-европейском смысле; но не возможен ли иной, в русском духе измененный, т. е. монархия, разделяющая верховную власть с одною или двумя палатами, представляющими не две силы, которых у нас нет, т. е. аристократической и демократической, а одну народную силу? Но такая монархия, вооруженная только правом veto, и имеющая перед собою народных представителей, пользующихся решительным голосом, не была ли бы монархией только по имени, а в действительности республикою? Вся власть, очевидно, была бы в руках этой палаты или этих палат, хотя бы в одной из них часть членов назначалась даже верховною властью. При этом последнем устройстве, вышло бы одно из двух: или между палатами были бы непрестанные и нескончаемые столкновения и пререкания, или палата непосредственных народных представителей взяла бы решитель-

---

* Эта комиссия, по составу своему, была очень хороша: в ней заседали выборные от всех свободных состояний в государстве; но ей задано было дело непосильное: начертание (а не рассмотрение и не обсуждение) проекта нового Уложения. И сверх того, установлен был странный порядок делопроизводства: читали там очень много; говорили довольно мало; но собственно прений не было никаких. Следовательно, комиссия не исполнила своей задачи не по вине ее членов, а по обстоятельствам, вовсе от нее не зависевшим. — Ведь так легко всякое собрание обессилить, нравственно уничтожить; стоит только или указать ей цель недостижимую, или ввести в порядок ее делопроизводства одно или два неуместные правила; а между тем в обычае, особенно у нас, винить не тех, по милости кого дело не могло идти, а тех, которые не исполнили невозможного.

ный верх над другою палатою, которая превратилась бы в камеру пэров при Людвиге Филиппе, т. е. в призрачное, а не действительное учреждение. При утверждении за такой палатою или за такими палатами решительного голоса, монарх превратился бы в наследственного президента республики. Это положение, быть может, оказалось бы удовлетворительным и для монарха, освободившегося от страшной ныне на нем лежащей ответственности, и для народа, обеспеченного от самодержавных капризов, могущих не ныне, так завтра проявиться; быть может такой образ правления, когда-нибудь и установится в России; но это время придет не скоро, а теперь, и даже в близкой будущности, он совершенно невозможен. Для осуществления такого порядка на деле необходимо значительное и притом общее развитие умов, характеров, гражданских добродетелей и пр. Не нам, едва выходящим из крепостной зависимости, мечтать о том, что едва достигается в мире немногими народами, извековавшими на поле свободы и ради нее много потрудившимися. Теперь стремиться нам к этому — значило бы предпринимать на челноке кругосветное путешествие или хотеть руками достать луну.

При таких обстоятельствах и при ощущаемой почти всеми крайней тяжести нынешнего нашего положения, что остается нам делать? Конечно, не пускаться в океан мечтательных попыток, твердо стоять на действительной, под нами находящейся почве, крепко и искренно держаться существующего у нас самодержавия, и только озаботиться предоставлением ему возможности действовать сознательно, свободно и устойчиво. Что такое самодержавие? Оно вовсе не есть для государя право и возможность делать то, что ему придет в голову, исполнять всякие затеи и чуждаться всякого влияния извне. Нет, человек особенно свободен тогда, когда он побеждает свои влечение и желание, не боится выслушивать речи и советы других и исполняет даже чуждую волю, в разумности и пользе которой он убеждается. Самодержавие в венценосце есть то же, что в каждом человеке — право действовать по своему выбору, который должен совершаться по указаниям разума и совести. Но одно обстоятельство значительно усложняет и затрудняет положение государя. Человек, распоряжаясь своими делами, несет сам ответственность за свои ошибочные или легкомысленные действия; таковые же решение и распоряжение венценосца ложатся тяжким бременем на других — на его подданных. Следовательно, если сознательно и разумно действовать есть обязанность каждого человека и прямая его в том выгода, то для государя эта обязанность несравненно неотклоннее и выгода несравненно значительнее.

Самодержец, какими бы способностями ни обладал и какие бы труды на себя ни возлагал, не может ни всего знать, ни всего придумать, ни всего сделать. Он необходимо должен *через других* узнавать, придумывать и действовать. Он не в состоянии, в просторном и многонаселенном государстве знать лучших людей, т. е. тех, которым следовало бы быть во главе управления. Он узнает людей случайно и поверхностно, т. е. только тех, которые попадаются ему на глаза, и только так, как им выгодно себя ему показать. Может ли он при этом иметь надлежащее понятие о своих подданных, питать к ним надлежащее уважение и избирать из них способнейших? Самодержец находится в невозможности знать сам собою не только все местности, их нужды и желание, но и одну какую-либо местность так, как она действительно есть; все что он узнает, доходит до него смутно, не верно, путем официальных рапортов или односторонних доносов или отрывочных, случайных извещений и заявлений не свободной, а произвольно и часто безрассудно стесненной гласности; и даже из этих извещений и заявлений доходит до самодержца только то, что и как его приближенным угодно ему показать. В состоянии ли он, при таком порядке вещей, что-либо знать верно, многосторонне, доподлинно? — Но чтобы вести дела, мало еще их знать, необходимо соображать разные к ним относящиеся обстоятельства, подвергать их многостороннему обсуждению, придумывать лучший исход для каждого дела, и уже затем приступать к окончательному его решению. Очевидно, что такой труд не под силу не только самодержцу, но и совокупности людей, его окружающих, векующих на одном месте, незнакомых с действительным ходом дел — людей, заваленных кипами писанных и печатных бумаг и едва успевающих подписывать и от себя сталкивать дела неотложные. Могут ли они вникать в их сущность? В состоянии ли они принимать в соображение потребности и желание местностей, известных им только по имени? Доступно ли для таких людей принятие мер простых, прямых, из самого дела истекающих? Могут ли они быть для самодержца полезными помощниками, докладчиками, советниками и исполнителями?

Самодержавие, как и всякое правительство, чтобы быть сильным, плодотворным и всеми уважаемым, должно иметь сколь возможно верные, обстоятельные и живые сведения о всех частях управляемого им государства, и должно сосредоточивать в себе лучших людей страны.

Для достижения первого требования недостаточны никакие собираемые статистические сведения, никакие, даже самые добросовест-

ные донесения официальных лиц: статистика не может обхватывать все стороны народной жизни; а правительственные агенты, по своему положению, все видят с одной только стороны и от них ускользает то, что для законодателя и для высшей администрации всего важнее — сущность народного быта. Указанная цель может быть достигнута только чрез представителей каждой местности, входящей в состав государства; и это тем необходимее, чем государство обширнее и разнообразнее. Ничто не может заменить этих представителей, ибо только они в состоянии, по каждому делу, возникающему и подлежащему решению, сообщать надлежащие сведения, высказывать и защищать живые мнения местностей и указывать на вероятные действия принимаемых мер. Эти лица не могут быть назначаемы правительством, ибо оно не знает лучших людей каждой местности, и такими представителями не должны считаться люди, избранные для другого дела, а не с целью высказывать мнение, делать правительству предложения, их разъяснять и защищать. Настоящие представители должны быть избираемы своими местностями *ad hoc*¹⁷⁷, т. е. собственно для выражения общественного мнения своих местностей. Притом они должны бы собираться не случайно, не при замкнутых дверях и не по каким-либо отдельным вопросам; а постоянно, под контролем гласности, по всем законодательным вопросам и по некоторым особенно важным общим административным делам*.

---

* В нынешнем году, правительство вызвало в Петербург *некоторых* председателей губернских управ, *некоторых* губернских предводителей дворянства, *некоторых* городских голов и *некоторых* промышленников, для рассмотрения и обсуждения проектов о найме рабочих и прислуги. Признаться, не многого мы ожидаем от этого вызова. Не понимаем, чем руководствовалось правительство при вызове одних и не вызове других земских, дворянских и городских избранников. Не понимаем также, как могло оно считать представителями общественного мнения людей, избранных совершенно для другого дела. К тому же известно, что в первое время, гласные или депутаты не скоро между собою знакомятся, стараются узнавать не только дело, которым они должны заниматься, но и воззрение на него своих товарищей и правительственных агентов, и обыкновенно тратят много времени на первоначальные объяснения и прения; а потому вовсе не удивительно, если созданные председатели управ, губернские предводители и прочие излюбленные администрацией люди, в двухмесячные свои заседания мало содействовали к улучшению предложенных на их рассмотрение проектов. Сверх того, как будто в вящее обеспечение малоуспешности их работ, какой-то странною тайною прикрыты были все совещания этой комиссии. Из газет мы узнавали только, что она усердно собиралась и что такие-то номера статей ею рассмотрены; все же остальное тщательно скрывалось от гласности.

Вторая нами указанная цель, т. е. сосредоточение в составе правительства лучших людей страны, достигнется сама собою, если только будут созваны народные представители. Теперь беспрестанно слышим на Руси жалобы на недостаток людей; и действительно их как будто очень мало. Чем менее будут давать им возможности выказываться и образовываться, и чем тщательнее будут устранять людей самостоятельных, тем конечно число настоящих деятелей будет сокращаться. Чем теснее круг лиц, из которых назначаются высшие сановники, тем выбор их затруднительнее и неудовлетворительнее. Если бы верховная власть решилась созвать представителей земли русской, не исключая и окраин, то, нет сомнения, что и народ постарался бы избрать в это звание лучших своих людей; и тогда, конечно, оказалось бы, что в людях нет недостатка. Тут, в общей думе, эти люди не замедлили бы заявить свои способности и словом и делом; и верховной власти предстоял бы лишь труд выбора.

Но через такой созыв не ограничатся ли права самодержавия?

Предлагая этот созыв или учреждение общей земской думы, мы вовсе не имеем в виду ни английского парламента, ни иных конституционных палат. Мы желаем только, чтобы правительство не грешило *по неведению*, чтобы верховная власть была свободна в выборе высших сановников, и не вынуждена их брать из числа людей, которые случайно ей сделались известными; чтобы она могла сознательно решаться по делам, ее ведению подлежащим; и чтобы народ имел возможность, законным путем, высказывать свое мнение по общим делам, приносить жалобы на испытываемые им стеснение и угнетение, и представлять свои ходатайства, т. е. чтобы России вообще даны были права вроде тех, которые уже дарованы уездным и губернским земствам, или чтобы был учрежден земский совет вроде ныне существующего государственного совета, который высказывает только свои мнения, не имеющие сами по себе никакой обязательной силы и получающие ее только по высочайшем их утверждении. Мы вовсе не хотим, чтобы этой общей думе было предоставлено право отказывать правительству во взимании налогов и сборов или отдавать министров под суд. Но мы думаем, что было бы весьма полезно и для самодержавия и для народа, если бы все проекты законов непременно подвергались предварительному обсуждению в собрании народных представителей, ибо тогда первому не приходилось бы утверждать законы неудобноисполнимые, а последнему искать от них спасение только

в их неисполнении; если бы государственные сметы доходам и расходам и отчеты государственного контроля проходили предварительно чрез думские комиссии, были там обстоятельно рассматриваемы, и с заключениями думы представляемы на высочайшее утверждение. Все это нимало не ограничило бы прав самодержавия; напротив того, местные и общие сведения, которые были бы сообщены народными представителями; многостороннее и гласное обсуждение предполагаемых законоположений и правительственных мер; и близкие, прямые отношения, которые установились бы между народом и верховною властью, значительно бы ее расширили, усилили и утвердили как внутри государства, так и в ее сношениях с другими державами.

Пострадает, уменьшится, ограничится власть только бесчисленного множества мелких самодержцев самозванцев, которых преисполнена Россия, в лице станowych приставов, исправников, губернаторов, столоначальников, начальников отделений, директоров и пр. пр. пр. От этого не проиграет, а много выиграет самодержавие; ибо ничто так его не ослабляет, не роняет и так ему не вредит, как своеволие, самодурство его агентов. Чем ниже спускаемся по иерархической лестнице, тем более встречаем деспотических выходов, прикрываемых обязанностью или исполнением каких-то конфиденциальных предписаний начальства или поддержания достоинства власти. К несчастью, с этими-то слугами и охранителями самодержавия приходится народу иметь всего более и всего чаще дело; а потому и не мудрено, что глубоко преданный своему государю, он не питает ни любви, ни уважения к правительству вообще, и не считает грехом его обманывать, от него укрываться и не исполнять его приказаний. Можно положительно сказать, что не только дума, нами предполагаемая, но и никакой парламент так не ограничит верховной власти, как ее стесняют и подтачивают издаваемые неудобноисполнимые законы и самоуправство огромного большинства чиновников.

Не понимаем, почему самодержавию в особенности считают необходимым придавать свойство «неограниченности?» Это свойство неотъемлемо принадлежит всякому правительству; ибо, в чрезвычайных случаях как в республиках бывают диктатуры, так и в конституционных государствах приостанавливается обычное действие законов. Но и в самодержавных монархиях, в обыкновенные времена, должны действовать законы и немислимо господство сверхзаконного произвола или отсутствия постоянных законов. Такие порядки, правда, существу-

ют на востоке; но о тамошних деспотизмах нечего и говорить: они почти не могут называться правительствами; смуты, неустройства и бессилие составляют необходимые принадлежности их быта, и окончательное их исчезновение с лица земли есть, в будущем, неперемный их удел. Вообще же, в мире разумном, легче понять неограниченную республику, хотя, конечно, не желательно жить в таковой, чем неограниченную монархию. В первой властвуют все; следовательно, и в силах и в способностях недостатка нет; но может тут быть большой недостаток в порядке и согласии, т. е. анархия; в монархии же предержателем, источником власти — один. Этот один есть человек; следовательно, ограниченность в умственном, нравственном и физическом отношении есть удел его, как и всех прочих смертных. В своих частных делах, мы часто ошибаемся по неведению и несоображению всех к ним относящихся обстоятельств, и по слабости нашей единичной воли и деятельности; как же предполагать в одном человеке, как бы щедро он ни был одарен от природы, способность и возможность удовлетворительного им ведения общих дел значительного государства?

Что же люди хотят выразить, присоединяя к самодержавию прилагательное «неограниченное». Вероятно то, что оно может *делать все, что хочет*. Но как нельзя предполагать в нем отсутствие ни разума, ни желания содействовать по возможности ко благу страны, им управляемой, то вышеупомянутое понятие о самодержавии должно быть выражено так: оно может делать все, что *разумно* хочет для *блага своей страны*. — Неужели кто-либо решится приписывать уму самодержца всеведение и непогрешимость, а его воле — возможность всегда и везде проявлять свое изволение? Очевидно, что самодержцу необходимо устанавливать общие правила для ведения дел и уполномочивать других на исполнение этих, им утвержденных правил, а равно и на принятие некоторых мер, не подлежащих законодательному действию. Самодержец действует свободнее и самостоятельнее тогда ли, когда он назначает своих уполномоченных из сотен людей, почему-то сделавшихся ему известными; когда он дает им наказания, ими же составленные и ими же, только в ином помещении, при замкнутых дверях, одобренные; и когда эти от него доверенные лица действуют почти бесконтрольно, по безгласию жителей, по обширности государства и по бумажности делопроизводства; или тогда, когда, для заведывания тою или другою частью или местностью, самодержец назначает сановников из нескольких тысяч людей, выдвинутых об-

щественным мнением, когда правила действия, как для управляющих, так и для управляемых, т. е. когда законы составляются при всеобщей гласности, с помощью и тех и других, и восходят на высочайшее утверждение уже всесторонне рассмотренные и обсужденные, и когда исполнители этих законов действуют не под случайным и отрывочным надзором власти, а под постоянным наблюдением общественного мнения, прямо заинтересованного в общем благосостоянии? Нет сомнений, что в последнем случае самодержец действует несравненно свободнее и самостоятельнее, чем в первом.

Отчего же видимая, кажущаяся неограниченность власти, в глазах многих, предпочтительнее, вожделеннее действительной ее свободы и самостоятельности? От того, во 1-х, что девять десятых, если не больше, судят о вещах по внешности, а не по их сущности; во 2-х, что в русских имеется страшное и грустное пристрастие к разгулу произвола и как будто отвращение от законности — свойства, конечно нам не прирожденные, но сильно развитые нашим донынешним бытом; наконец, в 3-х, от того, что мы, по неразвитости или легкомыслию, недостаточно сознаем тяжесть ответственности, нами на себя принимаемой, за личные, без многостороннего испытания и разбора, совершаемые действия. Мы глубоко убеждены, что самодержец тем свободнее, самостоятельнее и могущественнее, чем с большим сознанием он может избирать своих агентов, утверждать законы и решать дела высшей администрации. Так же убеждены и в том, что самодержец, имеющий в виду только людей, состоящих на казенной службе, узнающий и обсуждающий все только чрез умы официальные, и отделенный от народа мертвящим действием бюрократизма, далеко не неограничен, не свободен и не самостоятелен, а, напротив того, крайне ограничен неведением, в котором он обретается, — весьма мало свободен и вовсе не самостоятелен, вследствие заключенности его в этом кружке царедворства и бюрократии. Едва ли так называемый неограниченный самодержец не более ограничен в своей деятельности, чем большинство его подданных.

Самодержавие вовсе не нуждается в разгуле произвола; напротив того, этот разгул тяжел для народа, особенно убыточен, вреден, разрушителен для самодержавия. Мудрый, потребностям народа соответственный закон и укоренившийся обычай его исполнять приводит в действие волю верховной власти постоянно, повсеместно и при содействии всех граждан. Приказание разгульного произвола испол-

няется только тогда и там, где и пока надзор, кара и насилие обеспечивают их приведение в действие. Из этого легко заключить, в котором из этих двух положений самодержавная власть действительно, шире, сильнее и крепче. При безгласии или слабогласии народа, при необходимости все видеть и слышать только чужими, и при том далеко не беспристрастными, не зоркими глазами и не чуткими ушами, и при неизбежности все решать безапелляционно, положение самодержца — ужасно. Ответственность нравственная, более тяжкая чем всякая материальная, ложится неудобноносимым бременем на совесть самодержца. Издали и снизу положение его может казаться завидным и исполненным всякого блаженства. Творить свою волю; никого, кроме Бога, не иметь над собою; и быть окруженным людьми, считающими за счастье исполнять священную волю самодержца — что казалось бы вождеднее? — А на деле что выходит?

Самодержец, желающий исполнять свою именно волю и этим дорожающий, никогда и ни в чем ее не исполняет: он может осуществлять свои капризы, т. е. свои затеи и причуды; но разумно и плодотворно действовать своим произволом — это для него невозможно. Деспот, узнающий все только через своих приставников, знает только то, что и как им угодно ему доложить; окруженный ими и сообщаемой с народом только чрез них, он находится вполне в их руках; обязанный утверждать в день по сотне и более докладов, мнений и положений, он хотя и сообщает им силу обязательности, однако действует, в этом случае, более машинально, чем сознательно и исполняет не свою, а волю слуг своих. К тому же он, как будто поставленный вне действия на него страха, опасается чуть-чуть не всего; и этим особенно пользуются люди, алчущие его охранять от мнимых или нарочно вымышленных ими опасностей. При ночной темноте, и самому мужественному человеку, вещи часто являются не в настоящем, а в призрачном виде, и наводят на него невольный, напрасный страх. Так и при деспотизме, т. е. при вынужденном безмолвии и бездействии людей, всякий звук и всякое действие кажутся преступными, даже грозными и внушают страхи. И на деле выходит, что самодержец по имени и положению оказывается в действительности несчастнейшим человеком своего государства.

Вовсе не таков настоящий самодержец. Он может быть свободнейшим, всего более и всего лучше знающим и всех мудрее повелевающим человеком в своем государстве. Средства к тому в его руках.

Основным условием к приведению в действие этих средств есть утверждение за гражданами законной, широкой, по возможности, свободы и полной обеспеченности их личных и имущественных прав. А это достигается только установлением законов, соответствующих потребностям народа, и точным, добросовестным исполнением этих законов. Первое возможно только при участии в этом деле самого народа, ибо он один знает, что ему нужно; а законы, составленные теоретически или бюрократически, хотя бы их творцами были люди умнейшие и вполне добросовестные, не в состоянии надлежащим образом удовлетворить народные нужды, и потому остаются на бумаге и не переходят в дело. Исполнение же законов обусловливается конечно их практичностью, но и тем, как на них смотрят люди, которых прямая обязанность заключается в приведении этих законов в действие. Строжайшими, точнейшими их исполнителями должны быть сам самодержец и его агенты. Далека от них должна быть мысль, что они стоят выше закона, что могут при исполнении его исправлять и изменять, и что ему вполне подчиняться есть обязанность только управляемых, а не управляющих. Благоговение перед законом должно исходить из высших сфер, и только тогда оно утверждается и в низших слоях народа: При свободе люди будут безбоязненно и откровенно говорить правду, искренне полюбят законы, утверждающее их благосостояние и сочтут долгом совести свято исполнять существующие постановления. При таком положении самодержец будет слышать и знать, что действительно есть и происходит в его стране, что ей нужно, как ей помочь, и как все это на самом деле исполняется. Тогда он будет в возможности *сознательно* утверждать как законы, так и важные административные меры, и *действительно* наблюдать за их исполнением — тогда он будет настоящим и полным самодержцем*.

А каким могуществом будет обладать такой самодержец в отношении к другим державам! Политика русская не может не быть либе-

---

* Замечательны многие мысли, изложенные, еще в 1767 году, в Наказе, сочиненном самою Императрицею Екатериною Великою, и данном комиссии для начертания проекта нового Уложения. Эта мудрая государыня верно и глубоко поняла пользы и выгоды самодержавия, не опасалась говорить в своем Наказе о вольности и о том, что граждане должны чувствовать себя обеспеченными и «никого кроме законов не бояться». Эти мысли великой государыни так сильны и полновесны, что, в подкрепление нами высказанного о самодержавии, мы позволяем себе, в виде приложения, поместить ниже выписку некоторых статей из упомянутого Наказа.

ральнойю. Только при этом условии, она будет соответствовать интересам страны и обеспечит ей сильное и плодотворное влияние на Европу. В этом духе Россия действовала в отношении к народам, бывшим и еще находящимся под игом Турции. Такой же политике следовал император Александр 1-й при умиротворении Европы в 1812–1815 годах. И в этих случаях Россия была действительно могуча. Но, как скоро мы поддавались влиянию Меттерниха¹⁷⁸ и ему подобных, действовали в духе, враждебном народам, и воображали быть призванными полицеймейстерами Европы, то тотчас наше влияние сокращалось, мы восстанавливали против себя народы, а тамошние кабинеты, всегда к нам не расположенные*, пользовались первым случаем для образования тайных или явных, молча или формально заключенных союзов против нас, во имя цивилизации; против варварства и вымышленных ими для нас завоевательных замыслов.

Дорого мы уже заплатились за эти наши ошибки и вынуждены были, в начале нынешнего царствования, осудить себя на временное бездействие. Прекрасно и чрезвычайно ловко и верно выражено это наше положение в известной фразе кн. Горчакова¹⁷⁹: *la Russie se recueille*¹⁸⁰. Да! нам нужно было сосредоточиться! Европейские кабинеты и сама либеральная Англия еще долго будут следовать политике узко-себялюбивой и вообще неблагоприятной для народов. Там еще господствуют остатки феодализма и среднего сословия (*tiers-état*)¹⁸¹, а остальной народ еще продолжает считаться массою удоботеснимою, что и вызывает с ее стороны разного рода движения и открытые бунты. Россия может стать во главе Европы только под условием прямого и искреннего вступления ее на путь общенародных интересов; что ей и только ей возможно и удобно по ее действительной бессословности и по ее самодержавию, опирающемуся на народ вообще. И тогда какая будет у нас сила! Не одни славяне, которых насчитывается до 30 миллионов, с любовью и доверием к нам обратятся, но и народные массы других племен отнесутся к нам сочувственно.

---

* Кабинеты великих держав западной Европы хлопочут каждый для себя, о захвате первенства над прочими; но они чувствуют, что это первенство ускользает из их рук, и переходит к державе, которую и по образованию, и по финансовым средствам они считают ниже себя, и которая, иногда сознательно, а часто и бессознательно руководствуется иным каким-то духом. Это глубоко оскорбляет европейские кабинеты и их против нас вооружает. Они, в отношении к нам, вежливы, даже искательны; но горе нам, если мы поверим дружбе хоть одного из них. С искренним сочувствием относятся к нам одни североамериканские штаты.

Но желательно ли, выгодно ли для русского народа самодержавие даже в последнем, нами представленном виде? Конечно, полное самоуправление есть для людей вообще вождеденнейший образ правления; но в нашей громадной, до крайности разнообразной, разнохарактерной и вовсе не одинаково развитой стране, республика, как мы выше сказали, даже немыслима. Мы видели также, что конституционализм ни в каком виде у нас неосуществим. Следовательно, возможно у нас только то, что в действительности существует, т. е. самодержавие. Народ это верно чувствует, все от него ожидает и ему верит; вот почему он горячо любит своего государя и глубоко ему предан. Если в отдельных личностях и даже в некоторых народных отделах, эта любовь и преданность поколеблены, то причинами тому — как начатое и недоконченное изучение и обсуждение того, что в правительственном отношении требуется для нашей страны, так и безалаберные, неустойчивые и стеснительные действия правительственных агентов. Особенно должно привязывать народ к самодержавию то, что его интересы совершенно совпадают с общими интересами народа. Тогда как интересы и дворянства и купечества и даже крестьянства, часто расходятся с общими интересами народа, а иногда и вовсе им противоположны; интересы хорошо поняты самодержавия безусловно тождественны с интересами всего народа. Им только сильно самодержавие; а потому оно должно всеми силами и способами содействовать к народному развитию в умственном, нравственном, земледельческом, промышленном и торговом отношении; каковое развитие теперь более чем когда-либо возможно только при свободе и обеспеченности граждан. Следовательно, что дорого и необходимо для народа, то должно быть таким же и для самодержавия. Слепы те, которые этого не видят, и равно преступны как ищущие поколебать верховную власть или словом или делом, так и стремящиеся ее расширить и утвердить на счет прав народных. Но что обеспечивает народ в том, что самодержец действительно поймет свои настоящие выгоды и будет ими руководствоваться, не превратится в невыносимого деспота*. Конечно, безусловно верного, не переменного, кроме

---

* Это опасение отчасти оправдывается прекрасным ответом Императора Александра I-го известной писательнице Сталь, говорившей ему о счастье России иметь такого мудрого и великодушного монарха: «Если и справедливо, что вы говорите, то признайтесь, это только счастливый случай».

смерти, нет ничего для человека на земле; конечно, другие образы правления представляют вообще более залогов устойчивости и соблюдения народных прав; но желать, домогаться должно только возможного. В России в настоящее время, возможно, как мы видели, только самодержавие; только оно представляет достаточно сосредоточенную живую силу для ведения государственных дел; только его выгоды совпадают с общими народными выгодами. В этом совпадении, а равно и в том, что люди вообще всего легче и лучше понимают свои выгоды, заключается ручательство, что самодержавие будет ими руководствоваться. А для нас всего вернее и выгоднее не предаваться каким-либо мечтательным поискам и попыткам, твердо и искренне стать на почву действительности и тем облегчить верховной власти достижение тех благих целей, которых она не может не иметь.

Изложенные нами мнения могут, пожалуй, показаться странными и несбыточными. Как вообразить себе самодержавие, прислушивающееся к общественному мнению и исполняющее его требования? Как представить себе, при самодержавии, свободу лиц, обеспеченность их прав личных и имущественных, гласность и пуще всего — устойчивость в управлении? Все это кажется нам более возможным, чем пребывание в том положении, в каком мы теперь находимся, или создание силы не существующей, согласование ее интересов с общенародными и совершение этого чуда в XIX столетии, когда эта, к возникновению предполагаемая сила — аристократия — исчезает даже там, где она властвовала, и где, казалось, она пустила глубокие корни. Дух настоящего времени заключается в том, чтобы благо не некоторых лиц или не какого-либо состояния, а всего народа имелось у правительства постоянно в виду; чтобы все люди считались равноправными перед законом, имели равную возможность развивать свои силы и пользоваться плодами своих трудов. Все это, конечно, тем возможнее, чем люди будут принимать более участия в управлении страны; но при этом особенно важно одно условие — чтобы в допущении такого участия не было никакой привилегированности. И наша история, и наше настоящее были проникнуты бессословностью, которую не могли сокрушить введенные у нас сословия, и которую тщетно стараются оклеветать и потрясти разные предложения о каком-то немыслимом «культурном сословии» и о какой-то особого рода «всесословной волости». Из всего нами слышанного, читанного и лично испытанного, мы можем вывести одно несомненное заклю-

чение, а именно то, что ведение правительственных дел не может оставаться в своем нынешнем уединенном и замкнутом положении, и что к этому ведению в том или другом виде народ должен быть приобщен.

Как интересы самодержавия и народа одни и те же, то не видим ничего невозможного в том, чтобы первое не захотело быть окруженным народными представителями, выслушивать их мнения и советы, и решаться охотнее в пользу дельно и многосторонне обдуманного, чем в пользу того, что вдруг приходит в голову или что предлагается бюрократию. Думаем также, что как тяжело подвергаться ограничениям извне и против воли налагаемым, так самоограничение есть дело мудрое, великое, выгодное и даже отрадное. Самодержавие, само себе предоставленное в настоящее время, не может не чувствовать своей несостоятельности ввиду предлежащих ему все более и более усложняющихся задач, и не сознавать тяжкой ответственности за совершаемые им дела. Пользуясь советами народных избранников, оно разделит с ними ответственность за все, им делаемое. Народ, зная, что верховная власть окружена людьми, им избранными, и что через них он может высказывать ей свои жалобы, просьбы и мнение, будет настолько участвовать в общем самоуправлении, насколько, при нынешних наших местных и временных обстоятельствах, это ему возможно. Следовательно, такое положение равно возделенно для обеих сторон.

Упрекнут, быть может, наши мнения в непрактичности и в том, что они не основаны на существующем или когда-либо существовавшем образце. Но не все, что было, может быть воскрешено; не все, что есть в одной стране, может быть пересажено в другую страну. Разве история или действительность представляет нам два государства одинаково устроенные? Разве имеются два человека или даже два цветка совершенно одинаковые? Еще не бывало в мире такой империи, какова Россия; народ русский имеет тоже свои значительные особенности; у нас почти все совершалось не обычным образом; все благие реформы и все расширения наших прав приходили к нам сверху, а снизу их только принимали; когда же там наверху грешили, то это, по большей части, происходило только *по неведению*. Следовательно, этому-то *неведению* и необходимо помочь. И, по-видимому, непрактичное может оказаться делом самым практичным.

В следующих главах нам предстоит рассмотреть характер предполагаемой и нами считаемой необходимой общей земской думы; из кого ее составить; какие предметы должны подлежать ее ведению; какие обязанности имеют на ней лежать; какими правами ей следует пользоваться; и какой порядок делопроизводства надлежит в ней установить.

II. ОБ ОБЩЕЙ ЗЕМСКОЙ ДУМЕ

Отчасти мы уже наметили, в предыдущей главе, характер предполагаемой нами общей земской думы. Мы вовсе не считаем нужным вооружать ее решительным голосом по государственным делам. Еще раз повторяем: мы нисколько не имеем в виду ограничения самодержавия, а желаем, напротив того, предоставить ему возможность действовать с большею свободою, с большею сознательностью, самостоятельностью и устойчивостью. А потому общая земская дума должна, по нашему мнению, быть представительницею не общественной силы, повелевающей исполнительной власти, а общественного мнения, объясняющего самодержавию настоящее положение дел и вещей, подающего ему советы и помогающего ему в исполнении великих и тяжких обязанностей, на нем лежащих.

Мы полагаем, что должны у нас существовать два равноправные государственные учреждения: общая земская дума и государственный совет. Первая имеет быть представительницею всего земства, а последний — голосом общегосударственных интересов, соображений и заключений. Гласные, прибывающие из своих губерний, легко могут недостаточно знать об общем положении и ходе дел государственных, увлекаться местными интересами, и, имея их преимущественно в виду, не обращать должного внимания на пользы и нужды государства вообще. Люди, посвятившие себя высшей администрации и живущие в правительственной резиденции, легко могут упускать из вида потребности местностей, плохо их знать и, без нужды, приносить в жертву действительные интересы людей мнимым государственным пользам и потребностям. Существование этих двух разнородных, но равноправных учреждений, из которых одно значается земством, а другое — верховною властью, и притом оба имеют *только голос совещательный*, устранит односторонность мнений и заключений, сообщит им необходимую многообъятность,

жизненность и практичность и доставит самодержавию возможность сознательно и совершенно свободно решать трудные дела по законодательству и управлению.

Права и обязанности общей земской думы должны, в общих чертах, заключаться в рассмотрении, обсуждении и составлении заключений: 1) по всем делам законодательным; 2) по принятию общих мер к успешнейшему исполнению законов; 3) по ежегодным сметам государственных доходов и расходов, по способам уравнивания существующих и установления новых налогов, и по чрезвычайным финансовым мерам; 4) по ежегодным отчетам государственного контроля; 5) по разным делам, вносимым по особым высочайшим повелениям; 6) по ходатайствам земских собраний; наконец, 7) по предложениям, делаемым гласными земской думы. — Обстоятельнее о предметах ведения общей думы мы будем говорить после, но здесь необходимо было их наметить для определения общего характера этого учреждения.

Дела должны поступать в общую думу: а) из министерств; б) из государственного совета; в) из земских собраний, в виде ходатайств; и г) от гласных думы, в виде предложений. Дела первого рода, по рассмотрении их в думе, должны поступать в государственный совет; дела второго рода, в случае согласия думы с мнением совета, имеют представляться на высочайшее утверждение; а в случае разногласия думы с советом, они возвращаются в оный для вторичного их обсуждения. Дела третьего и четвертого родов поступают в государственный совет в том только случае, если дума одобрит ходатайство земского собрания или предложение своего члена. — В случае несогласия государственного совета с мнением думы или сей последней с мнением первого, или в случае предложения тем или другим учреждением каких-либо изменений или дополнений, дело возвращается в думу или совет, т. е. туда, где оно первоначально рассматривалось. Если при вторичном обсуждении разногласие не прекращается, то составляется комиссия из равного числа членов думы и совета; эта комиссия окончательно рассматривает дело; и затем мнение ее или различные мнения, в ней состоявшиеся, представляются в высочайшее благоусмотрение. — Эти комиссии, как уполномоченные от думы и совета, должны, по каждому делу, особо ими избираться.

Что касается до того, какие дела должны сперва вноситься в думу и затем в государственный совет, то это определить нетрудно. Можно

в этом отношении установить правила довольно положительные, руководствуясь следующим основным началом: дела, имеющие по преимуществу местный интерес, должны сперва рассматриваться в думе, а дела, относящиеся более к государству вообще, чем к местностям, должны начинаться с государственного совета. Так, например: положение о найме рабочих и прислуги следовало бы внести сперва в думу, а устав о воинской повинности, имеющий целью защиту государства, надлежало бы начально подвергнуть рассмотрению государственного совета. Впрочем, ненадлежащее внесение дела в думу или совет будет иметь последствием только то, что во втором учреждении может быть сделано более замечаний и предложено более изменений, чем в первом, и что вследствие того, потребуется в месте, где уже обсуждалось дело, вторичное обстоятельное его обсуждение, что особенно невыгодно для министерства, внесшего свое представление не в надлежащее место, и что, следовательно, побудит кого следует к направлению проектов и представлений по принадлежности.

Во избежание недоразумений, которые легко могут и должны возникнуть между этими двумя равноправными учреждениями, т. е. между общею земскою думою и государственным советом, полезно бы было иметь в первой известное число (от 4 до 6) членов последнего, и такое же число членов думы — в совете. Эти члены должны бы избираться упомянутыми учреждениями из своей среды, на месячный срок, и обязаны были бы присутствовать (разумеется, с полным правом голоса) в заседаниях как думы, так и совета. Этою мерою, думаем, были бы предупреждены многие между ними недоразумения, немедленно или очень скоро доставлены разные объяснения и значительно сокращены, а во многих случаях, и вовсе отвращены письменные сношения.

Считаем также необходимым, чтобы министры, лично или чрез своих товарищей, присутствовали в думе, точно так, как они, по своему званию, присутствуют в совете, т. е. с полным правом голоса. Этим способом многое разъяснится, что иначе потребовало бы длинной и пространной переписки; многое предупредится, многое тотчас разрешится, и что особенно важно и желательно, таким образом установится живая и непосредственная связь между правительством и думою — представительницею народа.

Не могут ли, не должны ли возникнуть пререкания между думою и советом? Мы этого не думаем. Собственно власти, решительного го-

лоса государственный совет не имеет; думе также не предполагается дать таковой. Следовательно, нет места, даже возможности для действительных между ними пререканий.

Но не будет ли между этими разнородными учреждениями постоянных разногласий, которые замедлят ход дел и затруднят решение верховной власти? — И этого предполагать и опасаться — нет оснований. Государственный совет есть не представитель какого-либо особого сословия или интереса, а совет самодержавия, которого интересы, как мы видели, тождественны с интересами народа. Общая земская дума не есть представительница каких-либо особенных, оппозиционных интересов, а прямой и законный орган народа для выражения верховной власти его нужд и желаний. Эти учреждения будут смотреть на вещи с разных сторон, друг другу многое разъяснять и взаимно один другого пополнять; но, в их устройстве, нет ничего такого, что, по своему существу, препятствовало бы соглашениям между ними; а потому нет причин опасаться, что между думою и советом будут частые и значительные разногласия.

Общая земская дума, не вооруженная, ни по каким делам решительным голосом, и имеющая право только высказывать свои мнения, не будет ли учреждением бессильным, лишенным значения и только напрасно усложняющим государственный механизм? — Этого мы никак не думаем. Конечно, теперь общественное мнение у нас слабо, очень слабо; в обыкновенные времена его почти вовсе нет. Не только нельзя сказать, что Россия или какая-либо полоса ее, или Москва, или Петербург по такому-то государственному делу, такого-то мнения; но опрометчиво было бы это утверждать про какой-либо уголок России или про какую-либо часть столичного или иного нашего города. Причиною тому — отсутствие поприща, на котором могло бы образовываться, развиваться и утверждаться общественное мнение. Неотступно десять лет существуют земские учреждения; и, несмотря на разные действия местных и центральных властей к ограничению гласности по земским делам, уже до некоторой степени установилось по ним общественное мнение. Не тесните на каждом шагу печати и гласности вообще; не устанавливайте для Петербурга и Москвы какой-то привилегии (впрочем ныне уже почти не существующей), издавать книги и журналы без предварительной цензуры, и не осуждайте остальной России на безмолвие; ограничьте самовластие местных начальников в отно-

шении граждан вообще, не исключая из их числа и газетных корреспондентов; не страшитесь самостоятельности мнений и характеров; не преследуйте проявления мысли, как будто уже совершенного проступка; и общественное мнение у нас образуется так же быстро, как уже совершились великие, духу народа сродные реформы, обессмертившие нынешнее царствование. А когда разовьется и укрепится общественное мнение на Руси, то как может не иметь значения то учреждение, которое будет его представителем? — В прежние времена сила была в кулаке и штыке. Миновало в Европе царство первого; непродолжительно будет и царство последнего. Напротив того, общественное мнение, в средние века, почти не существовавшее, стало, по мере развития гражданственности и общности, все более и более усиливаться и расширяться; ныне оно составляет в мире силу, которою пренебрегать нельзя; а будущность, и не дальняя, обещает ему торжество полное и непреходящее. Неужели Россия составит исключение из общего правила и останется при кулаке и штыке? Конечно — нет. Мы глубоко убеждены, что общая дума, как голос общественного мнения русского народа, при гласности ее заседаний, не замедлит получить великое значение и великую силу, и будет иметь самое благотворное действие на ход государственного управления вообще. Как не обратить внимание на мнение думы, утвержденное ею единогласно или значительным большинством? Какую нравственную обязательность и повелительность получают законы, одобренные и подкрепленные общим согласием народных представителей! Убеждены мы и в том, что государственный совет не захочет отставать от думы в разработке переданных ему дел и явит настоящую государственную мудрость; а равно и в том, что министерства, зная, какому тщательному и многостороннему обсуждению подвергнутся их представления, не будут передавать в эти учреждения проекты и записки, кое-как составленные. Следовательно, по всем частям управления, проявится новая жизнь, которой последствия не могут не быть благотворными для страны. А потому никак нельзя опасаться, чтобы общая земская дума была излишним колесом в механизме нашего политического устройства. Дай Бог только, чтобы скорее и яснее были поняты истинные интересы самодержавия и народа, и чтобы не замедлила осуществлением мысль об устройстве этого совершенно необходимого учреждения.

III. О СОСТАВЕ ОБЩЕЙ ЗЕМСКОЙ ДУМЫ

Состав общей земской думы и способ избрания ее членов нетрудно определить. И то, и другое указываются самим делом.

Дума должна состоять из гласных от земства. Нежелательно вообще, и в особенности на первое время, чтобы она была слишком многочисленна; а потому выбор думских гласных нельзя предоставить уездным земским собраниям. Всего удобнее и цели соответственнее, по нашему мнению, дать губернским земским собраниям право избирать из среды своей гласных в общую думу. Эти выборы могли бы производиться в заключение первого из трехлетних очередных губернских собраний. — Этот способ избрания доставил бы лучших по возможности думских гласных: уездные собрания отправляют в губернские собрания людей, отличающихся своими способностями, сведениями и усердием к земскому делу; а губернские собрания, при конце заседаний своего первого очередного созыва, уже имеют возможность оценить деятельность своих членов и выбрать лучших из них в общую думу. По той же причине, т. е. в избежание излишней многочисленности думы, следовало бы ограничить число гласных, избираемых губернскими земствами, цифрою от двух до четырех от каждой губернии, глядя по количеству ее народонаселения. Необходимо при этом допустить кандидатов к этим гласным, на случай их смерти или других обстоятельств, препятствующих им дальнейшее исполнение этих обязанностей; иначе пришлось бы созывать чрезвычайные губернские земские собрания или оставлять губернии без представителей.

К сожалению, еще не во всей империи введены земские учреждения; в огромной ее части они еще не существуют; а между тем, общая дума не может состоять из гласных от некоторых губерний и оставаться без представительства от остальных. Весьма желательно, чтобы земские учреждения были введены повсеместно и как можно незамедлительнее. Признаться, мы не видим к тому и непреодолимых препятствий. Придется сделать в Положении по этому предмету некоторые изменения; но сущность этого закона должна оставаться та же. Опасения на счет Западного края, а равно и привисленских губерний теперь значительно ослабли и должны вскоре и вовсе исчезнуть. Действия Пруссии и даже Австрии, а равно и непогрешимого папы, могут в этом отношении нас вполне успокоить. Зная несколько эти

края, мы думаем, что вернейшее средство окончательно сокрушить сепаратистские их наклонности и стремления заключается в том, чтобы предоставить им возможность дома жить спокойно и безобидно, и чтобы показать им на деле, в их местностях выгоды и превосходство изданных в нынешнее царствование разных для Империи положений и постановлений перед обветшалыми, разнокалиберными и по преимуществу шляхетскими их порядками. Мы надеемся, что особенно благотворное действие на слияние окраин с внутреннею Россиею, может оказать допущение гласных из западных и привисленских губерний в нашу общую земскую думу. Подобное же влияние должен иметь на прибалтийскую окраину призыв в общую думу гласных из Ревельской, Рижской и Митавской губерний. Тут только одно затруднение: как рыцарей, горожан и крестьян посадить за один стол и дать им выбирать представителей не от сословия, а от губернии. Впрочем, в видах общего блага, самодержавию нечего слишком церемониться с отжившими рыцарскими и городскими привилегиями. Даже в Германии все это хоронится; не быть же нам *plus royalistes que le roi*¹⁸². Мы вовсе не за насилие вообще и не за навязанные благодеяния в особенности; но есть случаи, когда самодержавие должно действовать решительно и даже насильственно. Такими случаями были: уничтожение в империи крепостной зависимости крестьян и дворовых людей и обеспечение в так называемом Царстве Польском земельным наделом уже прежде освобожденных тамошних крестьян. Таким случаем должно быть окончательное упразднение изветшалых остзейских привилегий. К тому же имеется в виду предоставить этим губерниям участие в общем государственном управлении; следовательно отнимается у них меньшее и дается им большее. Уверены, что разумные и благонамеренные остзейцы станут на нашу сторону и против устарелых приверженцев рыцарства и цехов. — Полагаем, что таким приобщением окраин к общему ведению государственных дел будут окончательно обессилены и подавлены всякие, еще там удерживающиеся сепаратистские стремления.

Думаем и надеемся, что эти преобразования не замедлят, и что все наши губернии постепенно приобщены будут к пользованию правами местного самоуправления и вместе с тем получают возможность избирать гласных и в общую думу. Но мы не желаем, чтобы от этого откладывалось, хотя на сколько-нибудь времени, учреждение общей думы; а потому там, где нет возможности немедленно избирать глас-

ных от земства, следует предоставить администрации право, из местных жителей, а не из местных чиновников, назначать по одному представителю от каждой губернии. Мы говорим «по одному» по той причине, что если бы было разрешено администрации назначать по столько же гласных от губернии, по сколько земство избирает в тех местностях, где оно уже устроено, то, при значительном числе губерний, не имеющих земских учреждений, дума оказалась бы представительницею по преимуществу не народа, а администрации. Но этим, ею назначенным гласным, следует обеспечить несменяемость на срок, вообще назначенный для службы гласных.

Сверх того, в состав думы должны войти, как мы выше сказали, несколько членов государственного совета (от 4 до 6) и министры или заступающие их места — т. е. товарищи министров.

Что касается до общего срока, на который должны избираться думские гласные, то следует, кажется, принять тот, который уже существует для уездных и губернских гласных, т. е. трехлетний. Он и не слишком короток, и не слишком продолжителен.

Важным при устройстве общей думы должен быть вопрос: кому в ней председательствовать?

Непременным условием для успешного действия всякого совещательного собрания есть пользование им правом избрания своего председателя. Если земские собрания, как уездные, так и губернские, идут отчасти плохо, отчасти же не так удовлетворительно, как бы они могли идти, то главною тому причиною — председательствование в них лиц, избранных не ими и не для исполнения этих именно обязанностей. Только председатель, избранный самим собранием, может вести в нем дела успешно, как потому, что если он избран собранием в эту должность, то, видно, считается способным ее исполнить, так и потому, что, пользуясь благорасположением большинства, он в состоянии иметь, при ведении совещаний, необходимый для председателя авторитет. Назначение постороннего лица или даже одного из членов собрания по усмотрению администрации для исправления председательских обязанностей — значит непременно осуждение этого собрания на малоуспешную деятельность. Такого председателя необходимо вооружить диктаторскими правами, как то ныне у нас и существует. Но и эти права мало ему помогают: он ими или не пользуется, или восстает против себя собрание. К чему созывать людей и прежде всего заявлять им недоверие? Лучше уже прямо при-

казывать, требовать исполнения отдаваемых приказов, и не дразнить людей напрасным возбуждением в них мыслительных и действенных способностей.

Если не желают, не считают возможным доверяться народу, то лучше и не созывать общей думы. Всякие полумеры малопроизводительны и часто вместо пользы причиняют вред. Заявленное недоверие, в настоящем случае, породит в народе не чувство благодарности, преданности и любви за новое оказанное ему благодеяние, а сомнение, опасение и подозрение, что администрация в нас уже с избытком развила и тщательно поддерживает. Если бы правительство при созыве общей думы сочло необходимым стать в оборонительное положение в отношении к народу, то не вызвало ли бы оно в нем чрез то недоверие и не породило ли бы другие вовсе нежелательные и не плодотворные чувства?

Нет! Или не следует и помышлять о думе и оставаться, если возможно, при нынешнем положении, или необходимо отнестись с доверием к народу и его представителям. Председатель думы должен быть по выбору собрания. Одно, что можно допустить: предоставить собранию выбор двух кандидатов на должность председателя, и удержать за верховною властью утверждение одного из них в этом звании.

Само собою разумеется, что секретари думы должны быть по ее выбору из среды самых членов. Этот выбор мог бы производиться или ежемесячно, или ежегодно при открытии думских заседаний.

Вот, в главных чертах, как, по нашему мнению, должна быть составлена общая земская дума.

IV. О ПРЕДМЕТАХ ВЕДЕНИЯ ОБЩЕЙ ЗЕМСКОЙ ДУМЫ

Мы уже наметили, во второй главе (стр. 43 и 44) предметы, подлежащие ведению общей земской думы. Здесь мы предполагаем несколько обстоятельнее об них поговорить, придерживаясь того же порядка, в каком там они изложены.

1) Мы считаем особенно важным, чтобы все проекты законов проходили через думу. Много недостатков в наших законах: и темный, маловразумительный, искусственный какой-то язык, и смесь законодательных положений с наказными правилами; но самые главные пороки наших узаконений заключаются в их непрактичности, в полной несоответственности тому, что требуется для нашей страны,

в их неустойчивости, в их крайнем изобилии и в отсутствии в них всякого единства. Читая издающиеся законы, часто не понимаешь, что хотят ими установить, и недоумеваешь: для какой страны они предназначены, какую цель они должны достигнуть и каким образом они будут исполняться? Очевидно, что и составители проектов и люди, их рассматривавшие, равно чужды земле, для которой они законодательствуют, и что, сверх того, они не руководствуются никакими постоянными, жизнью страны выработанными началами, которые должны лежать в основе управления всякого благоустроенного государства*. Не говорю о распоряжениях, исходящих из разных министерств и одно другому противоречащих; но у нас часто узаконения, обнародуемые сегодня, отменяют прямо или косвенно то, что вчера было установлено; и из этого выходит страшная путаница. Издано было положение о земских учреждениях, обеспечивавшее им некоторую самостоятельность и независимость; а затем последовали узаконения о правах председателей, о губернаторской цензуре по печатанию журналов земских собраний и пр. Издан был закон, предоставлявший некоторую свободу печати; ожидали расширение этой свободы и в сущности и на всю империю; а вместо того, без всяких особенных причин, последовало узаконение, вооружающее администрацию правом без суда запрещать книги и журналы и предавать их сожжению. Положение о народных школах 1864 года и о земских учреждениях, поручали народное образование преимущественно земству; а в 1874 году вышло новое узаконение, передающее главную заботу по этому предмету дворянству и чиновникам министерства народного просвещения, не имеющим на то почти никаких ассигнованных сумм и лишенным возможности с успехом вести это дело. Мы указали на некоторые важные узаконения; но той же участи подвергаются и менее значительные указы. Вообще как будто установился обычай, за обнародованием общего правила, издавать исключения,

---

* В этом отношении, как и во многом другом, Англия может служить образцом: меняются там люди, одна партия заступает место другой; но основные начала английской политики, как внутренней так и внешней, остаются одни и те же. Между первыми министрами Гладстоном и Дизраэли — разница одна: первый быстро двигает вперед, а последний несколько задерживает ход необходимых преобразований; но оба идут по одному и тому же пути, и никому из них не приходит в голову разделявать то, что сделал его предшественник, а еще менее исподтишка переименовывать законные постановления.

более или менее его уничтожающие; это в особенности неминуемо и незамедлительно происходит в *тех* случаях, когда общим узаконением расширяются права граждан: тут как бы обязательно, без всяких внешних к тому вынудительных причин, следуют разъяснения и дополнения, ограничивающие, почти отменяющие только что дарованные права. Это главнейше происходит от того, что в воззрениях администрации нет ничего сознательно и прочно выработанного; что она действует по большей части по внушениям текущей минуты и окружающей ее среды; и что, чувствуя свою несостоятельность и неизбежность привлечения местностей к самоуправлению и повинаясь указаниям свыше, она решается устанавливать общие правила, но, при первом ощущаемом ею от них стеснении, она не затрудняется отменять их по частям или просто-напросто их нарушать. Это отсутствие твердых и постоянно руководящих начал, это легкомыслие при издании новых правил и при их нарушении, и укоренившаяся в администрации привычка заявлять в законе одно и действовать в ином, часто совершенно противоположном направлении, лишают законы того уважения, которым они должны пользоваться в народе, и не дают развиваться и утверждаться у нас чувству законности, без которого немыслимы порядки благосостояние в стране. Государственный совет, конечно, несколько умеряет и ограничивает легкомыслие и неустойчивость министерских проектов; но, по своему положению, составу и порядку делопроизводства, он лишен возможности оказывать сильное влияние на ход дел вообще. К тому же, министры имеют возможность, при личных докладах и чрез комитет министров испрашивать особые высочайшие повеления, отменяющие или приостанавливающие, в частных случаях, действие общих законов. Легкость издания новых законов, особенно в виде опыта или временного постановления, значительно увеличивает их количество; плодovitость нашего законодательства изумительна и делает то, что не только граждане, но и сами агенты администрации плохо их знают и часто в них запутываются. Сверх того, появление законов, как *deus ex machina*¹⁸³, без достаточных причин к их изданию, без огласки и без всяких предварений, поселяет в гражданах полную неуверенность в их быте вообще и, в особенности, по делам торговым и промышленным. Завтра то-то может быть запрещено или разрешено или иначе как установлено — это значительно задерживает всякое развитие; ибо трудно на таком зыбком основании что-либо предпринимать

или чему-либо себя посвящать. — По всем этим причинам совершенно необходимо утвердить наше законодательство на прочных и разумных основаниях, что не может быть достигнуто иначе, как предоставлением всех без исключения законопроектов рассмотрению и обсуждению общей земской думы и государственного совета. Этим только может быть водворено единство в наше законодательство, отвлечена излишняя поспешность и плодовитость в издании законов, и вызвано и укоренено чувство законности как в гражданах, так и в самой администрации, — чувство, которого, к великому прискорбию и к крайней нашей невыгоде, в нас нет, или его очень мало, и без которого не может прекратиться тот страшный хаос, в коем мы теперь обретаемся.

2) Принятие общих мер к успешнейшему исполнению законов есть обязанность, которая и ныне лежит на государственном совете, и которая составляет необходимую часть государственной законодательной деятельности. Конечно, указы вообще, т. е. те, которые даются в пределах закона и на точном его основании, могут и должны утверждаться министрами; но указы, истолковывающие законы и определяющие их способ исполнения, и потому требующие высочайшего утверждения, должны непременно проходить через думу и совет; ибо иначе легко может случиться, что истолкование не будет согласно с видами и мыслями законодателя, а способы исполнения будут указаны такие, которые из самого дельного закона сделают нечто вроде нынешних указов и положений. Сверх того, при государственном управлении приходится иногда принимать особенные меры к более успешному исполнению законов. Необходимо такие меры обсуживать в тех учреждениях, которые участвуют и в самом деле законодательства; ибо иначе не будет в действиях верховной власти того единства, которое придает им особенную силу и обеспечивает за ними уважение и нравственную обязательность.

3) Рассмотрение и обсуждение ежегодной сметы государственных доходов и расходов в общей земской думе, должно быть особенно полезно по многим причинам. Во 1-х, потому, что посторонним людям виднее неправильности, недостатки и излишки во всяком деле, чем самим хозяевам или людям, уже присмотревшимся к обычному его ведению. Во 2-х, потому, что государственный совет, оставаясь постоянно почти в неизменном составе (назначение, в течение года, двух, трех новых членов проходит вовсе незаметно), приступает еже-

годно к рассмотрению государственной росписи так сказать машинально и только ради соблюдения формальности. Если в департаменте государственной экономии эта роспись разбирается несколько подробнее, то в общем собрании она пропускается почти без всякого обсуждения и возвращается оттуда или в том же виде, в каком она туда поступила, или с самыми незначительными изменениями. В 3-х, потому, что в думе эта смета будет рассматриваться людьми, несколько от нее не пользующимися, а напротив и лично, и по доверию заинтересованными в возможном сокращении расходов. Наконец, в 4-х, потому, что министры вообще, а министр финансов в особенности, зная, что их требования будут рассматриваться и обсуждаться не в кружке приятелей и товарищей, с которыми они свыклись делить и радости и печали, а в среде людей посторонних, съехавшихся со всех концов России, и притом не тайком, а гласно — на весь белый свет, сами посовестятся включать в свои сметы расходы ненужные или обозначать их хотя и обычными, но бессмысленными словами. По всем нами указанным и многим другим, молчанием пройденным причинам, обсуждение государственной сметы доходов и расходов в думе должно принести величайшую пользу нашим государственным финансам вообще. Долго не решались на обнародование этой сметы и опасались, что оно повредит нашему кредиту в Европе, а на деле оказалось, что хотя наши финансовые распоряжки и не улучшились, однако знание их все-таки предпочтительнее их полного неведения, и наш кредит никогда не был так хорош как ныне. Гласное обсуждение сметы, без сомнения, еще значительно его поднимет и утвердит. — Общая дума, конечно, будет назначать для обстоятельного рассмотрения сметы особую комиссию; но доклад ее, а равно и самая смета будут обсуждаться в публичных заседаниях думы. Мы ожидаем особенной пользы от действий первых комиссий, которые будут назначены думою, ибо знаем, что теперь в сметах разных министерств находится много статей, которые пропускаются государственным советом или только по привычке или ради личных отношений к разным министрам.

Полагаем, что дума может также весьма благотворно подействовать на уравнение существующих и при установлении новых налогов. Нельзя сказать, что у нас налоги вообще очень высоки. Нет! почти везде в Европе, они много выше чем в России. Но у нас они весьма тяжелы по причине их раскладки, несоответствующей средствам пла-

тельщиков. Бездействие министерства финансов в отношении к исправлению вопиющих несправедливостей и несообразностей по этой части — просто загадочно. Уже несколько лет возбужден вопрос о замене подушных податей иными более справедливыми сборами; вопрос этот был передан на обсуждение губернских земских собраний, которые с удивительным единодушием осудили этот налог и сделали разные предложения к установлению иных менее обременительных и более разумных податей; напечатаны толстые тома мнений и сведений по этой части; и за всем тем — дело не подвигается ни на шаг вперед. Поднимают акциз на вино, уже и без того чрезмерный; прибегают к разным мелким средствам к увеличению доходов; но к преобразованию подушных податей словно боятся подойти. На этот предмет дума не может не обратить внимание; и авось тогда посоветятся откладывать неотложное и делать ненадлежащее. К тому же дума, как представительница плательщиков вообще, более чем кто-либо в состоянии указывать, с чего, как, в каких размерах и в какие сроки всего удобнее взимать государственные сборы.

Принимаются, и нередко, разные важные меры по финансовому ведомству: пересмотр таможенных тарифов, составление нормальных правил для банков разного рода, изменение в монетной системе, меры к восстановлению ценности кредитного рубля, и пр. Немало было сделано промахов по этой части, и некоторые из них стоили государству десятки, даже сотни миллионов рублей. Конечно, и дума не будет непогрешимою; но гласное обсуждение таких мер в этом учреждении и в печати не допустит совершения таких непростительных ошибок, какие сделаны были у нас, и не раз, по финансовому ведомству. А способ выдачи концессий на постройку железных дорог, изменявшийся почти ежегодно и, наконец, доведенный в 1873/4 году до границ возможного, был бы иначе и прочнее установлен, если бы он подвергался гласному обсуждению, а не одному бюрократическому просмотру. А потому всякие важные финансовые меры должны непременно обсуждаться и в общей земской думе, и в государственном совете.

4) Рассмотрение и обсуждение ежегодного отчета государственного контроля необходимо должны подлежать ведению того же учреждения, которое занимается рассмотрением и обсуждением ежегодной сметы государственных доходов и расходов. Одно без другого немислимо.

Многие административные дела, по важности своей, могут нуждаться в обсуждении их в общей земской думе; а потому они, по высочайшим повелениям, будут в оную передаваться. Не только теперь, до учреждения думы, но и впоследствии, трудно их положительно определить; вероятно, с течением времени, по мере развития деятельности думы, число таких передаваемых дел будет постепенно усиливаться. Сверх того, целый ряд дел нами с намерением пройден молчанием; а именно дела по внешней политике. Заключение трактатов и в особенности торговых, объявление войны или прекращение ее миром — суть дела, сильно интересующие страну; а потому трудно не дать ей возможности высказывать по сим предметам свое мнение. Даже в прежние времена цари собирали земские соборы и предлагали им на обсуждение вопросы по внешней политике; в настоящее же время не предвидится особенных неудобств в том, чтобы советоваться с землею насчет важных дел по сношениям с иностранными государствами; и это тем более, что подобный порядок существует в остальной Европе. Всем памятно, с каким единодушным сочувствием встречен был, во всей России, ответ правительства на ноты европейских держав, по случаю беспорядков в польских губерниях, и какое влияние это сочувствие имело на дальнейшие действия европейской дипломатии. Считаем неудобным точнее определять случаи, когда должны быть делаемы думе сообщения по внешним делам, но убеждены, что правительство само не замедлит удостовериться в пользе таких сообщений, и вовсе не будет избегать истребования по ним заключений общей земской думы. — Еще имеется один разряд дел, которые следовало бы передавать в думу на рассмотрение — это ежегодные отчеты министерств. Не предлагаем устанавливать это тотчас и законом, потому что в начале не должно слишком развлекать думу разнообразием поручаемых ей дел, но желательно, чтобы впоследствии эти отчеты поступали в думу на рассмотрение. Тогда они получат совершенно иное значение.

б) Ходатайства земских собраний, как губернских, так и уездных, поступают ныне, в значительном количестве, в министерство внутренних дел. Много представляется ходатайств весьма важных и весьма дельных; но нередко из губерний, смежных и, следовательно, находящихся почти в одинаковых условиях, получают просьбы совершенно разноречивые; нередко также предметы ходатайств до того ничтожны, даже странны, что затрудняешься себе объяснить,

как целое собрание могло решиться утруждать высшее правительство такими представлениями. Это главнейше происходит оттого, что земские собрания, изведавшие горьким опытом, как мало высшее правительство обращает внимание на их ходатайства, относятся теперь к ним довольно легкомысленно: они соглашаются почти на всякие предложения, не обставляют их нужными объяснениями и доводами, не разрабатывают вопросов основательно, и часто ограничиваются простым изложением просьб. Министерство внутренних дел не имеет нужных средств для надлежащей оценки полученных ходатайств: мнение местного губернатора, некоторые справки, выписанные из дел столоначальником, и кой-какие общие соображения, случайно находящиеся в ходу по министерству — вот все, что имеет в виду высшее правительство при рассмотрении земских ходатайств. А потому и неудивительно, что большая часть из них оставляется без последствий; чем почти уничтожается важное право земства ходатайствовать о своих пользах и нуждах. Весьма желательно и необходимо восстановить и утвердить на прочных основаниях это существенное для земства право. Прямым, самым действительным к тому средством есть обращение всех таких ходатайств в общую земскую думу, которая будет иметь и нужные сведения, и прямой интерес в надлежащей оценке и разработке таких представлений. Гласные той губернии, откуда поступает ходатайство, будут его разъяснителями и защитниками; прочие — вполне компетентными экспертами; а члены государственного совета и министры могут при этом высказывать общие государственные соображения. Таким образом, ходатайства будут надлежащим образом обсуживаться, и самые отказы не будут иметь того обидного характера, который ныне так оскорбляет земство. Вместе с тем, министерство освободится от производства у себя многочисленных дел, по которым оно не может не чувствовать своей несостоятельности; а верховной власти придется обращать свое внимание только на те земские ходатайства, которые будут подкреплены одобрением и согласием думы.

Наконец 7), нельзя отказать гласным в праве делать предложения, которые они сочтут полезными для блага страны вообще или для более успешного хода дел в думе. Эти предложения будут обсуждаться в думе, и только те из них поступят в государственный совет и на высочайшее благоусмотрение, которые удостоятся ее одобрения. Для ограничения числа делаемых предложений, особенно в видах сбере-

жения думского времени, можно требовать подписи известного числа гласных, поддерживающих делаемое предложение. Вот главные предметы, долженствующие, по нашему мнению, подлежать ведению общей земской думы. Впоследствии будет виднее, какого рода дела могут быть еще переданы на ее рассмотрение и обсуждение.

V. О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ОБЩЕЙ ЗЕМСКОЙ ДУМЫ И О ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ В ОНОЙ

Права и обязанности общей земской думы, в главных чертах, нами уже обозначены в предыдущих главах. Что касается до порядка делопроизводства, который желательно установить в думе, то этот порядок для совещательных собраний довольно известен и легко может быть применен и к новому предполагаемому учреждению. А потому, по этим обоим предметам, здесь мы ограничимся указанием только тех немногих особенностей, которые следовало бы, по нашему мнению, не упускать из вида при устройстве общей земской думы.

Собрания думы должны быть ежегодные очередные и могут быть также чрезвычайные. Первые всего удобнее назначить на 7-ое или 8-ое января каждого года, потому что думские гласные имели бы возможность участвовать в заседаниях губернских земских собраний, которые обыкновенно бывают в декабре и которые довольно трудно перевести на более ранние сроки. Участие думских гласных в губернских собраниях считаем мы весьма важным и даже необходимым как для поддержания связей этих выборных со своею губерниею, так и для получения ими самых верных, обстоятельных и свежих сведений о потребностях губернии и о положении в оной дел. Закрывание очередных собраний должно зависеть или от окончания ими всех на очереди состоящих дел, или от усмотрения верховной власти. Желательно, чтобы заседания общей думы могли прекращаться не позже мая, и чтобы гласные, члены государственного совета и министры могли иметь необходимое для отдыха летнее время.

Сроки для открытия чрезвычайных собраний думы назначаются в самых высочайших повелениях об их созыве.

Как открытия, так и закрытия собраний думы должны бы совершаться Государем Императором лично или по его уполномочию.

Право и обязанность проверки числа гласных, а равно законности и действительности их избрания, должны лежать вполне на общей думе:

ей, в этом отношении, следует решать окончательно, и эти ее постановления не должны подлежать никакому дальнейшему утверждению.

Дума обязана давать свои заключения по всем делам, которые в нее поступают. Эти заключения могут быть или просто с изъявлением ее согласия на представленный проект, мнение, ходатайство или предложение; или с ее неодобрением оно, но, в таком случае, должны быть изложены причины этого неодобрения; или с предложением изменений и дополнений к обсуждавшемуся делу или вопросу.

Общая земская дума может делать постановления, не подлежащие никакому дальнейшему утверждению, только по следующим предметам: а) относительно законности и действительности выбора думских гласных; б) по дисциплинарным с них взысканиям; в) по определению порядка своего делопроизводства; г) по требованиям от министерств и подведомых им учреждений разных сведений, пояснений и дополнений по делам, подлежащим обсуждению думы; д) и е) по ходатайствам земских собраний и по предложениям думских гласных, в случае, если дума признает эти ходатайства или предложения не подлежащими удовлетворению или не заслуживающими одобрения. Гласные должны пользоваться полною свободой слова в заседаниях думы; но председатель имеет право и обязанность всякого члена, уклоняющегося в своей речи от предмета, который подлежит обсуждению, возвращать к вопросу, а члена, позволяющего себе выражения, неприличные или для кого-либо оскорбительные, а равно и изъяснения противозаконные или возмутительные, призывать к порядку. После трех возвращений к вопросу или трех призывов к порядку, председатель имеет право лишать гласного права говорить по обсуждаемому вопросу. Дума должна иметь право удалять на время или и вовсе от участия в ее заседаниях гласного, провинившегося в нарушении благочиния или порядка в ее совещаниях.

Гласные не должны подлежать ответственности за свои слова и действия в думе, иначе как по ее постановлениям.

Гласные во время собрания думы и за месяц до их открытия не могут быть задержаны без особого на то разрешения думы.

Гласные не должны получать никакого положенного жалованья или содержания; но не следует возбранять губернским земским собраниям назначать пособие тем лицам, уже избранным в думские гласные, которые заявят о невозможности для них на собственный счет ехать в Петербург и там жить во время думских заседаний.

Следует определить высшую цифру такого пособия и вместе с тем постановить, что оно может быть выдаваемо только за время действительного пребывания гласных в Петербурге и по расчету времени на их проезд туда и обратно.

Что касается до числа гласных, коих присутствие в заседании думы необходимо для законности ее решений, то мы полагаем ограничить эту цифру пятою частью всех гласных, избранных в думу. Мы знаем все неудобства — не пользу, а вред от требования присутствия трети гласных для законности решений губернских собраний; желали бы и для них отмены этой цифры; а потому никак не думаем ее предлагать для общей думы. Весьма ошибаются те, которые думают, что требование присутствия значительного числа гласных для законности решений собрания побуждает этих выборных к более исправному посещению заседаний, обеспечивает им большую многолюдность и придает решениям собрания большую авторитетность. Нет. Это вовсе не так. Во 1-х, во всяком собрании, много дел таких, которые равно удовлетворительно решаются двумя, тремястами, как и двадцатью, тридцатью членами; это — дела местные, а равно и те, которые вносятся только ради соблюдения формальности. Во 2-х, когда члены знают, что и при малолюдном собрании могут решаться дела, то, опасаясь не участвовать в решениях собрания, они усерднее посещают его заседания*.

Наконец, в 3-х, в каждом собрании, не много людей, могущих разрабатывать дела, приводить их в надлежащую ясность и определительность и обставлять их нужными соображениями, и потому действительно участвующих в решениях; эти люди почти всегда суть самые усердные в посещении заседаний; требование присутствия большого числа гласных для законности решений задерживает деятельность этих тружеников и напрасно замедляет ход дел в собраниях.

Общая дума, конечно, будет иметь право из среды своей избирать комиссии для разработки переданных ей дел. Вероятно, у ней будут и постоянные комиссии, как например: финансовая, юридическая и другие, а равно и временные специальные комиссии, которым на

---

* Не раз случалось мне слышать от гласных, в оправдание своего неприезда или позднего приезда в собрание, следующие речи: «мы знали, что сегодня не съедутся гласные в достаточном числе» или «мы знали, что сегодня гласные съедутся поздно».

рассмотрение будут передаваться особенно важные дела, поступающие в думу. В комиссиях всего успешнее и плодотворнее готовятся дела к слушанию в многолюдных собраниях, а потому желательно, чтобы дума с первого открытия своих заседаний обратила на их устройство, на порядок их избрания и делопроизводства свое особенное внимание.

Одним из главных и самых существенных условий для успешной и полезной деятельности общей земской думы есть допущение посетителей в ее заседания и печатание ее журналов, т. е. установление ее делопроизводства на основании гласности. Иные находят ее опасною, другие — вредною, а некоторые — просто бесполезною; мы же считаем ее благотворною вообще, а для России — совершенно необходимою. Это убеждение в нас так глубоко и сильно, что, несмотря на все наше желание видеть общую земскую думу у нас учрежденною, мы бы предпочли отсрочку на некоторое время осуществления этой благой мысли исполнению ее без допущения гласности в думское делопроизводство. Лучше пока не иметь этого необходимого учреждения, чем иметь его при условиях, при которых оно надлежащим образом действовать не может. Удивляемся, что есть еще люди, которые продолжают опасаться присутствия посетителей в каких-либо заседаниях: и земские собрания и суды у нас теперь открыты для публики; а между тем, никакого неудобства, а тем еще менее опасности, от того не оказывается. Как всем и даже многим нельзя постоянно бывать в этих заседаниях, а нужно поддерживать общее участие в делах суда и самоуправления, то необходимо, во всяком случае, печатать верные и полные отчеты об этих заседаниях, заменяющие для отсутствующих находение в оных. Собственно опасности от посетителей или от печатания журналов, еще нигде и никогда никакой не оказывалось и быть не может. Страшиться гласности — значит питать какие-либо дурные намерения, иметь целью не благо общее, а личные выгоды, и желать делать тайно то, что неудобно или страшно делать в виду всех. — Гласность иные считают вредною как потому, что ею возбуждаются в народе лишние разговоры и толки, так и потому, что члены собраний, вместо того чтобы заниматься делом, хлопчут о произведении эффекта своими речами и о приобретении популярности. Это мнение более чем неосновательно и показывает, что люди, его придерживающиеся, очень поверхностно смотрят на производство дел общественных и государственных. Были, но, к сча-

стью человечества, миновали и, конечно, никогда уже не возвратятся те времена, когда люди считались баранами или коровами, которых нужно пасти, а рассуждать с ними нечего. Тогда, конечно, всякие разговоры и толки были излишними и бесполезными: достаточно было крикнуть и хлопнуть кнутом, и все повиновалось и приходило в порядок. Теперь, к сокрушению некоторых, настала пора иная, и искать возвращения минувшего или удержания его остатков — бесполезно и безрассудно. Теперь необходимо людям толковать, с ними рассуждать, от них узнавать об их нуждах и желаниях, им доказывать, что для них полезно и что вредно, и побуждать их не только делать первое и воздерживаться от последнего, но и склонить их к воздействию в том же смысле и на других. Теперь вреден не излишек, а недостаток в толках и разговорах; ибо ими понятия уясняются и, следовательно, ведение общих дел облегчается. — Что касается до того, что, в собраниях, при посетителях и стенографах, люди произносят длинные речи и стараются производить эффект и приобретать популярность, то конечно лучше, чтобы там говорились речи короткие, дельные и не бьющие на какие-либо посторонние цели; но что делать. Надо брать людей такими, какими они имеются, и, избегая малой беды, не попадать в большую. Мы знаем, что в заседаниях, где в силе канцелярская тайна, часто вместо того, чтобы заниматься делом, читают газеты, толкуют о вчерашней игре в преферанс, о милостивом или гневном слове, сказанном высшими лицами тому или иному и о других подобных важных материях. Знаем, что там дела часто докладываются так, что никто ничего понять не может и не ищет, что секретари там всемогущи, и что председатели и члены думают только, как бы поскорее все закончить и уехать домой или в гости или на какую-либо прогулку. Знаем также, что мы, русские, еще слабо заинтересованы общественными делами, что мы мало живого участия в них вкладываем, что дела личные стоят у нас на первом плане, что разные сплетни, известия о пикантных происшествиях для нас занимательнее важных общественных и государственных дел, и что пуще всего мы расположены предаваться слятям бездействия. А потому смело спросим, что на Руси вреднее: несколько эффектных речей и кой-где проявляющаяся погоня за популярностью, или безучастное, формальное, а иногда и чисто эгоистическое отношение к делам, простое их спихивание к исполнению и забота о получении жалованья и, вдобавок, какого-нибудь крестика или, пожалуй, и ленты

через плечо? Для нас гласность необходимее, чем для кого бы то ни было: мы слишком привыкли во всем к халату; мы слишком равнодушно относимся ко всему, что прямо нас не затрагивает; мы слишком мало проникнуты чувством законности и наших гражданских и общественных обязанностей; а потому необходимо, чтобы хотя что-либо внешнее нас возбуждало, выпрямляло и направляло к надлежащей общественной деятельности. А потому, общая земская дума без гласности была бы хуже телеги без колес, хуже лодки без весел, было бы одним присутственным местом больше, и следовательно одним вероятием меньше к успешному и удовлетворительному ведению общественных и государственных дел в России.

Но есть случаи, когда гласность при обсуждении дел неудобна или даже невозможна; а потому необходимо предоставить и правительству, и председателю, и известному числу гласных право требовать, чтобы обсуждение такого-то дела происходило при закрытых дверях.

Вот те главные особенности, которые следовало бы иметь в виду при устройстве общей земской думы. Есть еще одна, но она, думаю, сама собою разумеется. Хотя мы высказали желание, чтобы наши окраины не были лишены представительства в думе, однако мы вовсе не желаем, чтобы их представители говорили на ином каком языке, а не русском. Все делопроизводство и все прения должны происходить исключительно на государственном, т. е. на русском языке. Если откуда-либо приедут гласные, плохо выражающиеся по-русски, то они должны винить в том сами себя, но никакого исключения для них не следует допускать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышеизложенного, мы можем, **кажется, вывести** следующее заключение:

Во 1-х, что учреждение общей земской думы в том виде, с теми правами и обязанностями, как мы их обозначили, нисколько не ограничивает самодержавия, а напротив того, его усиливает, доставляя ему возможность действовать с большею свободою, сознательностью и устойчивостью; и,

— во 2-х, что эта дума доставляет народу возможность прямым и законным путем доводить до сведения верховной власти о своих

нуждах и пользах и участвовать советом в законодательстве и в общем управлении.

Мы доказали, кажется, что от учреждения такой думы не может быть никакой опасности и никаких неудобств для верховной власти. Напротив того, она получает возможность: а) прямо и верно узнавать обо всем, что ей нужно знать об управляемой ею стране; б) пользоваться лучшими ее умственными и нравственными силами; и в) быть в непосредственных, правильных и постоянных сношениях с народом. Опасности и неудобства для правительства происходят только от неведения, беспомощности и одиночества.

Мы также, кажется, доказали, особенно в предыдущей нашей книжке*, что настоящее наше положение тяжело до крайности, и что тяжесть его усугубляется еще тем, что великие преобразования, совершенные в нынешнее царствование, открывали перед нами новое и широкое поприще, на котором мы должны были развивать наши умственные, нравственные, хозяйственные, промышленные и торговые силы; а вместо того, мы встречаем всюду ограничение, стеснение, произвольные действия всякого рода и звания и неизбежную при них путаницу.

И это от чего?

Главнейше от того, что здание осталось без крышки. Не могут местные земские учреждения надлежаще действовать, пока нет в их завершении одного общего земского учреждения.

Не могут законы соответствовать общим потребностям, пользоваться уважением народа и строго им исполняться, пока они составляются только бюрократически.

Не могут финансовые дела идти удовлетворительно, пока незнание страны, ее средств и потребностей, отсутствие твердых, народную жизнь выработанных начал, и неустойчивость во взглядах и мерах составляют отличительные черты действий финансового управления, и пока одно обнародование уже утвержденной государственной росписи доходов и расходов слабо рассеивает мрак, которым покрыты дела нашего государственного казначейства.

Не могут суды отправлять правосудие неуклонно, устойчиво и независимо, пока их председатели и члены щедро награждаются за угодливость и низкопоклонность, а оставляются назади за самостоя-

---

* Наше положение. Берлин, 1875.

тельность и твердость характера и убеждений, и пока нарушение законов самим министерством юстиции считается делом мудрой административной политики.

Не могут наши университеты, гимназии, городские и сельские школы образовывать и развивать людей, пока в основу первых положены какие-то странные, народному духу противные начала, а последние, как будто с умыслом, поручены в заведование людей, имеющих всего менее средств к их поддержанию и умножению.

Всему этому и остальному подобному для славы нынешнего царствования и для блага народа должен же, наконец, быть положен предел. А это может быть исполнено только призывом народа к участию в государственном управлении, т. е. учреждением общей земской думы.

Настоящее время есть самое для того благоприятное. Мы пользуемся не только миром с соседними державами, но и расположением и уважением их правителей и народов; а внутри страны еще сильны чувства любви и благодарности к Тому, Кто уже совершил в отечестве нашем великие и благотворные преобразования. Ему должна принадлежать и слава их завершения и увенчания.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ ДЕЛАТЬ?

I

Мы переживаем теперь времена тяжкие, очень тяжкие и тем более для нас тяжкие, что они наступили после некоторых оживлений и что мы уже не те люди, какими были тридцать лет тому назад.

Петр I, пораженный и очарованный успехами и произведениями европейской цивилизации и одушевленный любовью к своей стране и желанием хотя насильственно двинуть ее вперед, сбрил нам бороды, одел в немецкое платье, призвал к нам толпу иностранцев и думал, хотя палкою и кнутом, превратить нас в европейцев из отсталых, в стародавних обычных колеях гложивших бояр, приказных и иного рода сидней. Он не побоялся труда, не погнушался им, взял в свои руки топор, рубанок и молот, и деятельно принялся за свое дело. Быть может, в избранном способе действий он отчасти был и прав: русский человек, хотя и даровит, смышлен и энергичен, однако он охотно предастся лени и бездействию, если что-либо внешнее не заставляет его выйти из обычного спокойствия.

Без Петра Великого, пожалуй, мы были бы далеко от того положения, в котором мы теперь находимся. Премудрая Екатерина, убежденная, что одною внешностью, одними вещественными позаимствованиями мы далеко не уйдем, и что и с бритую бородою и с французскими кафтанам, мы останемся в умственном отношении рабами Европы, вошла в письменные и личные сношения с Вольтером¹⁸⁴ и энциклопедистами, созвала в Москву для начертания проекта Уложения комиссию, которой дала в руководство наказ, основанный на мнениях Монтескье¹⁸⁵ и Беккария¹⁸⁶, основала академии и разные учебные заведения и принимала самые сильные меры к возбуждению умственной деятельности в России. Но ни платье, ни наука еще не составляют всего человека: нужно было русских двинуть в практическом, в житейском отношении. Либеральные убеждения императора Александра I, разные меры, им в этом смысле возбужденные и отчасти принятые, действия французской революции на Европу, противодействие Англии деспотизму Наполеона I и в особенности события 1812–15 годов оживили Россию так, что возникли в ней даже преждевременные стремления, надежды и попытки. Последние годы этого царствования не соответствовали первым его восемнадцати

годам: влияние Меттерниха на нашу дипломатию, действия Аракчеева¹⁸⁷ на внутреннюю администрацию и усилия Магницкого¹⁸⁸ с товарищами к подавлению в России всякого свободного мышления вызвали образование разных тайных обществ и в заключение — несчастные события 14 декабря 1825 года. Последовавшее за тем царствование, длившееся тридцать лет, было крайне тяжело для России; но оно не осталось для нас без полезных последствий. До этого времени, мы жили жизнью не своею, а по большей части позаимствованною: Петр одел нас по-немецки; Екатерина заставила нас думать по-французски; а при Александре I уже политическая жизнь Европы нас обхватила и прельстила, и мы чаяли, если не ныне, так завтра получить конституцию и быть Лафаетами¹⁸⁹ и Мирабо¹⁹⁰ нашего отечества. Мы сочиняли для России проекты конституций и отвозили их в Париж к Бенжамену Констану¹⁹¹ на просмотр и исправление. Этим путем долее и далее мы идти не могли: если бы даже получили конституцию, о которой мечтали наши тогдашние либералы, то или она осталась бы совершенно без всякого действия, т. е. только на бумаге, или, что еще хуже, пришлось бы нам ломать свой быт и давать ему совершенно не свойственное направление — создавать аристократию, без которой не возможны две камеры, и оппозицию, при отсутствии которой немыслим конституционализм. При гнете, испытанным Россиею, в царствование Николая; при воспрещении ввоза в наши пределы почти всяких серьезных иностранных книг; при ограничении у нас свободы печати и слова до крайних пределов и при ничем не обузданном своеволии высших, средних и низших сановников и чиновников русский ум, русское чувство и быт русского человека вообще вынуждены были обратиться сами в себя, сосредоточиться, многое перечувствовать и обо многом поразмыслить. В этом отношении особенное значение имело усилившееся тогда так называемое славянофильское направление. Это данное ему название вовсе не выражало сущности тех убеждений и стремлений, которыми оно главнейше отличалось. Конечно, так называемые славянофилы были благорасположены к своим единоплеменникам, страдавшим под игом турецким или австрийским, и с особенным сочувствием приветствовали их попытки от него освободиться. К тому же они чуяли и сознавали, что западная Европа все менее и менее будет дружелюбна к великой, все более и более усиливающейся русской империи. Но главное, коренное основание убеждений людей этого на-

правления заключалось в том, что всякий народ и в особенности всякое племя многочисленное, Богом одаренное значительными умственными, нравственными и физическими способностями и уже успевшее основать могущественную империю, должно выработать свой особенный общественный и государственный быт, свои воззрения и убеждения и, пользуясь тем, что уже узнано и сделано народами, предшествовавшими ему на пути общего человеческого развития, вложить и свою лепту в общую человеческую сокровищницу. В этом убеждении особенно утверждало так называемых славянофилов то, что славянское племя и русский народ в особенности сохранили в себе в большей по возможности чистоте учение Христово, превратившееся в католичество в слепую, чуждую разума веру, а в протестантстве — в рассудочный без живительной веры, хотя и не бездейственный толк о Боге и об отношениях к нему людей. Последние годы царствования Николая I ознаменовались страшным упадком России во всех проявлениях ее деятельности: литература безмолвствовала; беспорядки во внутреннем управлении доходили до безобразия; действия нашей дипломатии были не только безуспешны, но встречали по большей части отпор оскорбительный. Естественно, что во всех краях России, недовольство росло и усиливалось с каждым днем. Война сперва с Турциею, а затем и с европейскою коалициею даже не возбуждала народного сочувствия, и русские почти радовались неудачам правительства и его полководцев. Севастопольский погром и вследствие того вынужденно заключенный Парижский трактат вполне обнаружили всю несостоятельность системы администрации, которой следовало правительство, и доказали несомненно, что этим путем долее идти невозможно. Вошедший на престол Александр II премудро и вполне благовременно сознал необходимость разных существенных преобразований и нововведений в государственном управлении. Этому мы обязаны упразднением крепостной зависимости крестьян и дворовых людей от их помещиков, установлением гласного и устного судопроизводства, введением земских учреждений, допущением некоторой свободы печати и разными другими благими реформами. К прискорбию, приведение в действие этих преобразований поручено было людям, в душе им не сочувствовавшим; а потому они все делали если и не к отмене изданных Уставов и Положений, то, конечно, к ограничению и уничтожению их благих действий. Этими непосредственными исполнителями

Высочайшей воли поощрялись не те средние и низшие чиновники, которые действовали в духе изданных законоположений, а те, которые искусно их обходили и на деле отменяли. Цензура преследовала не противников предпринятых реформ, а ревностных их защитников и сторонников; ибо она, по указаниям начальства, благоприятствовала более первым, чем последним. С 1866 года произошел уже крутой поворот в системе правительственной деятельности: Высочайший рескрипт 13 Мая на имя председателя комитета министров кн. Гагарина¹⁹² исполнил радости врагов предпринятых реформ и глубокой грусти тех, которые были душевно им преданы и которые видели в них не только залого будущего устройства, но и вернейшие основы спокойствия и могущества России.

Нельзя было прямо восстановить крепостное право на людей; но возможно было разными разъяснениями, циркулярами и распоряжениями ограничить крестьянское самоуправление и сколь возможно более его подчинить местной администрации. В видах этого стали, вопреки закону, без согласия волостей, их соединять и тем создавать новые совершенно искусственные единицы, с уничтожением тех связей, которые соединяли людей одного прихода. Мировые посредники последнего времени были поставлены в полную зависимость от губернаторов; почему они и превратились в чистых чиновников: для них крестьянское дело стало на заднем плане — главное для них было делать угодное начальству. Волостные суды, и в начале не в русском духе устроенные, сделались, по милости посредников, слепыми исполнителями не только их решений, но и воли волостных писарей, которых назначение, вопреки закону, они себе присвоили. Жалобы на волостные суды стали так всеобщы, что наконец решились в Петербурге отправить комиссию под председательством сенатора Любощинского¹⁹³ для исследования этих жалоб и для составления проекта о переустройстве этих судов. Комиссия объехала почти все местности России, где существовали волостные суды, очень усердно собирала всякие по сему предмету сведения; затем она напечатала несколько томов материалов, и составила, как говорят, обстоятельный проект; но он, к счастью или несчастью, остался мертворожденным детищем. В довершение грустного положения крестьянского самоуправления издано было новое узаконение об уездных и губернских присутствиях по крестьянским делам. Эти присутствия странны по своему составу, ибо в него входит большинство лиц, уже обреме-

ненных делами своих должностей: под председательством предводителя дворянства заседают там исправник и председатель уездной управы; свободными для занятия по этим присутствиям суть только неприменный член и почетный мировой судья; от этого часто заседания этих учреждений не могут состояться и дела долго не получают никакого решения. Но еще страннее то, что на административные места возложены рассмотрение и решение в кассационном порядке всех жалоб на приговоры волостных судов*. Эта обязанность для административных учреждений весьма неудобна и обременительна. Но хуже всего то, что этим новым законоположением предоставлено исправникам право распоряжаться старостами и старшинами и штрафовать их по своему усмотрению и деньгами и арестом. Через это сельские должностные лица превратились в рассыльных или исправничьих слуг; и ни один порядочный крестьянин теперь не идет ни в старосты, ни в старшины. Как крестьяне не имеют права отказываться от исправления должностей, в который они в первый раз выбраны, то не редко они предпочитают быть несколько раз оштрафованными за неисполнение своих обязанностей и затем уволенными, чем оставаться при своих должностях. А потому крестьянское самоуправление еще никогда не было в худшем положении, чем теперь; и это тем грустнее, что исправить искаженное учреждение много труднее, чем новое пустить в надлежащий ход.

Наши сословные земские учреждения превратились чуть-чуть не в сословные, а именно в чисто дворянские. В губернских собраниях уже не видно крестьян и мало бывает там людей из купечества. Первые устранены тем, что не дозволяется уездным земствам выдавать даже ничтожные суточные деньги тем гласным, которые заявят о невозможности для них на свой счет ехать в губернский город и там

---

* Эти жалобы весьма многочисленны; по большей части они пишутся так, что и по неоднократном их прочтении остаются непонятными; а потому присутствия, не имея права вызывать сторон и свидетелей, часто вынуждены решать дела вполне произвольно. К тому же, смысл кассации, то есть отмены, а не перевершения приговоров, есть понятие очень отвлеченное, и крестьяне никак его себе не усваивают. Почти все просьбы, поступающие в присутствия, имеют характер апелляционный, а не кассационный; а потому этим учреждениям предстоит или оставлять эти жалобы почти огульно без уважения, или, когда решения явно несправедливы, самим отыскивать в приговорах поводы к кассации.

жить во время губернских собраний. Многие земства ходатайствовали о разрешении им оказывать таким гласным пособия, ограничивая суточные деньги цифрой не свыше полутора рубля в день; но петербургские администраторы и законодатели, знающие более европейские вопросы, чем русские дела, и опасаящиеся пуще всего «демократических тенденций», постоянно и упорно оставляли эти ходатайства без уважения. Что касается до купечества, то оно утратило интерес в земских делах главнейше вследствие узаконения, воспрещающего земству облагать купеческие и прочие свидетельства свыше 25% их казенной цифры. Этот процент весьма невысок; ниже обложить невозможно, а выше — законом запрещено; а потому денежный интерес, по земскому обложению, для купечества не существует. К тому же, и дела, обсуждаемые в земских собраниях, становятся все менее и менее интересными, не потому что они сами по себе утрачивают значение, а потому что общие дела усложняются, ухудшаются и поглощают внимание всех и каждого. Как заботиться о мостах и дорогах, о больницах и лекарях, когда и без того постоянно утяжеляющиеся государственные налоги и сборы отнимают у крестьян последнюю трудовую копейку и ставят землевладельцев, у которых почти все имения заложены в разных кредитных установлениях, в положение все более и более тяжкое, почти безвыходное! Сколько землевладельцев разорено вследствие того, что общество взаимного поземельного кредита вынуждено, упадком курса, требовать со своих должников усиленные взносы, которые могут еще увеличиться и окончательно погубить заемщиков! Не до земских дел человеку, когда собственный его дом горит или когда сам он тонет. К тому же отрадно ли, возможно ли усердно заниматься земскими делами, когда все знают, что администрация не только смотрит на них враждебно, но и всячески им противодействует и что земские ходатайства оставляются без всякого уважения. Что касается до первоначальных школ — предмета особенно важного в земском отношении и было обратившего на себя внимания большинства земств, то теперь, по милости министерства народного просвещения, почти нет возможности заниматься этим делом: вопреки закону, министерство присваивает себе, в лице своих директоров и инспекторов, полное ведение этих школ, а не один за ними надзор, предоставляя земству только хозяйственную их часть, т. е. приятную обязанность выкармливать деньги, без уверенности в пользе их расходования. Министерство думает,

что оно, из-за тысячи и более верст, на всем пространстве обширной нашей империи, может лучше вести дело первоначального образования, чем местное земство, которое быть может и не имеет его педагогических сведений, но зато находится на месте и особенно заинтересовано первоначальным обучением окружающей его молодежи. И что за директора и инспекторы к нам насылаются! Вероятно, они исправно очищают канцелярские номера и искусно сочиняют все требуемые ведомости, но зато в школы они почти и не заглядывают, а если их и посещают, то своим чиновничеством, своими формальностями и придирками делают им более вреда, чем пользы. Как бы земец ни был привязан к своим земским делам; как бы ими он ни дорожил; но общее положение дел таково, что забываешь не только земские, но и свои собственные дела и погружаешься если не в полное отчаяние, то, во всяком случае, в уныние и бездействие.

А судебная реформа, обещавшая нам так много и между прочим то, что никто без суда не подвергнется никакому наказанию, и должествовавшая развить и укрепить в нас чувство законности, в чем мы имеем сильный недостаток, — эта судебная реформа далеко не доставила нам того, чего мы были вправе от нее ожидать. Едва ли в прежние дореформенные времена было когда-либо столько домашних обысков, арестов и высылков административным порядком, сколько их произведено в последние годы. Не могут служить оправданием или извинением даже те чрезвычайные обстоятельства, среди которых мы теперь находимся. Несколько лет тому назад перехватили до восьми тысяч человек; около двух тысяч лиц было засажено в разные тюрьмы; более тысячи задержанных подвергнуто было формальному следствию; наконец 193 человека явились на скамьях подсудимых¹⁹⁴; большая половина из них были совсем оправданы; а из остальных большей половине зачтено в наказание перенесенное ими задержание в тюрьме; только двое или трое подверглись тяжким наказаниям. И все это возникло по доносу одного честолюбца и длилось более двух лет! Виновник этого безобразного дела удостоился, во время его производства, нескольких наград и в заключение, т. е. после закончания самого суда, он как говорят, только получил приглашение отправиться к себе в тамбовскую деревню, с сохранением звания сенатора и даже получаемого им жалованья¹⁹⁵. А сколько было и после того арестов и высылков админи-

стративным порядком! Конечно, грустны эти вторжения администрации в область суда; но еще много грустнее попытки главного блюстителя правосудия к искажению и обезображению правильного его хода. Новый министр юстиции не хочет, кажется, подкапываться под устройство судов и следственной части; по крайней мере, новых покушений против них он не предпринимает: но его предшественник в этом отношении уже так много совершил, что одного бездействия власти по этой части слишком мало. Необходимо положительно отменить некоторые циркуляры, особенно к гг. прокурорам, которых бывший министр старался превратить чуть-чуть не в чиновников 3-го отделения; необходимо из исправляющих должность судебного следователя утвердить в ней всех тех, которые могут оставаться в этом звании, а остальных уволить и покинуть противозаконный способ их назначения на время в виде испытания, продолжающегося много лет и превращающего этих чиновников в покорных слуг прокуроров, которые и по закону вполне зависят от министерства юстиции; необходимо в отношении к несменяемым судьям изменить систему действия и не развращать их беспрестанными повышениями и наградами. Вообще назначения как судей, так и лиц прокурорского надзора и судебных следователей, при предместнике нынешнего министра юстиции¹⁹⁶, были не только неудачны, но что еще много хуже — незаконны и вполне тенденциозны: не строго требовались юридические знания, но необходимо было считаться «благонадежным», т. е. не иметь своих убеждений и быть готовым исполнять всякие приказания и требования начальства. Наши судебные уставы вообще так хороши, как редко удастся быть нашим законоположениям; их нужно не изменять, а лишь развивать и в том именно духе, в котором они составлены. Наши судебные учреждения в начале, т. е. в первые годы своего существования, были стали в общественном мнении так высоко, как можно было только желать и как нельзя было ожидать. Теперь дело обстоит совершенно иначе: еще имеются в наших судах люди достойные, но они составляют не большинство, а весьма малое меньшинство. Конечно, несменяемых судей нельзя сменять; но как большинство из них состоит из людей «благонадежных», то, убедившись, что министерство юстиции теперь иначе смотрит на обязанности судей и иначе ценит людей, они, конечно, не затруднятся в изменении вида и сущности своей «благонадежности». Весьма важ-

ное значение в этом отношении должны иметь новые назначения судей и прокуроров; они проявят тайну министерских воззрений и стремлений. Постараемся надеяться, а действительность крайне тяжка и мало располагает к увлечениям в этом смысле.

Учебная часть возбуждает теперь у нас всеобщее и глубокое недовольство; одни Московские ведомости восторгаются успехами и действиями системы образования, принятой и усердно проводимой министерством народного просвещения. Наши средние учебные заведения не развивают, а притупляют юношество: чтобы в этом удостовериться, достаточно поговорить с их учениками и вникнуть в распределение часов занятий в этих училищах и в программы, для них утвержденные. Действительно, учат юношей весьма многому и очень настойчиво; но все ли равно необходимо, и не полезнее ли возбуждать в них собственную их умственную деятельность, чем обременять их память и соображение преимущественно греческими и латинскими склонениями и спряжениями, синтаксическими упражнениями и утомительным чтением и перечитыванием нескольких классиков? Мы вовсе не против классицизма вообще; высоко ценим его достоинства; сознаем пользу, которую он, в известных размерах и отношениях, может приносить учащимся юношам; но считать его безусловно необходимым для всякого образованного русского, видеть в классицизме единственный или даже преимущественный путь к умственному развитию и считать эту систему вернейшею охраною от все более и более распространяющихся у нас нигилистических учений — с этим мы никак согласиться не можем. Равным образом, мы и не за противоположную систему, было у нас утвердившуюся, т. е. за признание математики и естественных наук главными человеческими знаниями и основами всякого человеческого ведения. Думаем, что обе эти системы своею исключительностью ошибочны; что первая более притупляет молодежь и отталкивает ее от учения, а последняя хотя занимательностью предметов изучения и привлекает ее к науке, однако направляет юношей к материализму; и что, следовательно, и та и другая равно не желательны и вредны. Обе они были у нас в действии, и трудно сказать, которая из них имела худшие последствия; думаем, что ныне господствующей принадлежит в этом отношении первенство, ибо, по несчастию, она долее держится и приводится в действие с большим упрямством и меньшею совестли-

востью. Не место здесь более об этом распространяться и указывать тот путь, который означается и требуется духом нашего народа; это завлекло бы нас слишком далеко и необходимо вызвало бы разные возражения. Не в этом заключается цель нынешнего нашего изложения: здесь мы говорим о прошедшем и настоящем, определяем действия ныне принятой системы и результаты ею даваемые; предоставляем другим, а быть может и себе, в иное время высказать, к чему в особенности должны стремиться наши учебные заведения и каким путем следует им к тому идти. Теперь мы знаем, что число учеников, выходящих из средних учебных заведений с удовлетворительными аттестатами — весьма мало; что число исключаемых или по собственной воле до окончания курса выходящих учеников — очень значительно; что даже лучшие из них, удостоенные самых лестных свидетельств, не отличаются развитием собственных способностей; и что в знаниях, приобретаемых юношеством в гимназиях и прогимназиях, очень мало жизненности и разумности. Школы не столько важны и плодотворны по сведениям, в них получаемым, сколько возбуждением любознательности и умственной деятельности; а в этом отношении наши учебные заведения вполне несостоятельны: они скорее убивают, чем оживляют любовь к учению. Что же касается до нравственного развития в наших средних учебных заведениях, то оно еще менее удовлетворительно: искренности, любви к правде, отвращения от лжи, горячности и стойкости в убеждениях нет и следа в тех учениках, которые выставляются даже в пример другим; но зато в них преобладают угодливость, слепое послушание и готовность к безоговорочному принятию всего внушаемого или передаваемого директорами, инспекторами и прочими властью предержавшими. Очевидно, что наше учебное ведомство вовсе не хлопочет о воспитании людей, но все свое старание прилагает к образованию чиновников, карьеристов, угодников да прислужников. Удивительно ли, что лицемерие у нас в таком ходу и что молодое поколение в этом отношении далеко превзошло даже своих отцов, живших при полной, ничем не нарушавшейся крепостной зависимости! Университеты наши также находятся в самом грустном положении: состав профессоров далеко не блестящ; вакантных кафедр много, а те, которые и заняты, мало от того выигрывают; замечательных людей между преподавателями очень мало, а замечательных трудов, ими совершенных на пользу науки, еще менее; тут уже господствует не классицизм, не реализм,

а Бог весть что. Министерство требует, чтобы все преподавалось в смысле, им признаваемом за «благонадежнейший»; профессора, даже не отличающиеся независимостью и стойкостью в своих мнениях, не в состоянии по большей части этого исполнить; от этого происходит то, что они постоянно не договаривают, излагают свой предмет не полно и не ясно, вроде того, как теперь, по милости существующей цензуры, приучились у нас писать, т. е. двусмысленно. Понятно, как такой способ преподавания плодотворен и как он сближает учащихся и учащихся; а потому и не удивительно, что между ними нет никакой связи, никакой искренности и никакого друг к другу доверия. Профессора походят более на чиновников, исполняющих свои официальные обязанности, чем на преподавателей, дорожащих передачею своим слушателям тех сведений и убеждений, которых они преисполнены; а студенты преимущественно заняты тем, как бы отбыть положенные годы обучения и получить ученую степень, дающую права по службе. Тут наука ни причем; общения между учащими и учащимися также нет почти никакого; формальное исполнение своих обязанностей есть главная забота и тех и других. Конечно, это правило не без исключений, но они весьма редки: имеются профессора, от души преданные науке и прилагающие всевозможное старание к возбуждению любознательности в молодежи; имеются и молодые люди, искренно желающие учиться и развивать свои способности; но и те и другие суть не произведения принятой министерством народного просвещения системы образования, а детища, вопреки ей нарождающиеся. Странно, это министерство смотрит как будто враждебно на самый предмет, для которого оно существует, т. е. на просвещение, старается как можно более ограничивать и оформлять — опошливать его деятельность, суживать область его распространения и сокращать его вредные действия. Просвещение является этому министерству в виде как бы чумы, от которой нужно охранять народ карантинами и другими запретами. Оно считает людей достаточных еще способными справиться с этим злом; но пуще всего хлопчет о предохранении от вредного его действия людей малоимущих. Оно затрудняет им доступ в университеты, и еще в нынешнем году оно воспретило семинаристам свободное поступление в эти высшие учебные заведения и установило для них вступительные экзамены. Такое воззрение на просвещение ясно и положительно обнаруживается деятельностью этого министерства; жаль, что оно не додумалось

до следующих простых истин: что карантинные вещественные и даже легальные бессильны против просвещения; что оно действует тем неправильнее и даже насильственнее, чем более встречает противопоставляемых ему препятствий; что с недоучками гораздо труднее справляться, чем с людьми надлежащим образом развитыми, и что умножение недовольных есть оказание прямого содействия распространению вредных тайных учений. Да! Наше министерство народного просвещения гораздо справедливее и вернее следовало бы называть министерством народного затемнения и притупления.

Но разве огромный прилив желающих учиться и в прогимназиях, и в гимназиях, и в университетах, и в прочих учебных заведениях не доказывает удовлетворительного, даже блестящего их положения? Конечно нет. При голоде, едят и конину и с жадностью хватаются и за хлеб с мякиною. Потребность в обучении у нас так сильна; средства к домашнему воспитанию так недостаточны и дороги, что прилив желающих поступать в казенные учебные заведения свидетельствует только о существовании у нас этой сильной потребности и вовсе не о надлежащем ее удовлетворении. Спросите не одних учащихся, но и их родителей; спросите уездные и губернские земские и городские представительные учреждения; спросите через печать общественное мнение; и все конечно ответят не в пользу системы, ныне приводимой в действие министерством народного просвещения. Неужель несколько петербургских бюрократов и один из всех русских публицистов¹⁹⁷ умнее общественного мнения и более нас любят, чем мы сами себя любим? Такое самомнение и самообольщение становятся даже преступными.

А печать — орган для выражения человеческих мыслей, чувств и желаний, для сообщения их своим ближним и для единения с ними — орган, сделавшийся в XIX веке такою же необходимостью для образованного человека, как воздух для его дыхания и хлеб для его пищи — печать еще считается у нас роскошью, и притом более вредною, чем полезною. В 1865 году издано было для столиц и весьма немногих привилегированных городов временное Положение, допускавшее некоторое освобождение от цензуры и разрешавшее обсуждение разных, даже политических вопросов, и обещано было распространение этой льготы и на другие местности¹⁹⁸. После гнета

сороковых и пятидесятих годов мы обрадовались этому дарованному праву; и надо отдать справедливость нашей журналистике и печати вообще, что они воспользовались очень скромно и разумно этим льготным положением. Но администрация не замедлила увидеть, что ее бюрократический, враждебный стране способ действия не может удержаться даже с этою крайне умеренною свободою печати: пошли разъяснения статей Положения, циркуляры и даже конфиденциальные словесные внушения — все это в видах стеснения того малого простора, который был дан мысли и слову в области печати; и из обнародованного закона почти ничего не осталось. Но и этого администрации показалось мало: она выхлопотала себе право без суда, через комитет министров, запрещать повременные издания и жечь вышедшие их номера и напечатанные книги. Главное управление цензуры охотно пользовалось правом делать издателям газет и журналов предостережения; но особенно оно полюбило воспрещение розничной продажи, через что, как бы незаметно, налагало тяжкие штрафы на редакторов повременных изданий и тем держало их в полной крепостной от себя зависимости. Разъяснения статей Положения так многочисленны и даже противоречивы; масса циркуляров главного управления по делам печати до того огромна; а конфиденциальные внушения так разнообразны, изменчивы, а часто и так загадочны, что не только писатели и издатели газет и журналов не знают, что можно и чего нельзя печатать; но и сами цензоры утратили в этом отношении всякий смысл; а потому, в видах сохранения своих мест и получения наград, они вполне разумно предпочитают лучше грешить излишнею строгостью, чем противоположным свойством. Печать теперь находится в таком положении, что решительно неизвестно, что можно и чего нельзя печатать. К еще большему перепутанию всяких понятий служит то, что преследуются, запрещаются статьи и издания, в которых пишется и печатается в смысле предпринятых реформ, в духе истинно русском и согласном с учением нашей православной церкви; и пропускаются, как бы без внимания, выходки против вводимых самим правительством преобразований, и всякие рассуждения, изложения и повести в материалистическом направлении. Сверх того, есть город, где еще можно кой-что говорить печатно, и есть другой, где самые невинные, самые благонамеренные мнения и слова считаются злостными и чуть-чуть не преступными. Так, в Петербурге еще могут издаваться

книги, журналы и газеты: там еще есть возможность, посредством некоторых ловких и своевременных хитростей, снискивать благо-расположение или по крайней мере терпимость со стороны высшей и низшей цензуры; но Москва в этом отношении находится в самом грустном и тяжком положении: ее слова имеют какой-то странный отзвук — сказанное тут в выражениях менее резких, чем на берегах Невы, возбуждает страх в московских цензорах, и подозрения и опасения в высшем цензурном управлении. Хотя это и лестно, но очень невыгодно для Москвы. Только один человек или, вернее сказать, только одно издание сумело поставить себя, даже в Москве, в какое-то независимое, привилегированное положение — Московские ведомости¹⁹⁹. В них бывали статьи и очень смелые, особенно во время Берлинского конгресса, и цензурные громы до них не касались. Чем они заслужили такую исключительность — мы не знаем; но радуемся, что хотя одно издание не дрожит, выпуская свои номера. Что же касается до провинций, т. е. до всей внутренности империи, то там печатать можно только бланки для счетов и отношений, и губернские ведомости; мысль же считается там совершенно неуместным и излишним даром для человека. Пытались было там издавать газеты и помимо губернских ведомостей; но мудрым распоряжением высшего цензурного управления положен конец таким неуместным затеям: оно просто-напросто приказало номера газет отсылать на просмотр в цензурные комитеты, т. е. за полутьсячи и тысячи верст. Так, на днях окончила свое существование долго барахтавшаяся с цензурным ведомством Донская газета²⁰⁰, которая должна была препровождать свои номера на просмотр не ближе Москвы. Вообще по части свободы слова и печати, мы отстали от Европы более, чем даже в других отношениях: наша администрация едва допускает в нас потребность в сообщении другим наших мыслей и чувствований, и считает своим долгом строго наблюдать, чтобы дети не расшаливались и тем не нарушали спокойствие их няньки и попечительницы. А как потребность эта имеется и даже ежедневно усиливается и распространяется, и тем более, чем менее она удовлетворяется; и как детьми мы век быть и себя считать не можем, а особенно после разных преобразований, правительством предпринятых и при нашем участии совершенных, то общее недовольство людей образованных, т. е. самой развитой части народа, с каждым днем растет, крепнет и углубляется.

Финансовое наше положение, в государственном, общественном и частном отношении, таково, что, хотя мы достаточно бедствуем и по другим частям, но тут мы дошли чуть-чуть не до границ возможного. Наши подати и сборы, пожалуй, цифрою и не очень значительны; но свою несообразностью, неравномерностью их распределения и способами их взыскания, едва ли они мыслимы в несколько благоустроенном государстве. Они ложатся на людей тем тяжче, чем последние менее достаточны и менее пользуются выгодами государственного устройства. Давно толкуют о необходимости преобразования существующих налогов и в особенности подушной подати, лежащей на тех, которые всего менее должны бы платить за право существования. Эта подать, кроме присущей ей нелепости и несправедливости, имеет у нас то вредное действие, что делит русский народ на две части — на податные и неподатные сословия, что совершенно противно духу предпринятых реформ и образованных вследствие того судебных и земских учреждений. Более, кажется, восемнадцати лет существует комиссия «Податная»; много ею исписано бумаги; много она напечатала очень хороших материалов; но проекты ее были по большей части детьми мертворожденными²⁰¹. Этим свойством особенно отличались ее предположения по преобразованию подушной подати: прежний проект о замене ее подворным налогом разобран и бесповоротно осужден был земскими собраниями, и сама администрация не могла не признать дельности представленных на него замечаний и необходимости предания его забвению. Но странно то, что Правительство не воспользовалось земскими указаниями, вполне благоприятными отмене подушной подати и только расходившимися между собою на счет того, каким налогом следует ее заменить. Опять начались печатания трудов Податной Комиссии, земских отзывов и разных материалов; так прошли годы, и притом многие годы, и наконец в 1878 году появился на свет Божий этой же комиссии проект поразрядного налога. Но этот проект даже не подвергся критике земских собраний: его оценили по справедливости некоторые повременные издания, и правительство сочло нужным предать его, если и не вечному, то по крайней мере временному покою. В начале нынешнего года объявлена была Высочайшая воля на счет отмены подушной подати и замены ее иным налогом. Это обрадовало многих и возникла надежда, что по крайней мере на сей раз эта подать подвергнется окончательной отмене. Дело это поручено

не прежней комиссии, уже доказавшей многими опытами свою бесплодность, но новой, имеющей состоять из высших чинов разных министров и из других сановников. Признаться, такой возведенный состав новой комиссии значительно уменьшил надежды на успех самого дела, а обнародование имен этих назначенных членов окончательно подорвало все виды и расчеты на благоприятные результаты трудов этого нового сонма бюрократов. От чего прежняя старая податная комиссия была так малопроизводительна? Заседали в ней люди умные, образованные, даже довольно сведущие в финансовом деле вообще; в цифровых материалах недостатка у ней не было; и окончанием работ, кажется, комиссию не торопили. Главную причину безуспешности всех ее трудов было то, что как все члены комиссии были сановники или чиновники, т. е. бюрократы, то в них оказывался полный недостаток в настоящих бытовых и местных сведениях, которых никаким кабинетным трудом или собственною прозорливостью заменить нельзя. Новая комиссия, будучи составлена из людей высшего ранга, но еще меньшего практического знания вообще и по финансовой части в особенности, ибо ею они по большей части вовсе не занимались, уже лишена всякой возможности исполнить возложенное на нее поручение. Спрашивается: высшие чины министерств внутренних дел и юстиции, контроля и 2-го отделения собственной канцелярии, никогда не занимавшиеся финансовыми вопросами, что могут сказать или придумать по весьма трудному и сложному вопросу о замене подушной подати иным налогом? Ведь этот вопрос вовсе не такой, который можно разрешить, прочитавши или прослушавши какой-нибудь доклад по этому предмету и обсудивши его в нескольких вечерних заседаниях. Нет! Этот вопрос требует изучения его в теоретическом и особенно в практическом отношении. Надо быть знакомым и с финансовою наукою вообще, и с местными временными и пуще всего житейскими обстоятельствами страны, для которой предполагается налог.

Могут члены новой комиссии быть и очень умными и отменно благонамеренными людьми; но того знания, которого не имела прежняя комиссия, еще менее будет в новой, и по причине очень простой — как ее члены суть высшие чины, то они еще более искажены бюрократическим духом и еще более чужды народной жизни. Знаете ли, какого результата надо желать от трудов этой комиссии? Того же, как и от первой, т. е. чтобы детище ее оказалось мертворожденным.

Подушная подать, как ни нелепа и ни несправедлива сама по себе, теперь на деле она много утратила своих дурных свойств: крестьяне переложили ее, в хлебобродных губерниях — на землю, а в промышленных — на промыслы; и тем они смягчили непосредственное вредное действие этой подати на народонаселение. Конечно, весьма желательно ее упразднение, как для прекращения деления русского народа на податные и неподатные состояния, так в особенности для получения возможности коренных изменений в паспортной системе; но как бы не пересадили из Германии или другой чуждой нам страны, такую подать, которая окажется вполне для нас непригодною и для водворения которой придется еще ломать наш быт, уже кажется достаточно искалеченный. Могла бы эта новая комиссия прийти к великолепному результату — к сознанию своей несостоятельности для разрешения податного вопроса и к указанию настоящего пути для его разработки; но бюрократическая самоуверенность и бюрократические обычаи едва ли допустят ее до такого мудрого и благого заключения.

Хотя упадок ценности нашего рубля непосредственно тревожит и огорчает немногих, однако все более или менее терпят от последствий этого грустного положения нашего курса. Правда, нашлись люди и даже, к сожалению, одна московская газета, которые превозносят благодетельные действия огромного выпуска бумажных денег, произведенного по необходимости во время последней войны²⁰²; но, к прискорбию, эти благодеяния чувствуются весьма немногими и факты слишком ясно и осязательно опровергают эти провозглашенные парадоксы. Цены на все — не на одни товары, привозимые из заграницы, но и на туземные произведения страшно поднялись и все идут вверх; эти колебания в ценах задерживают и подавляют развитие промышленности и торговли вообще; люди, живущие доходами от капиталов и получаемым ими определенным жалованьем, терпят большие убытки и недостатки; проценты, платимые казною по заграничным займам, возвысились в полтора раза, и расходы по внутренним заповядям значительно возросли, а потому она должна усиливать собираемые ею налоги и сборы, и за всем тем не может не быть дефицитов в государственном бюджете; одним словом, во всех денежных сделках и оборотах чувствуются такая неопределительность и изменчивость, что никто не решается ни на

какие предприятия и ощущается всеобщий *malaise*²⁰³. Правительство сознает и не может не сознать тяжести и бедственности этого положения: оно как будто извлекает понемногу из обращения излишне выпущенные кредитные билеты; но оно действует в этом отношении очень слабо и нерешительно, и потому эти его меры не имеют почти никакого влияния ни на восстановление ценности рубля, ни на удержание подъема цен на товары; а между тем займы заключаются, сумма платимых процентов увеличивается и кредит казны потрясается*. На этот крайне важный и существенный предмет — восстановление ценности рубля — финансовое управление не обращает должного внимания, считая это дело терпящим отлагательство, тогда как оно много настоятельнее, чем даже уравнивание бюджета, которое не может быть действительным и верным, пока колеблется ценность рубля.

Впрочем, из сказанных нами слов да не заключит кто-либо, что мы считаем несущественным и подлежащим отсрочке дело об уравнивании нашего бюджета. Нет! Оно и весьма важно и вполне неотложно; но мы желаем уравнивания не кажущегося, а действительного, которое возможно только при восстановлении ценности рубля. Легко на бумаге соразмерить расходы с доходами; но когда наш курс прыгает и так изменчив, как теперь, и когда цены и на внутренние произведения весьма непостоянны, то нет возможности верно учесть, сколько денег нужно на уплату как процентов по заграничным займам, так и за поставки в казну сукна, холстины, муки, овса и пр. Достигнутое уравнивание на 1879 год произвело в финансовом мире действие скорее невыгодное, чем благоприятное, — это доказано тем, что наш курс, по обнародовании государственной сметы приходам и расходам, нисколько не поднялся. Да и не мог он подняться. Мы кое-как уравнивали наш бюджет установлением таких налогов, из которых некоторые скорее доказывали нашу несостоятельность

---

* Правда, теперь курс наш несколько поднялся, но в этом наше министерство вовсе неповинно. Предвидится значительная покупка хлеба Францией и даже Германиею, и сверх того, по последнему государственному займу, на который за границу очень многие и на большие суммы подписались, предстоят большие взносы; а потому спекуляция желает закупить значительное количество русских бумажных денег.

и нашу немудрость, чем противоположное* Ведь финансовый мир европейский не глуп и знает наши денежные дела очень хорошо: словами и цифрами его не обманешь.

Говорят, да и в газетах европейских было напечатано, что когда наш новый министр финансов²⁰⁴ за чем-то поехал в Париж и там имел свидание с банкирами, то один из них, а быть может и многие сказали ему: «Мы охотно и на хороших условиях отперли бы для России наши сундуки, если бы у вас существовали государственные представительные учреждения»**. Это более чем правдоподобно. Нам не раз и не от одного банкира случалось слышать подобные речи.

Любопытно было бы знать, переданы ли г. министром эти отзывы Тому, кому о том знать было бы всего нужнее и полезнее²⁰⁵ Учреждение комиссии в видах сокращения расходов было, конечно, мерой необходимою и обещавшею быть полезною; но опять образование ее из одних высших чинов администрации уничтожает все

---

* Платежи за переезды по железным дорогам, при наших огромных расстояниях, вовсе не легки. Сбор в пользу казны 26% с пассажирских билетов 1 и 2 классов, и в особенности по 16% с билетов 3 класса, еще увеличивает эти расходы. Все железные дороги, с начала текущего года, выручают много менее с пассажирских билетов вообще и особенно с билетов первых двух классов; а как правительство платит субсидии большинству дорог, то едва ли сумма налога с железных дорог покроет излишнюю приплату, которую Правительству придется им произвести.

У нас вообще страхуют еще слишком мало; следовало бы поощрять страхование; а установление налога на него произведет действие совершенно противоположное.

Один налог разумный и правильный — это налог на водки. Он даст конечно от 15 до 20 миллионов рублей, и что всего важнее — положит конец мошенничеству, слишком долго существовавшему, по продаже слабого вина под фальшивыми названиями разных водок.

** Не уродливо ли существование в каждом губернском городе почти стольких же административных учреждений, сколько имеется министерств; а одно из них не удовлетворялось даже этим и имеет их два: казенную палату и управление акцизными сборами. У нас же, в Сибири и в Привисленском крае, существуют губернские правления, в которых сосредоточены почти все административные дела губернии. Министерства имеют там своих советников для заведывания делами по каждой части, и губернатор есть там настоящий начальник губернии; а дела идут, право, не хуже, чем у нас. А сколько сбережено было бы помещений, дров, рассыльных и пуще всего, насколько могло бы быть сокращено число начальников и чиновников вообще.

Да и делопроизводство пошло бы успешнее, ибо совестно было бы в одной и той же комнате писать и отправлять друг к другу отношения и выжидать ответов.

надежды на благоприятный результат ее трудов. Вперед можно сказать, что сокращений будет немного, и что они отнесутся не к тем окладам, которые всего более требуют сокращения, а напротив к тем, которые скорее требуют прибавок, чем убавок. Авось, по крайней мере, сократится число чиновников и административных мест; и это было бы уже выигрыш не малый. Сократить расходы — необходимо, ибо они в последние годы росли не по годам, а по дням и часам, и особенно в высших сферах администрации. Тут десятки и сотни тысяч расходовались легче, чем меньшие суммы на действительные нужды государства. Поживем — увидим, а пока тяжело смотреть на такие порядки и от них терпеть.

Еще много, очень много следовало бы сказать о положении дел в нашей стране, о том, как они производятся и как мы от этого производства страдаем; но достаточно и того, что нами уже изложено. Наше теперешнее положение, пожалуй, лучше, чем то, в котором мы находились двадцать пять лет тому назад; но время шло вперед, атмосфера и обстановка, в которых мы живем, значительно изменились, и мы сами уже далеко не те люди, какими мы прежде были. Подкупленные правом владения другими людьми, мы считали себя как бы обязанными преклоняться перед властями, которые могли ограничивать это наше право; мы мало обращали внимания на совершавшиеся около нас неправды, ибо чувствовали, что наши недостатки, доходы и весь наш быт основаны были на самой вопиющей неправде; и мы позволяли себе разве только мечтать об иных, лучших порядках. Люди, находившиеся в крепостной зависимости, были обеспечены на счет пищи и крова, тянули, хотя и не без ропота, свою тяжкую лямку и только в крайних случаях решались прибегать к убийству своего помещика или к поджогу его строений; а остальные русские, т. е. не душевладельцы и не подвластные им, утешались тем, что существовали сами по себе, старались, из своей физической независимости, извлекать что могли и не гнушались прибегать ко лжи, обманам и даже мошенничествам для облегчения или улучшения своей участи. Крепостная зависимость, как тяжкий гнет, как обезнравствующее начало, лежала на всех — на пользовавшихся ею, на страдавших от нее и даже на тех, которые были только свидетелями ее действия. С уничтожением крепостной зависимости все более или менее изменилось и все как-то оживилось: не одни крестьяне и дворовые почувствовали себя людьми; то же чувство подъема ощутили

и прежние душевладельцы. Без глубокой благодарности и особенно-го наслаждения мы не можем вспоминать времена с 1858 по 1866 год. Тут мы жили, развивались, действовали, надеялись. После злосчастного 4-го Апреля последнего года²⁰⁶ тучи все гуще и гуще стали покрывать небо, и мы постепенно все более и более впадали в бездействие и уныние. Не легко было это положение, и не могло оно остаться без следов. Некоторые силы направились на земское дело, другие на судебную деятельность, третьи — на развитие промышленности, на составление разных торговых и других обществ; но нашлись и такие силы, которые, за невозможностью действовать явно и откровенно, посредством печати и слова, в области общих интересов, решились тайно и подпольно распространять свои мнения и предположения. Нельзя, конечно, одобрять этот способ действия; но нельзя его и вполне осуждать: насилье сверху необходимо вызывает и противодействие снизу. Этому нигилизм преимущественно обязан своим возникновением и распространением в России. Об этом обстоятельстве мы будем говорить после; но здесь нельзя было не указать источника зла, которое теперь сильно озабочивает Правительство и от которого мы все страдаем.

Но жизнь молодого человека или молодого народа долго замирать не может; не то, так другое ее воскрешает. Такое благодетельное действие оказали сперва сочувствие, возбужденное у нас борьбою славян, решившихся освободиться от мусульманского ига, а потом объявленная Россией война против Турции в защиту наших братьев по вере и племени. Еще никогда в России не было такого общего, сильного и глубокого одушевления, какое оказалось в эти незабвенные годы. Даже 1812 г., когда мы защищали себя и свою страну от нападения дерзкого завоевателя, не представлял такого общего оживления и одушевления: тогда действовали преимущественно дворянство и отчасти купечество; прочие же сословия только исполняли приказания начальства. 1876–78 годы явили нечто небывалое: из глубины народа вышли добровольцы, готовые с самоотвержением помогать отдаленным единоверцам в их борьбе против их угнетателей; копейками собраны были миллионы в пользу бедствующих воюющих братьев; в деревнях останавливали проезжающих для расспроса о том, что делается там, где-то далеко, но где христиане борются с погаными. Кто пережил 1812–15, 1858–61 и 1876–78 годы, тот может смело и положительно засвидетельствовать, что русская

земля еще никогда не была так оживлена и единодушна, как в упомянутые последние годы. Слова, произнесенные Императором в Кремле и сказанные в прокламации при вступлении в Болгарию; победы, одержанные нашими войсками; геройские подвиги, совершенные под Шипкою, под Плевною и при переходе через Балканы, подход наш под Царьград — все это исполнило радости и восторга весь народ русский. В городах, даже уездных, и в деревнях, не по приказу начальства, а по собственному почину, служились молебны и народ от души ликовал. Но начавшиеся дипломатические переговоры, названный прелиминарным²⁰⁷ Сан-Стефановский трактат²⁰⁸, конгресс в Берлине²⁰⁹ и в завершение подписанный там договор — поразили удивлением всю Россию и исполнили ее глубокой грусти. Парижский трактат 1856 года²¹⁰ не производил на русского человека такого тяжкого впечатления, какой произвел на него Берлинский мирный договор: тогда мы были побиты; тогда почти вся Европа вела против нас войну и не даром достались ей наложенные ею на нас унижения. Теперь мы были победителями; мы потратили много людей и денег, были у ворот Царьграда и от нас зависело нанести Турции последний удар; и что же? В Берлине мы оказались какими-то странными подсудимыми: Биконсфильд²¹¹, Бисмарк²¹² и Андраши²¹³ распоряжались нашими делами, как будто мы уже перестали быть великою державою и должны, подобно Румынии²¹⁴, Сербии²¹⁵ и Черногории²¹⁶, довольствоваться тем, что нашим повелителям угодно будет нам предоставить. Долго в России, особенно в тех местностях, где менее последовательно читают газеты, не хотели верить, чтобы Правительство наше решилось заключить договор без освобождения всей Болгарии, с предоставлением Турции права держать гарнизоны в Балканах и с передачею Боснии и Герцеговины²¹⁷ во власть Австрии. Обнародование этого трактата произвело на Россию действие самое тяжкое: хотя вообще желали мира и нуждались в нем, но состоявшемуся миру никто не обрадовался; дипломатия и администрация вообще еще более упали в общем мнении; и недовольство против Правительства еще усилилось и распространилось. Не винили Государя, ибо к Нему во всех слоях народа питают любовь и преданность глубокую и нелицемерную; но сокрушались, что он так дурно окружен, и что его советники и исполнители его воли лишены способностей, чужды русского духа и имеют в виду только сохранение своих мест и содержаний.

Думали, чаяли, что Правительство наконец само почувствует и увидит несостоятельность своего бюрократического, отчужденного от народа и какою-то полутаинственностью покрытого способа действия, и что оно решится призвать на совет народных представителей. Поводов к такому решению было не мало: беспорядки во внутреннем управлении множились и все глубже и глубже в него проникали; последняя война открыла неожиданные страшные упущения и мошенничества по части хозяйственного устройства военного ведомства; число людей служащих и ищущих службы, хотя было значительно и постоянно усиливалось, но способности и нравственность их видимо слабели; нужда в местных сведениях и соображениях с каждым днем становилась настоятельнее, ибо издаваемые законы и делаемые распоряжения по своей неисполнимости все менее и менее могли быть приводимы в действие; наконец Европа, где мы должны были действовать в дипломатическом и финансовом отношении, смотрела на нас свысока, почти с презрением, ибо знала, что у нас решает дела не общественное мнение, признанное там главною, первенствующею силою, а произвол одного или нескольких людей. Странно было и то, что мы содействуем освобождению других народов и там вводим представительные учреждения, а сами остаемся при прежних, уже отживших порядках. Конечно, в Берлине на конгрессе не были бы предъявлены к нам те требования, которые Англия, Австрия и Германия решились там нам предписать, если бы они имели в виду, что наше Правительство ответственно перед общественным мнением России и вопреки ему ничего сделать не может.

Так думали, чаяли и даже рассчитывали; но неожиданные чрезвычайно грустные обстоятельства заставили и Правительство, и общество, и даже народ обратить внимание на другие совершающиеся у нас события.

Убийства Мезенцева²¹⁸ и кн. Крапоткина²¹⁹, покушения на жизнь Трепова²²⁰ и Дрентельна²²¹, разные другие преступные попытки и, наконец, событие 2 апреля сего года²²² указали Правительству и общественному мнению тот недуг, который сперва почти незаметно вкрался в тело России, а потом все более и более заражал частный, общественный и государственный быт. Хотя этот недуг и не нашел в народном духе и народных чувствах благоприятной почвы для своего развития, однако нельзя долее оставлять эту болезнь без врачава-

ния. Правительство приняло теперь меры строгие и сильные против ее распространения и к ее обессилению; но они, по своему характеру, могут быть только кратковременными. Необходимо коренное уничтожение этого недуга; а потому неизбежно обстоятельнее исследовать его свойства и изыскать верные средства к достижению этой цели. Правительство сознает и заявляет, что оно одно не может исполнить эту задачу, и потому приглашает всех граждан оказать ему в этом деле необходимое содействие. Попытаемся и мы принести ему в этом отношении нашу посильную лепту.

II

Сосредоточение громаднейших денежных капиталов и большей части недвижимой собственности в руках незначительного меньшинства, и бедность, необеспеченность существования, даже крайняя нужда, отягчавшие участь огромного большинства людей, породили (и не могли не породить) в западной Европе болезненный социализм. Говорим «болезненный», ибо сколько настоящий социализм, т. е. потребность людей жить в обществе, друг другу помогать, друг о друге заботиться, и общими силами стремиться к исполнению человеческого назначения, — оживляет, облагораживает и возвышает человека, столько социализм, ныне тревожащий и раздирающий Запад, искажает людей, становится их во враждебные отношения ко всему существующему и друг к другу и убивает в них самые естественные и лучшие чувства и всякие понятия о справедливости и законности. К сожалению, ненормальное распределение собственности и власти и пользование выгодами, из них проистекающими, составляли и ныне еще составляют там не исключительные, а почти общие и притом весьма поразительные явления; а потому тамошний социализм есть не заносный, не случайно возникший и не кратковременный недуг, а такой, который коренится в самых основах западноевропейского быта и весь его проникает, и который может быть исцелен только радикальными, в течение долгих лет, пожалуй, даже столетий, настойчиво и разумно употребляемыми врачествами, и притом — едва ли без кризисов и значительных потрясений.

Впрочем, надо отдать справедливость Западу, что там уже приступили, если и не прямо, то, по крайней мере, косвенно к разрешению этой многотрудной задачи. Все правительства обратили внимание на

положение низших классов населения, привлекли их более или менее к участию в государственном управлении, вменили себе в обязанность подати и сборы сколь возможно уравнильнее раскладывать на всех граждан, принимая при этом в особенное соображение их вещественные и денежные капиталы, и что всего важнее — допустили свободное обсуждение, и словесное и печатное, учений возникшего социализма. Наука, со своей стороны, также не осталась в этом отношении в бездействии: особенно в Германии, политико-экономы и так называемые катедер-социалисты²²³ глубоко и многосторонне обсудили мнения и требования социализма, оценили их с возможным беспристрастием, и чрез то потрясли и даже уничтожали многие безрассудные утверждения, домогательства и мечтания социалистов-коммунистов и указали правительствам и обществу те справедливые меры, которые необходимо принять в облегчение и удовлетворение страждущих слоев народонаселения. Но, при господствовавшем возбуждении в среде социалистов и их противников, неудивительно, что увлечения большинства из них, и в речах и в печати, доходили до крайних пределов: первые проповедовали полное равенство людей, отсутствие всякой частной собственности, общность пользования всеми богатствами, ниспровержение всякой религии и верховной власти, и безразличное употребление всяких средств к достижению «высоких и необходимых», по их словам, целей человечества; а противники часто менее опровергали и вразумляли их, чем выставляли их безумцами и врагами настоящего человеческого преуспевания. Неудивительно также, что огромная часть населения, не имевшая почти никакой собственности, жившая на фабриках и заводах, а часто и там не находившая себе приюта, и всегда испытывавшая разные, а иногда и самые тяжкие лишения, с жадностью и увлечением внимала речам и обещаниям так называемых социалистов. Все более и более усиливавшаяся роскошь в достаточных и богатых слоях общества, их безумные издержки, великолепная обстановка и страшная нравственная распущенность оказывали социалистам бесценные пособия к распространению и утверждению их разрушительных теорий. Понятно, что разумные и хладнокровно изложенные опровержения этих учений со стороны людей науки и дела не находили благодарной почвы для восстановления истины и мира в политических обществах, и что брожение умов и страстей продолжалось. Нельзя однако не видеть, что в последнее время социализм-коммунизм значительно

упал в народном мнении, что речи проповедников этого учения реже раздаются и менее привлекают к себе слушателей, и что вообще оказывается некоторый поворот от мечтательно-революционной к более практической деятельности. Прежние социалистические и коммунистические мечты, понятия и попытки под действием свободной речи и печати значительно утратили силы и значения. Тот социализм, который жег Париж²²⁴ и грозил подобными же бедствиями Италии и Германии, уже безвозвратно отошел в область прошедшего. Наступил в деятельности социалистов новый фазис: они стали менее рассчитывать на содействие масс, чем на свои личные действия. Вследствие этого многие венценосцы и государственные люди подверглись величайшим опасностям от преступных покушений на их жизнь со стороны безумных социалистов. Большая часть европейских правительств вполне разумно и верно взглянула на эти покушения: подвергая преступников заслуженной ими каре, они не сочли необходимым издавать против социализма особые законы, принимать против него исключительные меры, и тем придавать ему излишнее значение и напрасно тревожить общественное мнение и спокойствие. Замечательно, что те страны, где всего более свободы и всего менее произвола, и где социалисты не встречали почти никаких препятствий к изложению своих мнений в собраниях и печати — Швейцария, Бельгия, Голландия и Англия, почти вовсе не страдали от социалистических волнений. Тут эти учения производили всего менее действия; и речи их проповедников слушались большею частью только из любопытства и возбуждали или смех или негодование. Если во Франции социализм и коммунизм сильно распространились, то причинами тому были заведенные Наполеоном III порядки: страшный деспотизм, ограничение свободы слова и печати вообще и усиление роскоши, вызванное и поощрявшееся самым правительством. Теперь даже возвращающиеся вожаки социалистов не могут иметь сильного влияния на народные массы; ибо утвердившаяся там гражданская свобода, беспрепятственное развитие общественной и политической жизни и обращение внимания властями законодательною и административною на нужды всех классов народонаселения значительно сократили число недовольных в тех именно слоях народа, где социализм и коммунизм набирали себе всего более приверженцев, и тем лишили эти учения самой благоприятной для них почвы. Теперь в Западной Европе нигде так не силен революцион-

ный социализм или анархизм, как в Германии, где всего менее свободы слова и печати и где против социалистов установлены и тщательно исполняются весьма строгие узаконения. В прошедшем году диктатор Германии, кн. Бисмарк, воспользовавшись двумя покушениями на жизнь престарелого, всеми уважаемого и любимого императора Вильгельма²²⁵, провел через германский сейм суровые и крайне стеснительные меры против социалистов²²⁶. Теперь эта партия как бы поутихла; но едва ли подпольная ее деятельность сократилась и число ее приверженцев уменьшилось. Уверены даже в противном; ибо недовольство против Бисмарка и его порядков очень сильно, и разные административные меры неустанно принимаются против социалистов. Новые законы о повышении сборов с туземных табака и соли, и о возвышении пошлин на провозные товары и даже на хлеб — законы, изданные отчасти в угоду землевладельцев, фабрикантов и заводчиков, т. е. капиталистов, а отчасти в исполнение каких-то особенных глубоких политических соображений имперского канцлера, не могут не увеличивать числа недовольных, особенно в разряде людей, всего более тратящих своих трудовых денег на покупку хлеба, соли и табака. Конечно, этим кн. Бисмарк не облегчает себе борьбу с социализмом, ибо таким образом он обращает к нему всего более недовольных его распоряжениями. Как ни велики таланты имперского канцлера и как ни сильно его влияние на имперский сейм и на народ вообще, но едва ли победа останется за ним. И в *Culturkampf*²²⁷ пришлось ему уступить клерикалам, и сверх того, вопреки убеждениям, прежде твердо и торжественно им заявленным, он вынужден был согласиться на некоторые требования образовавшегося в сейме большинства, совершенно противные интересам империи и вполне благоприятные существованию отдельных германских государств. Сильно сомневаемся, чтобы с помощью ограничительных и карательных мер, принятых против социализма, и при системе администрации, кн. Бисмарком вообще усвоенной, удалось ему окончательно подавить это учение и его пропаганду. Никогда преследования религиозных или политических сект или согласий не приводили к их уничтожению. Подпольные действия всегда сильнее явных; запрещенный плод всегда прельщает людей; и мученический венец всегда имел и будет иметь на них чарующее действие.

Всякое учение, хотя несколько распространяющееся и утверждающееся в народе, необходимо содержит в своей основе какую-либо

истину или хотя вид ее и протест против существующих злоупотреблений; иначе оно не встретило бы сочувствия и замерло бы при самом своем рождении. Социализм и коммунизм в этом отношении особенно замечательны: в своих первоначальных основах они как будто согласны с тем, чему учил нас Спаситель — безграничной любви к ближнему, раздаче своего имущества нуждающимся и общности между людьми земных богатств. Социалисты-коммунисты приняли это учение, но только навыворот: они проповедуют не раздачу своего имущества нуждающимся, а отнятие его у имущих; не добровольное соединение его в общее пользование, а насильственное его присваивание общине; и хотя они и много говорят о братстве и любви к братьям, однако эта любовь выходит чем-то бездушным и более походящим на вражду, чем на дружбу, ибо лишает людей всяких семейных связей, которые для человека вполне естественны и совершенно необходимы. Сверх того, в социализме и коммунизме содержится яркий протест против того, что имущества распределены теперь, особенно в Западной Европе, самым несправедливым, даже уродливым образом; что законы, до последних времен, составлялись исключительно меньшинством, захватившим власть в свою пользу и в ущерб большинства; и что последнее считалось существующим как бы на службу и в угоду первого. Этот протест едва ли не всего более придавал силы и значения этим разрушительным учениям. Конечно, не в оправдание, а в некоторое извинение социалистов-коммунистов надо сказать, что как установленные власти позволяли себе действовать против них всякими угрозами, насильями и карами, то и эти протестанты считали и считают себя вправе и даже вынужденными действовать против них всякими без разбора средствами.

Как ни нелепы многие учения социалистов-коммунаров, и как ни гнусны некоторые их действия, однако при ныне существующих порядках нельзя безусловно осуждать социализм и коммунизм и относиться к ним с одними запретами и карами. Премудры те правительства, которые не зажимают им рта и позволяют им выбалтываться вдоволь, и которые, не им в угоду, а им в ущерб, принимают меры к улучшению быта недостаточных классов народа, к расширению прав всех граждан вообще и к отмене существующих льгот в пользу одних и в отягощение остальных. Этим путем только можно противодействовать усилиям врагов общественного устройства и восстанавливать в государстве мир и довольство.

У нас на Руси также оказались социалисты; так, по крайней мере, себя называют люди, восстающие против всяких, как они говорят, «предрассудков» и против всего существующего, отвергающие всякую религию, всякую нравственность, на ней основанную, всякую власть, всякие семейные связи и всякую частную собственность; и считающие не только возможным, но и обязательным употребление всяких средств к достижению каких-то «высоких», но для них самих неясных целей. Думаем, что всего менее приличествует этим людям название «социалистов»; ибо и в вожаках их, и в них самих вполне отсутствуют свойства, необходимые к устройству свободного, правильного общества, к водворению настоящего, непринужденного братства между людьми и к развитию в них чувств искренней любви к ближнему, сострадания к его бедствиям и уважения к его жизни, к личным его свойствам и правам*.

Наши социалисты называют себя также революционерами и даже бунтовщиками (в «Набате»²²⁸ и многих брошюрах); эти названия более соответствуют их образу мыслей и действий; но и эти имена еще не вполне выражают сущности этого направления. Всего вернее и выразительнее оно определяется названием, ему данным, хотя его сторонниками и не принятым — именно названием «нигилизма». Он возник у нас не из действительных народных свойств и нужд; это доказывается тем, что ни низшие, ни средние, ни высшие слои населения не питают к нему никакого сочувствия. Это направление явилось на свет так, из ничего — из пустоты нашей жизни. Оно богато отрицательными стремлениями, ибо разрушение, уничтожение всего существующего, по собственному сознанию и заявлению его последо-

---

* У нас теперь в обществе слова: *социализм, социальный, социалисты* употребляются только в дурном значении, как будто злоупотребление вещью или понятием уничтожает их добрые, настоящие свойства. Слово социализм выражает склонность и потребность человека жить в обществе. Неужель противоположное, т. е. расположение чуждаться общества лучше, чем стремление в нем жить и утверждаться? Всякие преступления суть действия, конечно, не социальные, а антисоциальные, и самый так называемый социализм вернее и справедливее было бы называть антисоциализмом, ибо он уничтожает самые естественные и самые дорогие для людей связи. Надеемся что и слово «социализм» сподобится со временем участи слова «либерализм»: было время, что последнее считалось почти бранным словом и во всяком случае оно далеко не выражало чего-либо доброго; а теперь и жестокие реакционеры рядятся в либералов, и, проводя свои мнения и меры, стараются придавать им хотя оттенок либеральный.

вателей, составляет главную цель его деятельности; есть у него какие-то мечты для будущего, но простое их указание не оставляет никакого сомнения на счет их неосуществимости; положительного, к жизни применимого, оно не имеет в виду *ничего*. Средства действия этого направления носят на себе тот же отрицательный характер, сперва его последователи, идя «в народ», хотели действовать словом и распространением книжек, и тем привлекать себе приверженцев и возбуждать в народе неудовольствие и восстание против установленных властей; но, убедившись в несочувствии к ним даже крестьян и фабричных рабочих, которых они хотели облагодетельствовать, нигилисты решились действовать прямо, не чуждаясь никаких средств, лишь бы они вели к цели — к разрушению всего существующего и к превращению всего в *ничто*. Следовательно, никакое слово так верно не выражает сущности этого направления, как слово: nihil-изм.

Да! Таково это направление, чествующее себя у нас именем социализма. В нем нет ничего народного — такого, что было бы внушено и создано свойствами нашего народного духа. Впрочем, ко всему национальному нигилисты относятся с презрением, превознося и отстаивая одно общечеловеческое, как будто человек или народ может быть не самим собою, а человеком или частью человечества вообще. Все главные мнения нашего так называемого социализма выхвачены из речей и книжек западных социалистов-революционеров, с приправкою этих позаимствований собственными нелепостями, которые даже совестно слушать или читать. Рабочий вопрос, деспотизм капитала, лишение большинства населения всякой поземельной собственности и пр. — вопросы первостепенной важности в западной Европе, у нас не имеют никакого смысла. В нашем обширном и малонаселенном отечестве не рабочий нуждается в работе, а капитал ищет и едва его находит; не капитал деспотствует, а мы страдаем недостатком капиталов; землю наделены более или менее почти все, и нет особенных затруднений к новым ее приобретениям. Вдобавок ко всем этим пересаженным к нам несообразностям, нигилисты проповедуют избиение личных собственников и лиц власть предержащих, фиктивные какие-то браки и разрушение разных самых дорогих для народа верований. Мы имеем свои и, конечно, весьма тяжкие недуги, но от тех, которые на Западе породили социализм, мы почти вовсе свободны. Наш народ, хотя и весьма за общинное начало землевладения и внутреннего устройства своего общества, однако он также

крепко стоит и за личную собственность. Сверх того, семейные связи, против которых так восстает нигилизм, в нашем народе очень сильны; простолюдины даже не понимают чтобы можно было жить без или вне семьи; они ходят и на дальние заработки, но постоянно стремятся возвратиться в свою семью, в свой дом; и человек без семьи считается как бы несчастным, заслуживающим сострадания и участия. Наш народ искренне и горячо религиозен, нелицемерно и от души предан верховной власти, и сильно привязан к старым обычаям и ко всему издавна установившемуся. Нигилизм, напротив того, считает все это предрассудками — остатками или крепостного права или невежества или суеверия, и вместо живых чувств и убеждений подносит народу такие общие, безжизненные понятия, что он или со смехом или с негодованием от них отворачивается. Наш народ не имеет никаких расположений к революционизму; правда, он иногда бунтовал, но и самые его бунты имели характер или только пассивный, т. е. он отказывался от исполнения того, что считал противным его совести, или даже верноподданнический, т. е. в защиту верховной власти лиц, несправедливо, по его мнению, ее лишенных. Следовательно, наш нигилизм народился вовсе не из народных потребностей, а совершенно вопреки и наперекор им; а потому и не удивительно что отправившиеся «в народ» возвратились из него вполне им недовольными. Наш нигилизм также не возник из собственных хотя теоретических измышлений и соображений русских людей, опередивших своих современников: стоит просмотреть произведения нашей заграничной так называемой социалистической литературы и легко убедиться, что в ней нет ни одной книги или книжонки замечательной по мыслям, чувствам или даже по изложению*. Единственное их достоинство, единственная их прелесть заключается в том, что они в России строго

---

* За границу мы имели в руках много книг, брошюр и журналов (Вперед, Община, Набат и др.) социалистического направления; приступали к этому чтению с искренним желанием извлечь из них что-нибудь оправдывающее их появление в печати; но оригинального, несколько обдуманного или хорошо изложенного мы не находили ничего. Брань, клевета, страшные нелепости, известия или до крайности преувеличенные или и вовсе вымышленные — вот все содержание этих произведений. Всего умнее и лучше написанною оказалась книга: «Сытые и голодные». Эта книга написана действительно по-русски и довольно ловко. Большинство же статей, брошюр и книг так называемого социалистического направления отличаются безграмотностью и употреблением иностранных и еще каких-то вновь сочиненных непонятных русских слов.

запрещены и что трудно их там достать. Когда пробегаешь эти книжонки и журналы, то становится даже стыдно, что русский ум не сумел написать чего-нибудь получше. За границу справедливо оценили эти произведения: ни одно из них, сколько нам известно, не удостоилось перевода на какой-либо иностранный язык.

Замечательно, что наши нигилисты вышли не из одного какого-либо сословия или состояния, протестующего против прочих более привилегированных. Нет! В числе нигилистов имеются рекруты из всех сословий, и по преимуществу из молодых их членов. Замечательно также, что большинство из последних привлечено не какими-либо личными выгодами или даже надеждами на такие выгоды, но одушевлено каким-то чувством долга, действует с самоотвержением и при судебных производствах поражает откровенным заявлением своих стремлений и стойкостью в своих мнениях. Как это учение и общество не вызваны и не порождены свойствами и потребностями русского народа; как в основе этой секты или согласия нет никакой самобытной истины; и как однако нигилизм на Руси существует и даже в размерах довольно значительных, и много заставляя о себе говорить; то должен же он иметь *sa raison d'être*²²⁹, т. е. должна же быть причина его существования. Какая же эта причина? Что же сообщает ему жизненность и даже силу?

Причин к возникновению и распространению в России чего-либо протестующего, враждующего против существующих порядков и стремящегося к оживлению, к обновлению нашей жизни и к установлению иных способов действия и существования много, очень много. Едва ли даже в среде тех, которые заправляют нынешними порядками, имеются люди, их одобряющие, ими довольные и не признающие необходимости и неотложности их изменения. Выше мы изложили, и кажется без всякого преувеличения, неудовлетворительность нашего положения вообще, и сказали, что число недовольных во всех слоях народа увеличивается с каждым днем. Не социалисты или нигилисты к этому содействуют; напротив того, страхом и нерасположением, ими к себе внушаемыми, они поддерживают существующее, ибо никто не согласится променять даже нынешние порядки на те, которые они нам сулят. Следовательно, не нигилисты возбуждают неудовольствие против Правительства и умножают число им недовольных, а неудовлетворительность нашего положения, его пустота, безжизненность и тяжесть гонят, особенно молодежь, менее терпе-

ливую и более чувствующую избыток сил, к единственному в России протестующему и действующему обществу. Нельзя не сознаться, что в настоящее время всем на Руси душно и едва невыносимо. Появление законов, как *deus ex machina*, без всякого их предварительного обсуждения в обществе и печати, и почти без всякого внимания к нуждам страны; назначение на административные и прочие должности людей, не отличающихся своими способностями и вовсе не пользующихся общим уважением; произвол, невежество и даже сумасбродство этих людей при исполнении ими своих обязанностей; безобразное хозяйничание казенными деньгами и все усиливающееся их расхищение всякими законными и противозаконными способами; необеспеченность существования людей от действий полиции явной и тайной; неумещающаяся, а все более и более усиливающееся стеснение свободы мысли и слова в печати — все эти порядки, бывшие сносными во времена крепостного права, становятся невыносимыми теперь, когда мы почуяли жизнь иную, когда люди перестали быть принадлежностью других или владельцами себе подобных, когда введены земские учреждения, гласный и изустный суд, и когда была обещана и отчасти даже дарована некоторая свобода печати. На такое тяжкое положение жалуются все и везде: неудивительно, что молодежь и люди несколько пылкие и своими частными делами удрученные от словесных отзывов и жалоб переходят к желанию что-нибудь сделать и более существенное. Неудивительно также, что находятся люди, которые примыкают к нигилистам и не по убеждению и не ради общей пользы, а просто по нужде — из желания устроить как-нибудь свои собственные дела. Неудовлетворительность нашего положения, *пустота, безжизненность и духота* нашего существования — вот главные причины возникновения, распространения и усиления у нас нигилизма.

Нельзя еще не сказать, что весьма сильно помогает и благоприятствует развитию нигилизма та система образования, которая принята и тщательно проводится нынешним министерством народного просвещения²³⁰. Мы уже выше говорили о ней довольно обстоятельно; но здесь не можем о ней не упомянуть, ибо считаем ее одною из главных причин успехов нигилизма в России. Обучение и воспитание должны в юношестве пуще всего развивать его собственные умственные и нравственные способности, доставлять ему здоровую и подкрепительную пищу и тем образовывать людей с самобытным

мышлением и с твердым характером. К прискорбию, наши учебные заведения доставляют по большей части недоучек, относящихся к науке с отвращением, а к существующим порядкам с презрением и злобою. Мудрено ли что они обращаются к нигилизму и усиливают ряды его приверженцев?

III

Крайне грустное событие 2 апреля²³¹ заставило Правительство принять чрезвычайные меры к преследованию социалистов-революционеров-нигилистов, к прекращению их пропаганды и действий, становившихся все более и более дерзкими, и к искоренению, по возможности, зловредных учений социализма-нигилизма. Образованы указом 8 апреля в Петербурге, Харькове и Одессе, временные генерал-губернаторства с правами почти самодержавной власти и с подчинением им разных смежных губерний. Такие же права предоставлены уже существующим генерал-губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве²³². Во всех этих местностях введено военное положение так, что гражданское управление и гражданский суд остаются в действии настолько, насколько они не ограничены потребностями военного положения. Принятие этих мер было для Правительства, конечно, и тяжело и грустно; но оно было совершенно необходимо: дерзость злоумышленников доходила до крайних пределов. Никто из людей рассудительных, дорожащих спокойствием и благосостоянием отечества и преданных Государю, и не подумал осуждать эти принятые меры. Напротив того, общественное мнение их вполне одобрило, и особенно когда узнало, что на места генерал-губернаторов назначены люди, пользующиеся общим уважением и доверием. Все уверены, что они не употребят во зло огромных им предоставленных прав и будут ими пользоваться настолько, насколько то будет совершенно необходимо. Все также уверены, что эти высокие сановники исполнят возложенное на них поручение в границах возможности. Но что могут они сделать? Усилить состав и бдительность полиции; издать некоторые правила к ограждению общего спокойствия: выслать в отдаленные губернии нескольких людей подозрительных; отдать под военный суд обвиняемых в чем-либо политически преступном; подтвердить приговоры Военных судов; еще более стеснить цензуру; еще строже наблюдать за всякими сходами и собраниями — вот все, что

в состоянии совершить генерал-губернаторы; более сделать и далее идти, кажется, им невозможно. Но достаточны ли все эти меры к восстановлению мира и спокойствия в стране нашей, к водворению в ней той обеспеченности, без которой невозможно развитие земледелия, промышленности и торговли, и к упрочению за русскими гражданами тех благ, без которых в настоящее время в Европе немыслимо существование и процветание государств? Конечно, нет. Во-первых, потому что такое чрезвычайное учреждение, как генерал-губернаторства с военным положением и с неограниченными правами, может существовать только месяцы, пожалуй даже один, два года, но уже никак не более. Во-вторых, самые эти генерал-губернаторства не только по природе русской, а просто человеческой, не в состоянии долгое время продолжать чрезвычайно усиленную, так сказать, болезненную деятельность; они непременно утомятся, стихнут, несколько успокоятся, и тогда, при отсутствии обыкновенного законного течения дел, положение страны должно сделаться уже вовсе невыносимым. В-третьих, как русские вообще ни терпеливы, но на все есть предел; что по нужде в течение короткого времени можно переносить, то становится нестерпимым при несколько продолжительном существовании. В-четвертых, мы никак не можем и не должны забывать, что мы в Европе и имеем дела и с европейскими кабинетами и с европейским финансовым миром; временное военное положение бывает и в конституционных монархиях и в республиках; но продолжительное, переходящее за пределы крайней необходимости незаконное состояние немыслимо в государстве, требующем для себя полновесного голоса по дипломатическим сношениям и переговорам или, как говорится, «dans le concert européen»²³³, и имеющем неизбежную надобность в кредите не у отдельных банкиров, которых еще можно так или сяк задобрить, но у всего финансового мира; иначе как раз попадет Россия в роль Турции, что, конечно, более чем нежелательно. Наконец, в-пятых, и этим никак пренебрегать нельзя: при самой бдительной полиции и при самых строгих взысканиях и наказаниях подпольная деятельность злоумышленников возможна, и она может быть тем ловчее и дерзче, чем гнет сверху тяжче. Повторяем сказанное нами выше: еще никогда никакая секта, никакое учение, никакое согласие или общество не уничтожилось преследованиями — этого отнюдь не должно упускать из вида; против них надо действовать иными средствами, и на них-то необходимо обратить полное внимание.

Какие же эти иные средства?

Необходимо изъять из-под нигилизма ту почву, которая не только благоприятствует его развитию и распространению, но дает ему возможность существования на Руси.

Как же этого достигнуть?

Выше мы сказали, и если и не вполне доказали, то думаем, довольно ясно указали, что *пустота* нашей жизни есть именно то, что дает нигилизму повод и пищу для его деятельности и даже для его бытия на Руси. Следовательно, эту-то *пустоту* и следует уничтожить, т. е. установить те необходимые условия, при которых жизнь наша могла бы сколь возможно полнее развиваться согласно требованиям настоящего времени и степени нашего образования.

В чем же заключаются эти условия?

Во 1-х, в обеспечении гражданам свободы и самостоятельности в их частном быте. Ничто так не подавляет людей, не препятствует развитию их сил и способностей, а с тем вместе и общего народного благосостояния и государственного могущества, как неуверенность граждан в том, что можно и чего нельзя делать, и что дозволено сегодня, будет ли дозволено и завтра. Некоторые запрещения во всяком гражданском обществе неизбежны; но великая разница в том, запрещается что-либо по капризу начальства и ради выгоды одних и во вред другим, или потому что такое или иное действие дурно или вредно само по себе и не может быть терпимо в благоустроенном обществе. Без такой уверенности не может процветать никакая отрасль человеческой деятельности, и люди не могут быть сами собою и, следовательно, довольными своим положением.

Во 2-х, в участии в местном самоуправлении, ибо никто не может лучше знать, что нужно для всякой местности как она сама, усерднее исполнить признанное за нужное, как ее обыватели, и бдительнее наблюдать за совершаемым и происходящим там, как само общество — совокупность местного населения. Мы, правда, имеем самоуправление и земское и городское; но, к сожалению, и то и другое весьма не полно, не твердо и не самостоятельно. Общегосударственная администрация сокращает область нашего самоуправления произвольно и безнаказанно; организация его такова, что земские и городские деятели не только могут быть задерживаемы и стесняемы, но и действительно часто задерживаются и стесняются в их деятельности, и притом не на основании закона и не председателями, ими самими

избранными, а по указаниям администрации и лицами, от их избрания не зависящими; и самые постановления этих представительных собраний могут быть опротестуемы губернаторами, что случается нередко и что влечет за собою неисполнение таких постановлений, если и не навсегда, то по большей части на долгое время. Одно весьма существенное право, дарованное земствам и городам, именно право ходатайства пред высшим Правительством о местных пользах и нуждах, не только часто нарушается тем, что обо многом не позволяют и говорить в собраниях, но оно почти уничтожено системою, принятою министерством внутренних дел — постоянно оставлять без удовлетворения земские и городские ходатайства; для чего им и выработаны две-три формулы, которые оно и употребляет для уездных и городских ходатайств — собственною властью, а для губернских — через посредство комитета министров. На деле выходит так: на бумаге и даже в видимых образах земских собраний, городских дум, уездных, губернских и городских управ мы как бы имеем местное самоуправление; в действительности же мы его почти вовсе лишены.

Удивительно ли вследствие того, что деятельность граждан слабо относится к этим учреждениям, и что самые ревностные земцы и горожане после нескольких лет трудов и разочарований покидают с грустью эти занятия?

Ни личная и имущественная обеспеченность граждан, ни местное самоуправление не могут быть действительными и иметь надлежащую силу и значение без существования учреждения, завершающего местное самоуправление и дающего каждому гражданину право участия, хотя самого отдаленного, в устройстве и отправлении общих дел страны. В этом мы могли вполне убедиться из опыта, не подлежащего, кажется, никакому сомнению и опровержению. Государь Император уничтожил крепостную зависимость одних людей от других, даровал нам суд гласный и изустный, земские и городские представительные учреждения, и тем выразил свое желание и волю предоставить нам пользование теми двумя условиями, о которых мы выше говорили. И что же вышло из этих Высочайших благих намерений и мудрых решений? Без высшего общего представительного учреждения они остались почти без всякого действия. Это учреждение одно, без страха и лицепрятия, с сознанием и вполне откровенно может высказывать верховной власти общее мнение страны на счет ее польз и нужд; только через такое учреждение Государь может

узнавать правду и повелевать с уверенностью в пользе, своевременности и удобоисполнимости Его решений, и в том, что они будут надлежащим образом приводимы в действие. А потому к первым двум указанным условиям необходимо присовокупить третье:

Участие граждан в общем земском учреждении, в котором рассматривались и обсуждались бы все проекты законов, определялись и проверялись бы государственные доходы и расходы, подвергались бы пересмотру все ходатайства земских и городских собраний и высказывалось бы в законной и положительной форме общественное мнение по всем делам, передаваемым Правительством на заключение этого учреждения. Мы уже высказали и, думаем, доказали в особо изданной книжке (Общая земская дума в России. Берлин, 1875), что такое учреждение несколько не ограничит самодержавия нашего Государя; что, предполагая созыв Общей земской думы, мы вовсе не имеем в виду какую-либо в западном смысле составленную конституцию; и что мы искренне и крепко стоим за сохранение существующего у нас самодержавия. Там мы изложили также наше мнение о том, какой должен быть состав этой думы, какие предметы имеют подлежать ее ведению, какие права ей следует предоставить и какие обязанности необходимо на нее возложить. Не будем повторять здесь довольно обстоятельно там объясненного, но не можем теперь не сказать, что чем более мы вдумывались в мысль об учреждении в России Общей земской думы на основаниях, в упомянутой книжке изложенных, тем более мы убеждались в пользе, необходимости и неотложности такого нововведения. Пока Правительство не решится на эту меру, оно будет ходить и действовать в потемках, издавать законы неудобоисполнимые, не зная, что происходит в обширной нашей империи, ибо официальные донесения сгущают мрак его неведения, а вовсе его не рассеивают, и Правительство будет нуждаться в людях дельных и знающих не один Петербург с его департаментами и канцеляриями, а пространную и до крайности разнообразную нашу империю. А ее население до учреждения Общей земской думы будет, как и доселе, развиваться слабо, не улучшать, а ухудшать свой нравственный, умственный и материальный быт и влачить жизнь пошлую, лишенную всякой самостоятельности и вполне благоприятную для действия на нее нигилизма и других лжеучений.

Еще есть одно условие — *conditio sine qua non* успешного действия первых трех изложенных условий: оно заключается в предоставле-

нии русскому человеку свободы печати, с ответственностью за напечатанное перед судом. Говорить здесь что-либо в пользу этой свободы считаем не только излишним, но обидным для читателя: кто же теперь в просвещенном мире в этом сомневается? Если цензура у нас еще существует, то это только потому, что упомянутые три условия в России еще не получили права гражданства. Пока они еще не в действии, не может существовать и свобода печати, ибо при тайне, остающейся атмосферою законодательных и административных действий Правительства, и при отсутствии учреждения, где оно могло бы их разъяснять и защищать, нет возможности допустить свободное обсуждение некоторых политических вопросов и правительственных распоряжений. Во всем образованном мире, и в Европе и в Америке, свобода печати сделалась необходимою принадлежностью гражданства; везде ею пользуются, везде признано благое ее влияние на ход дел общественных и политических и нигде от того не обессиливаются правительства и не нарушаются общественный мир и спокойствие; неужель одна Россия должна в этом отношении составлять исключение?

Пришлось мне слышать, и не от одного нашего высокого сановника, следующие речи: «Нельзя теперь ни расширять свободы печати, ни созывать общей земской думы, ни предпринимать каких-либо либеральных реформ, потому что такие нововведения сочли бы уступками подпольным агитаторам, которые хотят и всеми средствами стараются навести на нас страх и ужас. Повремените. Дайте нам с ними справиться, и тогда мы подумаем о том, что нужно сделать для удовлетворения настоящих нужд страны». Такие речи обличают в лицах, так говорящих, полное непонимание сущности нигилизма и способов его действия, а равно и крайнюю близорукость в отношении к средствам ему противодействовать. Все, что делается к стеснению свободы и прав граждан и чрез то к умножению числа недовольных, — вполне на руку нигилизму; все же, что предпринимается в удовлетворение народных потребностей и чем привлекаются к делу народные силы, все это наносит ущерб нигилизму. Разрушение всего существующего — вот его цель; усиление неудовольствия против Правительства, умножение числа недовольных, возбуждение всяких беспорядков, убийства и поджоги — вот его средства. Следовательно, улучшение, преобразование и пополнение существующего есть действие совершенно враждебное нигилизму и бьющее на его коренное уничтожение.

Да! Положение наше более чем трудно. Тревожит нас нигилизм; но эта язва поразила тело России только извне и только вследствие других недугов, которыми мы действительно страдаем. Обеспечьте наш частный быт; осуществите местное самоуправление согласно первоначальной мысли, ею нам даровавшей; дайте земле русской возможность через людей, ею излюбленных, высказывать общественное мнение о пользах и нуждах страны и участвовать в устройстве и ведении ее общих дел; предоставьте русским людям то право, которым пользуются граждане всего образованного мира — право свободно и за свою ответственность высказывать свои мнения и чувства; и не станет у нас нигилизма и что еще важнее — не станет и других недугов, нас томящих, обессиливающих и убивающих.

Печатано в Типографии П. Станкевича в Берлине

ГДЕ МЫ? КУДА И КАК ИДТИ?

Вот вопросы, которые каждый из нас или с сознанием себе предлагает, или без сознания выражает своим бытом. И это относится не к одним лицам, но и к целым состояниям, учреждениям и даже к самому правительству. Малоизвестность, неопределенность и зыбкость нашего положения вообще являются и в тяжком, во всем нас гнетущем застое, и в разных то как бы разумных и энергичных выходках, то вялых, малосмысленных и бессвязных распорядках, от времени до времени то тут, то там предпринимаемых, но ни в чем и ни к чему нас не подвигающих. Да, бедово, почти отчаянно наше положение!

Главная причина его бедственности заключается в том, что мы себя, все нас окружающее и обстоятельства, посреди которых обретаемся и живем, знаем плохо, очень плохо, а часто и вовсе наизусть: внешнее, кажущееся, в глаза нам бросающееся мы принимаем за действительность и валяем, как будто все знаем и во всем глубоко убеждены. Или, что, пожалуй, еще хуже, считаем всякое движение вперед ненужным, вредным и даже опасным; стараемся все удерживать в неподвижности (*in statu quo*²³⁴); сердимся, когда нас тревожат, и думаем в бездействии обрести покой и благоденствие. Как такие мечты противны природе человека! Как они вредны и опасны и ведут нас к совершенно противоположному!

Великая наша беда не только в том, что мы себя и своей обстановки не знаем; но еще большая в том, что и знать себя и ее не считаем нужным, и довольствуемся тем, чему сами не верим или плохо верим. Правительство получает донесения, дознания и отчеты и само знает, что правды в них очень мало; а между тем оно как будто им верит и по ним действует. А мы в этом отношении разве много лучше? Настоящих трудов по самопознанию совершаем чрезвычайно мало и довольствуемся схваченным на лету. Даже изучая историю, статистику, нравы и обычаи нашей страны, мы вглубь не идем, ограничиваемся поверхностным с ними знакомством, и спешим обобщить наши заметки и вывести из них как бы аксиомы. Мы удивимся, что наша молодежь хватается за всякие нелепости, которые тайно в виде запрещенного плода ей сообщают, и идет на безумные, а иногда и преступные дела. Что делать? В потемках, в неизвестном месте и при духоте всякий бредет куда попало и решается зря, лишь бы выбраться на свежий воздух и за что-нибудь живое ухватиться. Если вообще

люди так поступают, то понятно, что молодежь при подобных обстоятельствах действует еще неосмотрительнее; и бросай в нее камень тот, кто чувствует себя безгрешным. Да, много странного, почти непонятного и вместе с тем нелепого и ужасного совершается у нас — миру на диво, а нам на беду!

И все это от чего?

От того, что вообще и правительство и мы как граждане и люди ведем себя крайне легкомысленно; что «авось» да «как-нибудь» руководят нашими действиями; что мы вовсе не вникаем в сущность дел и явлений и не обращаем внимания на значение переживаемого нами времени; что мы страшимся того, чего опасаться вовсе не следует, и пренебрегаем тем, в чем корень зла и тех действий, которые в последние годы нас поразили и теперь нас сокрушают. Неужель и ныне к совершившимся событиям и к нашему положению вообще мы отнесемся легкомысленно и заурядно?

I

Много, в настоящее время, толкуют о нигилизме и в нем видят источник наших зол и бедствий. Это, пожалуй, и верно; но не поверхностно ли у нас смотрят вообще на нигилизм? Постигают ли действительно его сущность? Обхватывается ли он во всей его обширности, полноте и глубине? Эти вопросы выдвигаются как бы сами собою, вследствие того, что собственно нигилизм едва ли где так общ и действителен, как у нас; хотя, казалось бы, наша страна и наш народ сами по себе вовсе не представляют благоприятной почвы для его развития.

Что такое нигилизм?

Многие смешивают его с западным социализмом и коммунизмом. Тут явное недоразумение: конечно, много в них общего; но имеются между ними и существенные различия. Социализм и коммунизм возникли на Западе вследствие деспотизма капитала, сосредоточения земельной собственности в руках немногих, — вследствие разных остатков феодализма и главнейше в силу нужд существующего там многочисленного пролетариата и полнейшего необеспечения ему средств к жизни. Успехам этих учений много помогли революционные движения, бывшие в конце прошедшего и в первой половине текущего столетия. Там выработались разные социалистические и ком-

мунистически аксиомы; и этому сильно содействовали все более и более распространявшиеся роскошь и нищета, безнравственность и неверие. У нас бытовые обстоятельства совершенно иные: капитал (да его далеко и не в избытке) в нашей стране еще вовсе не деспотствует, и равно нуждаются капиталы в рабочих, а последние в разумных и состоятельных хозяевах и предпринимателях. Землю, в больших или меньших размерах, наделены более 80% всего нашего населения. Феодализма у нас не бывало, а следы крепостного права видимо исчезают; в отношениях же землевладельцев к крестьянам это изменение совершилось быстрее, чем можно было ожидать. Пролетариата у нас, слава Богу, еще нет или имеется он в ничтожных размерах. Революционных движений несколько значительных у нас не было; а те, которые и возникали, послужили доказательством, что они совершенно нетуземны. Конечно, у нас имеются свои нужды и весьма тяжкие; но не они призвали к нам социализм и коммунизм. Эти иноземные недуги зашли к нам случайно, занесены в виде экзотических растений и не находят благоприятной почвы для своего развития в тех именно слоях народа, где они должны бы всего более развиваться. Пошли пропагандисты «в народ», и что же? Не только земледельцы, но фабричные и заводские рабочие над ними насмехались, от них отворачивались и даже предавали их в руки полиции.

Наш нигилизм, хотя и позаимствовал кой-что у западного социализма, коммунизма и революционизма, есть своего поля ягода. Наш недуг получил и собственное название, так что в Европе под нигилизмом разумеют почти исключительно русский недуг. У него нет своих собственных догматов; отличительное его свойство есть полное отсутствие каких-либо убеждений — ничего, ничего и ничего. Но в этом-то nihil²³⁵ и содержится весь смысл, вся сущность и вся сила этого недуга.

Казалось бы, что в *ничем* ничего и быть не может, а на деле оказывается, что в нем очень много, что им проникнут наш быт (авось не слишком глубоко), что ни одно сословие или состояние, ни одно учреждение, ни само правительство от него не свободны, что почти все их действия носят на себе отпечаток *ничего* и что оно парализует всякую деятельность частную, общественную и правительственную.

Ничего — следовательно, нет ничего истинного, доброго, справедливого, законного, Божьего — следовательно, все или почти все безразлично. К несчастью, в наших бытовых обстоятельствах, в наших

мнениях и действиях много, очень много как бы подтверждающего такое заключение; и они — эти обстоятельства, мнения и действия — чрезвычайно благоприятствуют подтверждению этого паролля нигилизма. И ужасно то, что чем люди более развиты, более мыслят и более чувствуют потребность в деятельности, тем более они ощущают и сознают, что в общем нашем быте нет ничего твердого, положительного, разумного — такого, чем бы жизнь наша оживлялась и наше благосостояние упрочивалось.

Всего менее страдает прямо от нигилизма крестьянство: оно еще верует в учение нашей церкви и в благость верховной власти. Но первая является ему в виде церковного причта, требующего за все деньги, объедающего и опивающего народ, вовсе не занимающегося духовною паствою, справляющего требы небрежно и машинально, а часто и предающегося разгулу и явным порокам. Царь благ и ничего кроме добра не может желать народу; а являются исправники, становые и урядники, которые взятки требуют, тащат в подати последнюю трудовую копейку, дерутся и позволяют себе всякие неправды и злоупотребления. Невольно рождается в крестьянине сомнение: уже настоящая ли церковь, к которой он принадлежит? Не божественнее ли то согласие, в которое его приглашают и где люди более занимаются Божьими делами? Царь благ, а как же его чиновники — такие хапуны, беззаконники и безжалостники; уж видно прохожий или отставной солдат Егор правду сказал, что они исполняют не царский указ, а свою злую волю. И таким образом сомнение — нигилизм вкрадывается в ум и душу крестьянина. А недостаток в том или другом, несправедливость по одному делу и оскорбление по другому распахивают и утучняют почву под развитие церковных расколов и бессмысленных слушаний и смут.

В мещанство и особенно в купечество проник своего рода нигилизм: они (за немногими исключениями) становятся страшными материалистами — для них деньги — все, а остальное только к ним прикладки. Деньги, по мнению этих людей, доставляют обеспечение личных и имущественных прав, почет и даже спасение души на том свете. Цивилизация коснулась этих сословий, но самым поверхностным и вредоносным образом. Они приняли от нее некоторые внешности, хватки и правила. Они, пожалуй, не прочь и полиберальничать, поругать власти, но, коли нужно, готовы холопствовать во всю ширь и глубину. Нравственность у большинства из

них шаткая: обмануть покупателя, или заказчика, или продавца, солгать или не сдержать слова или обещания — все это считается как бы принадлежностями торговли и промышленности. Подкупить чиновника и откупиться от исполнения закона — и это в порядке вещей. Тут твердого, истинно доброго — очень мало; и для нигилизма — поприще вполне благоприятное.

Дворянство у нас есть сословие или состояние совершенно своеобразное. Геральдика у нас не причем: солдат, дослужившийся до генеральского чина; мещанин или сын церковника, получивший за свою бюрократическую службу чин статского или действительного статского советника; и купец, достигший этого же высокого титула каким-либо пожертвованием — равны или считаются даже выше столбового дворянина, пропитывающегося своим трудом в нижних должностях какого-либо казенного или общественного учреждения. Прежде дворянство отличалось тем, что пользовалось привилегиею владения крепостными людьми, и этим оно было подкуплено к поддержанию существующего порядка. После 1861 года оно само не знает, что оно такое: действительных прав оно уже никаких не имеет, и остались у него только воспоминания и иллюзии. С народом оно не одно, и само по себе оно не есть что-то. Считает себя Русским, а между тем, и в образе жизни и даже в убеждениях оно то француз, то немец, то англичанин. Оно принадлежит к православной церкви; но не горяча и не тверда его вера в ее учение; некоторые из его членов хватаются и за Редстоков²³⁶; но вообще индифферентизм есть отличительное свойство его религиозных убеждений. Нравственность дворянства до крайности шатка: и тут *ничего*, т. е. ни то, ни сё, играет главную роль. Ни одно сословие теперь так не недоволено, как дворянство: его положение против прежнего значительно ухудшилось — оно многого лишилось и взамен очень мало получило. Вообще можно и должно сказать, что тут, т. е. в дворянстве, нигилизм весьма силен, и что если оно на стены не лезет, то и не расположено крепко защищать нынешний порядок вещей.

Про духовенство скажем только несколько слов. Оно не есть ни сословие, ни состояние, а просто церковное чиновничество. Долженствуя исполнять высокие обязанности, оно относится к ним очень небрежно и казенно; а потому и не пользуется в народе ни авторитетом, ни влиянием, ни почетом. Материальное положение духовенства незавидно: только нужда и свойственная человеку лень пополняют

его ряды. Думают, как слышно, исправить его нравственность, какими-то правилами, которые имеют быть составлены св. синодом; они усилят лицемерие и формализм, но более ничего не произведут.

При таком общем положении, *ничего* живого в себе не содержащем, *ничем* людей существенно не оживляющем, и *ни к чему* положительному не устремляющем — одним словом, при таком общем мертвящем — нигилистическом положении удивительно ли, что молодежь и некоторые взрослые люди или по убеждениям, или из личных видов решаются проповедовать общее разрушение, освобождение от всяких властей и даже совершают самые ужасные преступления, лишь бы себя и других вывести из невыносимого, нас уничтожающего бездействия. Пустота и духота нашего быта — вот источники нигилизма — почва, на которой он развивается — причины, содействующие его распространению и укоренению. Ужасна крамола, но тяжело и общее наше положение. Первая есть грустное, уродливое, крайнее последствие и выражение последнего.

II

Мы взглянули на общее настроение наших сословий или состояний; но имеется нечто, много более соединяющее или разъединяющее людей, чем эти законом установленные перегородки. Это нечто заключается не в организованных партиях или обществах, а в различных направлениях, господствующих в нашей умственной и нравственной гражданской деятельности.

Все, безусловно все граждане русской империи теперь недовольны; никто не стоит за удержание существующего порядка вещей; все чувствуют и сознают необходимость его изменения; но в способах и пределах переустройства нашего общественного и государственного быта — тут разногласие полнейшее. Оно тем сильнее и резче, что мы до крайности стеснены в средствах объясняться, высказывать и доказывать свои мнения и опровергать чужие. Цензура, председатели совещательных собраний и разные административные начальства всегда стоят перед нами с правом почти неограниченным запрета, а отчасти и кары. Понятно, что при таких условиях печатно и в узаконенных собраниях высказывается очень мало и более чем неполно и неоткровенно. Задержанные мнения и чувства не уясняются, взаимно не умеряются, не осаживаются, а остаются в голове и душе в виде

мечтаний и пожеланий, возбуждают и тревожат людей и усиливают в них требования и недовольство.

Особенно резко выказываются у нас три направления. Беда та, что ни одно из них не выясняет своих мнений вполне определительно; одни — по невозможности, т. е. вследствие запретов и кар цензуры; а другие предпочитают оставаться при общих выражениях или потому, что они сами себе не уяснили своих мнений, или потому, что совестно положительно высказываться за строгие меры и в пользу произвола. Мы начнем с последнего направления. Воздержимся от собственных имен и даже от обозначения повременных изданий, в которых те или другие мнения проводятся.

Всех резче и, разумеется, всех смелее, хотя также довольно неопределенно, высказывается то направление, которое советует правительству принятие энергических и строгих мер к водворению порядка в управлении, и к ограничению всякой гражданской и общественной самодеятельности. Оно громит и земские учреждения, и мировые, и общие суды, и договаривается до того, что отвергает пользу и потребность в представительстве вообще и находит существующее цензурное управление зараженным общим недугом — либерализмом. Этому направлению рукоплещут некоторые дворяне, сановники, чиновники и клубы; но с отвращением к нему относится большинство общества. Замечательно, что это направление, пользующееся в цензурном отношении полнейшей свободой и даже как бы покровительством, не решается прямо предлагать какие-либо положительные меры, а ограничивается предоставлением их выбора и приведения в действие не бюрократическому, не военному, а какому-то совершенно непонятному произволу. Спасибо и за это: оно явно тем доказывает свою несостоятельность и то, что еще не вполне утратило некоторую совесть.

В противоположность этому направлению существует другое, привлекающее к себе, к сожалению, немало приверженцев, преимущественно из молодежи и из людей, которые почуяли общечеловеческие гражданские и общественные потребности, но, по обстоятельствам тем или другим, не могли в них порядком вникнуть и увлеклись учениями, много обещающими, человека как бы поднимающими, но в действительности ничего положительного в себе не содержащими. Вначале это направление всего более питалось произведениями социалистической и анархической литературы Западной Европы

и преимущественно брошюрами Бакунина²³⁷. Не имея возможности печатно или словесно в дозволенных собраниях излагать и обсуживать вычитанные мнения, выслушивать на них возражения и вообще уяснить себе суть своих и чужих доводов, сторонники этого направления тем усерднее и несдержаннее высказывали свои мнения в брошюрах, печатаемых за границею, в подпольных листках и в тайных беседах. Кто имел возможность читать эти книжки и листки, тот не мог не быть пораженным их нелепостью и пустозвонством; а между тем, они производили действие и даже не малое. Вот что значат чары запрещенного плода и тайно сообщенных слов! Особенно обеспечивало им успех и сильное действие то, что обыкновенной печати было запрещено даже говорить о запрещенных книгах и учениях, и их опровергать; да разве возможно опровергать мнения людей, лишенных права и средств отвечать? Под такую охрану и при таких благоприятных обстоятельствах это направление не могло не развиваться, не распространяться и все шире и глубже не проникать особенно в молодежь, уже подготовленную к восприятию этих, хотя и ложных, однако живых учений, безжизненностью, формализмом и несвойственностью русскому человеку той системы обучения, которая целые 15 лет тяготела над нашими учебными заведениями²³⁸.

Самое распространенное и числящее в своих рядах всего более сторонников есть направление, называемое либеральным. В последнее время вздумали его принижать, над ним издеваться, его бранить и укорять в чужеземности, в повторении чужих и затвержденных фраз, в поверхностности и в неведении того, что именно нужно для нашего народа и нашей земли. Некоторые из этих упреков до известной степени справедливы; но свободны ли от них те люди, которые всего более и всего ожесточеннее нападают на либерализм вообще и превращают его в бранное слово? Мы уже прежде сказали, что поверхностность, малое знание нашей страны и нашего народа и крайняя неопределенность в понятиях и выражениях составляют общие недостатки нашей умственной деятельности; в этом, думаем, все направления более или менее виновны; и виновны в этом менее люди, чем обстоятельства, в которых они находятся. Ни в печати, ни в земских, городских и иных узаконенных собраниях нет возможности свободно говорить и откровенно излагать свои мысли и чувства. Строжайше теперь запрещено касаться общего народного представительства, общей земской думы, земского собора, конститу-

ции и других существенных вопросов. При нынешних обстоятельствах, при общей неизвестности и неопределенности нашего положения и при всеми ощущаемой потребности его узнать, устроить и упрочить, возможно ли не затрагивать и не обсуждать упомянутых вопросов? От этого происходят недомолвки, неясности и повторения чужих слов и мыслей. Последнее есть даже средство выражать свое мнение приведением мест из авторитетных иностранных писателей; что цензурою благосклонно допускается. Либералы неясно, не полно, не положительно высказывают свои мнения; но кто же их выражает вполне определительно? Во всяком случае, недобросовестно укорять в этом одно либеральное направление. Не уместно ли тут применение евангельской притчи о сучке и бревне? Либеральное направление высказывало и высказывает всего более положительных и к делу приложимых мыслей; и если Россия сколько-нибудь двинулась вперед в частном, общественном и государственном отношении, то это, конечно, всего более по милости либерального направления и с ним, в весьма многом, согласного прежнего так называемого славянофильства; но виновато ли учение Христово в том, что жгли еретиков? Не нравятся многим иностранные слова: «либерализм», «либерал» и «либеральное»; так придумайте русские слова, которые бы выражали стремление к обеспечению людям того, что им в гражданском отношении всего дороже — свободу мысли, слова и действия, и которыми могли бы обозначаться приверженцы этого стремления и все к нему относящееся; а пока перестаньте над ними издеваться и их ругать. Впрочем, охотно предоставляем вам на осмеяние и обругание — *либеральничание*; оно также противно либерализму, как фарисейство и ханжество противны истинной религиозности.

Не можем не упомянуть еще об одном направлении, которое хотя считает в своей среде не много сторонников и до сих пор очень неопределенно высказывает свои мнения, однако имеет в обществе некоторое значение. Оно стоит за свободу совести, мысли и слова, за земский собор, за свободное развитие русской жизни, и пр.; следовательно, оно как будто сродственно либерализму и даже с ним едино; но оно его ругает и ничего общего с ним иметь не желает; в этом оно сходится как бы с первым направлением. Мы в нашем понимании, эти два направления, т. е. первое, нами очерченное и это, теперь излагаемое, вовсе не отождествляем, и думаем, что последнее зиждется на недоразумении и что, по свойствам и убеждениям, оно едино с на-

стоящим либерализмом. Оно само считает себя славянофильством; противники называют его неославянофильством; а мы считаем, за немногими личными исключениями, и славянофильство, и западничество уже отжившими свой век и превратившимися или превращающимися в русское, с разными, к сожалению, еще довольно значительными разноречиями и оттенками, либеральное направление.

Из вышеизложенного, кажется, очевидно, что главною причиною разъединения у нас людей и зыбкости их мнений есть отсутствие возможности свободно и вполне откровенно излагать свои мнения и точно так же опровергать чужие. Это усиливает рознь в нашем мыслящем обществе, неопределенность в его воззрениях и стремлениях и общее недовольство; что особенно полезно и поощрительно для нигилистического направления и чрезвычайно вредно для правительства и для людей, желающих свободно и разумно обсудить настоящие потребности нашей страны.

III

Обратим теперь внимание на наше положение в частном, общественном и правительственном отношении.

Мы не остановимся долго на нашем частном быте, хотя о нем можно и следовало бы говорить очень и очень много. Он служит основанием всему, ибо каковы мы сами в себе, у себя дома и в сношениях с другими людьми, таковы мы и граждане. Наш частный быт, и в высших, и в средних, и в низших слоях народа, потрясен, расшатан, обезображен существенно и значительно; и в этом отношении мы идем вперед быстро и неудержимо. Вера, основа всего, и нравственность, из нее исходящая и ею оживляемая, поколеблены и ослаблены. Мы числимся православными христианами, а между тем, учение нашей церкви знаем плохо, и одни из нас — интеллигенция — становятся к религии все более и более равнодушными; а другие — большинство — собственно народ — постепенно уклоняются в раскол, где находят более жизни и лучшее удовлетворение своих духовных потребностей. Эгоизм, страсть к наживе, надувательство, отсутствие правды и любви к ближнему становятся отличительными свойствами нашего развивающегося быта. Тут обширное поприще деятельности для проповедников и моралистов и для изблительной литературы; сверх того, тут обязанность каждого из нас в отношении к себе и

другим; но в настоящем случае, мы ограничимся задачею более тесною — общественным и политическим бытом русского гражданина.

Мы имеем городские и земские учреждения для заведывания нашими местными общественными делами. Из первых, т. е. из городских, ни в столицах, ни в губернских и уездных городах, мы не знаем ни одного, которое вело бы дела порядочно; и только не можем сказать, кто хуже исправляет свои обязанности — думы или управы. Далее в Петербурге, Москве, Одессе и других значительных городах думы ограничиваются избранием бесчисленных комиссий, болтовнею, безурядицею и скомкиванием дел срочных; а управы довольствуются бюрократическою очисткою входящих бумаг. Что же касается до городского хозяйства, до пользы и удобств обывателей, то об этом никто и не думает, как о делах посторонних и вполне отложных. Конечно, самое Городское Положение, предоставившее председательство в контролирующем учреждении председателю учреждения контролируемого; дарование голоса на выборах приказчикам и лицам, платящим по 2 рубли и менее в городской доход, и вместе с тем исключение из городских выборщиков и избранников всех нанимателей квартир — т. е. большинства интеллигенции — эти обстоятельства всего более виновны в неудовлетворительном ходе городского самоуправления. Однако всю вину на них сваливать нельзя: и в нынешних избирателях и избранниках могли бы быть люди, заботящиеся об исполнении общественных обязанностей. К сожалению, у нас в городах мало связи между обывателями и отсутствие животворящего общественного духа.

Земские учреждения идут несколько лучше, чем городские; в некоторых местностях они идут даже так хорошо, как при существующих условиях они только могут идти. В самом Положении 1864 года имеются значительные недостатки: председательство в земских собраниях не лиц, ими избранных, а сословных избранников — предводителей дворянства; выбор гласных от крестьян не по волостям, а по каким-то сочиненным округам, и притом не исключительно из среды самых избирателей, как то установлено для землевладельцев и для горожан, а из лиц всех сословий, а потому большею частью из искателей звания гласных по личным видам; возложение обширных обязанностей на земские учреждения и непредоставление им почти никакой исполнительной власти; и еще многие другие ошибочные и стеснительные статьи Положения значительно вредят развитию зем-

ского самоуправления. Отдельные впоследствии изданные узаконения о предоставлении председателям почти диктаторской власти в заседаниях, об ограничении права обложения разных патентов и свидетельств, и многие другие постановления, и в особенности разные министерские циркуляры, почти вовсе изуродовали земское самоуправление. К охлаждению земцев к правам им предоставленным, также содействовало почти постоянное оставление без удовлетворения и почти без всякого внимания ходатайств уездных и губернских земских собраний. Все это существенно и сильно вредило земству и останавливало его развитие. К чести некоторых земств можно и должно сказать, что они не теряли надежды на лучшие времена в будущем и продолжали трудиться. В этом значительно поддерживал их первый департамент сената: он оставлял без последствий большинство губернаторских протестов, а иногда и восстанавливал законность, нарушавшуюся нередко министерскими циркулярами. Как ни тяжки в этом отношении, были времена владычества гг. Валуева²³⁹, Тимашева²⁴⁰ и Макова²⁴¹, земства, по крайней мере, некоторые из них, не унывали и не покидали своего дела. Но отрадны тут только исключения; вообще же земское дело, странно поставленное в отношении к администрации и ее агентам и считавшееся ими как бы правительству враждебным, не могло как следовало развиваться и возбуждать в населении животворную деятельность.

Верховная власть как олицетворение всего общества — всего народа не может, конечно, не быть благонамеренною и не стремиться к осуществлению общего блага; но она одна, сама по себе, как бы премудра и доброжелательна ни была, ничего сделать не может; ей необходимы советники и помощники, и притом такие, которые бы хорошо знали область деятельности и действовали не в своих личных, а в общих интересах страны. Находится ли наше Правительство в таком благодатном положении?

Мы видим в нашей стране целый и притом огромный отдел ее жителей, который существует как бы отдельно от прочего населения, считая себя его начальством, иногда относясь к нему даже враждебно, и бумажно производя его административные дела. Собственно дела, как они действительно происходят, мало интересуют бюрократию. Она их и знать не хочет; для нее важны бумаги, их получение и очистка. Для нее неприятно, тяжело, даже оскорбительно, когда ей доказывают, что дела происходили иначе, чем как они значатся в бу-

магах. Да и времени ей нет входить в понимание и разбор действительных обстоятельств дел; дай Бог ей справиться и с теми, которые так или сяк изложены в полученных донесениях или отчетах. А к умножению их сильно содействуют и огромное пространство нашей империи, и страшная отдаленность центра от большинства ее местностей, и бессмысленность уже прежде сделанных распоряжков. Наши распорядки, т. е. как законы, так и циркулярные и отдельные предписания гг. министров, губернаторов и других начальств имеют замечательные свойства: они почти никогда ничего ясно не приказывают, редко прямо относятся к делу, более его запутывают, чем разъясняют, и всякое предписание необходимо порождает целое потомство новых разъяснений и пополнений. Это вполне естественно и понятно: собственно дела вверху мало или превратно известны; приказания даются неудобноисполнимые или неясные, а иногда и вовсе непонятные; посредствующие звенья начальства каждое по-своему их исполняет, поясняет и пополняет; и из этого выходит такая путаница, что под конец никто ничего не понимает и всякий действует как попало. Хорошо еще, если только непонимание причиною неисполнения полученных приказаний, а нередко личные выгоды порождают разного рода злоупотребления, и тогда еще много хуже. Таков ход нашей администрации сверху до низу, везде, а не где-либо в виде исключения. Плохо наше общественное управление, но казенное еще много хуже; и надо дивиться, как дела вообще у нас еще идут и как люди еще пробавляются.

Как тут нигилизму не процветать?

IV

Мы окинули беглым взглядом наше положение во многих отношениях, но есть одно, о котором мы еще не упоминали. Хотя это отношение, а именно финансовое, в высшем человеческом смысле и не есть главное, но его требования так настоятельны и неустраимы, что нельзя не обратить на него особенного внимания.

Крестьяне, несмотря на свое освобождение от крепостной зависимости, страшно бедствуют, и их положение видимо и все более и более ухудшается. Хотя казалось бы невероятным, что теперь они более нуждаются, чем то было при крепостном праве, однако это оказывается несомненным. Теперь никто об них не заботится, а сами

они и по плохо устроенному их самоуправлению, и по милости полиции, и по недостатку развития, и по многим другим причинам лишены возможности делать что-либо существенное для улучшения своего быта. Подати и сборы с них с 1861 года более чем удвоились: казенные налоги увеличились, и вдобавок явились общественные, земские и страховые сборы. К тому же, во многих местностях выкупные или оброчные платежи значительно превышают доходы, получаемые от земли. Обещана тому более десяти лет назад отмена подушной подати; но годы проходят, а дело это нисколько не подвигается. Теперь отменен соляной налог, но в замену его поднят акциз на вино по 40 коп. на ведро²⁴² — акциз, платимый почти исключительно крестьянами; и выходит на поверку, что сложено с крестьян от 8 до 10 мил., а набавлено на них от 15 до 20 мил. Поля крестьянские видимо истощаются, а это совершается тем быстрее и повсеместнее, что падежи учащаются от усиления сношений в народонаселении. Крестьяне тем более нуждаются в земле, чем народонаселение увеличивается, а поля становятся все менее и менее производительными; а к улучшению обработки они решительно средств не имеют.

Незавидно положение и прежних помещиков — нынешних землевладельцев: по большей части они не имеют денежных средств для надлежащего, т. е. хотя несколько улучшенного и, следовательно, более доходного ведения хозяйства; но и те, которые их имеют, боятся их употребить, зная, как трудно иметь дело с рабочими, как воровства и поджоги часты и как полиция плохо охраняет безопасность лиц и их имуществ. Землевладельцы предпочитают отдавать свои земли в наем или исполу, а сами бегут из деревень и ищут службы или казенной, или земской, или компанейской²⁴³; и наши уезды с каждым годом все более и более пустеют. Этому сильно содействуют и необеспеченность деревенского быта вообще от произвола полиции и губернаторов.

Промышленность и торговля у нас вовсе не процветают: капиталов вообще мало; в знаниях технических и коммерческих большой недостаток; и к тому же — полная необеспеченность нашего быта, неизвестность, что будет завтра, и самые произвольные действия администрации и в особенности полиции. При таких условиях возможно ли решаться на прочное устройство дорогостоящих фабрик и заводов? Внезапно, ни с того ни с сего, могут быть изменены тарифные пошлины; генерал-губернаторы имеют право издавать Бог весть

какие постановления; а полиция, вооруженная произволом и прикрытая безответственностью, может по своему усмотрению разогнать с промышленных заведений рабочих, техников и управляющих. Если это не часто случается, то только по милости русского добродушия или взятки, которыми заводчики и фабриканты считают долгом угощать власть предержажших. Упадок и изменчивость нашего денежного курса также сильно препятствуют развитию наших промышленных и торговых предприятий. Сверх того, существующие по этим частям законы давно устарели и вовсе не соответствуют потребностям настоящего времени; давно обещали пересмотр постановлений о торговой несостоятельности, об отношениях между рабочими и хозяевами и пр.; обещали, но все остается при тех же утративших всякий смысл законоположениях. А железные дороги, ведущие свои дела в исключительную и часто вовсе неразумно понятую собственную выгоду, разве мало вредят успехам промышленности и торговли? Вообще над ними тяготеют, как и надо всем, неизвестность, необеспеченность и произвол.

Но хуже и безалабернее всего ведутся у нас дела собственно по государственным финансам: тут мрак, нелепость, отсутствие добросовестности не имеют границ. Расходы, налоги и сборы растут постоянно и усиленно, как будто народные силы беспредельны и должны служить только прихотям казны; и вместе с тем мы беспрестанно слышим, что того или другого устроить, изменить или ввести нельзя «за недостатком денежных средств». Замечательно, хотя и прискорбно: чем вещь необходимее, тем для осуществления ее менее свободных сумм; и наоборот. Так, введение новых судебных учреждений там, где еще остаются прежние; открытие университетов, гимназий, городских и других училищ, где в них крайняя необходимость; прорытие каналов, устройство шоссейных дорог, и пр. разрешаются очень туго и по большей части отсрочиваются до будущих времен; а выдача «субсидий», часто ненужных и даже злоупотребительных, постройки совершенно излишних зданий, уплаты частных долгов разных сановников или ассигновки им пенсий и наград и пр. производятся беспрепятственно. В этом отношении есть надежда и, думаем, твердая, что в нынешнее царствование эти расхищения несколько сократятся и что будут дорожить деньгами, собранными с народа; но что сможет исполнить воля даже Самодержца при существующем общем административном разврате? Будут отказы, побоятся входить с некоторыми

докладами; но наша бюрократия так искусна, изобретательна и могуща, что она свое отстоит, и легко черное явится белым.

Нужно коренное преобразование, а частные, исключительные меры мало помогут. Печатаются теперь сметы и отчеты; конечно, это лучше прежнего хранения их в тайне; но что мы из них видим? Рубрики, цифры и итоги, и более ничего; да и государственный совет, получающий кипы специальных бюджетов, едва ли видит много больше нас. Дело в деле, а не в бумагах, даже печатных. Сами министры, обремененные подписью отношений, предложений и докладов, разными заседаниями и приемами, и в особенности необходимыми охранительными или наступательными интригами, едва ли иначе как вскользь просматривают свои бюджеты. Главный недостаток, существенный порок нашего управления заключается не в отдельных упущениях и злоупотреблениях, а в общем духе бюрократизма, обособленности, отчужденности от страны, им управляемой, и в мнении, что не оно существует для страны, а она имеется ради его существования — ради его пользы и выгод. Умножаются правительственные учреждения, прибывает число чиновников и растет количество отправляемых и получаемых бумаг; а беспорядки, злоупотребления и общая бестолочь еще в несравненно большей пропорции усиливаются и распложаются. Учреждена комиссия с целью сокращения государственных расходов; составлена она из лиц честных, благонамеренных и пользующихся общею доброю славою. И что же? Она ничего не сделала в целые два года, и едва ли в состоянии что сделать в будущем. Бюрократически, без преобразования всего строя нашего управления, ничего существенного, истинно производительного совершить невозможно. Этим убеждением надо глубоко проникнуться, и только тогда можно чего-либо ожидать.

Да! наше положение вообще — ужасное, почти в отчаяние приводящее и на первый вопрос: где мы? — должны и не можем иначе ответить — на краю пропасти.

V

Оставаться в нынешнем положении неизвестности, недоумений и бездействия — совершенно невозможно. Нужды самые едкие и неотложные требуют скорейшего решения и удовлетворения. Необходимо избрать путь и идти по нему прямо — без колебаний.

Имеются два пути: один, ведущий вперед, требующий преобразования и нововведений, и устремляющий к обеспечению благосостояния большего по возможности числа жителей — путь сперва избранный покойным Императором²⁴⁴, удержанный им в первые десять лет его царствования, ожививший Россию и обещавший ей много доброго в будущем. Другой путь есть, если и непонятный, который, к счастью людей, невозможен, то такой, который задерживает естественное течение жизни; он называет себя консервативным или охранительным, а на деле оказывается самым возбуждающим и разрушительным, ибо непременно вызывает революционизм и нигилизм. Этот путь у нас особенно выхваливается и покровительствуется многими людьми, власть предержажими, некоторыми дворянами, еще не помирившимися с отменю крепостного права, и вообще личностями, руководящимися в делах общих эгоизмом и любовью к произволу. Казалось, что тридцатилетие с 1825 по 1855 и пятнадцатилетие с 1866 по 1880 год должны были окончательно излечить их от всяких поползновений к возвращению на этот злосчастный путь; но видно есть люди неизлечимые. Между ними имеются, конечно, и личности честные и благонамеренные, но очевидно, что не их удел заправлять государственными делами или иметь полезное влияние на их ведение.

Знаем, что в настоящее время сильно нападают на либерализм и ему приписывают все постигшие нас злополучия. Мы, напротив того, думаем, что они приключились главнейше от того, что его покидали, недостаточно и непостоянно его придерживались. Были времена, когда материальная сила и власть господствовали надо всем и когда права личности и потребность в свободе ощущались только немногими особенно энергичными и развитыми людьми. Теперь времена иные, и их изменить или вспять повернуть не дано никому — ни людям, ни правительствам. Теперь потребность в свободе, в самобытности, в обеспечении прав личных и имущественных ощущается чуть-чуть не всеми. Встречаемые в том ограничения или препятствия не умаляют, не сокращают этой потребности, а напротив того, ее возбуждают, раздражают и усиливают. Где, коли не в Англии, стране самой полной и постоянной свободы, было в нынешнем столетии всего менее революционных движений? А разве освобождение крепостных людей сопровождалось у нас теми смутами и кровопролитиями, какими нас стращали противники этой реформы? Нет! не удовлетворение потребностей их усиливает, а отказ в нем — задержки и препятствия, ему по-

ставляемые. Еще ужасно вредно, убийственно действует на людей система откладывания или колебаний между тем и другим способами действия. Это едва ли не злосчастнее самого худшего решения.

VI

Куда же и как идти?

На счет этого не может, кажется, быть ни сомнения, ни колебания. Стоит только несколько всмотреться в нужды страны, и становится ясным, как день, путь нам предлежащий. Еще мог покойный Государь времени и откладывать; в первые годы царствования Им было совершено так много доброго и великого, что он имел право сказать: довольно; пусть довершает мой преемник. И это Его решение было злополучное; и Он в последний год своей жизни имел мужество от него отказаться²⁴⁵. Новое же царствование не может начаться откладываниями и колебаниями. Одни враги Государя и отечества могут в этом смысле давать советы. Нет! мы веруем в Самодержавие; веруем в свойства души и ума нашего Самодержца; и не сомневаемся в том, что Он сочувственно отнесется к нашим нуждам, вникнет в них и изберет тот единственный путь, который ведет к их облегчению и возможному удовлетворению. В этой полной уверенности как граждане и верноподданные считаем долгом по лучшему нашему разумению указать те главнейшие нужды, которым необходимо в скорейшем времени пособить.

I. Во главе наших нужд мы становим то, что многим, пожалуй, покажется странным и неверным, а именно: нужду в свободе печатного слова. Разве, скажут они, крестьянство, купцы, мещане и даже большинство дворян страдают от того, что цензура строга и бессмысленна и что многого нельзя высказывать в печати? Да, ответим мы им, люди не пишущие и даже не читающие еще более страдают от недостатка этой свободы, чем сами пишущие. Наша администрация готова оставлять в покое людей «беспокойных» и «неблагонадежных», лишь бы они не мешали ей стричь овец и доить коров. Без свободы печати нет удержки злоупотреблениям. Наказывайте по суду за дерзкие, возмутительные и безнравственные речи; но дайте людям вообще возможность высказывать их чувства и мысли, доводить до общего сведения о происходящих неправдах и бороться с крамолою, безнравственностью и безбожием, дерзко, хотя и в тайне, но тем успешнее у нас действующими и распространяющимися. Достаточно, кажется,

испробованы средства противоположные — цензуры, тайная и явная полиции; и к чему они нас привели? Для ложных и вредных учений запрещения суть только поощрения и средства к усилению и распространению их действий. Запрещенные листки ли, книжки читаются тысячами людей, и притом такими, которые, без прелести запрета и не подумали бы их взять в руки. Неужель многолетний опыт еще недостаточно в этом убедил? Теперь беспрестанно рассылаются циркуляры с воспрещением повременным изданиям говорить о том, другом, десятом; расточаются предостережения и простановки розничной продажи и даже выхода самых изданий; что же этим достигается? Говорят о запрещенном или иносказательно, или между строк, или хотя и не говорят печатно, но стоустая молва разносит слухи и рассказы, которые в печати никогда не посмели бы появиться.

В последние месяцы окончившегося царствования обращено было внимание на эту нашу нужду. Образована была комиссия для начертания проекта закона по делам печати; вызваны были в заседание комиссии редакторы главных периодических изданий, и дело пошло в ход. Говорят, что и самый проект уже составлен; но после 1-го марта²⁴⁶ дело как будто приостановилось. Теперь множатся циркуляры, предостережения и запрещения; печать заметно помертвела, и только одно, два издания тем дерзче и бессмысленнее орут во всю глотку и возбуждают общее негодование (видно, они пользуются особыми какими-то правами)* Издание закона о печати, распространение на провинции права печатать без цензуры и подчинение суду

---

* Последовавшие на этих днях приостановки «Голоса» и «Русского курьера» на 6 и 4 месяца, и особенно первой газеты, поразили удивлением (чтобы не сказать более) огромное большинство читающей публики. Причины к запрещениям — явно придуманные и не настоящие. Что же это значит? Неужель все газеты и журналы должны издаваться в одном только направлении, т. е. в том, которому сочувствуют люди, сегодня состоящие во власти? Такие издания немного принесут пользы ни Верховной власти, ни народу: они могут только вводить в заблуждение первую и усиливать недовольство и негодование читающей части последнего.

На днях введен еще новый способ укрощения печати: вследствие отношений министра внутренних дел к генерал-губернаторам, призываются последними редакторы повременных изданий для выслушания внушения, что в Петербурге недовольны направлением их газеты или журнала, и что если они его не изменят или вообще не будут сдержаннее, то их издания будут приостановлены или вовсе запрещены.

Спрашивается: возможно ли идти далее в стеснении печати? И это — в первый год нового царствования, при повторяемых призывах народа к единению с правительством и при необходимости общего их действия против крамолы!

проступков по печати составляют в настоящее время нужду кровную, и удовлетворение ее совершенно неотложно.

II. Другая, такая же крайняя нужда заключается в обеспечении нашей личности. Законами это обеспечение положительно утверждено; но на деле выходит иначе. Теперь, конечно, 3-го отделения в официальном виде уже нет²⁴⁷; но не остается ли оно в замаскированном виде? Генерал-губернаторы, да, кажется, и не одни они, облечены правами почти неограниченными по высылке Бог весть куда людей «неблагонадежных», по производству у них обысков и по их арестованию. Конечно, теперь времена и обстоятельства чрезвычайные; но их продолжить можно долго, очень долго; а попасть в число «неблагонадежных» так легко, как выпить стакан воды. Спросите «Московские ведомости»; они, кроме себя и своих, все остальное человечество включают в этот разряд. Права, предоставленные генерал-губернаторам и проч., не знаю, много ли принесли пользы для открытия и укрощения крамолы; но известно, что в Одессе²⁴⁸ и еще кой-где они значительно потревожили народонаселение, даже самое благонадежное. Слово «неблагонадежный» есть слово ужасное: оно открывает произволу поприще безграничное; кого под него нельзя подвести? Говорят, что теперь образована комиссия для составления свода чрезвычайных мер или правил, которые в чрезвычайных случаях будут принимаемы. Сомневаюсь в возможности и пользе такого труда. Конечно, немудрено составить свод из высочайших повелений, уже состоявшихся по сему предмету; но во 1-х, они в чрезвычайных случаях давались в выражениях весьма общих и мало определенных; а во 2-х, разве можно предвидеть *все* чрезвычайные случаи и *все* меры, какие они потребуют? Произвол, предоставляемый в крайних чрезвычайных случаях некоторым лицам, не может быть никакими буквами ограничен. Вред его может быть предупрежден выбором лиц и ограничен кратковременностью предоставляемой власти. К прискорбию, бывают ошибки и в первом отношении; что же касается до последнего, то у нас *временное* как-то долговечнее того, что мы устанавливаем навсегда. Были у нас объявлены осадные положения; они длились долго, очень долго, и не знаю, прекращены ли некоторые из них и теперь. Конечно, в настоящее время еще нельзя считать крамолу укрощенною и подавленною; но одними полицейскими и карательными мерами мы этого и не достигнем. А между тем, существующее чрезвычайное положение стесняет, тревожит, лишает всякого спо-

койствия и обеспеченности и самую мирную, благонадежную часть населения. Необходимо и без всякого отлагательства принять меры действенные к восстановлению законного порядка и общего спокойствия в государстве; а это может быть достигнуто только удовлетворением общих нужд населения, и, чрез то, отнятием у крамолы почвы для ее развития и распространения.

III. Производство обязательного выкупа тех земельных наделов, которых крестьяне до сих пор остаются во временнообязанных отношениях к помещикам, и уменьшение выкупных платежей по тем землям, по которым платежи превышают их настоящую стоимость — суть также нужды настоятельные и вполне неотложные. Огромное большинство — $\frac{5}{6}$ бывших помещичьих крестьян стали теперь собственниками земли, ими заселяемой и обрабатываемой, и для них прежние помещики — только соседи; а $\frac{1}{6}$ или около того этого населения остается в обязательных отношениях к бывшим их владельцам. Это путает отношения между крестьянами и землевладельцами и порождает между ними неудовольствия, жалобы и дела. Это вызывает и нередко вмешательство полиции и присутствий по крестьянским делам в крестьянское самоуправление, что значительно его ухудшает. Сверх того, пора обратить внимание на накопляющиеся по выкупным платежам недоимки, которые главнейше происходят оттого, что многие земли по Положениям 1861 года были оценены много выше их стоимости и что даже ныне значительно поднявшиеся цены на земли далеко не доходят до цен, тогда установленных. В 1861 году эта несообразность была вынужденная: объявлено было, вполне разумно, что выкупается земля, а не личность крестьян; а между тем без разорения многих помещиков нельзя было строго и последовательно держаться этого правила. Как в то время всего важнее было произвести освобождение крепостных людей, и притом как можно безотлагательнее и безобиднее для дворян, уже лишившихся права владения людьми, то по необходимости тогда решились, несколько искусственно и даже с натяжкой, произвести по некоторым местностям назначение выкупных платежей. Такое решение при упомянутых обстоятельствах, было тем извинительнее и удобнее, что во власти правительства оставалась возможность впоследствии понижением исправить эти платежи. К сожалению, слишком долго медлили этим исправлением; но теперь оно совершенно необходимо и неотложно. Если имеются особые капиталы на покрытие этих расходов, то тем

лучше; иначе они должны быть произведены на общий государственный счет; ибо кому, как не государству, т. е. всем — исправлять общие, по необходимости допущенные несправедливости? Быть может, и даже вероятно, лет через тридцать или около того, т. е. по уплате большинством крестьян выкупных платежей, придется, опять на государственный счет, принять выкупные платежи тех крестьян, которые теперь только начнут выкупать свои наделы; иначе в положении крестьян, покончивших свои выкупные платежи, и продолжающих их производить, будет слишком большое неравенство и различие. И в таком решении не будет никакой несправедливости: крестьяне, ныне обязательно обращаемые на выкуп, платили своим помещикам оброки, в которых заключались, кроме процентов, и доли выкупных платежей. Следовательно, их вина только в том, что они по своей или чужой (помещиков) воли, *замедлили* начатием выкупных взносов.

На это дело, т. е. на составление правил для окончательного обязательного выкупа и для понижения выкупных платежей, уже обращено, кажется, надлежащее внимание правительства, и к сентябрю текущего года предположения по этим предметам должны быть внесены в Государственный совет. Для исполнения этих предварительных работ образована комиссия из трех министров, в которую приглашено несколько (13) экспертов из разных местностей. Жаль, что многие местности, и притом особенно в этом деле заинтересованные, не имели за себя ходатаев в этой комиссии. Так никто, кажется, не приглашен из Смоленской, Калужской, Псковской, Казанской, Владимирской и других губерний. Сверх того, в местностях даже черноземных, где выкупные платежи вовсе не требуют понижения, есть уезды или их части, где крестьяне крайне бедствуют от плохой почвы или отсутствия путей сообщения, т. е. где выкупные оценки много выше действительной нынешней стоимости земли. Не знаем, какие основания приняты или будут приняты и для обязательного выкупа, и для понижения выкупных платежей. До сих пор полнейшею тайною прикрыты эти работы, словно в этой комиссии составляется какое-либо дипломатическое предложение или посягается на общественные права и интересы. Желаем, чтобы гг. эксперты не мудрствовали лукаво и приняли в основание своих работ правило самое простое, т. е. чтобы крестьяне обязаны были выкупать земли по нынешней действительной ее стоимости, и чтобы существующие выкупные платежи были понижены также до этой нормы. Для определения этой стоимости имеются в министер-

стве государственных имуществ очень хорошие кадастрационные работы, и сверх того, должны быть собраны по каждой губернии и уезду от губернаторов, от земских управ и от управлений государственными имуществами сведения о нынешних ценах на земли по разным местностям. Такие же сведения могут быть затребованы и от старших нотариусов, утверждающих купчие крепости. Разнообразие этих источников может до некоторой степени обеспечить верность сведений о действительной нынешней ценности земель. Приведение же в исполнение правил, имеющих по сему предмету быть установленными, должно быть поручено не земским учреждениям, как некоторые предлагают, ибо это есть дело более государственное, чем земское, и не одним казенным управлениям, а особым комиссиям, составленным по каждой губернии, из чиновников, назначенных правительством, и из земцев, по избранию земских собраний. Не понимаем, как *a priori*²⁴⁹ или по имеющимся свободным остаткам могла быть вперед определена сумма понижений ежегодных выкупных платежей, сперва в 9, а потом в 12 миллионов (если слухи верны), и как эта сумма каким-то процентным исчислением может быть распределена между губерниями (опять, если слухи, распространенные по этому предмету, верны). Это в бюрократическом смысле, пожалуй, очень удобно и наглядно, но на деле оно окажется и несправедливым, и малоразумным. Дело идет не о том, чтобы в известной пропорции понизить все выкупные платежи, и не о том чтобы распределить между крестьянами данную сумму в виде подарков. Предстоит исполнить долг государственной совести, а именно: исправить прежде допущенную, по необходимости, несправедливость понижением выкупных платежей до настоящей ценности выкупаемой земли. Думаем, что для этого не потребуется и девятимиллионной ежегодной суммы; но если бы пришлось на это расходовать и более двенадцати миллионов в год, то необходимо всю нужную сумму принять на государственный счет; ибо несправедливость, раз признанная, должна быть вполне исправлена.

Не думаем, чтобы в этой комиссии, составленной из министров и экспертов, могло одержать верх мнение одного из последних, изложенное в газете «Русь»²⁵⁰ и крепко им защищавшееся, о принятии всех выкупных платежей на счет государства, об обращении всех выкупленных земель в государственную собственность и об обложении их на вечные времена государственным налогом. Это мнение опровергалось многими и с юридической, и с политической, и с экономи-

ческой, и даже с нашей бытовой стороны; думаем и надеемся, что оно вполне опровергнуто и похоронено. Но сильно опасаемся, чтобы эта хотя и не тайная, но втайне работавшая комиссия не составила правил, пригодных для некоторых местностей и совершенно несоответственных для других. Еще более опасаемся, чтобы гг. эксперты, не представители своих земств, а случайно, по выбору правительства приглашенные гласные, не сослужили земству очень плохую службу: как бы не сочли и не выставили мнением земства или земств вообще то, что есть только мнение нескольких, и притом весьма немногих гласных, и к тому же не земскими собраниями избранных.

IV. Обеднение крестьянства есть, к прискорбию, факт несомненный и теперь уже никем не оспариваемый. Главные его причины также довольно известны и ясны: неурядица в крестьянском самоуправлении, неуместные и совершенно произвольные распоряжки полиции по селам и деревням, бездействие присутствий по крестьянским делам, малоземелие, крайне высокие цены на отдающиеся в наем земли, плохая обработка крестьянских полей и отсутствие средств к ее улучшению, безграмотность или малограмотность, пьянство, и пр. Правительство, земские собрания и печать уже обратили внимание на эти источники крестьянских бедствий. Бывший министр внутренних дел отношением от 22 декабря 1880 г. предложил на обсуждение земских собраний и присутствий по крестьянским делам разные вопросы как по устройству сих последних, так и вообще по крестьянскому самоуправлению. Земские собрания повсеместно приняли к сердцу это дело; подвергли тщательной и многосторонней разработке вопросы, к нему относящиеся, и многие из губернских собраний уже пришли по ним к окончательным заключениям. Надо полагать, что огромные кипы бумаг по этому делу будут доставлены в министерство внутренних дел; бюрократии будет, чем заняться; но что из этого выйдет? Составятся из этих сведений, соображений и заключений — своды; их напечатают, разошлют кому следует; а затем?

И на крестьянскую нужду в земле правительством обращено внимание: составлены министерством государственных имуществ временные правила по переселению крестьян на свободные казенные земли и по отдаче таких же земель крестьянам в аренду; и сверх того, обещано составление по этим предметам правил постоянных и обстоятельно разработанных. Простое чтение этих временных правил убеждает всякого житейского человека, что они составлены чисто

бюрократически; что они, конечно, могут побудить крестьян, весьма алчущих получения новых земель, к распродаже своего имущества на старых местах и к отправке в путь, но что ничем не обеспечено им получение удобных земель для поселка, а тем еще менее даны им средства к поселению на новых местах. Выселение из старых мест и поселение на новых местах суть дела весьма многосложные и крайне трудные. Наша печать относится к ним вообще очень легкомысленно и совершенно кабинетно. Да и правительство воображает, что стоит сочинить, утвердить и предписать; и дело в шляпе. Легко взбудоражить население и произвести то, что уже раз, в 1868 году, было: министерство внутренних дел разослало через губернаторов в волостные правления объявление на счет льгот переселенцам в Самарскую и Уфимскую губернии; крестьяне распродали свои дома и громоздкие вещи и толпами двинулись в обетованную землю; но прежде, чем они туда дошли и доехали, явился другой разъяснительный циркуляр, который отменял все обещанное в первом и возвращал крестьян, вполне разоренных, голодных и оборванных, на старые места. Легкомысленно и бюрократически это дело устроить невозможно. Оно крайне трудно само по себе, и в особенности потому, что новые места вообще весьма отдаленны, что пути к ним не водою и не по железным дорогам, что крестьяне-переселенцы все отправляются туда на своих лошадях, и что наши климатические условия требуют особенной быстроты в обеспечении людей на зиму. Это дело должно быть устроено с знанием бытовых крестьянских условий вообще и особенно тех местностей, куда переселения направляются; и это дело приводить в исполнение следует не нынешними чиновниками. Так что же — необходимо его отложить? Конечно, нет! но необходимо скорее покинуть все искажающий и мертвящий бюрократический путь управления и вступить на иной — на путь дела и не бумаг.

Много имеется крестьянских обществ и крестьян, не думающих о переселениях, но весьма желающих купить земли, продаваемые помещиками и переходящие в руки спекулянтов, которые приобретают их для сдачи в наем крестьянам по жидоморским ценам. Беда крестьян в том, что на эти покупки у них нет или недостает денег. На эту крестьянскую нужду обращено внимание печатью, многими земскими гласными и некоторыми земскими собраниями; но дело как-то плохо подвигается вперед. Избираются последними комиссии, представляются проекты земских банков и другие предположения, происходят продолжительные и оживленные прения, и все это кончается

отсрочкою окончательного решения до следующего очередного созыва. Впрочем, справедливость требует сказать, что некоторые губернские и даже уездные земские собрания уже перешли от слов к делу и ассигновали суммы на оказание пособий крестьянам при покупках ими земли; но такие земские постановления составляют редкие исключения, и к тому же земства, из-за недостатных капиталов, не в состоянии таким способом, оказать крестьянам существенную помощь по приобретению ими земель. И банки, предполагаемые к устройству земствами для одной их собственной губернии с целью помогать крестьянам при покупке ими земли, не могут достигнуть желаемой цели, как это обстоятельно доказано в №№ 1, 8 и 10 газеты «Земство»²⁵¹. Необходимость оказания пособий крестьянам при покупке ими земли признается почти всеми; но как удовлетворить эту нужду — в этом мнения расходятся. Одно кажется несомненным, что ни земство, ни правительство отдельно ничего в этом отношении сделать не могут: необходимо в этом деле совместное их действие. В этом именно смысле сделано мною предложение в упомянутых №№ «Земства» и в Рязанском губернском земском собрании. Наши губернские земские собрания, состоящие ныне почти исключительно из дворян-землевладельцев, очень неохотно занимаются этим делом и пользуются всяким предлогом к его отсрочке. Необходим толчок сверху, и весьма желательно совокупное действие правительства и земств по этому крайне важному и неотложному делу.

И прочие причины обеднения крестьян не могут быть устранены ни правительством, ни земством при их отдельном, обособленном действии; для принятия в этом отношении настоящих, разумных и успешных мер, и для приведения их в надлежащее исполнение необходимо совместное действие правительства и земства. Приходится повторять одно и то же; но что делать? В их действительном единении — одно для нас спасение.

V. Давно обещают отмену подушной подати. Более десяти лет тому назад этот вопрос обсуждался в земских собраниях по предложению правительства, препроводившего на их заключение проект подворного налога, выработанный правительственною податною комиссиею. Проект этот был забракован земствами, которые единогласно высказались за распространение податной обязанности на все состояния в государстве. Раздвоение русского народа на два отдела — на податных и свободных от личных податей, т. е. привилегированных — стоит у нас, как кость в горле. Признано существование всесословного земства;

устроены в этом смысле разные учреждения; воинская повинность распространена на всех граждан; а между тем имеется налог на существование, который платится одним сословием, пользующимся притом менее прочих удобствами и выгодами государственного устройства. Много было предложено проектов о замене подушной подати и подоходным налогом, и классною податью, и другими сборами; но до сих пор дело вперед не двигается, и этот остаток крепостного права стоит бодр и невредим. Последнее Высочайшее повеление, состоявшееся в 1879 году, не оставляло уже никакого сомнения на счет скорой отмены этого устарелого налога; а между тем он продолжает существовать и еще не имеется в виду, чем он будет заменен. Конечно, это дело не легкое, и замена подати, к которой привыкли, новою, не соответствующею нашим бытовым обстоятельствам, было бы делом не полезным, а вредным; к подушной подати крестьяне привыкли и большую частью разложили ее на земли. Предполагаемый подоходный налог у нас невозможен, пока граждане не участвуют в установлении и определении налогов. Первым условием для подоходного налога есть существование в стране гражданской честности, обязывающей по совести показывать настоящий получаемый доход. Такой честности у нас нет, и возможно ли ее требовать, пока государственные доходы идут Бог весть на что, расточаются и даже расхищаются безнаказанно? Классная подать легче могла бы быть введена; но как бы для приведения ее в действие не потребовалось инквизиторских дознаний для определения, даже приблизительного, получаемых доходов. Сверх того, знаем ли мы сами наши постоянные доходы? То густо, то пусто. Подушная подать должна быть отменена; это несомненно и этого желают все; но чем заменить доход, ею доставляемый, — это не легко разрешимо. Необходимо этот вопрос подвергнуть самому тщательному и самому многостороннему обсуждению.

VI. Государственные расходы растут у нас постоянно и в размерах ужасающих: в прошедшее царствование с 263 мил. они дошли до 644 мил.; т. е. увеличились с лишком вдвое — на 145%. В 1879 году учреждена была комиссия из высших сановников под председатель-

---

* Эта последняя цифра не совсем верна: многие расходы (по царству Польскому, по государственным земским соборам и пр.) прежде значились в особых сметах. Но несомненно то, что государственные расходы в 26 лет с лишком удвоились.

ством председателя департамента Государственного совета по государственной экономии²⁵². Иные от этой комиссии ожидали больших сокращений в расходах; мы не были в числе этих оптимистов и в изданной нами в 1879 году книжке*, сказали: «Учреждение комиссии в видах сокращения расходов было, конечно, мерою необходимою и обещавшею быть полезною; но образование ее из одних высших чинов администрация уничтожает все надежды на благоприятный результат ее трудов. Вперед можно сказать, что сокращений будет немного, и что они отнесутся не к тем окладам, которые всего более требуют сокращения, а напротив к тем, которые скорее требуют прибавок, чем убавок. Авось, по крайней мере, сократится число чиновников и административных мест, и это было бы выигрыш не малый. Сократить расходы — необходимо; ибо они в последние годы росли не по годам, а по дням и часам, и особенно в высших сферах администрации. Тут десятки и сотни тысяч расходовались легче, чем меньшие суммы на действительные нужды государства. Поживем — увидим, а пока тяжело смотреть на такие порядки и от них терпеть».

Оказывается на деле, что и наши крайне скромные ожидания — не осуществились: прошли с лишком два года, а расходы и на 1880 и на 1881 годы не убавились, а еще значительно увеличились; число же чиновников и административных учреждений несколько не сократилось. Бюрократическим порядком даже и в высших сферах нынешней администрации удовлетворительных результатов по сокращению государственных расходов достигнуть невозможно. Убеждены в сильнейшем желании и расположении ныне царствующего Императора²⁵³ сократить государственные расходы; убеждены, что Он настойчиво будет этого требовать и что некоторые исполнители Его воли усердно будут Ему в этом помогать; а все-таки мы уверены, что действительных — плодотворных сокращений не будет: они невозможны при нынешней системе администрации — тут бессильно и само Верховное Самодержавие. Пока не изменится дух в общем управлении, пока правительство не на словах, а на деле не будет едино с народом, бюрократия удержит свое владычество и все сокращения, если она какие-либо и допустит, не пойдут народу в пользу.

Едва ли по внутреннему управлению можно сделать значительные сокращения в расходах. Неизбежны преобразования по губернскому

---

* Что же теперь делать? Берлин, 1879.

и уездному управлению; неизбежно введение новых судебных учреждений там, где еще страдают от старого судопроизводства; неизбежно открытие новых университетов, гимназий и других учебных заведений; неизбежно еще многое, очень многое, что, по разным причинам, не вводилось «за недостатком потребных сумм». Мы страдаем по внутреннему управлению не столько значительностью расходов, сколько тем, что они идут на содержание ватаг чиновников, которые, получая по большей части скудное жалованье, пополняют его всякими поборами и казнокрадством.

Конечно, желательно сокращение расходов; но еще более желательно употребление денег, собираемых с народа — на его пользу, а не на развитие роскоши и другие, пожалуй, еще худшие расходы.

Есть одно сокращение расходов, которое весьма желательно и которое может быть весьма значительно и приведено в действие почти немедленно; это — сокращение расходов по военному ведомству. Тут хозяйственная часть, говорят, безобразна; и одно приведение ее в порядок доставит, как уверяют, сбережения на десятки миллионов. Сверх того, можно и, по нашему мнению, должно уменьшить численность нашей армии. Иные считают последнее невозможным, утверждая, что с этим необходимо соединено будет и уменьшение нашего значения в сношениях с европейскими державами. Думаем, что этот довод вполне несостоятелен. Во 1-х, до сих пор мы своих военных сил не сокращали; а удержали ли мы в Европе то значение, которое прежде имели и которое наше государство должно иметь? Во 2-х, не военные силы доставляют теперь в Европе значение государствам, а их внутренние порядки и финансовые средства. Явным тому доказательством служит Англия, которая имеет очень малочисленные войска, а между тем голос ее в Европе весьма значителен. В 3-х, мы теперь находимся вовсе не в положении Германии, присвоившей себе чужую собственность, или Франции, выжидающей благоприятной минуты для отмщения; между ними война неизбежна и может внезапно открыться. Наконец в 4-х, Россия не имеет никаких причин к объявлению кому-либо войны, и ни одна держава не ищет повода к тому, чтобы выступить с нею в борьбу. К тому же все Европейские государства находятся в таком положении, что им у себя дома очень много дела и что ни одно из них теперь охотно не предпримет никакой войны. Мы глубоко убеждены, что сокращение наших военных сил встретило бы в Европе самое искреннее сочувствие, и было бы не-

приятно разве одному кн. Бисмарку, которого оно поставило бы в неловкое положение. Убеждены также, что такое наше решение подняло бы на бирже наши курсы и фонды сильнее, чем самые блестящие наши победы.

Сокращение численности нашей армии будет иметь для народа и государства, кроме уменьшения расходов, еще одну очень важную выгоду. До сих пор, ежегодно отрывается от производительных работ до 230 тысяч молодых людей, из которых около двухсот тысяч берутся от сохи. В Германии поселяне по отбытии своей службы возвращаются к плугу и продолжают посвящать себя земледелию. У нас дело становится иначе. Молодые крестьяне, раз оторванные от сохи, редко к ней возвращаются: по большей части, они поступают в сторожа, дворники или на иную легкую службу или работу. На это нельзя не обратить внимания, и сокращение ежегодного призыва было бы весьма важно и в земледельческом отношении.

VII. Давно толкуют и в административных сферах, и в обществе, и в печати о необходимости преобразования нашего губернского и уездного управления, и в особенности полиции. С 1861 года это дело стоит на очереди, но оно, как и многие другие неотложные дела, вовсе не подвигается вперед. Изданы были по этой части разные отдельные узаконения; учреждены урядники; но не только нет улучшения в местном полицейском управлении, а беспорядки и общая беспечность усилились и умножились. 19 Февраля 1861 г. ввело Россию на иной, совершенно новый путь; в 1865 году пошли в ход земские учреждения; а местная правительственная администрация остается при прежних, мало измененных узаконениях и инструкциях. Составление, подписание и отправка рапортов и предписаний, ведомостей и отчетов поглощает почти все время служащих; когда же им заниматься настоящим делом. И оно идет Бог весть как! К тому же, на полицию возложено так много разных ей вовсе несвойственных дел, что еще слава Богу, что она ими не занимается. Дивиться надо не существующей анархии, а тому, что дела еще кое-как идут и что смуты нас не сокрушили. Велик и милостив Русский Бог!

Но всякому долготерпению есть предел. Необходимо хоть теперь озаботиться устройством местного управления в громадной нашей империи. Предстоит решить, что должно оставаться в ведении агентов центральной власти, устроить их как следует и дать им разумные, удобоисполнимые инструкции. Остальные заботы о местном управ-

лении следует возложить на земские и крестьянские учреждения, предоставить им необходимые права и власти, и уже не препятствовать правильному их действию. Устройство это есть дело, конечно, не легкое, но оно совершенно неотложно. Боже упаси от совершения его одним бюрократическим способом! Сенаторские ревизии, только оконченные²⁵⁴, вероятно доставят богатый материал для оценки существующих порядков и для составления новых проектов. Но как бы последние ни были умно и благонамеренно выработаны, а все-таки для их окончательной отделки и для сообщения их удобоприимности к различным местностям, необходимо содействие их представителей. Этого никак нельзя упускать из вида; ибо только местные люди или их представители в нашем обширном государстве, могут в этом отношении подать голос со смыслом.

Идет теперь слух, что предполагается упразднить урядников. Они народу, конечно, ненавистны; но одною этою отменю дело о преобразовании полиции нисколько не двинется вперед. Необходимо весь институт полиции и все к ней относящиеся узаконения подвергнуть коренному пересмотру.

VIII. Также совершенно необходимы и неотложны пересмотр и исправление Положений о земском и городском самоуправлении. Многолетний опыт и многократные ходатайства земств и городов до очевидности доказали значительные недостатки в этих узаконениях. Не будем здесь их излагать, ибо они и очень многочисленны и всем известны; но не можем не повторить уже несколько раз сказанного нами прежде: Боже сохрани от переделки этих Положений бюрократическими деятелями. Новые их произведения были бы, пожалуй, еще хуже ныне существующих, уже несколько исправленных жизнью и общим признанием неудобоисполнимости некоторых их статей.

Не можем однако не заявить здесь об одной нужде, все более и более обостряющейся, и удовлетворение которой равно требуется пользами как населения, так и самого правительства; а именно: о необходимости распространения Положения о земских учреждениях на окраины империи, т. е. на Сибирь, Кавказ, западные²⁵⁵, привисленские²⁵⁶ и прибалтийские²⁵⁷ губернии. Хотя земские учреждения, отчасти по своей вине, но всего более по независимым от них обстоятельствам, не доставили нам тех благ, выгод и удобств, которых мы были вправе от них ожидать; однако доходящие к нам слухи из окраин о тамошних беспорядках и злоупотреблениях воскрешают

в нашей памяти былое дореформенного времени и теперь в земских губерниях уже невозможное. Раздвоение империи на земские и неземские губернии весьма вредно и неудобно и в нравственном, и в административном, и в экономическом отношении: оно возбуждает зависть и особенное недовольство в одних и какую-то глупую, вовсе неуместную гордость в других; оно затрудняет администрацию, принуждая ее исполнять через своих агентов то, что в земских губерниях производится самими земствами; оно особенно невыгодно в экономическом отношении, ибо многое, что у нас совершается на пользу населения, там опускается вовсе или совершается чиновниками небрежно и с излишними расходами. Уравнение губерний в правах и обязанностях есть необходимое условие объединения сил государства, и, следовательно, его процветания и могущества.

Еще имеется много, очень много других нужд, удручающих или все население, или некоторые его состояния и местности; всех нужд не перечтешь, но мы не можем умолчать еще о двух, особенно тяжело отзывающихся на положении народа, а именно: о безобразиях нашей паспортной системы, которую необходимо пересмотреть и существенно изменить; и о безобразиях нашей учебной системы как по первоначальным школам, так и по прочим учебным заведениям. Министерство народного просвещения в последние пятнадцать лет отчасти явно, а еще более тайно так устроило и вело дело, что родители трепетали за своих детей и приходили в отчаяние. Увольнение главы этого министерства было общенародным праздником²⁵⁸; но этим еще не исцеляются раны, причиненные народу: необходим пересмотр Положения о первоначальных школах 1874 года и возврата к основам прежнего положения. Необходим и пересмотр Уставов классических и реальных гимназий и прогимназий.

Есть еще нужда, для человека самая существенная и самая необходимая, и от нее в стране нашей мы крайне терпим, это — недостаток в удовлетворении нашего религиозного чувства. От этого усиливаются старые расколы, нарождаются новые секты и имеют успехи Редстоки и им подобные. Но об этой нужде, об ее причинах и о средствах к ее удовлетворению, мы здесь говорить не будем. Об этом надо толковать очень много и вникать очень глубоко или воздержаться от речи об этом предмете. Решаемся на последнее, как потому, что поставили себе задачу только указание наших нужд гражданских, общественных и государственных, так еще более потому, что не счита-

ем себя достаточно подготовленными для поднятия и обсуждения церковных вопросов; а они у нас и многочисленны и крайне важны.

VII

Теперь мы подходим к указанию главнейшей нашей гражданской нужды — той, которая заключает в себе корень и суть всех прочих нужд и без удовлетворения которой невозможны: восстановление спокойствия и порядка в государстве, прекращение бедствий, нас удручающих, и улучшение нашего положения вообще. Под этим, как всякий легко поймет, мы разумеем — нужду в доставлении, и нам и правительству, средств к непосредственным друг с другом сношениям, т. е. чтобы мы имели возможность высказывать прямо Верховной власти наши нужды, желания, чувства и мнения, и чтобы Верховная власть могла узнавать прямо от нас, что нам требуется, как дела идут в стране, и что и как следует устраивать для общего блага, в обширной и разнообразной нашей империи. Да не подумает кто-либо, что мы имеем в виду введение какой-либо западноевропейской конституции, ограничивающей Самодержавие и устанавливающей народо-властие. Нет! таких мыслей мы никогда не имели и теперь не имеем, и всегда на этот счет высказывались ясно и положительно; что можно видеть в разных брошюрах, нами напечатанных в Лейпциге и Берлине. С особенною обстоятельностью мы изложили наше мнение против конституций и за самодержавие — в книжке: «Общая земская дума в России» (Берлин, 1875). Не будем здесь повторять там сказанного и прямо обратимся к указанной нами нужде.

Да, непосредственные сношения между верховною властью и народом совершению необходимы. Они существовали на Руси в старые времена; прерваны они были временно; как временно было установлено и крепостное право на людей; а то и другое имели свои оправдательные бытовые причины (*raisons d'être*²⁵⁹). Слава Богу и Царю-Освободителю, одно уже прекращено, а другое, твердо надеемся, будет безотлагательно восстановлено Его Августейшим Преемником. Как крепостная зависимость одних людей от других не могла долее существовать и была своевременно и благовременно самодержавною властью упразднена; так не может долее продолжаться и перерыв прямых взаимных отношений между верховною властью и народом. Теперь вошло как бы в обычай говорить об единении народа с Царем

и Царя с народом. В душе того и другого, это, конечно, так; но пора это единство проявить и на самом деле. Бюрократия исполнила свое назначение, и даже через край; всеобщая к ней ненависть сильнее и общее, чем была даже ненависть к покойному крепостному праву; еще никогда и ни по какой нужде общественное мнение не высказывалось у нас так единодушно, так положительно и так сильно, как теперь за уничтожение существующего средостения между народом и Царем и за осуществление на деле того единства, которое теперь живет только в чувствах и мыслях народа. Цензура и председатели совещательных собраний стоят, как часовые, с запретом что-либо говорить о созыве представителей народа Русского; а между тем и в печати, и в земских и дворянских собраниях так или сяк, не прямо, так косвенно проявляются одни и те же мысли: конец бюрократии, созыв представителей земли Русской — восстановление прямых и откровенных сношений между Царем и Его народом.

Правительство также сознает для себя эту потребность и даже ее неустрашимость; оно утратило веру в бюрократию, ее рапорты, доклады, соображения и заключения; но оно еще не решается прямо и откровенно обратиться к народу; оно медлит, недоумевает и ограничивается полу- и четверть-мерами. Так теперь, для получения от общественного мнения сведений, соображений и заключений по важным поднятым вопросам об окончательном обязательном выкупе крестьянских наделов и о необходимом понижении по некоторым местностям выкупных платежей, правительство вызвало кой-откуда земских гласных в качестве экспертов. Нет! времена экспертов в виде представителей общественного мнения миновали для земской России безвозвратно. В 1859 году, вызвав экспертов по делу об освобождении крепостных людей, правительство поступило так, как тогда лучше поступить было невозможно: оно не надеялось на бюрократию; земских учреждений еще не было; оно обратилось к единственному тогда сословию, имевшему хотя некое мнение и некий голос по делам общественным — к дворянству, и разрешило ему собраться поуездно, избрать по два члена и образовать губернские комитеты для обсуждения этого дела. Затем разрешено было этим комитетам избрать из своей среды депутатов, которые и были призваны в Петербург для рассмотрения проектов, изготовленных правительственными редакционными комиссиями, и для дачи заключений по их предположениям. А эти правительственные комиссии были со-

ставлены из людей, еще прежде особенно занимавшихся эманципационным вопросом и ревностно потрудившихся в губернских комитетах — из людей, действительно заслуживших звание экспертов. Следовательно, при тогдашних обстоятельствах все возможное было сделано для узнания требований и желаний общественного мнения. С тех пор прошло с лишком двадцать лет, и каких? С введением и действием гласного судопроизводства, земских и городских всеобщих учреждений, некоторой свободы печати, и сверх того, с устройством железнодорожных паровых сообщений и с удвоением бюджета государственных расходов. Все эти обстоятельства существенно, почти в корень изменили наше положение, и если у нас еще не установилось и не окрепло общественное мнение, то оно развивается и с ним неразлучно образуется и общественный быт. Призыв тринадцати экспертов в Петербург ко 2 июня возбудил в России не радость²⁶⁰, не надежды, а улыбки, сожаления и опасения. Можно и необходимо призывать экспертов по специальным вопросам; но где нужно знать мнение страны и то, что ей требуется, тут необходимо ей самой предоставить выбор представителей ее мнения. Нынешний призыв экспертов из нескольких местностей по общегосударственному делу может ввести правительство в большую ошибку: оно, пожалуй, вообразит, что посоветовалось с землею — с народом о делах общих и весьма важных; а вместо того, оно только выслушало мнения нескольких людей, им же самим приглашенных. Может случиться и то, что мнения этих экспертов окажутся одностороннее и хуже даже мнений бюрократии, которая, по крайней мере, обыкновенно воздерживается от заключений резких и решительных.

Созыв представителей земли русской есть в настоящее время дело совершенно необходимое, неотложное и ничем незаменимое. Теперь весь вопрос в том, в каком виде произвести этот созыв?

По этому вопросу существуют два мнения: одни, придерживаясь старины — исторических преданий, желают созыва земского собора; а другие, всматриваясь в настоящий наш быт, предлагают, в завершение существующих губернских земских собраний, учреждение Общей земской думы. Рассмотрим оба эти мнения сколь возможно обстоятельнее и беспристрастнее.

Сторонники земского собора, к сожалению, сколько нам известно, еще нигде не высказались несколько определенно на счет состава предполагаемого ими учреждения; а между тем, это весьма

важно. Они вообще недовольны нынешними земскими собраниями, находя, что они вовсе не представляют собою земли русской. Сколько мы слышали, они требуют в земский собор представителей по каждому уезду, от крестьян, дворян, городов и духовенства, а некоторые соборники допускают и от уездного земского собрания; следовательно, от каждого уезда должно быть по 4 или по 5 представителей, а от всей империи, при ограничении ее одними земскими губерниями, число представителей будет около двух тысяч, а при распространении, вполне справедливом, этого права и на окраины, это число удвоится²⁶¹. Не можем себе даже вообразить, как это двух- или пятитысячное и совершенно разнородное собрание будет обсуждать правительственные предложения и подавать по ним голоса. Знаем, что в наших уездных собраниях, состоящих из 30–60 гласных, из которых около половины крестьян, вопросы часто становятся по два и по три раза, и случается, и даже нередко, что они вполне понимаются только после оконченной баллотировки. Что ж будет в собрании, состоящем из нескольких тысяч членов, из которых $\frac{1}{4}$ крестьян и около того же из купцов и мещан? Не думаем, чтобы такое собрание лучше представило землю, чем нынешние наши земские собрания.

Понимаем что дворянство, город и духовенство каждого уезда могут выбрать от себя представителей; но решительно недоумеваем, как крестьяне целого уезда выберут от себя одного представителя. Допустим, что каждая волость выберет одного или нескольких уполномоченных для избрания этого уездного представителя; но эти уполномоченные, собравшиеся в уездном городе или ином более центральном месте, кого они выберут? Крестьяне очень хорошо знают людей своего селения или прихода, несколько знают людей теперешних расширенных волостей, плохо знают людей смежных волостей, но уже вовсе не знают крестьян отдаленных сел и деревень; как же они, собравшись на один день, выберут человека, имеющего быть их уездным представителем?

В несколькотысячном собрании вообще, а у нас, при нашей еще малой привычке к прениям в особенности, немыслимо обстоятельное обсуждение правительственных предложений и еще менее возможно положительное и определенное заявление о наших нуждах; а потому, вся деятельность собора должна ограничиться высказыванием на все предложения и заявления, однословного решения «да» или «нет». Удовлетворит ли такое решение нашу нужду и исполнит ли

наши ожидания? Ответит ли оно правительственной потребности? Узнает ли Верховная власть много более того, что она теперь знает? Получим ли мы возможность разумно и обстоятельно высказывать наши мнения и нужды? Шибко опасаемся, чтобы из таких соборов не вышли торжество для бюрократии и посрамление земли Русской.

Конечно, наши уездные и губернские земские собрания весьма недостаточно представляют уездное и губернское население, и в особенности одну его часть — крестьянство. Необходимо произвести изменения и в способах выбора, и в условиях избирательности и избираемости, и во многих других статьях Положения о земских учреждениях; но, пока лучших представителей населения нет, необходимо ими довольствоваться. Следовательно, только из них и от них мы можем теперь получить лучших по возможности народных представителей.

Мы имеем в уездах уездные земские собрания, объединяющиеся в губернском земском собрании, и им в известных пределах направляемые и исправляемые. Мы имеем в губерниях губернские земские собрания, но они стоят и действуют совершенно обособленно, без всякой связи между собою и не имея никакого объединительного учреждения над собою. Его-то создать необходимо — это одно, что может оживотворить и оплодотворить земскую жизнь и устранить ту главнейшую нужду, которая теперь нас гнетет, губит и уничтожает. Мы не будем здесь распространяться о том, как составить это общее имперское земское собрание, какие права ему предоставить, какие обязанности на него возложить, какой круг действия ему очертить, и о некоторых других вопросах, относящихся к этому предполагаемому учреждению. Наши мнения по этому предмету мы изложили довольно обстоятельно в вышеупомянутой нашей книжке («Общая земская дума в России»). Мы ее напечатали в 1875 году; и, перечитавши ее теперь, должны сказать, что остаемся безусловно при мнениях, там и тогда высказанных. Можно бы кой-что прибавить, но считаем это ненужным: важность дела не в подробностях, а в главной его мысли. Лишь бы она была принята, и все остальное само собою к ней приложится. Не будем повторять там сказанного, а попросим читателя, если ему угодно узнать наше мнение об Общей земской думе, обратиться к упомянутой книжке.

Остается нам рассмотреть еще один весьма важный вопрос: в случае, если бы Верховная власть решилась удовлетворить указанную

великую нужду и исполнить общее желание ее верноподданных, то как лучше привести это в действие: манифестом ли с прямым изъяснением, что, в завершение существующих земских учреждений, образуется Общая Земская Дума из гласных, избираемых губернскими земскими собраниями, и что ей даруются такие и такие права; или Высочайшим повелением вызвать в Петербург от губернских земских собраний и по их избранию депутатов или членов в Общую Комиссию для обсуждения некоторых дел, которые будут ей предложены, и для дачи по ним ее заключений?

Признаться, мы подаем свой голос в пользу решения в первом смысле, и вот на каких основаниях: во 1-х, Верховная власть в России так сильна и пользуется такою всеобщую любовью, что для нее всего свойственнее и приличнее действия прямые и откровенные; во 2-х, дарование земских учреждений и гласного судопроизводства было объявлено прямо, без всяких околичностей; в 3-х, весьма было бы желательно и вполне соответственно ознаменовать первый год царствования великою милостью и великим делом; наконец в 4-х, нет никаких причин, ни опасностей, ни неудобств к обнаружению прямому и полному тех прав, которые вновь даруются земству Верховною властью.

Но если почему-либо признано будет невозможным принять такое решение, то придется, в удовлетворение упомянутой нужды, поступить так:

Высочайшим указом учредить в Петербурге Общую Комиссию из членов, которые имеют быть избраны губернскими земскими собраниями по два или по три от каждой губернии; созвать их к известному числу и предложить им на обсуждение те важные дела, которые мы указали выше или которые признаны будут правительством особенно неотложными. В эту Комиссию следовало бы передать на рассмотрение и ходатайства, поступившие или имеющие поступить из земских собраний, и желательно было бы предоставить ей право обращаться к Верховной власти и с собственными ходатайствами. Председателем такой комиссии придется быть лицу по Высочайшему назначению. И такое Высочайшее решение будет принято с благодарностью; но оно будет только полумерою.

Как при первом, так и при последнем решении не должны быть забыты те губернии, которые еще не имеют земских учреждений. На первый раз, т. е. до распространения на них пересмотренного

Положения о земских учреждениях, придется призвать из этих губерний не представителей, избранных населением, а экспертов по назначению Правительства.

Особенно важно, особенно настоятельно — принятие того или другого решения без всякого отлагательства. Нынешняя неизвестность и неопределенность хуже всего — она убийственна и для дел, и для людей.

В заключение повторим уже сказанное нами выше: «Веруем в Самодержавие; веруем в свойства души и ума нашего Самодержца»; а потому не сомневаемся в Его мудром и благом решении.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

Давно начинаю я свои книжки и некоторые статьи выражением, что «нынешнее наше положение крайне тяжко»; а про себя думаю: нет! уже хуже ничего быть не может, и должен же наконец наступить поворот к лучшему. Действительно было наступил такой поворот; Россия было ожила; надежды, деятельность ее было воскресли; но ужасная катастрофа 1-го марта²⁶² повергла всех в горе — почти в отчаяние. После того в течение двух месяцев Россия была как в забытьи. Уход со своих мест троих людей, внушавших стране всего более к себе доверия²⁶³, заставил ее очнуться — воскресли страхи и опасения. Затем последовали в действиях правительства полнейшая неопределенность и даже противоречия; а в обществе, в народе — совершенная неизвестность, что делать и чего ожидать; и вместе с тем пошли всюду слухи самые тревожные, хотя нелепые, однако сильно людей волновавшие или подавлявшие. В прошлом году в изданной мною в Берлине книжке («Где мы? Куда и как идти?»), я сказал: «Особенно важно, особенно настоятельно — принятие того или другого решения без всякого отлагательства. Нынешняя неизвестность и неопределенность хуже всего — она убийственна и для дел и для людей».

Да! действительно таково было наше положение год, даже два месяца тому назад; и казалось, что оно уже ухудшиться не может, разве дальнейшим своим продлением. А на деле оказалось, что оно еще может ухудшиться и даже значительно.

Давно ли Россия, вся Россия, на всем ее пространстве во всех ее закоулках, ликовала по случаю увольнения гр. Толстого от должности министра народного просвещения и обер-прокурора Св. Синода! Все думали, что наконец воспитание и обучение детей обратятся на путь естественный, разумный, душевный, истинно русский, и сойдут с тех искусственных, безжизненных и ложных стезей, где только научали склонять и спрягать латинские слова, где ум овеществлялся и притуплялся, где чувство придавлялось и уничтожалось, и где развивались и могли развиваться в учащих и учащихся только ложь и лицемерие. Все надеялись, что наконец высшие и средние учебные заведения выйдут из-под того страшного гнета, под которым они по милости нескольких лже-классиков-безумцев томились и изнывали, и что первоначальные народные школы из-под чиновничьих формальных

и нелепых распоряжков возвратятся наконец в заведывание земств и городов, всего ближе заинтересованных в развитии на местах народного образования. Многие утешались также мыслью, что авось и церковь наша оживет; что иерархи ее, из чиновников и человеко- и властоугодников, обвешанных орденами, обратятся в настоящих учителей и пастырей людей, проникнутся духом истинного христианства и будут действовать самостоятельно, не как люди мира сего преходящего, а как люди действительно от него отрeksiеся и руководимые только истинами вечного учения Христова; и что наконец церковь наша будет православною не по имени только, а действительно и неуклонно.

Так думали, так чаяли; но действительность оказалась совершенно иною.

30 мая состоялся Высочайший указ, повелевавший гр. Д. А. Толстому быть — министром внутренних дел!

Слух об этом назначении, быстро распространившийся и в столицах и в провинции, везде встретил полных неверов. «Нет!» — говорили все, — «это быть не может. Нет! это уже невозможно».

Правительственный Вестник²⁶⁴ и другие газеты вскоре убедили, что и невозможное иногда становится действительным.

Гр. Толстой — опять министр, и уже не какой-либо второстепенной части, а министр внутренних дел — отрасли управления всегда весьма важной, а в настоящее время такой, которая заключает в себе почти всю суть государственного управления, которой должны быть более или менее подчинены все прочие дела и учреждения, и которая требует теперь самых существенных и самых неотложных преобразований.

Впечатление, произведенное этим известием, никакими словами выражено быть не может. Все ошалели. При встречах только говорили друг другу: «Знаете, гр. Толстой — министр внутренних дел». Вздыхали, руками разводили и ничего к этому не прибавляли.

Да! это был удар, всех ошеломивший — загадка, для всех не разрешимая!

Давно живу я на белом свете; хорошо помню царствования Александра I, Николая I и Александра II; много было назначений на высшие административные должности; иные общественным мнением одобрялись и им радовались; другие осуждались и об них печалились; но такого назначения, которое огорчило и поразило бы всех —

за исключением разве очень немногих, на перечет известных, — еще никогда не бывало.

Повторю прежде мною поставленный вопрос: «Где мы?» И прибавлю: что же теперь?

I

В течение первых пятнадцати месяцев нового царствования было заявлено правительством чрезвычайно много добрых намерений и приступлено даже к их осуществлению: и сокращение расходов, и окончательное прекращение зависимости остальных крестьян от прежних их владельцев, и облегчение выкупных платежей, и оказание помощи крестьянам при покупке ими земли, и приступ к отмене подушного налога, и обсуждение мер к сокращению пьянства, к облегчению и упорядочению переселений для малоземельных крестьян, и преобразование всего местного управления и даже пересмотр действующих гражданских законов с составлением проекта гражданского уложения — одним словом, великое множество существенных и самых неотложных вопросов было выдвинуто и поставлено на первую очередь к разрешению. Казалось, как России не оживиться, как всем не исполниться самых живых надежд и как не напрячь всех усилий к оказанию правительству в этом случае полнейшего содействия! А на деле — выходит совершенно иное и даже противоположное.

Государственные расходы наши, конечно, очень велики, но они еще не столько огромны, сколько беспутны, непроизводительны и даже вредоносны. Взгляните на наше бесчисленное чиновничество: много на него тратится, но оно получает по большей части жалование недостаточное и вынуждено разными законными и незаконными способами его пополнять; и вследствие того оно кое-как и по большей части очень плохо исполняет свои служебные обязанности. Перечтите в любом городе казенные здания, которые надо отапливать, содержать и исправлять; и их непременно окажется вдвое, втрое против действительной в них надобности. А сколько исписывается бумаги и посылается телеграмм для испрошения и дачи совершенно ненужных, чисто формальных разрешений! Сколько командируются чиновников для ревизий, по-видимому, необходимых, а действительно бесполезных, и для собирания сведений, как будто не письмен-

ных, а на местах полученных, но в сущности также бюрократически приобретенных! Вникните в разные «экстраординарные расходы», в производство торгов, в оказание пособий промышленности и торговли и пр.; и вас ужас обхватит; и вы подумаете, что казна не знает куда девать деньги, в излишке у нее находящиеся. Для сокращения и упорядочения расходов имеется комиссия, уже несколько лет существующая; и сверх того состоялись, беспрестанно повторяются высочайшие повеления о возможном охранении казенных интересов и о сокращении расходов; но из кого состоит упомянутая комиссия, кому даются высочайшие повеления и при каких обстоятельствах? Комиссия состоит из *одних сановников*, коснеющих в бюрократизме, ничего кроме его не признающих возможным к осуществлению, и едва успевающих подписывать подаваемые им бумаги; а высочайшие повеления даются этим же сановникам, при существующих условиях не допускающих и помышления о каком-либо ином более разумном производстве дел. Следовательно, все идет при установившихся порядках так, как может и как иначе и не может идти. О расходах по военной части, которые могли бы быть значительно сокращены, мы уже говорили и довольно обстоятельно в книжке, изданной в прошлом году; а потому здесь повторять этого не будем*

Необходимость окончательного прекращения обязательных отношений остальных крестьян к бывшим их помещикам, и понижения выкупных платежей по местностям, где крестьяне платят за землю более действительной ее стоимости — сознавалась везде и всеми и была поводом к ходатайствам от многих земских собраний. Печать также усердно занималась этою общественною нуждою и старалась разяснить различные ее виды и способы ей помочь. Наконец правительство признало необходимость этой реформы, и для того пригласило «сведущих людей» из разных местностей, в надежде получить от них нужные местные сведения и узнать вернее, чего по этому предмету желает общественное мнение и как лучше его удовлетворить. Три министра с тринадцатью «сведущими людьми»²⁶⁵ занялись обсуждением этого дела; но, к несчастью, выработанные ими мнения грешили незнанием крестьянского быта, отсутствием практичности и пристрастием к каким-то теоретиче-

---

* Где мы? Куда и как идти? Берлин, 1881. С. 53–55.

ским измышлениям. Прекращение временнообязательных отношений крестьян было положено в основание заключений комиссии; но затем вздумали: 1) лишить помещиков 20% из ценности отошедших от них земель, вопреки Высочайше утвержденному положению 1861 года и несмотря на значительное вздорожание земель за последние двадцать лет; 2) подарить всем крестьянам огульно по одному рублю с каждого душевого надела; и 3) оказать особенное пособие по выкупным платежам тем бывшим помещичьим крестьянам, «кои, по случаю разных неблагоприятных обстоятельств, находятся в особенно расстроенном хозяйственном положении». Все эти три предположения исходили не из знания сельского быта вообще и понятий крестьян в особенности, а из ложного, теоретического и противного Положению 19 Февраля 1861 года измышления, что выкупаются крестьянами не земли, а лежавшие на них крепостные повинности* Оно противоречило точным и положительным словам упомянутого закона, и сверх того, общеустановившемуся убеждению крестьян, которые при жалобах на тяжесть выкупных платежей всегда выставляют худобу полученных ими земель и несообразность их оценок с действительною их стоимостью. «Сведушие люди» как будто не знали, что все крестьяне, получившие в надел плохие и, следовательно, дорого оцененные земли, представлены помещиками на обязательный выкуп еще до истечения первых девяти лет по их освобождению; что остались в обязательных отношениях к помещикам те крестьяне, которые владеют лучшими землями и которые состоят в самых дружественных отношениях к прежним их владельцам; и что, следовательно, не было никакой достаточной причины к наказанию последних сокращением следующих им выкупных сумм и к нарушению положительных слов закона. Сверх того, гг. «сведушие люди» упустили из виду и то, что и прежде и очень недавно состоялись между крестьянами и помещиками добровольные соглашения на счет уплаты пятой части, т. е. упомянутых 20%, ныне отмененных; и что, по этим соглашени-

---

* Это мнение высказывалось и упорно защищалось в «Руси» и, как говорят, в «Совещании сведущих людей» одним и тем же земцем. К сожалению, ни в «Совещании», ни правительством не было обращено внимания на многочисленные и вполне основательные опровержения этой ошибочной и неосновательной теории, напечатанные в других журналах и газетах.

ям, деньги многими крестьянами вполне уплачены, а некоторыми еще теперь уплачиваются или имеют быть уплаченными. Очевидно, что наказывались лучшие помещики и те крестьяне, которые поверили словам правительства, и что награждались из последних те, которые не полагались на его слова и ожидали лучшего от будущего. Не сочтут ли крестьяне свое прежнее доверие ошибкою или глупостью, и не послужит ли это к утверждению в них уверенности в новых, ими ожидаемых, хотя еще не объявленных, но, по их мнению, неминуемых наделах? Странно, что большинство «сведущих людей» признало справедливым огульное понижение на один рубль со всех крестьянских наделов, зная (а не зная этого они не могли), что многие выкупленные или подлежащие выкупу земли теперь стоят вдвое и втрое более законом утвержденных оценок; и что этот сложенный рубль для крестьян хлебородных местностей будет почти вовсе нечувствителен и неблагоприятен, а в местностях нечерноземных, отдаленных от рек и городов, он очень недостаточно облегчит крестьянскую бедственность. Такое заключение «сведущих людей» более чем странно и объясняется только одним — они увлеклись красноречием или поддались настойчивости того оратора, который имел в виду присвоение всей крестьянской земли государству и перенесение со временем всех выкупных платежей на общие государственные средства; чему в ныне слагаемом рубле, он усматривал как бы начало или задаток. Что же касается до оказания пособий тем крестьянам, которые «по случаю разных неблагоприятных обстоятельств, находятся в особенно расстроенном хозяйственном положении», то это предположение до того странно, неясно и сбивчиво выражено, что трудно понять, как даже петербургские бюрократы могли его сочинить. На основании этой редакции, крестьяне селений, выгоревших два, три раза в течение последних лет, или посещенных тифом, чумою на рогатый скот, голодом, градом и пр. имеют право ходатайствовать о понижении выкупных платежей. Есть ли тут какой-либо смысл? Исполняется ли этим цель, бывшая при учреждении комиссии по понижению выкупных платежей? Теперь уже собраны уездными управами и доставлены в Петербург сведения, затребованные в исполнение упомянутой редакции; какое должно быть в них разнообразие! Не знаю, что сделает с ними петербургская бюрократия, и не понимаю какие заключения дадут губернские земские собрания по этим сведениям

и по проекту, на них основанному, о распределении добавочных понижений по выкупным платежам*.

Мудра задача и едва ли этим способом разрешима! А она была и не особенно головоломна и совершенно иная; но для этого нужно было знать настоящее положение крестьян и понятия их о выкупном деле, и не увлекаться теоретическими измышлениями. Не было никакой надобности в сбавке рубля со всех крестьянских наделов; а следовало понизить все те выкупные платежи, которые превышали действительную ценность земли и притом до самой этой стоимости; а узнать ее по разным местностям было много легче, чем собирать сведения о тех бывших помещичьих крестьянах, «кои, по случаю разных неблагоприятных обстоятельств, находятся в расстроенном хозяйственном положении». Сведения о ценности земель имеются в кадастрационных трудах министерства государственных имуществ; и сверх того, такие сведения без особенных затруднений могли быть доставлены уездными и губернскими управами. И девяти сперва назначенных миллионов рублей было бы, вероятно, с избытком достаточно на понижение всех выкупных платежей до настоящих размеров ценности земель.

---

* Теперь уже разосланы министерством внутренних дел по губерниям выписки, до них относящиеся, из докладов центрального статистического комитета о распределении добавочного понижения выкупных платежей. В некоторых губерниях получение этих выписок совпало с чрезвычайными земскими собраниями, бывшими по случаю неурожая; а потому они были переданы губернскими управами на обсуждение собраний. Надо сказать, что центральный статистический комитет сделал все, что мог: он тщательно выписал цифры из донесений уездных управ, не скупился на соображения, обобщил и округлил отдельные данные и вывел свои заключения. Ни против чего нельзя разумно возражать: возражения были бы столь же произвольны, сколько и предположения. Уездные управы и собрания, имея перед собою задачу неразрешимую, руководствовались самыми разнообразными соображениями; а потому по одной и той же губернии, почти при одинаких условиях, одни испрашивали значительные, другие — средние, третьи — очень малые сбавки, а некоторые, к великому удивлению, не требовали никаких понижений, хотя за их уездами числятся большие выкупные недоимки. Все эти земские заключения, при отсутствии подлежащего им указанного основания, были совершенно произвольные. Центральный статистический комитет как учреждение подначальное не мог отказаться от этой тяжкой, бессмысленной работы и сделал что было возможно. Шибко опасаясь, что губернские земские собрания, еще не заеденные бюрократизмом и формализмом, крайне затруднятся дачею заключений дельных и разумных. Пожалуй, в виду такого непроизводительного, тяжкого, почти невозможного труда иные собрания в эти чрезвычайные созывы и не съедутся в законном числе; право, не хватит духа их за это осуждать.

Нужда крестьян в земле, вследствие умножающегося населения, истощения почвы и некоторых других обстоятельств, сопровождавших освобождение земледельцев, усиливается с каждым днем, и оказание им в этом отношении посильной помощи становится делом совершенно необходимым и неотложным. Распродажа дворянством земель и переход их в руки купцов и кулаков, сдающих приобретенные ими земли в наем по жидоморским ценам, суть также обстоятельства, значительно усиливающие бедственное положение крестьян и вынуждающие к принятию самых действенных и спешных мер по этому важному и настоятельному делу. Земства и печать обратили на него должное внимание, и только некоторые маньяки да близорукие своекорыстники ищут отвлечь общественное мнение от этой заботы: первые толкуют об искусственных туках, о травосеянии и пр. и думают этими способами помочь крестьянству, в одержавших его нуждах; а последние рады всякому предлогу, лишь бы уклониться от исполнения этой обязанности. Указываемые агрономические средства, конечно, сами по себе не дурны; но, в виде оказания пособий крестьянству при нынешних обстоятельствах они совершенно непригодны; ибо, для пользования ими нужны свободные деньги и некоторое образование, чего у крестьян теперь нет и не скоро будет. Свокорыстники же думают, что чем земледельцы будут более нуждаться в земле, тем дешевле будут рабочие и тем дороже земли могут сдаваться в наем; но они упускают из виду, что крайняя нужда одних и излишнее владычество других могут привести к самым губительным последствиям. Некоторые земства определили из своих небольших капиталов денежные суммы на выдачу крестьянам ссуд при покупке ими земель; другие составили на этот предмет проекты банков или особых ссудных отделений при губернских управах и представили эти проекты на утверждение высшего правительства. Некоторые из этих проектов замечательны по правильности постановки и разрешения этого вопроса. Очевидно, что ни правительство, ни земство отдельно не в состоянии исполнить эту задачу: последнее для этого не имеет достаточных капиталов и не пользуется таким кредитом, который мог бы обеспечить его билетам устойчивое и повсеместное обращение в империи; а правительство находится вне возможности надлежащим образом оценивать покупаемые крестьянами земли и удостоверяться в действительности как нужд крестьян, так и состоявшихся между ними и продавцами сделок. Сверх того, крестьянские

общества страшно боятся иметь дело с казенными местами и чиновниками, и едва ли решатся при незначительных покупках, а их должно быть всего более, обращаться с своими ходатайствами к гг. директорам и их подчиненным; ибо последние, как бы в частной жизни ни были просты и милы, считают долгом в своих вице-мундирах быть важными и едва доступными. Очень жаль, что министерство финансов не обратило надлежащего внимания на представленные губернскими земскими собраниями (в том числе рязанским) проекты, которые освобождали правительство от всяких хлопот и рисков, возлагая их все на земства, ходатайствовавшие только об отпуске им правительственных ссудных билетов под полную ответственность губернских земств. Что могло быть для правительства и легче и безопаснее, и вместе с тем для дела полезнее? Понимаем, что правительство не желало и не могло этого важного дела (оказания помощи крестьянству при покупке им земли) передать акционерным банкам; но земства действуют и не могут иначе действовать, как с полной гласностью. Следовательно, не было никакой опасности, чтобы они заполонили крестьянство и вздумали из этого извлекать какие-либо выгоды. Вместо этого, был внесен министром финансов²⁶⁶ в Государственный совет проект положения о правительственном крестьянском поземельном банке²⁶⁷; там рассмотрен и 18 мая сего года Высочайше утвержден. Много в этом проекте хорошего и разумного; но имеются и странные, чисто петербургские бюрократические правила: всякая ссуда крестьянам из всех губерний разрешается, если она в нормальном размере, то петербургским советом банка; а если она предполагается по специальной оценке, то, по представлению совета, утверждается министром финансов. Спрашивается: имеет ли петербургское центральное учреждение возможность знать что-либо особенного относительно покупаемой крестьянами земли и не вынуждено ли оно во всем основываться на представлении, ему сделанном от его губернского отделения? А что усмотрит г. министр финансов из специальной ему представленной оценки? Следовательно, в обоих случаях, одна формалистика и более ничего. Сверх того, потеря времени, неизбежная на испрошение упомянутых разрешений, не только затруднит ссуды из казны крестьянам, но сделает их почти невозможными. Ведь земли, по большей части, продаются по нужде; а она редко расположена выжидать исполнения всех формальностей, требующего немало времени. На основании ст. 20 Положения, для

выдачи крестьянам ссуд по специальной оценке требуются: ходатайство о том местной уездной земской управы и самая оценка, ею же произведенная. Спрашивается: действует ли управа в этих случаях безответственно или с ответственностью, и с чьей — собственной ли своею или всего уездного земства? Об этом не сказано ни слова; если управа действует безответственно, то ее тут как будто нет; в противном же случае ни управа ни земство не примут на себя ответственности по делу, которым распоряжается, и по взысканиям и по торгам, совершенно иное правительственное учреждение. Замечательна и самая организация этого государственного банка и его отделений: он устраивается не при государственном банке и не при выкупном учреждении, а самостоятельно; ему даются: директор с жалованьем и столовыми в 5 тыс. руб., три члена по 3 т. руб., разные делопроизводители, бухгалтеры, кассир и счетчик; на писцов ассигнуется 2500, на канцелярские расходы 3000, и на отопление, освещение и сторожей 1000 руб.; при этом, в примечании, оговаривается, «чтобы ни в каком случае общий на содержание совета расход не превышал 50 тыс. рублей в год». На губернские отделения банка назначения несколько скромнее; но все-таки председателю ассигнуется жалованья 2000 руб., члену по назначению губернатора добавочного 750, членам от земства — ничего, бухгалтеру 1000, на писцов 1200, и на канцелярские расходы, наем помещения и пр. 3000 руб. Если это кому любо, то уже очень дорого казне, которой придется выплачивать все эти расходы; а в земских проектах (и именно в рязанском) предполагалось не устраивать никакого особого банка, а вести это дело при губернской управе, в ее помещении и ее служащими, и только впоследствии, при дальнейшем развитии, устроить при управе особое отделение. Можно наверное сказать, что в начале, и даже довольно долго, этому правительственному банку придется газеты читать и папиросы курить, ибо не скоро крестьяне решатся обращаться к нему за ссудами; и если ему удастся победить отвращение крестьян от казенных учреждений, то честь и слава будут ему великие. Нельзя, при этом случае, не выразить удивления и сокрушения, что в то время, когда особенно много говорят о сокращении расходов и казенных учреждений, вновь создается без всякой необходимости совершенно новое учреждение с значительным штатом и такими же расходами. Нет! пока господствует бюрократия, она от своих правил и обычаев не отступится!

Давно идут у нас толки об отмене подушной подати. Еще в 1870 году, составленный правительственною податною комиссиею проекта о преобразовании этого налога в подворный, был передан на рассмотрение и заключение губернских земских собраний; но как он не упразднил противного земскому духу разделения граждан на податные и привилегированные сословия и оставлял всю тяжесть подушного налога на первых, то собрания почти единогласно забраковали этот проект и высказались за распространение на всех граждан обязанности по платежу подати, имеющей заменить подушную. К сожалению, правительство тогда не воспользовалось этим добрым и вполне разумным заключением земства; ограничились в Петербурге составлением свода трудов земских собраний и разных статистических сведений и напечатанием их в нескольких толстых томах. Позднее, в 1878 или 1879 году, составлен был тою же комиссиею проект поразрядного налога; но этот проект, сделавшийся известным неофициальным путем, был тщательно разобран и обсужден в газетах и в журналах, и также вполне справедливо осужден. Затем состоялось новое Высочайшее повеление о безотлагательной отмене подушной подати; и в исполнение его обнародован от 18 мая сего года Высочайший указ, коим, с 1 января 1883 г., освобождены от платежа подушной подати мещане, безземельные крестьяне и дворовые люди, приписанные к волостям, и крестьяне, получившие в дар четвертую часть высшего надела. Сверх того повелено: «Совершить замену подушной подати постепенно, в течение нескольких лет, по мере изыскания новых источников государственных доходов»; и вменено в обязанность министру финансов представить «на утверждение предположения о порядке постепенности отмены подушной подати с прочих разрядов плательщиков, а также о тех источниках государственных доходов, посредством которых могут быть возмещены государственному казначейству суммы, эту податью доставляемые». Нельзя, конечно, не порадоваться такому облегчению людей, из которых большинство находится в тяжелой бедности; но вместе с тем нельзя не пожалеть, что такое благое, необходимое и безотложное преобразование совершается постепенно, по частям, и должно закончиться только по истечении нескольких (говорят, восьми) лет! Кто поручится, что в продолжение этого времени мы будем пользоваться миром и что никакие невзгоды не отвлекут правительства от окончания начатого дела? Сверх того, странно, почти непонятно, как

такую значительную подать, каковою у нас подушная, отменять или по крайней мере начинать ее отмену, не решивши и даже не указавши тот или те новые налоги, которые должны доставить суммы, ныне от нее получаемые. Мелкими сборами или налогами ее заменить невозможно; как бы не пришлось новым налогом обложить, хотя в ином виде, некоторых или даже многих из ныне освобождаемых от подати; это даже неизбежно, но очень неудобно. А потому радость, возбуждаемая началом отмены подушной подати, значительно умеряется неизвестностью, чем покроются суммы, ныне ею доставляемые, как и когда все это совершится. Нельзя не быть признательным Государю за добрые его намерения; но приходится усомниться в государственной мудрости его советников, предпринимающих важное преобразование и еще не ведающих, как его завершить.

Что сказать о мерах, прежде предполагавшихся к сокращению пьянства и ныне ожидаемых к «урегулированию питейной торговли»? Первых было заявлено очень много и разных сортов. Меры, изложенные в первоначальном проекте министерства финансов, были до того ничтожны, что об них не стоит и говорить. Гг. «сведущие люди» выдвинули иные меры, но такие, которые доказали несомненно лишь то, что они не только не знают питейного дела, но и не ведают нашего ни сельского, ни земского быта. Сочувственно отозваться об общественных кабаках — это от земских людей просто невероятно: имеются, быть может, в России исключительные местности, где евреи грабят народ, и где, пожалуй, общественные кабаки могут быть желательны; но, в великороссийских губерниях, они были бы язвою хуже чумы — они окончательно бы исказили, похоронили уже и без того искаженное крестьянское самоуправление. Предлагать сдачу питейных заведений с торгов, поручение их производства земским учреждениям и на них же возложение надзора за винною торговлею — это значит или полное неведение духа и смысла земства, или желание окончательного его расстройствa и даже уничтожения. Да и в государственно-хозяйственном смысле, хорошо предоставление земству хозяйничания по государственным неокладным сборам! Казна, конечно, не дочла бы нескольких десятков миллионов рублей в своих доходах по этой части, и притом без всякой пользы для народа. С радостью земские люди узнали, что на труды так называемых «сведущих людей», приглашенных хотя и из среды гласных (и в семье бывает не без уroda), не будет обращено внимания, и что министер-

ство финансов предполагает выработать по сему предмету что-то иное. На днях узнали мы, что состоялось новое Высочайше утвержденное мнение государственного совета об учреждении губернских и областных комиссий «для всесторонней на местах предварительной разработки вопроса о питейной торговле»; что эти комиссии имеют состоять, под председательством губернатора, из разных сословных, городских и земских должностных лиц, и из разных правительственных управляющих; что они могут требовать от кого хотят всякие сведения по питейной торговле, и приглашать, кого признают нужным, в свои заседания также для получения необходимых по этой части сведений; и что они имеют составить свои предположения: а) о пользе и возможности сокращения числа означенных (питейных) заведений (с раздробительною продажей крепких напитков, не исключая трактиров), или, по крайней мере, иного, более равномерного и правильного распределения их, соответственно пространству и численности населения; б) о допущении того или другого вида заведений с продажей питей в той или другой местности; в) о способах сдачи в содержание разрешенного числа и вида заведений; г) о внутреннем устройстве этих заведений и об условиях торговли в оных (распивочно и на вынос или только на вынос); д) о возможности установления таксы на чарочную продажу вина для предупреждения чрезмерного возвышения цен на вино; и е) о способах установления правильного и действительного надзора за виноторговлею, и вообще о тех мерах, которые могли бы быть приняты для урегулирования торговли крепкими напитками, в видах ограждения народной нравственности». Затем говорится в этом мнении государственного совета и об инструкциях губернским и областным комиссиям, и о сроках для доставления им сведений разными учреждениями, и о разработке этих разных сведений и предположений в министерстве финансов, и о сношениях с другими министерствами, наконец и о внесении в государственный совет проекта «общих правил о торговле крепкими напитками в связи с соответственными изменениями в Положении о трактирном промысле». Сколько тут прекрасных намерений, мудрых предусмотрений и вместе с тем какая ширь и какое раздолье для деятельности бюрократии! Сколько испишется бумаги, сколько напечатается разных сводов и ведомостей и сколько составитя соображений и заключений! Сколько на это потребуется времени! А в конце концов — эти из разных мест доставленные све-

дения, на бумаге изложенные рассуждения и предположения, бюрократия сумеет так обобщить, что живого, действительного ничего в них не останется, и сочинится проект кому на посмеяние, а многим на горе! Удивительно, как нынешний министр финансов, человек умный, ученый и прошедший свою жизнь вне мира петербургского бюрократизма²⁶⁸, поддался так скоро и так всецело его обаянию! Задачи, возложенные на губернские и областные комиссии, весьма значительны; они потребуют продолжительных, усидчивых, добросовестных и разнородных трудов; а между тем эти комиссии составлены из лиц, уже и без того обремененных своими собственными по должности занятиями и, вероятно, не изучивших винной торговли или мало с нею знакомых; что же из этого может выйти? Очистка номера, т. е. составление ведомостей по сведениям кое-как собранным, и сочинение соображений и заключений комиссии, изготовленное ее делопроизводителем — одним из чиновников губернаторской канцелярии. А в Петербурге из вороха полученных сведений и разноречивых и даже противоречивых предположений несколько чиновников будут делать извлечения и своды; пораженные разнородностию доставленных сведений и мнений, неизбежную при разнообразии местностей нашей империи, они непременно отнесутся свысока, презрительно к этим отзывам, и постараются их обобщить и тем облегчить работу своему начальству; а последнее, утомленное событием с рук текущих дел, едва имеет досуг посвятить часок законодательным работам. Прискорбно, что, в вышеизложенном мнении Государственного совета, рассчитывается более на имеющие быть составленными формальные и мелочные правила по торговле вином, чем на свободную местную деятельность крестьянских обществ, земских и городских учреждений. Конечно, отрадно видеть, что предположения «сведущих людей» на счет поручения земству заведования винною торговлею устранены; но не много лучше будет народу, да и самому правительству, если все будет регулировано до мелочей и над всем будет только обязательный надзор со стороны правительственных агентов. Желательно, чтобы новые ожидаемые правила были сколь возможно малосложнее и короче; чтобы крестьянским обществам было положительно разрешено составлять приговоры с зарком пить вино; чтобы личным землевладельцам было воспрещено (это очень важно и вполне справедливо) открывать питейные заведения на их землях, кроме базарных и ярмарочных площадей и заводов

или фабрик, отстоящих от селений на две или на три версты; чтобы не было никаких сдач винной торговли с торгов, а разрешение ее оставлено было на усмотрение крестьянских обществ при соблюдении известных установленных условий; чтобы патенты на винную торговлю на вынос были много дешевле, чем патенты на питейные заведения и пр. Такие правила могут быть полезны; и даже бюрократии авось не удастся их исказить. Не могу здесь мимоходом не сказать, что наблюдение акцизного ведомства за винокурением и винною торговлею в последние годы значительно ослабело и ухудшилось; и что упущения и злоупотребления, существующие по другим ведомствам, переходят, а отчасти уже и перешли в акцизное.

Что касается до переселенческого вопроса, сперва возбужденного печатью, потом принятого под свое покровительство администрациею, и наконец втихомолку обсуждавшегося «сведущими людьми»; то много лучше было бы не ставить его легкомысленно и неосторожно на очередь к разрешению. Вопрос этот не только важен и неотложен, но даже жгуч; но отнестись к нему следовало с крайнею осторожностью и даже с некоторым страхом. Наш народ вообще чрезвычайно склонен к перекочевкам: не одно действительное малоземелие, не одна малопродуктивность почвы и не одни уже испытанные притеснения со стороны соседних землевладельцев, побуждают крестьян к отысканию новых мест для поселения; нередко их на то решает просто потребность в просторе. Выселяются всего более не из северных или западных худопочвенных губерний, а из черноземных, и не из бывших помещичьих селений, а из казенных, где по большей части наделы вовсе не недостаточны. Вопрос этот, как и многие другие, у нас чрезвычайно мало изучен, а только с поверхности схвачен; а потому следовало его не в Петербурге обсуждать, а предварительно изучить как в местах, откуда люди переселяются, так и там, куда переселения направляются, с исследованием того, как люди передвигаются и как они наконец усаживаются. Согласно ли было с государственною мудростью, осмотрительностью и дальновидностью призывать, в качестве «сведущих людей», одних и тех же земцев по двум вопросам питейному и переселенческому, ничего общего между собою не имеющим? Возможно ли было приглашать на обсуждение дела о переселениях, не приготовивши предварительно сведений о свободных казенных землях и о пригодности их к заселению? Людей действительно сведущих по переселенческому вопросу у нас чрезвычайно

мало; он вовсе не исследован и не разработан; печать отнеслась к нему крайне легкомысленно; очень жаль, что администрация последовала ее примеру. И это тем прискорбнее и злополучнее, что в народе ходят самые нелепые слухи и о новых земельных наделах, и о переселениях на казенный счет с освобождением от рекрутчины и от податей на многие годы. Можно положительно сказать, что в крестьянстве у нас теперь очень неспокойно, и что правительству в этом отношении необходимо действовать с особенною осторожностью.

Учреждение особой комиссии, под председательством статс-секретаря Каханова²⁶⁹, для составления проектов местного управления, объявленное в конце октября истекшего года, оживило было общество и народ вообще, ибо все страшно страдают от неурядицы и произвола существующего управления, и не где-нибудь в глуши, а везде — на всем пространстве нашей империи. Назначение председателем этой комиссии человека, пользовавшегося доброю славою и расположением к нему общественного мнения, особенно вследствие доверия к нему бывшего министра внутренних дел гр. Лорис-Меликова, возбуждало надежду, что предполагаемые проекты будут составлены не бюрократически и в том именно направлении, которое одно может успокоить и удовлетворить страну. В таком ожидании утверждали ее особенно слова сообщения, обещавшие устройство местного управления, «проникнутого во всех своих частях единством руководящего начала, с возможным уменьшением числа отдельных учреждений и присутствий, усилением местной разрешающей власти вообще, и сокращением стесняющих формальностей». Особенно общественное мнение радовалось тому, что, в упомянутом сообщении, говорилось «о необходимости установления *живой* связи между администрацией и общественным управлением». Конечно, некоторые умолчания и опущения в этом правительственном объявлении (вовсе не упоминалось о призыве общественного мнения к участию в этом деле) внушали опасения и порождали даже недовольства; но страна так потерпелась и так веровала в благие намерения юного своего Государя, что надежды значительно превышали недоумения и опасения. Прошло целых шесть месяцев без сведений о том, что делается в этой комиссии, и общественное мнение начинало крайне этим тревожиться. Наконец, в самых последних числах апреля, напечатаны в «Правительственном Вестнике» известия о занятиях особой комиссии для составления проектов местного управления. Эти известия произвели

на читателей странное впечатление — и приятное и грустное. Комиссии предоставлен был обширный, почти ничем не ограниченный круг действий; она не предредила никаких основных вопросов по устройству местного управления; она как бы высказывалась за большее привлечение земских учреждений к ведению местных дел; наконец она заявляла вполне здравые и современные понятия о полиции, о самоуправлении, об уездных и губернских учреждениях и об их отношениях к центральным властям, и пр. — все это радовало и ободряло общественное мнение. Но, с другой стороны, объявлялось, что в состав этой комиссии вошли *шестнадцать сановников*, из которых многие известны как заклятые бюрократы; что состав комиссии может быть усиливается, *по соглашению председателя ее с министром внутренних дел*, местными «сведущими людьми»; и что труды этой комиссии «подлежат по изготовлении их *безотлагательному внесению, в законодательном порядке*, чрез министра внутренних дел, с заключениями тех министров, до ведомства коих труды сии будут касаться». «Что же это, — говорили многие, — как не чистейшая бюрократическая стряпня!» В Петербурге — трудами или, вернее сказать, по приказаниям и под внушениями поседелых бюрократов, будут изготовляться младшими бюрократами проекты местного управления, и затем они поступят прямо в Государственный Совет, и поднесутся на Высочайшее утверждение! Нет! Боже нас упаси от такой напасти! К существующим неурядицам и нелепостям мы уже притерпелись и с ними кое-как справляемся; новые же ломки и порядки, измышленные людьми, не знающими нашего быта и его условий, окончательно нас расстроят и сокрушат. Нет! старая беда много легче новой. Так утешительные ожидания заменялись сетованиями и даже явным ропотом. Новейшее официальное сообщение в Правительственном Вестнике несколько не успокоило общество: оно узнало, что комиссия работает усердно, что она уже имела 26 заседаний в течение последних двух месяцев, и что к осени будет изготовлен подкомиссиями ряд предположений, которые и будут внесены на обсуждение комиссии в полном ее составе. Сверх того, в упомянутом сообщении подтверждалось, что «заключения комиссии будут в свое время представлены на окончательное обсуждение Государственного Совета, чрез министра внутренних дел, с заключениями тех министров, до ведомства коих оные будут касаться». Это сообщение особенно мало утешительно после состоявшегося указа 30 мая сего года!

Иное пока действие произвело известие об учреждении под председательством министра юстиции²⁷⁰, комитета для пересмотра действующих гражданских законов и для составления проекта гражданского уложения. В состав этого комитета имеют войти лица «близко знакомые с судебной практикою и теориею гражданского права». Комитету и его редакционной комиссии предоставлено приглашать в свои заседания чинов судебного ведомства, профессоров гражданского права и всех тех лиц, мнения которых могут быть полезны для дела. Работы редакционной комиссии имеют быть отпечатаны *для общего сведения* и для рассылки на заключение тех лиц и учреждений, мнения коих признано будет полезным иметь в виду. По рассмотрении проекта в комитете, исправленный им проект будет вновь отпечатан также *для общего сведения* и разослан на заключение подлежащих ведомств. По истечении шести месяцев со времени рассылки этого исправленного проекта подвергнутся обсуждению комитета все заявленные на проект отзывы и замечания, и затем окончательно исправленный комитетом проект будет внесен установленным порядком в Государственный Совет. Слава Богу, в этом правительственном сообщении упоминается, что проект два раза печатается «для общего сведения»; что отзывы и замечания рассматриваются и в редакционной комиссии и в комитете; и что в них приглашаются лица, мнения которых они признают полезными для дела. Как не порадоваться, что в этом правительственном документе уже нет помина о «сведущих людях», что не страшатся печатать «для общего сведения» и что этому юридическому труду дается вполне разумное и целесообразное направление! Конечно, можно бы пригласить выборных от губернских земских собраний для рассмотрения в первый раз исправленного комитетом проекта — этого желают все; но как очевидно, что этот комитет не страшится гласности, ибо два раза печатает свой проект «для общего сведения», то есть надежда, почти уверенность, что он сам предложит и будет просить о созыве упомянутых выборных; ибо в уложении, кроме юридических вопросов, имеются и бытовые, которые в нем очень важны и существенны, и которые никем не могут быть лучше обсуждены и разрешены, как земскими представителями.

Сколько благих намерений и начинаний в первый пятнадцатимесячный период нового царствования, но сколько и промахов со стороны администрации! Как мало действительной пользы получено от со-

стоявшихся решений, и как мало ее предвидится от них и в будущем! И в какое время все это происходит? Тогда, когда страна находится в самом тяжком положении; когда необходимо ее оживить и умиротворить; когда каждый час дорог; и когда все ожидают неотложных и совершенно необходимых преобразований! И все это от чего? От того, что не хотят вникнуть в потребности страны и времени; что опасаются возможных бед и не видят действительных, над нами висящих; что идут путем устарелым — бюрократическим с некоторыми малопригодными от него отступлениями; и что не решаются вступить на путь, единственно ныне возможный — проложенный, но, к сожалению, не всегда удержанный покойным Александром II.

Какой же это путь?

II

В прежние времена государи считали земли и людей, их заселявших, своею собственностью и распоряжались ими, как хотели. Возникали возмущения, случались свержения с престола и даже убийства; но одни лица заменялись другими; порядки же оставались все одни и те же. Были из этого общего правила исключения: существовали и в древности республики; сзывались и у нас вече и земские соборы; но и те и другие не были нормальными, общими явлениями человеческого быта. Теперь дело обстоит совершенно иначе: конечно, еще не везде люди живут, как жить им подобает — самостоятельно и свободно; но все чувствуют в том потребность и все более или менее к тому непременно стремятся. Теперь в Европе только в двух странах произвол стоит выше закона; да и самый закон в них не есть выражение мнения, потребностей и желаний страны, а изволение одного лица, действующего по докладам людей, к нему приближенных, иногда далеко не прозорливых, часто руководимых собственными интересами, и всегда по необходимости мало знающих страну, ими управляемую. Имеются, пожалуй, и советы и комитеты, но они составлены из лиц того же закала; а потому и действуют одинаково. До освобождения крепостных людей такие порядки были у нас возможны, уместны и почти законны: одни считались вещами, продаваемыми и покупаемыми; а другие подкуплены были возможностью ими владеть. Но пришло время, когда несправедливость, неразумность и неестественность такого порядка вещей не могли быть далее терпи-

мы; и Александр II премудро и вполне благовременно положил им конец. Многие люди, даже умные и благонамеренные, но близорукие, не вникавшие в требования развивавшихся обстоятельств и приверженные к существовавшим весьма для них удобным порядкам, всячески старались отвратить Государя от совершения этого великого и настоящего дела; они действовали на него убеждениями, интригами и разными застраживаниями; но, к счастью России и к Его славе, Он устоял в своем благом намерении. Затем Он даровал России земские и городские учреждения, суд гласный и изустный, и некоторую свободу печати — прямые и необходимые последствия первой великой реформы. К прискорбью, злодейское покушение 4 апреля 1866 года²⁷¹ сильно потрясло Государя и приблизило к нему людей, враждебных совершенным им преобразованиям. Они не дерзали прямо им противодействовать, а тем менее предлагать их отмену; но они всячески — явно и тайно — их искажали своими разъяснительными и внушительными циркулярами. Из этого и вышли в стране нашей страшная путаница и полнейшая неурядица как в действиях, так и в понятиях управляющих и управляемых. И крамола, ужасная крамола, от которой мы так много пострадали, обязана этим язвам своим началом и развитием.

Есть еще люди, которые и теперь думают, что можно возвратиться к порядкам дореформенным и действовать так, как действовали Николай I и исполнители Его воли; но, во-первых, те порядки уже и тогда не соответствовали нарождавшимся потребностям народа и времени; и тогда и не раз поднимались вопросы об освобождении крепостных людей и о других необходимых преобразованиях; но Государь медлил, не решался; и последствиями того были страшное расстройство во внутреннем управлении России, упадок ее сил, общее недовольство ее жителей, злополучия Крымской войны, и, наконец, необходимое ее прекращение, хотя и на условиях парижского трактата. А во-вторых, освобождение крепостных людей и лишение их владельцев привилегии ими распоряжаться как собственностью, произвело в людях такой переворот, что все они стали совершенно иными. Другие реформы, произведенные вслед за этою первою, еще более изменили наш быт, наши понятия и даже наши чувства. Великая наша беда и едва ли не источник всех прочих бед есть то, что до сих пор, и особенно в правительственных сферах, многие по личным интересам не хотят видеть — другие по близорукости и непрактично-

сти действительно не видят, а иные просто по лени, беспечности и по расположению к любимым русским «авось» и «как-нибудь», не считают еще нужным признать — что нынешние времена, потребности и средства к их удовлетворению совершенно иные, чем те, которые существовали до 1861 года. Есть даже газета²⁷², пользующаяся особым благоволением в некоторых высших кругах, которая, из корыстных целей или по полной непрактичности или по безумию (ведь и умные люди бывают ему подвержены), не перестает настоятельно рекомендовать возвращение к прежним порядкам, к усилению единоличных властей и к принятию каких-то энергических мер. Она безусловно и постоянно осуждает всякие выборы и виды представительства, называет говорильнями все совещательные учреждения, всячески их ругает и с особенным наслаждением выставляет промахи и упущения земских собраний, городских дум, земских и городских управ и новых судов; она приравнивает либеральные журналы и газеты к подпольным крамольным изданиям, не упускает случая доносить и клеветать на первые и охотно, с разными «инсинуациями», жалуется либеральных администраторов в покровители крамолы и чуть-чуть не ставит их во главу ее. Это направление или злоумышление находит себе адептов, сторонников и союзников по преимуществу между людьми, еще сокрушающимися о покойном крепостном праве и ищущими если не воскресить его в том или другом виде, то возратить себе тем или другим способом выгоды, которые оно им доставляло. К вящему прискорбию, это направление встречает, и в правительственных сферах, людей ему сочувствующих, и вследствие того ему содействующих и покровительствующих.

Не знаю что в настоящее время для России вреднее — крамола или упомянутое направление — злоумышление? Первая, конечно, прибегает к револьверу, динамиту, поджогам и пр.; но против нее имеются полиция и жандармия, следящая за ее действиями, тщательно ее излавливающая, захватывающая людей даже по подозрениям в принадлежности к ней и представляющая к суду лица, хотя сколько-нибудь участвующие в ее действиях и даже в каких-либо с нею сношениях. Последнее же направление пользуется *de facto*²⁷³ полную свободу печати, благорасположением высокопоставленных лиц и считается вполне благонамеренным, совершенно благонадежным и как бы свыше вдохновенным руководителем в делах правительственных; а между тем, кто, как не оно, всего более смущает правительство,

представляет внутренние события в извращенном виде, сопровождает свои рассказы разными заподозрениями, усиливает недовольство во всех классах населения, и тем, хотя, быть может, и безнамеренно, однако сильно возбуждает его к смутам и революционным движениям. Защищать крамолу мы, конечно, не будем; но, по совести, не можем не сказать, что консерваторов этого закала, т. е. людей, стремящихся насильственно восстанавливать прежде бывшее и уже отошедшее в вечность, и удерживать непригодное для настоящего времени, и пуще всего требующих от правительства строгих репрессивных и карательных мер, мы опасаемся более, чем крамольников; ибо явный враг менее опасен и вреден, чем ложный, лицемерный, даже добросовестно ошибающейся, слепой друг.

Мы останавливаемся и настаиваем на разоблачении вредности этого так называемого консерватизма, особенно потому, что в настоящее время число его сторонников, конечно, не в обществе и не в народе, а в правительственных сферах растет и влияние его усиливается; что это направление все более и более захватывает власть в свои руки; и что *официальный* его орган проповедует с особенною самоуверенностью, и, видимо, торжествует победу. Да! эта победа, засвидетельствованная событиями последнего времени, заставляет нас обратить особенное внимание на деятельность этого направления.

Чего именно оно хочет и что предлагает!?

Оно громко заявляет, что желает в действиях правительства более энергии, единодушия и последовательности; но этого желают и либералы и даже самые крайние из них; следовательно, это несколько не составляет особенности этого направления. В чем же заключается последняя? В отстаивании не столько существующего, сколько безвозвратно прошедшего, в запугивании будущим и еще в чем-то, что можно угадывать, но чего это направление, конечно, не высказывает. Ни один разумный и благонамеренный человек не может быть за разрушение того, что есть, хотя должен сознавать, что действительно настоящего ничего на белом свете нет, что все или прошедшее или будущее, и что безусловное удержание прошедшего есть насильование жизни, смертный ей приговор; ибо она заключается именно в развитии сил и способностей человеческих и общественных, и в стремлении к достижению целей, человечеству указанных. В прошедшем много хорошего; но много и дурного; ошибочно выставлять исключительно или то или другое, превозносить минувшее, отжившее и пугать

наступающим, нарождающимся. Люди, так мыслящие и действующие, упускают из виду, что не дано человечеству мертвых воскрешать, стариков молодить и останавливать движение солнца и всего им освещаемого. Такие консерваторы, как весьма верно и остроумно сказал покойный Ю. Ф. Самарин²⁷⁴, суть истые революционеры; а мы прибавим: заклятые и самые опасные революционеры, готовые все вверх дном поставить, лишь бы возвратить свое прежнее житье-бытье. Они идут не по течению, а против него; если им удастся на время задержать отходящее, даже смердящее, то тем самым они вынуждают людей прибегать к насильственному освежению воздуха. Замечательно, что чем эти так называемые консерваторы умнее, тем менее они указывают, что именно они желают восстановить из прошедшего или удержать из существующего, и ограничиваются общими фразами и более всего опровержениями и порицаниями предлагаемого другими. Так, «Московские Ведомости», нападая без устали на новые суды, еще не высказали до сих пор, чем они желают их заменить, и вместе с тем не решаются высказаться и за прежние суды. Так, не упуская случаев осуждать земское и городское самоуправление и осмеивать его говорильни, они не дерзают, однако, прямо отстаивать молчаливни и требовать восстановления прежних нижнеземских судов, городнических правлений и других им сродных учреждений. Чего же желает этот далеко не бессмысленный орган? Настойчивее всего он требует строгих репрессивных и карательных мер. И те и другие, конечно, необходимы и неизбежны во всяком человеческом обязательном обществе, каковым есть государство; но они должны вести к какой-либо положительной, ясно определенной цели, а сами по себе они целью быть не могут. Куда же они должны вести? Этого-то упомянутое направление и его маститый орган и не указывают, — а между тем это всего важнее и необходимее.

Поразительно в этом отношении сходство между крамолою и этим (не знаю как назвать) направлением: первая проповедует разрушение и ничего не говорит, чем она думает заменить разрушенное; последнее отстаивает отчасти удержание существующего, но еще много более восстановление похороненного; и вместе с тем оно не решается положительно указывать, что думает удержать из наличного и оживить из прошедшего, и какие средства употребить для придачи косности нашему быту и для оживотворения умершего. Это направление-злоумышление прибегает, в этом случае, к умалчивани-

ям и недомолвкам, очевидно потому, что ему совестно высказывать ясно и определенно свои виды и надежды. Жаль, что его адепты и поклонники не обращают на это обстоятельство надлежащего внимания, и не допрашивают его более настоятельно.

В последнее время вошло как бы в моду, а некоторыми признается как бы лучшим удостоверением и засвидетельствованием своей «благонадежности» ругать либерализм, либералов, либеральные учреждения, либеральные журналы и газеты, и пр. При этом шибко достается «правовому порядку», защищаемому либералами и выставляемому их противниками заносною нелепицею и источником только пустого формализма*. Не будем, конечно, защищать либеральничания, изданий и людей, ему предающихся; ведь всякое лицемерие — гнусно, всякое повторение чужих слов и понятий, себе убеждением не усвоенных — глупо и всякие излишки, увлечения и страстные выходки — безумны. Но разве консерватизм в этом отношении находится в иных, лучших условиях!? Разве все его сторонники и защитники убеждены в его догматах, действуют по совести и с полным разумением? Разве новейшая мода и особенно личные расчеты уже теперь не привлекли в его ряды людей, еще недавно его ругавших? А сколько заступников и деятелей ему доставило упраздненное, но еще окончательно не схороненное крепостное право, т. е. корысть! Беда та, что изучение действительного нашего быта и положения дел, усвоение действительного народного духа, устойчивость в мнениях и добросовестность в действиях еще вовсе не считаются у нас необходимыми гражданскими обязанностями.

---

* Странны, нелепы фразы и насмешки некоторых так называемых консерваторов и народников по поводу «правового порядка», выдвинутого и отстаиваемого либеральными изданиями. Конечно «правовой порядок» не есть еще все, и он один еще не обеспечит благоденствия страны; но разве оно мыслимо без правового порядка, т. е. без исполнения законов, без обеспечения гражданам личной свободы и пользования имущественными их правами? Следовало бы этим господам, если они действительно за охранение многого доброго, у нас существующего, и за соблюдение настоящих народных интересов, — воздержаться от их всем наскучивших фраз, насмешек и нападок, и вникнуть в смысл того, что они отвергают и над чем издеваются. Неужель это для них невозможно? Неужель они действительно за произвольный, а не за правовой, законный порядок? Неужель одни из них в состоянии только барахтаться в болоте личных выгод, а другие — только носиться в беспочвенных пространствах? Не можем для всех противников «правового порядка» этого допустить; а думаем, что и эти недоразумения происходят от господствующего у нас вавилонского смешения языков.

Настоящий либерализм и такой же консерватизм вовсе друг другу не враждебны; напротив того, для достижения каждым из них цели — блага людей, они должны действовать совокупно, одновременно и единомысленно. Чего хочет либерализм? Доставления людям, при разумной свободе, возможности развивать свои силы и способности для исполнения человечеством его предназначения. А чего хочет консерватизм? Сохранения людям, при той же необходимой свободе, того, что ими уже сделано или добыто для разрешения той же подлежащей человечеству задачи. Цель у либерализма и у консерватизма одна и та же; условия для успешного их действия, т. е. разумная свобода — также одинаковы; но способы их действия — различны: либерализм устремляет вперед и старается создавать, а консерватизм задерживает и охраняет уже созданное. Первый может нас увлекать, а последний — усыплять, мертвить или раздражать и приводить в отчаяние. А потому совместное, одновременное, по возможности согласное и дружное их действие желательно, полезно, совершенно необходимо. Если первый слишком заносит нас вперед, то непременно является реакция; если же консерватизм слишком задерживает, то страна мертвеет, недовольство распространяется и усиливается; и грозят стране смуты и революционные движения. Таков неизменный, историей засвидетельствованный ход дел и судеб человеческих.

У нас, к сожалению, были только либеральные порывы, а консервативные или, вернее сказать, реакционные задержки почти не прекращались. И при Екатерине II, и при Александре I, и при Александре II благие их начинания задерживались, искажались, почти уничтожались усилиями и кознями недобросовестных, себялюбивых и недальновидных их советников и распорядителей. И от этого куда мы зашли?

Знаем, что всякие беспорядки, упущения, захваты, даже хищения и самую крамолу приписывают если не самому либерализму, то различным видам, в которых он у нас проявлялся; но добросовестно ли это? Не с большим ли правом все эти злоупотребления, злоумышления и злодеяния можно отнести на ответственность консерватизма, ибо он, в том или другом виде, часто в самых искаженных образах, больше и дальше держал власть в своих руках, чем либерализм, который редко, кратковременно и в виде исключений заведовал правительственными делами. Но, скажут нам, либерализм сильно действовал в виде оппозиции. Это, конечно, справедливо; но оппозиция возможна и действительна только тогда, когда администрация ведет дела

не надлежащим образом, т. е. двусмысленно, слабо, плохо и не в народном духе. Следовательно, и самые порывы, увлечения и успехи оппозиции должны быть отнесены на ответственность той же партии, которая была во власти. А потому в бедственном, почти отчаянном нынешнем нашем положении виноваты не либерализм и не консерватизм сами по себе в их настоящих видах, а люди, под вывескою последнего действовавшие и некоторые обстоятельства, их к тому допускавшие и на местах удерживавшие.

Все великие преобразования первого десятилетия последнего царствования, предоставившие русским гражданам разные права и обещавшие им значительное улучшение их быта, были в последующие четырнадцать лет искажены до неузнаваемости; и вследствие того недовольство всеобщее росло и усиливалось. Злосчастное покушение 4-го апреля 1866 г. повергло Россию в ужас невыразимый. Тогда это покушение совершил безумец или один из очень малочисленной шайки безумцев, без всякой связи с каким-либо направлением. Разве какое-либо направление, время или лицо может быть обеспечено от порывов безумия? Низшие слои народа, и в особенности крестьянство, сочли совершение этого покушения делом подкупа, произведенного помещиками, лишившимися права на труд крепостных людей; и эта мысль, по несчастью, крепко и глубоко засела в крестьянстве. Конечно, бывшие помещики в этом покушении несколько не повинны; но к чему же, как делают некоторые, уже не крестьяне, а люди даже пишущие и повременные издания, заподозривать в этом покушении связь его производителей с либеральным направлением? Поворот в администрации 1866 года не дал возможности рассеять возникшие тогда недоразумения и принять меры к успокоению страны; напротив того, он все сделал к раздражению людей, к уничтожению благих действий, произведенных реформами, к усилению общего недовольства и, чрез то, к утучнению почвы под производительную деятельность злоумышленников. Последние годы прошлого царствования, несмотря на полнейшую, искреннейшую благонамеренность и сердечную доброту покойного Государя, были ужасны. Партия, бывшая тогда во главе управления, действовала своекорыстно, в смысле самого узкого аристократизма и бюрократизма, с полным незнанием и пренебрежением нужд страны, и даже бессмысленно. Недовольство было всеобщее и глубокое; какая была лафа для распространявшейся и усиливавшейся крамолы! А учебные заведе-

ния, где морили юношей на латинских и греческих склонениях и спряжениях и где господствовали формализм, лицемерие и угодливость, разве они не вталкивали в крамолу тех молодых людей, которым такие порядки были не по душе и которые чувствовали в себе потребность жить, говорить и действовать прямо и живо! Покушение 5 февраля 1880 года охватило новым ужасом все население²⁷⁵. Учреждение верховной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия²⁷⁶ и поручение начальства в оной гр. Лорис-Меликову, прославившемуся своими военными подвигами и приобретшему общее к себе расположение своими распоряжениями на Волге и в Харькове²⁷⁷, несколько успокоили страну. Действия этой комиссии, ее заявления и отношения к людям вообще значительно ободрили и оживили население; и хотя некоторые, конечно, весьма немногие люди и газеты позволили себе (разумеется, не в то время, а позднее) насмехаться над этою «диктатурою сердца», однако трудно не признать благого ее влияния на настроения граждан всех состояний. Упразднение 3-го отделения, замена при первой возможности диктатуры законным действием министерства внутренних дел, изготовление проекта нового закона о печати, и пр. обещали России новую эру преуспеяния. Последовавшее в это время увольнение гр. Толстого от министерства народного просвещения обрадовало всех, и в особенности родителей обучавшейся молодежи и самую молодежь. К несчастью, новое злоумышление ввергло страну в невыразимый страх и ужас. Есть люди, которые решаются возлагать даже это злоумышление или попускание к его совершению на ответственность продолжавшейся, в образе министерства внутренних дел, «диктатуры сердца». Уж лучше бы придти в разум, сознать свои ошибки и свою несостоятельность и покаяться в своем грехе — в развитии и усилении крамолы, чем с больной головы сваливать вину на здоровую.

Теперь нельзя не признать, что те пути, которым следовали в до-реформенные времена, те цели, к которым стремились, и те способы действия, которые тогда употреблялись, уже совершенно невозможны или должны привести к последствиям вовсе не к таким, какие от них ожидаются. Пожалуй, есть люди, этого еще не признающие; но разве во Франции нет еще легитимистов, а в Германии феодальных рыцарей, мнящих, что средневековые мертвецы воскреснут и тогдашние порядки, им в угоду, возобновятся? Ведь человеческому безумию нет границ; но не к нему мы обращаем речь нашу. Люди разумные и само

правительство сознают у нас все более и более несостоятельность обособленного, бюрократического способа управления, недостаточность одних мер репрессивных и карательных, пользу узнания действительных нужд страны и необходимость сближения власти с населением. Это кажется несомненно; но великая беда та, что, сознавая все это теоретически, высказывая это в манифестах, правительство опасается и еще не решается приступить к практическому осуществлению этих истин.

При освобождении крепостных людей образованы были в губерниях комитеты из выборных от каждого уездного дворянства — тогда единственного с голосом сословия в России; а затем из этих комитетов были вызваны в Петербург депутаты или члены, *по выбору* комитетов, для рассмотрения проектов, составленных Редакционными комиссиями, в состав которых вошли по приглашению правительства в качестве членов, некоторые дворяне из меньшинств губернских комитетов, т. е. из людей, расположенных к предполагавшейся реформе. Лучшего исхода из тогдашних затруднений придумать было невозможно. Из крестьян никого нельзя было вызвать, ибо они еще считались вещами; купцы же и мещане к предлежавшему делу были неприкосновенны; следовательно, члены губернских комитетов могли быть только из дворян-помещиков. Конечно, они были судьями в собственном своем деле; но между ними были тогда два направления, резко друг от друга отличавшиеся, из которых одно крепко стояло за крестьян и их освобождение с землею; а другое старалось, если уже невозможно удержать крепостную зависимость крестьян и дворовых людей, то устроить их так, чтобы они оставались в возможно большей зависимости от прежних их владельцев. Люди последнего направления составляли в губернских комитетах большинства, а люди первого направления — меньшинства. Правительство вызвало депутатов и от большинства и от меньшинств, представивших особые проекты. Узнавши, таким образом, не из бумаг только, а и из живых совещаний различные мнения, высказанные в губернских комитетах, правительство было в возможности решить это чрезвычайно важное и трудное дело с полным сознанием; и надо сказать, что едва ли какое другое дело было им решено с таким глубоким смыслом и с таким беспристрастным соблюдением различных, даже противоположных интересов. Конечно, и в эти узаконения вкрались ошибки и неполноты; но разве какое-либо человеческое дело может быть от них совершенно свободно!

Призывались в это время эксперты по разным делам. Так, по отмене питейных откупов были приглашены в члены комиссии некоторые винокуренные заводчики и некоторые управляющие казенными палатами; а по проекту об устройстве судебных учреждений были вызваны лица из судебного ведомства и из профессоров гражданского и уголовного права. По составлению проекта Положения о земских учреждениях, к сожалению, правительство не вызывало ни экспертов, ни выборных. Были под рукою приглашены на совет в комиссию, разрабатывавшую этот вопрос, некоторые лица из губерний и, особенно, из столиц; это делалось без огласки; и признаться, при тогдашних обстоятельствах трудно было что-нибудь сделать иное, ибо еще не было не только никаких сословных учреждений, но даже еще не обозначились различные, ныне существующие состояния, легшие в основу нашей сословности.

Замечательно, как законы, изданные в первое десятилетие, т. е. по 1866 год, т. е. пока правительство обращалось к экспертам или выборным для восполнения своих сведений и соображений, отличаются от законов, впоследствии обнародованных и уже одною бюрократиею изготовленных: там говорило само дело, а тут являлись только сочинения.

В последующее четырнадцатилетие вовсе не вызывали выборных и редко решались даже приглашать экспертов. Бюрократия изготовляла законы своими домашними средствами и всячески старалась не затрагивать существенных вопросов и вести дела если и не успешно, то, по крайней мере, так, чтобы можно было ей сказать: «все обстоит благополучно».

В самое последнее время, в управление гр. Игнатьева²⁷⁸ министерством внутренних дел, вздумали прибегнуть к средству прежде так успешно действовавшему, т. е. к приглашению экспертов, но уже под русским названием «сведущих людей», сперва по вопросу об облегчении выкупных платежей, а потом по двум вопросам, никакой связи между собою не имеющим — по сокращению пьянства и по переселениям. При этом высшая администрация упустила из виду только то, что со времени вызова экспертов по освобождению крепостных людей прошло более двадцати лет, что обстоятельства и люди значительно изменились, что теперь существуют сословные учреждения, заведываемые местным самоуправлением, и что наша гражданская жизнь значительно развилась. Вызов «сведущих людей» не по

избранию земств, а по административному приглашению, был унижением и оскорблением для земских учреждений и великою ошибкою в правительственном смысле. Результаты этого созыва оказались просто жалкими. Вначале «сведущие люди» много толковали; публика из любопытства было ими очень занята; но вскоре из опубликованных журналов их совещаний все убедились, что эти приглашенные лица вовсе не «сведущие люди», что они чужды земского духа и что попали как бы в представители земства и в советники правительства по разным самым странным соображениям. Мнения, высказанные этими земцами, и заключения, к которым они пришли, вызвали протесты со стороны земских собраний и очень дельные опровержения со стороны публицистики. Едва одно или два повременные издания выступили на защиту «сведущих людей», и притом защищали их так неудачно, что их не подняли, а только себя еще более уронили. Не будем повторять выше нами сказанного о мудрствованиях и подвигах «сведущих людей» по вопросам, их обсуждению предложенным; но не можем здесь не высказать, что взятием на себя назначения помимо земств «сведущих людей» высшая администрация напрасно приняла на себя за них ответственность и этим значительно уронила себя в общественном мнении.

После этих неудач заговорили в некоторых, конечно, очень не многих и очень малочисленных кружках так называемой «народной политики» и даже в министерстве внутренних дел о созыве всероссийского земского собора. Не доверяя существующим земским учреждениям и не уяснив себе настоящих потребностей страны, вздумали было собрать в Москве по случаю коронации выборных по каждому уезду от крестьян, личных землевладельцев и городов, и этим выборным что-то объявить и что-то поручить. Не можем определенно говорить об этих проектах, ибо они нам известны только по слухам, которые до крайности разноречивы и странны. Если им верить, то пришлось бы, отдавая полную справедливость благим намерениям составителей проектов, подивиться, как современные люди, живущие притом в России, могли увлекаться такими фантазиями. Нет! теперь непригодны нам соборы прежних веков, соответствовавшие тогдашним потребностям. Нынешние наши нужды более сложны, более глубоки, более повседневны. Нам нужны не чрезвычайные, кой-когда созываемые соборы, а постоянные учреждения, могущие почти всегда за нас объясняться и правительству помогать.

Сколько мы ни вдумывались в мысль о земских соборах, сколько ни прислушивались к речам их сторонников и сколько ни читали их статей печатных и рукописных, мы никак не можем понять, как эти соборы имеют исполнить то, что от них теперь ожидается. Цель, им предназначаемая, — сблизить Царя с народом, т. е. доставить первому возможность узнавать нужды последнего от него самого, выслушивать его мнения по важным делам, знакомиться и сблизиться если не с каждою особою народа, то с излюбленными им людьми.

Земский собор думают составить не из выборных от губерний; но если и не от каждой волости или иной мелкой земской единицы, то, по крайней мере, от каждого уезда. Сверх того, эти выборные должны быть не от одного сословия или состояния, а от каждого ныне существующего. А потому предполагается назначить по одному, по два и даже по три от крестьян, по одному от дворян или личных землевладельцев, и по одному от городов, т. е. от купцов и мещан. Некоторые сторонники земских соборов назначают также по одному выборному от духовенства и от земских собраний. Увеличение числа выборных от крестьян оправдывается как их многочисленностью, так и недостатком их развития, следовательно, от каждого уезда должно быть 4, 5 или 6 гласных. Ограничимся самым меньшим числом; и то окажется: как уездов имеется в империи около шестисот, то это число, помноженное даже на четыре, дает около двух с половиною тысяч выборных. Возможно ли где-либо, а особенно у нас на Руси, где к совещаниям еще мало привыкли, справиться с таким собранием? Никакое серьезное обсуждение в нем невозможно, и ответы могут быть только «да» или «нет». И сведений такое собрание доставить не в состоянии, ибо при такой многочисленности нелегко добиться права говорить, и еще труднее удостоиться внимания слушателей. Тут уже будут, конечно, не «говорильни», но кричальни или молчальни.

В прежние времена земские соборы созывались очень редко и по отдельным делам, которые верховная власть признавала нужным передавать на общее обсуждение. Но разве обстоятельства государственной жизни остались те же? Кроме значительного приращения нашей территории и нашего населения, все дела значительно усложнились, вопросы обострились, и теперь сессии совещательных собраний, срочно созываемые и довольно продолжительные, совершенно неизбежны. Как же на них созывать, со всех концов России, две, три тысячи выборных? Нет! чем более вникаешь в сущность и

порядки наших древних земских соборов, тем более убеждаешься в их непригодности для нынешних времен и обстоятельств. Да и к чему воскрешать умершее или сочинять совершенно новое, когда у нас уже имеются всесловные учреждения в ходу, если и не полным, то вполне к нему способном, нуждающиеся только в развитии, упорядочении и завершении их деятельности.

Теперь это направление, имевшее в виду созвание земского собора и домогавшееся звания «народного», отошло на задний план. Во время годичной своей административной деятельности оно заявило много добрых намерений, но мало знания дела и еще менее практичности, опытности и последовательности. Не стали бы плакать об отходе на покой этого, на словах и, вероятно, в душе для народа благоволительного, но на деле почти ничего не произведшего направления, если бы оно не было заменено иным, слишком России известным, давно и тяжело ее придавливавшим и причинившим ей много, много бед. Это направление называет себя консервативным; другие именуют его реакционным — крепостническим; мы же считаем его просто — бедовым.

Мы считаем его таковым не потому, что предполагаем в его сторонниках злые умыслы, стремления к захватам, наживе и хищениям. Нет! в этих людях, особенно в некоторых, быть может, даже излишки благонамеренности, любви к России и пр.; но в них — слепота полнейшая, пожалуй, даже неисцелимая. Они сами идут и других хотят вести *против течения* (этим они хвалятся), и *против воли людей, ими ведомых* (это им нипочем). Разве это разумно? Разве это теперь возможно? Неужель луч света озарил их одних, а все прочие — «быдло», которое не ведает и не должно ведать, куда идти, обязано слепо повиноваться пастуху и кроме палки и кнута не имеет иных наставников? Нет! времена такого господничания прошли безвозвратно; и кто его проповедует, стремится его осуществить и для того требует стеснений и кар, тот работает на руку крамоле. Большого содействия и лучшей помощи она и желать не может; но для страны, для ее жителей и для верховной власти такие действия более чем вредны — они губительны.

Но почему мы думаем, что люди, ныне захватившие власть в свои руки, принадлежат к этому бедовому направлению, исполнены его духа и руководятся его правилами?

На этот вопрос представляется ответ прямо официальный. Орган или даже внушитель этого направления торжественно говорит:

«Имя графа Толстого само по себе уже есть манифест и программа; им яснее, чем целым рядом мер, определяется путь правительства». Тот же орган там же говорит: «Он (гр. Толстой) приступает к своей новой, столь важной и ответственной должности, — не *impromptu*²⁷⁹, не новичком, но опытным государственным человеком, искушенным в правительственном деле, с практическим знанием людей и вещей, со зрелым разумением наших государственных задач» (Москов. Вед. 3 июня, передовая статья). Следовательно, уже не может быть никакого сомнения, что система, мертвившая четырнадцать лет наши учебные заведения, и упорно, без устали проводимая Московскими Ведомостями по всем частям государственного управления, не только во власти, но и во главе администрации. Чего же теперь нам ожидать?

Эта система не усилит власти; между тем, подъема ее авторитета желают не одни Московские Ведомости, а все граждане разумные, искренно любящие свое отечество; ибо, к прискорбью, власть теперь очень ослабела, и никогда, быть может, ее скрепление не было так нужно, как в настоящее время. Власть сильна только единением с народом; а возможно ли оно, если и не при отмене самоуправления, то при возможном его стеснении, как то проповедают Московские ведомости и как то постоянно практиковал гр. Толстой по учебному ведомству? Осуществимо ли упомянутое единение, при усилении всяких ограничений, стеснений и кар, как того требует тот же орган? Мыслимо ли единение власти с народом, при его бесправии? Нет! Действительное единение требует постоянных, не холопских, а человеческих между ними сношений, взаимного уважения и искреннего друг другу содействия.

Мы не либеральничаем; не требуем западных конституций и парламентов, которые мы считаем для России вовсе непригодными; мы неоднократно и вполне искренне высказывались и теперь высказываемся за самодержавие Государя, но столь же настоятельно и горячо восстаем против самодержавия гг. министров, губернаторов, исправников, станowych и урядников. Тем сильнее мы за первое, чем безусловнее против последнего, и крепко, от всей души нашей желали бы освобождения Царского Самодержавия от его гнетущих, искажающих, роняющих и почти уничтожающих самозванческих самодержавий разных сановников и чиновников. Покойный Государь освободил людей от крепостной зависимости; Его преемнику, ныне цар-

ствующему Государю, предстоит освободить самодержавие, если и не от крепостной, то от столь же тяжелой зависимости от разных пришлых властопохитителей. Не прискорбно ли видеть, как при всеми любимом, обожаемом Александре II господствовали разные временщики, действовавшие вопреки законам, Высочайшею властью утвержденным? Не прискорбно ли видеть как теперь, в течение нынешнего менее чем полуторагодового царствования по важнейшим министерствам внутренних дел и народного просвещения по три раза проводились различные системы управления, и сменялись они не вследствие изменившихся обстоятельств или общих государственных соображений, а только вследствие смены лиц, т. е. вследствие того, что А. заменен Б., а Б. заменен В.?

Для восстановления в стране мира, довольства и благоденствия, для лишения крамолы почвы к развитию и существованию и для возвращения верховной власти подобающих ей на Руси любви, силы и значения, необходимо искреннее, живое и действенное (не на словах, не в одних манифестах и адресах, а на самом деле) единение Царя и народа. Единственно возможным к тому путем есть установление прямых и постоянных между ними сношений.

Как же это в настоящее время привести в исполнение?

III

В разных мною изданных книжках* я говорил о необходимости созыва верховною властью выборных от земств, об устройстве общего земского собрания, о правах, которые следует ему предоставить, об обязанностях, которые необходимо на него возложить, и пр. Никогда я не подавал своего голоса ни за восстановление древних наших земских соборов, которые признавал несоответствующими нынешним нашим потребностям, ни за водворение у нас западноевропейских парламентов, которые уместны только в странах аристократически-демократических, где монархическая власть является посредником и примирителем между двумя враждебными силами. У нас, слава Богу, не было феодализма, не было и войн между высшими и низшими слоями населения. У нас был и есть один народ, располо-

---

* Наше положение. Берлин, 1874; Общая земская дума в России. Берлин, 1876; Что же теперь делать? Берлин, 1879; Где мы? Куда и как идти? Берлин, 1881.

женный по разным состояниям, но одушевленный одним земским духом и блистательно его проявлявший во все критические времена нашей истории. У нас все движения вперед, все освободительные, так сказать, подъемные для граждан преобразования не завоевывались, а исходили от верховной власти. А потому сохранение, охранение и укрепление Царского Самодержавия составляют долг каждого русского гражданина, любящего свое отечество. Эти убеждения возникли во мне не со вчерашнего дня, не вследствие каких-либо поветрий и не по поводу случайных обстоятельств. Нет! Долго жил я в деревне и в городах; занимался своими частными и общественными, земскими и даже государственными делами; не чуждался людей и мнений никаких партий, хотя и не принадлежал ни к одной из них; и убеждения мои менее выработаны личным трудом, чем внушены мне событиями и делами, которых был свидетелем и в которых принимал иногда посильное участие. Позволю себе сказать еще одно: никогда я не упорствовал в высказанных мнениях и отступал от них охотно, как скоро доказывали их ошибочность или когда обстоятельства изменялись. Я нахожу нужным все это объяснить в оправдание как настойчивости моей на мнении о необходимости созыва земских выборных, так и тех изменений, которые считаю теперь необходимыми при производстве самого созыва.

Не остановлюсь здесь на доводах в пользу необходимости сказанного созыва; об этом много говорил я прежде и кой-что уже сказал и в настоящей книжке. Доказывать это в настоящее время также излишне, как доказывать, что голодному необходим хлеб. Все мыслящие граждане, за исключением наперечет известных, глубоко убеждены, что единственный путь ко спасению из нынешней безурядицы и бестолочи есть совещание верховной власти с народными представителями. Еще никогда никакая общая нужда у нас не назревала так, как вышеуказанная: все этого желают, ожидают и не сомневаются в ее удовлетворении. Да и само правительство все более и более сознает несостоятельность своего бюрократического состава и своих бюрократических способов действия; ибо и прежде, и в последнее время оно вызывало экспертов и «сведущих людей», требовало от земских собраний заключений по разным вопросам и тяготится и не может не тяготиться лежащею на нем одним ответственною за все у нас совершающеюся.

В семидесятых годах и даже прошлым летом, считал я возможным и необходимым произвести прямо созыв земских выборных для об-

суждения тех дел и вопросов, которые правительство признает нужным передать на обсуждение этих представителей земства. Тогда и в правительственных, и в земских сферах еще были стремления и возможность столкнуться и прийти к общим соглашениям и заключениям. С тех пор произошли в администрации быстрые и значительные смены лиц и систем. Они сильно отозвались и на земских собраниях, которые в последние очередные и чрезвычайные созывы дошли в своих разногласиях до безобразия: проявились опять казавшиеся схороненными разные крепостнические понятия и стремления; высказались также им в отпор крайние, самые разнообразные, одно другому противоречащие предложения по разным вопросам, и в особенности по устройству какой-то мелкой всеобщей единицы; и гласные распались на несколько партий, так что все важные предложения забаллотировывались, и большинством ничего не утверждалось. И на публицистике отразилось тоже вавилонское смешение языков. Сильно этому содействовали, по предписаниям и внушениям из Петербурга, гг. губернаторы, председатели земских собраний и цензоры, запрещавшие говорить о том, другом, десятом. Разъяснения и соглашения сделались невозможными; вопросы обострялись; мнения все более и более впадали в крайности. Гласные в отчаянии разбегались и вновь не съезжались; а публицисты, поставленные в необходимость писать иносказательно или воздерживаться от высказывания того, что думают, предпочитали молчать и предоставлять наемным поденщикам наполнение страниц и столбцов газет и журналов. Нельзя не сказать, что цензура в последнее время была очень строга, до крайности бессмысленна и до невероятия пристрастна к одним и враждебна к другим. Вследствие этого сколько в нынешнем году несостоявшихся или до окончания дел разъехавшихся земских собраний! Сколько периодических изданий прекратившихся или, если и продолжающихся, то утративших свой смысл и потому почти никем не читаемых! Пожалуй, есть люди, радующиеся и тому и другому; сожалею об их безумии и желаю им, если возможно, от него исцеления.

При нынешнем положении общественного мнения, земских собраний и администрации кажется невозможным прямо приступить к обсуждению в высшей инстанции важных государственных вопросов. Один из них, весьма важный и самый неотложный есть, конечно, переустройство нашего местного управления. Он и выдвинут прави-

тельством теперь на первую очередь. Как бы гг. петербургские бюрократы и даже гг. сенаторы, освежившиеся во время своих ревизий, ни были премудры и благонамеренны; как бы они усердно и внимательно ни отнеслись к ими собранным и им доставленным материалам; но невозможного совершить они не в состоянии. Местная наша жизнь им неизвестна; они знают из нее только отрывки, случайно им на глаза попавшие, и по большей части в превратном виде до них дошедшие; как же им устроить пригодное для того, чего они не ведают? Если они за это возьмутся и сочинят проекты, то этим они докажут только то, что их самомнение и самонадеянность не имеют границ; чего от некоторых мы, конечно, не ожидаем. Земские собрания, особенно губернские, в последнее время явили уже до очевидности недостатки и несостоятельность своего состава. В первые годы своего существования, под живительным действием великих реформ 1861–1866 годов они действовали усердно, порядочно и в земском духе. Чем они шли дальше, тем более они утрачивали общенародное значение и тем более развивались в них дворянско-крепостническое и адвокатско-либеральническое направления. В последние годы, особенно в последние месяцы, эти собрания хотя сохранили название земских; но земский дух в них отсутствовал; и выборы, ими ныне произведенные, дали бы не настоящих представителей, не лучших людей губернии, а случайно в это звание попавших. И общественное мнение находится не в лучшем положении: страшная путаница понятий господствует в журналистике; но она, еще в худшем, если возможно, виде, является в обществе; хватаешь себя за голову и спрашиваешь: уже все мы не в доме ли ума лишенных? Одно верно, одно не подлежит никакому сомнению — все до крайности недовольны, все почти в отчаянии, все алчут исхода из нынешнего положения и готовы для того потрудиться.

Следовательно, всего важнее, всего необходимее, в настоящую минуту *оживить* страну — озарить ее лучом надежды на наступающее лучшее будущее; и таким лучом мог бы теперь быть призыв ее к участию в устройстве местного управления.

Существует теперь под председательством статс-секретаря Каханова комиссия для составления проектов местного управления и для внесения их в законодательном порядке в государственный Совет. Славу Богу, эту комиссию еще ничего не предрешиено; а потому еще возможно дать ее трудам более соответственное направление.

Пусть эта комиссия ничего и предварительно не решает, а составит только вопросы по предметам, ее разработке подлежащим. При этом весьма желательно, чтобы было обращено особенное внимание на вопросы по переустройству нашего земского и городского самоуправления; ибо существующие Положения по этим частям до крайности неудовлетворительны. Эти вопросы, в редакции сколь возможно широкой и ничего не предрешающей, и с вызовом на высказывание мнений о местных нуждах и не прямо относящихся к постановленным вопросам, следовало бы передать на обсуждение и заключение губернских комитетов, которые можно бы составить следующим образом:

Как у нас имеются три состояния, от которых поступают и гласные в уездные земские собрания, т. е. от крестьян, личных землевладельцев и горожан; то и губернские комитеты следует составить из таких же выборных; но эти выборы необходимо произвести с некоторыми изменениями в порядке, ныне существующем. Это особенно важно в отношении к выборам крестьянами, ибо они всего хуже и неудовлетворительнее представлены в наших земских собраниях. Следовало бы собрать от каждой волости по два выборных в уездный город для избрания выборных в губернский комитет. Число последних также должно быть по два от уезда. Все эти выборные должны быть *из среды* крестьян; но старшин не следует допускать в число выборных, ибо они теперь находятся в слишком большой зависимости от исправников и полиции вообще, от непременных членов и предводителей дворянства. Выборы волостных выборных следует произвести в волостях, под наблюдением не членов уездных присутствий по крестьянским делам, а местных мировых судей (участковых или почетных) как всего менее тяготеющих на крестьян. Выбор губернских выборных в уездном городе мог бы быть произведен под наблюдением председателя мирового съезда (если он не предводитель дворянства, а в этом случае, почетного мирового судьи, по избранию съезда). Выборы от личных землевладельцев можно произвести на основании существующих правил только с понижением ценза на половину против ныне установленного, который чрезвычайно высок, и потому очень ограничивает число лиц, могущих принимать участие в земских выборах. Городские наши выборы вообще весьма неудовлетворительны, и в способе их производства необходимо сделать значительные и существенные изменения; а потому, теперь, при спешности дела, невозможно устроить их как следует и приходится

ими довольствоваться. Как от личных землевладельцев, так и от горожан, следует также назначить по два выборных; таким образом, от каждого уезда будет по шести выборных. В губерниях имеется от 8 до 15 уездов, а большею частью от 10 до 12; следовательно, будет выборных не менее 48, не более 120, а в большей части губерний от 60 до 72. Такие собрания и не малочисленны и не слишком многочисленны; и в них прения могут идти надлежащим порядком.

Эти выборные от уездов, собравшись в губернском городе под председательством сперва старейшего из них, а потом ими самими избранного лица, занялись бы обсуждением предложенных им вышеупомянутых вопросов, составили бы по ним ответы и, в заключение своих совещаний, избрали бы от себя выборных в общегосударственный комитет, по два от губернии, без всякого различия состояний, к каким эти лица принадлежат. Последнее весьма важно; ибо назначить по шести лиц от каждой губернии, т. е. от каждого состояния по два, образовало бы в Петербурге такое многочисленное собрание, что при нашей еще малой привычке к совещательным порядкам, трудно было бы ему обсуждать важные вопросы: времени на это потратили бы много и, сверх того, был бы от этого для дела не барыш, а убыток, — крестьяне очень бы мало говорили, но зато некоторые говоруны похлопотали бы в губерниях о своем избрании, а в заседаниях общего комитета постарались бы патетическими речами привлечь крестьян к своим мнениям. Ответы губернских комитетов были бы препровождены в Петербург, в комиссию, существующую под председательством г. Каханова; там они были бы разработаны; и с соображением с ними были бы составлены надлежащие проекты. Для участия в этих трудах могли бы быть вызваны, по усмотрению комиссии или ее председателя, некоторые лица из числа избранных комитетами для присутствия в общем комитете. Этот комитет в полном составе, т. е. в составе всех выборных от губернских комитетов, был бы созван для рассмотрения составленных комиссиею проектов; и заседания комитета и комиссии при этом могли бы быть общие под председательством статс-секретаря Каханова. Эти проекты, выработанные общим совещанием комиссии и комитета, с отдельными мнениями их членов, не согласившихся с мнением большинства, поступили бы в Государственный Совет; где, при обсуждении этих проектов, должны бы присутствовать с правом голоса несколько, и чем больше, тем лучше, членов комитета.

Как не земские собрания, существующие далеко не во всех губерниях, имеют обсуживать вопросы, составленные упомянутою правительственною комиссиею; и как, в устройстве местного управления, заинтересованы все губернии; то можно и необходимо учредить губернские и областные комитеты во всей Империи, и выборных от них всех призвать в общий комитет. Это весьма важно и желательно, ибо оно послужило бы значительно к объединению нашей империи.

«Что же это такое?» — скажут многие. — «Куда же девался прежний проект об общей земской думе? Между нею и ныне предлагаемыми комитетами — разница огромная!» Это вполне справедливо; но пригодное, возможное, даже необходимое в одно время может, при изменившихся обстоятельствах, оказаться и непригодным и даже невозможным. Не подлежит сомнению, хотя и горько сознаться, что в последнее время мы сильно двинулись назад и находимся теперь просто в болезненном состоянии. Не теперь нам прямо открывать новую эру существования. Конечно, я за общую земскую думу был и остаюсь, и без нее считаю наше существование не полным и не надлежащим; и хотя остается мне жить недолго, однако я предпочитаю не видеть ее осуществления, чем быть свидетелем ее неудачи и посрамления. Не при нынешнем нашем настроении и не при существующей административной обстановке, мечтать нам о водворении у нас настоящего порядка и желаемой свободы и обеспеченности граждан! Нам необходимо и самим прийти в себя, и с другими постолковаться, и дать измениться окружающей нас атмосфере. Таким подготовлением должны быть предлагаемые губернские и общие комитеты. Они совершенно необходимы и ныне единственно возможны. Весьма желательно, чтобы об их образовании и о подлежащих им трудах был издан сколь возможно безотлагательнее Высочайший манифест, и чтобы его содержание и редакция были сколь возможно проще и сердечнее и отнюдь не затемнялись и не уродовались обычными бюрократическими фразами. Такой манифест произведет на все слои населения животворное действие, в чем они все теперь крайне нуждаются.

Иные думают или, по крайней мере, говорят, что созыв земских выборных был бы со стороны правительства уступкою крамоле, требующей либеральных учреждений, и либералам, их журналам и газетам, не переставшим оппонировать правительству и домогающимся,

если не прямо, то косвенно, конституции и парламента. На это мы скажем:

Во 1-х, хотя крамола и заявляет требования насчет либеральных учреждений; но как эти слова крайне растяжимы и неопределенны, то под ними она может разуместь, и, вероятно, разумеет, и отмену всяких властей, и передел земель, и уничтожение личной собственности, брака и пр.; но уж, конечно, не созыв земских выборных, и даже не то, чего желают некоторые либералы западного закала. Крамола с умыслом прикрывает свои понятия и домогательства плащом либерализма, надеясь чрез то привлечь к себе хотя нескольких его сторонников и желая придать себе некоторую благовидность и умеренность; но она вовсе не разделяет его убеждений и относится к нему более враждебно, чем даже к реакции. И это вполне понятно и естественно: последняя возбуждает своими действиями общее и сильное недовольство; а этим подготавливается и утолняется почва под ее, крамолы, успешную деятельность. Во Франции и Германии коммунисты и социалисты с кем иногда подают голос заодно? В первой стране — с легитимистами и империалистами²⁸⁰, т. е. отжившими партиями; а в последней — с клерикалами и сеционистами²⁸¹, а отнюдь не с национал-либералами и прогрессистами. Где коммунизм и так называемый социализм всего менее нарушали общее спокойствие, и где они всего бессильнее? Там, где всего более свободы и всего менее недовольства — в Англии и Североамериканских Штатах. Нет! созыв земских выборных был бы не уступкою крамоле, а самым тяжким ей нанесенным ударом — таким, который был бы много действительнее, чем всякие суды и кары, которым теперь ее подвергают и которые возводят ее сторонников в мучеников за народное дело.

Во 2-х, созыв земских выборных не был бы уступкою и либералам, требующим конституции и парламента, ибо последние ничего общего не имеют с первым. Представители русского земства, надлежаще избранные, конечно, не поднимут вопроса об ограничении верховной власти и не подадут своего голоса за попытки, которые в этом смысле могли бы быть сделаны. Такими мечтами могут тешиться некоторые еще уцелевшие западники; но 99% сельского и городского населения заставят замолчать этих фантазеров. Упомянутый созыв противен Московским ведомостям и их сторонникам, и ими выставляется особенно опасным; это вполне понятно — они лишились бы того привилегированного положения, которым они теперь пользу-

ются и злоупотребляют. Правительство, конечно, не должно делать никому исключительных уступок; иначе оно подпадет под действие одних во вред другим. Ради именно этого важен и необходим созыв земских выборных, ибо верховная власть будет окружена людьми не одного, ныне его заполонившего направления, а разных, взаимно друг друга разоблачающих; и следовательно, она будет вполне свободна и в возможности действовать с полным сознанием.

Наконец в 3-х, созыв земских выборных был бы не уступкою кому-либо, а самым мудрым, вполне свободным и совершенно благовременным действием верховной власти — таким действием, которое равно подняло и успокоило бы как ее самую, так и народ, и оказало им равные услуги. Этот созыв требуется как настоящим либерализмом, так и настоящим консерватизмом — как благом страны, так и благом правительства; он указывается — предписывается государственною мудростью. С этим, конечно, не согласятся люди, ныне во власти состоящие; они должны всячески противодействовать такому Высочайшему решению; за недостатком доводов, они пускают в ход всякие заподозрения и застрачивания. Это — всегдашняя их тактика. Для этих людей такой созыв будет, конечно, гибелен: они держатся во власти только неправыми путями, и только тьмою и безгласностью они прикрывают свою неспособность, свое себялюбие, властолюбие и, пожалуй, даже корыстолюбие. Но для верховной власти и для народа упомянутый созыв и искреннее между ними общение были бы не опасностью, а источником успокоения и большего друг к другу искреннего доверия.

В заключение, повторим: в интересе как Самодержавия, так и народа — скорейшее, сколь возможно более живое, искреннее и действенное их сближение. Самым верным, единственно возможным и неминуемо успешным к тому средством, есть, в настоящую минуту, издание манифеста об учреждении губернских комитетов по вопросам, относящимся к переустройству местного управления, и об избрании выборных в общий государственный комитет для рассмотрения проектов, по сему предмету, имеющих быть составленными.

Да озарит нас луч надежды на лучшее, имеющее наступить будущее!

Москва, 1-го Августа 1882 г.

О НЫНЕШНЕМ ПОЛОЖЕНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Кто живет в Петербурге, Москве или ином значительном городе — вообще в городском, а не в сельском городе (каковых у нас немало); и кто не имеет сельской поземельной собственности, тот не может составить себе надлежащего понятия о бедственности нашего деревенского быта. Думают, что крестьяне, и особенно малоземельные, всего более страдают, и об них и в литературе, и в обществе, и даже в правительственных сферах всего более заботятся, говорят и пишут; а между тем, зная довольно коротко деревенский быт вообще, я не решаюсь сказать, крестьяне ли, личные ли землевладельцы более бедствуют. Почти думаю, что кузнецам, столярам, сапожникам и пр., не имеющим никакой связи с землею, всего сноснее из деревенских обитателей живется на белом свете.

Вообще признается, что земля всего лучше обеспечивает людей в их житье-бытье. Так оно и должно бы быть; а у нас теперь это оказывается как бы иначе. Бедово, конечно, теперь всем на Руси; но едва ли сельскому населению, владеющему землею, не выходит всего хуже.

Начнем с крестьян.

Кто для них не командир? Всех могущественнее, произвольнее и всего непосредственнее на них действующее лицо есть, конечно, — господин урядник. Он в своем малом участке всегда налицо, и о чем ему не приходится заботиться? И улицы, и дворы, и горницы жителей, и их действия, и даже помышления — словом, все состоит в ведомстве этого полицейского чиновника. А за ним стоят: становой пристав, исправник, неременный член присутствия по крестьянским делам, предводитель дворянства, председатель и члены земской управы, мировой судья, судебный пристав и все далее проезжие губернские и уездные чиновники. Попробуй крестьянин не исполнить чьего-либо из этих господ приказания или требования; и он наслушается от них нескончаемого множества непечатных слов, а пожалуй, подвергнется и действиям самым неприятным. Но разве на это нельзя пожаловаться? Конечно, можно; законом это вполне разрешено; но вследствие жалобы пойдут дознания, исследования и разные требования; ступай туда, сюда; жди и тут и там. Нет! всякий крестья-

нин скажет, уж лучше исполнить самое нелепое требование или перенести даже оскорбление, чем подвергать себя разным мытарствам; оно и легче, и дешевле.

Но крестьяне пользуются самоуправлением; а потому, если им тяжело от внешних врагов, то им, по крайней мере, хорошо у себя — в обществе? Нет! тут им еще хуже. По закону они действительно выбирают и учитывают и старшину, и старосту; но на деле выходит, что хотя они и катают шары, а назначаются эти начальники не ими, и часто совершенно вопреки их желанию. Собирают крестьян на сход; ждут они несколько часов непременно члена или исправника или иного члена присутствия по крестьянским делам; ибо без одного из них крестьяне не вправе приступить к выборам; ведь это должностное лицо имеет наблюдать за порядком на выборах. Наконец блюститель порядка приезжает. Он призывает к себе в комнату одного, другого, третьего, и как бы советуется с ними на счет выборов; а действительно он отдает им приказания, кого именно выбрать. Затем является он на сход и предлагает крестьянам приступить к выборам. Предлагаются кандидаты; начинают катать шары; беда, если оказываются избранными не лица, указанные блюстителем порядка. Они или почему-либо не утверждаются, или вскоре за упущения по должности устраниаются, или даже отдаются под суд. Поступивший в старшины или старосты неизбежно становится покорнейшим слугою исправника и непременно члена, которые по большей части действуют сообща; и эти господа чрез крестьянских избранных часто делают то, чего бы они не решились сделать от своего лица. Вот в действительности то крестьянское самоуправление, от которого в начале так много ожидали и которое могло так много принести пользы крестьянству.

Крестьяне живут или земледелием, или промыслами.

Земельные наделы крестьян по большей части недостаточны, и иными они и быть не могут. В 1861 году редакционные комиссии и верховная власть исполнили свои обязанности по совести, так как лучше они тогда их исполнить и не имели возможности. Но с тех пор прошло с лишком двадцать лет; народонаселение значительно умножалось, и никто не помогал крестьянам ни в приобретении продававшихся земель, ни в извлечении больших выгод из состоящих в их владении земельных участков. Были в этом отношении редкие, очень редкие исключения; но вообще, в четырнадцатилетие

с 1866 по 1880 год администрация не заботилась об оказании крестьянам необходимых пособий по усилению их землевладения; а земские учреждения, отчасти по своему составу (по преимуществу дворянскому) не желали, а отчасти и не могли быть полезными в этом деле крестьянам, как потому что личным землевладельцам выгодно умножение людей, нуждающихся в работе, так и потому что эти учреждения не располагают достаточными на то денежными или кредитными средствами. Крестьяне все более и более бедствовали; количество лошадей и всякого хозяйственного скота видимо убывало; поля истощались, а неурожаи усиливались и учащались. Личные землевладельцы, особенно вновь приобретшие земли (купцы и из крестьян кулаки), постоянно поднимали цены на сдачу земель в наем; и крестьяне только по крайней нужде соглашались платить назначенные цены, которые отчасти выплачивались наличными деньгами, но всего более служили к закабалению их труда землевладельцам. Так, при этом наемки на жнитво, покос и другие работы производились и теперь часто производятся или в виде процентов за обождание денег, или по ценам вдвое или вполтора низшим против обыкновенных.

Промыслы в последние двадцать лет, конечно, значительно увеличились и должны бы доставлять хорошие заработки людям, ими занимающимся; но неурядица по этой части росла еще в много сильнейшей степени. Хозяева рассчитывали рабочих Бог весть как; штрафовали их произвольно и беспрестанно то понижали, то повышали цены за работы. Рабочие, обсчитанные хозяевами, обращались иногда к суду, но редко получали удовлетворение не по вине судей, а по причине недостаточности законов и изворотливости заводчиков, фабрикантов и их управляющих. Сверх того, цены на хлеб, мясо, вино и другие необходимые потребности росли еще более и быстрее, чем цены на заработки; и рабочие часто возвращались домой с меньшими деньгами, чем с какими они отправлялись в путь.

Вообще крестьянство, т. е. более 80 % нашего населения находится теперь в самом бедственном положении — худшем (хотя это и невероятно), чем оно было до 1861 года. От этого терпят не одни бедные поселяне, но и люди достаточные; ибо воровства, грабежи, поджоги и другие нарушения права собственности умножаются с каждым днем и гонят из деревень лучшую, самую образованную часть населения.

Но неужель бедствуют там и личные землевладельцы?

Да, конечно да, и едва ли менее крестьян.

Они, правда, не голодают, обуты и одеты, не ходят пешком отыскивать себе заработков; но их положение не лучше, не более обеспеченно, чем положение крестьян; и только немногие из личных землевладельцев благоденствуют, ведут жизнь, если и не такую, какую бы они желали вести, но ни в чем материальном не нуждаются и пользуются почетом в своем обществе и даже со стороны администрации. Такие счастливицы имеются и между крестьянами; но огромное большинство и тех и других страшно бедствует.

Во 1-х, личные землевладельцы бедствуют со стороны администрации тем, что они ни от полиции, ни ею ничем не ограждены. Стоит не быть в приятельских отношениях с местными властями; стоит вести жизнь не обычную провинциальную, не приглашать гостей на обеды и карточную игру и заниматься чтением и письмом; и тотчас можно попасть в число, если и не крамольников, то людей «неблагонадежных»; и вследствие того, если и не быть взятым и отправленным Бог весть куда, то подвергнуться негласному надзору, а пожалуй, и обыскам. Землевладелец самый «благонадежный» разве обеспечен полицией от воров, поджигателей, даже от неисполнителей его законных требований? На полицию навалено столько обязанностей законных и незаконных; ей приходится столько писать и отписываться, что для исполнения ее настоящих служб у нее почти вовсе не остается нужного времени.

Во 2-х, личные землевладельцы бедствуют от своих соседей-крестьян, которые считают потравы и порубки делом как бы обычным и вовсе несправедливым. Держите сторожей, далее обвешивайте их законными значками; а ваши поля и леса все-таки в сохранности не останутся. Если ваших сторожей и не поколотят (что случается сплошь да рядом), и если составлены будут все нужные акты, и вы представите всех нужных свидетелей; то решение мирового судьи, конечно, состоится в вашу пользу, и вы получите от него исполнительный лист; но более вы ничего не ожидайте, разве только того, что вам придется кой-что израсходовать на проезд к судебному приставу и еще уплатить ему на проезды; а у вашего ответчика наверное ничего не окажется на уплату присужденных вам денег.

В 3-х, личные землевладельцы жестоко страдают от нанимаемых ими рабочих. Условия, даже письменные, составляются и свидетельствуются в волостном правлении еще зимою или раннею весною,

со включением в них самых строгих пунктов и неустоек; такие условия очень охотно подписываются рабочими или, по их безграмотству, кем-либо по их просьбе; они получают задатки, что непременно; и весною, в назначенное время, они аккуратно являются и получают вторые условленные деньги. До половины или конца июня, они сносно работают; но как наступает страдная пора, то часть рабочих, иногда довольно значительная, уходит домой или к иному землевладельцу. Нанять в это время других рабочих нет возможности; и вы отправляетесь или кого-либо посылаете отыскивать ваших беглецов. Заявляете об этом в надлежащем волостном правлении; получаете тут обещания и уверения; но рабочих все нет как нет. Вы подаете просьбу мировому судье; решение, конечно, в вашу пользу; и вы получаете исполнительный лист, который доставляет то же, что выше было сказано по поводу таких же документов по потравам и порубкам.

Из сказанного можно, кажется, заключить, что жизнь землевладельца в деревне вообще не завлекательна; и если занятие земледелием вообще интересно и приятно, то обстоятельства, которыми у нас оно обставлено, таковы, что немногие без крайней нужды при нем остаются. А потому и неудивительно, что землевладельцы несколько образованные бегут из деревни, продают свои земли и поступают в ряды чиновников или служащих в банках, на железных дорогах и пр. У нас эмиграция землевладельцев из деревень просто поразительна: едва треть или четвертая часть прежних помещиков осталась в своих имениях. Еще земская служба кой-кого там удерживает; но число лиц, могущих быть избранными на земские должности, с каждым годом сокращается; и если обстоятельства не изменятся, то, пожалуй, вскоре придется не избирать на должности, а упрашивать добрых людей их принимать.

Бедственно житье-бытье крестьян; но почти такова и жизнь личных землевладельцев в деревне. Если еще что удерживает их там, то разве уверенность, что не рай и в городах, что служебных мест имеется много менее, чем кандидатов, алчущих их занять, и что русское благодушие, терпение и надежда на «авось» почти безграничны. По милости первого и гг. чиновники не строго требуют на местах исполнения законов и предписаний, бюрократиею измышляемых. Второе дает возможность переносить и то, что в других странах привело бы людей в отчаяние. Из этого, конечно, выходят у нас страшная

бестолочь и такая же неурядица; но тут является наш русский «авось», который, и в тьме кремешной, указывает на луч надежды — на лучшее будущее. Но когда и как оно наступит?

На это мы попытались ответить или, по крайней мере, кой-что по этому поводу сказать, в предыдущей нашей статье.

КОММЕНТАРИИ

Охота пуще неволи

Опубликовано: Земледельческая газета. 1847. 12 декабря. № 99. С. 790–791. Печатается по: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение второе. Berlin, 1884. С. 9–14.

Статья написана в имении Песочня 1 ноября 1847 г. Позднее в своих «Записках...» Кошелев вспоминал: «Я написал статью, в которой, не осмелившись проводить общую мысль об освобождении крепостных людей, я убеждал помещиков на основании высочайшего указа, изданного 12 июня 1844 года, освобождать дворовых людей, заключая с ними условия. Эта статья <...> была мною отправлена 3-го ноября 1847 года в редакцию “Земледельческой газеты”, которой редактором тогда был А. П. Заблоцкий-Десятовский. Я выбрал эту газету потому, что она слыла либеральною и потогдашнему была действительно таковою по милости покровительствовавшего ей министра государственных имуществ Киселева».

Статья «Охота пуще неволи» стала одним из первых публичных выступлений в России, в котором необходимость отмены крепостного права аргументировалась экономической невыгодностью подневольного труда.

¹ Указ от 12 июня 1844 г. представлял право отпускать на волю дворовых.

Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку

Опубликовано: Московский сборник. Т. 1. М., 1852. С. 145–243. Печатается по кн.: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение третье. Berlin, 1884. С. 15–30.

В августе 1851 г. А. И. Кошелев совершил поездку в Лондон на открывшуюся там первую Всемирную промышленную выставку (см.: *Зайцев В. П.* Первые Всемирные промышленные выставки в Лондоне // Новая и новейшая история. 2001. № 4). Свои впечатления о поездке он изложил в статье, опубликованной в «Московском сборнике», издаваемом И. С. Аксаковым. Основное внимание автор уделил экономическим и социальным достижениям Великобритании. Особый интерес представляют высказанные в статье мысли Кошелева о соотношении развития Запада и России. О восприятии различных аспектов жизни Великобритании в России в первой половине XIX в. см.: *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982.

О. Ф. Кошелева включила статью в качестве приложения к изданию «Записок» А. И. Кошелева (Берлин, 1884), изъяв часть текста, где содержалось подробное описание сельскохозяйственных машин.

² Этот отчет впервые познакомил русских сельских хозяев с усовершенствованиями, которые были сделаны в Западной Европе и Америке,

в устройстве земледельческих орудий и в способах обработки сельских произведений. В настоящее время благодаря этому труду и деятельности А. И. Кошелева в «Московском обществе сельского хозяйства» в должности председателя все то, о чем писал в этом отчете Александр Иванович, сделалось общим достоянием всех образованных сельских хозяев, да и самые орудия земледельческие во многом усовершенствовались с того времени. Поэтому не представляется нужным воспроизводить здесь этот труд во всех его подробностях теперь, т. е. описание машин, относительное их достоинство и способы их действия. Для характеристики этого труда и для уяснения, как Александр Иванович сам понимал дело, и какие выводы он сделал из обзора Всемирной выставки, здесь приводятся наиболее характерные выдержки из вышеназванного труда, его мысли, замечания, взгляды, рассуждения, которые могут иметь интерес и в настоящее время (*прим. О. Ф. Кошелевой*).

3 Expressstrain (*англ.*) — поезд-экспресс.

4 Дувр — город в Великобритании, расположенный на берегу пролива Паде-Кале.

5 Фолькстон — приморский город в британском графстве Кент.

6 Кошелев впервые посетил Лондон в 1832 г.

7 Трансепт — поперечный неф (галерея); Кошелев пишет о трансепте в «Кристал Паласе» («Хрустальном дворце») архитектора Д. Пэкстона (1803–1865) — специально построенном для Всемирной выставки огромном павильоне из стекла и металла в лондонском Гайд-парке.

8 Вершок — мера длины, равная $1\frac{3}{4}$ дюйма (4,45 см).

9 For improving the condition of the labouring classes (*англ.*) — для улучшения условий трудящихся классов.

10 Альберт (1819–1861) — принц Саксен-Кобург-Готский, супруг королевы Виктории с 1840 г., один из инициаторов проведения Всемирной выставки в Лондоне.

11 Living room (*англ.*) — жилая комната.

12 Bed rooms (*англ.*) — спальня, спальни.

13 Ventilation (*англ.*) — вентиляция.

14 Near Bagnigge Wels Pentonville... in Spitalfields (*англ.*) — около Барги Велс Пентонвилля... в Спителсфильде — парк и рынки в пригородах тогдашнего Лондона, сейчас находятся в черте города.

- ¹⁵ В данном случае речь скорее идет о квакере Питере Бедфорде, предпринимателе и благотворителе, которого иногда называли «герцог Бедфорд».
- ¹⁶ Cottages (*англ.*) — коттедж, рассчитанный на одну семью дом с участком земли, первоначально в Англии в XVI–XVII вв. термин для обозначения крестьянского дома.
- ¹⁷ Hollow bricks (*англ.*) — пустотелый кирпич.
- ¹⁸ Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф фон (1775–1854) — немецкий философ, представитель классической немецкой философии. См.: Каменский З. А. Русская философия XIX в. и Шеллинг. М., 1980; Философия Шеллинга в России XIX в. СПб., 1998.
- ¹⁹ Блан Луи (1811–1882) — французский журналист, историк и политический деятель, участник революции 1848 г., сторонник утопического социализма; предлагал гармонизировать социальные отношения путем организации общественных мастерских.
- ²⁰ Энглези — остров в Ирландском море у берегов Уэллса, с которым он был соединен в 1850 г. мостом «Британия», одним из сложнейших технических сооружений своего времени.
- ²¹ Николаевский цепной мост — построен в 1853 г. в Киеве английским инженером Ч. де Виньодем, в момент сооружения являлся одним из крупнейших мостов Европы, взорван в 1920 г. при отступлении польских войск из Киева.
- ²² В тексте «отчета» Александра Ивановича находятся рисунки следующих машин и орудий: 1) паровая подвижная машина Тексфорда, 2) плуг Гауарда, 3) бороны Чильямса, 4) глыбодроб Кросскиля, 5) шведская борона Кросскиля, 6) сеялка Гаррета, 7) пропашник Гаррета, 8) сеносушилка Смита, 9) конные грабли, 10) ручные грабли Смита, 11) молотилка с подвижною паровою машиною Гаррета, 12) молотилка Голмеса, 13) конный привод Гаррета, 14) зернодроб Гаррета, 15) сортовка Гиллама, 16) фура Бесбия, 17) фура Крауля, 18) жатвенная машина, или жнея Маккормика, 19) жатвенная машина Гусева, 20) жатвенная английская машина Гаррета, 21) маслобойня.

Как завершение сельского хозяйства в тексте находится план и описание образцового коттеджа для рабочего семейства.

По возвращении с выставки Александр Иванович сделал сообщения о виденном и слышанном «Московскому обществу сельского хозяйства». В следующем году выписанные им машины и орудия были подвергнуты испытанию сначала в селе Спешневе (Данковского уезда Рязанской губ.), а потом в селе Песочне (Сапожковского уезда Рязанской губ.). К испыта-

нию были приглашены как члены «Общества», так и все желающие сельские хозяева, окрестные и отдаленные.

Результаты испытаний Александр Иванович изложил в особой брошюре «Об испытании английских и американских машин и орудий в 1852 году». (Москва. В Унив. типографии. 1852).

При испытании и оценке машин и орудий Александр Иванович руководствовался не только чисто сельскохозяйственными целями, но и гуманными. Так, оценивая относительное достоинство жатвенных машин, он говорит: «Сверх того жатвенная машина имеет право на внимание почтеннейших наших сочленов и всех вообще помещиков не по одним вещественным выгодам: это орудие должно облегчить самый тяжкий труд женщины, уже и без того обремененной разными физическими страданиями. Верно, каждый с радостью воспользуется первою возможностью уплатить свой долг человечеству; а при введении жатвенных машин, даже несовершенных, улучшения не замедлят последовать, и, смеем надеяться, что со временем они упразднят тягостный для работ серп» («Об испытании английских и американских машин и орудий в 1852 г. Москва. 1852. А. Кошелев». Стр. 19–20 (*прим. О. Ф. Кошелевой*)).

О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах и о мерах к продолжению войны с Турциею

Опубликовано: Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлин, 1884. Печатается по: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение четвертое. Berlin, 1884. С. 34–54.

Записка была составлена в Москве в декабре 1854 г. В феврале 1855 г. Кошелев планировал через наследника престола передать ее Николаю I, но смерть императора этому помешала, и записка была отправлена Александру II только 9 мая 1855 г. Ее предваряло обращение к Государю, объяснявшее мотивы, вынудившие автора взяться за перо.

Анализ состояния финансов страны в условиях военного времени привел Кошелева к выводу о недостаточности традиционных средств покрытия дефицита бюджета: усиление налогов, внешних займов, эмиссии, пожертвований. Выход из сложившейся ситуации автор видел в проведении чрезвычайного внутреннего займа, который смог бы оживить промышленность и торговлю России, преодолеть застой в строительстве и предпринимательской деятельности. Успеху подобного займа содействовал бы, по мнению Кошелева, созыв в Москве выборных от всей земли русской для совета с царем.

В мемуарах Кошелев так прокомментировал дальнейшую судьбу записки: «Судьба ее печальна и комична: в конце июня в деревне через станowego пристава я получил извещение, что мое “всеподданнейшее прошение” с запискою через комиссию прошений препровождено по принадлежности к министру финансов. Более об этом я уже ничего не слышал» (Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). М., 2002. С. 60).

- 23 *Штиглиц* Алексей Людвигович (1814–1884) — барон, действительный тайный советник. Крупный российский финансист, директор Государственного банка (1860–1866).
- 24 *Тенгоборский* Людвиг Валерианович (1793–1857) — российский дипломат, экономист и статистик; с 1848 г. — член Государственного совета, действительный тайный советник (1856). Автор большого количества исследований, опубликованных на русском и французском языках; его труд «О производительных силах России» (М.; СПб., 1854–1858) считался лучшим для своего времени исследованием в области хозяйственной статистики (См.: *Мондэй К. Д. В. Тенгенборгский — польский пропагандист русской государственности* // Клио. 2000. № 2).
- 25 Речь идет о денежной реформе, проводившейся в 1839–1843 гг. министром финансов Е. Ф. Канкриным.
- 26 Штуцер — нарезное ружье.
- 27 *Wiener Wahrung* (нем.) — венская валюта, речь идет о кредитных билетах Австрийской империи.
- 28 Речь идет о событиях Отечественной войны 1812 г.
- 29 Тягло — единица обложения крестьян повинностями в пользу помещика.
- 30 *Фоше* Леон (1803–1854) — французский журналист и политик.
- 31 Пекзаны — нарезные артиллерийские орудия системы Пексана (Пекзана); состояли на вооружении союзных армий, превосходили российскую артиллерию по скорострельности, точности и дальности боя. Названы по имени французского изобретателя генерала Г.-Ж. Пексана (1773–1854).
- 32 Речь идет о манифесте Александра II от 16 декабря 1854 г.
- 33 Возможно, речь идет о Земских соборах 1682 и 1683–1684 гг.
- 34 Речь идет об Уложенной комиссии 1767 г.
- 35 Речь идет об обращении Александра I в июле 1812 г. к московскому дворянству и купечеству в связи с нашествием Наполеона.
- 36 Кадастр — в данном случае документ, где юридически зафиксирована стоимость и доходность земли; составление кадастра в условиях крепостного права было невозможно.

Соображения касательно устройства железных дорог в России (Ответ «Современнику»)

Опубликовано: Русская беседа. 1856. Т. III. С. 148–157; 148–157. Печатается по данному изданию.

Статья считается первой из цикла полемических публикаций Кошелева о целях и перспективах железнодорожного строительства в России. Поводом

для ее написания послужила публикация в «Современнике» одноименной статьи Д. И. Журавского (1856. Т. 59. № 9), выступившего за постройку такой железнодорожной сети, которая бы обслуживала экспортную (преимущественно сельскохозяйственную и сырьевую) торговлю России. Так, предполагалось соединять магистралями центры хлебобородных губерний с балтийскими и черноморскими портами, минуя по возможности населенные пункты. Кошелев противопоставлял этому подходу свою точку зрения, в основе которой — стремление к развитию внутреннего рынка и созданию транспортной сети, обслуживающей потребности как экономического, так и демографического, административного и культурного развития России. Вопрос о железных дорогах он рассматривал в контексте общих проблем территориальной организации населения и хозяйства.

³⁷ *Журавский* Дмитрий Иванович (1821–1891) — инженер-строитель, тайный советник (1876). Известен постройкой Веребьинского моста Николаевской железной дороги и реконструкцией шпиля на соборе Петропавловской крепости. Сотрудничал в «Журнале Министерства путей сообщения», «Русском вестнике», «Современнике» и др. С 1877 г. — директор департамента железных дорог. См.: *Ракчеев Е. Н.* Д. И. Журавский. М., 1984; *Зензинов Н. А., Рыжак С. А.* Выдающиеся инженеры и ученые железнодорожного транспорта. М., 1990.

³⁸ Кашира — уездный город Тульской губернии, в дореформенную эпоху значительный торговый центр, железная дорога через него прошла в 1900 г.

³⁹ Динабург — уездный город Витебской губернии; в 1893 г. переименован в Двинск.

⁴⁰ Нижний Новгород и Москва соединены железной дорогой в 1862 г.

⁴¹ Рыбинск — уездный город Ярославской губернии, крупнейший торговый центр на Верхней Волге, железная дорога прошла через него в 1871 г.

⁴² Моршанск — уездный город Тамбовской губернии, расположен на р. Цне; один из крупнейших центров торговли хлебом и скотом в дореформенной России; торговое значение города снизилось, после того как Рязанско-Козловская железная дорога его миновала.

Соображения о пользе устройства железной дороги от Динабурга в Курскую губернию

Опубликовано: Русская беседа. 1856. Т. III. С. 148–157. Печатается по данному изданию.

Статья К. И. Марченко с таким названием, опубликованная в № 1 «Журнала Главного управления путей сообщения и публичных зданий» за 1856 г., вызвала молниеносную реакцию Кошелева, и его ответ помещен вслед за пре-

дыдущей статьей в «Русской беседе» (1856. Т. III). На основе экономического анализа он опровергал тезис о Курской губернии как центре земледелия России, доказывая, что, только связав с морскими портами российские столицы (в первую очередь — Москву), можно организовать эффективный транзит зерновой продукции в Европу.

⁴³ Лепель — уездный город Витебской губернии.

⁴⁴ Орша — уездный город Могилевской губернии.

⁴⁵ Климовичи — уездный город Могилевской губернии.

⁴⁶ Мглин — уездный город Черниговской губернии (ныне в Брянской области); в дореформенный период крупный центр торговли пенькой, конопляным маслом и скотом; в 1880-е гг. Брянско-Гомельская железная дорога прошла мимо города и его экономическое значение стало снижаться.

⁴⁷ Трубчевск — уездный город Орловской губернии (ныне в Брянской области), значительный торговый центр в дореформенную эпоху; его экономическое значение упало, после того как железная дорога миновала город.

⁴⁸ *Марченко* Константин Иванович (?–1874) — инженер путей сообщения, в 1850-е гг. подполковник, известный железнодорожный деятель.

Еще соображения касательно устройства железных дорог в России

Опубликовано: Русская беседа. 1857. Т. I. С. 88–112. Печатается по данному изданию.

После негативного отклика «Современника» на его первую статью о железнодорожном строительстве Кошелев подготовил к 8 октября 1856 г. новую статью по этому вопросу. Он продолжал отстаивать свою точку зрения, возражая оппоненту, обвиняющему его в приверженности интересам «московской партии»: «Не пристрастие к Москве заставляет нас настаивать на том, чтобы она была центром железных дорог в России <...> Москва поставлена центром России вековыми событиями и таковыми же народными убеждениями <...> Не государство и не народ приспособляется к железным дорогам, а дороги приспособляются к той стране, в которой они прокладываются». Вопрос о том, какой город должен быть центром железных дорог России, по мнению Кошелева, давно уже решен самой жизнью; в этом его активно поддержали А. С. Хомяков, В. А. Черкасский, В. А. Кокорев. При этом во всех их выступлениях в прессе подчеркивалось, что с развитием промышленности и транспортной сети в стране появятся новые центры на юге и востоке России, которые, будучи связаны с Москвой железнодорож-

ным сообщением, скорее получат необходимые для их развития материальные, финансовые и человеческие ресурсы.

Следует отметить, что дискуссия о железнодорожном строительстве, развернувшаяся в российской периодике в 1856–1857 гг., была чрезвычайно актуальна: уже в январе 1857 г. было введено «Положение об устройстве в России железных дорог», положившее начало крупномасштабным проектным и строительным работам. Сам Кошелев в 1858 г. стал акционером Московско-Рязанской и Московско-Саратовской дорог, а в 1868 г. вместе с В. А. Кокоревым и группой московских промышленников участвовал в конкурсе на приобретение Николаевской (Москва–Санкт-Петербург) железной дороги.

⁴⁹ См. комм. 37.

⁵⁰ Юхнов — уездный город Смоленской губернии (ныне — в Калужской области), стоял на построенном при Николае I Московско-Варшавском шоссе, железная дорога миновала город.

⁵¹ «Коммерческая газета» — печатный орган Департамента внешней торговли Министерства финансов, издавалась в 1825–1860 гг., редактор — Г. П. Небольсин.

⁵² *Ершов* Александр Степанович (1818–1867) — профессор начертательной геометрии и механики Московского университета. Печатался в «Журнале путей сообщения», «Русской беседе», «Журнале Министерства народного просвещения», «Московских ведомостях» и др.

⁵³ Правильно не Дюма, а Дарю Наполеон (1807–1879) — французский государственный деятель, граф, министр иностранных дел (1870). Считался знатоком вопроса об общественных работах в железнодорожном строительстве. А. С. Ершов цитирует его работу «Des chemins de fer et de l'application de la loi du 11 juin 1842» (Париж, 1843). См.: *Ершов А. С.* Железные дороги // Русская беседа. 1856. Кн. 2. С. 63–89.

⁵⁴ *La force des choses* (*фр.*) — сила обстоятельств, сила вещей.

⁵⁵ Николаевская (ныне Октябрьская) железная дорога; соединила Москву и Санкт-Петербург 1 ноября 1851 г.

⁵⁶ «Виды внешней торговли» («Государственная внешняя торговля ... года в разных ее видах») — официальные отчеты о внешней торговле Российской империи, выходящие с 1811 г. (с 1863 г. «Виды государственной внешней торговли», с 1871 г. — «Обзор внешней торговли»).

⁵⁷ Сергиевский посад — г. Сергиев Посад Московской губернии.

⁵⁸ Болхов — уездный город Орловской губернии (ныне в Орловской области).

О необходимости уничтожения крепостного состояния в России

Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлин, 1884. Печатается по кн.: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение пятое. Berlin, 1884. С. 57–92.

Записка, обосновывающая неизбежность отмены крепостного права, написана в с. Песочня в конце 1856 г. Одна из четырех записок, составивших кошелевский проект крестьянской реформы и отправленных Александру II в феврале 1857 г. Другие записки («О различных способах освобождения крестьян», «Предполагаемые меры к освобождению крестьян», «Предполагаемые меры к освобождению дворовых людей») содержат конкретные предложения организационно-правового и экономического характера (Записки Александра Ивановича Кошелева. 1812–1883 годы. М., 2002. С. 238–290). Вместе с записками А. Н. Унковского, кн. В. А. Черкасского и Ю. Ф. Самарина была передана в Главный комитет по крестьянскому делу, а затем в Редакционные комиссии.

Проект Кошелева отличают конкретность, опора на многолетний опыт хозяйственно-экономической деятельности, хорошее знание условий крестьянского быта. Современники признавали его одним из лучших, несмотря на известный радикализм взглядов автора.

В записке формулируются и подробно анализируются девять основных возражений против отмены крепостного права; общий вывод Кошелева беспощаден: «Корыстолюбие, преданность роскоши и безделию, боязнь труда и опасения нечистой совести — вот основы, содержащие и конечный смысл всех нами рассмотренных возражений».

Особенность публицистики Кошелева ярко проявляется в заключительных словах записки: «Немедленное уничтожение крепостного права на людей еще необходимее для дворянства, чем даже для того сословия, которое находится под его гнетом»; это во многом перекликается с идеей статьи «Охота пуще неволи» и записки «О денежных средствах России...». Он обращается к царю как представитель дворянства, страдающего нравственно и несущего материальные убытки. Впоследствии, обосновывая свою идею Общей земской думы, Александр Иванович также будет пытаться применить этот аргумент, доказывая государю, что созыв законосовещательной думы ему необходим и даже выгоден более, чем обществу и тем более правительству.

⁵⁹ Хатти-хумаюн (хатти-хумаюн, хатти-и-хумаюн, хатти-хамаюн, Hattı-Hımaıun) — один из видов законодательных документов Османской империи, указ, скрепленный сокращенной подписью султана. В данном случае Кошелев имел в виду предоставляющий равные права с мусульманами христианским подданным Османской империи хатти-хумаюн от 18 февраля 1856 г., который носил декларативный характер и не предназначался для воплощения в жизнь.

⁶⁰ Dolce far niente (*итал.*) — сладостное безделье.

- ⁶¹ На протяжении 1807–1816 гг. в Пруссии отменили крепостное право. См.: *Костюшко И. И.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму: Сравнительный очерк. М., 1994.
- ⁶² В Курляндской, Лифляндской, Эстляндской губерниях крепостное право было отменено в 1816–1819 гг.
- ⁶³ Крепостное право отменено в Австрии в 1848 г., в Молдавии и Валахии ликвидация крепостного права проходила постепенно на протяжении 1840–1860 гг., на территории Бессарабской губернии с 1839 г. действовал указ, разрешающий добровольное соглашение помещиков и оброчных крестьян.
- ⁶⁴ Имеются в виду действия по созыву государственного ополчения в 1855 г. во время Крымской войны.
- ⁶⁵ В апреле 1854 г. проводился набор в морское ополчение жителей Петербургской, Новгородской, Тверской и Олонецкой губерний, в январе 1855 г. начался сбор «подвижного» ополчения.

Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу

Печатается по первому изданию: *Кошелев А. И.* Депутаты и редакционные комиссии по крестьянскому делу. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1860. С. 1–62.

Эта работа была написана А. И. Кошелевым в ноябре-декабре 1859 г. в его поместье в Рязанской губернии. В ней он изложил свои впечатления о пребывании в августе-октябре 1859 г. в Петербурге, куда был приглашен для участия в работе Редакционных комиссий в качестве депутата от Рязанского губернского комитета.

На протяжении марта 1859 — октября 1860 г. Редакционные комиссии, состоявшие из чиновников различных ведомств и членов-экспертов от помещичьего дворянства, готовили проект крестьянской реформы. Фактически их работой руководил Н. А. Милютин (1818–1872), являвшийся заместителем председателя Редакционных комиссий Я. И. Ростовцева (См.: *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. Т. 1–3. СПб., 1889–1892; *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968; *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984; *Долбилов М. Д.* Бюрократы-реформаторы и дворянство в полемике о крестьянской реформе: 1859–1860 гг. // *Власть и общественное движение в России имперского периода.* Воронеж, 2005).

Для обсуждения проекта дважды приглашались депутаты от губернских комитетов. Кошелев входил в число депутатов «первого приглашения» (представители от 21 губернского комитета, предоставившие свои проекты ранее остальных). Он, как и другие депутаты, считал, «что депутаты губернских

комитетов будут допущены в Главный комитет и будут участвовать там в окончательном решении вопроса. Решительным противником такого толкования <...> явился Милютин, который убедил и Ростовцева, и Ланского, что допущение дворянских депутатов в Главный комитет, хотя бы с совещательным только голосом, может при данном составе самого Главного комитета опрокинуть все дело и совершенно исказить благополучный исход реформы. Решено было поэтому допустить депутатов губернских комитетов лишь к критике проектов Редакционной комиссии в заседании этой последней, причем и тут решено было им представить лишь изложить свои замечания и защитить свои проекты, но отнюдь не допускать их к голосованиям, а следовательно, и к участию в решении самого дела, даже и в этой подготовительной, переходной его стадии» (Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 218).

Такие действия вызвали недовольство депутатов «первого приглашения». Они обратились с адресами к императору с просьбой допустить их к обсуждению окончательного проекта крестьянской реформы в Главном комитете. От лица императора подателям адресов, в том числе и Кошелеву, был объявлен выговор.

Этот эпизод укрепил Кошелева в его негативных оценках столичной бюрократии, но одновременно усилил настороженное отношение к нему в бюрократических кругах. «Перечитывая теперь эту брошюру, вижу, что все в ней написанное верно и написано действительно *sine ira et studio*», — написал А. И. Кошелев спустя два десятилетия (См.: Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 81). В то же время в своих «Записках» он дал позитивную характеристику деятельности руководивших Редакционными комиссиями либеральных бюрократов: «...спасибо ред[акционн]ым комиссиям, что они, видя, откуда всего сильнее и резче идет неодобрение составленных ими проектов, и опасаясь полного крушения этого дела, предпочли не исправлять своего далеко не совершенного труда, чем затянуть дело освобождения крепостных людей и тем помочь противникам его в изуродовании или даже в полном устранении или, что всего чаще и хуже бывает, — в нуллификации его, т. е. в превращении его в ничто посредством издания закона неопределенного и ничего положительного не постановляющего» (Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 84).

⁶⁶ *Sine ira et studio* (лат.) — без гнева и пристрастия.

⁶⁷ Главный комитет по крестьянскому делу — высший государственный орган для подготовки крестьянской реформы, учрежденный в феврале 1858 г. на основе Секретного комитета по крестьянскому делу; существовал до февраля 1861 г., после чего его функции были переданы Главному комитету об устройстве сельского состояния (1861–1882). Председателем Комитета являлся А. Ф. Орлов, с сентября 1860 г. — великий князь Константин Николаевич. При Комитете действовали Редакционные комиссии.

- ⁶⁸ Имеется в виду Ланской Сергей Степанович (1787–1862) — государственный деятель, действительный тайный советник (1851), граф (1861), министр внутренних дел (1855–1861).
- ⁶⁹ *Шувалов* Петр Павлович (1819–1900) — граф, петербургский губернский предводитель дворянства (1857–1862), член-эксперт Редакционных комиссий, сторонник крепостничества.
- ⁷⁰ *Ростовцев* Яков Иванович (1803–1860) — государственный деятель; успешности его карьеры способствовало то обстоятельство, что в декабре 1825 г. он сообщил Николаю I о готовящемся восстании; главный начальник военно-учебных заведений (1849), председатель Редакционных комиссий (1859), содействовал освобождению крестьян с землей.
- ⁷¹ *Унковский* Алексей Михайлович (1828–1893) — предводитель дворянства Тверской губернии (1857–1859), за подачу императору адреса тверского дворянства в 1859 г. уволен от должности предводителя, в 1860 г. сослан в Вятку. Автор «Записок» (Русская мысль. 1906. № 6–7).
- ⁷² *Позен* Михаил Павлович (1798–1871) — член Полтавского губернского комитета, тайный советник (1842), автор проекта безземельного освобождения крестьян.
- ⁷³ Гофмаршал — придворный чин III класса по «Табели о рангах», ведал делами по довольствию императорского двора, организации приемов и путешествий, руководил придворными служителями, содержал стол императорской семьи. «Гофмаршальский стол» предназначался для лиц свиты и сановников, присутствовавших во дворце, но не приглашенных непосредственно к «императорскому столу», куда допускались лишь особо приближенные лица. Это и заставляло приглашенных депутатов считать себя обиженными невниманием к ним как к представителям дворянства со стороны императора.
- ⁷⁴ *Семенов* Петр Петрович (1827–1914) — ученый и государственный деятель, действительный статский советник (1895), член-эксперт Редакционных комиссий (1859–1861), председатель статистического совета Министерства внутренних дел (1875–1897), в 1906 г. ему была пожалована почетная приставка к фамилии — Тянь-Шанский — за исследования алтайского горного массива в 1856–1857 гг.
- ⁷⁵ *Черкасский* Владимир Александрович (1824–1878) — князь, государственный и общественный деятель, в качестве члена Тульского губернского комитета и члена-эксперта Редакционных комиссий принимал активное участие в подготовке крестьянской реформы, затем — главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел

Царства Польского, городской голова Москвы, уполномоченный Красного Креста при действующей армии и заведующий гражданской частью в Болгарии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (См.: *Трубецкая О.* Материалы для биографии князя В. А. Черкасского. Т. 1. М., 1901; Князь В. А. Черкасский, его статьи, его речи и воспоминания о нем. М., 1879). Кошелев вспоминал о Черкасском: «Хотя впоследствии он часто считался так называемым славянофилом, а иногда даже становили его во главу этой партии, но он никогда таковым не был и расходился с нами в самых существенных убеждениях. Он вовсе не считал православного Христового учения основой нашего мировоззрения, высказывался беспрестанно против сельской общины, и любил насмехаться над народом-кумиром, коему, по его мнению, будто поклонялись Хомяков и К. Аксаков. Черкасский, как отменно умный человек, признавал, что в нашем направлении более силы и будущности, чем в противоположном, т. е. тогдашнем западном, он находил особенное удовольствие в наших беседах и дорожил связями с нами» (Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 60).

⁷⁶ *Соловьев Яков Александрович* (1820–1876) — государственный деятель, член Редакционных комиссий, один из ближайших сотрудников Н. А. Милютина, автор мемуаров (Записки о крестьянском деле // Русская старина. 1880–1884).

⁷⁷ «Колокол» — газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в 1857–1865 гг. в Лондоне и в 1865–1867 гг. в Женеве.

⁷⁸ *Панин Виктор Никитич* (1801–1874) — граф, государственный деятель, действительный тайный советник (1856), министр юстиции (1841–1861), член Главного комитета по крестьянскому делу, в феврале 1860 г. сменил Я. И. Ростовцева на посту председателя Редакционных комиссий, сторонник крепостничества.

⁷⁹ *Чевкин Константин Владимирович* (1802–1875) — государственный деятель, с 1834 г. служил в Корпусе горных инженеров, генерал от инфантерии (1856), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1855–1862), член Главного комитета по крестьянскому делу.

⁸⁰ *Муравьев Михаил Николаевич* (1796–1866) — государственный деятель, участник декабристских организаций «Союз Спасения» и «Союз Благоденствия», генерал от инфантерии (1856), граф (1865), министр государственных имуществ (1857–1863), член Главного комитета по крестьянскому делу, сторонник крепостничества, генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа (1863–1864).

⁸¹ En bloc (*фр.*) — целиком.

- ⁸² À la Pierre le Grand (*фр.*) — на манер Петра Великого.
- ⁸³ Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ч. 1–18. СПб., 1859–1860; Второе издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. 1–3. СПб., 1859–1860; Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения по помещичьим имениям. Т. 1–6. СПб., 1860.
- ⁸⁴ Орлов Алексей Федорович (1786–1861) — граф (1825), князь (1856); государственный деятель, генерал от кавалерии (1833), член Государственного совета (1836), начальник III Отделения Собственной е. и. в. канцелярии и шеф жандармов (1844–1856). Выполнял ряд важных дипломатических поручений: заключение Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. с Турцией, подписание Парижского мира в 1856 г., председатель Государственного совета и Комитета министров с 1856 г., председатель Секретного (1857–1858) и Главного комитетов по крестьянскому делу (1858–1860). «О графе, возведенном впоследствии в княжеское достоинство, А. Ф. Орлове, я сохранил навсегда самое отрадное воспоминание и с величайшим удовольствием рассказывал об его, в отношении ко мне, действиях. К сожалению, мало у нас таких сановников: большая часть из них только и ищет, как бы молодых людей, особенно мало угодливых, пригнуть и придавить» (Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 35).
- ⁸⁵ Il ne fallait pas être prophète pour le savoir (*фр.*) — не нужно быть пророком, чтобы предвидеть это.
- ⁸⁶ Бутков Владимир Петрович (1813–1881) — государственный деятель, действительный тайный советник (1867), государственный секретарь (1854–1865), делопроизводитель Главного комитета по крестьянскому делу, член Государственного совета.

Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?

Опубликовано: Кошелев А. И. Какой исход для России из нынешнего ее положения. Лейпциг, 1862. С. 45–83. Печатается по: Кошелев А. И. Что такое русское дворянство и чем оно быть должно? // Голос из земства. Сборник статей А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869. С. 26–49.

Статья написана в декабре 1861 г. в связи с журнальной полемикой, возникшей после опубликования И. С. Аксаковым статьи «Дворянское дело» в редактируемой им газете «День». Рецензию Кошелева «Дворянское дело. Статья И. С. Аксакова» и статью «Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?», уже напечатанные в № 8 и 9 газеты «День», цензура запретила из опасений того, что они могут вызвать недовольство и раздражение дворянства. После этого автор, видимо, не без колебаний, принял решение

о печатании их за рубежом. Вместе с другими материалами статья вошла в брошюру «Какой исход для России из нынешнего ее положения» (Лейпциг, 1862). Предисловие, в котором Кошелев критиковал цензуру и бюрократическую систему вообще, было перепечатано А. И. Герценом в «Колоколе», который откликнулся на выход брошюры статьей «Без масок» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 16. М., 1959).

Резко негативную реакцию вызвала брошюра в среде либеральной бюрократии. А. В. Головнин посвятил ей специальную записку, сохранившуюся в бумагах В. А. Цез, в которой, после краткого пересказа содержания брошюры, написал: «Рассуждение автора о дворянстве и требуемое им от него отречение от своей самобытности, при настоящем брожении умов может породить только еще большее недовольство. Наконец, предлагаемая автором для уврачевания России мера — созвание земской Думы в Москве как первый шаг, по его мнению, к Государственной Уставной Грамоте — требует чрезвычайной обдуманности и при настоящем низком умственном уровне народа вообще едва ли современна. Пока народное образование не пустило в стране более глубоких корней, все попытки представительных учреждений окажутся бесполезными. Из всего сказанного выше легко заключить, что разбираемая здесь брошюра заключает в себе более вредного для массы публики, чем действительно полезного и применимого на деле» (Головнин А. В. Обзор сочинения [А. И.] Кошелева, напечатанного в Лейпциге в 1862 г. под заглавием «Какой исход для России из нынешнего ее положения»: Записка. [1860-е] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 833: Цез В. А. Ед. хр. 129. Л. 3).

Поскольку брошюра была нелегально распространена в России в ограниченном числе экземпляров, спустя семь лет Кошелев посчитал необходимым включить статью «Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?» в сборник «Голос из земства» (М., 1869). «Хотя с тех пор многое изменилось, — писал Кошелев, — однако дело дворянское осталось неразрешенным; а потому думаем, что эта статья, напечатанная в первый раз в Лейпциге в 1862 году, еще не утратила смысла. Мы позволяем себе сделать к ней несколько замечаний, в которых мы указываем изменения, происшедшие в положении этого дела» (Кошелев А. И. Голос из земства. М., 1869. С. 26).

⁸⁷ «День» — ежедневная газета, издавалась в 1861–1865 гг. в Москве И. С. Аксаковым. См.: Порох В. И. И. С. Аксаков — редактор «Дня» // Освободительное движение в России. Вып. 5. Саратов, 1975.

⁸⁸ *Divide et impera* (лат.) — разделяй и властвуй.

Конституция, самодержавие и Земская Дума

Печатается по первому изданию: Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и земская дума. Лейпциг: Ф. Вагнер, тип. Бера и Германна, 1862. С. 1–60.

Одна из самых известных работ Кошелева, изданных за границей и распространенных в России нелегально. В «Записках» он объясняет, что после выхода в свет книжки «Какой исход для России из нынешнего ее положения», вызвавшей разноречивые суждения в среде читающей публики, ему было нужно еще раз подтвердить свою позицию: в России необходимо сохранение самодержавия и неприемлем конституционный путь развития.

Кошелев повторял многие положения предыдущей работы, где «в первый раз печатно была высказана мысль, что для завершения дела освобождения крепостных людей, для прекращения существовавших у нас везде беспорядков и злоупотреблений и для водворения единства и большего смысла в управлении вообще необходимо призвать на совет, как то делалось в прежние времена, представителей из всех местностей империи, т. е. созвать *общую земскую думу*».

Брошюра была замечена многими в России и за ее пределами. А. И. Герцен в «Колоколе» отозвался о ней положительно, посетовав, что дельными предложениями ее автора вряд ли воспользуются в правительственных кругах.

⁸⁹ De son grand empereur (*фр.*) — [наследник] великого императора (Наполеона I Бонапарта). Речь идет о французском императоре Наполеоне III.

⁹⁰ Coup d'état (*фр.*) — государственный переворот.

⁹¹ Гессен-Кассель — часть исторической области в Германии, в 1803–1866 гг. курфюршество, аннексированное Пруссией в 1866 г.

⁹² Charte octroyée (*фр.*) — «октроированная грамота», Конституция Франции 1814 г., введенная после свержения власти Наполеона и реставрации Бурбонов.

⁹³ Конституция Царства Польского 1815 г., данная Александром I после присоединения к России Герцогства Варшавского; была отменена Николаем I после подавления польского восстания 1830–1931 гг.

⁹⁴ Людвиг Филипп (Луи-Филипп) (1773–1850) — французский король в 1830–1848 гг.; принадлежал к Орлеанской династии (младшая ветвь династии Бурбонов).

⁹⁵ Le roi règne, mais ne gouverne pas (*фр.*) — король царствует, но не управляет.

⁹⁶ Conditio sine qua non (*лат.*) — важнейшее условие.

⁹⁷ Chassez la nature par la porte, elle revient par la fenêtre (*фр.*) — гоните природу в дверь, она вернется в окно.

⁹⁸ Indemnity bill (*англ.*) — Билль о гарантиях, принятый в эпоху правления короля Вильгельма III (1689–1701). Первоначально освобождал религиоз-

ных «нонконформистов» от наказания за нарушения Акта о присяге, впоследствии стал применяться в тех случаях, когда возникала необходимость в интересах исполнения закона нарушить действующее законодательство.

⁹⁹ Suffrage universel (*фр.*) — всеобщее избирательное право.

¹⁰⁰ Tiers état (*фр.*) — третье сословие.

¹⁰¹ Magna Charta — Великая хартия вольностей. Общее название совокупности грамот английских королей на права и льготы, данные ими в 1100–1217 гг. городам и сословиям.

¹⁰² À leur bénéfice (*фр.*) — для их выгоды (пользы).

¹⁰³ Милль Джон Стюарт (1806–1873) — английский философ, экономист и общественный деятель. Один из крупнейших идеологов либерализма. Речь идет о его книге «Представительное правление».

¹⁰⁴ terra ignota (*лат.*) — неведомая земля.

¹⁰⁵ Перл — жемчужина.

¹⁰⁶ annexe (*фр.*) — приложение.

¹⁰⁷ Etats Généraux (*фр.*) — Генеральные штаты, сословно-представительное учреждение во Франции в XIV–XVII вв.; чаще всего созывались монархами для получения согласия представителей сословий на введение новых налогов. В 1789 г. депутаты от третьего сословия в Генеральных штатах провозгласили себя Национальным собранием, что считается началом Великой французской революции.

¹⁰⁸ В ходе восстания в Париже 10 августа 1792 г. была свергнута монархия; 22 сентября во Франции была провозглашена республика.

¹⁰⁹ Проскрипции — в Древнем Риме списки лиц, объявленных вне закона. Термин применялся во Франции в период якобинского террора 1793 г., когда создавались проскрипционные списки «врагов народа».

¹¹⁰ Гильотина — орудие для обезглавливания осужденных на казнь, появилась во время Великой французской революции; название произошло от фамилии изобретателя Ж. Гийотена; гильотина стала символом якобинского террора.

¹¹¹ Noyades (*фр.*) — потопления. В годы Великой французской революции (в период якобинского террора) практиковались затопления в реках барж, наполненных запертыми там «врагами народа».

- ¹¹² «Великорусс» — первая печатная нелегальная прокламация в России. На протяжении лета-осени 1861 г. вышло три номера, четвертый — в 1863 г. Содержала призывы к образованному обществу оказывать давление на правительство с целью наделения крестьян землей, созыва народных представителей для подготовки конституции, предоставления независимости Польше, доказывая, что непринятие этих мер приведет к революции.
- ¹¹³ «Молодая Россия» — революционная прокламация, появившаяся в мае 1862 г. Содержала призывы к свержению самодержавия, расправе с царской фамилией и высшей бюрократией, созданию федеративной республики и общественного хозяйства. Автор — П. Г. Заичневский.
- ¹¹⁴ Status quo (*лат.*) — первоначальное положение.
- ¹¹⁵ По этому вопросу см.: Христофров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850-х — середина 1870-х гг. М., 2002.

Письмо государю и записка о делах Царства Польского

Печатается по первому изданию: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. Приложение седьмое. Berlin, 1884. С. 214–232.

Написана в ноябре 1866 г. в с. Песочня, куда Кошелев вернулся после полученной отставки с поста директора Комиссии финансов в Царстве Польском и отдыха и лечения на курортах Германии, Италии и Швейцарии. Сам Кошелев писал: «В октябре 1866 года я возвратился в Россию и прямо в деревню — в с. Песочню. Сапожковское уездное земское собрание было уже закрыто; я ознакомился в управе с тем, что было им сделано. Занимаясь своими хозяйственными делами, я счел, однако, нужным изложить государю императору в особой записке те причины, которые заставили меня просить об увольнении от должности, его доверием на меня возложенной. Откровенно и вполне спокойно я изложил положение дел в Варшаве и высказал в заключение, что считал долгом удалиться, ибо видел, что существовавшее там разногласие в управлении страшно вредит ходу дел вообще. Странно: моя записка пришла в Петербург на другой день после случившегося с Н. А. Милютиным удара, прекратившего его политическую деятельность. Впоследствии я узнал от гр. П. А. Шувалова, что она очень понравилась государю, и что на ее полях во многих местах он написал: “совершенно верно” и “вполне согласен”» (Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 124). О русской политике в Польше см.: Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997; Западные окраины Российской империи. М., 2006.

- ¹¹⁶ Речь идет об антиправительственных выступлениях и восстании 1863–1864 гг.
- ¹¹⁷ Указы 19 февраля (2 марта) и 27 октября (8 ноября) 1864 г. и 14/26 декабря 1865 г. составили юридическую основу крестьянской реформы в Царстве Польском, по которой крестьяне получали находящиеся в их пользовании земли.
- ¹¹⁸ Престационные табели 1846 г. — документы, регламентирующие в Царстве Польском крестьянские повинности и размеры предоставляемых им земель помещиков.
- ¹¹⁹ Католические священники Ржевущский, Щигельский и Домогальский подвергались преследованиям со стороны властей. Зволинский — архиепископ Варшавский, ставленник русских властей.
- ¹²⁰ Decorum (*лат.*) — внешний порядок.
- ¹²¹ En masse (*фр.*) — во множестве.
- ¹²² Консумационные сборы — в Царстве Польском сборы, взимаемые за провоз в город мяса и алкогольных напитков.
- ¹²³ Остракизм (у Кошелева — острацизм) — гонения.
- ¹²⁴ На протяжении 1815–1831 гг. Царство Польское являлось автономной частью Российской империи, имело конституцию, парламент и собственную армию.
- ¹²⁵ Имеются в виду польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг.
- ¹²⁶ Herrenstand (*нем.*) — господствующий класс.
- ¹²⁷ Noblesse (*фр.*) — знать, дворянство.
- ¹²⁸ Ганновер — историческая область в северо-западной Германии, королевство, которое в 1815–1866 гг. участвовало на стороне Австрии в австро-прусской войне 1866 г. После войны стало провинцией Пруссии вопреки настроениям значительной части населения.
- ¹²⁹ Франкфурт-на-Майне — город в Западной Германии, ставший частью Пруссии после наполеоновских войн, считался очагом оппозиции, в период революции 1848–1849 гг. здесь собралось общегерманское национальное собрание.
- ¹³⁰ Офяра — главный налог с пахотных земель в Царстве Польском.
- ¹³¹ Пропинация — в Царстве Польском исключительное право изготавливать и продавать спиртные напитки в определенных местностях.

О земских собраниях

Опубликовано: Голос из земства // Сборник статей А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869. С. 1–25. Печатается по данному изданию.

Статья открывала сборник «Голос из земства», изданный в пользу начальных школ Сапожковского уезда Рязанской губернии. Датирована автором 20 ноября 1868 г. Написана в с. Песочня на материале результатов первого трехлетия деятельности Сапожковского уездного и Рязанского губернского земских собраний. Автор делал малоутешительные выводы: не дав земству окрепнуть, правительство законами от 21 ноября 1866 г. и 13 июня 1867 г. серьезно стеснило его деятельность, лишив его единства, самостоятельности и гласности, что ударило и по местным, и по общегосударственным интересам.

¹³² 33 губернии — губернии России, в которых по реформе 1864 г. создавалось земское сословное самоуправление. В их число не входили Польша, западные и прибалтийские губернии, Архангельская губерния, Сибирь и Кавказ.

¹³³ «Северная почта» — ежедневная газета, выпускаемая Министерством внутренних дел в 1862–1868 гг.

О дворянстве и землевладельцах

Опубликовано: Голос из земства // Сборник статей А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869. С. 50–71. Печатается по данному изданию.

Датированная 10 января 1869 г., статья является, по своему основному смыслу, прямым продолжением статьи «Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?» (1861). Кошелев доказывал необходимость преобразования дворянского сословия путем его вхождения в более крупное и сильное — землевладельческое сословие. Он стремился убедить дворянство в том, что сохранение его в виде самостоятельного сословия вредно и даже опасно для него самого; только соединившись с крестьянским обществом, землевладельцы из дворян в силу своего более высокого образования и наличия управленческого опыта займут подобающее им место в новых условиях хозяйствования.

О нынешнем положении крестьян и о мерах к улучшению их быта

Опубликовано: Голос из земства // Сборник статей А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869. С. 72–106. Печатается по данному изданию.

Статья, датированная 2 ноября 1868 г., посвящена анализу изменений, происшедших в крестьянском быту после отмены крепостного права. Она содержит предложения по совершенствованию крестьянского самоуправления, где все начальники спились и проворовались, волостного суда, где

не осталось даже тени правосудия, а также ликвидации кабаков и возрождению нравственности, падение которой шло от необразованности основной массы сельского населения. Выводы автора подкреплены реальными фактами, в изобилии наблюдаемыми им в своем имении Песочня Сапожковского уезда Рязанской губернии.

О городах и горожанах

Опубликовано: Голос из земства // Сборник статей А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869. С. 107–120. Печатается по данному изданию.

Эта статья написана в Москве, где семья Кошелева обычно проводила зимние месяцы. Датированная 12 февраля 1869 г. (еще до обнародования положений городской реформы 1870 г.) она поднимала многие проблемы, с которыми в дальнейшем столкнется будущее городское самоуправление. Главная мысль статьи — объединение всех городских обывателей в единое городское сословие, в котором представители дворянства не растворятся без остатка, а, напротив, займут ведущие позиции в управлении, культурном и экономическом развитии.

О приходских попечительствах

Опубликовано: Голос из земства // Сборник статей А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869. С. 121–132. Печатается по данному изданию.

Работа над статьей была закончена 20 февраля 1869 г. в Москве. Взяв за основу серию статей Д. Ф. Самарина под общим заглавием «Приход», опубликованных в газете «Москва» в 1867–1868 гг., Кошелев дополнил выводы Самарина статистическими данными и фактами из жизни приходских попечительств (преимущественно) Рязанской губернии.

¹³⁴ «Москва» — ежедневная газета, издававшаяся в 1867–1868 гг. в Москве И. С. Аксаковым.

¹³⁵ *In potentia* (лат.) — потенциально, в возможности.

¹³⁶ «Современные известия» — ежедневная газета, издававшаяся в Москве в 1867–1887 гг. Н. П. Гиляровым-Платоновым.

О сельских школах

Опубликовано: Голос из земства // Сборник статей А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869. С. 133–150. Печатается по данному изданию.

Кошелев работал над этой и двумя предыдущими статьями в феврале 1869 г. в Москве, используя богатый фактический материал, который давали его собственные наблюдения, а также сообщения его корреспондентов с мест. В вопросе о сельских школах он, пожалуй, был более всего компетентен, являясь председателем училищного совета Сапожковского уездного земства.

К этому времени он уже был широко известен как горячий сторонник начального народного образования; в публичной полемике с В. И. Далем ему удалось отстоять точку зрения о том, что распространение просвещения в крестьянской среде выгодно и полезно всем: грамотные крестьяне ведут себя более благопристойно, чаще ходят в церковь, реже страдают пьянством и с большей готовностью берут на себя исполнение административных функций.

В настоящей статье Кошелев выступает за расширение школьной сети за счет установления специального земского сбора и повышение качества начального образования, в том числе посредством устройства земских училищ и летних учительских курсов, назначения земством смотрителей сельских школ (по одному на уезд). Он особо останавливается на вопросе о вмешательстве церковных властей в дело начального народного образования, находя его совершенно неприемлемым; здесь же он резко негативно высказывается о церковно-приходских школах и их будущем, осуждая правительственные меры, направленные на поддержку этого типа учебных заведений.

¹³⁷ Конкордат — договор между папой римским как главой католической церкви и государством, регулирующим положение католической церкви на его территории. Россия заключала конкордат с римской курией в 1818 г. (действовал до 1831 г.) и в 1847 (действовал до 1866 г.). В данном случае конкордат упоминается А. И. Кошелевым для осуждения клерикального духа в начальной школе, характерного для Австрии.

О мерах к сокращению пьянства в народе

Опубликовано: Голос из земства // Сборник статей А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869. С. 151–170. Печатается по данному изданию.

Последняя по времени написания (12 марта 1869 г.) статья Кошелева для сборника «Голос из земства» — своего рода манифест. Главную причину пьянства он видел в нравственной и умственной отсталости подавляющей массы русского народа, а принципиальный выход из создавшегося положения — в просвещении населения. Однако он отдавал себе отчет, что даже первые результаты просвещения придут нескоро, а потому предлагал довольно широкий набор первоочередных мер — десять конкретных тезисов, вполне исполнимых даже в рамках существующего законодательства. Почти все они имели целью ограничение деятельности виноторговцев и усиление административного контроля в сфере розничной («раздробительной») продажи спиртного; исключение составляли протекционистские меры в отношении торговли пивом, а также осуществление административного преследования пьяниц и радикального пересмотра отношения к совершению правонарушений в нетрезвом виде. Кошелев предлагал настойчиво внедрять в массовое сознание понимание того, что такое состояние является не смягчающим, а отягчающим обстоятельством.

Мои воспоминания об А. С. Хомякове

Опубликовано: Русский архив. 1879. Кн. 11. С. 265–276. Печатается по данному изданию.

Датированы автором 28 февраля 1873 г. Кошелев постарался воспроизвести наиболее яркие и характерные эпизоды многолетней дружбы и совместной деятельности, делая акцент на выдающихся личных, человеческих качествах Хомякова. Позднее в «Записках» он напишет о своем покойном друге: «Хомяков *первый* проникся истинным духом русского народа и его истории и указал нам настоящие наши нужды и потребности, наши народные свойства и ту цель, к которой мы должны стремиться. Он действительно был источником нового у нас умственного направления, которое прозвано нашими противниками славянофильским, но которое много объемистее и существеннее того, что под этим словом обыкновенно понимается и, конечно, благородным потомством будет признано истинно русским».

¹³⁸ *Веневитинов* Дмитрий Владимирович (1805–1827) — поэт, журналист, член Кружка Любомудров.

¹³⁹ *Хомяков* Федор Степанович (1808–1829) — брат А. С. Хомякова.

¹⁴⁰ *Одоевский* Владимир Федорович (1803–1869) — князь, писатель, литературный и музыкальный критик, директор Румянцевского музея.

¹⁴¹ *Карамзина* Екатерина (Катерина) Андреевна (1780–1851) — жена Н. М. Карамзина, сводная сестра князя П. А. Вяземского.

¹⁴² *Mein Gott und Herr, was ist denn das?* (нем.) — Господи Боже мой, да что же это такое?

¹⁴³ *Велланский* Даниил Михайлович (1774–1874) — профессор Петербургской Медико-Хирургической академии, философ-идеалист.

¹⁴⁴ *Виельгорский* Матвей Юрьевич (1794–1866) — граф, музыкальный деятель. Возможно, однако, что имеется в виду его брат Михаил (1788–1856).

¹⁴⁵ *Титов* Владимир Павлович (1807–1891) — литератор и дипломат, член Государственного совета с 1865 г.

¹⁴⁶ *Муханов* Павел Александрович (1798–1871) — государственный деятель и ученый, с 1851 г. — попечитель Варшавского учебного округа, с 1869 г. — председатель Археографической комиссии.

¹⁴⁷ *Россети* (Россет) Александра Осиповна (1809–1882) — в замужестве Смирнова, петербургская светская дама, фрейлина императрицы Марии Федоровны, затем императрицы Александры Федоровны, объект неудачной любви А. И. Кошелева в 1830 г.

- ¹⁴⁸ *Смирнов* Николай Михайлович (1808–1870) — чиновник Министерства иностранных дел, муж А. О. Россет.
- ¹⁴⁹ *Каннинг* Джордж (1770–1827) — британский политический деятель, либеральный тори, премьер-министр Великобритании.
- ¹⁵⁰ *Гускиссон* (Хаскиссон) Уильям (1770–1830) — британский государственный деятель, министр торговли (1823–1827), погиб, попав под паровоз в день открытия железной дороги Манчестер–Ливерпуль.
- ¹⁵¹ *Елагина* Авдотья Петровна (1789–1877) — хозяйка известного в Москве салона, племянница В. А. Жуковского. В первом браке Киреевская, мать славянофилов И. В. и П. В. Киреевских.
- ¹⁵² *Свербеев* Дмитрий Николаевич (1799–1874) — чиновник и общественный деятель, его жена Екатерина Александровна (1808–1892).
- ¹⁵³ *Чаадаев* Петр Яковлевич (1794–1856) — общественный деятель и философ, автор «Философических писем».
- ¹⁵⁴ *Герцен* Александр Иванович (1812–1870) — общественный деятель, публицист и писатель.
- ¹⁵⁵ *Грановский* Тимофей Николаевич (1813–1855) — профессор истории Московского университета.
- ¹⁵⁶ *Попов* Александр Николаевич (1821–1877) — историк и чиновник, близкий по взглядам к славянофилам.
- ¹⁵⁷ *Валуев* Дмитрий Александрович (1820–1845) — журналист и ученый.
- ¹⁵⁸ *Елагин* Василий Алексеевич (1818–1879) — сын А. П. и А. А. Елагиных, историк, сотрудничал в изданиях славянофилов.
- ¹⁵⁹ *Назимов* Владимир Иванович (1802–1874) — государственный деятель, в 1849–1855 гг. — попечитель Московского учебного округа, виленский генерал-губернатор (1855–1863), с 1861 г. — член Государственного совета.
- ¹⁶⁰ *Норов* Авраам Сергеевич (1795–1869) — государственный деятель, действительный статский советник (1856), министр народного просвещения в 1854–1858 гг., член Государственного совета с 1854 г., родственник А. И. Кошелева.
- ¹⁶¹ Фанариоты — жители греческого квартала Фанара в Константинополе, в котором размещалась резиденция константинопольского патриарха; в XVIII–XIX вв. так называли богатых греков, играющих главенствующую роль в жизни христианской общины Османской империи. Их засилье на

высших церковных должностях вызывало недовольство славянского духовенства и верующих, которые стремились к созданию национальных православных церквей. В защиту последних и выступил в своей статье А. С. Хомяков.

¹⁶² *Толстой Александр Петрович* (1801–1873) — граф, государственный деятель, генерал-лейтенант (1856), обер-прокурор Синода (1856–1862), член Государственного совета с 1862 г.

¹⁶³ Рескрипт императора Александра II от 20 ноября 1857 г. виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову разрешал дворянам подчиненных ему Виленской, Ковенской и Гродненской губерний приступить к образованию комитетов под председательством предводителей дворянства для составления проектов освобождения крестьян.

¹⁶⁴ Письмо к Ростовцеву о способе увольнения помещичьих крестьян от крепостной зависимости ныне вошло во второе издание первого тома Сочинений А. С. Хомякова. Письмо это до такой степени замечательно, что Я. И. Ростовцев, как мы слышали от лиц к нему близких, выражал намерение пригласить Хомякова к участию в трудах Редакционных комиссий; но приглашение это почему-то не состоялось (*прим. П. И. Бартенева*, издателя «Русского архива»).

¹⁶⁵ Алеутские острова — архипелаг в Тихом океане у берегов Северной Америки, до 1867 г. вместе с Аляской принадлежали России.

¹⁶⁶ *Кирилл Иерусалимский* (315–386) — епископ Иерусалимский, известный проповедник, ему приписывают 23 поучения, разъясняющих Символ веры, и две беседы на Евангельские темы («О расслаблении» и «О претворении воды в вино в Кане»).

Об общинном землевладении в России

Печатается по первому изданию: *Кошелев А. И.* Об общинном землевладении в России. Berlin: [Тип. П. Станкевича], 1875. С. 1–77.

Опубликованная в Берлине в 1875 г. отдельной брошюрой, эта работа была написана Кошелевым в деревне (имение Песочня), где автор не всегда имел в своем распоряжении необходимые источники и цифровые данные. Как и в других работах, Кошелев прибегает здесь к своему излюбленному полемическому приему: он обстоятельно, одно за другим рассматривает и опровергает возражения или обвинения, выдвинутые оппонентами. В данном случае он подкрепляет свои положения ссылками на только что вышедшую в свет книгу известного бельгийского публициста профессора Э. Лавелэ «Первобытные формы собственности» (Париж, 1874), в которой показано, что коллективные формы поземельной собственности в древности были

присущи всем европейским народам, а у многих из них сохранились и в конце XIX в. — как наиболее справедливые и соответствующие интересам земледельцев. Следуя славянофильской традиции, Кошелев считал сохранение общинного землевладения важнейшим условием стабильности и будущего процветания России. В дополнение к этому автор рассматривал в своей брошюре вопросы об условиях выхода крестьян из сельских обществ и о крестьянских семейных разделах.

Известно, что работы Кошелева «Об общинном землевладении в России» и «Наше положение» конспектировал К. Маркс в период работы над первым томом «Капитала».

¹⁶⁷ Остзейские бароны — закрепившееся в русской публицистике XIX в. образное название для обозначения немецкого дворянства Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний, которые назывались остзейскими губерниями (от немецкого названия Балтийского моря).

¹⁶⁸ Calomniez, calomniez sans cesse, il en restera toujours quelque chose! (*фр.*) — клеветайте, клеветайте без конца, что-нибудь всегда останется.

¹⁶⁹ Commune (*фр.*) — коммуна, орган местного самоуправления во Франции.

¹⁷⁰ Gemeinde (*нем.*) — община, орган местного самоуправления в Германии.

¹⁷¹ Гакстгаузен Август (1792–1866) — немецкий писатель, барон; в 1843–1844 гг. путешествовал по России. В конце 1840-х — начале 1850-х гг. опубликовал исследование о русской поземельной общине, что способствовало привлечению научного и общественного внимания к существованию сельской общины в русской деревне.

¹⁷² Кавур Камилло Бенсо (1810–1861) — граф; государственный деятель Пьемонта. В марте 1861 г. стал первым премьер-министром объединенной Италии.

¹⁷³ Pia desideria (*лат.*) — благие пожелания.

¹⁷⁴ «Русский мир» — газета политики и литературы, которая выходила в Петербурге в 1871–1880 гг., редактор Д. Стахеев, издатели Н. Дементьев и Х. Небе. Издание прекращалось цензурой в марте-июне 1875 г. и феврале-декабре 1879 г. С октября соединилась с газетой «Биржевые ведомости» и продолжалась под этим названием.

Общая земская дума в России

Печатается по первому изданию: Кошелев А. И. Общая земская дума в России: Дополнение к книге «Наше положение». Berlin: Buchdr. von P. Stankiewicz, 1875. С. 1–82.

Брошюра была издана в Берлине летом 1875 г.; она является логическим продолжением книги «Наше положение» (Берлин, 1875). Как и многие другие свои произведения, отпечатанные за границей, Кошелев отправил один ее экземпляр на имя императора. В содержании данной книги много общего с более ранними работами, такими, как, например, «Конституция, самодержавие и земская дума». Однако годы, прошедшие после публикации его ранних заграничных брошюр, оказали на автора определенное влияние. Кошелев излагает менее эмоционально. Он выступает с программой преобразования государственного управления, в конечном успехе которой вполне уверен.

В первых двух частях брошюры Кошелев излагает свои мысли о самодержавии и Общей земской думе, как взаимодополняющих частях государственного механизма России. В последующих частях (III–V) рассматриваются вопросы о составе, предметах ведения и порядке делопроизводства в земской думе. Это — уже готовый проект, хотя и не облеченный в форму юридического документа, но вполне законченный в своих принципиальных положениях. В заключении работы мы вновь встречаем известный кошелевский прием — он уверяет власть в том, что от создания Общей земской думы она много выиграет и сможет избежать опасностей и неудобств, происходящих «только от неведения, беспомощности и одиночества».

Следует заметить, что серия заграничных брошюр А. И. Кошелева была встречена в правительственных кругах более чем холодно. Очень негативно и жестко высказался об этих работах П. А. Валуев в анонимной брошюре «Русские заграничные публицисты» (Берлин, 1876).

¹⁷⁵ *Констан де Ребек* (Constant de Rebecque) Бенжамен Анри (1767–1830) — французский писатель и публицист, общественный и политический деятель, по происхождению швейцарец. Один из первых представителей либерального направления общественной мысли во Франции в первой трети XIX в. и один из первых теоретиков конституционного права в Европе. Его политические и художественные произведения оказали заметное влияние на русских современников. См.: *Калиникова Н. Г.* Восприятие творчества Бенжамена Констана в России первой половины XIX в.: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1993.

¹⁷⁶ Речь идет о приглашении Верховным тайным советом на престол Российской империи в 1730 г. Анны Иоанновны.

¹⁷⁷ *Ad hoc* (лат.) — для данного случая, для этой цели.

¹⁷⁸ *Меттерних* (Metternich) Клименс (1773–1859), князь — австрийский государственный деятель и дипломат, фактически руководитель австрийского правительства в 1809–1848 гг., один из создателей Священного союза.

- ¹⁷⁹ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — князь, дипломат и государственный деятель, министр иностранных дел в 1856–1882 гг., канцлер (1867).
- ¹⁸⁰ *La Russie se recueille* (фр.) — «Россия сосредотачивается», известное выражение князя А. М. Горчакова, употребленное для разъяснения внешнеполитического курса Российской империи в ноте от 21 августа (2 сентября) 1856 г.
- ¹⁸¹ *Tiers-état* (фр.) — среднее сословие.
- ¹⁸² *Plus royaliste que le roi* (фр.) — больший роялист, чем сам король.
- ¹⁸³ *Deus ex machina* (лат.) — бог из машины; выражение, восходящее к традициям античного театра и обозначающее неожиданное появление на сцене в ходе спектакля богов. В Новое время выражение стало обозначать неожиданное разрешение ситуации, которое вытекает не из естественного хода событий, а является чем-то искусственным, вызванным вмешательством извне.

Что же теперь делать?

Печатается по первому изданию: Что же теперь делать? Berlin: V. Behr (E. Bock), 1879. С. 1–71.

Эта брошюра Кошелева, завершение которой сам автор датировал 6 августа 1879 г., вышла в свет в период начинавшегося в России политического кризиса. В ней автор попытался проанализировать его причины и способы преодоления. Кошелев писал в «Записках»: «Еще зимой я задумал написать новую брошюру по поводу тяжкого переживаемого нами времени и напечатать ее в Берлине. Во время моих переездов в вагоне я много об этом думал и в Москве, и Петербурге, старался из газет и разговоров почерпнуть необходимые по разным предметам данные и сообразить их с собственными сведениями и понятиями. В Берлине я занялся почти исключительно чтением разных русских вновь вышедших в свет книг, книжек и газет, запрещенных в России; также купил и взял с собою некоторые немецкие сочинения о современном положении и о социалистических движениях» (Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 160).

Брошюра состоит из трех частей. В первой — автор подвел итоги внутренней политики России на протяжении 25 лет царствования Александра II. Последовательно рассмотрев состояние крестьянского самоуправления, земских учреждений, реализацию судебной реформы, положение народного просвещения и периодической печати, различные аспекты финансовых проблем (курс российского рубля, бюджет, налоги), политические последствия русско-турецкой войны, Кошелев приходит к неутешительным выводам. Главную причину неустройства он видел в бюрократической отчужденности

власти от народа, что, по его мнению, было связано с произошедшим в 1866 г. «крутым поворотом в системе правительственной деятельности» и распространении «зловредных учений социализма-нигилизма» (Кошелев А. И. Что же теперь делать? Берлин, 1879. С. 6, 60).

Во второй части автор рассматривает причины появления нигилизма. Социализм как теорию и как практические действия в странах Западной Европы он расценивал как порождение существовавших там социальных противоречий. В России распространение подобных взглядов трактуется им как проявление нигилизма, стремление к бездумному разрушению, возникшее вопреки народным потребностям. Упрочение в России социалистического учения он считал не результатом развития общества, а следствием ошибочной политики правительственных кругов, всеобщей неудовлетворенности бюрократическим характером управления и отказом от преобразований.

В третьей части Кошелев доказывает недостаточность административно-полицейских мер борьбы с нигилизмом и предлагает программу политических преобразований, направленных на развитие российского общества. Первоочередными шагами в этом направлении он считал предоставление населению России гражданских свобод, развитие местного самоуправления, учреждение общероссийского представительного органа — Общей земской думы, обеспечение свободы печати с ответственностью издателей и авторов только по суду.

По мнению самого Кошелева, главный смысл ее высказан был в заключении: «Да! Положение наше более чем трудно. Тревожит нас нигилизм; но эта язва поразила тело России только извне и только вследствие других недугов, которыми мы действительно страдаем. Обеспечьте наш частный быт; осуществите местное самоуправление согласно первоначальной мысли, его нам даровавшей; дайте земле русской возможность через людей, ею излюбленных, высказывать общественное мнение о пользах и нуждах страны и участвовать в устройстве и ведении ее общих дел; предоставьте русским людям то право, которым пользуются граждане всего образованного мира — право свободно и за свою ответственность высказывать свои мнения и чувства; и не станет у нас нигилизма и что еще важнее — не станет и других недугов, нас томящих, обессиливающих и убивающих» (Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 161).

¹⁸⁴ *Вольтер* (наст. фам. и имя Аруэ Франсуа-Мари, 1694–1778) — один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII в.

¹⁸⁵ *Монтескье* Шарль Луи (1689–1755) — французский философ и просветитель.

¹⁸⁶ *Беккариа* (Беккариа) Чезаре (1738–1794) — итальянский просветитель и юрист, родился и жил в Милане. В трактате «О преступлениях и наказаниях» (1764) одним из первых в Европе выступил с аргументированной

критикой средневекового инквизиционного процесса, выдвинул тезис о необходимости соизмерять преступления и наказания, требовал ограничения сферы применения смертной казни и равенства сословий перед судом. Это произведение стало одной из самых популярных книг эпохи Просвещения, а сформулированные в ней идеи легли в основу современного уголовного права. Многие положения книги Беккариа использовались Екатериной II при составлении «Наказа Уложенной комиссии» (1776) (см.: *Берков П. Н.* Книга Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» в России // Россия и Италия. М., 1968).

¹⁸⁷ *Аракчеев* Алексей Андреевич (1769–1834) — военный и государственный деятель, граф (1799), генерал от артиллерии (1807), военный министр (1808–1810), председатель Департамента военных дел Государственного совета (с 1815 г.), надзирал за делами Комитета министров (с 1815 г.), главный начальник военных поселений (с 1821 г.), один из приближенных императоров Павла I и Александра I; для современников и потомков стал олицетворением консервативно-охранительной тенденции во внутренней политике Российской империи (См.: *Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997).

¹⁸⁸ *Магницкий* Михаил Леонтьевич (1778–1844) — публицист и государственный деятель, действительный статский советник (1810), один из сподвижников М. М. Сперанского, вместе с которым был уволен. В 1812–1816 гг. находился в ссылке. С 1819 г. — попечитель Казанского учебного округа, получил широкую известность как символ консервативной политики последнего десятилетия правления Александра I (См.: *Феоктистов Е. М.* Магницкий. СПб., 1865; *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998).

¹⁸⁹ *Лафайет* Мари Жозеф (1757–1834) — маркиз, французский политический деятель либерального направления, командующий Национальной гвардией в начале Великой французской революции и во время Июльской революции 1830 г.

¹⁹⁰ *Мирабо* де Габрееле Оноре Рикетти (1749–1791) — граф, политический деятель эпохи Великой французской революции.

¹⁹¹ См. комм. 175. Говоря о конституции, которую отвозили «на просмотр в Париж», Кошелев имеет в виду проект «Государственной Уставной грамоты Российской империи», подготовленный в 1818–1820 гг. по приказу императора Александра I Н. Н. Новосильцевым и П. А. Вяземским.

¹⁹² *Гагарин* Павел Петрович (1789–1872) — князь, государственный деятель, действительный тайный советник I-го класса (1868). Как член Главного комитета по крестьянскому делу (1857–1861) выступал с консервативных

позиций, инициатор включения в проект крестьянской реформы положения о дарственном наделе, с февраля 1864 г. председатель Комитета министров и Государственного совета.

¹⁹³ *Любоцинский* Марк Николаевич (1816–1889) — государственный деятель, действительный тайный советник (1879), с 1845 г. служил по ведомству Министерства юстиции, член Редакционных комиссий, участвовал в подготовке судебной реформы, сенатор (1863), член Государственного совета (1881), председатель Комиссии по обсуждению вопроса об устройстве волостных судов и исследованию их положения в различных местностях России (с 1872 г.) (См.: *Земцов Л. И.* Комиссия М. Н. Любоцинского. К истории обследования волостных судов 1872 г. // Вехи минувшего. Вып. 2. Липецк, 2000).

¹⁹⁴ «Процесс 193-х» — судебный процесс, на котором 193 революционера-народника, участники «хождения в народ», предстали перед Особым присутствием Правительствующего Сената; к каторге были приговорены 13 человек, большинство отправлены в ссылку, около 90 подсудимых оправданы.

¹⁹⁵ Речь идет о товарище обер-прокурора Сената В. А. Желеховском, который являлся обвинителем на «процессе 193-х».

¹⁹⁶ *Пален* Константин Иванович фон дер (1830–1912) — государственный деятель, действительный тайный советник (1878), министр юстиции с октября 1867 по май 1878 г. Его сменил Д. Н. Набоков, который занимал эту должность до ноября 1885 г.

¹⁹⁷ Имеется в виду Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — публицист и издатель журнала «Русский вестник» (с 1856 г.) и газеты «Московские ведомости» (1851–1855, 1863–1887).

¹⁹⁸ Временные положения о печати «были изданы в виде опыта в 1865 г., но затем просуществовали без значительных изменений сорок лет» (*Корнилов А. А.* Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 261). Они устанавливали, что для оригинальных книжных изданий объемом более 10 листов и переводных — более 20 листов предварительная цензура не требовалась. Наличие предварительной цензуры для периодических изданий зависело от решения министра внутренних дел, первоначально от нее были освобождены издания, выходящие в столицах.

¹⁹⁹ «Московские ведомости» — одна из старейших газет России, выходила с 1756 по 1917 г.; с 1863 г. под руководством М. Н. Каткова стала главным печатным рупором консервативно-охранительного направления.

²⁰⁰ «Донская газета» — издавалась в Новочеркасске в 1873–1879 гг. (с 1873 г. еженедельно, с 1875 г. — 2 раза в неделю), придерживалась умеренно-

либеральных позиций и подвергалась цензурным гонениям (См.: *Станько А. И.* Журналистика Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1990).

- ²⁰¹ Податная комиссия — создана для пересмотра налоговой системы в 1865 г.
- ²⁰² Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.
- ²⁰³ *Malaise* (фр.) — недомогание.
- ²⁰⁴ *Грейг* Самуил Алексеевич (1827–1887) — государственный деятель, генерал от инфантерии (1874), с 1866 г. служил в Министерстве финансов, с июля 1878 г. по октябрь 1880 г. — министр финансов.
- ²⁰⁵ То есть императору.
- ²⁰⁶ 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозов совершил покушение на Александра II.
- ²⁰⁷ Прелиминарный — предварительный.
- ²⁰⁸ Сан-Стефанский договор между Россией и Турцией был заключен в марте 1878 г., ознаменовав завершение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и политически закрепив успехи русского оружия.
- ²⁰⁹ Берлинский конгресс 1878 г. — международная конференция, созванная по настоянию европейских держав для пересмотра условий Сан-Стефанского договора; подписанный в итоге его Берлинский трактат в России расценили как политическое поражение.
- ²¹⁰ Парижский трактат 1856 г., завершивший Крымскую войну 1853–1856 гг.
- ²¹¹ *Дизраэли* (лорд Биконсфильд) Бенджамен (1804–1881) — британский государственный деятель. Выходец из еврейской семьи, переселившейся в Англию в 1780-х гг., приобрел известность как писатель-романист, вначале примкнул к партии вигов, затем перешел к консерваторам и сделал блестящую политическую карьеру. С 1852 г. неоднократно занимал министерские посты, с 1869 г. — лидер партии консерваторов в парламенте, в 1868 и 1874–1881 гг. — премьер-министр Великобритании. Способствовал укреплению Британской колониальной империи, в период Восточного кризиса 1870-х гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. принадлежал к числу самых активных противников России, в частности являлся инициатором отправки британской эскадры в Мраморное море в феврале 1878 г.
- ²¹² *Бисмарк* фон Шенхаузен Отто (1815–1898) — германский государственный деятель, князь, канцлер Германской империи (1871–1890), осуществил объединение Германии вокруг Пруссии.
- ²¹³ *Андраши* Дьюла Старший (1823–1890) — граф, государственный деятель Австро-Венгрии, венгр по происхождению. Активно участвовал в рево-

люции 1848 г., заочно приговорен к смертной казни. Вернувшись после амнистии, стал сотрудничать с властями Австрийской империи, после ее преобразования в Австро-Венгрию стал первым председателем Совета министров Венгрии (1867–1871), министр иностранных дел Австро-Венгрии (1871–1879). Добился оккупации австро-венгерскими войсками Боснии и Герцеговины, инициатор созыва Берлинского конгресса 1878 г. и заключения военного союза с Германией в 1879 г.

²¹⁴ Румыния — возникла в 1863 г. после объединения княжеств Валахии и Молдавии (с 1829 г. автономные части Османской империи), по решению Берлинского конгресса 1878 г. стала независимым государством.

²¹⁵ Сербия — получила статус автономного княжества в 1830–1833 гг., по решению Берлинского конгресса 1878 г. стала независимым государством.

²¹⁶ Черногория — с 1796 г. фактически была независима от Османской империи; юридически была признана независимой по решению Берлинского конгресса 1878 г.

²¹⁷ Босния и Герцеговина — страны на Балканском полуострове, восстание в которых в 1875 г. положило начало Восточному кризису 1870-х гг., приведшему к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По решению Берлинского конгресса 1878 г. были оккупированы Австро-Венгрией, которая аннексировала их в 1908 г.

²¹⁸ *Мезенцев Николай Владимирович* (1827–1878) — государственный деятель, генерал-лейтенант (1873). С декабря 1876 г. — шеф корпуса жандармов и начальник III отделения Собственной е. и. в. канцелярии. Смертельно ранен членом «Народной воли» С. М. Кравчинским 4 августа 1878 г.

²¹⁹ *Краноткин Дмитрий Николаевич* (1836–1879) — князь, харьковский генерал-губернатор с 1870 г., убит народником Г. Д. Гольденбергом 9 февраля 1879 г.

²²⁰ *Трепов Федор Федорович* (1812–1889) — градоначальник Санкт-Петербурга (1873–1878). 24 января 1878 г. в него стреляла В. И. Засулич; был ранен.

²²¹ *Дрентельн Александр Романович* (1820–1888) — военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1878), шеф корпуса жандармов и начальник III отделения Собственной е. и. в. канцелярии с сентября 1878 г. по февраль 1880 г.

²²² 2 апреля 1879 г. народник А. К. Соловьев совершил около Зимнего дворца покушение на императора Александра II.

²²³ Катедер-социалисты — общественно-политическое течение в Германии второй половины XIX в. Название происходит от немецкого слова «кафе-

дра», поскольку к этому течению принадлежали многие ученые и преподаватели университетов. Катедер-социалисты выступали за усиление государственного регулирования в экономике и за переход под его контроль отдельных отраслей, считая это главным способом преобразования общества в духе социализма.

²²⁴ Уличные бои в ходе подавления Парижской Коммуны в мае 1871 г. сопровождались крупными пожарами, в возникновении которых обвиняли революционеров.

²²⁵ *Вильгельм I* Гогенцоллерн (1797–1888) — король Пруссии с 1861 г., император Германии с 1871 г. В 1878 г. на него были совершены в Берлине два покушения: 11 мая — ремесленником-жестянщиком Э. Геделем и 2 июня — доктором К. Э. Нобилингом.

²²⁶ В 1878 г. Бисмарк провел через парламент «Закон против вредных и опасных стремлений социал-демократов» (Исключительный закон против социалистов), который действовал до 1890 г. и запрещал создание организаций, проведение собраний, издательскую и другую деятельность, имеющую социалистическую направленность.

²²⁷ *Kulturkampf* (нем.) — «борьба за культуру», политика, проводимая в 1870-е гг. канцлером Германии О. Бисмарком и направленная против влияния католической церкви, поддерживающей сепаратистские стремления части населения. Начало этой политики положил закон 1871 г., вводивший уголовное наказание за проповеди, угрожающие общественному порядку.

²²⁸ «Набат» — журнал, издававшийся в Женеве в 1875–1881 гг. под ред. П. Н. Ткачева, К. М. Турского, П. В. Григорьева, выражал взгляды «заговорщического» направления в революционном народничестве.

²²⁹ *Sa raison d'être* (фр.) — смысл жизни, право на существование, разумное основание.

²³⁰ *Толстой* Дмитрий Андреевич (1823–1889) — граф, государственный деятель, действительный тайный советник (1872), министр народного просвещения с апреля 1866 г. по апрель 1880 г., министр внутренних дел с мая 1882 г. по апрель 1889 г. (см.: *Степанов В. Л. Д. А. Толстой // Российские консерваторы. М., 1997*).

²³¹ См. комм. 222.

²³² Указ 5 апреля 1879 г. об учреждении временных генерал-губернаторств; последние получили право ареста, административной ссылки и предания военному суду гражданских лиц. В тексте брошюры Кошелева ошибочно написано об указе от 8 апреля 1879 г.

²³³ Dans le concert européen (*фр.*) — «в европейском концерте»; термин, вошедший в политическую лексику после Венского конгресса 1815 г., означает систему международных отношений, основанную на гегемонии в Европе пяти великих держав (Великобритании, Франции, Австрии (Австро-Венгрии), Пруссии (Германии с 1871 г.), России, находящихся между собой в неустойчивом равновесии.

Где мы? Куда и как идти?

Печатается по первому изданию: *Кошелев А. И.* Где мы? Куда и как идти? Berlin: V. Behr (E. Bock), 1881. С. 1–72.

Эта брошюра была опубликована в 1881 г. и стала первым откликом Кошелева на начало нового царствования. В мае 1881 г. Кошелев уехал за границу. Значительную часть лета он провел на немецком курорте Шлангенбаде, где находился вышедший 1 мая 1881 г. в отставку М. Т. Лорис-Меликов. Кошелев вспоминал: «Мы вместе ежедневно обедали, иногда гуляли и часто проводили вечера в живой беседе. Чем более я узнавал этого человека, тем лучше производил он на меня впечатление» (*Записки Александра Ивановича Кошелева.* С. 172). В литературе высказывалось мнение, что эта книга «была их совместным трудом, о чем свидетельствует ее содержание. Лорис-Меликов, внезапно отправленный в отставку, не успел осуществить своих замыслов. В новом положении ему неловко было обращаться к царю и своему преемнику графу Н. П. Игнатьеву с советами, поэтому вполне логично предположить, что он воспользовался услугами своего единомышленника, независимого либерала Кошелева, и в брошюре, подписанной его именем, обратился к новой администрации со своими рекомендациями» (*Дудзинская Е. А., Коновалов В. И.* А. И. Кошелев // *Вопросы истории.* 2000. № 8. С. 91). По мнению автора книги, главная мысль и цель ее состояла в том, чтобы «выразить то невыносимое положение, в котором мы тогда находились, и еще раз, и как можно сильнее, указать, что единственное для нас спасение есть созыв общей земской думы. Я высказывался вполне за самодержавие, против бюрократии и конституции и за прекращение той неизвестности и неопределенности, которая, после 1-го мая, душили Россию» (*Записки Александра Ивановича Кошелева.* С. 172).

Книга состоит из семи небольших глав. В первой автор дает анализ причин распространения в России нигилизма. Следующая рассматривает три существующих в стране общественно-политических направления: консервативное, радикальное и либеральное. Здесь изложена и оценка Кошелевым славянофильства, которое он считал одним из оттенков либерального направления. Последующие две главы посвящены анализу различных сторон жизни (городские и земские органы самоуправления, финансы и развитие экономики). В пятой главе обосновывалась необходимость продолжения реформирования страны. В следующей — намечалась программа первооче-

редных преобразований, которая включала 8 пунктов: 1) свободу печатного слова; 2) обеспечение свободы личности; 3) перевод временнообязанных крестьян на обязательный выкуп и уменьшение выкупных платежей; 4) борьбу с обеднением крестьянства путем организации переселения и помощи в покупке земли; 5) отмену подушной подати; 6) сокращение государственных расходов; 7) преобразование губернского и уездного управления и, прежде всего, полиции; 8) пересмотр положений о земском и городском самоуправлении.

В заключительной главе Кошелев заявляет о необходимости предоставить обществу возможность «высказывать прямо Верховной власти наши нужды, желания, чувства и мнения. И чтобы Верховная власть могла узнавать прямо от нас, что нам требуется, как дела идут в стране, и что и как следует устраивать для общего блага в обширной и разнообразной нашей империи» (Кошелев А. И. Где мы? Куда и как идти? Berlin, 1881. С. 61). Сделать это он предполагал путем создания Общей земской думы, созданной из числа гласных, избираемых губернскими земскими собраниями.

²³⁴ In statu quo [ante] (лат.) — первоначальное положение.

²³⁵ Nihil (лат.) — ничто, ничего. Производный от этого слова термин «нигилист» широко использовался в русской публицистике и художественной литературе второй половины XIX в. для обозначения сторонников революционных настроений.

²³⁶ Редсток Гренвилл Вальдгрёв (1831–1913) — британский религиозный проповедник, в 1874–1876 гг. успешно проповедовал в Петербурге в аристократических кругах протестантскую трактовку христианского вероучения; был выслан из России. Его последователи получили название «пашковцы» (по имени одного из обращенных — гвардейского полковника В. А. Пашкова, активного пропагандиста учения Редстока), которые стали одними из первых групп евангельских христиан (баптистов) в России.

²³⁷ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — революционер, один из идеологов революционного народничества, теоретик анархизма.

²³⁸ Здесь содержится намек на политику графа Д. А. Толстого, уволенного в апреле 1880 г. с должности министра народного просвещения.

²³⁹ Валуев Петр Александрович (1814–1890) — государственный деятель, действительный тайный советник (1866), граф (1880), министр внутренних дел с апреля 1861 г. по март 1868 г., министр государственных имуществ с апреля 1872 г. по декабрь 1879 г., председатель Комитета министров с декабря 1879 г. по октябрь 1881 г.

²⁴⁰ Тимашев Александр Евгеньевич (1818–1893) — государственный деятель, министр внутренних дел с марта 1868 г. по ноябрь 1878 г.

- ²⁴¹ *Маков Лев Саввич* (1830–1883) — государственный деятель, действительный тайный советник (1880), министр внутренних дел с ноября 1878 г. по август 1880 г.
- ²⁴² Ведро — мера объема жидкостей, равняется 12,3 л.
- ²⁴³ Компанейская служба — имеется в виду служба в частных коммерческих компаниях.
- ²⁴⁴ Речь идет об Александре II.
- ²⁴⁵ Здесь содержится намек на разрабатываемые по инициативе М. Т. Лорис-Меликова планы государственных преобразований, к поддержке которых стал склоняться Александр II накануне событий 1 марта 1881 г. Они состояли в создании двух подготовительных комиссий (административно-хозяйственной и финансовой) и общей комиссии с участием представителей земств и крупных городов для обсуждения законопроектов. «...Проект предусматривал участие представителей цензовой общественности в разработке и обсуждении части законопроектов вплоть до последней стадии обсуждения — в общем собрании Государственного совета» (*Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978 г. С. 129). См. также: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.
- ²⁴⁶ Имеется в виду покушение на Александра II 1 марта 1881 г.
- ²⁴⁷ По инициативе М. Т. Лорис-Меликова в августе 1880 г. III отделение Собственной е. и. в. канцелярии было ликвидировано, а его функции переданы созданному при Министерстве внутренних дел Департаменту полиции.
- ²⁴⁸ Речь идет о деятельности генерала Тотлебена Эдуарда Ивановича (1818–1884) в качестве временного одесского генерал-губернатора с апреля 1879 г. по май 1880 г. Военный инженер, прославившийся при обороне Севастополя в годы Крымской войны (1853–1856) и осаде Плевны в годы русско-турецкой войны (1877–1878); в качестве генерал-губернатора вызвал недовольство общественности своим административным произволом.
- ²⁴⁹ *A priori* (лат.) — независимо от опыта.
- ²⁵⁰ «Русь» — еженедельная политическая и литературная газета, издавалась в 1864 г. в Санкт-Петербурге еженедельно. Издатель-редактор В. В. Бажанов.
- ²⁵¹ «Земство» — еженедельная политическая и общественная газета, издавалась в Москве с 3 декабря 1880 по 3 июля 1882 г. Редактор-издатель В. Ю. Скалон. Издавалась на средства Кошелева, который принимал участие в редактировании газеты и поместил в ней много статей.

- ²⁵² Председателем департамента Государственного совета по государственной экономии являлся в 1874–1880 гг. А. А. Абаза.
- ²⁵³ Речь идет об Александре III.
- ²⁵⁴ Об этих ревизиях см.: *Большов В. В.* Материалы сенаторских ревизий 1880–1881 гг. как источник по истории местного управления России // *Вестн. Моск. ун-та. Серия истории.* 1976. № 4.
- ²⁵⁵ Западные губернии — территории, вошедшие в состав Российской империи в ходе разделов Польши в 1772, 1793, 1795 гг., а именно Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская (в настоящее время Литва и Белоруссия) и Волынская, Киевская, Подольская губернии (охватывающие территорию Правобережной Украины).
- ²⁵⁶ Привисленские губернии — территория великого герцогства Варшавского, вошедшая в состав Российской империи в 1815 г.; после подавления польского восстания 1863 г. в официальных документах название «Польша» было заменено термином «Привисленские губернии». К ним относились Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская и Сувальская губернии, объединенные под властью варшавского генерал-губернатора.
- ²⁵⁷ Прибалтийские губернии — к ним относили в ту эпоху Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую губернии. Гродненская и Ковенская губернии, куда входили территории современной Литвы, именовались вместе с большей частью территории Белоруссии Северо-Западным краем.
- ²⁵⁸ Речь идет об увольнении графа Д. А. Толстого с должности министра народного просвещения в апреле 1880 г.
- ²⁵⁹ См. комм. 229.
- ²⁶⁰ Речь идет о приглашении экспертов из числа предводителей дворянства и председателей земских управ в мае 1881 г. для участия в совещании министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ по вопросу о переводе временнообязанных крестьян на выкуп.
- ²⁶¹ Речь идет о проекте созыва Земского собора, предложенном министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым в первой половине 1882 г. (См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964; *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978).

Что же теперь?

Печатается по первому изданию: *Кошелев А. И.* Что же теперь? Август 1882. Berlin: В. Behr (E. Bock), 1882. С. 1–87.

Эта брошюра, завершение работы над которой сам автор датировал первым августа 1882 г., оказалась последним политическим сочинением

Кошелева. Она была написана тогда, когда окончательно определился консервативный курс политики императора Александра III.

Брошюра состоит из трех частей. В первой подводится итог первых 15 месяцев правления Александра III. Во второй части основное внимание сосредоточено на критике консервативно-охранительного направления в политике и общественной мысли, олицетворением которой для автора являлись М. Н. Катков и граф Д. А. Толстой. Критически отзывался Кошелев и о планах созыва Земского собора, которые выдвигал отправленный в отставку министр внутренних дел Н. П. Игнатьев. В третьей части автор давал развернутую аргументацию в пользу созыва общероссийского представительного органа, состоящего из выборных от губернских земств.

В брошюре также была опубликована статья «О нынешнем положении сельского населения», в которой рассматривалось бедственное положение не только крестьян, но и «личных землевладельцев», то есть частных собственников земли, включая дворянство.

²⁶² Речь идет о покушении на императора Александра II 1 марта 1881 г.

²⁶³ После манифеста Александра III от 29 апреля 1881 г. в отставку подали министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, министр финансов А. А. Абаза и военный министр Д. А. Милютин, которые имели репутацию сторонников реформаторского направления в правительственных кругах. *Абаза* Александр Агеевич (1821–1895) — государственный деятель, действительный тайный советник (1874), государственный контролер в 1871–1874 гг., министр финансов с октября 1880 г. по май 1881 г. *Милютин* Дмитрий Алексеевич (1816–1912) — военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1896), военный министр с ноября 1861 г. по май 1881 г. (см.: *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952).

²⁶⁴ «Правительственный вестник» — официальная ежедневная газета, которая выходила в Санкт-Петербурге при Главном управлении по делам печати с 1869 по 1917 г.

²⁶⁵ О попытках привлечь «сведущих людей» к обсуждению налоговой реформы см.: *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

²⁶⁶ *Бунге* Николай Христианович (1823–1895) — ученый и государственный деятель, министр финансов с мая 1881 по декабрь 1886 г., внес большой вклад в экономическое развитие России (См.: *Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге. Судьба русского реформатора. М., 1998).

²⁶⁷ По инициативе Н. Х. Бунге в мае 1882 г. был создан Крестьянский поземельный банк (См.: *Проскуракова Н. А.* Крестьянский поземельный банк (1883–1916 гг.) // Отечественная история. 1998. № 3). В 1885 г. к нему добавился Государственный Дворянский земельный банк.

- ²⁶⁸ До перехода в 1880 г. на службу в Министерство финансов Н. Х. Бунге сделал академическую карьеру: с 1852 г. — профессор, а в 1859–1860, 1871–1875, 1878–1880 гг. — ректор Киевского университета.
- ²⁶⁹ *Каханов* Михаил Семенович (1833–1900) — государственный деятель, действительный тайный советник (1880), статс-секретарь (1873), управляющий делами Комитета министров (1875), товарищ министра внутренних дел (август 1880 — июнь 1881), член Государственного совета (1881), один из ближайших сотрудников М. Т. Лорис-Меликова, один из представителей либеральной бюрократии. В октябре 1881 — апреле 1885 г. — председатель Особой комиссии для составления проектов местного управления, созданной по инициативе министра внутренних дел Н. П. Игнатьева (Кахановская комиссия). Подготовленный комиссией к осени 1884 г. проект предусматривал создание всеобщих сельских общин и волостей как административно-территориальных единиц, реорганизацию уездной полиции, создание уездных и губернских присутствий (Обзор трудов Высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Каханова Особой комиссии. Т. 1–2. СПб., 1908). Подвергся критике со стороны консервативных членов комиссии из числа губернаторов и представителей дворянства, которые требовали расширения привилегий дворянства и исключения положений о всеобщих волостях и сельских обществах. Эти возражения легли в основу проектов контрреформ 1880-х гг. Комиссия прекратила деятельность по приказу Александра III, подготовленный проект реформы местного управления не был реализован (См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964; *его же.* Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970; *Большов В. В.* Кахановская комиссия (1881–1885). К вопросу о внутренней политике самодержавия первой половины 80-х гг. XIX в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1978).
- ²⁷⁰ Имеется в виду *Набоков Дмитрий Николаевич* (1826–1904) — государственный деятель, министр юстиции с 1878 по 1885 г.
- ²⁷¹ 4 апреля 1866 г. членом кружка ишутинцев Д. В. Каракозовым было совершено неудачное покушение на императора Александра II.
- ²⁷² Речь идет об издаваемых М. Н. Катковым «Московских ведомостях».
- ²⁷³ *De facto* (лат.) — де факто, на деле, фактически.
- ²⁷⁴ *Самарин* Юрий Федорович (1819–1876) — публицист и общественный деятель, один из идеологов славянофильства, участник подготовки отмены крепостного права (См.: *Самарин Ю. Ф.* Избранные произведения. М., 1996; *его же.* Статьи. Воспоминания, письма (1840–1876). М., 1997; *Назарова Т. А.* Общественно-политические взгляды Ю. Ф. Самарина. М., 1998).

- ²⁷⁵ 5 февраля 1880 г. произошел взрыв в Зимнем дворце, подготовленный членом «Народной воли» С. Н. Халтуриным. В тексте брошюры ошибочно напечатано 3 февраля.
- ²⁷⁶ Верховная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия — временный высший государственный орган под председательством М. Т. Лорис-Меликова; учреждена по указу императора Александра II от 12 февраля 1880 г. для «принятия решительных мер к подавлению возмутительных действий анархистов». Временно ей были подчинены III отделение Собственной е. и. в. канцелярии и корпус жандармов. По инициативе М. Т. Лорис-Меликова, III отделение ликвидировано 6 августа 1880 г. (См.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964).
- ²⁷⁷ Речь идет о деятельности М. Т. Лорис-Меликова в качестве временного самарского, саратовского и астраханского генерал-губернатора в январь-марте 1879 г. по борьбе с эпидемией чумы на Нижней Волге и временно-го харьковского генерал-губернатора в марте 1879 — феврале 1880 г. по борьбе с антиправительственными выступлениями, которые принесли ему общероссийскую известность умелого администратора, склонного к диалогу с обществом.
- ²⁷⁸ *Игнатъев* Николай Павлович (1832–1908), граф — дипломат и государственный деятель, генерал от инфантерии, его дипломатическая карьера длилась с 1853 по 1878 г. Принимал участие в заключении Пекинского договора 1860 г. с Китаем и Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. с Турцией. Вступив на престол, император Александр III назначил Игнатъева вначале министром государственных имуществ (март-май 1881 г.), а в мае 1881 г. — министром внутренних дел. Игнатъев выступил с проектом возрождения земских соборов, что вызвало активное противодействие сторонников консервативного курса в лице К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова и привело к отставке Н. П. Игнатъева в мае 1882 г. (См.: *Зайончковский П. А.* Попытка созыва земского собора и падение министерства Н. П. Игнатъева // История СССР. 1960. № 5).
- ²⁷⁹ *Impromptu* (*фр.*) — без подготовки, внезапно.
- ²⁸⁰ В данном случае легитимисты — сторонники возрождения во Франции монархии во главе с династией Бурбонов или Орлеанской династией, свергнутыми в ходе революций 1830 и 1848 гг.; империалисты — сторонники восстановления империи династии Наполеонов, свергнутой в 1871 г.
- ²⁸¹ В данном случае клерикалы — сторонники созданной при поддержке католической церкви партии Центра. Выступали за отделение ряда германских государств от Германской империи, против централизаторской политики О. Бисмарка.

Библиография

Кошелев А. И. Поездка русского земледельца в Англию и на всемирную выставку // Московский сборник. Вып. 1. М., 1852.

Кошелев А. И. Шесть недель в австрийских славянских землях. Письмо к А. С. Хомякову // Русская беседа. 1857. Кн. 4. С. 1–18.

Кошелев А. И. Депутаты и редакционные комиссии по крестьянскому делу. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1860.

Кошелев А. И. Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг: Ф. Вагнер, тип. Бера и Германна, 1862.

Кошелев А. И. Конституция, самодержавие и земская дума. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1862.

Голос из земства. [Сборник статей] А. И. Кошелева. М.: Тип. С. Готье, 1869.

Кошелев А. И. Наше положение. Berlin: V. Behr's Buchr. (E. Bock), 1874.

Кошелев А. И. Общая земская дума в России: Дополнение к книге «Наше положение». Berlin: Buchdr. von P. Stankiewicz, 1875.

Кошелев А. И. Об общинном землевладении в России. Berlin: [Тип. П. Станкевича], 1875.

Кошелев А. И. Мои воспоминания об А. С. Хомякове // Русский архив. 1879. Кн. 11. С. 265–276.

Кошелев А. И. Что же теперь делать? Berlin: V. Behr (E. Bock), 1879.

Кошелев А. И. Где мы? Куда и как идти? Berlin: V. Behr (E. Bock), 1881.

Кошелев А. И. Что же теперь? Август 1882. Berlin: V. Behr (E. Bock), 1882.

Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семьёю приложениями. Berlin: V. Behr's Verlag (E. Block), 1884.

Русское общество 40–50-х годов XIX в. Часть I. Записки А. И. Кошелева / Подготов. Н. И. Цимбаевым. М., 1991.

Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семьёю приложениями / Подг. Т. Ф. Пирожковой. М., 2002.

Письма

Письма А. И. Кошелева к А. Н. Попову // Русский архив. 1886. Кн. 3.

Письмо А. И. Кошелева к К. Д. Кавелину // Русская мысль. 1896. Кн. 2.

Письма А. И. Кошелева И. В. Киреевскому (1822–1828) // Русская литература. 2005. № 1. С. 96–124.

Указатель имен

- Аксаков И. С. — 28, 31, 173, 553, 566, 567, 573
Аксаков К. С. — 325, 326, 565
Александр I — 57, 63, 190, 379, 396, 397, 424, 425, 504, 527, 557, 568, 582
Александр II — 8, 17, 202, 426, 504, 521, 522, 527, 536, 556, 557, 561, 562, 577, 580, 584–586, 589, 591–593
Александр III — 28, 29, 590, 591–593
Альберт (Albert), принц Саксен-Кобург-Готский — 41, 554
Андраши (Andrássy) Д. Старший — 445, 584
Аракчеев А. А. — 425, 582
- Бакунин М. А. — 471, 588
Баргенов П. И. — 32, 577
Бедфорд (Bedford) — 42, 555
Беккария (Беккариа) (Beccaria) Ч. — 424, 581, 582
Бисмарк фон Шёнхаузен (Bismark, Schönhausen) О. — 445, 450, 493, 584, 586, 593
Блан (Blanc) Л. — 46, 555
Блудов Д. В. — 5, 323
Бунге Н. Х. — 591, 592
Бутков В. П. — 172, 566
- Валуев Д. А. — 325, 576
Валуев П. А. — 475, 579, 588
Василий Великий — 13
Велланский Д. М. — 323, 575
Веневитинов Д. В. — 323
Виельгорский М. Ю. — 323, 575
Вильгельм I (Wilhelm) Гогенцоллерн — 450, 586
Вольтер (Voltaire) А. Ф. М. — 424, 581
Вяземский П. А. — 575, 582
- Гагарин П. П. — 137, 141, 142, 146, 147, 427, 582
Гакстгаузен (Haxthausen) А. — 356, 578
- Геррес (Gorres) И. Й. — 12
Герцен А. И. — 325, 565, 567, 568, 576
Горчаков А. М. — 396, 580
Грановский Т. Н. — 325, 576
Грейг С. А. — 584
Григорий Богослов — 13
Гускиссон (Хаскиссон) (Huskisson) У. — 324, 576
- Дарю (Daru) Н. — 560
Дежарден (Кошелева) Д. Н. — 5, 11
Дизраэли (лорд Биконсфильд) (Disraeli, Lord Beaconsfield) Б. — 409, 445, 584
Домогальский — 217, 571
Дрентельн А. Р. — 446, 585
Дудзинская Е. А. — 7, 8, 587
Дюма — см. Дарю (Daru) Н. — 89, 560
- Екатерина II — 63, 361, 375, 378, 379, 395, 424, 425, 527, 582
Елагин В. А. — 325, 576
Елагина А. П. — 324, 325, 576
Ершов А. С. — 89, 560
- Журавский Д. И. — 80, 82–87, 89, 90–92, 94, 95, 97, 558
- Зволинский — 217, 571
- Игнатъев Н. П. — 28, 531, 587, 590–593
Иоанн Златоуст — 13
- Кавур (Cavour) К. Б. — 356, 357, 578
Каннинг (Canning) Дж. — 324, 576
Кант (Kant) И. — 12
Карамзин Н. М. — 11, 575
Карамзина Е. А. — 575
Катков М. Н. — 583, 591–593
Каханов М. С. — 518, 539, 541, 592
Киреевский И. В. — 8, 13, 324–326, 330, 576, 594
Кирилл Иерусалимский — 330, 577
Колюпанов Н. П. — 5, 6

- Констан де Ребек (Constant de Rebecque) Б. А. — 13, 385, 425, 579
- Кошелев А. И. — 5–32, 49, 94, 137, 139, 145–147, 213, 553, 554, 556–563, 565–568, 570–582, 586–591, 594
- Кошелев И. Р. — 5
- Кошелев Р. А. — 6
- Кошелева (Петрово-Соловово) О. Ф. — 5
- Крапоткин Д. Н. — 336, 339, 357, 358, 361, 362, 577
- Лавелэ Э. — 336, 339, 357, 358, 361, 362, 577
- Ланской С. С. — 142, 143, 147, 563, 564
- Лафайет (La Fayette) М. Ж. — 582
- Лорис-Меликов М. Т. — 27, 28, 518, 529, 587, 589, 591–593
- Любощинский М. Н. — 583
- Людвиг Филипп (Луи-Филипп) (Louis-Philippe) — 190, 387, 568
- Магницкий М. Л. — 425, 582
- Маков Л. С. — 475, 589
- Марченко К. И. — 77, 78, 558, 559
- Мезенцев Н. В. — 446, 585
- Мерзляков А. Ф. — 12
- Меттерних (Metternich) К. — 396, 425, 579
- Милль (Mill) Д. С. — 198, 569
- Милютин Н. А. — 9, 563, 565, 570, 591
- Мирабо (Mirabeau) де Г. О. Р. — 425, 582
- Монтескье (Montesquieu) Ш. Л. — 382, 424, 581
- Муравьев М. Н. — 153, 565
- Муханов П. А. — 323, 324, 575
- Назимов В. И. — 326, 576, 577
- Наполеон — 63, 68, 199, 424, 557, 568, 593
- Нарышкин М. М. — 12
- Нессельроде К. В. — 5
- Николай I — 128, 379, 425, 426, 504, 522, 556, 560, 564, 568
- Норов А. С. — 326, 576
- Норов В. С. — 12
- Нортумберланд (Northumberland), герцог — 42
- Оболенский Е. П. — 12
- Одоевский В. Ф. — 323, 575
- Окен (Oken) Л. — 12
- Орлов А. Ф. — 163, 563, 566
- Пален К. И. фон дер — 583
- Панин В. Н. — 153, 565
- Перовский Л. А. — 7
- Петр Великий — 63, 378, 424, 425, 566
- Пирожкова Т. Ф. — 5, 594
- Позен М. П. — 139, 147, 564
- Попов А. Н. — 325, 576, 594
- Попов И. П. — 9
- Пуцин И. И. — 12
- Редсток (Redstock) Г. В. — 468, 495, 588
- Ржевудский — 217, 571
- Рое-Коллара (Ройе-Коллар) (Royer-Collard) П.-П. — 13
- Россети (Россет) А. О. — 324, 575, 576
- Росси (Rossi) П. Л. О. — 12
- Ростовцев Я. И. — 136, 137, 139, 140, 143, 327, 562–565, 577
- Рылеев К. Ф. — 12
- Самарин Ю. Ф. — 292, 297, 298, 325, 525, 561, 592
- Свербеев Д. Н. — 325, 329, 576
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. — 564
- Смирнов Н. М. — 324, 575, 576
- Соловьев Я. А. — 85, 144, 565
- Тенгоборский Л. В. — 51, 53, 58, 95, 557
- Тимашев А. Е. — 475, 588
- Титов В. П. — 323, 575

Толстой А. П. — 326, 577
Толстой Д. А. — 503, 504, 529, 535, 586,
588, 590, 591
Тотлебен Э. И. — 589
Трепов Ф. Ф. — 446, 585

Унковский А. Н. — 137, 139, 145, 147,
149, 561, 564

Фихте (Fichte) И. Г. — 12
Фоше (Faucher) Л. — 58, 557

Хомяков А. С. — 8, 13, 14, 323–331,
559, 565, 575, 577, 594
Хомяков Ф. С. — 323, 575

Цимбаев Н. И. — 594

Чаадаев П. Я. — 325, 576
Чевкин К. В. — 153, 565
Черкасский В. А. — 144, 559, 561, 564,
565

Шеллинг (Schelling) Ф. В. Й. — 12, 44,
323, 555

Шлецер Х. А. — 12
Штиглиц А. Л. — 50, 67, 557
Шувалов П. П. — 135, 139, 141, 146,
147, 564

Щигельский — 217, 571

Содержание

Александр Иванович Кошелев

П. В. Акулышин, В. А. Горнов..... 5

А. И. КОШЕЛЕВ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ 33

Охота пуще неволи 35

Поездка русского земледельца в Англию
и на Всемирную выставку 39

О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах
и о мерах к продолжению войны с Турциею 49

Соображения касательно устройства
железных дорог в России (Ответ «Современнику») 69

Соображения о пользе устройства железной дороги
от Динабурга в Курскую губернию 77

Еще соображения касательно устройства
железных дорог в России 80

О необходимости уничтожения
крепостного состояния в России 100

Депутаты и Редакционные комиссии
по крестьянскому делу 134

Что такое русское дворянство и чем оно быть должно? 173

Конституция, самодержавие и Земская Дума 188

Письмо государю и записка о делах Царства Польского 213

О земских собраниях 232

О дворянстве и землевладельцах 248

О нынешнем положении крестьян
и о мерах к улучшению их быта 262

О городах и горожанах 283

О приходских попечительствах 292

О сельских школах 300

О мерах к сокращению пьянства в народе 311

Мои воспоминания об А. С. Хомякове 323

Об общинном землевладении в России.	332
Общая земская дума в России	375
Что же теперь делать?	424
Где мы? Куда и как идти?	464
Что же теперь?	503
О нынешнем положении сельского населения	545
КОММЕНТАРИИ	551
Библиография	594
Указатель имен	595

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

Кошелев Александр Иванович
Избранные труды

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*

Редактор *В. Г. Щербакова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *М. В. Минина*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*

Корректор *Н. Б. Стахеева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 37,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 293

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)